Ф. Х. ЗАГИДУЛЛИН

ТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1860–1905 ГГ.

© ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

С. Тевкелев

М. Султанов

Ш. Марджани

К. Насыри

Х. Фаизханов

И. Гаспринский

Г. Баруди

Ф. Халиди

З. Бигиев

Ис. Юнусов

А. Сайдашев

М. Галеев

А. Хусаинов

М. Хусаинов

М.-З. Рамеев

И. Акчурин

А. Яушев

З. Шафигуллин

И. К. ЗАГИДУЛЛИН

ТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1860–1905 гг.

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2014

УДК 94(47)
ББК 63. 3(2Рос=Тат)51
З-14

Загидуллин, И. К.

З-14 Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. : монография / И. К. Загидуллин. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2014. – 423 с.
ISBN 978-5-298-02813-4

Основанная на материалах прошений и петиционных кампаний мусульманского населения округа ОМДС монография повествует об участии различных социальных слоёв – дворян, купцов, духовенства и крестьян – в национальном движении по защите и развитию религиозно-культурной автономии, рассматриваются причины, предпосылки, формы его проявления.

Книга адресована студентам, преподавателям, всем тем, кто интересуется историей общественных движений мусульманских народов в Российской империи.

УДК 94(47)
ББК 63. 3(2Рос=Тат)51

ISBN 978-5-298-02813-4

© Татарское книжное издательство, 2014
© Загидуллин И. К., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

Глава I. Социокультурное развитие мусульман 18
Социально-демографические процессы среди мусульман 18
ОМДС – головное звено религиозно-культурной автономии 38
Социально-культурные процессы и особенности модернизации в мусульманском сообществе . . . 49

Глава II. Этноконфессиональная политика самодержавия в отношении татар-мусульман 61
Татары в органах самоуправления: земских, городских и крестьянских 66
Соблюдение религиозных прав мусульман в гражданских учреждениях 73
Государственно-исламские отношения в призме социальной жизни и политика христианизации . 78
Противодействие российских властей созданию национальной периодики и особенности цензуры татарских книг 95
Школьная политика в отношении татар-мусульман 100
Введение русского образовательного ценза на мусульманское духовенство в округе ОМДС и его реализация 121

Глава III. Национальные элиты и Махкама-и Шаргия Ырынбургия 135
Татарские купцы и проблема выбора оренбургского муфтия в 1860-е гг. 135
Проект муфтия С. Тевкелева по реформированию ОМДС 1867 г. 147
«Программа» казанского купечества 1879 г. 156
Выборы и проекты выборов заседателей ОМДС 165
Национальные элиты и имперская власть: поиск кандидатуры нового муфтия в 1885 г. 179
Введение новой системы назначения кадиев ОМДС 193

Глава IV. Петиционные кампании против правительственной школьной политики и ущемления религиозных прав 201
Отношение мусульман к школьной политике правительства 201
Прошения мусульман Казанской губернии против установления правительственного контроля над конфессиональными учебными заведениями 1883 г. 216
«Приговорное движение» против введения русского образовательного ценза для кандидатов на мусульманские духовные должности 1888–1890 гг. 223
Петиционные кампании 1892–1894 гг. 256

Глава V. Движения вынужденного переселения татар в Османское государство 277
Движение мухаджиров в 1860-е гг. 277
Эмиграционные процессы в 1890-е гг. 286

Глава VI. Социальные протесты крестьян под «религиозной оболочкой» 296
Особенности антиправительственных выступлений крестьян-мусульман 296
Татарское крестьянское движение 1878–1879 гг. 307
Выступления мусульманских сельских обществ против проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. 344

Глава VII. Новые явления в национальном движении на рубеже столетий 360
Идеологическая борьба в мусульманском общественном движении 360
Деятельность ОМДС по реформированию управления духовными делами мусульман 366
Габдерашит Ибрагимов: общественно-политическая деятельность 392
Петиционная кампания 1905 г. 400

Заключение 417
Список сокращений 423

ВВЕДЕНИЕ

Формирование на рубеже XVIII–XIX вв. новых татарских элит, которые были инкорпорированы в сословную иерархию (купечество и дворяне) и получили высокое общественное положение среди единоверцев (мусульманское духовенство), способствовало качественным изменениям в социокультурном развитии народа и выразилось, прежде всего, в мусульманском реформаторстве, просветительстве и начале европеизации национального образования. В новых условиях были востребованы качественно новые идеи, светские знания, подготовленные национальные кадры, отвечающие вызовам времени. Ратуя за обновление общественной жизни, национальная буржуазия преследовала и свои корпоративные интересы. Стали востребованными люди с известным минимумом светских знаний, которые могли бы вести дело практически, развивая капиталистическое производство.

В доиндустриальных, аграрных обществах, каковой являлась Россия, религия играла важнейшую роль в формировании общественного сознания народных масс. В условиях отсутствия государственных институтов ислам стал ключевым фактором в сохранении этноконфессиональной идентичности, развитии культуры и национального возрождения. Мусульманские учёные региона конструктруировали религиозную идентичность мусульманской диаспоры на основе преданий о происхождении от волжских булгар. «Такая мусульманская идентичность объединяла различные в языковом и социальном отношении региональные группы и создала основу для образования нации», – отмечает А. Каппелер[1]. В рассматриваемый период у мусульман Поволжья и Приуралья отсутствовали экономические и культурные контакты с единоверцами Кавказа, западных губерний и Крыма. Небольшая группа татар-джадидистов общалась с редактором газеты «Тарджеман», издаваемой в Бахчисарае И. Гаспринским. Тесное экономическое и культурное взаимодействие с середины XVIII в. происходило с казахами – представителями «кочевого ислама», и Средней Азией.

В данный период самоназвание «татары» в самом татарском сообществе Поволжья и Приуралья ещё прочно не утвердилось вследствие дисперсного расселения, привилегий военно-служилого сословия и доминирующего исламского религиозного менталитета населения. Поэтому татары, как правило, именовали себя «мусульманами»[2], а также «тюрками», «тептярями», «мещеряками», «башкирами»[3].

---

[1] *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / сост.: П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М., 2005. – С. 418.

[2] *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. – Казан, 1984. – 7 т. – 5 б.

[3] *Роднов М. И.* Мусульманское крестьянство нижнебельского левобережья к 1920 году (на примере Илишевской волости) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. ст. – Казань, 2011. – Вып. 2. – С. 81–86.

Однако все эти группы объединяла мусульманская идентичность, единая система религиозного образования, литературный язык, общие ценности, единство культурных традиций. Отсутствие глубоких социальных противоречий, влияние на этническое самоопределение социально-сословного статуса, закреплявшего в Приуралье привилегии экономического характера, фактор инокультурного окружения способствовали формированию в округе ОМДС «мусульманской нации», представленной татарами и башкирами.

Одним из первых о необходимости идентификации себя татарами указал Ш. Марджани. В конструировании татарской нации большую роль сыграл К. Насыри, который дал первое толкование понятия «татарская нация». К признакам татарской нации просветитель относил: происхождение («татары, живущие в Сибири, Оренбургской, Казанской и других губерниях правой стороны Волги и в Астраханской губернии»), общность государства («живущие в России»), культуры («имеют свою литературу»), язык («среднее или татарское, на котором говорят народы тюркского племени, мы обычно называем татарским языком»)[1].

В своём теоретическом труде «Миллəт вə миллият» («Нация и национализм», Оренбург, 1914) Дж. Валиди назвал период распространения новометодного образования с 1885 по 1905 г. временем формирования общего национального самосознания[2]. В 1914 г. Дж. Валиди писал об этих же группах населения, исходя из общности их языка и традиций, как о составных частях формирующейся татарской нации, включая в её состав поволжских татар, мещеряков и башкир, и подчёркивал, что мишарство, башкирство могут быть только в деревне; «окультуровшись» в условиях города все становятся татарской нацией[3].

Помимо развития капиталистических отношений, на темпы которых оказывал воздействие протекционизм правительства, укажем те факторы, которые позитивно влияли на культурное развитие татарского общества. Привлечение имперской властью в середине XVIII в. татарских крестьян Казанской губернии вследствие неспособности русских купцов к налаживаю торгово-экономических связей с казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами дали толчок ускоренному формированию нового купеческого сословия и накоплению национального капитала, позволившему возродить систему среднего религиозного образования в Волго-Уральском регионе на основе среднеазиатской модели. Книгопечатание способствовало повышению грамотности, религиозности мусульманского населения. Открытие Казанского университета, публикация преподавателями «восточного разряда» рукописей по средневековой тюрко-татарской истории повышали интерес к прошлому мусульманских народов. Деятельность ОАИЭ при Казанском университете, учреждённого в 1878 г., стала успешной площадкой сотрудничества университетских профессоров с татарскими просветителями по изучению национальной истории и культуры. Либеральные законы, задававшие тон развитию российского общества, оказывали влияние и на социальные процессы в татарском сообществе. Особо следует отметить введение

---

[1] *Юзеев А. Н.* Ислам и национальная идентичность казанских татар во второй половине XIX–XX в. // Ислам и проблема идентичности татар : сб. ст. – Казань, 2002. – С. 27–28.

[2] *Вəлиди Ж.* Миллəт вə миллият // Жамал Вəлиди. Əдəби һəм тарихи-документаль җыентык / төз.: Д. Абдуллина, Ж. Миңнуллин. – Казан, 2010. – 65 б.

[3] Там же. – С. 70–72.

в 1874 г. всеобщей всесословной воинской повинности. Отныне с воинской службы молодые татары возвращались с опытом проживания в русской среде, увидев воочию величие страны и её экономические достижения, освоив русский язык и нередко обучившись русской грамоте, что создавало благоприятные условия для ведения в поликультурной среде предпринимательской и хозяйственной деятельности. Обязательный воинский призыв новобранцев с 21-летнего возраста прервал традиции долговременного обучения в традиционных учебных заведениях – из медресе шакирды уходили в армию. В случае занятия в будущем отставными солдатами духовных должностей их оценка новых явлений в жизни мусульман значительно отличалась от позиции духовенства старшего поколения, они во многом формировали социальную базу для распространения обновленческих идей[1].

Огромное влияние на социокультурные процессы среди мусульман оказывали отсутствие гражданского общества в России – наследие крепостнических порядков, деление властью этноконфессиональных меньшинств на «инославных» и «инородцев», существование сословных ограничений. Если учесть тот факт, что татарское население в Поволжье в результате петровских преобразований было приписано к низшему, податному, сословию, то именно для таких «крестьянских» народов, занимающих непривилегированную нишу в сословной иерархии империи, наличие гражданских свобод имело судьбоносное значение для развития национальной культуры и нациестроительства. Как совершенно справедливо отмечал А. Каппелер, отсутствие гарантированных гражданских прав и свобод препятствовало действию таких решающих для становления нации факторов, как возникновение организаций (обществ), наличие коммуникативных сетей (прессы), проведение крупных собраний и манифестаций[2].

Демократические свободы (свобода слова, собраний, партийное строительство), введённые российской властью в 1905 г., привели к ускоренному развитию национальной культуры и качественно новым явлениям в татарском национальном движении в начале XX в., что лишний раз свидетельствует об огромном влиянии на нациестроительство внутриполитического курса правительства и общественного развития российского общества. В частности, после 1905 г. большинство национальных газет стало печататься на «народном» языке (концепцию которого разработал К. Насыри), понятном для всех категорий населения. Опробованный в татарских календарях опыт использования «народного» языка и полемика в периодической печати о судьбе нации могли начаться несколькими десятилетиями раньше, если бы власть удовлетворила прошения татарских интеллектуалов на издание газеты на татарском языке. Иначе говоря, на реализацию имеющегося потенциала самым непосредственным образом влияли внешние факторы.

Эти обновленческие процессы отчётливо запечатлелись в истории татарской литературы, постулатом развития которой выступало «Возрождение», поставившее во главу угла светский характер культуры и её антропоцентризм (т. е. интерес,

---

[1] В то же время уменьшение количества рабочих рук в крестьянском хозяйстве вследствие тотального призыва на воинскую службу привело к сокращению численности и времени обучения не только шакирдов в медресе, но и девушек у абыстай, жены муллы (*Фәхретдин Р.* Уйгану вә яналык тарихы // Чын мирас. – 2012. – № 2–3. – 89 б.).

[2] *Каппелер А.* Указ. соч. – С. 400.

прежде всего, к человеку и его деятельности). В 1-й половине XIX в. татарская литература представляла собой сложную картину, отдельные элементы которой готовили последующий переход от средневековой, религиозной концепции личности к просветительской. В пореформенный период она переросла в мощное просветительское движение, выразившееся в постепенном осмыслении самоценности и гражданского предназначения человека. Следующим этапом стало «Высокое Возрождение» в начале XX столетия, названное «золотым веком» татарской культуры. Бурное развитие татарской периодической печати, издательского дела, поворот к светскому образованию, новая культурологическая ориентация от Востока к Западу стали импульсом для формирования новых тенденций в культуре.

Власть, опиравшаяся на концепцию «православие, самодержавие, народность», сознательно порвала с имперской традицией[1]. На волне либеральных реформ 1860–1870-х гг. российская власть начала конструировать в Европейской России «национальное государство», игнорировавшее или минимально учитывающее интересы, нужды и потребности этноконфессиональных меньшинств. Одновременно усиливалось давление самодержавия на окраины с целью их ускоренной трансформации по общеимперской модели.

В пореформенный период началось наступление на татарскую школу с целью поставить под правительственный контроль этот ключевой институт, который обеспечивал татарскому подрастающему поколению сохранение своей этноконфессиональной идентичности, что актуализировало проблему противостояния ассимиляторским явлениям. Вследствие колониальных завоеваний новых территорий и увеличения численности мусульман в России, модернизационных процессов в татарском обществе «мусульманский вопрос» к концу столетия приобрёл общеимперское звучание. Представители национальных элит стали рассматривать политику власти в различных регионах по отношению к тюркским народам как часть единого внутриполитического курса в отношении «российской уммы».

В рассматриваемый период не происходило обрусения ни татарской элиты, ни простонародья. Однако внутриполитический курс власти, направленный на усиление контроля над системой исламского образования, миссионерская деятельность РПЦ способствовали формированию неоднозначного отношения и дистанцированию основной массы татар от русских учебных заведений. А. А. Рорлих указывает, что борьба за сохранение своей «мусульманской» идентичности в конечном счёте работала на рост у татар национального самосознания, на осознание ими необходимости достижения в Российской империи национального равноправия[2]. В ответ на действия властей по усилению контроля над религиозно-культурной автономией татарское общество старалось добиться соблюдения гарантированных законом прав. Культурное возрождение, за которое ратовали татарские джадидисты, являлось по сути ответом на национальное угнетение имперской власти. Язык и религия стали для них своеобразными маркерами европеизации. Развитие русской культуры, деятельность Казанского университета, учёных-востоковедов, КТУШ и учебных

---

[1] *Цимбаев Н. И.* Российская имперская государственность: к пониманию проблемы // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж, 2004. – С. 30, 32.

[2] *Исхаков Д. М.* Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997. – С. 8.

заведений, учреждённых правительством для мусульман, книгопечатание и т. д. создавали условия и способствовали европеизации татарского социума.

Неотъемлемой частью нациестроительства 2-й половины XIX – начала XX в. являлось национальное движение татар Поволжья и Приуралья, которое в 1905 г. после создания всероссийской партии «Иттифак аль-муслимин» перешло в качественно новую стадию своего развития, апогеем которого стала парламентская деятельность, обозначившая новый этап в развитии татарской нации и национальных движений тюркских народов России.

Какие социальные группы и личности выступали в качестве движущей силы, какие лозунги выдвигались и какие проблемы объединяли социальные слои населения, мусульман различных регионов, какая тактика была у сословных групп в национальном движении до 1905 г., до создания всероссийской партии «Иттифак аль-муслимин»? Данная монография посвящена первому этапу национального движения «мусульманской нации» Поволжья и Приуралья, которое проходило под «религиозной оболочкой».

Источники. В 1936 г. учёные Архивно-археологического института АН СССР выпустили сборник документов «Материалы по истории Татарии второй половины XIX в.»[1]. Источниковую базу данного фундаментального издания составляют делопроизводственные документы фондов центральных архивов. Издание является единственным сборником документов о национальном движении 50–70-х гг. XIX в. Отдельные антиправительственные выступления татар и башкир пореформенного периода нашли отражение в многотомном сборнике документов о крестьянском движении в России[2].

Помимо «Полного собрания законов Российской империи» и «Свода законов Российской империи», где сосредоточены законодательные нормативные акты, регламентирующие статус российских подданных и конфессий, наличие изданий, сборников циркуляров различных министерств, тематических сборников по вопросам крестьянского законодательства, о вероисповедании и др. значительно облегчило изучение различных аспектов социально-правового положения татар и башкир[3].

Из периодической печати нами изучены публикации в газетах «Тарджеман» И. Гаспринского, а также «Волжский вестник», «Казанский телеграф», «Оренбург-

---

[1] Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. – М. ; Л., 1936. – Ч. 1.

[2] Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. : сб. док. / под ред. А. В. Шапкина. – М., 1959; Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг. : сб. док. / под ред. А. С. Нифонтова и Б. В. Златоустовского. – М., 1960; Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. : сб. док. / под ред. П. А. Зайончковского. – М., 1968 и др.

[3] Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской и военно-конской повинностей 1874–1906 гг. – СПб., 1906; *Богомазов П.* Законы о крестьянах и крестьянских учреждениях. – М., 1902–1908. – Вып. 1–2; Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. – Казань, 1899; *Никольский Н. В.* Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. – Казань, 1919; Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг. / сост. Р. Фахрутдинов. – Уфа, 1902; Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. / сост. Р. Фахрутдинов. – Уфа, 1905; Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб., 1869; Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – Уфа, 1999 и др.

ский листок», «Известия по Казанской епархии», «Циркуляры Казанского учебного округа», «Циркуляры Оренбургского учебного округа» и др.

Значительную часть источников по теме исследования составляют неопубликованные материалы. В фондах органов политического сыска Российской империи (НА РТ. – Ф. 199. – Казанское губернское жандармское управление; ГА РФ. – Ф. 102. – Департамент полиции) отложились материалы о настроениях в татарском и башкирском обществах, описания различных слухов, циркулировавших среди мусульманского населения. Документы Казанского (НА РТ. – Ф. 2), Самарского (СГОА. – Ф. 3), Оренбургского губернских правлений (ЦГИА РБ. – Ф. И-1) представляются важными, прежде всего, для изучения реализации религиозных и гражданских прав мусульман, возвратившихся в ислам крещёных татар.

Фонды канцелярии министра внутренних дел (РГИА. – Ф. 1282) и Департамента общих дел МВД (РГИА. – Ф. 1284) привлекли внимание сохранившимися сообщениями о татарском крестьянском движении 1878–1879 гг.

В реконструкции исторических событий огромную научную ценность представляют документы фонда ДДДИИ (РГИА. – Ф. 821): информация о деятельности центральных властей по согласованию «мусульманского вопроса» в правительственных учреждениях, переписка с губернаторами, ОМДС и т. д.

Основными источниками при написании данной монографии послужили прошения, петиции от сельских обществ, доверенных общин или групп лиц, а также частных лиц.

По архивным материалам определены следующие адресаты петиционных кампаний.

Губернаторы. В губернские канцелярии поступали прошения от сельских и городских общин с просьбой опровергнуть циркулирующие слухи о крещении, о наказании русских за шовинистические высказывания, оскорбляющие религиозное достоинство мусульман, о разрешении переселиться в Османское государство, отменить нововведения правительства земства или губернской администрации, посягающие на традиционные ценности обществ, с просьбой «замолвить словечко» перед императором за мусульман и т. д. Другая группа прошений поступала в канцелярию губернатора из МВД в связи с отказом ходатая и высших властей. Эти документы, отложившиеся в фондах канцелярий начальников Казанской (НА РТ. – Ф. 1), Самарской (ГАСО. – Ф. 3), Оренбургской губерний (ГАОО. – Ф. 10), Оренбургского гражданского губернатора (ГАОО. – Ф. И-6), Оренбургского военного губернатора (ГАОО. – Ф. И-2), позволяют определить общее и особенное в пассивной форме протеста крестьян, духовных лиц и купцов, определить масштабы неповиновений.

ОМДС (ЦИА РБ. – Ф. И-295). Практически по всем возникающим недоразумениям с представителями местной власти приходские духовные лица обращались в религиозное управление, прося защиты и помощи. Коллективные прошения от духовных лиц и приходов поступали в ответ на действия чиновников по принудительному распространению русского образования среди мусульман, ущемления их религиозных прав, меры правительства, направленные на установление контроля над деятельностью конфессиональных школ, исправления текстов религиозных книг и т. д. В случае нахождения вопросов в своей компетенции, ОМДС по возможности старалось решить эти проблемы в пользу просителей или возвращало ходатайство просителям обратно.

Центральные органы власти. Изученные нами прошения мусульман отложились в фонде сенатора Ковалевского (РГИА. – Ф. 1356) – поданы во время его посещения в 1880 г. с ревизорской проверкой Казанской губернии; в фонде Департамента полиции (ГА РФ. – Ф. 102) – прошение Г. И. Ибрагимова 1904 г. Абсолютное большинство прошений отложились в фонде ДДДИИ (РГИА. – Ф. 821), куда входят «школьные прошения», направленные против полицейских мер по распространению русского образования через создание сети специальных учебных заведений для мусульман, по установлению контроля над исламскими конфессиональными школами, а также против введения русского образовательного ценза для кандидатов на мусульманские духовные должности, жалобы на неправомерные действия губернских властей, ущемляющие их религиозные права, прошения «отпавших» о разрешении перейти в ислам или закрепиться в мусульманском приходе, просьбы о гарантии соблюдения религиозных прав российских мусульман и т. д. Среди них особо следует отметить записки ахуна 2-го прихода Санкт-Петербурга Г. Баязитова и крымско-татарского просветителя И. Гаспринского, в которых они в корректной форме выражают своё мнение о реализуемой политике в отношении единоверцев, и анонимные прошения, где порой без соблюдения субординации и уважительного отношения излагаются требования к власти. Здесь же хранятся прошения общин и частных лиц после издания именного «высочайшего» указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. с претензиями на достижение равноправия с русским населением империи. Ряд копий прошений, поступивших от татар, башкир и казахов Оренбургской губернии по этому поводу, докладная записка оренбургского муфтия М. Султанова 1905 г., адресованная председателю Комитета министров, отложились в фонде Ф. Карими (НА РТ. – Ф. 1370).

Среди документов ГА РФ (Ф. 102), НА РТ (Ф. 1) и РГИА (Ф. 821) нами выявлено несколько прокламаций, воззваний на татарском языке с призывом не подчиняться властям, противодействовать русификаторской политике империи, петиции к правительству с требования равноправных прав для мусульман.

Большое значение для раскрытия темы имеют публикации Р. Фахретдина[1] и Ю. Акчуры[2], воспоминания, принадлежащие перу Ф. Карими[3] и Х.-Г. Габаши[4] о деятельности неофициальной организации «Ислахый мәктәб вә нәшери мәгарифе

---

[1] *Фәхретдин Р.* Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. – Беренче жөзьэ. – Оренбург, 1907; *Его же.* Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. – Икенче жөзьэ. Оренбург, 1908; *Фәхреддин Р.* Асар. – 1 т. / фәнни мөх. М. Усманов; төз.: Р. Мәрданов, Р. Миннуллин. – Казан : Рухият, 2006; *Фәхреддин Р.* Асар. – 2 т. / фәнни мөх. М. Усманов; төз.: И. Гыймадиев, Р. Миннуллин, С. Бәһәвиева. – Казан : Рухият, 2009; *Фәхреддин Р.* Асар. – 3–4 т. / фәнни мөх. М. Усманов; төз.: Л. Байбулатова, Р. Йөзмөхәммәтов, А. Салахов, Р. Миннуллин, И. Гыймадиев, С. Хафизова. – Казан : Рухият, 2010; *Фәхреддин Р.* Дини һәм иҗтимагый мәсьәләләр : сайланма хезмәтләр / фәнни мөх. И. Гыймадиев; төз.: Л. Гобәйдуллин, Р. Миннуллин. – Казан : Рухият, 2011; *Фәхреддин Р.* «Җәвамигуль кәлим» шәрехе / мөх. И. Гыймадиев. – Казан : Рухият, 1995; *Фәхретдин Р.* Уйгану вә яналык тарихы // Чын мирас. – 2012. – № 2–3. – 81–94 б.

[2] Йосыф Акчура: әдәби, тарихи әсәрләр һәм мәкаләләр жыентыгы / Мәсгут Гайнетдинов. – Казан, 2011.

[3] *Кәрими Ф.* Аннан-моннан. – Оренбург, 1907.

[4] *Габаши Х.-Г.* Тәржемәи хәлем. – 33 б. // Казан федераль университеты Фәнни китапханәсенең сирәк китаплар һәм кулъязмалар бүлеге. – 1542 т.

мөслимин» («Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновлённых учебно-методических пособий»), воспоминания муллы д. Малая Ирга Лаишевского уезда Казанской губернии Т. Ибрагимова о проведении Первой всеобщей переписи в его приходе и русификаторской политике правительства[1], дневниковые записи Габд. Ибрагимова[2], воспоминания современников о меценате и оренбургском купце 1-й гильдии Гани Хусаинове[3] и др.

В 1917 г. сотрудник ДДДИИ С. Г. Рыбаков издал отдельной брошюрой свою аналитическую записку «Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России», в которой, в частности, дал краткий анализ прошениям мусульман, поступившим в 1905 г. в Комитет министров[4].

Об обращении татар к международному исламскому сообществу по поводу ущемления религиозных прав мусульман в России писал в 1905 г. А. Вамбери[5].

Один из первых татарских «марксистов-историков»[6] Г. Ибрагимов в своём фундаментальном труде «Революционные движения среди татар» основное внимание уделил революционному движению, а общественно-политическую деятельность национальной буржуазии, съезды партии «Иттифак эл-муслимин» изложил по книге М. Бигиева «Ислахат әсаслары» («Основы преобразования», Пг., 1917). По его мнению, лишь после поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. у татарской буржуазии «прорубился голос», именно её представители стали превращать меджлисы, свадьбы в маленькие «митинги», на которых обсуждали общественные проблемы, высказывали суждения о судьбе религии и нации. Именно в таких меджлисах были сделаны первые шаги по подаче петиций, одновременно стало практиковаться отправление представителей к министру и императору. Из более ранних событий Г. Ибрагимов выделяет «мелкие выступления под религиозной оболочкой («дин пәрдәсенә капланып») за исламскую религию («дин өчен аң белән чыктылар»)». Движение миграции в Турцию он называет ответной реакцией традиционалистов («иске динчеләр») на цензорские правки религиозных текстов в 1890-е гг. По его мнению, одной из форм протеста против переписи населения 1897 г. также стало движение мухаджиров. Из других событий Галимджан Ибрагимов упоминает лишь издание Габдерашитом Ибрагимовым нелегальной книжки «Чулпан йолдызы» («Утренняя звезда») и написанные в качестве противодействия миссионерам прокламации; называет последнего «историческим колокольчиком татарского феодально-буржуазного мира» («татар феодал-буржуа дөньясының тарихи кыңгыравы»). Самодержавие ущемляло права татарского общества, особенно в сфере национальной культуры, не разрешая создавать национальную периодиче-

---

[1] Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова (Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 240).

[2] *Ибраһим Г.* Бөгәделек көндәлеге / кереш сүз, факсимиле һәм гарәп транскрипциясе Ә. Бостанов; татар. тәрж. Д. Гыйльметдинов. – Казан, 2013.

[3] Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / төз. М. Ф. Рахимкулова. – Оренбург, 1998.

[4] *Рыбаков С. Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917.

[5] *Вамбери А.* Пробуждение татар / пер. А. Арслановой // Татарстан. – 1996. – № 11. – С. 26–30.

[6] *Мөхәррәмов М. К., Алишев С. Х.* Галимжан Ибраһимов – тарихчы // *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. – 7 т. : Тарихи хезмәтләр (1911–1927). – Казан, 1984. – 490 б.

скую печать, открывать театры, проводить съезды и т. д., из-за чего национальная буржуазия держала обиду в себе, не создавая тем не менее какой-либо тайной организации[1].

В 1920-е гг. были введены в научный оборот новые документы о национальном движении 1878–1879 гг.[2], в 1930-е гг. оно оценивалось как антиправительственное выступление крестьян[3]. В последующие десятилетия общественное движение татарских крестьян было «растворено» в аграрной истории, оно рассматривалось исключительно в контексте изучения многонационального крестьянства края[4].

В советскую эпоху в условиях доминирования концепции классовой борьбы и воинствующего атеизма изучение общественной деятельности татарской буржуазии, дворянства и мусульманского духовенства, роли религии в духовной жизни народов являлись негласно запретными темами или же оценивались тенденциозно.

---

[1] *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. – 7 т. : Тарихи хезмәтләр (1911–1927). – Казан, 1984. – 266–268, 355–356 б.

[2] Г. Губайдуллин опубликовал копию ходатайства татарского общества в МВД с жалобой на незаконные действия губернатора в Казанском уезде в 1878 г. (см.: *Губайдуллин Г. С.* Документ о движении среди татарских крестьян в 1878 году // Вестник научного общества Татароведения. – Казань, 1925. – № 1–2. – С. 38–40). Позже Гали Рахимом были введены в научный оборот воспоминания очевидца этого восстания (см.: *Рахим А.* К вопросу о крестьянском движении 1878 года // Вестник научного общества Татароведения. – Казань, 1928. – С. 144–151).

[3] В своей книге «Прошлое Татарии» профессор Н. Н. Фирсов кратко изложил ход этих событий (см.: *Фирсов Н. Н.* Прошлое Татарии. – Казань, 1926. – С. 39–40). И. Л. Морозов считал, что восстание 1878–1879 гг. «в Татарии является одним из показателей нарастания революционной борьбы общероссийского размаха». В то же время он указал на участие в восстании «по примеру татар» чувашей и мордвы, а также его распространение в Самарской губернии, поставил вопрос о необходимости изучения поведения «отдельных классовых группировок крестьянства» (см.: *Морозов И. Л.* Экономика татарской пореформенной деревни и массовое движение татарского крестьянства в Татарии 50–70-х гг. XIX в. // Материалы по истории Татарии. – М. ; Л., 1936. – Вып. 1. – С. LIX).

[4] Е. И. Чернышев, изучив значительный источниковый материал, написал объёмную статью про события 1879–1879 гг. (см.: *Чернышев Е. И.* Волнение казанских татар в 1878 г. // Вестник научного общества Татароведения. – Казань, 1927. – № 7. – С. 172–202), описав практически весь ход восстания в Казанском уезде. Н. Н. Фирсов и Е. И. Чернышев основной причиной волнений татарских крестьян указали боязнь христианизации. В последующем произошло изменение точки зрения последнего на причины движения татарских крестьян 1878–1879 гг. – главной причиной было названо ухудшение социально-экономического положения татарского сельского податного населения (см.: История ТАССР. – Казань, 1955. – Т. I. – С. 358–360).

Из исследователей последующего времени существенный вклад в разработку проблем аграрной истории татарской пореформенной деревни внесли С. И. Даишев и Ю. И. Смыков. В кандидатской диссертации С. И. Даишева впервые освещаются отдельные моменты волнений татарских крестьян Казанской губернии, спровоцированные законом об образовательном цензе для мусульманских духовных лиц, против проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Отмечается прямая связь выступлений крестьян с религиозным угнетением и их трудным экономическим положением (см.: *Даишев С. И.* Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Казанской губернии в конце XIX века. : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1955; *Его же.* Из истории классовой борьбы в деревне Казанской губернии в конце XIX века // Учёные записки Казанского университета. – Казань, 1957. – Т. 117. – Кн. 2. – Вып. 1. Ю. И. Смыковым была проделана большая работа по изучению классовой борьбы многонационального крестьянства Среднего Поволжья (Казанская, Сибирская, Самарская губернии), в том числе татарского, он выявил динамику и основные этапы крестьянского движения пореформенного периода (см.: *Смыков Ю. И.* Крестьянство Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60–90-е годы XIX века. – Казань, 1973).

Не способствовала анализу протестного движения как целостного явления советская традиция ведения научных изысканий по условным периодам и в границах отдельных губерний. Первое обстоятельство, вследствие ограничения изучения общественного движения пореформенного периода 60–90-х гг. XIX в., не позволяло увидеть его трансформацию в начале XX в., которое считалось уже другой исторической эпохой. Второе обстоятельство лишало учёных возможности рассмотреть во всём многообразии формы и массовость протеста мусульман. В результате невозможно было проследить преемственность в событиях 2-й половины XIX и начала XX в.

Первую попытку комплексного рассмотрения процессов нациестроительства у татар была предпринята М. М. Хасановым. В его монографии «Образование татарской буржуазной нации» имеется специальный раздел «Национальное движение». Петицию казанского купечества 1879 г. автор справедливо именует «открыто» выдвинутой «либерально-националистической программой», считает, что его требования отражали «в основном интересы имущих классов и мусульманского духовенства, носили умеренный характер, ничуть не затрагивающие основы существующего строя», движение не стало более радикальным, «по мере обострения классовой борьбы татарская буржуазия смыкалась с царизмом, русской буржуазией, и вместе с ними выступала против рабочих и крестьян»[1]. Таким образом, признавая либерально-реформаторский, национальный характер движения татарской буржуазии, автор, в конечном счёте, сводит его к национал-либерализму, «заключавшемуся в отстаивании собственных классовых интересов под видом заботы нации в целом». Автор считает, что татарская буржуазия не была в состоянии руководить национально-освободительным движением, объединить вокруг себя народные массы[2].

Составной частью национального движения М. М. Хасанов правомерно указывает джадидизм, возникший в 1880-е гг., и рассматривает его через призму борьбы кадимистов и джадидистов, как «культурологическое движение», имеющее «узкоклассовый, националистический характер», констатирует при этом, что большинство джадидистов в начале XX в. вошло «в националистическую партию либеральной буржуазии «Союз мусульман», действовавшую под флагом пантюркизма и панисламизма»[3]. Из этих двух компонентов состоит, по мнению автора, первый сегмент национального движения, представители которого (буржуазия и мусульманское духовенство) не выходили за рамки узкоклассовых требований и не ставили вопрос о борьбе с царизмом. Вторым сегментом национального движения М. М. Хасанов считает начавшееся под религиозной оболочкой крестьянское движение 1878–1879 гг., в ходе которого в трёх татарских волостях Казанского уезда было установлено крестьянское самоуправление, что свидетельствовало о его ярко выраженном социальном характере. Выступления крестьян, низов татарского общества, оцениваются автором как «революционно-демократическое движение», отражающее интересы крестьянства, которое было направлено «против национально-колониальной политики царизма, против пережитков крепостничества,

---

[1] *Хасанов Х. Х.* Образование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977. – С. 144.
[2] Там же. – С. 143, 144.
[3] Там же. – С. 146–147, 152.

против феодальной знати и мусульманского духовенства, задерживающих социальный прогресс нации. Всё это явилось основой национально-освободительного движения татарского народа»[1]. Помимо довлеющей концепции классовой борьбы, такие категоричные и тенденциозные оценки были обусловлены, на наш взгляд, слабой изученностью темы и узостью источниковой основы монографии.

В советской историографии в различные периоды в зависимости от доминирующей идеологии джадидизм оценивался по-разному: как часть просветительского движения, направленного на европеизацию национальной культуры и преобразование общественной жизни в соответствии с современными требованиями[2]; как культурно-просветительское и одновременно как важнейший фактор нациестроительства[3]; как национально-буржуазное движение, представители которого обвинялись в пантюркизме и панисламизме, противопоставлялся просветительству[4].

В современной историографии продолжается поиск сути джадидизма как социокультурного феномена и политического реформаторства[5], достигнуты успехи в изучении школьной политики имперской власти в отношении мусульман Волго-Уральского региона[6].

В постсоветский период наблюдается расширение сферы научных изысканий в области изучения социального поведения татарского крестьянства. По материалам Казанской губернии было установлено, что большинство выступлений татарских крестьян в пореформенный период было вызвано не экономическими мотивами, а обострением «мусульманского вопроса» в Российской империи, а также «причастностью» к крестьянским волнениям приходского духовенства и татарского купечества[7].

---

[1] *Хасанов Х. Х.* Указ. соч. – С. 152–159.

[2] *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы поволжских татар до революции 1917 г. – М. ; Пг., 1923; *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. – 7 т. Тарихи хезмәтләр (1911–1927). – Казан, 1984; *Нафигов Р. И.* Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. – Казань, 1964.

[3] *Вәлиди Ж.* Милләт вә миллият // Җамал Вәлиди : әдәби һәм тарихи-документаль җыентык / төз.: Д. Абдуллина, Ж. Миңнуллин. – Казан, 2010. – 37–88 б.

[4] *Фасеев К. Ф.* На путях пролетарского интернационализма (утверждение идей интернационализма в татарской общественной мысли и культуре). – Казань, 1971; *Абдуллин М., Батыев С.* Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. – Казань, 1977; *Хасанов Х. Х.* Образование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977 и др.

[5] *Исхаков Д.* Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань, 1997; *Хабутдинов А. Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX в. – Казань, 2001 ; *Его же.* От общины к нации: татары на пути от Средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX в.). – Казань, 2008; *Мухаметшин Р. М.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005; *Махмутова А. Х.* Пора и нам зажечь зарю свободы! Джадидизм и женское движение. – Казань, 2006 и др.

[6] *Махмутова А. Х.* Становление светского образования у татар (борьба вокруг школьного вопроса. 1861–1917). – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982; *Фархшатов М. Н.* Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917). – Уфа : Гилем, 2000; *Саматова Ч. Х.* Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). – Казань : Татар. кн. изд-во, 2013 и др.

[7] *Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.) : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1992.

Началось последовательное изучение татарских крестьянских выступлений против Первой всеобщей переписи населения 1897 г., вызванных различными слухами о крещении[1], движения возвращения крещёных татар в ислам[2].

Заложенное в работе А. Аршаруни и Х. Габидуллина «Очерки панисламизма и пантюркизма в России»[3] отношение к национальной буржуазии, за которой были «закреплены» такие качества, как нерешительность и неуверенность в политической борьбе, в разных вариантах повторялось в трудах последующего поколения советских историков[4].

Лишь в постсоветский период произошла «реабилитация» татарского купеческого сословия. На современном этапе активно исследуются торгово-предпринимательская, производственная и благотворительная деятельности купечества в целом и отдельных его представителей[5]. Р. Р. Салиховым изучены общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани, вопросы взаимодействия татарской буржуазии с властью, формирования охранительной идеологии мусульманского,

---

[1] *Загидуллин И. К.* Перепись 1897 г. и татары Казанской губернии. – Казань, 2000; *Марданов Р.* 1897 елгы халык исәбен алу һәм Алабуга өязе мөселман татарлары // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – № 1. – 47–58 б. и др.

[2] *Загидуллин И. К.* К вопросу отпадения крещёных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 года // Национальный вопрос в Татарии в дооктябрьский период : сб. ст. – Казань, 1990. – С. 66–78; *Кобзев А. В.* Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. – Нижний Новгород, 2007; *Исхаков Р. Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в). – Казань, 2011; *Верт П.* Православие, инославие, иноверие : очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. – М., 2012 и др.

[3] *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – М., 1931.

[4] *Фасеев К. Ф.* Из истории татарской передовой общественной мысли (вторая половина XIX – начало XX века). – Казань, 1955; *Его же.* На путях пролетарского интернационализма (утверждение идей интернационализма в татарской общественной мысли и культуре). – Казань, 1971; *Нафигов Р. И.* Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. – Казань, 1964 и др.

[5] *Свердлова Л. М.* На перекрёстках торговых путей. – Казань, 1991; *Её же.* Купечество Казани: дела и люди. – Казань, 1998; *Её же.* Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX в.). – Казань : Татар. кн. изд-во, 2011; Ахмет бай / сост. М. Ф. Рахимкулова. – Оренбург, 1997; Ганн байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / төз. М. Рәхимкулова. – Оренбург, 1998; *Гибадуллин М. З.* Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России (1861–1913 гг.) : дисс. ... канд. экон. наук. – Казань, 2001; *Таиров Н. И.* Акчурины. – Казань, 2002; *Нигамедзянов Ф. Ф.* Татарское купечество Казанской губернии (конец XIX – начало XX в.). – Казань, 2005; *Мухамадеева Л. А.* Торгово-промышленная и общественная деятельность купеческой династии Сайдашевых (вторая половина XIX – начало XX в.) : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2008; *Шайдуллина Р. Р.* Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусаиновых (вторая половина XIX – начало XX в.) : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010; Бертуган Рәмиевләр : фәнни-библиографик җыентык. – Казан, 2002; *Галимуллин Ф. Ф.* Публицистические произведения Габд. Ибрагимова как источники для изучения татарского общественно-политического движения (начало XX в.) : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003 и др.

предпринимательства его роли в обновленческих процессах в татарском обществе в конце XIX – начале XX в.[1]

На современном этапе развития гуманитарных наук появились новые труды отечественных и зарубежных историков по истории татарского и башкирского дворянства[2], мусульманского духовенства и мировоззрения общественных деятелей[3], по истории исламских религиозных институтов[4].

Огромное методологическое значение в понимании особенностей национального движения мусульман рассматриваемого периода в контексте национального движения других народов Российской империи, нациестроительства и осложнения «национального вопроса» в поликонфессиональном евразийском государстве имеют труды А. Каппелера[5], К. Ноака[6] и П. Верта[7].

---

[1] *Салихов Р. Р.* Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. – Казань, 2001; *Его же.* Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. – Казань, 2004.

[2] *Габдуллин И. Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. – М., 2006; *Азаматова Г. Б.* Интеграция национального дворянства в российское общество. На примере рода Тевкелевых. – Уфа, 2008; *Ильясова А. Я.* История башкирского дворянства : дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2010; *Байбулатова Л. Ф.* Из истории татарского мусульманского дворянства Российской империи XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья : сб. ст. – Казань, 2012. – Вып. 2. – С. 46–62 и др.

[3] *Фархшатов М.* Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь. – М., 1999. – Вып. 2. – С. 67–72; *Маликов Р. И.* Правовые основы деятельности и социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2012; Ризаэтдин Фәхретдин : фәнни-биографик җыентык. – Казан, 1999; Габдерәшит Ибраһим : фәнни-биографик җыентык / төз.: М. Госманов, Ф. Галимуллин. – Казан, 2011; Газиз Гобәйдуллин : фәнни-биографик җыентык. = Газиз Губайдуллин : научно-библиографический сборник. – Казан, 2002; Хөсәен Фәезханов : тарихи-документаль җыентык / төз.-авт. Р. Мәрданов. – Казан, 2006; *Мараш И.* Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917) / пер. с турец. – Казань : Иман, 2005; *Мухаметшин Р. М.* Татарский традиционализм: особенности и формы проявления. – Казань, 2005; *Фәхреддин Ризаэддин.* Дини һәм иҗтимагый мәсьәләләр : сайланма хезмәтләр / фәнни мөх. И. Гыймадиев ; төз.: Л. Гобәйдуллин, Р. Миңнуллин. – Казан : Рухият, 2011 и др.

[4] *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа, 1996; *Его же.* Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX в. – Уфа, 2000; *Арапов Д. Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). – М., 2004; *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. – Казань, 2007; *Кемпер М.* Суфии и учёные в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. И. Гилязова. – Казань : Российский исламский университет, 2008; *Мухаметзарипов И. А.* Функционирование шариата в округе Оренбургского магометанского духовного собрания в конце XVIII – начале XX в. – Казань, 2013 и др.

[5] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонной. – М., 1996.

[6] *Noack Ch.* Muslimische Nationsbildung und muslimische Nationalbewegung im Wolga-Ural-Gebiet (1860–1917). – Köln, 1999, *Ноак Х.* Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования нации (конец XIX – начало XX вв.) //Отечественная история. – 1998. № 5. – С. 147–158.

[7] *Wert P. W.* At the margins of orthodoxy mission, governance and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. – Ithaca and London : Cornell university press, 2001.

Движение татарских мухаджиров в XVIII – начале XX в. стало объектом изучения турецких учёных А. Кылынчо[1] и И. Тюркоглу[2].

Большие успехи достигнуты в изучении общественно-политического движения татар в начале XX в.[3], ваисовского движения[4]. С учётом локальной роли и места ваисовцев в национальном движении мусульман Волго-Уральского региона в данной работе мы сочли возможным воздержаться от освещения их деятельности.

В последние десятилетия изучение петиционной кампании мусульманского населения 1905 г. стало объектом внимания ряда учёных[5], благодаря публикациям которых в научный оборот введены новые источники, позволяющие в значительной степени по-новому взглянуть на общественные процессы среди мусульман Волго-Уральского региона.

---

[1] *Кылынч А.* Идел-Урал татарларының госманлы жирләренә XIX гасырның 70-нче елларына кадәрге күчешләре // Чын мирас. – 2012. – № 5–6. – 44–62 б.

[2] *Тюркоглу И.* Переселение из Волго-Уральского региона в Османскую империю и его причины (1876–1914 гг.) // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). – Н. Новгород, 2012. – С. 471–472; *Төрекуглы И.* XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы төрек-татар багланышлары // Чын мирас. – 2013. – № 1. – 7–17 б.; № 2. – 5–19 б.

[3] *Хабутдинов А. Ю.* Татарское общественно-политическое движение в первой половине XX в. : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1996; *Фахрутдинов Р. Г.* Татарский либерализм в конце XIX – начале XX веков : очерки политической истории. – Казань, 1998; *Усманова Д. М.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917). – Казань, 1999; *Её же.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. – Казань, 2005; *Дәүләт Надир.* Руссия төркиләренең милли көрәш тарихы (1905–1907). – Казан, 1998; *Ямаева Л. А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. – Уфа, 2002; *Исхаков С. М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007 и др.

[4] *Усманова Д. М.* Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. – Казань, 2009; *Шакуров К. Р.* Ваисовское движение в России в 1860–1930-е гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011 и др.

[5] *Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н.* «Кампания петиций» 1905 года как отражение общественного сознания мусульман России начала XX века // Известия Самарского научного центра – № 2. – С. 311–319; *Её же.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.) – Н. Новгород, 2007. – С. 215–244; *Фархшатов М. Н.* Мектеб или школа: прошения мусульман Волго-Уральского региона по вопросам образования за 1870–1890-е годы // Научный Татарстан. – 2010. – № 2. – С. 193–212; *Его же.* Петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 г.: о модернизации государственного устройства России // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). – Н. Новгород, 2012. – С. 76–89 и др.

ГЛАВА I

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАН

Социально-демографические процессы среди мусульман

В отечественной историографии начала XXI в. в научный оборот был введён термин «внутренняя окраина», который в значительной степени позволяет локализовать конкретные территории, административно-территориальные единицы по ключевым параметрам протекавших в местности социально-экономических, общественно-политических процессов, определить общие и особенные моменты социокультурной жизни населения данной местности по сравнению с другими губерниями. «Внутренняя окраина» олицетворяла собой некую «буферную зону», в которой интеграционные процессы постепенно усиливались, хотя сохранялись и многие черты архаичных общественных отношений. Другой особенностью была малочисленность в регионе русского населения.

Учредив в 1798 г. кантонную административную систему управления в Оренбургском крае, записав башкирские племена в полупривилегированное военно-служилое сословие, в рамках которого они получили широкую автономию в системе самоуправления, позволяющую сохранять самобытные традиции, власти добились их лояльности, тем самым сняв проблему конфронтационных отношений между населением и властью в регионе. Следующий этап интеграции региона в общеимперское политико-правовое поле ознаменовался припиской в 1865 г. башкир, мещеряков и тептярей в «сельские обыватели» – крестьянское сословие, и широкомасштабной русской хозяйственной колонизацией Приуралья.

По итогам прирезки земли 1866 г. бывшие государственные крестьяне, к которым принадлежало большинство татарского сельского населения в Волго-Камье, не становились хозяевами своих наделов, поскольку земля «выдавалась» общине. Эта незыблемость границ общины и её структуры сохранялась вплоть до аннулирования правительством выкупных платежей в начале XX в. Размежевание земель вотчинников и припущенников в Приуралье продолжалось вплоть до ликвидации Российской империи. В силу указанных обстоятельств и бывшие государственные крестьяне, и вотчинники, и припущенники не могли активно переселяться на свободные земли и образовывать новые починки. Можно констатировать, что земельные ревизии способствовали замедлению расширения хозяйственного освоения новых территорий на юго-востоке.

Наглядную картину демографических процессов среди мусульман в конце XIX в. иллюстрируют материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Таблица № 1

Численность мусульман в губерниях округа ОМДС в 1897 г.[1]

	Губернии	муж. пола	жен. пола	об. пола	%-е отношение к общему числу населения
1	Астраханская	160729	146279	307379	30,60
2	Вятская	65186	64342	129530	4,27
3	Казанская	307833	318014	625847	28,75
4	Нижегородская	17439	22968	40407	2,62
5	Оренбургская	190123	172676	362799	22,66
6	Пензенская	26588	31958	58546	3,98
7	Пермская	78940	69520	146460	4,96
8	Рязанская	2132	2729	4861	0,27
9	Самарская	143833	141180	285013	10,37
10	Саратовская	46616	47761	94377	3,92
11	Симбирская	63958	67915	131973	8,63
12	Тамбовская	6897	8781	15678	0,58
13	Тобольская	33991	30161	64152	4,47
14	Томская	22618	18215	40833	2,12
15	Уфимская	561205	537777	1098982	50, 03

Согласно сведениям переписи 1897 г., половину населения «пёстрые» по этносоциальному составу мусульмане составляли лишь в Уфимской губернии. Высокий удельный вес мусульман в Астраханской губернии достигался за счёт казахского населения Внутренней Букеевской Орды. 28,75 % жителей составляли татары-мусульмане в Казанской губернии. В Оренбургской губернии численность мусульман превышала одну пятую часть местного населения. В остальных губерниях численность мусульманского населения была незначительной.

Самая большая группа мусульман (более $^1/_3$) проживала в Уфимской губернии, чуть менее $^1/_5$ части – в Казанской, следующие крупные мусульманские анклавы располагались в Оренбургской (11 %) и Самарской (8,6 %) губерниях. «Кочевой ислам» олицетворяли казахи в Астраханской губернии (9,3 %).

В этноконфессиональной топографии уездов выделяется ряд местностей, в котором мусульмане составляли значительные анклавы. Например, в Белебеевском уезде мусульмане составляли 66,19 % жителей, в Мензелинском – 57,35 %, в Бирском – 52,72 %, в Стерлитамакском – 47,23%, в Уфимском – 36,9 % (Уфимская губерния), в Орском уезде – 47,19 % , в Верхнеуральском – 30,63 % (Оренбургская губерния)[2], в Мамадышском – 60,9 %, в Казанском – 53 %, в Лаишев-

[1] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. ввод. ст., комент. и прилож. Д. Ю. Аренов. – М., 2001. С. 324–326. (Прилож. III, табл. 1). Сведения пятого столбика подсчитаны нами.

[2] *Ямаева Л. А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. – Уфа, 2002. – С. 265, 265 (табл. VI и VIII).

ском – 36,8 %(Казанская губерния), в Бугульминском уезде – 46,7 % (Самарская губерния), в Буинском – 34,5 % (Симбирская губерния)[1] и т. д.

При разработке документации Первой всеобщей переписи населения 1897 г. организаторы статистического мероприятия предполагали идентифицировать через родной язык национальную принадлежность респондентов (см.: табл. № 2). В утверждённом Главной переписной комиссией списке наряду с турецким, татарским языками значились также «мещеряцкое», «тептярское» наречия, что было вызвано реалиями той эпохи (наслоение на национальное самосознание ряда групп мусульманского населения в Приуралье бывшего их сословного наименования, которое продолжало играть определённую роль в их социальной жизни и поведении, несмотря на приписку их в крестьяне).

Нередко при опросе местное население именовало себя «мусульманами»[2]. Поскольку этот термин означал конфессиональный этноним, и он не значился в списке «родных языков», в таких случаях переписчик по своему усмотрению делал пометку о родном языке респондента. Когда же респонденты называли своим родным языком «тюрки», переписчики записывали их ответы в двух вариантах: «турецкий» или «туркменский». Такие записи были зафиксированы в материалах переписи в Самарской, Астраханской и Уфимской губерниях. «Тептярский язык» родным признали мусульмане Вятской, Оренбургской, Пермской, Самарской и Уфимской губерний (116 504 чел.). «Мещерякский язык» назвали родным часть мусульман – представители бывшего военно-служилого сословия в Оренбургской, Пермской, Самарской и Уфимской губерниях (53 439 чел.) (см.: табл. № 2).

В составе башкирского сословия были не только татары, но и представители других нерусских народов: «Сословное содержание понятия «башкиры» подтверждается тем, что в XIX в. немало представителей других социо-этнических групп присоединилось к башкирам, иногда под названием «башкиры из вотяков» или «новобашкиры»[3]. Переименование в 1855 г. Башкиро-мещерякского войска в Башкирское, приписка в это войско тептярей открыло возможность различным группам населения позиционировать себя перед властями башкирским сословием, «башкирами», надеясь на определённые бонусы, . К 1862 г. в составе Башкирского войска насчитывалось 1 008 875 чел., в т. ч.: «башкир» – 549 452, мещеряков – 138 819, татар – 8631, тептярей – 241 950, «черемисов» (марийцы, чуваши, мордва) – 51 340, «вотяков» – 18 684. В конфессиональном отношении Башкирское войско состояло из трёх групп: 936 568 мусульман, 70 221 язычника, 2087 христиан[4]. Как было сказано, в 1865 г. бывшие военно-служилые в лице башкир, мещеряков, тептярей были приписаны к крестьянскому сословию.

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. XIV. Казанская губерния. – СПб., 1904. – С. 106–135. XXXVI. Самарская губерния. – СПб., 1904. – С. 66–77; XXXIX. Симбирская губерния. – СПб., 1904. – С. 66–75.

[2] *Ноак К.* Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования нации (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. – 1998. – № 5. – С. 148.

[3] *Каппелер А.* Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX в. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв. / сост. и отв. ред.: С. А. Дюдуаньон, К. Ле Торривеллек, О. Н. Сенюткина. – Н. Новгород, 2012. – С. 24.

[4] *Алишев С. Х.* Всё по истории Казани. – Казань, 2005. – С. 275.

Таблица №2

Распределение мусульманского населения Волго-Уральского региона по «языковым группам» в 1897 г.[1]

Губернии	Всего душ об. пола	Мусульмане, душ об. пола по переписи	Мусульмане, душ об. пола по сумме языковых групп	В том числе								
				«татарский»	«чувашский»	«тептярский»	«башкирский»	«мещерякский»	«турецкий»	«туркменский»	«киргизский»	прочие
Астраханская	1003542	307239	306976	52746	–	–	–	–	–	1826	250790	1614
Вятская	3030831	132851	132945	111030	–	7788	13888	–	–	–	–	239
Казанская	1217215	633024	632634	632567	67	–	–	–	–	–	–	–
Нижегородская	1584774	41332	41332	41297	–	–	–	–	–	–	–	35
Оренбургская	1600145	365543	364809	83771	2	16819	254092	4872	–	–	4891	362
Пензенская	1470474	58644	58430	58430	–	–	–	–	–		–	–
Пермская	2994302	151495	151337	46386	–	5282	77844	21129	–	–	–	696
Рязанская	1802196	5041	5038	5012	–	–	–	–	–	–	–	26
Самарская	2751336	288655	289248	162739	57	47648	57785	6567	2905	3536	7829	182
Саратовская	2405829	96001	95814	94494	61	–	1259	–	–	–	–	–
Симбирская	1527848	133916	133881	133676	74	–	–	–	–	–	–	131
Тамбовская	2684030	16994	16973	16850	–	–	–	–	–	–	–	123
Уфимская	2196642	1095706	1095596	145216	930	38967	886163	20871	520	1815	–	1114
Итого	26269164	3226441	3325013	1584214	1191	116504	1291031	53439	3425	7177	263510	4522
Итого,в %	100	12,28	100	47,64	0,04	3,50	38,83	1,61	0,13	0,22	7,92	0,14

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. II. Астраханская губерния. – СПб., 1904. – Тетр. 2. – С.46–47; X. Вятская губерния. – СПб., 1904. – С.92–93; XXV. Нижегородская губерния. – СПб., 1903. Тетр. 2. – С.72–73; XXXVIII. Саратовская губерния. – СПб., 1904. – С.84–85; XXXIX. Симбирская губерния. – СПб., 1904. С.66–67; XXXVI. Самарская губерния. – СПб., 1904. – С.62–63; XIV. Казанская губерния. – СПб., 1904. – С.106–107; . XXX. Пензенская губерния. – СПб., 1903. – С.104–105; XXXV. Рязанская губерния. – СПб., 1903. – С.92–93; XXX. Пензенская губерния. – СПб., 1903. – С.100–101; XXVIII. Оренбургская губерния. – СПб., 1904. –С.60–61; XXXI. Пермская губерния. – СПб., 1904. – С.100–101; XLII. Тамбовская губерния. СПб., 1904. – С.12–13; XLV. Уфимская губерния. – СПб., 1904. – Тетр. 2. – С.44–45.

Накануне переписи в Уфимской губернии волнение мусульман вызвало наличие графы о сословной принадлежности. Дело в том, что они отождествляли слово «крестьянин» с термином «христианин». «Для успокоения умов местного населения и для обеспечения беспрепятственного производства переписи» циркулярным предписанием за № 769 от 28 декабря 1896 г. губернатор Н. Богданович разрешил записывать в 4-й графе переписного листа формы «А» не только этнических башкир, но и остальных мусульман губернии «башкирами» вместо «крестьян»[1]. Показания респондентов властями не проверялись и неизвестно, сколько крестьян, представителей бывших сословных групп мещеряков, тептярей, воспользовавшись данной возможностью, записалось в 1897 г. «башкирами». Поэтому в материалах переписи под «башкирами» следует подразумевать полиэтничную социальную группу населения. По мнению Р. Г. Кузеева, в 1897 г. в составе башкир было учтено около 300–350 тыс. тептярей и мещеряков[2]. Основная часть «башкир» расселялась в Уфимской, Оренбургской, небольшие группы – в Пермской, Самарской, Вятской и Саратовской губерниях (1 291 031 чел.).

Всех мусульман, представляющих бывших удельных и государственных крестьян, переписчики записали «татарами», большинство которых проживало в Казанской, Самарской, Уфимской, Симбирской губерниях (1 584 214 чел.).

Таблица № 3

Структура профессиональных занятий мусульман и населения Волго-Уральского региона в 1897 г. (в %)[3]

Группы населения	Сельское хозяйство	Обрабатывающая промышленность	Банки, торговля	Сфера услуг	Прочие
Мусульмане	80,26	4,5	2,52	2,81	9,81
Всё население	65,73	11,21	2,44	7,44	13,13

Огромное влияние на социальные процессы среди мусульман оказывали особенности экономического развития Волго-Уральского региона. В 1860-е гг. основной объём продукции, выпускаемой промышленными отраслями России, приходился на Центрально-Нечернозёмный (43,9 %) и Северо-Западный регионы (25,4 %), хотя в них проживало всего 14,6 % и 4,7 % населения соответственно. В Среднем Поволжье (7,1 % населения) производилось всего 3,9% промышленной продукции, а в Приуралье (7% населения) – 4,4 %. В Поволжье собиралось 9,9%, в Приуралье 12 % производимого в европейской части страны хлеба[4].

---

[1] РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 10. – Д. 244. – Л. 20–20 об.

[2] *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978. – С. 241.

[3] Подсчёт К. Ноаком произведён по Вятской, Пермской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Оренбургской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Астраханской и Тамбовской губерниям (см.: *Noack Ch.* Muslimische Nationsbildung und muslimische Nationalbewegung im Wolga-Ural-Gebiet (1860–1917). – Köln, 1999. – S. 560).

[4] Учтены сведения по 7 из 12 районов Европейской России: Северо-Западного, Центрально-Черноземного, Центрально-Нечернозёмного, Средне-Волжского, Западного, Южно-Степного, Приуральского. Сведения по промышленному производству приведены без учёта горного, винокуренного и табачного производств (см.: *Смыков Ю. И.* Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование). – Казань, 1984. – С. 46 (табл. 6).

Развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, появление новых видов транспорта (пароходов, поездов), правительственная конъюнктура и другие факторы способствовали развитию в регионе буржуазных отношений.

По подсчётам К. Ноака, важнейшим показателем общественного разделения труда среди мусульманского населения в Поволжье и Приуралье выступает занятость $^{4}/_{5}$ части населения в сфере сельского хозяйства (земледелие, скотоводство, пчеловодство, лесное хозяйство и деревообработка, охота, рыболовство), что на 15 % превышает аналогические показатели у остального населения региона. Процентное соотношение лиц, занятых в сфере торговых операций, у обеих групп населения примерно одинаковое – 2,52 % и 2,44 %. В сфере услуг также было занято относительно небольшое количество мусульман (2,81 % против 7,44 %).

Национальные элиты мусульман. Последняя четверть XVIII – начало XIX вв. стали важным этапом в институализации новых сословных групп татарского населения в российскую сословную иерархическую систему. В рассматриваемое время социально-правовой статус российских подданных определялся их принадлежностью к конкретному сословию. В екатерининский период приобрело чёткое очертание правовое положение трёх новых социально-сословных групп, ставших национальными элитами мусульман. В последующее время продолжалось уточнение их статуса в рамках внутриполитического курса Российской империи.

Уничтожение Петром I мусульманской феодальной элиты превратило татарское общество в «крестьянское население», занимающее незавидное экономическое и ущемлённое правовое положение в сословно-социальной иерархии империи. Согласно екатерининскому указу от 22 февраля 1784 г. о распространении всех преимуществ российского дворянства (кроме владения крепостными из христиан), на татарских мурз и князей из мусульман, потерявших свои привилегии после приписки в 1724 г. в податное сословие, их потомки получали возможность записаться в дворяне в случае доказательства своего благородного происхождения, что удавалось сделать не всем. По указу Павла I от 29 ноября 1796 г., по уточнённым сведениям IV ревизии, в Оренбургской губернии в дворянском звании были восстановлены 235 душ князей и мурз. В 1797 г. именным императорским указом были причислены к потомственному дворянству 350 чел., в том числе 231 – из Оренбургской губернии, 8 – из Тамбовской, 15 – из Саратовской, и 96 чел. – из Пензенской губерний. К 1797 г. общее количество просивших по семи губерниям европейской России о переводе из податного сословия в дворянское составляло 4811 чел., происходивший из 177 татарских родов[1].

---

[1] Речь идёт о 17 княжеских и мурзинских родов из Саратовской губ. (1008 чел.), 32 рода из Рязанской (388 чел.), 2 рода из Оренбургской (61), 7 родов из Симбирской (282 чел.), 22 рода из Пензенской (524 чел.), 1 род из Нижегородской (55), 96 родов из Казанской (2793 чел.) губ. Из них лишь немногие сумели подтвердить своё благородное происхождение и смогли представить документы о получении поместья (см.: *Хайрутдинов Р.* Татарская феодальная знать и российское духовенство: проблемы интеграции на рубеже XVIII–XIX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность (материалы международного симпозиума. Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г.). – Казань, 1997. – С. 89–90, 98).

Получение офицерских званий и награждение боевыми наградами также способствовали увеличению численности потомственных дворян[1].

Таблица № 4

Расселение потомственных и личных дворян из татар[2] в городах и уездах губерний Волго-Уральского региона в 1897 г.[3]

Губернии	Потомственные дворяне				Личные дворяне			
	город		уезд		город		уезд	
	всего	ко всем потом. татар. дворянам, в %	всего	ко всем потом. татар. дворянам, в %	всего	ко всем лич. татар. дворянам., в %	всего	ко всем лич. татар. дворянам., в %
Уфимская	32	5,7	5369	94,3	44	37,6	73	62,4
Пензенская	7	0,7	974	99,3	4	17,4	19	82,6
Оренбургская	19	38,2	315	61,8	44	63,8	25	36,2
Саратовская	18	5,7	298	94,3	–	5,6	17	94,4
Самарская	31	13,2	204	86,8	1	6,7	14	93,3
Казанская	89	73,6	32	26,4	78	62,9	46	37,1
Тамбовская	5	5,1	94	94,9	1	1,8	55	98,2
Симбирская	13	16,0	68	84,0	6	16,7	30	83,3
Рязанская	15	19,5	62	80,5	0	0,0	4	100,0
Нижегородская	1	1,8	55	98,2	–	–	–	–
Вятская	15	40,5	22	59,5	4	5,8	65	94,2
Астраханская	21	67,7	10	32,3	7	87,5	1	12,5
Пермская	14	60,9	9	39,1	–	75,0	3	25,0
Московская	26	100,0	0	0,0	21	100,0	0	0,0
Всего	777	9,4	7507	90,6	220	38,5	352	61,5

[1] При Екатерине II переход в дворянское сословие обеспечивал первый офицерский чин на военной службе и VIII класс на гражданской. В 1845 г. этот порог был повышен до VIII класса на военной службе и до V – на гражданской. С 1856 г. потомственное дворянство давалось лишь при достижении VI класса на военной и IV – на гражданской службах (см.: *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979. – С. 26). К 1834 г. в Поволжье и Приуралье большая часть из 90 татарских дворянских родов получила этот статус по офицерски м чинам или российским орденам (см.: *Габдуллин И. Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. – М., 2006. – С. 83). После расформирования Башкирского войска в 1865 г. в потомственном и личном дворянстве были утверждены мещеряки и башкиры, удостоенные на службе действительных и зауряд-чинов (см.: *Ямаева Л. А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. – Уфа, 2002. – С. 72).

[2] При подсчёте татарских дворян учитывались только те, кто указал татарский язык своим родным языком. В связи с этим в таблицу не включены данные по башкирам, тептярям и мещерякам, указавшим «родным языком» соответствующие им «башкирский», «тептярский» и «мещерякский» языки.

[3] *Байбулатова Л. Ф.* Из истории татарского мусульманского дворянства Российской империи XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья : сб. ст. – Казань, 2012. – Вып. 2. – 56–57.

Согласно сведениям Первой всеобщей переписи населения 1897 г., более половины татарских потомственных дворян расселялась в Уфимской губернии (5696 чел. – 54,5 %), относительно большие групп расселялись также в Пензенской (981 чел. – 18,4 %), Оренбургской (510 чел. – 9,9 %), а также локальные группы в Саратовской (316 чел. – 4,6 %) и Самарской (235 чел. – 4,4 %) губерниях[1].

В Волго-Уральском регионе 90,6% потомственных и 61,5% личных дворян проживали в сельской местности.

В пореформенный период дети дворян, окончившие русские средние и начальные заведения, КТУШ, работали учителями и вносили большой вклад в распространение начального русского образования среди крестьян, служили в ОМДС, земских управах и других местных учреждениях. Наивысшими гражданскими должностями для них стали должности оренбургского муфтия (Салимгарей Тевкелев, Мухамедьяр Султанов) и председателя земской уездной управы в Белебеевском и Златоустовском уездах Уфимской губернии и т. д.[2]

Источники свидетельствуют о том, что и после предоставления в конце XVIII в. «мурзам-лапотникам» права записи в дворянское сословие существенных перемен в местной системе управления не произошло: она по-прежнему принадлежала русским дворянам и чиновникам. Представители татарского дворянства, несмотря на то, что большинство из них вели крестьянское хозяйство, были наиболее ориентированной на русское образование частью татарского населения, их высокий сословный статус благоприятствовал занятию ими, как правило, низших чиновничьих должностей. Как выпускники русских учебных заведений они вносили свой вклад в развитие татарской культуры и образования.

Оборотной стороной малочисленности и экономической слабости дворянства было превращение мусульманского духовенства в единственную авторитетную корпоративную группу и расширение его функций. Духовенство заботилось больше о «конфессиональной части культуры», что способствовало однобокому культурному развитию татарского социума, светское развитие общества приостановилось[3]. Немаловажную роль в доминировании религиозного дискурса в культурном развитии татар рассматриваемого периода сыграла и политика Российской империи: блокирование инициатив татар по учреждению светских национальных школ, созданию периодической печати на родном языке.

В рассматриваемый период представители татарской духовной интеллектуальной элиты, благодаря регламентации их обязанностей и предоставлению властью ряда административных функций, оформились в корпоративную группу, которая пользовалась авторитетом и имела высокий социальный статус среди прихожан, несмотря на то, что приходское духовенство округа ОМДС официально не призна-

---

[1] Согласно подсчётам Л. Ф. Байбулатовой, в Уфимской губернии, кроме татар, проживало потомственных дворян из башкир – 512 душ об. пола, мещеряков – 10, тептярей – 2. В Оренбургской губернии – 452 башкира, в Самарской – 117 башкир, 8 тептярей, в Саратовской – 1 башкир, в Вятской – 9 тептярей, в Пермской – 3 башкира.

[2] *Азаматова Г. Б.* Уфимское земство (1874–1917 гг.): социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. – Уфа, 2005. – С. 196–197.

[3] *Усманов М. А.* Приветственное слово // Татарские мурзы и дворяне: история и современность : сб. ст. – Казань, 2010. – Вып. 1. – С. 7.

валось привилегированным сословием. Если в 1856 г. их численность составляла 5814 чел., то к 1908 г. возросла до 8312[1].

С учреждением в 1775 г. купеческого сословия татарские торговцы и промышленники, предприимчивые крестьяне и мещане получили возможность записываться в новую полупривилегированную корпоративную группу, занимающую в сословной иерархии новой России ступеньку вслед за дворянством и православным духовенством, и таким путём повысить своё социально-правовое положение. Правда, для сохранения статуса гильдейского купца требовалось ежегодно подтверждать своё материальное благосостояние.

Вследствие правительственной конъюнктуры и заинтересованности властей в экономическом и политическом интегрировании Казахской степи и Средней Азии во 2-й половине XVIII – 1-й половине XIX в. татары привлекались для налаживания и укрепления дипломатических контактов, посреднических и торгово-экономических отношений России с восточными мусульманскими народами и странами. На юго-востоке страны в руках татарских предпринимателей оказалась вся торговля России с казахскими жузами и в значительной степени со Средней Азией: они успешно вовлекали огромный регион с кочевым хозяйственным укладом в общероссийский рынок, превратили меновые дворы, восточные базары в места сбыта российской промышленной продукции.

Насаждение татарскими купцами и торговцами в дореформенный период в условиях развития в Волго-Уралье капиталистических отношений, аналогичных среднеазиатским медресе мусульманских учебных заведений, в которых господствовала схоластика (однако со временем методы обучения изменились, они стали очагами татарского возрождения), усиленное печатание религиозных книг и молитвенников во многом объяснялись экономическими интересами коммерсантов, в бизнесе которых в те времена восточный рынок играл ключевое значение[2].

Татарские предприниматели, за редким исключением, получали образование на родном языке, а после введения в 1800 г. нового устава о банкротах, в котором купцам предписывалось иметь в обязательном порядке засвидетельствованные книги и тетради установленной формы, под угрозой обвинения в преднамеренном банкротстве в случае невыполнения требования началось изучение русской грамоты[3]. Ещё в дореформенное время в Казани произошло формирование купеческих династий Апаковых (производство китайки, торговцы, содержатели постоялого двора в Казани), Арсаевых-Ахмеровых (мыловарение, торговля необработанными кожами), Бурнаевых (производство кумача), Усмановых-Баязитовых (производство китайки, кожевенных изделий, выварка поташа), Мамашевых (производство китайки, кумача, поташа), Рахматуллиных (мыловаренные предприятия), Шатуновых, Азимовых (бумажные ткани), Утямышевых и Уразгильдеевых (выварка поташа) и др.[4]

---

[1] *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. – Казань, 2007. – С. 143 (табл. № 3).

[2] *Губайдуллин Г.* Из прошлого татар // Газиз Гобәйдуллин : фәнни-биографик җыентык. – Казан, 2002. – 171, 175–176 б.

[3] *Кореева Н. А.* Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в первой половине XIX в. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2014. – С. 21.

[4] Там же. – С. 20–21.

Вскоре после завоевания Россией Средней Азии татарская буржуазия потеряла создаваемый ею более столетия самоотверженным упорным трудом среднеазиатский рынок. За русской властью шла русская буржуазия, стремившаяся стать полноправным хозяином в экономической сфере. После образования Туркестанского генерал-губернаторства на его территории (с 1886 г.) нехристианам было запрещено иметь недвижимый капитал. Сужение рынка означало необходимость усиления предпринимательской активности в Казахской степи, сохранения подконтрольных и освоения новых рынков во Внутренней России. К середине XIX в. татарская мануфактурная промышленность, не выдержав конкуренции с более дешёвой и качественной продукцией капиталистических предприятий центральной России, фактически сошла с арены промышленного производства.

Таблица № 5

Распределение татарского населения, занятого в торговле по губерниям Волго-Уральского региона в 1897 г.[1]

№№	Губернии	Число купцов-татар и членов их семей	От всего купечества губернии, в %
1	Астраханская	69	1,0
2	Вятская	141	4,8
3	Казанская	441	12,8
4	Оренбургская	686	24,7
5	Пензенская	19	0,8
6	Пермская	128	2,5
7	Самарская	77	2,6
8	Саратовская	26	0,5
9	Симбирская	105	7,3
10	Уфимская	262	13,9
	Итого	1954	6,4

Среди десяти губерний Волго-Уральского региона, согласно показаниям купцов – респондентов, самая большая группа татарских предпринимателей проживала в Оренбургской губернии (686 чел. (душ об. пола) или 24,7 % всех купцов губернии), а также в Казанской (441 чел., или 12,8 %) и в Уфимской губерниях (262 чел., или 13,9 %).

С формированием в империи в пореформенный период системы государственных, общественных и частных кредитных учреждений получение крупными татарскими предпринимателями кредитов было обычным явлением. Кредиты по мере необхо-

[1] *Гибадуллин М. З.* Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России (1861–1913 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2001. – С. 59 (табл. 1).

димости брали татарские поземельные общины, отдельные группы хлебопашцев, мещане и крестьяне, занимающиеся предпринимательством[1].

Новые явления, имевшие далеко идущие последствия в социальном развитии татарского общества, привели к формированию национального капитала, вовлечению торговцев в промышленное производство, появлению купеческого сословия, открытой к преобразованиям национальной элиты Нового времени с активной жизненной позицией. С целью привлечения средств на развитие торговли и промышленности купцы-мусульмане получали кредиты от русских предпринимателей, брали их друг у друга, пользовались заёмным капиталом, использовали векселя для оформления займов и т. д.[2]

В пореформенный период сфера коммерции пополнилась новым поколением татарских предпринимателей – выходцами из сельской местности. Следует особо отметить коммерческий успех братьев Ахмета, Гани и Махмуда Хусаиновых, которые в этот период превратились в самых богатых татар[3].

В пореформенный период наряду с развитием традиционных: мыловаренной, текстильной, шерстомойной, салотопенной, мучной и кожевенной отраслей промышленности татарские предприниматели освоили новые отрасли – спичечную, стекольную, нефтеперерабатывающую, химическую, металлообрабатывающую, крахмальную, крахмало-паточную[4].

Особенно быстрыми темпами развивалась суконная промышленность, производившая, главным образом, по казённому заказу грубое шерстяное сукно для обмундирования российской армии. В результате к 1870-м гг. в Симбирской губернии из 17 суконных фабрик 7 (41 %) принадлежали татарам. В этой губернии располагались наиболее крупные татарские суконные фабрики: фабрики Акчуриных в с. Старое

---

[1] История Казани в документах и материалах. XIX век. Промышленность, торговля, финансы / авт.-сост.: И. К. Загидуллин, Н. С. Хамитбаева, Л. М. Свердлова, М. З. Гибадуллин, Л. Ф. Байбулатова, Х. З. Багаутдинова; под ред. И. К. Загидуллина. – Казань, 2005. – С. 382–399, 459–460, 478, 489.

[2] *Гобәйдуллин Г.* Тарихи сәхифәләр ачылганда. – Казан, 1989. – 255 б.; *Газиз Г.* История татар / сокр. пер. с татар. С. Г. и А. Х. Губайдуллиных. – М., 1994. – С. 178.

[3] Коммерческому успеху братьев Хусаиновых сопутствовали личностные качества и кооперация. Каждый из них курировал отдельные направления или этапы коммерческих операций: приобретение сырья, первичную обработку животноводческой продукции, её реализацию крупными партиями. Габдулгани (Гани), проживая в Казалинске в 1869–1892 гг. (Туркестан), отправлял братьям дешёвую шерсть и шкуры, Махмуд в качестве посредника курировал в Оренбурге торговлю со Средней Азией и казахами, Ахмет реализовывал товары и первично обработанное сырьё на Нижегородской ярмарке, в Москве и Казани. В 1896 г. к моменту раздела их совместный капитал составлял 4 млн руб. В начале 1890-х гг. старший из братьев Ахмет Хусаинов открыл свою фирму по реализации шерсти и кишок в Германии, однако незнание языков и менталитета немцев, непорядочность партнёров не позволили ему закрепиться на новом рынке. С целью продвижения коммерческих операций в центральной России Ахмет-бай в 1896 г. переехал из Оренбурга в Казань (см.: *Шайдуллина Р. Р.* Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусаиновых (вторая половина XIX – начало XX в.) : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010. – С. 46, 50–51).

[4] В Казанской губернии сосредоточились в основном мыловаренное, кожевенное и меховое производства, в Вятской губернии – хлопчатобумажное, в Симбирской и Саратовской губерниях – суконное, Оренбургской губернии – золотодобыча и обработка животного сырья.

Тимошкино и д. Самайкино и Гурьевка. В конце XIX в. последняя являлась одним из крупнейших предприятий в отечественной лёгкой промышленности.

В 1880-е гг. Симбирская и Казанская губернии были основными местами сосредоточения татарского промышленного капитала: здесь производилось свыше 67 % валовой продукции и трудилось более 75 % рабочих их предприятий[1].

Ряд татарских коммерсантов имел собственные промышленные предприятия в Средней Азии. Например, в конце XIX в. купцы Хусаиновы являлись хозяевами кишечномоечных предприятий в Самарканде, Ташкенте, сушки кож в Казалинске Сырдарьинской области, хлопкоочистительного завода в Ходженте Самаркандской области[2].

Несмотря на успехи, в общем объёме производства в Поволжье и Приуралье удельный вес татарских предприятий был немногим более 2 %. Причины такого явления объясняются наличием у них других источников дохода, приверженностью к традиционным отраслям, где конкуренция с крупными предприятиями ещё не была столь высокой. В результате в конце XIX в. татарский промышленный капитал концентрировался главным образом в Симбирской и Оренбургской губерниях.

Новой отраслью приложения капитала стала золотодобывающая промышленность Приуралья, где применялись передовые технологии. Купец Мухаммадсадык Рамеев в 1860-е гг. арендовал земли и наладил добычу золота, после смерти купца золотые рудники перешли его сыновьям Шакиру и Закиру, которые сумели существенно расширить прибыльное дело, увеличив количество приисков до 18. В конце XIX в. среди 35 золотодобывающих предприятий Оренбургского края одним из крупнейших являлось товарищество «Братья М.-Ш. и М.-З. Рамеевы»[3].

К 1890 г. в Казанской, Сармарской, Симбирской, Саратовской, Вятской, Оренбургской, Уфимской, Пермской, Рязанской и Тамбовской губерниях татарские предприниматели владели 76 предприятиями с контингентом рабочих в 4653 чел. и годовой производительностью 2 млн 455 тыс. руб. Большинство промышленных заведений были небольшими: на 41 предприятии трудилось до 10 чел., на 24 – от 10 до 100, на 11 – более 100 рабочих[4]. Производство было организовано по сезонному или постоянному принципу. Часть или большинство трудящихся в них составляли татары.

Большинство татарских предприятий капиталистического типа были мелкими и средними, что не требовало привлечения крупных капиталов. Промышленный переворот в Волго-Уральском регионе охватил прежде всего мукомольную, суконную, судостроительную отрасли, крупные предприятия химической промышленности. Большинство татарских малокомплектных предприятий по форме организации производства оставались мануфактурами или мастерскими.

---

[1] *Гибадуллин М. З.* Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России (1861–1913 гг.) : дисс. ... канд. экон. наук. – Казань, 2001. – С. 100–101.

[2] *Шайдуллина Р. Р.* Указ. соч. – С. 49–50.

[3] *Миңнуллин Ж.* Рәмиевләрнең алтын прискалары // Бертуган Рәмиевләр : фәнни-библиографик җыентык. – Казан, 2002. – 82–91 б.; *Гибадуллин М. З.* Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России (1861–1913 гг.) : дисс. ... канд. экон. наук. – Казань, 2001. – С. 108.

[4] *Хасанов Х. Х.* Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977. – С. 106–107.

В рассматриваемый период татарские предприниматели прочно обосновались в ряде отраслей промышленности и торговли, однако негативные последствия для расширения предпринимательской деятельности были связаны их слабой вовлечённостью в систему кредитных отношений.

Таблица № 6

Распределение мусульман и всего населения Волго-Уральского региона по сословиям в 1897 г. (в %)[1]

Группы населения	Дворяне	Почётные граждане	Торговцы	Мещане	Крестьяне, казаки	Остальные
Мусульмане	0,3	0,08	0,06	2,13	97,11	0,3
Всё население	0,59	0,19	0,14	5,10	91,44	2,54

По удельному весу привилегированных или полупривилегированных групп населения мусульмане уступали жителям региона, показатели которых формировались за счёт русских. Среди мусульман дворянами являлись всего 0,3 % жителей (у всего населения – 0,59 %), почётными гражданами 0,08 % (0,19 %), торговцами 0,06% (0,14 %). Согласно подсчётам К. Ноака, основную часть мусульман Волго-Уральского региона составляли непривилегированные слои: крестьяне (97,11 % против 91,44 %) и мещане (2,13 % против 5,1 %).

Урбанизационные процессы среди татар. В дореформенный период в города переселялись преуспевающие крестьяне, желавшие повысить свой социальный статус и расширить дело, а в пореформенный период потянулась уже деревенская беднота, потерявшая всякую надежду на улучшение своего тяжёлого экономического положения. Согласимся с замечанием Л. Н. Гончаренко о том, что «столь высокое количество городских жителей, тесно связанных с деревней своим сословным статусом, экономическим положением, бытовыми и трудовыми традициями, уходящими корнями в патриархальные отношения крестьянской общины, следует рассматривать в качестве одной из важнейших особенностей социальной структуры пореформенного города»[2]. Урбанизационные процессы сопровождались усилением миграционных потоков, социальным расслоением населения, появлением групп жителей, «находящихся в стадии адаптации на новой местности», интенсификацией и ломкой старых традиционных форм деятельности, ослаблением «привычных территориальных соседских связей и форм социального контакта»[3].

На становление татарских городских общин оказывал воздействие ряд факторов. Появление татарских диаспор в городах-крепостях юго-востока страны в определённой степени было обусловлено «правительственной проекцией», суть которой

---

[1] Подсчёт К. Ноаком произведён по Вятской, Пермской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Оренбургской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Астраханской и Тамбовской губерниям (см.: *Noack Ch.* Muslimische Nationsbildung und muslimische Nationalbewegung im Wolga-Ural-Gebiet (1860-1917). – Köln, 1999. – S. 560.).

[2] *Гончаренко Л. Н.* Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX в. (социально-экономическое исследование). – Чебоксары, 1994. – С. 154.

[3] Город, проблемы социального развития. – Л., 1982. – С. 92.

заключалась в привлечении татар в качестве посредников для налаживания торгово-хозяйственных связей со среднеазиатскими ханствами и казахскими жузами. Благодаря учреждению при крепостях меновых дворов татарские общины в последней трети XVIII в. сложились в Петропавловске, Троицке, Семипалатинске. В Западной Сибири при татарских слободах Тобольска, Тары и Тюмени проживали бухарцы и татары, главным образом, предприниматели.

Однако высокая степень урбанизации татарских диаспор на юго-восточной окраине не привела к качественным изменениям в их социокультурном развитии: эти степные области представляли российскую периферию в экономическом и культурном отношениях, города по общероссийским меркам были небольшими, идеи модернизации проникали из Среднего Поволжья. На рубеже XIX–XX вв. вектор урбанизации татарского общества был направлен уже на российские промышленные районы, города центральной России, куда из густонаселённых регионов в поисках заработка переселялась главным образом беднота. В Волго-Уралье и Сибири – регионах традиционного расселения – удельный вес татар среди городского населения был существенно ниже общероссийских показателей. При этом татары стремились организовать традиционный бытовой и религиозный уклад жизни, что становилось возможным только при наличии прихода. Факт регистрации нового мусульманского прихода с мечетью являлся верным признаком становления этноконфессиональной общины. В 1-й половине XIX в. в Оренбургской губернии сохранялась тенденция активного формирования городских мусульманских приходов. В частности, мечети имелись в Стерлитамаке (1800 г.), Уфе (1830 г.)[1], Соль-Илецке (1833 г.)[2], Троицке (1828, 1838 гг.)[3], Уральске (к 1861 г. – 2 мечети)[4], Самаре[5], Хвалынске (Саратовская губерния). Интенсивно развивались общины в Сеитовом Посаде (4-я мечеть – в 1802 г., 5-я и 6-я – в 1816 г.)[6], Семипалатинске (к 1864 г. – 7 мечетей)[7], Петропавловске (к концу 1850-х гг. – 4 мечети)[8]. На территории Западной Сибири махалли были зарегистрированы в Томске и Омске.

В Среднем Поволжье в дореформенный период татарские мусульманские приходы сформировались в Симбирске, уездных городах: Вольск, Елабуга, Чистополь, Тетюши.

---

[1] *Азаматов Д. Д.* Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX в. – Уфа, 2000. – С. 59, 70.

[2] Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. – Оренбург, 2007. – С. 63.

[3] *Денисов Д. Н.* Мусульманская община Троицка во второй половине XVIII – начале XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. – № 10. – Вып. 39. – С. 123–127.

[4] *Каримов Т. А.* Политика Российского правительства и татарские муллы в северо-западных казахских землях (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи : сб. ст. / сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. – Казань, 2009. – С. 158.

[5] *Гибадуллина Э. М.* Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. – Н. Новгород, 2007. – С. 170.

[6] Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. – Оренбург, 2007. – С. 60.

[7] *Загидуллин И. К.* Мусульмане в г. Семипалатинске (XVIII–XIX вв.) // Сулеймановские чтения : материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18–19 мая 2007 г.) / под ред. А. П. Яркова. – Тюмень, 2007. – С. 36–37.

[8] РГИА. – Ф. 1265. – Оп. 4. – Д. 40. – Л. 1–4.

Во 2-й половине XIX в. происходила регистрация городских махаллей прежде всего в местах компактного расселения татар[1].

Особенностью развития мусульманских городских общин в Оренбургской и Астраханской губерниях и в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве было увеличение в их составе казахов. При этом в экономической и культурной жизни этих общин по-прежнему доминировали татары.

Появление в конце XIX – начале XX в. железнодорожной сети и развитие новых промышленных районов определили основные направления неземледельческого отходничества, миграционных потоков и обусловили формирование городских общин. В западных губерниях формированию городских общин способствовали исполнение мусульманами воинской повинности, в Сибири и Казахстане – переселенческая политика власти и строительство железных дорог.

В начале XX в. были зарегистрированы городские приходы в западных губерниях (Варшава, Киев, Лодзь, Минск, Харьков и др.), а также в Одессе, в центральных и северо-западных губернских центрах (Тверь, Вятка, Архангельск и др.), в промышленных городах (Иваново-Вознесенск, Ярославль и др.)[2]. В Волго-Уральском регионе мусульманские приходы возникли в ряде крупных (Вятка, Нижний Новгород) и уездных городов[3]. В Пермской губернии татары, как правило, оседали в рабочих посёлках.

Существование в начале XX в. в ряде городов Волго-Уральского региона двух приходов[4] наглядно свидетельствовало об усилении урбанизационных процессов. Несмотря на дальнейший рост численности мусульманского населения, с 1905 г. в крупных татарских общинах было приостановлено возведение новых мечетей, наметилась тенденция европеизации национальной культуры. В этот период татарское общество стало уделять больше внимания социальным проблемам, открытию культурно-просветительных и благотворительных учреждений, изданию газет и журналов.

Учреждение в сибирских городах новых исламских общин отражало динамику хозяйственного освоения территорий на востоке России[5].

---

[1] Приходы появились в губернских городах (Пермь, Пенза, Саратов, Иркутск) и уездных административных центрах Мамадыш (Казанская губерния), Бугульма, Бугуруслан, Бузулук, Новоузенск (Самарская губерния), Сарапул (Вятская губерния), Кузнецк, Царицын (Саратовская губерния), Царёв, Красный Яр (Астраханская губерния), Челябинск (Оренбургская губерния), Екатеринбург (Пензенская губерния).

[2] *Загидуллин И. К.* Махалля в промышленных поселениях в европейской части России и Сибири (XIX – начало XX в.) // Татарские мусульманские приходы Российской империи : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 27–28 сентября 2005 г.). – Казань, 2006. – С. 71–103.

[3] Спасск (Казанская губерния), Малмыж, Ставрополь, Мензелинск, Златоуст, Оса, Ирбит, Красноуфимск, Алапаевск, Верхотурье и др.

[4] По две махалли функционировали в уездных городах: Чистополь, Буинск, Николаев, Бугуруслан, Бузулук, Вольск, Царицын, Белебей, а также в губернском центре Самаре.

[5] Татары освоились в Ново-Николаевске (Новосибирск), Мариинске, Барнауле, Кургане (Тобольская губерния), на станциях Сибирской железной дороги, в Чите, Верхнеудинске (Забайкальская область), Красноярске, Енисейске, Канске (Енисейская губерния), Олекминске, Якутске (Якутская область), Благовещенске, Хабаровске, Николаевске, Зея-Пристани (Амурская область).

Таким образом, модернизация и индустриализация империи обусловили расширение регионов расселения татар и формирование новых татарских городских общин. Поликультурная среда обитания содействовала постепенной интеграции татарского общества в русское социокультурное пространство, усилению процессов европеизации. Джадидистские идеи получили развитие прежде всего в городских общинах.

Приезжие из сельской местности попадали в городе в инокультурную среду, которая создавала определённый дискомфорт социально-психологического характера. В этой ситуации единственно возможным способом сохранения привычной культурной среды обитания представлялись компактное расселение и формирование «татарских колоний». Поскольку такая возможность в черте поселения существовала, то именно там и возникали «татарские улицы». Мусульмане стремились организовать общение между собой, как в сельском обществе, по территориальному, «соседскому» принципу. Компактно расселяясь на сравнительно небольшой территории и формируя привычную для себя среду обитания, татарское население стремились создать «зону экологической безопасности» для своих самобытных культурных традиций.

Превращение «татарских улиц» в «татарский квартал», исламский анклав задерживалось прежде всего из-за малочисленности переселенцев-мусульман и отсутствия у них необходимых средств для обзаведения недвижимостью. На такой территории располагались мечети, учебные заведения, лавки и магазины, а также промышленные предприятия татар. Они вели автономное существование, успешно решая насущные проблемы сохранения религиозных традиций, обеспечивая преемственность в обучении, воспитании подрастающего поколения, соблюдая привычный религиозный уклад.

В крупных городах сословное разделение при расселении было обусловлено имущественным положением людей. Окраины занимала беднота, а в центральной части селились наиболее состоятельные горожане всех сословных групп. Во многих городах татарские слободы (кварталы) располагались в непривилегированных районах. Месторасположение мечети, как правило, очерчивалось территорией слободы или кварталом компактного расселения мусульман.

«Расселение по принципу этнической принадлежности к зонированию по качеству построек не приводило [...] Этноконфессиональное зонирование планов носило подчинённый характер по отношению к зонированию социальному»[1]. Слабость социального зонирования мусульман во многом объяснялась их относительной малочисленностью или отсутствием среди них городских привилегированных социальных групп – богатых промышленников и купцов.

В начале XX в. в культурной жизни мусульманских общин усилились процессы, завершившиеся включением их в общетатарскую «высокую культуру». Огромную роль в этом сыграло укрепление культурных связей с единоверцами из других регионов компактного расселения татар, прежде всего с Казанью, в отношении которой они считали себя периферийными.

Специфика расширения сети городов на юго-востоке России заключалась в расположении этого региона на значительном расстоянии от промышленных центров,

---

[1] *Зорин А. Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. – Казань, 2001. – С. 320.

связь с которыми до появления железнодорожной ветки была весьма слабой; в низкой плотности населения; в малочисленности русских и преобладании здесь тюркского населения – казахов-кочевников, носителей «степного ислама». Важное значение имело укрепление торгово-хозяйственных связей со Средней Азией, являвшейся для татар идеалом мусульманской учёности и благочестия. Именно поэтому урбанизационные процессы на окраине не вызывали существенных преобразований среди мусульман, которые наблюдались в городах центральных губерний России. Особенностью урбанизации татарского населения было появление большинства городских общин во 2-й половине XVIII в. вне регионов их исторического проживания, на российской окраине. В новых геополитических и экономических условиях переселенцы из Среднего Поволжья и Приуралья стали заметной составляющей в меновых дворах.

Согласно анализу Н. С. Хамитбаевой материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в губернских городах Волго-Уральского региона[1] проживало 763563 чел., из них 65699 татар (8,6 %). В конце XIX в. татары в составе населения ряда городов стали довольно «заметным элементом». Крупные татарские общины (более 10 тыс. чел.) были в Казани, Астрахани и Оренбурге. Наименьшее число татар проживало в Вятке (131 душа об. пола) и Пензе (387 чел.): всего по 0,6 %. В остальных губернских городах удельный вес татар составлял от 1,2 % до 5,3 %.

В конце столетия сословный статус городских жителей был значительно «размыт», прежде всего, в имущественном плане. Потомственных дворян было всего 0,7 % (548 чел.), большинство из которых расселялось в Оренбурге (138 чел.) и Уфе (206 чел.). Купцы составляли 0,9 % от всего городского татарского населения губернских городов (548 чел.). Их наибольшее число было представлено в Казани (346 чел.) и Оренбурге (130 чел.), в остальных городах от 4 чел. (Симбирск) до 28 чел. (Астрахань). В Вятке и Пензе татарских купцов в переписи не отмечено. 23 % горожан-татар относилось к мещанскому сословию (низшие государственные служащие, мелкие предприниматели, ремесленники, наёмные работники и т. д.). Значительную прослойку среди горожан-татар региона составляли крестьяне (73 %), которые подолгу проживали в городах, имели своё дело, но сохраняли свою сословную принадлежность; некоторые крестьяне выезжали в города на сезонную работу[2].

Самую большую группу представляло полупроизводительное население (60,8 %), высоким удельным весом среди которых выделялись мелкие и средние торговцы (28,3 %), занятые в хлебно-бакалейной торговле, в торговле одеждой и обувью, мануфактурной сфере. Заметное число татар (20,5 %) представлено в группе «частная служба, прислуга, подёнщики». Относящиеся к группе «пути сообщений и сношений» составляли 11,9 %.

---

[1] Астрахань, Вятка, Казань, Оренбург, Пенза, Пермь, Самара, Саратов, Симбирск, Уфа.

[2] *Хамитбаева Н. С.* Социально-сословный состав и общественное разделение труда в татарских общинах городов Поволжья и Прнуралья в конце XIX в. // Научный Татарстан. – 2012. – № 3. – С. 130–131.

К группе производительного населения относилось 26,3 % татар, наибольшая их часть была занята в промышленности (20,9 %, в сельском хозяйстве всего 5,4 %). Крестьяне в городах пополняли ряды торгового люда, нанимались бурлаками и грузчиками, использовались в качестве прислуги, выполняли различную неквалифицированную работу на промышленных предприятиях и т. д.

В 39 малых и средних городах[1] Поволжья и Приуралья проживало 39 511 татар (7,4 %), из них 54,2 % составляли мужчины. В 11 городских поселениях татары составляли более 10 %[2], среди которых наибольший удельный вес татар приходился на города: Буинск (1583 чел., или 37,6 %), Илецкая Защита (2447 чел., или 23,3 %), Орск (чел., или 21,7 %), Стерлитамак (3779 чел., или 24,3 %), Троицк (7283 чел., или 31,3 %) и Чистополь (4923 чел., или 24,5 %). В уездных городах среди татар преобладали мещане (61,1 %). Остальные жители составляли локальные группы: крестьяне (33,2 %), купцы (2,03 %) и казаки (1,62 %). В городах купцы были представлены неравномерно – до 2,03 %. Особенно высокой концентрацией лиц данной группы отличался Троицк (264 чел.). В остальных поселениях проживало от 2 чел. (Тетюши) до 87 чел. (Стерлитамак). В городах: Арск, Малмыж, Николаевск татарских купцов перепись не зафиксировала[3].

В конце XIX в. основным источником существования татар средних и малых городов региона являлись торговля (32,3%), выполнение наёмных и подённых работ (19,2%), сельское хозяйство (18,4%), промышленное и ремесленное производство (16,4%).

Следует отметить, что большинство уездных городов, несмотря на наметившийся процесс индустриализации, оставалось больше административным центром, нежели ремесленно-торговым – в них значительная часть населения занималась земледельческим и мелкотоварным ремесленным производством.

Мусульманские (татарские) «общины-города». По организации социальной и культурной жизни этноконфессиональных общин российских городов Н. В. Юхневой определены три типа расселения: 1) в рамках одного поселения существовало два национальных города с дублированием большинства его функций. Каждый город жил по своим обычаям, влияние хотя и наблюдается, но оно минимально. В России такой классический характер имели среднеазиатские города. Путь возникновения таких поселений – сначала существует один город, затем к нему «присоединяется» другой; 2) город имеет единый центр и окраины, функционирует как целостный организм, но внутри него отдельные этнические группы, живущие сплочённо, образуют анклавы (кварталы, слободы) в инокультурном окружении. Пути формирования

---

[1] В середине XIX в. в российских средних городах проживало от 5 до 25 тыс. чел., в малых городах – менее 5 тыс. (см.: *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990. – С. 22).

[2] Арск, Чистополь, Тетюши Казанского уезда, Буинск Симбирской губернии, Малмыж Вятской губернии, Троицк, Орск, Илецкая Защита Оренбургской губернии, Белебей, Стерлитамак Уфимской губернии, Николаевск Самарской губернии.

[3] *Хамитбаева Н. С.* Указ. соч. – С. 134–138.

таких анклавов: единовременное переселение большой группы, переезд к знакомым и родным, этническая жилищная дискриминация, совпадение отдельных этносов с социально оттеснёнными на менее благоприятные позиции социальными группами, расположение на месте будущего города нерусского населения; 3) дисперсно расселённые этноконфессиональные группы с неравномерной долей жителей в разных районах города. Здесь усиливается роль социального фактора – расселение зависит от занятий и социального статуса горожан[1].

По нашему мнению, в ряде городов России в XIX в. сформировались экономически сильные этноконфессиональные общины, расселение которых соответствовало второму типу расселения, однако по социокультурному развитию они претендовали на статус мусульманской (татарской) «общины-города», основными признаками которой являлись:

1) существование определённой территории или нескольких с хозяйственным укладом и своеобразной культурой, кварталов компактного обитания по принципу соседской общины, формирование части или целых улиц по градостроительным правилам;

2) наличие недвижимости (каменных зданий частных и общественных учреждений: богослужебных, учебных, торговых и (или) промышленных заведений);

3) существование общественных институтов: двух и более махаллей со штатом духовенства; школ, которые охватывали национальным образованием практически всё подрастающее поколение единоверцев, культурно-просветительских или благотворительных организаций – в начале XX в.;

4) наличие значительного контингента постоянных жителей (купцы, мещане);

5) наличие прослойки предпринимателей, купцов, которые в основном финансировали религиозные и национальные институты;

6) экономическая самодостаточность общины в решении ключевых социальных проблем её членов;

7) участие в решении проблем в сфере хозяйственного, торгового, культурного развития поселения, отстаивание интересов общины перед правительственными учреждениями и городским общественным органом самоуправления.

В 1-й половине XIX в. мусульманские (татарские) «общины-города» функционировали в Казани, Сеитовом Посаде (Каргалы), Семипалатинске и Петропавловске. В конце XIX в. на юго-востоке страны этот список пополнился этноконфессиональными общинами Троицка, Орска и Оренбурга, в начале XX в. татарской общиной Уфы.

Из обозначенных нами городов Казань, Астрахань, Оренбург, Семипалатинск, Петропавловск являлись в конце столетия крупными городами. По статусу все они, кроме Петропавловска, имели статус губернских центров. Уездные города (Троицк, Орск) были средними поселениями. В Каргалы, лишённой в 1828 г. Татарской городовой управы, действовало упрощённое городское управление.

---

[1] *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX – нач. XX в. : стат. анализ. – Л., 1984. – С. 13–14.

Статусу крупной татарской общины соответствовала Казань (28 520 чел.). Средними «мусульманскими (татарскими) общинами-городами» являлись общины Астрахани (16 959 чел.), Семипалатинска (14 660 чел.), Оренбурга (13 257 чел.), Троицка (8430 чел.), Петропавловска (6087 чел.). Лишь в Семипалатинске доля татарского населения среди мусульман составляла менее половины, хотя она однозначно доминировала в социально-экономической и культурной жизни общины. Остальные мусульманские «общины-города» по этническому составу являлись татарскими, динамику и содержание социокультурных процессов в них определяло татарское сообщество.

По мнению социологов, именно в городах, население которых превышало 20–30 тыс., имелись возможности для радикального развития межличностных отношений – перехода от первичных к вторичным контактам, от связей общины к связям общества[1]. Этот процесс протекал под руководством татарской буржуазии.

Большую роль в организации единого культурно-религиозного пространства и воздействии на городское хозяйство играл удельный вес мусульман. Численность мусульманского населения составляла от $^1/_3$ до $^1/_4$ жителей в средних городах: Троицке (36,2 %), Петропавловске (30,9 %). В крупных городах мусульмане составляли менее $^1/_5$ жителей: в Казани – 21,8%, Астрахани – 15 %, Оренбурге 18,6 %. Лишь в Семипалатинске мусульманами являлись более половины горожан.

Таким образом, социальное развитие татарского общества имело свои особенности: отсутствие в социальной иерархии татар помещиков и крепостных крестьян, принадлежность основной массы татарских земледельцев к государственным крестьянам и другим группам свободных обывателей, низкий социальный статус мусульманского населения и уровень урбанизации, следовательно, изолированность его от ключевых российских общественно-политических процессов.

Для мусульманских народов были характерны общие тенденции развития, которые определялись главным образом уровнем социально-экономического развития регионов их обитания, модернизационными процессами. Знаковым событием стал ряд законодательных инициатив правительства последней четверти XVIII в.: учреждение сословия гильдейского купечества, ставшего «социальным лифтом» для мещан и крестьян, активно занимающихся предпринимательством; разрешение приписаться «мурзам-лапотникам» – потомкам представителей средневековой тюрко-татарской элиты в Волго-Уральском регионе – в российское дворянство; признание мусульманского духовенства пастырями одной из «терпимых» религий в империи (правительство законодательно зафиксировало высокое общественное положение приходского духовенства).

Проникновение в татарское сообщество в период модернизации России и развития капиталистических отношений обновленческих идей во многом было обусловлено позицией и деятельностью представителей вышеназванных сословно-

---

[1] *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. – СПб., 1905. – С. 117–136; *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990. – С. 25.

социальных групп. Эти социальные группы стали выполнять, исходя из конкретных исторических и местных условий, роль локальных и общетатарских национальных элит.

Обновление жизни татарского сообщества во многом зависело от позиции татарской буржуазии, и то, что этот процесс осуществлялся самими татарами и за счёт татар. Предстояло вкладывать средства в «дело», которое должно было вернуться в виде повышения материального благосостояния населения, способствующего росту платёжеспособности в приобретении товаров национальной буржуазией, изменению отношения к западноевропейской роскоши. Требовались значительные финансовые затраты, настойчивость и усилия, потому что предстояло обновление практически всех сфер жизни в условиях господства схоластического мировоззрения мусульман и противодействия традиционалистов.

ОМДС – головное звено религиозно-культурной автономии

Екатерининский указ от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» впервые провозгласил принцип веротерпимости к исламу в Российской империи. Признание ислама одной из «терпимых» религий в государстве означало необходимость создания нормативной правовой базы государственно-церковных отношений. В 1783 г. правительство принципиально высказалось за назначение всех независимо от статуса духовных лиц из числа исключительно российских подданных.

Религиозно-культурная автономия – система реализации татарами и башкирами в аграрной России своих духовных и культурных потребностей в рамках мусульманских приходов в округе ОМДС, действующих в имперском политико-правовом поле. Юридическое закрепление религиозно-культурных автономий татар началось после учреждения ОМДС, которое придало им системность и завершённость, став главным институтом, представляющим интересы татарского общества перед имперской властью. Важнейшим условием религиозно-культурных автономий являлось единое культурно-языковое пространство на территории населённого пункта.

В российском законодательстве территория округа ОМДС была единожды очерчена в именном указе Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Сенату об организации в Уфе специального религиозного управления.

В 1868 г. в соответствии с «Временным положением о преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьим войском», духовные дела казахов во вновь учреждённых Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях были изъяты из подчинения ОМДС. Оно продолжало курировать лишь татарские общины, переселившиеся из внутренних губерний. Таким образом, можно констатировать, что в

округ ОМДС входила территория, оказавшаяся в составе России во 2-й половине XVI – 2-й трети XVIII в. за исключением Таврической и западных губерний, Кавказа и Закавказья, Туркестана и степных областей. Огромное евразийское пространство по мере хозяйственного освоения, миграции, ссылки, урбанизационных процессов постепенно заселялось мусульманами из внутренних губерний.

Таблица № 7

Сведения о мечетях, медресе, духовенстве и прихожанах, подведомственных ОМДС[1]

Года	Мечети	Медресе	Духовенство	Прихожане
1860	4525	1075	6188	1838218
1862	3591	1404	6326	1854909
1863	3591	1404	6326	1854909
1864	3550	1569	6096	2074182
1865	3550	1569	6096	2074182
1868	4052	1396	6513	2104190

К 1868 г. в округе ОМДС насчитывалось 2,1 млн мусульман, которые под руководством 6,5 тыс. духовых лиц были объединены в более 4 тыс. приходов.

По мере их расселения в центральных губерниях, на окраинах, в Сибири формирующиеся на новом месте обитания махалли расширяли границы округа ОМДС. В случае обращения татарских общин, состоящих из уроженцев Поволжья и Приуралья, обустроившихся в городах, индустриальных центрах и других местах в западных губерниях, Великом княжестве Финляндском, Закавказье и др., по вопросам утверждения имама, возведения мечети с образованием прихода, Духовное собрание курировало их в религиозно-административном отношении, создавая тем самым островки своего влияния в округах других региональных духовных управлений.

К 1889 г. численность приходов в округе ОМДС увеличилась до 4254, наличных душ прихожан мужского и женского пола до 3 405 460. Ахунов числилось 65, хатибов – 2734, мударриссов и имамов – 2621 и муэдзинов – 1783.

---

[1] *Махмутова А. Х.* Возрождение и развитие системы образования татар-мусульман в Волго-Уральском регионе в конце XVIII – начале XX в. // Научный Татарстан. – 2011. – № 1.– С. 179 (табл. 1).

Таблица № 8

Численность мусульманского населения и приходов по губерниям и областям в округе ОМДС в 1889 г.[1]

Губернии, области	Муж.	Жен.	Число приход.
Астраханская	26851	24545	77
Акмолинская	4285	3989	9
Вятская	60380	59695	150
Временный Совет Внутренней Киргизской Орды	26576	26400	59
Екатеринославская	296	155	неизв.
Енисейская	1948	809	2
Иркутская	1471	996	неизв.
Костромская (в Костроме)	189	176	1
Казанская	311928	297610	845
Московская (в Москве)	1513	812	1
Нижегородская	22515	23399	57
Оренбургская	165234	152988	500
Пермская	71152	67625	197
Пензенская	31229	31348	121
Рязанская	3317	3449	10
С.-Петербург	1800	150	3
Симбирская	60587	59543	169
Семипалатинская обл.	282747	237206	14
Саратовская	41204	40614	151
Самарская	72739	76652	282
Тамбовская	10440	9854	27
Тобольская	31173	27322	133
Томская	16753	13455	28
Уфимская	493768	489017	1396

[1] В память столетия Оренбургского магометанского Духовного собрания, учреждённого в Уфе // Оренбургское магометанское Духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в. : материалы одноимённого научного семинара, посвящённого 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). – Казань, 2011. – С. 197–198.

Уральская область	9605	8688	14
Ростов-на-Дону	176	85	1
Гельсингфорс	Не показано, военное сословие		
Одесса	Число душ	не показано	1
Кронштадт			1
Варшава			1
Харьков			1
Николаев, Херсонская губ.			1
Баку			1

По численности прихожан и приходов первое место занимала Уфимская губерния, затем губернии: Казанская, Оренбургская, Самарская, Пермская, Симбирская, Вятская, Саратовская и др.

Согласно сведениям Первой всеобщей переписи 1897 г., в России (без Бухарского и Хивинского ханств) проживало 13,6 млн мусульман, или 11,6 % всех российских подданных, в том числе в Европейской части России – 3,5 млн, Сибири – 126 тыс., в Средней Азии – около 7 млн, на Кавказе – 3,2 млн. Удельный вес мусульман в каждом из перечисленных регионов сильно различался. Если в Средней Азии и на Кавказе они составляли значительный контингент жителей – соответственно 90,29 % и 34,54 %, то в Европейской части России и Сибири – всего 3,8 % и 2,2 %[1]. В начале XX в. компетенция ОМДС распространялась на 84 губернии, 5 областей, 6 градоначальств центральной России, Поволжья, Приуралья и Сибири[2].

ОМДС выступало перед центральными и местными органами власти защитником интересов российской уммы касательно вопросов расширения поля применения шариата в имперском социокультурном пространстве и создания условий для исполнения религиозных потребностей мусульман в стране. При решении ключевых вопросов религиозного быта мусульман правительство опиралось на мнение ОМДС, а также, начиная со 2-й половины XIX в., на российских востоковедов, совмещающих преподавательскую и исследовательскую деятельность с работой в центральных органах власти.

Духовное собрание как казённое учреждение. В иерархической системе государственных органов Российской империи статус религиозного управления был определён в 1793 г. как «среднее судебное место», и его три заседателя начали

---

[1] Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. Разработан Центральным статистическим Комитетом министра внутренних дел по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. – СПб., 1901. – С. 2–5.

[2] *Фархшатов М.* Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. – М., 2006. – Т. 1. – С. 288.

определяться из числа духовных лиц Казанской губернии сроком на три года. В 1792 г. сотрудники-мусульмане Духовного собрания получили возможность отдыха в пятницу, исламский праздничный день (в связи с тем, что среди сотрудников были русские, религиозное управление отдыхало и в воскресенье, и в другие «табельные» праздники).

Духовное собрание представляло коллегиальное учреждение, состоящее из муфтия, трёх кадиев (заседателей) и служащих канцелярии, и дела решались простым большинством голосов его членов. Личные решения муфтиев не имели силы судебных приговоров и не принимались к исполнению. Оренбургский муфтий назначался императором. Эту высокую должность занимали Мухамеджан Хусаинов (1788–1824 гг.), Габдессалям Габдрахимов (1825–1840 гг.), Габдулвахид Сулейманов (1840–1862 гг.), Салимгарей Тевкелев (1865–1885 гг.), Мухаммадьяр Султанов (1886–1915 гг.), Мухаметсафа Баязитов (1915–1917 гг.).

Согласно российскому законодательству, Духовное собрание в иерархии местных органов власти представляется как непосредственно подчинённое губернскому правлению орган. Однако в действительности до 1881 г., до ликвидации института оренбургского генерал-губернатора, Духовное собрание находилось под двойным контролем местных органов власти: уфимского губернатора и начальника Оренбургского края. Последний из них имел право вмешиваться в любую область деятельности административно-религиозного органа мусульман Европейской части России. После 1881 г. его функции по контролю над Духовным собранием были распределены между уфимским губернатором и ДДДИИ МВД, являвшимся высшим уровнем надзора над ним. Теперь в своих действиях оренбургский муфтий стал подотчётен уфимскому губернатору как главному представителю государственной власти на данной территории. О разрешении отпуска и выезда из Уфы как по служебным, так и по личным делам муфтия МВД обязательно предварительно уведомляло местного губернатора[1].

Жалобы на решения Духовного собрания подавались начальнику губернии, который, потребовав от собрания нужные сведения, представлял их на рассмотрение центральной власти[2].

Фактически получалось, что все вопросы решались с участием местного полицейско-административного органа, он являлся как бы связующим звеном между административным органом мусульман Европейской части России и российской властью. Только два вопроса как бы не подпадали под эту статью: 1) исполнения муллами своих духовных обязанностей; 2) контроль за деятельностью школ в учебном и нравственном отношениях, что логически вытекало из обязанностей Духовного собрания следить за действиями духовенства[3]. Последнего права Духовное собрание лишилось в 1874 г. после появления закона о передаче мектебе и медресе и всех частных школ мусульман в ведение Министерства народного просвещения.

В 1789 г. при оренбургском муфтии была создана за казённый счёт канцелярия с несколькими служащими: секретарь, столоначальники, переводчик, журна-

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1068. – Л. 59–60, 62, 100 и др.

[2] Свод учреждений и уставов управлений духовными делами иностранных исповеданий христианских и иноверных. Изд. 1857 г. // СЗРИ. – Т. 11. – Ч. 1. – Ст. 1239.

[3] Там же. – Ст. 1238.

лист и канцелярские служители[1]. С разрешения министра внутренних дел муфтий имел право распределять остатки сумм в награду наиболее отличившимся чиновникам[2].

Несмотря на то что собрание было коллегиальным органом, муфтий лично назначал всех сотрудников, в том числе секретаря, что вызывало ропот со стороны власти и воспринималось как потеря ими контроля над учреждением. В частности, муфтии С. Тевкелев и М. Султанов успешно осуществляли политику коренизации. В результате в 1890-е гг. ключевые должности столоначальников и секретаря занимали татары, более половины канцелярских работников также были мусульманского вероисповедания. Таким образом, ОМДС стало подлинным татарским религиозным учреждением.

Делопроизводство в канцелярии Духовного собрания велось на русском языке. В целом порядок производства дел в нём осуществлялся как в общих губернских учреждениях. Ведение делопроизводственной документации в ОМДС имело некоторые особенности. Письма от духовных лиц поступали на татарском языке. Вплоть до начала XX в. члены присутствия, не знающие или недостаточно знакомые с канцелярским порядком и не подготовленные для рассмотрения документов на русском языке, создавали серьёзные затруднения для секретаря и столоначальников.

Поскольку большинство татарских духовных лиц не знали государственного языка и русский образовательный ценз для поступающих на духовные должности был введён только в 1891 г., печатные предписания из Духовного собрания доводились до них на русском языке с переводом на татарский. Иначе говоря, в Духовном собрании татарский язык признавался языком делопроизводства. Такой порядок был обусловлен также важностью той миссии, которую российское правительство возложило на мулл как на священнослужителей.

В собрание ежегодно поступали и хранились все метрические книги мусульманских приходов округа, начиная с 1829 г. По сути собрание являлось нотариальной конторой актов гражданского состояния всех сословий мусульманского населения Волго-Уральского региона и Сибири.

Постановления коллегиальных присутственных мест, каковым являлось ОМДС, излагались в виде журналов, составляемых по установленной для этого форме. Они заключали в себе изложение не только обстоятельств дела и окончательных постановлений учреждения, но и относящихся к делу законов, служащих основанием наследовавшего окончательного по делу постановления.

Все финансовые операции Духовного собрания находились под контролем губернской администрации. Правительственный контроль распространялся и на внебюджетные средства религиозного учреждения (метрические и брачные сборы). Используя эти средства на выполнение ОМДС возложенных государством функций, власть не позволила создать при Духовном собрании из метрического и брачного сборов своеобразный внебюджетный фонд, средства которого муфтии С. Тевкелев, М. Султанов мечтали использовать для материальной поддержки бедных духовных лиц, конфессиональных школ, реализации социально значимых проектов для

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 977. – Л. 49 об. –50.
[2] ПСЗ-I. – Т. 23. – № 16759.

мусульманского населения. В целом следует констатировать, внебюджетные доходы были использованы на насущные нужды религиозного управления, служили улучшению делопроизводства и жизнедеятельности ОМДС.

ОМДС как казённое учреждение существовало в условиях жёсткой экономии, постоянной нехватки средств для исполнения функций религиозного учреждения и низкого жалованья заседателей и сотрудников, за исключением муфтия. В условиях постоянного увеличения оборота делопроизводственной документации и при ограниченности штатов составление ответов в сроки, установленные законом, было делом нелёгким.

Стеснённость в материальных средствах негативно сказывалась на ведении на должном уровне делопроизводственной документации[1].

Сотрудники канцелярии собрания пользовались правами государственной службы. Среди членов религиозного учреждения статус высокопоставленного российского чиновника имел лишь оренбургский муфтий.

Административно-судебная деятельность ОМДС в конфессиональном государстве. По исламу, муфтий (*араб.* – «высказывающий мнение», «дающий фетву») – знаток шариата, дающий разъяснение его основным положениям и принимающий решения по спорным вопросам в форме особого заключения (фетвы). У оренбургских муфтиев такие права были изъяты и осталось, по сути, одно название, которое ассоциировалось с духовным главой мусульман соответствующего округа. Его права по изданию фетв и выносу суждений по шариатским делам российской властью были делегированы ОМДС. Он мог выступать в качестве одного из кадиев, когда заседал в ОМДС. Согласно закону, постановления Духовного собрания имели силу только в случае участия на его заседаниях не менее трёх членов из четырёх.

Муфтий был председателем религиозного управления. Его личные распоряжения не имели силы судебных приговоров и не принимались к исполнению. Муфтии практиковали издание наставлений, что соответствовало исламской традиции. Разница между наставлениями муфтия и решениями ОМДС заключалась в том, что тексты наставлений имели рекомендательный характер, а постановления были обязательны для исполнения.

В российских реалиях, когда среди мусульманских религиозных деятелей было мало лиц, грамотных по-русски и знающих российские законодательство и делопроизводство, оренбургские муфтии выполняли, с одной стороны, функции представителя доверенного лица коренной власти в учреждении, руководившем религиозными делами мусульман, с другой стороны, исходя из своей должности председателя ОМДС, они представляли интересы уммы, выступая посредником между мусульманским сообществом (через приходских духовных лиц) и властью.

Первоначально ОМДС должно было заниматься только назначением в приходы духовных лиц. Постепенно происходило расширение его компетенции. В целом, в процессе взаимодействия с духовными лицами, отдельными мусульманами, приходами и правительственными учреждениями в рамках определённых государством

---

[1] *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское Духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа, 1996. – С. 88.

полномочий, определились следующие основные предметы ведомства Духовного собрания:

1) производство испытаний лицам, желающим занять какую-либо духовную должность;

2) надзор за действиями мулл, относящимися к их духовным обязанностям, и наложение взысканий за нарушение;

3) дела о построении мечетей и назначении к ним духовных лиц;

4) дела по заведыванию метриками;

5) рассмотрение в качестве второй инстанции жалоб на приходское духовенство по следующим делам:

а) о порядке богослужения, обрядах и исправлении треб;

б) о заключении и расторжении браков;

в) о частной собственности в случае споров, возникающих по завещаниям или при разделах наследственных имуществ;

г) о неповиновении детей родителям;

д) о нарушении супружеской верности;

6) дела по заведыванию метрическими суммами, брачными и другими сборами;

7) дела об управлении приходскими (мечетскими) и школьными имуществами;

8) дела о причислении к приходам лиц, уклонившихся в магометанство из других исповеданий.

В ОМДС поступали также дела, связанные с деятельностью конфессиональных школ. После их передачи в 1874 г. в ведение МНП на обращения правительственных органов и должностных лиц религиозное учреждение отписывалось тем, что этот вопрос не входит в его компетенцию.

В соответствии с указаниями правительства Духовное собрание в своих постановлениях стремилось убедить имамов не допускать насильственных браков. Духовное собрание рассматривало обращения женщин, жалующихся на родителей, принуждавших их к вступлению в брак по принуждению, и своими постановлениями стремилось добиться выхода замуж по желанию.

Хотя официально в документах ОМДС часто называли «Махкама-и шаргыя Ырынбургия», и оно должно было выступать в качестве суда апелляционной инстанции, его деятельность отличалась от шариатского суда. Мусульманам не обязательно было ехать в Уфу, чтобы представить свои дела и защищать их в суде, а обратиться в ОМДС с письменной жалобой. На практике ОМДС нечасто самостоятельно разрешало спор и выносило решение. Как правило, оно просто перенаправляло дело более влиятельному духовному лицу или губернским властям; если оно подлежало рассмотрению по общим российским законам, отсылало обратно просителю, ссылаясь на то, что вопрос не в его компетенции. Тем не менее ОМДС осуществляло всю переписку между имамами, губернскими чиновниками и прихожанами: следило за тем, как дело продвигалось и требовало, чтобы имамы и ахуны, которым было поручено решение вопроса, а также губернские чиновники докладывали о нём. ОМДС функционировал как бюрократический, нежели правовой институт. По делам о неповиновении родителям и нарушении супружеской верности религиозное учреждение ограничивалось только «увещеваниями и на-

ложением духовного наказания и исправления». Уголовное наказание определяли органы юриспруденции[1].

ОМДС, не имея возможности осуществлять контроль над приходским духовенством, лишь реагировало и принимало решения на поступавшие жалобы прихожан или священнослужителей друг на друга. Его решения доводились до адресата через губернское или волостное правление после расследования ОМДС, которое, как правило, поручалось местной администрации, а также авторитетному имаму[2]. Предание суду и возбуждение судебного преследования также не являлись его функциями. Духовное собрание могло лишь сообщать о незаконных поступках духовных лиц и дать рекомендации о возбуждении уголовного дела. Со 2-й половины XIX в. власти перестали помогать ОМДС контролировать приходское духовенство. В дальнейшем муфтии проводили организационную работу только через духовенство[3].

Для российского общества важное значение имела пропаганда получения медицинских знаний. Правительство активно использовало Духовное собрание в борьбе с холерой, оспой и другими эпидемическими болезнями.

ОМДС в своих постановлениях выступало против пьянства, считая спиртные напитки источником большинства преступлений в обществе, предписывало духовным лицам беспрестанно вести работу с прихожанами по профилактике. В 1882 г. муфтий С. Тевкелев безуспешно пытался на законодательном уровне запретить продажу вина в мусульманских селениях[4].

В 1-й половине XIX в. семейными и имущественными тяжбами занимались ахуны. Во 2-й половине столетия большинство разбирательств проводили местные имамы, а ахуны принимали дела к рассмотрению по поручению Духовного собрания в случае повторных жалоб спорящих или необходимости доследования.

Ущемление гражданских прав мусульман в плане реализации своих законных прав по разделам имущества по наследству и семейным разделам по шариату во многом было связано с сословным характером общественных отношений в Российской империи. Дело в том, что в положениях о крестьянах, мещанах и других сословий чётко было зафиксировано, что имущественные притязания при расторжении браков подлежат разбирательству в общих гражданских судах. Именно этими локальными сводами законов пользовалась местная администрация при возникновении подобных дел. В плане соблюдения правого положения податных сословий, на первый взгляд, трудно их обвинять в предвзятости. Потому что особые положения, закрывавшие доступ крестьянам и мещанам к основным законам и закреплявшие их гражданскую неполноправность, регулировали практически все стороны жизнедеятельности местных обществ. В этих условиях реализация гражданских прав мусульман зависела не от «гражданских законов», которые, скажем, при существовании специального

---

[1] *Гарипова Р. Р.* Политика брака и развода у мусульман Волго-Уральского региона в имперской России конца XIX – начала XX века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. ст. – Казань, 2011. – Вып. 2. – С. 174.

[2] Там же.

[3] *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское Духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – С. 166.

[4] Там же. – С. 170.

положения о крестьянах как бы становились не обязательными и зависели от позиции местного чиновника, курировавшего сельские общества.

В «Своде законов Российской империи»[1] не был чётко оговорён принцип раздела частной собственности в случае, если недовольная сторона подаст апелляцию на судью – местного имама. Местные судебные органы, следуя буквальному смыслу вышеприведённой выдержки из статьи закона, как правило, решали апелляции по законам гражданским, что существенно отличалось от духовных, что было выгодно недовольной стороне раздела имущества.

В 1872 г. уфимский губернатор С. П. Ушаков, выявляя роль Духовного собрания в вопросах раздела имущества, констатировал, что решения после рассмотрения Духовным собранием апелляций «не имеют в действительности для спорящих сторон значения, и едва ли когда-либо могут вести к удовлетворительному окончанию дела, тем более что нет основания предполагать, чтобы сторона, оставшаяся недовольной при мировом разборе дела муллою, была довольна таким же неблагоприятным для неё решением Собрания, или же, в противном случае, т. е. при отмене Собранием решения муллы, другая сторона, удовлетворилась таким, невыгодным для неё, оборотом дела, всегда имея возможность обратиться с просьбою в обыкновенные судебные места и искать удовлетворения по общим гражданским законам»[2].

Согласно правилам раздела имущества мусульман в округе ОМДС, утверждённым МВД 22 мая 1893 г., мулла имел право приступить к разделу имущества только по заявлению прихожан или на основании поручения Духовного собрания, но не по своей личной инициативе[3].

Во исполнение закона от 18 марта 1886 г., направленного на ограничение семейных разделов в крестьянских хозяйствах, ОМДС циркулярным предписанием от 7 августа 1891 г. обязало приходских духовных лиц «не принимать на себя производство семейных разделов на самостоятельные хозяйства, порядок разрешения которых по закону 18 марта 1886 года принадлежит сельскому сходу, и не разделять

---

[1] Законы гражданские // СЗРИ. – Т. X. – Ч. 1. – Ст. 1338; Свод уставов духовных дел иностранных исповеданий. Изд. 1896 г. // СЗРИ. – Т. XI. – Ч. 1. – Ст. 1346.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 211.

[3] Лишь по указанию местной администрации производство раздела могло быть поручено имаму соседней махалли. Необходимым условием для начала процесса было указано наличие у несовершеннолетних наследников опекунов. Приступая к разделу, имам был обязан получить от всех совершеннолетних наследников и опекунов несовершеннолетних лиц отзывы на согласие проведения раздела этим духовным лицом. Иначе он должен был отказаться, рекомендовав им обратиться в гражданский суд. В разделе имуществ умерших мусульман основным руководством становился «Фараиз». Письменный акт раздела имущества, подписанный кроме муллы всеми свидетелями, бывшими при разделе, и наследниками, выдавался последним, которые заверяли документ у нотариуса или в волостном правлении. Если же среди участников раздела было лицо несовершеннолетнего возраста, то акт предварительно утверждался органом, наблюдавшим за опекунами: у крестьян и лиц, принадлежащих башкирскому сословию – сельским сходом, у мещан, купцов и чиновников – сиротским судом, у дворян – дворянской опекой. Недовольные разделом наследники могли обратиться для пересмотра дела в Духовное собрание или гражданский суд. Последний при распределении имущества обязан был руководствоваться не общими гражданскими законами, а мусульманскими (см.: Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского Духовного собрания. 1841–1901 гг. / сост. Р. Фахрутдинов. – Уфа, 1902. – С. 61–62).

имущества, указанного в ст. 5 закона, именно усадебных участков, строений и того движимого имущества, которое составляет принадлежности крестьянского хозяйства, как то: земледельческих орудий, скота и т. п.»[1]. С этого времени разделы муллы могли производить лишь с согласия сельского общества, которое оформлялось в форме общественного приговора. Сельское общество не вмешивалось в семейные дела односельчан, общественный приговор был формальным документом. Однако власти следили за исполнением закона. Как правило, при раскрытии незаконных действий духовенства, они оправдывались тем, что осуществляли лишь составление описи имущества семейства, а к разделу не приступали. Их доводы поддерживались прихожанами, и в результате муллы избегали наказания[2].

Духовное собрание также занималось вторичной регистрацией письменных духовных завещаний. Первую регистрацию проводили палаты гражданского суда. Религиозное учреждение следило за тем, чтобы завещание было подтверждено двумя свидетелями (шахидами), а сам завещатель находился в здравом уме и был правоспособным распоряжаться имуществом. В письменных завещаниях обязательны были указания распорядителя наследства (васи).

По мере возможности Духовное собрание старалось оказывать материальную поддержку конфессиональным школам несколькими путями. Основным препятствием, не позволявшим мусульманам получать от земств материальную помощь на содержание мектебе и медресе, являлось отсутствие в шариате положения, позволявшего получать пособия от подобных учреждений. 8 августа 1906 г. ОМДС провозгласило, что шариат не запрещает использовать земское пособие для построения и содержания мусульманских учебных заведений. Лишь после первой российской революции мусульманские общины Волго-Уральского региона стали видеть в «земском пособии» важную часть дохода приходов[3].

Таким образом, в своей деятельности Духовное собрание руководствовалось своеобразным синтезом норм шариата и общероссийского законодательства. Под давлением властей Духовное собрание принимало постановления, запрещавшие религиозным служителям применение тех положений шариата, которые явно противоречили законам империи. Эти запреты в основном касались системы наказаний за нарушение норм общественной нравственности и порядка, предусмотренных мусульманским правом. При решении ключевых вопросов религиозного быта мусульман власти опирались на мнение ОМДС, а также, начиная со 2-й половины XIX в., на российских востоковедов, совмещающих преподавательскую и исследовательскую деятельность с работой в центральных органах.

Вместе с приходскими духовными лицами ОМДС принадлежит большая заслуга в распространении и утверждении исламских ценностей и традиций среди населения.

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. / сост. Р. Фахрутдинов. – Уфа, 1905. – С. 54.

[2] НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 6781. – Л. 1–20.

[3] *Наганава Норихиро*. Мактаб или школа? Введение всеобщего начального образования в среде Волго-Уральских мусульман // Научный Татарстан. – 2012. – № 1. – С. 79.

Одновременно по указанию правительства ОМДС выполняло множество административных функций. Эти вопросы в той или иной степени имели отношение или были сопряжены с религиозными правами и исламским образом жизни мусульман. Другая часть вопросов не имела прямого отношения к исламу, однако в условиях религиозной ментальности и незнания большинством мусульманского населения русского языка и грамоты, отсутствия русских чиновников, владеющих тюркскими языками, Российской империи было выгодно использовать в разъяснении нововведений религиозное управление и подчинённое ему приходское духовенство. Третье и важнейшее направление в деятельности ОМДС заключалось в воспитании лояльного власти христианского государства мусульманского населения.

Социально-культурные процессы и особенности модернизации в мусульманском сообществе

На рубеже XVIII–XIX вв. в татарском обществе появились религиозные деятели, выпускники среднеазиатских медресе, которые стали осознавать отсталость мусульманских законов и жизнедеятельности татар, усматривая причину этих явлений в схоластическом образовании. В частности, известный просветитель А. Курсави (1776–1812) решительно выступил против некоторых мусульманских теологов, отстаивая право разума на самостоятельное толкование религиозных положений[1]. Его идеи были развиты Ш. Марджани (1818–1889).

Ш. Марджани ратовал за очищение ислама от новшеств, за возврат к временам пророка Мухаммеда, которые он мыслил как «обновление веры» – «очистив» ислам от позднейших наслоений, стремился приспособить его к новой социокультурной ситуации, возникшей в Волго-Камье во 2-й половине XIX в.[2] Он указывал на необходимость русского языка для татарского общества, но в то же время строго отстаивал целостность религиозных особенностей народа[3].

В российских реалиях строительство культовых сооружений и школ за счёт мусульман стало традицией. Практически все крупные и знаменитые медресе существовали благодаря меценатам. В оказании финансовой поддержки по строительству и содержанию мечетей и конфессиональных школ преобладал земляческо-общинный подход. Меценат вкладывал средства в родном селении (в крайнем случае в волости), где обучался он сам, его сыновья, или в приходах, где муллой состоял родственник.

В конце столетия администрация Казанской губернии указывала, что «среди новаторов заметна тенденция очищения религии от суеверий и ложных толкований, высказываются даже пожелания, чтобы на татарский язык был переведён Коран и другие религиозные книги для ознакомления татар с сущностью и духом религии,

---

[1] *Юзеев А.* Мировоззрение Ш. Марджани и арабско-мусульманская философия. – Казань, 1992. – С. 30.

[2] Там же. – С. 37–38.

[3] *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы поволжских татар до революции 1917 г. – Казань : Иман, 1998. – С. 61.

а не с одной внешней формой её, как это делается теперь громадным большинством мулл»[1].

В начале 1860-х гг. лектор восточных языков Санкт-Петербургского университета Х. Фаизханов разработал проект «Большое медресе» в Казани с контингентом учащихся в 60–70 чел. В двух группах планировалось по пять классов (каждый с двухлетним сроком обучения). В первой группе предполагалась подготовка духовных лиц, обучение их тюркскому, персидскому, арабскому, русскому языкам. Сама идея обучения шакирдов родному языку являлась в тот период неслыханной новизной. Для успешного усвоения восточных языков и исламских наук шакирды освобождались от французского и немецкого языков, а также нескольких гимназистских предметов и русского языка в старших классах. Будущие духовные лица, помимо всех исламских религиозных наук, должны были изучать медицину на уровне подготовки фельдшера[2].

Преподавание предметов во второй группе «Большого медресе» должно было вестись по программе гимназий, а уровень образования окончившего медресе соответствовать седьмому классу гимназии. Преподавание учебных дисциплин планировалось вести на татарском и русском языках. Полученные знания, по замыслу автора проекта, открывали выпускникам возможность поступления в высшие учебные заведения[3].

Как видно, Х. Фаизханов выработал новую модель получения светского образования, синтезировав накопленный опыт русской системы обучения в этой области и установив преемственность между татарским и русским ступенями образования: 1) повсеместная начальная этноконфессиональная школа; 2) татарская светская средняя школа практически с аналогичными предметами обучения в русской гимназии; 3) русское высшее учебное заведение.

Однако проект не учитывал реалий и особенностей культурного развития татарского общества середины XIX в. Под воздействием будущего оренбургского муфтия С. Тевкелева Х. Фаизханов составил новую редакцию проекта, более адаптированную к социокультурной ситуации среди татар, в которой уже отсутствовал раздел о гимназистском, светском национальном образовании. Как признался автор в своём письме Ш. Марджани, «нет среди нас просвещённых людей, способных вести научные предметы. И по этой причине неизбежно будет проникновение русских в наше медресе, что [приводит] к отклонению. Поэтому для нас, оказывается, вполне достаточно, если хорошо освоить русский язык»[4]. Как известно, этот проект не был реализован.

В 1880 г. симбирские фабриканты Акчурины серьёзно обсуждали вопрос открытия медресе с общеобразовательной программой, однако проект также не был реализован[5].

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 99. – Л. 61.

[2] Хөсәен Фәезханов : тарихи-документаль җыентык / төз.-авт. Р. Мәрданов. – Казан, 2006. – 46–57 б.; *Хусаин Фаизханов*. Жизнь и наследие : историко-документальный сборник. – С. 21–28

[3] Хөсәен Фәезханов : тарихи-документаль җыентык... – 167 б.

[4] *Усманов М. А.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности. – Казань, 1980. – С. 133.

[5] *Смирнов В. Д.* К вопросу о школьном образовании инородцев-мусульман // ЖМНП. – 1882. – Т. 222. – Отд. 3. – С. 21.

В 1880-е гг. выработалась новая концепция развития национального образования. Крымско-татарский просветитель И. Гаспринский предложил трансформировать мусульманское общество России по европейской модели путём сохранения национально-религиозных традиций. Он призывал не бояться сближения с русской школой, отдавать своих детей в русско-татарские школы и русские учебные заведения при условии, что они первоначально усвоят в национальной школе основы ислама и грамоты и у них сформируется национальное самосознание; считал, что молодые люди, не знающие свои национальные традиции, родной язык и основы ислама, не принесут пользы своему народу. Русский язык как учебный предмет, по его мнению, должен был стать одной из дисциплин в новометодных татарских учебных заведениях. И. Гаспринский доказывал, что «исламский мир и религиозность» смогут прогрессировать лишь через науку и просвещение и что для мусульман, живущих в России, знание русского языка необходимо. Просветитель был убеждён, что российские мусульмане должны знать три языка: родной, государственный и международный[1].

И. Гаспринский отвергал обучение татар в начальной русской школе, которая при дальнейшем получении молодым человеком среднего и (или) высшего образования окончательно отрывало его от национальных корней. В его концепции признавалось правомерным обучение в национальной школе русскому языку как средству получения в дальнейшем европейских знаний. Лишь после окончания татарином национальной школы приветствовалось обучение в русской средней и высшей школе. Именно эта модель национального светского образования стала популярной среди джадидистов Поволжья и Приуралья на рубеже веков.

С 1890-х гг. татарская буржуазия выступила одновременно в качестве социального заказчика и финансиста культурного и религиозного реформаторства. Дело не только в том, что оба направления были тесно связаны и как бы взаимообусловливали друг друга, но и в том, что в рассматриваемое время религиозное и национальное самосознание татар-мусульман были идентичны. Неслучайно то что, прежде всего, в усилении и «обновлении» ислама представители национальной буржуазии видели будущее татарской нации и возможность противодействия ассимиляторской политике Российской империи.

С началом обновления общественной жизни и ислама схоластическое религиозное мировоззрение, служившее щитом в сохранении самобытности татар-мусульман, превратилось в тормоз, «тяжёлый груз», мешающий развитию.

Анализ отношения джадидистов к исламу во 2-й половине XIX в. имеет важное значение при выявлении первоначальных установок джадидистов без наслоения на них политической деятельности и развернувшегося культурного реформаторства в начале XX в. Видный татарский учёный Дж. Валиди отмечал, что в 80–90-е гг. XIX в., когда происходила реформа в национальной школе, деятельность джадидистов отличалась умеренностью и религиозностью, чем в период после 1905 г.[2]

Введение новометодного образования предполагало, помимо изучения грамоты по буквослагательному методу, ряд новшеств в учебном процессе:

---

[1] Тарджеман. – 1891. – 23 февр.

[2] *Валидов Дж.* Указ. соч. – С. 71, 74.

– начальная школа отделялась от медресе;

– для ибтидаи (начальной) школы назначались специальные учителя, т. е. происходило формирование группы учителей начальной школы;

– учитель работал не за подношения (садака) родителей учащихся, а за ежемесячную фиксированную зарплату;

– для девушек открывались отдельные школы, где они обучались письму.

Обучение велось по специальной программе, исходя из возрастных особенностей составлялись различные учебные пособия[1].

Реформирование содержания образования в татарском обществе происходило путём постоянного укрепления и расширения учебно-материальной базы, что послужило основой улучшения всего учебно-воспитательного процесса. В крупных медресе наблюдалось строительство отдельных помещений под общежитие шакирдам, столовой (кухни), учебных комнат. Улучшение финансирования новометодных учебных заведений и укрепление их учебно-материальной базы следует оценивать и как обновление общественной жизни части татарского общества (они, создавая условия для обучения, тем самым способствовали изменению традиционных методов обучения в конфессиональной школе), и как стремление реформаторов к западно-европейскому образованию. Привлечение в медресе нескольких преподавателей, ведущих отдельные учебные дисциплины, также было связано с финансовым состоянием медресе и в целом способствовало улучшению качества обучения.

Высокие профессиональные требования для желающих занять духовные должности должны были стать обязательными и повсеместными. Речь шла об улучшении качества обучения в медресе основ ислама наряду с введением светских предметов. Медресе должно было давать шакирдам углублённое религиозное образование с навыками самостоятельного осмысления и применения полученных знаний. Одним словом, речь шла о подготовке высококвалифицированных мусульманских духовных лиц, имеющих самостоятельное мышление и стремление использовать свои знания для обновления общественной жизни. Они должны были в религиозном плане быть не только конкурентоспособными по сравнению с предыдущим поколением духовных лиц, но и превосходить их. В этом заключалась преемственность джадидистов в исламе. Дж. Валиди справедливо указывал, что «...первые новометодисты не были вольнодумцами и беспощадными разрушителями старого порядка; наоборот, их тактика была чужда всякой прямолинейности и резкости, в особенности в начальном периоде, когда они поставили главной своей задачей направить дело религиозного образования на наиболее правильный путь, и очень осторожно относились к светским наукам, принимая их только в качестве орудия для наиболее основательного понимания религии»[2].

Следующим направлением религиозной деятельности джадидистов следует указать религиозное просветительство широких слоёв татарского населения, первым элементом которого предполагалась подготовка учёного муллы с прогрессивными взглядами. По их мнению, только такой человек мог внести новую струю

---

[1] *Баттал Г.-Б.* Казан төркиләре : тарихи язмалар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1996. – 130 б.

[2] *Валидов Дж.* Указ. соч. – С. 69.

в религиозно-бытовую жизнь мусульманской общины, в соответствующем духе наставлять прихожан и обучать их детей «сущности» ислама, не ограничиваясь лишь обрядовой стороной исполнения религиозных канонов.

Важным элементом в религиозном просвещении простого народа и учащихся мектебе стали книги, написанные на «народном языке» практически без «примесей» арабских и персидских слов, излагающие или объясняющие отдельные аспекты шариата и даже теологические проблемы. Такая практика должна была привести татарское общество к осознанному пониманию «сущности и духа» ислама, которого так боялись православные миссионеры.

В последней четверти XIX в. учёные мусульманского мира пришли к осознанию необходимости пересмотра программы своих богословских занятий, отмечает Дж. Валиди. Во-первых, необходимо было «защитить учение ислама от христианских миссионеров, организованно и систематически действовавших в области распространения христианства среди мусульманских народов. Во-вторых, нужно было переделать орудие борьбы»[1]. Центром нового умственного движения стала западная часть мусульманского мира, в особенности Каир. Здесь первыми основоположниками «прогрессивного и научного ислама» стали Джемаледдин Афгани, Мухаммед Габдух, Решид Риза. «В области защиты ислама против христианства и новой философии много работал и константинопольский учёный Ахмед-Мидхат, сочинения которого пользовались большим успехом среди новометодистов России»[2].

Учебно-религиозная литература для медресе Поволжья и Приуралья поступала из Каира и Медины. Таким образом, богословы и религиозные мыслители Каира, Медины и других городов оказали серьёзную поддержку мусульманам России в развитии богословско-философской мысли и повышении качества обучения в медресе прежде всего путём оказания учебно-методической помощи книгами и преподавателями, а также обучая в своих медресе татарских шакирдов.

Второе направление международного сотрудничества татар с мусульманским миром проявилось в культурных связях с Османским государством в плане обучения татарской молодёжи в учебных заведениях этой страны и доставки в Россию турецкой художественной литературы, освещающей передовые иден и европейский образ мысли и жизни.

Наибольшее влияние на общественное сознание татар оказывали те, кто занимался умственным трудом и издавал свои труды, календари, периодическую печать, кто преподавал в крупных медресе. Исходя из этого, основная группа джадидистов занималась изданием книг, учебников по исламу для учащихся мектебе (начальной школы).

Огромное значение в распространении передовых идей сыграла издаваемая И. Гаспринским с 1883 г. в Бахчисарае газета «Тарджеман»[3]. Один из активных

---

[1] *Валидов Дж.* Указ. соч. – С. 92.

[2] Там же. – С. 93.

[3] В 1885 г. тираж газеты составил 1000 экземпляров: в Крыму и Волго-Уральском регионе было по 300 подписчиков, в Дагестане – 150, в Средней Азии и Туркестане – 200, в Сибири – 50 (*Дәүләт Н.* Русия төркиләренең милли көрәш тарихы (1905–1907). – Казан, 1998. – 27 б.).

джадидистов конца XIX в. Г. Исхаки впоследствии подчёркивал, что «это была первая тюркская газета, сыгравшая в общественно-политической жизни всех тюркских народов бывшей России громадную историческую роль»[1]. Видный татарский писатель и общественный деятель имеет ввиду прежде всего период до 1905 г., когда в Поволжье и Приуралье властью запрещалось издание татарской периодической печати.

В статье «За десять лет», опубликованной в 1891 г., И. Гаспринский сделал анализ тем изменениям, которые произошли за этот период после издания в 1881 г. его брошюры «Русское мусульманство». Редактор газеты выделяет пять направлений, которые он наметил в этой брошюре и по которым он действовал: 1) необходимость периодических изданий для мусульман; 2) издание популярных научных и общеобразовательных книг; 3) реформа мектебе и медресе; 4) реформа русско-татарской школы в профессиональном направлении; 5) призывы «к благородной и благодарной работе в этом направлении молодых и интеллектуальных сил наших единоверцев»[2].

По его признанию, из указанных пяти направлений только в четвёртом пункте не было поступательного продвижения вперёд. За 1881–1891 гг. появилось более двух десятков новых книг: «романы», учебники по разным предметам, авторами которых были К. Насыри, Файзутдинов, З. Бигиев, Г. Ахунзаде, Г. Баязитов и др. Началась реформа мектебе, обучение по новому методу и т. д.[3]

Через свою газету И. Гаспринский оперативно доводил до сведения подписчиков о новых изданиях, результатах религиозной и просветительской деятельности Ш. Марджани, К. Насыри, Г. Баруди, М. Акъегетзаде, Ф. Халиди, Г. Баязитова, Р. Фахрутдинова и др. Его высокая оценка трудов джадидистов означала признание их заслуг по просвещению татарского народа и, безусловно, вдохновляла их, укрепляла связи между редакцией и мусульманами различных регионов России.

Новометодисты, кроме новой методики обучения чтению, большое внимание обращали на религиозно-нравственную сторону воспитания, на эту тему издавали учебные пособия. Проводя реформу корректно и осторожно, они ввели в медресе такие новшества, как каллиграфия, обучение искусному чтению Корана, публичные экзамены[4], позволяющие родителям увидеть конкретные результаты обучения своих детей.

Медресе нового типа с такими новыми курсами учебных дисциплин, как география, история, арифметика, основы педагогики, естественные науки и др., к учреждению которых призывал русских властей в 1882 г. И. Гаспринский[5], татары начали создавать на свои средства.

В 1882 г. после возвращения из-за границы Г. Галеева (Галимзян Баруди) в казанском медресе «Мухаммадия» ввели звуковое обучение азбуке, а с 1891 г. здесь

---

[1] *Исхаки Г.* Идель-Урал. – Наб. Челны, 1993. – С. 38.

[2] Тарджеман. – 1891. – 27 янв.

[3] Тарджеман. – 1891. – 21 янв.

[4] *Валидов Дж.* Указ. соч. – С. 71–73.

[5] *Гаспринский Исмаил бей.* Россия и Восток. – Казань : Жыен; Татар. кн. изд-во, 1993. – С. 54.

официально началось преподавание по новому методу с введением в программу обучения светских предметов[1]. До этого по новому методу стали обучать в КТУШ. Одновременно с медресе «Мухаммадия» новый метод обучения был внедрён в мектебе Юнусовского детского приюта, где в 1888–1890 гг. преподавателем работал выпускник Азимовского медресе Казани Х.-Г. Габаши. В 1892 г. медресе при Сенной мечети стало третьим джадидским учебным заведением в городе[2]. В 1901 г. казанский полицмейстер, обозревая учебно-методическую, административную и педагогическую деятельность Г. Баруди, заметил, что «Галеев стремится поднять свою школу до высшего учебного заведения – наравне с университетом»[3].

В Приуралье новый метод впервые был введён в начальных классах медресе «Усмания», открытого в 1888 г. муллой Х. Усмановым при первой городской мечети Уфы, в 1893 г. – в мектебе при медресе «Расулия» в Троицке[4].

Среди татарских купцов и промышленников своим авторитетом и финансами содействовали распределению джадидского образования оренбургский купец А. Хусаинов, переехавший в 1896 г. в Казань. Известно, что в 1900 г. он содержал на свои средства в сельских школах Казанской губернии до 25 учителей, обучающих по звуковому методу[5]. Его брат купец Г. Хусаинов в 1897–1901 гг. открыл в Оренбургской губернии около 100 новометодных учебных заведений и более 20 женских школ[6]. Назначая своих «инспекторов» для курирования деятельности учителей и оптимального расходования средств, он создавал свою «ведомственную» новую систему начального образования.

Появление новометодных мектебе вызывало противодействие мулл-традиционалистов (кадимистов). Они были убеждены в том, что в системе религиозного образования недопустимы какие-либо изменения и что нововведения «вносят порчу в ислам». Поскольку жалованье учителю новометодного образования и за квартиру для него, как правило, платил меценат, то в материальном плане он не зависел от махалли. Муллы-традиционалисты опасались, что после отстранения от преподавательской деятельности они потеряют «садака», который получали от родителей учеников, при этом уменьшатся их доходы и существенно ослабеет их влияние на прихожан. В большинстве селений обычно действовало одно мектебе. Это обстоятельство также усиливало противостояние сторон. В конце XIX в. новометодное обучение получило распространение в городских мектебе и лишь отчасти в сельских школах.

Во 2-й половине XIX в. большое значение в распространении светских знаний по естествознанию и другим наукам сыграли научно-популярные издания Каюма Насыри (азбука, книги по истории, ботанике, географии и др.), переводы пьес с

---

[1] *Салихов Р.* Становление новометодного образования в Казани в конце XIX в. // Иман нуры. – 1996. – № 4. – С. 40–47.

[2] Там же. – С. 43.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 99. – Л. 20.

[4] *Фархшатов М. Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. – М. : Наука. – С. 77–95.

[5] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 99. – Л. 21а.

[6] *Шайдуллина Р. Р.* Указ. соч. – С. 80.

русского и турецкого языков, календари и книги Ф. Халидова, настенные календари, самоучитель русского языка, учебник по географии и другие издания муллы Шигабутдина Рахматуллина[1].

В этот период на роль лидеров татарского общественного движения выдвинулись две группы деятелей нового поколения. Представители первой получили образование за границей: в светских и религиозных учебных заведениях Османской империи и Египта. Во время учёбы, поездок и общения с местным населением они осознали большое влияние Европы на жизнь мусульманских стран (которые до этого времени в значительной степени являлись идеалом для татарского общества) и незавидное место мусульман в мировом сообществе. Вторая группа была представлена амбициозными молодыми людьми, главным образом, учащимися или выпускниками КТУШ, воспитанными на национальных традициях и русской культуре, которые также активно публиковались. Некоторые из них увлеклись модными среди русской молодёжи социально-демократическими воззрениями[2], которые мусульмане не воспринимали.

Выпускники и обучающиеся в КТУШ, а также педагоги учебного заведения, благодаря полученным знаниям, по-новому, через призму российской действительности, смотрели на общественно-религиозную жизнь мусульман. Их деятельность выделялась прежде всего изданием популярных и учебных книг светского и духовного характера. Полицейские власти «первым новатором» в деле обучения мусульман звуковому методу в Казанской губернии считали учителя русского класса при медресе Старотатарской слободы Казани Шакирзяна Тагирова, издавшего в 1892 г. книжку по обучению детей грамоте. Учебник Ш. Тагирова выдержал два издания, потому что в нём была потребность, и послужил образцом для составителей подобных азбук и учебников[3].

Вероучитель КТУШ Таиб Яхин издал в 1898 г. книжку «Тәглим әл-әдәп әл-вөлад», главной целью которой было нравственное воспитание детей по канонам шариата. В своей книжке он призывал татар обучать своих детей русской грамоте, объясняя тем, что они живут в русском государстве. Он подчёркивал его непротиворечие исламу. Т. Яхин стремился доказать неверность сложившегося мнения среди мусульман о том, что если человек знает другой язык, то это означает смену вероисповедания[4].

В конце XIX в. среди составителей учебников был известен своими изданиями вероучитель при 1-м Казанском русско-татарском училище Ахмедхади Максуди. Деятельность выпускника Казанского ветеринарного института, статского советника Ибрагима Терегулова, занимавшего должность преподавателя естествознания в КТУШ, по изданию таких брошюр научно-популярного характера, как «Вода», «Земля», «Воздух» и «Уход за лошадью», можно признать претворением в жизнь стремлений джадидистов по «материальному улучшению татарской жизни», рас

---

[1] *Валидов Дж.* Указ. соч. – С. 62–65.

[2] *Хабутдинов А. Ю.* Общественное движение молодёжи у татар-мусульман в начале XX века. – Н. Новгород, 2005. – С. 15–17.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 99. – Л. 61 об.

[4] *Мәһдиев М. С.* Әдәбият һәм чынбарлык. – Казан, 1987. – 115 б.

пространению среди трудового населения «научных знаний по земледелию, скотоводству, пчеловодству, выделке и обработке сельскохозяйственных продуктов, по технологии, медицине и коммерческих научных знаний»[1].

Со 2-й половины 90-х гг. XIX в. КТУШ становится «самым оживлённым центром национально-культурных стремлений татарской молодёжи»[2]. Это произошло благодаря тому, что в рассматриваемый период здесь преимущественно обучались татары, получившие традиционное домашнее воспитание и, самое главное, окончившие мектебе и медресе. В конце столетия среди этой группы молодёжи следует выделить Г. Исхаки, который руководил кружком, издававшим нелегальную гектографическую газету «Таракки» («Прогресс»). «Газета была критическо-сатирического характера и радикально-революционного направления». В годы обучения в КТУШ Г. Исхаки стал известным среди казанских шакирдов как первый педагог, начавший обучать по новому методу в медресе Мухаммадзарифа Амирхана. Здесь началась его литературная деятельность[3]. В КТУШ совместно с Г. Исхаки обучались будущие видные общественные деятели, например, С. Максуди, издавший в 1900 г. роман «Мәгыйшәт» («Көнкүреш» (тат.), «Жизнь» (рус.), а также Ф. Туктаров.

В конце XIX в. губернские власти, обобщая свои наблюдения за развитием джадидизма, давали этому явлению следующую характеристику: «представители новизны убеждают своих сородичей в том, что надо учить грамоте не только мальчиков, но и девочек, что нужно составлять книги на чисто татарском языке без примеси арабских и персидских слов, чтобы они были понятны вообще всякому грамотному человеку, а не одним только учёным муллам; среди новаторов заметна тенденция к очищению религии от суеверий и ложных толкований. Новаторы сознают необходимость и пользу обучения татар русскому языку и даже распространяют эту мысль печатно...»[4]

Новометодное образование возникло как явление национальное по духу и содержанию. Оно органически выросло из существующей системы конфессионального образования и представляло в методическом плане новое, альтернативное направление традиционному обучению, а по сути явилось следующим, качественно новым этапом эволюции татарского народного просвещения, сыгравшим огромную роль в реформировании всех областей жизни и деятельности татар-мусульман.

Появление публикаций в защиту нового метода и европейского образования для мусульман, с одной стороны, и изданий, ратующих за сохранение кадимистской системы образования с призывом противодействовать всяким новшествам и реформам, с другой, наглядно показывают возникшую между сторонниками обеих направлений эмоциональную полемику и активную пропаганду своих идей и взглядов.

Единственной действующей корпоративной организацией татар-мусульман в рассматриваемый период являлся мусульманский приход. Координаторы движения понимали, что центральной фигурой в обновлении общественной жизни татарского народа являлось и должно было оставаться таковой в будущем приходское духовное

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 99. – Л. 65 об.
[2] *Валидов Дж.* Указ. соч. – С. 67.
[3] *Мусин Ф.* Гаяз Исхакый (тормышы һәм ижаты). – Казан, 1998. – 12 б.
[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 99. – Л. 61 об.

лицо с прогрессивными взглядами. По этому поводу, в частности, И. Гаспринский писал следующее: «просвещённый, честный и нравственный мулла может принести громадную пользу своему приходу: он учитель, советник, юрист, проповедник и образец хорошей жизни. Как учитель он сеет грамоту; как проповедник он поучает (или должен поучать) людей к нравственной, трудовой жизни, ведёт их к совершенствованию и прогрессу; как юрист и судья он сглаживает столкновения, устанавливает право, порядок. Словом, деятельность муллы и улема всеобъемлющая. Они могут вести народ вперёд по всему хорошему, но могут и вести его к гибели духовной и материальной»[1].

Сельская община с консервативным мышлением и архаичными традициями, воспринимавшая любое нововведение с недоверием и опаской, представляла в рассматриваемый период один из главных барьеров для распространения новометодного образования. Содержание за свой счёт мечети, конфессиональной школы, духовного лица нередко при решении принципиальных и судьбоносных вопросов в жизни села делали хозяином положения малограмотного в религиозном отношении татарского крестьянина и сельский сход. Мулла обязан был подчиниться приговору большинства.

В приходе смена духовного лица происходила обычно по причине его смерти или болезни. Это обстоятельство объективно тормозило появление в сельских поселениях молодых религиозных деятелей с передовыми взглядами, следовательно, и распространение в сельской местности идей джадидизма. В таких условиях распространение новометодного обучения могло идти, упрощённо говоря, следующими путями: 1) изменение мировоззрения муллы; 2) замена муллы или преподавателя новыми лицами, получившими образование в джадидских медресе; 3) внедрение в школу дополнительного преподавателя; 4) открытие новой школы и назначение преподавателя-новометодиста. Однако при реализации всех указанных вариантов последнее слово оставалось, как правило, за крестьянской общиной, а на сельском сходе по традиции право голоса имело старшее поколение, сторонники традиционных ценностей.

Джадидизм был первоначально городским явлением, он возник в городской инокультурной среде. Однако существование сети многочисленных мектебе, высокая грамотность татарского населения, наличие большой группы единоверцев, готовых к восприятию новых идей через печатное слово, финансовое содействие предпринимателей трудоустройству учителей-новометодистов и открытию новометодных школ в селениях, издание светских книг превратили джадидизм в начале XX в. в социокультурное явление.

В результате развития джадидизма выстраиваемая татарами модель развития «мусульманской нации» Нового времени стала привлекать внимание и местных элит Северного Кавказа, и азербайджанцев-шиитов: «На рубеже XIX–XX вв. татарская диаспора с её модернистским менталитетом и экономическими ресурсами, позволяющими финансировать широкий круг реформ в области печати, образования, религии, экономики, языка и социальных отношений, представляла собой модель развития, весьма привлекательную для многих тюркских собратьев,

[1] Тарджеман. – 1887. – 11 янв.

сталкивающихся с вызовом – либо сохранять уже известные модели существования, либо развиваться в направлении нового современного общества»[1].

Новым явлением в социокультурной жизни ряда городских этноконфессиональных общин конца XIX в. стало учреждение общественных организаций, нацеленных на решение социальных проблем бедных групп единоверцев. Мусульманские благотворительные общества функционировали в Санкт-Петербурге: 1-е (1867 – не позднее 1882 г.), 2-е (1898–1917 гг.), Астрахани (1896 г.), Казани (1897 г.), Касимове (1897 г.), Семипалатинске (1898 г.), Уфе (1898 г.) и Троицке (1901 г.). В начале XX в., особенно после 1905 г., наметилась тенденция учреждения культурно-просветительских организаций, занимавшихся удовлетворением социально-культурных запросов и решением проблем мусульман.

Учреждение новых общественных институтов свидетельствовало о формировании нового подхода к решению социальных проблем, основанного на частной инициативе.

Распространение западноевропейской модели благотворительности сделало актуальной необходимость трансформации механизма использования зяката, выделяемого состоятельными татарами на нужды бедных единоверцев, а именно – передавать его в благотворительные общества и через них оказывать адресную помощь наиболее нуждающимся, использовать эти средства на общественные нужды, в том числе на содержание школ, домов престарелых, детских приютов, других социальных учреждений. Эти вопросы удавалось успешно решать далеко не всем общественным организациям. Наиболее острыми проблемами благотворительных обществ являлись безденежье, низкая социальная активность членов правления и общины в целом, неумение эффективно использовать собранные средства, острая нужда в активных и порядочных членах правлений, противостояние между джадидистами и кадимистами и др.[2]

Поликультурная среда обитания в российских городах создавала условия для трансформации и секуляризации традиционных религиозных общин, ранее представленных исключительно сельскими приходами. В условиях города была возможность сопоставить своё положение и изучить особенности культурного выживания других этноконфессиональных общин, находящихся в аналогичных условиях.

Сосредоточение в городах татарской буржуазии, которая осознавала, что является национальной элитой, ответственной за будущее нации, и необходимость перемен в общественной жизни татарского народа, сформировала благоприятную среду для секуляризации и европеизации. Эти процессы, начавшиеся именно в городских общинах, зависели от множества факторов, например, наличия богатых мусульман, готовых вносить пожертвования на нужды единоверцев, модернистски настроенных купцов и религиозных деятелей и т. д. Стало очевидным, что духовенство

---

[1] *Лаззерини Э.* Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX в.) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. ст. – Казань, 2011. – Вып. 2. – С. 22.

[2] *Ибраһимов Г.* Миръат яки көзге. – Беренче жөзьэ. – СПб., 1900. – 5–29 б.; *Ибраһимов Г.* Миръат яки көзге. – Унжиденче жөзьэ. СПб., 1903. – 13–16 б.; *Ибраһимов Г.* Миръат яки көзге. – Егерме беренче жөзьэ. – СПб., 1908. – 7–12 б.

и другие исламские институты не в состоянии удовлетворять все запросы городских общин. Отсутствие в силу малочисленности татар национальных городских сословных учреждений поставило на повестку дня вопрос об учреждении организаций, нацеленных на решение социальных проблем. Институтами формирующегося гражданского общества стали городские благотворительные и культурно-просветительские организации. Сформировалась уникальная модель общественных институтов, которые, по сути, стремились решать и религиозные, и социальные, и культурные проблемы местных общин, консолидируя вокруг себя наиболее активных членов приходов. В городских мусульманских общинах западных и центральных губерний, степных областей имели место первые контакты татар с представителями тюркских народов и других этнических групп населения, формировались дружественные отношения с общинами шиитов.

Купцы – лидеры городских общин – на собственные средства приглашали в приходы наиболее образованных и авторитетных духовных лиц, которые в свою очередь создавали учебные заведения, становившиеся центрами для обучения детей не только местных жителей, но и всего региона. Практика усиления городского причта за счёт лучших мулл сельских приходов была характерна для общественной деятельности казанского купечества[1]. Такая «интеллектуальная подпитка» (при материальном стимулировании имамов), с одной стороны, позволяла общине сохранять традиционные культурные ценности и противостоять ассимиляторскому влиянию инокультурного окружения, с другой – ожесточила противостояние между модернистской буржуазией и молодым поколением татарских интеллектуалов – джадидистами и сельскими муллами-кадимистами, «выписанными» богатыми татарами из сельской глубинки.

Благодаря социальной активности татарской буржуазии, выделявшей средства на реформы, и создание полиграфической базы, обеспечивавшей всю российскую умму востребованной печатной продукцией, а также контактам татарских интеллектуалов с российскими учёными и общественными деятелями, за казанской татарской общиной утвердился неофициальный статус центра культуры мусульман Волго-Уральского региона и Сибири.

---

[1] *Ибраһимов Г.* Миръат яки көзге. – Беренче җөзьэ. – СПб., 1900. – 5–29 б.

ГЛАВА II

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В ОТНОШЕНИИ ТАТАР-МУСУЛЬМАН

Основополагающие принципы «дисциплинирования ислама», утверждённые Екатериной II, привели к формированию конфессионального государства, контролировавшего и одновременно законодательно регламентировавшего условия исполнения религиозных потребностей, а также соблюдение религиозных прав этноконфессиональных меньшинств, вероисповедания которых официально признавались «терпимыми». «В России, – пишет Р. Круз, – терпимость была структурой для интеграции подданных – неправославных христиан, число которых постоянно возрастало по мере расширения империи. Этот порядок зиждился на мнении, выработанном мыслителями Просвещения по всей Европе, о том, что повсюду у разных религий обнаруживаются общие черты. Являясь основательно разработанными системами дисциплинирования, терпимые веры могли оказаться ценными для «просвещённых» правителей. Там, где насилие было слишком грубым инструментом, обращение к религиозному авторитету могло способствовать превращению в лояльных и дисциплинированных подданных тех людей, которые, возможно, пропустили бы мимо ушей слово правителя, но которых можно было убедить послушаться Бога»[1]. В результате была создана правовая база для функционирования исламских религиозных институтов в округе ОМДС.

В середине XIX в. у нового поколения чиновников имперской власти сформировался «новый взгляд» на ислам, который предусматривал ревизию, даже полный пересмотр принципов екатерининской конфессиональной политики. Подверглась серьёзной ревизии, прежде всего, сложившаяся в отношении казахов конфессиональная и социокультурная политика. Главная угроза для империи теперь виделась в соединении национального и конфессионального самосознания восточных народов и в опасной конкуренции, которая могла исходить от наиболее продвинутых в культурном отношении поволжских татар. Ислам теперь рассматривался властью с позиций эволюционизма тупиковым направлением, ему было отказано в наличии цивилизующих начал, в идеологических обоснованиях имперских экспертов он представал уже в качестве силы, препятствовавшей интеграции казахов в империю. Татары и ислам превратились в опасных политических и идейных соперников[2].

---

[1] *Долбилов Д. М.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М., 2010. – С. 43.

[2] *Ремнёв А. В.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии (Acta Eurasica). – 2006. – № 4 (34). – С. 5–31.

Известную роль в этом политическом повороте сыграли не только Кавказская и Крымская войны, но и обострение «польского вопроса». Империя, столкнувшись на западных окраинах с угрозой полонизации украинцев, белорусов, литовцев и германизации эстонцев и латышей, обнаружила, что столь же опасным противником и препятствием в обрусении поволжских народов, башкир и казахов на восточных окраинах могут быть татары. К числу многочисленных имперских вопросов добавился «мусульманский вопрос»[1].

На этом политическом фоне стало формироваться подозрительное отношение к деятельности мусульманского духовенства. С 1860-х гг. ОМДС стал рассматриваться как могучее орудие «для сплочения мусульман, известного их обособления, а также упрочения ислама и возвеличивания его в глазах проживающего совместно с мусульманами инородческого немусульманского населения»[2].

Антиисламский курс российской власти на юго-восточной окраине, полностью игнорирующий екатерининский принцип «дисциплинирования ислама», был официально закреплён во «Временном положении о преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьим войском» от 21 октября 1868 г. и последовательно проводился вплоть до падения самодержавия. В нём тема «управления духовными делами» казахов была выделена в самостоятельный раздел, что свидетельствовало о внимательном изучении данного вопроса властью этого законодательного документа. В записке, представленной директором Департамента полиции исполнительному директору ДДДИИ Э. К. Сиверсу 3 февраля 1868 г. они названы мерами по ограничению «развития исламизма в киргизских степях»[3].

В административном плане учреждённые в 1868 г. степные области оказались в ведении МВД, а Туркестанский край был подчинён военному ведомству. В начале XX в. в Туркестане административная власть ограничивалась уездными начальниками, а в степном крае, кроме того, действовали институты крестьянских начальников и урядники[4]. Полиция и суд были организованы по российским законам. В компетенции судов, биев остались только бытовые дела, уголовные и политические вопросы решались уже властями. Реформа 1868 г. превращала Казахстан в колонию России[5]. Казахские земли были объявлены государственной собственностью, представленной кочевникам в бессрочное пользование на основе обычаев[6], только в Семиреченской и Семипалатинской областях земля оставалась в руках коренных жителей.

---

[1] *Воробьёва Е. И.* Христианизация мусульман Поволжья в имперской политике самодержавия // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). – М., 1997. – С. 40–55; *Кэмпбелл (Воробьёва) Е. И.* Мусульманский вопрос в России: история обсуждения и проблемы // Исторические записки. – М., 2001. – Т. 4 (122). – С. 132–157.

[2] «Трудностей разрешения мусульманского вопроса не отрицают и сами мусульмане». Материалы Министерства внутренних дел России. 1916 г. / публ. Д. Ю. Арапова // Исторический архив. – 2004. – № 1. – С. 108.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 602. – Л. 10 об.

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 411. – Л. 60 об.

[5] История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней : в 5 т. – Алма-Ата : Наука, 1949. – Т. 1. – С. 325, 326.

[6] *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата : Наука. – С. 115–116.

В законодательном акте зафиксированы изъятие «духовных дел» казахов из ведомства ОМДС и передача «религиозных дел» местным казахским муллам[1] с подчинением их «общему гражданскому начальству», а через него – МВД. Вводилась присяга по адату без участия мулл. Оседлому и кочевому коренному населению разрешалось иметь в каждой волости не более одной мечети и одного муллу, который избирался исключительно из числа этнических казахов при условии, что кандидат на духовную должность не привлекался к судебной ответственности и не находился под следствием.

Империя взяла курс на ограничение влияния на казахов татарского духовенства и в целом татарского сообщества, что в последней четверти XIX в. выразилось в лишении российских мусульман, проживающих в степных областях, гражданских прав, в установленном в 1886 г. запрете для них приобретать недвижимость, что сильно контрастировало с предоставлением льготных условий землеустройства русским мигрантам и материально поощряемой переселенческой политикой российской власти по отношению к русскому населению империи.

Апогей антиисламского внутриполитического курса в степи пришёлся на период с 1883 по 1904 г. Осознав неэффективность предпринятых мер, в последующем при рассмотрении прошений казахов о возведении мечети правительство отказалось от установленных правил.

Таким образом, «мусульманский вопрос» в казахской степи вобрал в себя, помимо конфессиональной составляющей, опасение, что империя проигрывает на восточных границах культурную борьбу, а политика обрусения казахов, помимо традиционной угрозы мусульманского фактора из Центральной Азии, столкнулась с татарским национально-религиозным проектом[2].

В пореформенный период огромное влияние на внутриполитический курс Российской империи оказывали Д. А. Толстой, занимавший должности обер-прокурора Синода (1865–1880), министра народного просвещения (1866–1880), министра внутренних дел и шефа жандармов (1882–1889), и К. П. Победоносцев (1880–1905).

После поездки в Оренбург в 1876 г. граф Д. А. Толстой представил императору программу борьбы с татарско-мусульманским влиянием в казахской степи. Мусульманские народы, проживавшие на востоке империи, он поделил на три группы в зависимости от «большего или меньшего религиозного фанатизма». На первом месте оказались татары, которые более всего чуждаются русского образования, на втором – башкиры, которые уже подверглись значительной мусульманизации и татаризации. В отношении последних цель правительства, разъяснял Толстой, должна состоять в том, чтобы они сохраняли «свой тип» и не превратились в татар. На третьем месте были казахи, среди которых уже началось «отатаривание»[3].

Задаче противостояния татаро-мусульманскому влиянию были подчинены создание алфавитов для ряда коренных народов империи и издание для них книг на

---

[1] В наименовании мусульманского духовенства была проведена унификация. Существовавшее в Западной Сибири название указных мулл было отменено.

[2] *Ремнёв А. В.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии (Acta Eurasica). – 2006. – № 4 (34). – С. 5–31.

[3] Материалы по истории Татарии... – С. 338.

родном языке. Изучение русского языка также было определено как важная государственная задача.

Таким образом, теории эволюционизма и культурного прогресса, а также патерналистская идея защиты казахов, башкир, чувашей, финно-угорских народов от влияния ислама и татарской культуры придавали русификаторским действиям имперских активистов привлекательную народническую окраску – они таким образом проявляли заботу об их благе и хотели спасти их самобытность[1].

Участники Кавказской войны, на себе ощутившие героизм и ожесточённое сопротивление русским войскам горцев-мусульман в борьбе за сохранение своей независимости и традиций, и военные, служившие в западных губерниях и воочию видевшие «национальные претензии» поляков, грозящие целостности империи, получив назначение в регионы с мусульманским населением и огромные административные полномочия, повели политику, основанную на дискредитации ислама и всего мусульманского населения. При этом они широко использовали выработанную в условиях Кавказской войны и военной службы в Западных губерниях практику.

«Новый взгляд» на ислам в завоёванном Туркестане был воплощён в правительственном курсе, игнорирующем вековую практику государственно-исламских отношений. Данная линия была основана на непризнании исламских институтов, прежде всего, мусульманского духовенства, что отнюдь не означало отсутствие государственного контроля над местным населением. Его разработал и претворил в жизнь туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман (годы службы – 1867–1882), который с 1844 г. воевал на Кавказе, а в 1865–1867 гг. был генерал-губернатором Северо-Западного края.

Массовые движения крещёных татар по возвращении в ислам в 1850–1860-е гг. привели к публичному обвинению татар-мусульман местными архиереями в исламизации коренных народов Волго-Уральского региона. При этом нередко умалчивались номинальный характер крещения «отступников» от православия в предыдущие столетия и неэффективность пастырской и миссионерской деятельности предшественников. Эти обвинения христианской духовной властью мусульман и запугивания исламской угрозой в Волго-Уральском регионе воспринимались высокопоставленными чиновниками как подтверждение закрепившего в общественном сознании конца 1850-х – начала 1860-х гг. мнения о несостоятельности православного духовенства, преданного «букве», а не «духу» веры[2].

Как указывает Марк фон Хаген, официальная политика ставила своей целью унификацию и потому осознанно старалась игнорировать разнообразие народов и регионов империи, что и определяло на деле развитие имперской политической мысли[3].

После открытия правительством в 1854 г. при Казанской духовной академии «противомусульманского отделения» сформировалась антимусульманская миссионерская школа, труды представителей которых сформировали у российской обще-

---

[1] *Ремнёв А. В.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии (Acta Eurasica). – 2006. – № 4 (34). – С. 5–31.

[2] *Долбилов Д. М.* Указ. соч. – С. 136.

[3] *Марк фон Хаген.* История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / сост.: П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 29.

ственности представление об «исламской угрозе» для национальной безопасности Российской империи, сыграли важную роль в формировании у российских чиновников различных рангов исламофобии. В немалой степени этому способствовали научные изыскания российских востоковедов и казанских миссионеров. В 1912 г. В. В. Бартольд констатировал «общую отсталость» русского востоковедения от западноевропейского, с горечью признав, что «об исламе как религии на русском языке нет до сих пор сколько-нибудь обширного труда, который в своё время представлял бы шаг вперёд в науке» и отметив преобладания в этой сфере среди русских изданий трудов, написанных «с целью защиты ислама или борьбы с ним»[1]. Однако крупнейший российский востоковед после поездки в 1902 г. в Туркестан высказывал сомнение, что мусульмане поддержат русских и Российскую империю, и ей будет грозить опасность распада. Как показали революционные события начала XX в., прогноз В. В. Бартольда относительно сепаратизма мусульман не подтвердился[2].

В результате указанных факторов в 1860–1870-е гг. во властных кругах России сложились два противоположных подхода к исламу. Первый из них нашёл широкое применение в Туркестане, Степных областях, Северном Кавказе и сводился к полному пересмотру екатерининских традиций правительственной конфессиональной политикой. В учреждении ОМДС представители этого подхода видели поражение в борьбе с исламом, выступали против сосредоточения власти в руках «мусульманских фанатиков». В этом лагере находились Н. И. Ильминский, его ученики, военный министр Л. А. Милютин (1860–1881) и др. Их противники настаивали на продолжении централизации управления и надзора за деятельностью исламских институтов, прежде всего, духовенства, учреждая новые религиозные управления, подобные ОМДС; предлагали закрыть границы на Кавказе для препятствования проникновению в регион противоречащих имперским интересам религиозных идей, запретить обучение мусульман в заграничных исламских центрах и т. д. Наиболее одиозными сторонниками этого направления оказались чиновники МВД[3]. Однако культурная русификация и форсированная «цивилизаторская миссия» не были первичными целями имперской политики[4].

Высокопоставленные чиновники по-новому стремились решить прежнюю задачу имперской конфессиональной инженерии: добиться дисциплинирующего воздействия государства на религиозность подданных, сохраняя при этом культурную дистанцию от духовных элит (в особенности «чужой веры») и манипулируя негативными образами данного вероисповедания как «фанатичного», потворствующего «суевериям», «меркантильного, обмирщённого и т. д.»[5]. В результате в пореформенный период имперская политика в отношении ислама в регионах приводила к росту общественной напряжённости среди мусульманского населения.

---

[1] *Бартольд В. В.* От редакции журнала «Мир ислама» // Бартольд В. В. Сочинения. – М., 1966. – Т. VI. – С. 366.

[2] *Исхаков С. М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007. – С. 71.

[3] Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 253–254.

[4] *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / сост.: П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 400.

[5] *Долбилов Д. М.* Указ. соч. – С. 162.

Татары в органах самоуправления: земских, городских и крестьянских

В XIX в. сословная иерархия Российской империи являлась главным критерием в определении правового статуса и в значительной степени социально-экономического положения российских подданных. В пореформенный период градация прав и обязанностей российского многонационального сообщества, регулируемая на основе сословных начал, получила дальнейшее развитие. Либеральные реформы Александра II осуществлялись не вопреки, а с учётом сословного положения населения. Как справедливо отметил А. Каппелер, хотя «Великие реформы» 1860–1870-х гг. дали определённый импульс к модернизационным процессам, однако «социальная мобильность общества и его комплементарная коммуникация вне сословных и региональных границ даже в конце XIX в. находились ещё в зачаточном состоянии»[1]. Поэтому и в начале XX в., особенно в сельской местности, сословный статус человека определял его правовое положение.

Нередко историки, характеризуя положение татарского населения в Российской империи, ограничиваются констатацией того, что местные народы расселялись среди титульного населения и юридически не отличались от него ни с точки зрения социального статуса, ни в отношении привилегий, а специфический «имперский» характер государственного владычества являлся здесь не вполне очевидным. В данном случае востребован не анализ прав этнических меньшинств в отдельно взятых сословных группах, а сопоставление сословной градации в каждом из этноконфессиональных сообществ на длительном хронологическом отрезке, а именно – со времени включения татарского населения в состав Московского государства. Методологически правильным будет также рассматривать социально-правовой статус татарского общества в XIX в. как следствие и результат внутриполитического курса власти в их отношении в предыдущие столетия. В 1552 г. Московское государство аннексировало Казанское ханство, которое находилось примерно на одинаковом с ним уровне социально-экономического и общественного развития. В ханстве существовали все характерные для феодального государственного образования социальные и общественные институты. В последующие столетия произошла их трансформация, а протестные выступления и восстания местного населения, направленные против дискриминационного курса русского государства, жестоко карались.

Сословные группы новой России появились в рамках петровских преобразований. Пётр I, поставив целью формирование новой российской элиты из христиан, упразднил как сословие татарскую феодальную знать мусульманского вероисповедания, которая, несмотря на жёсткое давление власти, в большинстве своём осталась приверженной своей традиционной конфессиональной идентичности. В результате приписки татарских мурз к сельскому податному сословию татарский народ был превращён властью в непривилегированную часть российского общества – в «крестьянское население».

Основным эксплуататором татарского населения являлась центральная власть,

---

[1] *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / сост.: П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М., 2005. – С. 400.

осуществлявшая фискальный и национальный гнёт через местную администрацию, представленную православно-русскими чиновниками. Известный советский историк Н. М. Дружинин ввёл в научный оборот концепцию «государственного феодализма», связав его возникновение с рядом законов Петра I о введении подушной подати и оброчного сбора с черносошных крестьян и однодворцев. Н. М. Дружинин указал на правовые ограничения для государственных крестьян: установление круговой поруки, опеки над ними местных властей, существование преград в свободном передвижении, в изменении местожительства и при переходе в другое сословие[1]. В XIX в. имперская власть продолжала внутриполитический курс «государственного феодализма», характерными чертами которого были жёсткий фискальный гнёт и ограничение в правах крестьянского сословия, что противоречило духу либеральных реформ 1860–1870-х гг. В условиях сословных ограничений и традиционализма, господствовавшего в поземельных общинах, наблюдалась изолированность татарского населения от происходивших в стране общественно-политических процессов. Участие татарского общества в работе сословных учреждений и в органах городского и земского самоуправления, а также волостных правлений предоставляло ему полезный опыт общения с представителями других культур, объединяло татар в отстаивании интересов местного значения.

Возрождённое в конце XVIII – начале XIX в. татарское дворянство было бедным, имело лишь «почтенное звание»[2]. Здесь нужно перечислить ограничения, введённые властью по этноконфессиональному признаку и лишавшие мусульман искомого звания потомственного дворянина. С 1825 г., в соответствии с наградами, «достойных купцов» стали утверждать в дворянстве. Купцы 1-й гильдии могли быть также награждены орденами за особо важные заслуги, их дети могли быть приняты на гражданскую службу наравне с обер-офицерскими детьми, но данная мера поощрения не касалась купцов нехристианского вероисповедания[3]. С целью ограничения роста численности потомственных башкирских дворян, с 1829 г. российское правительство начало жаловать казачьих офицеров из башкир только личным дворянством; по указу от 28 мая 1839 г. чины башкиро-мещеряцкого войска, получившие орден св. Станислава также могли получить только статус и права личного дворянства[4].

Отсутствие среди татар чиновников являлось прямым следствием их низкого сословного статуса, малочисленности среди них дворян.

Другим важным фактором в понимании особенностей социального развития татар в Российской империи являлось изъятие русской властью после 1552 г. у исламских институтов традиционных источников их существования: вакуфов и другой недвижимости. При отсутствии другого источника финансирования татарская культура оказалась в состоянии стагнации. Лишь появление в конце XVIII в. прослойки купцов, взявших на себя заботу об исламских образовательных центрах, позволило возродить систему мусульманского образования.

---

[1] *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. – М., 1946. – Т. 1; 1958. – Т. 2.

[2] *Азаматова Г. Б.* Интеграция национального дворянства в Российское общество. На примере рода Тевкелевых. – Уфа, 2008. – С. 132.

[3] ПСЗ-1. – Т. XXXIX. – № 30115.

[4] История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 348.

Развитие в империи капиталистических отношений, либерализация законодательства и другие факторы, способствовавшие реформам, создавали определённые условия для более активной интеграции мусульман в российское общество. Эти процессы наглядно проявились в среде городских слоёв и предпринимателей. Модернизация России способствовала расширению и ускорению обновленческих процессов среди татарского населения.

В Поволжье имело место сочетание элементов, которые большинство учёных считают «колониальными» (личное и институционное господство одного народа над другим, который отличался от него в культурном отношении). В целом можно говорить о примерно одинаковом положении представителей различных этнических групп, принадлежавших к одной из сословных групп[1].

В пореформенный период наблюдалось распространение властью общероссийского законодательства на периферию империи и стремление к языковой и культурной унификации её нерусского населения. Часть направленных на это мероприятий проходила под лозунгом внедрения прогрессивных западноевропейских преобразований – либеральных реформ 1860–1870 гг. – в социальную и общественно-культурную сферы. В распространение либеральных реформ 1860–1870 гг. верховная власть вкладывала политический смысл. Преобразования предполагали укрепление и модернизацию унитарной многонациональной империи, где православие являлось государственной религией. Неудивительно, что при этом приоритет отдавался интересам, прежде всего, привилегированных сословий и русского народа. Это наиболее отчётливо проявилось в период правления Александра III.

По сути, Российская империя последовательно осуществляла мероприятия по созданию в европейской части страны национального государства за счёт игнорирования основополагающих принципов сложившейся имперской системы управления нерусскими народами.

В этой связи важнейшую роль для мусульманского сообщества Приуралья сыграли отмена в 1862–1865 гг. военной кантонной системы управления и передача мещеряков, тептярей и башкир в гражданское ведомство, введение общегубернских институтов управления. Данная реформа способствовала ускоренному превращению Приуралья во Внутреннюю Россию, подобно Среднему Поволжью, что проявилось в интенсивном заселении края переселенцами из центральных регионов, формировании русского частного землевладения. Как важный этап в утверждении новых норм следует признать ликвидацию в 1881 г. института Оренбургского генерал-губернаторства и распределение его функций между различными ветвями власти. Таким образом, татары и башкиры – основная часть мусульман, подведомственных ОМДС, находилась в правовом пространстве с единой системой административного управления.

Земства. Либеральные реформы 1860–1870 гг., разработанные с учётом специфики русского общества, реализовывались на окраинах империи постепенно и неравномерно. В основных ареалах расселения татарского населения земства были учреждены одновременно с таковыми в центральных регионах России, что сви-

[1] *Верт П.* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / сост.: П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М., 2005. – С. 59.

детельствовало о глубоких интеграционных процессах, происходивших на этих территориях. Учреждение земских институтов в Уфимской губернии в 1874 г. с опозданием на 10 лет, несмотря на соответствующие ходатайства оренбургского генерал-губернатора (1864 г.) и дворянства Уфимской губернии (1865 г.)[1], мы склонны объяснить ускорением в крае русской колонизации вследствие массовой продажи земель башкир-вотчинников и формированием групп крупных русских землевладельцев и крестьян-переселенцев.

Наличие сословного ценза в нововведениях означало особый статус русского дворянства и чиновников в органах местного самоуправления. В регионах с преобладанием прослойки нерусского дворянства (польские, белорусские губернии, губернии правобережной Украины, три прибалтийские губернии) организация земских учреждений означала бы усиление роли национальной элиты в уездах и губерниях, что, в свою очередь, превратило бы земства в органы консолидации национальной интеллигенции, следовательно, противоречило бы интересам имперского государства. Отсутствие земств в Астраханской, Оренбургской, Архангельской губерниях и в Сибири[2], где практически не было помещичьего землевладения, также доказывает верность нашего вывода о социально-национальных приоритетах либеральных преобразований пореформенного периода. В 1898 г. МВД представило верховной власти на заключение два проекта о введении земских учреждений: первый – в девяти западных губерниях, второй – в Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях. Идея распространения земского самоуправления вызвала решительное возражение обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и министра финансов С. Ю. Витте. «Кто хозяин в стране, тот должен быть хозяином в администрации», – категорично заявлял С. Ю. Витте. Вскоре, в 1899 г., за политическую близорукость инициатор проекта И. Л. Горемыкин лишился портфеля министра внутренних дел[3].

Земские органы самоуправления были призваны наладить сотрудничество представителей различных сословных и этнических групп в уездах и губерниях. Для татар они не стали подлинными органами самоуправления. В силу своего низкого социального статуса представители татарского населения выбирались в гласные лишь из курии крестьянских обществ. Незнание русского языка и грамоты препятствовало их работе в земских собраниях. Служба татар в уездных и губернских земских управах была скорее исключением, нежели правилом. Земскими деятелями в некоторых губерниях являлись, как правило, татарские дворяне-землевладельцы.

Первоначально татары в земских органах отличались крайней пассивностью. Первые признаки их активности проявились в 80-е гг. XIX в. В Казанской губернии, где татары составляли около $^1/_3$ населения, в 1883 и 1886 гг. из курии сельских обществ в уездные земские собрания было избрано около 25 % гласных-мусульман. Однако с учётом общего числа гласных (289 чел.) их удельный вес составлял около 10 %[4]. Ситуацию не меняло избрание в земские гласные нескольких татарских

---

[1] *Азаматова Г. Б.* Уфимское земство (1874–1917 гг.): социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. – Уфа, 2005. – С. 22, 23.

[2] История СССР : в 12 т. – М. : Наука, 1968. – Т. 5. – С. 99–100.

[3] Новый энциклопедический словарь / под ред. К. К. Арсеньева; изд. Ф. А. Брокгауз, А. И. Ефрон. – Т. 18. – С. 662–663.

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5836. – Л. 2–70; Д. 6930. – Л. 1–127. Подсчитано нами.

купцов. В губернские земские собрания выбирались лишь единицы гласных из мусульман.

Исключение в этом плане составляли те уезды Уфимской губернии, в которых мусульмане представляли большую часть населения: в 1880-е гг. они составляли там около 50 % земских гласных[1].

Примечательно, что в своём «всеподданнейшем» отчёте за 1889 г. казанский губернатор П. А. Полторацкий, экс-начальник Уфимской губернии, просил МВД, чтобы «для ослабления влияния представителей татар на мусульманские массы [...] кроме ограничения числа гласных из татар-мусульман в земских и городских собраниях известною нормою, участие их было обусловлено знанием русской грамоты»[2].

Земская контрреформа 1890 г. способствовала снижению численности гласных из мусульман: земские начальники предпочитали назначать депутатов, избранных по православной крестьянской курии. После того как в 1906 г. было разрешено избирать земских депутатов по крестьянской курии, число мусульманских гласных вновь возросло[3].

В период революции 1905–1907 гг. волостными сходами Уфимской губернии рассматривался вопрос о пропорциональном представительстве мусульман в земских собраниях. В частности, в 1906 г. данный вопрос обсуждался Бирским уездным и Уфимским губернским собраниями. Однако в итоге идею выборов по национальному принципу земские гласные, представлявшие русско-православное большинство, не приняли[4].

При выделении средств на нужды образования мусульман в земствах повсеместно не соблюдался принцип распределения денег исходя из удельного веса поступавших от них налогов[5]. Это означало использование поступавших средств на решение культурных запросов лишь титульного населения империи.

Городские органы самоуправления. Выборы в городские органы самоуправления пореформенной России осуществлялись по имущественному признаку. Однако новый критерий не мог полностью «закрыть» национальный вопрос. Потребовалось введение специальной статьи в качестве существенного дополнения к имущественному цензу: в «Городовом положении» 1870 г. состав гласных городских дум определялся на две трети христианами и «на одну треть из нехристиан»[6]. С 1892 г. конфессиональный ценз был ограничен «одной пятой частью гласных»[7]. В Волго-Уральском регионе это ограничение, в силу относительной малочисленности в

---

[1] *Стейнведел Ч.* Положение Башкирии в составе России: региональные особенности, параллели, общеимперский контекст (1552–1917) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв. / под ред.: Наганава Норихиро, Д. М. Усмановой, Хамамото Мами. – М., 2011. – С. 71–72.

[2] Научно-справочная библиотека. – РГИА. – Ед. хр. № 35 А. – С. 3.

[3] *Стейнведел Ч.* Указ. соч. – С. 71–72.

[4] *Севастьянов С. А.* Земское самоуправление в Уфимской губернии 1874–1914 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2005. – С. 105–106.

[5] *Азаматова Г. Б.* Уфимское земство (1874–1917 гг.). – С. 117–138; *Владимирова Л. М.* Земские учреждения и татарское просвещение в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Источники существования исламских институтов в Российской империи : сб. ст. – Казань, 2009. – С. 9–34.

[6] ПСЗ-2. – Т. 45. – Отд. 1. – № 48498. – Ст. 35.

[7] Городовое положение. Изд. 1892 г. // СЗРИ. – Т. 2. – Ч. 1. – Ст. 44.

городах татар и их состоятельной прослойки, кроме отдельных случаев, не было актуальным.

Органы крестьянского самоуправления. В пореформенный период в некоторых губерниях Волго-Уральского региона религиозный фактор играл важную роль при назначении должностных лиц в органы крестьянского самоуправления. С подачи руководства местной епархии этот вопрос в Казанской губернии приобрёл особую актуальность в связи с массовым возвратом крещёных татар в ислам. Так, Казанское губернское по крестьянским делам присутствие издало в 1867 г. специальный циркуляр о замене всех волостных старшин-мусульман в волостях, в которых мусульмане проживали совместно с православными, что вызвало волнения в ряде татарских сельских обществ[1].

В своих ежегодных отчётах начальники некоторых губерний (Казанской, Самарской, Саратовской, Нижегородской, Пермской и Пензенской) высказывались «за пресечение влияния ислама», в частности, за ограничение выборных прав крестьян-мусульман. МВД, а затем и Комитет министров вынуждены были отказаться от предложений, претворение в жизнь которых могло быть справедливо истолковано татарским обществом как религиозное притеснение и вызвать массовые волнения. Разделение сельских обществ по религиозному признаку в административном порядке с целью ограждения крещёных татар от мусульманских должностных лиц также было признано нецелесообразным, так как эта мера имела бы отрицательные экономические последствия[2].

По поводу «высочайшего» замечания в отчёте казанского губернатора за 1881 г. относительно мер по предотвращению случаев «отпадения» крещёных татар в ислам в Комитете министров в 1884 г. состоялось специальное обсуждение, в результате которого было признано «неудобным» принять какую-либо законодательную меру относительно лишения права избрания мусульман на крестьянские общественные должности с целью ограждения крещёных татар от «притеснений» со стороны мусульман. Было решено ограничиться административным наблюдением за тем, чтобы на должности в органы сельского и волостного самоуправления по возможности назначались лица из числа русских односельцев и не принадлежавшие к числу «фанатиков-мусульман»[3].

Новый закон приобретал актуальность в тех волостях, где большинство населения составляли мусульмане. Местная администрация решала этот вопрос, исходя из личностных качеств кандидатов. В поликонфессиональных волостях заместителя волостного старшины, как правило, выбирали из татар-мусульман.

Примечательно, что в 1879, 1883 и 1886 гг. в Лаишевском, Спасском и Свияжском уездах, где татарские крестьяне составляли соответственно 43 %, 30 %, 30 %, не было ни одного волостного старшины из мусульман. Чисто символичным было их представительство и в Мамадышском уезде, где проживало 60 % мусульман. Мусульмане избирались старшинами в ряде волостных правлений Казанского уезда

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 1834. – Л. 1–2.

[2] *Воробьёва Е. И.* Христианизация мусульман Поволжья в имперской политике самодержавия // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). – М., 1997. – С. 232.

[3] СПМНП. 2-е изд. – СПб., 1893. – Т. IX. – Стлб. 676–677.

(54 % населения составляли мусульмане) – 20 %, Тетюшского уезда (50 % мусульман) – 29 %, Чистопольского уезда (33 % мусульман) – 14–29 %[1]. Волостные старшины из татар-мусульман, как правило, знали разговорный русский язык, но не писали на нём (84–93 %). Среди сельских старост эти показатели были ещё ниже.

В пореформенный период довольно часто происходила замена руководителей волостных правлений. Так, по сведениям 1879 г. в Казанской губернии лишь 18 % из них ранее избирались волостными старшинами, помощниками или состояли кандидатами на должность старшины, а 56 % волостных старшин ранее имели опыт работы в крестьянских органах самоуправления[2].

В Волго-Уральском регионе лишь немногие должностные лица из органов крестьянского самоуправления владели русской грамотой. Так, в 1880 г. в Казанской губернии только 0,03 % сотских и десятских, 3,7% сельских старост, 39 % волостных старшин были грамотными. В этой ситуации отчётливо выявляется ведущая роль в волостном правлении писаря, назначаемого местной администрацией. Малограмотность волостных старшин, их частая сменяемость превращали писаря «в хозяина положения». Как следует из архивных документов, абсолютное их большинство были крестьянами, имевшими начальное образование.

Из-за незнания татарами русской грамоты, ведения делопроизводства на русском языке и деятельности волостных писарей из числа русских, которые назначались уездной администрацией, в значительной степени «компенсировалось» преобладание мусульман в волостных правлениях в местностях их компактного расселения.

Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. показывают, что в Казанской губернии татары-мусульмане занимали незначительные позиции в местном и уездном аппарате – всего 13 %, тогда как русские составляли 74,1 %[3]. Даже в волостях с абсолютным преобладанием коренного национального крестьянства начальство состояло (за редким исключением) из русских, не говоря уже о составе чиновников в уездных и губернских учреждениях[4].

Таким образом, в появившихся в пореформенный период городских и земских органах самоуправления татары-мусульмане составляли меньшинство, что было обусловлено их относительной малочисленностью, а также их сословно-социальным составом и имущественным положением (крестьяне).

Сельские татаро-мусульманские институты самоуправления существовали в рамках поземельных общин и в тех волостях, где мусульмане составляли большую часть населения. Однако вследствие незнания татарскими старшинами и членами волостных правлений русской грамоты и возложения на них обязанностей по сбору налогов и обеспечению порядка «мусульманские» волостные органы самоуправления являлись исполнителями предписаний местной администрации, а не защитниками интересов местных единоверцев.

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4882. – Л. 24–62; Д. 5752. – Л. 4–12, 49–49 об.; Д. 7142. – Л. 8–16, 97–105.

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4882. – Л. 24–62.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 14 : Казанская губерния. – СПб., 1904. – С. 178, 184, 188–189. Подсчитано нами.

[4] *Даишев С. И., Смыков Ю. И.* Некоторые вопросы изучения истории крестьянства Среднего Поволжья в период капитализма // Страницы истории Поволжья и Приуралья. – Казань, 1984. – С. 122.

Соблюдение религиозных прав мусульман в гражданских учреждениях

Законодательные акты Российской империи определяли правовую систему отношений государства с сословиями и социальными группами, религиозными конфессиями, русским этносом и этническими меньшинствами. Особенностью действующего законодательства являлась невозможность соблюдения в точности многих положений, регламентированных в официальных актах, вследствие специфики социальной структуры империи, её огромных размеров, затруднявших эффективное управление регионами, и др.

Большую роль в реализации властями внутриполитического курса играли министерства и различные управления, которые координировали и контролировали реализацию принятых правительством решений, издавали подзаконные акты для разъяснения отдельных положений и статей «высочайше» утверждённых законов.

В империи этническую идентичность подданных традиционно определяли по вероисповеданию. С учётом местожительства этнических групп конфессиональный признак давал в целом возможность безошибочно идентифицировать каждого российского подданного. Поэтому конфессиональные по форме ограничения имели национальный по содержанию характер. Формально в российском законодательстве практически отсутствовали правовые ограничения по национальному признаку. Правовые нормы «действовали» исходя из конфессиональной принадлежности подданного и степени владения им русским языком. По мнению специалиста по национальному вопросу в имперской России С. В. Дякина, «русская государственная идея» – великодержавность и самодержавность – «отказывала крупным народам России в праве не только на административную автономию, а малым – в самом праве на существование, подразумевая постепенную ассимиляцию их русским народом»[1].

Генеральной линией Российской империи явилось стремление установить контроль над религиозной жизнью и культурным развитием народов.

Дни отдыха. Жизнедеятельность правительственных, общественных учреждений и русского населения регламентировалась единым распорядком проведения дней отдыха и праздников, установленных государством. Огромное влияние на формирование данной традиции оказал христианский церковный ритуал. Во всех присутственных местах, учебных заведениях, промышленных предприятиях и других учреждениях, а также в русской крестьянской общине днём отдыха являлось воскресенье. Помимо этого, страна отдыхала в православные религиозные праздники, «царские дни» и в дни, установленные законом в память важных общественно-политических или военных событий, число которых во 2-й половине XVIII – начале XX в. претерпело некоторые изменения. В частности, по ходатайству руководства Казанской епархии императорским указом от 12 апреля 1854 г. 4 октября – день торжественного вхождения Ивана Грозного в поверженную мусульманскую Казань и открытия мощей первых миссионеров «святителя Гурия и сотрудника его

---

[1] *Дякин С. В.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – СПб.: ЛИСС, 1998. – С. 15.

Варсонофия», был объявлен днём отдыха в правительственных учреждениях и учебных заведениях Казанской губернии[1].

Состоящие на службе в правительственных учреждениях, городских и земских управах мусульмане не имели возможности отдыхать в пятницу и в дни исламских религиозных праздников. Внутренний распорядок этих организаций, их положения или уставы не предусматривали создание условий для совершения мусульманами молитв.

В 1878 г. муфтий С. Тевкелев обращался к министру внутренних дел с предложением об установлении в пятницу и в религиозные праздники дней отдыха мусульманам, служащим в правительственных учреждениях, с приложением списка праздников, когда единоверцы могли бы не посещать службу. Его инициатива была отвергнута с подачи профессора столичного университета И. Г. Нофаля, заявившего, что по исламу празднование пятницы обязательно в границах крайне ограниченного времени, посвящаемого общенародной молитве в соборной мечети, если такая существует в поселении; ислам не признаёт более 2 дней, в которые дозволено воздержаться от работы и отдыхать – это в первый день окончания поста Рамазан, Курбан-байрам, празднующийся на 70-й день после первого[2].

В Российской империи круг гражданских казённых учреждений, где были созданы условия для совершения пятничного богослужения и предоставлялся отдых в исламские религиозные праздники, ограничивался ОМДС, татарскими и казахскими учительскими школами, русско-татарскими (башкирскими) школами, арестантскими ротами и тюрьмами. В ОМДС и в вышеуказанных учебных заведениях мусульмане дополнительно отдыхали в воскресенье и в дни православных религиозных праздников[3].

Судебные учреждения. Для мусульманских духовных лиц посещение больниц, арестантских рот, тюрем, полицейских участков и других учреждений по вызову чиновников долгое время являлось общественной нагрузкой. Законодательством, в отличие от христианских вероисповеданий, средства на эти цели для мусульман не были предусмотрены. Расходы, связанные с делами лиц, привлечённых к уголовной ответственности, взыскивались с виновных[4]. В 1852 г. на мулл было распространено правило, установленное указом Сената от 16 декабря 1847 г., касающееся православных священнослужителей: о покрытии расходов из казны в случаях «командировки в гражданские правительственные учреждения духовных лиц христианских вероисповеданий»[5].

Согласно циркулярному предписанию МВД от 6 мая 1878 г., вызываемые в присутственные места и должностными лицами для исполнения религиозных треб духовные лица всех вероисповеданий должны были получать из сметы МВД средства, предназначенные для выдачи «прогонных», суточных и квартирных денег

---

[1] ПСЗ-2. – Т. XXXV. – Отд. 1. – № 28160.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 425–426.

[3] *Загидуллин И. К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань : ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С. 232–329.

[4] ПСЗ-2. – Т. XXV. – Отд. 1. – № 24167.

[5] ПСЗ-2. – Т. XXVII. – Отд. 1. – № 25972.

чиновникам, командируемым по делам службы или назначаемым на должности по распоряжению начальства.

В 1886 г. на духовных лиц всех признаваемых в России вероисповеданий были распространены правила о вознаграждении за явку в суд для привода к присяге в размере «одного рубля с каждого рассматриваемого дела»[1].

В конце XIX – начале XX в. расходы на предоставление муллам подвод стали брать на себя некоторые уездные земские управы[2].

Места заключения. Тюрьма являлась закрытым заведением, доступ на её территорию посторонним лицам был запрещён. Важную роль в регулировании религиозного быта заключённых-нехристиан сыграл закон от 5 марта 1849 г., согласно которому в арестантских ротах мусульмане и евреи освобождались от работ для праздничного богослужения соответственно в пятницу и субботу (за счёт этого работали в воскресенье)[3].

Во время проведения в тюрьме христианского ритуала евреи, мусульмане и арестанты других вероисповеданий оставались в камерах. Заключённым «иностранных исповеданий» разрешалось совершать молитвы «в одной из особо свободных комнат». В остальное время совершение общественного богослужения во многом зависело от «перенасыщенности тюремной камеры», взаимоотношений заключённых и «прилежности» мусульман в соблюдении своих религиозных обязанностей.

В 1864 г. заключённым, исповедовавшим признаваемые в России религии, было разрешено приготовление «постной пищи»[4]. С 1854 г. в местах заключения гражданского и военного ведомств арестантам стали предоставлять по три дня отдыха в период годовых исламских праздников[5]. Реализацию этих предписаний среди арестантов-мусульман наглядно иллюстрирует приказ самарского губернского инспектора от 15 декабря 1899 г. по самарской городской тюрьме: «В связи с наступлением магометанского месячного поста «Рамазан» 21 декабря предоставить им для моления отдельные камеры, с тем чтобы обвиняемые по одному делу не были соединены. При этом ввиду обычая, разрешающего магометанам в посту принимать пищу только по закату солнца, предлагаю на это время выдавать им обед вместе с ужином»[6].

Позитивные изменения в соблюдении религиозных прав мусульман во многом были обусловлены деятельностью Министерства юстиции, которое курировало места заключения.

Начальная школа. Либеральные реформы способствовали положительным изменениям и в сфере получения представителями этнических меньшинств начального образования. С 1870 г. в начальных школах мусульмане официально освобождались от уроков Закона Божия; в сельских, городских начальных училищах – от чтения

---

[1] ПСЗ-3. – Т. VI. – № 4098.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 695. – Л. 19.

[3] ПСЗ-2. – Т. XXIV. – Отд. 1. – № 23064.

[4] Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданный Министерством внутренних дел с 1859 по 1879 г. – СПб., 1880. – С. 60.

[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1181. – Л. 8.

[6] *Алексушин Г. В.* Тюрьма «Самарский крест» // Краеведческие записки. – Самара, 2003. – Вып. X. – С. 119.

на уроках по церковнославянским книгам; в уездных училищах – от церковнославянского языка. Впервые предусматривалась возможность преподавания в частных и государственных начальных училищах, гимназиях; начальных и средних профессиональных учебных заведениях для учащихся-мусульман основ исламского вероучения, основанного на принципе добровольности (за счёт родителей учащихся или обществ). С 1878 г. директора народных училищ в отношении учащихся мусульман придерживались установленных для евреев требований о преподавании основ вероучения в послеобеденное время[1].

Средняя школа. Определённые условия соблюдения религиозных прав представителей этноконфессиональных меньшинств существовали и в гимназиях. Устав гимназий и прогимназий от 1864 г. (п. 43) допускал выделение часов для неправославных вероучений исключительно за счёт этноконфессиональных общин. Согласно Уставу гимназий и прогимназий от 1871 г. впервые не исключалась возможность финансирования религиозных уроков для неправославных учащихся за счёт государственных средств или специального школьного фонда после получения разрешения у министра народного просвещения. Занятия следовало проводить по книгам на родном языке учащихся, объяснение учителем учебного материала – на государственном языке[2].

Первоначально введение в средних учебных заведениях основ ислама наталкивалось на различного рода затруднения. В частности, родителями учащихся мужской гимназии Уфы было предпринято несколько попыток ввести исламское вероучение (1872, 1884–1886 гг.). В своём ходатайстве попечителю ОУО оренбургский муфтий М. Султанов 24 января 1887 г. констатировал, что «доселе ни в одном из учебных заведений гражданского ведомства во Внутренней России» воспитанникам-мусульманам не преподаётся их вероучение. В результате юноши «не только становятся индифферентными в деле веры, но нередко на всю жизнь остаются лишёнными всякого религиозного воспитания», и, самое главное, отсутствие данного предмета становится серьёзной преградой в отдаче родителями детей в русские образовательные учреждения. Он поставил вопрос концептуально, обратив внимание на необходимость исполнения гражданских обязанностей мусульман наравне с русскими. «Едва ли могут быть какие-либо серьёзные основания и вообще было бы едва ли целесообразно лишать магометанское юношество возможности наряду с предметами общего образования проходить курс обучения на родном и единственно уместном языке, тем более что мысль эта уже давно познана и получила практическое осуществление в военных учебных заведениях»[3].

Запрос оренбургского муфтия М. Султанова 1887 г. по этой проблеме МВД направило на экспертное заключение Н. И. Ильминскому. Замечание муфтия о разительном отличии отношения к соблюдению религиозных прав мусульман в учебных заведениях военного и гражданского ведомств Ильминский признал некорректным, отметив, что в военных училищах Санкт-Петербурга обучаются в основном дети кавказских и горских мусульман, которые «едва вышли из дикого и хищнического состояния, создавшегося воинственным их бытом и влиянием Шамилевского газа-

[1] ЦОУО. – 1878. – № 3–4. – С. 34–35.
[2] ЦОУО. – 1899. – № 3. – С. 131.
[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 817. – Л. 33–34.

вата, уфимское население отпраздновало уже 300 годовщину своего гражданского существования под сенью Русской державы»[1]. Тем не менее ОУО поддержало муфтия, и впервые в округе ОМДС в 1888 г. 18 воспитанников мужской гимназии Уфы начали обучаться основам ислама (3 часа в неделю)[2]. В основу реализуемой модели был положен принцип выделения свободных помещений для различных конфессиональных групп в учебные часы, которые отводились для преподавания Закона Божия или иностранных языков. Администрации учебных заведений по объективным причинам не имели возможности выделять отдельные помещения для обучения основам ислама для каждого класса, в каждом из которых обучалось несколько мусульман. Оптимальным вариантом представлялось проведение совместных занятий для учащихся нескольких классов.

В начале XX в. татары Казани неоднократно обращали внимание властей на необходимость определения вероучителя при реальном училище, гимназиях и других учебных заведениях, «куда пожелали бы отдавать своих детей мусульмане»[3]. В КУО с 1903 г. преподавание мусульманского вероучения в Казанской 2-й гимназии и Елабужском реальном училище осуществлялось за счёт специальных школьных средств[4]. *Большую чуткость к просьбам родителей проявляли в начале XX в. ру*ководители частных учебных заведений, доходы которых складывались из взносов за обучение[5].

Реализация предоставляемых мусульманам прав зависела главным образом от настойчивости родителей, экономического потенциала местной этноконфессиональной общины, позиций руководства учебного заведения и мусульманского духовного лица.

В «табельные царские дни», когда производился церковный обряд в честь российского государя, государыни и наследника (дни рождения, тезоименитства, коронования и др.), воспитанники, исповедующие неправославные религии, должны были становиться в общую «предклассную молитву». Мероприятие имело политико-воспитательное значение. Игнорирование его под предлогом специфики вероисповедания нескольких воспитанников в классе казалось большим кощунством, чем неуважение их религиозных чувств. Согласно высочайшему повелению от 25 июня 1897 г., в тех учебных заведениях, где обучалось значительное число «иноверцев», общая для всех учеников «предклассная молитва» стала заменяться отдельной молитвой «сообразно правилам каждого вероисповедания»[6]. Определение же права каждой из конфессиональных групп на автономное совершение богослужения в «высокоторжественные дни» было предоставлено чиновникам учебного ведомства.

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 817. – Л. 39.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 817. – Л. 39–43.

[3] Казанский телеграф. – 1901. – № 2483. – 21 февр.

[4] О разрешении ввести в Казанской второй гимназии и Елабужском реальном училище преподавание магометанского учения для учеников-магометан // ЦКУО. – 1903. – С. 867.

[5] *Махмутова А. Х.* Становление светского образования у татар (борьба вокруг школьного вопроса, 1861–1917). – Казань, 1982. – С. 78–79; *Биктимирова Т. А.* Ступени образования до Сорбонны. – Казань, 2003. – С. 55–64.

[6] ЦОУО. – 1897. – № 10. – С. 305.

Таким образом, в последней четверти XIX в. мусульмане Внутренней России получили возможность организовать преподавание основ ислама в средней школе. Реализация данного права зависела от позиции администрации учебного заведения, наличия прихожан в поселении и источника оплаты преподавательской деятельности имама, осложнялась малочисленностью воспитанников-мусульман.

Государственно-исламские отношения в призме социальной жизни и политика христианизации

Общественная и бытовая жизнь подданных России во многом была подчинена правилам русской церкви. В частности, счисление дней, месяцев, праздников, присутственных и неприсутственных дней в империи определялись юлианским календарём. Поэтому народные гулянья и всякого рода зрелища воспрещались в определённые православной церковью дни. В частности, со ссылкой на законодательство, охраняющую «силу и святость» православного церковного учения о «воскресных и праздничных днях, имеющих весьма важное церковно-историческое и духовно-нравственное значение» и на основании ходатайства Синода о том, что «нарушение чествования воскресного дня роняет достоинство нашей церкви в глазах инородцев» особенно в местностях расселения мусульман и евреев, в 1867 г. правительство постановило о повсеместном переносе дня проведения базаров с воскресенья «на другие будничные дни»[1].

Конфессиональный подход проявлял себя при разбирательстве судебных дел православных. Согласно указу от 30 мая 1866 г. «О воспрещении членам и секретарям судебных мест из лиц мусульманского исповедания участвовать в рассуждениях и решениях по делам против веры христианской и церковных установлений»[2], связанные с религиозным вопросом дела могли рассматривать только судьи православного вероисповедания. Если же среди призванных к судебным заседаниям 30 заседателей оказывались лица неправославного исповедания, то перед составлением присутствия присяжных по жребию для рассмотрения дел «против веры» они автоматически заменялись запасными заседателями нужного исповедания[3].

В царствование Александра III усилились националистические тенденции во внутриполитическом курсе. С одной стороны, они были вызваны модернизацией России, личными чертами российского царя, с другой – являлись реакцией на пробуждающееся самосознание народов и их сопротивление ассимиляторской политике власти[4].

Когда представители татарского общества стали занимать определённые чиновничьи и общественные должности, власть стала ограничивать сферу их деятельности, исходя из выявленных фактов «соприкосновения» с русским элементом.

---

[1] Известия по Казанской епархии. – 1866. – № 22. – С. 592–596.

[2] Опись дел Государственного совета. – СПб., 1911. – Т. 6. – С. 288.

[3] Устав уголовного судопроизводства. Изд. 1892 г. // СЗРИ. – Т. 16. – Ч. 1. – Ст. 1010.

[4] *Дякин С. В.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – СПб., 1998. – С. 27.

В 1889 г. ввели «особый порядок» вступления в судебные учреждения и советы присяжных поверенных на должности присяжных и частных поверенных из «иноверцев». До издания особого по данному предмету закона каждый такой случай должен был лично рассмотреть и утвердить министр юстиции, а в отношении частных поверенных при уездных съездах – министр внутренних дел[1].

Особое внимание власти уделяли мерам изоляции мусульман в системе начального образования. Такими дискриминационными законодательными актами стали устранение мусульман от должности председателя в уездных и губернских училищных советах, от участия в них в качестве членов от земских учреждений и органов городского самоуправления» (1888 г.) [2]; лишение звания домашних наставников, учителей из нехристиан при наличии соответствующих документов на педагогическую деятельность, в случае работы среди православных[3].

Можно сказать, что власти стремились выделить особые религиозные права православного населения практически во всех случаях жизни. В 1890-е гг. Синод возбудил перед Государственном Советом вопрос «о необходимости оградить православное население некоторых местностей России от вредного влияния татар, имеющих обыкновение состоящих у них в услужении православных работников заставлять работать по воскресеньям». В результате с 1896 г. татарам-мусульманам вслед за евреями воспрещалось препятствовать православным, нанявшимся к ним на работу в качестве домашних работников или на другую работу, «в чествовании, в исполнении прочих религиозных обязанностей»[4]. В воскресенье и «двудесятые» праздники без необходимой нужды ремесленники не должны были работать. В эти дни мастера-нехристиане могли трудиться, но только без своих подмастерьев из христиан. В то же время мастера из христиан не могли принуждать «иноверцев» к работам в дни их религиозных праздников[5]. За притеснения христиан «иноверцы» подвергались денежному взысканию в размере не выше 50 руб.[6]

Дети и семейные отношения. В клерикальном государстве, каковым являлась Российская империя, семейные ценности и отношения строились по церковным канонам. В пореформенный период оставались в силе николаевские законы, отдававшие приоритет члену семьи – христианину[7]. Другой стороной этого явления следует назвать вынужденную самоизоляцию от соприкосновения с православным элементом в государственных органах и особенно в семейно-брачных отношениях.

---

[1] Учреждения судебных установлений // СЗРИ. – Т. 6. – Ч. 1 (прим. к ст. 380, прим. к ст. 406 (п. 7)).

[2] Свод уставов учёных учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Изд. 1893 г. // СЗРИ. – Т. 11. – Ч. 1. – Ст. 3495 (прим. к ст. 3495).

[3] Свод уставов учёных учреждений... – Ст. 3779, 3825.

[4] Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Изд. 1890 г. // СЗРИ. – Т. 14. – Ст. 88.

[5] Устав о промышленности. Изд. 1893 г. // СЗРИ. – Т. 11. – Ч. 2. – Ст. 430.

[6] Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд. 1885 г. // СЗРИ. – Т. 15. – Ч. 1. – Ст. 48; Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. с мотивами, извлечёнными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Изд. Н. Г. Таганцева. – СПб., 1904. – С. 161.

[7] Свод законов гражданских. Изд. 1900 г. // СЗРИ. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 80

Содержание российского законодательства было проникнуто противопоставлением мусульман и православных, запрещало браки между ними. Законодательство о браках отличается скрупулёзным фиксированием многих сторон жизни человека. Скажем, если жена или одна из жён мусульманина принимала крещение, то брак её оставался в силе без утверждения её венчанием по православной церкви лишь в том случае, если муж давал следующие обещания: 1) детей, могущих появиться на свет от этого брака, «ни прельщениями, ни угрозами, ни какими-либо способами не приводить в свой закон и жене своей за содержание православной веры поношения и укоризны не наносить»; 2) состоять в браке с супругой-христианкой «во все времена» или до тех пор, пока продолжится их брак. Причём многоженец «во имя православной жены» должен был развестись с её соперницами-мусульманками. В случае, если муж не соглашался исполнить вышеперечисленные обязательства или же выяснялось, что принявшая православие им отлучена от сожительства, то брак их расторгался и жена получала возможность вступить в новый брак с лицом христианского вероисповедания[1].

Бракосочетание мусульманина с представительницей христианской конфессии было возможно лишь при смене мусульманином своего вероисповедания и означало потерю прежней конфессиональной идентичности. В то же время циркуляром МВД (№ 182 от 12 июля 1888 г.) мусульманскому духовенству было предписано воздержаться от совершения браков между мусульманами и язычниками[2].

Дискриминация «иноверцев» наглядно проявлялась в законе об усыновлении. Если один из супругов-мусульман, состоящий в браке, принимал крещение, то все рождающиеся после этого дети записывались православными[3]. Все незаконнорождённые дети, у которых родители были неизвестны, объявлялись «рождёнными в православии»[4]. Это означало, что юридически мусульмане могли доказать своё вероисповедание только при наличии документов на родителей. В то же время, усыновление лиц христианского исповедания нехристианами, а последних – лицами христианского вероисповедания запрещалось[5].

Таким образом, мусульманин мог сохранить свою веру и пользоваться религиозной свободой только в том случае, если по документам доказать, что его родители исповедуют или исповедовали ислам, бракосочетание с лицом другой конфессии означало потерю правопреемственности вероисповедания. Следовательно, строгое соблюдение заключения браков только между татарами-мусульманами было связано, прежде всего, с желанием сохранить свою этническую идентичность и являлось защитной мерой угнетённой нации. Законодательство запрещало переход в какое-либо другое исповедание православным лицам.

---

[1] Свод законов гражданских. Изд. 1900 г. // СЗРИ. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 206.

[2] Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX в.): сб. материалов / сост., авт. вступ. ст., списка сокр. назв. законодат., норм. актов и терминов И. К. Загидуллин. – Казань, 2009. – С. 8.

[3] *Рейснер М. А.* Государство и верующая личность : сб. ст. – СПб., 1905. – С. 20.

[4] Свод законов гражданских. Изд. 1900 г. // СЗРИ. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 80.

[5] Там же. – Ст. 148.

Влияние «государственного статуса» РПЦ на правовое положение ислама и мусульман. В системе веротерпимости в Российской империи «первенствующее и господствующее положение» занимало православие[1], что оказывало непосредственное влияние на статус других конфессий. Это положение дополняло исключительное право РПЦ на ведение миссионерской работы среди российских подданных[2].

В российском законодательстве чётко прослеживается градация вероисповеданий в зависимости от их «местоположения» от православной церкви. Явственно обозначены следующие ступени правового положения конфессий: господствующее положение за РПЦ, следующая позиция была предоставлена «терпимым» религиям, которые, в свою очередь, делились на две большие группы: «инославные» – римско-католическая, армянско-католическая, армянско-григорианская, евангелическо-лютеранская, евангелическо-аугбургская, евангелическо-реформаторская – церкви и «иноверные» (нехристианские) – ислам, иудаизм, буддизм (ламаизм).

Специфика государственно-церковных отношений во многом была обусловлена традиционным исключительно высоким статусом православной церкви и особенностями становления Российской империи, происходившего за счёт захвата или присоединения новых территорий с народами, исповедующими «инославные» или «иноверные» религии. Перечень «терпимых» религий позволяет говорить о конкретно-историческом принципе становления и развития Российского законодательства: в нём регламентировано правовое положение только тех религий, которые исповедуются народами, населяющими Россию, а остальные вероисповедания просто игнорированы. Следовательно, их нельзя было исповедовать в России, скажем, при появлении среди подданных государства последователей, не признанных в законодательстве религий, они становились «гонимыми».

Необходимо подчеркнуть, что жители империи, исповедующие признанные в России «терпимые» религии, пользовались гарантированными властью правом свободного исповедания[3]. Ограничение их религиозных прав выражалось, прежде всего, в запрете распространения своей веры, совершении публичных процессий на улицах и городских площадях[4].

Император как глава государства мог исповедовать только православие и являлся «верховным защитником» и хранителем догматов господствующей веры[5]. Практически все звенья светской власти должны были неукоснительно соблюдать интересы православной церкви и оказывать духовенству всяческое содействие в рамках закона. Например, главному административно-полицейскому чиновнику губернии предписывалось следующее: «губернаторы обязаны во всяком случае и всею предоставленною им властью содействовать православному начальству в охранении прав Церкви и незыблемости самой веры, наблюдая тщательно, что ереси,

---

[1] Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Изд. 1896 г. // СЗРИ. – Т. XI. – Ч. 1. – Ст. 1.

[2] Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Изд. 1857 г. // СЗРИ. – Т. 14. – Ст. 70.

[3] Основные государственные законы. Изд. 1892 г. // СЗРИ. – Т. 1. – Ст. 44, 45.

[4] *Бердников И. С.* Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. – Казань, 1914. – С. 6.

[5] Основные государственные законы. Изд. 1892 г. // СЗРИ. – Т. I. – Ч. 1. – Ст. 41–42.

расколы и др., предрассудком и невежеством порождаемые, заблуждения не были распространяемы между жителями вверенной им губернии, и чтоб, для отвращения сего зла и производимых оным соблазном, были употребляемы благовременно все предписания общими установлениями и особыми повелениями меры»[1].

Православные публичные религиозные церемонии, процессии и другие мероприятия не подлежали никаким ограничениям, кроме тех, которые могли быть обусловлены, например, полицейско-санитарными мерами[2].

В российских реалиях достоинство РПЦ поддерживалось всей административно-полицейской и судебной системой самодержавия. С целью охраны престижа РПЦ в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» был введён целый раздел «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений», призванный формировать у этноконфессиональных меньшинств уважительное и толерантное отношение к религиозным чувствам православных и их религиозным институтам. В плане защиты ислама и религиозного достоинства мусульман какие-либо меры наказания не были предусмотрены. Тем самым русское государство создавало правовое поле, способствовавшее формированию у христиан безнаказанности за оскорбление религиозных чувств мусульман и великодержавного отношения к «инородцам»[3].

Исключительно привилегированный статус РПЦ наложил свой отпечаток и на закон о наследстве: при получении язычниками или нехристианами в наследство по закону или завещанию иконы, то они обязаны были в шестимесячный со дня вступления в наследство срок передать их (а не продать) в руки православных или в церковь. В случае же неисполнения предписания закона, иконы насильно отбирались от них и передавались в местную консисторию в руки духовного начальства, что означало ограничение прав собственности «иноверцев». Аналогичный порядок действий был предусмотрен в случае законного попадания в руки нехристиан и язычников «частицы св. мощей, части одежды или гробов святых и иные освящённые предметы благоволения православной церкви»[4].

Позитивные перемены в российском законодательстве произошли лишь в начале XX в. В «Уголовном уложении» от 22 марта 1903 г. впервые был введён ряд мер

---

[1] Общее учреждение губернское. Изд. 1892 г. // СЗРИ. – Т. 2. – Ч. 1. – Ст. 298.

[2] *Суворов Н., Суворов И.* Учебник церковного нрава. 4-е изд. – М., 1912. – С. 510.

[3] Наглядным примером этому служит судебное разбирательство в Казанском окружном суде без присяжных заседателей по обвинению мещанина Мухаммадзакира Губайдуллина «в кощунстве». Суть дела заключалась в том, что 24 апреля 1897 г. в Казани в пивной лавке на Булаке на заявление нетрезвого русского: «Вы, татары, не имеете крест, вы – собаки», подвыпивший Губайдуллин ответил: «Зачем он (русский. – *И. З.*) называет его собакой, когда и она может носить крест». Окружной суд 25 июня 1897 г. вынес следующее постановление: «Имея в виду, что кощунственные слова (против церкви. – *И. З.*) Губайдуллина вызваны бранью русского, направленного против татарской народности, размер наказания должен быть назначен в меньшей мере – Губайдуллин подлежит аресту при полиции на один месяц». Русский за оскорбление мусульманина наказанию не подлежал (см.: НА РТ. – Ф. 41. – Оп. 1. – Д. 2195. – Л. 2 об., 26).

[4] Свод законов гражданских. Изд. 1900 г. // СЗРИ. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 1189; Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Изд. 1896 г. // СЗРИ. – Т. 11 – Ч. 1. – Ст. 1, 2.

наказания за оскорбление или ограничение «вероисповедальных прав мусульман»[1]. Поскольку в действующем законодательстве совершение исламского ритуала предусматривалось лишь в весьма ограниченном числе гражданских заведениях, то «Уголовное уложение» 1903 г. оказалось «беззубым» по защите религиозных прав мусульман в правительственных и общественных учреждениях. Для подтверждения нашего вывода назовём ст. 81, согласно которой лица нехристианского вероисповедания, воспрепятствовавшие без применения насилия христианину, находившемуся у него в услужении в обучении ремеслу или на работе исполнить религиозную обязанность или участвовать в установлении христианской традиции («чествовании 2-го воскресенья или иного праздничного дня») наказывались штрафом в размере 50 руб. В отношении обучающихся или работающих в частных учреждениях мусульман такая защита не была предусмотрена.

Таким образом, главенствующее положение РПЦ, полицейская охрана её привилегий практически во всех сферах жизнедеятельности, безнаказанность православных в случае ущемления или осквернения ими религиозных чувств и прав представителей «иноверных» религий приводили в контактных зонах к ущемлению религиозных прав мусульман.

Законодательные ограничения были введены, главным образом, с целью охраны интересов русского населения, они были нацелены на исключение поводов для использования действующих органов самоуправления в интересах отдельных этноконфессиональных групп.

Политика христианизации. Признание Российским государством ислама одной из терпимых религий в империи не означало отказ от христианизации мусульман. В частности, в «Наказе» Екатерины II – инструкции комиссии для написания нового уложения от 30 июля 1767 г., заявлялось: «И нет подлинного иного средства, кроме разумного их законов дозволения, православною нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно было всех наших овец паки привести к истинному верных стаду»[2].

---

[1] В частности, виновный в «поношении» нехристианского вероисповедания или «предмета религиозного чествования» в молитвенном доме или при публичном совершении общественного богослужения наказывался арестом. В случае, если такое противозаконное действие произошло по неразумению, невежеству или в состоянии алкогольного опьянения, то к аресту на срок не свыше одного месяца или денежного штрафа в размере не свыше 100 руб. (ст. 76). Виновный в «непристойном крике, шуме или ином бесчинстве», приводящем к срыву общественного богослужения в храме или публичном месте наказывался арестом не свыше 3 месяцев (ст. 77). Виновный, «принуждаемый посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы, к совершению богослужения или обряда, воспрещённых или недозволенных правилами вероисповедания, к коему принадлежит принуждаемый, или к участию в таком богослужении или обряде» наказывался заключением в тюрьму (ст. 80, пункт 1) или если таковое действие было направлено на воспрепятствование мусульманскому ритуалу наказывался заключением в тюрьму, а в случае применения насильственных мер к нехристианскому священнослужителю, то арестом на срок не меньше 3 месяцев (ст. 80, п. 2) (см.: Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. с мотивами, извлечёнными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Изд. Н. Г. Таганцева. – СПб., 1904. – С. 156–160).

[2] ПЗС-I. – Т. XVIII. – № 12949. – Ст. 495.

Как совершенно справедливо отметил известный историк Р. Фахретдинов, отмена законов о крещении мусульман была номинальной, а фактически продолжалась христианизация татар[1].

Государство непосредственно «регулировало» и сферы, и районы деятельности православного духовенства и других вероисповеданий среди поликонфессионального населения страны. Скажем, исповедующие другие религии не могли препятствовать желающему перейти в православие и должны были выступать в качестве беспристрастных наблюдателей миссионерских усилий священнослужителей. Иначе они привлекались к уголовному наказанию[2].

В случае перехода мусульманина в православие существовала система определённого материального стимулирования. Одной из самых тяжёлых повинностей была рекрутская повинность (до 1874 г.), из-за которой семья теряла работника в хозяйстве. Состоятельные хозяйства за плату и исполнение определённых обязанностей (выплата недоимок и долгов, несение каких-то повинностей, забота о его семье и др.) нанимали вместо своего члена семьи наёмного рекрута, обычно бедняка. Основная часть крестьян была лишена такой возможности. Срок службы в российской армии до 1793 г. был пожизненным, в 1793–1833 гг. составлял 25 лет (в 1818 г. служба в гвардии была сокращена на 3 года), с 1834 г. – 20 лет, а после Крымской войны – 12 лет[3]. В начале XIX в. существовал закон, предоставляющий крестившемуся трёхлетнюю льготу по налогам и повинностям, в том числе освобождение от рекрутского набора[4]. Государство стремилось использовать длительную военную службу рекрутов, среди которых мусульмане составляли этноконфессиональное меньшинство, для ассимиляции «иноверцев» и «инославных». Указом от 4 января 1836 г. на кантонистов из мусульман и язычников, принявших христианскую веру, было распространено правило, установленное в 1829 г. для евреев-кантонистов, о выдаче новокрещёным «денежного награждения» в размере 25 руб. ассигнациями[5]. Продолжая быть последовательным, Николай I начал оказывать за счёт казённых средств определённую материальную поддержку новокрещёным из числа нехристиан. «Рекрутским уставом» от 28 июня 1831 г. было определено следующее: мусульмане и язычники, принявшие крещение, навсегда освобождались от рекрутской повинности, эта льгота распространялась также на их детей, родившихся после акта крещения (действовало до введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности). На основании именного указа Николая I от 16 июня 1851 г. нижним воинским чинам из числа мусульман за принятие крещения стали выдавать «в награду» из государственного казначейства по 7 руб. 15 коп. серебром[6] (упразднён в 1860 г.)[7]. Эти льготы, на наш взгляд, и определяли мотивацию кре-

---

[1] *Фәхреддинов Р.* Болгар вә Казан төрекләре. – Казан, 1993. – 57 б.

[2] Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Изд. 1857 г. // СЗРИ. – Т. XIV. – Ст. 102.

[3] *Загидуллин И. К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. – С. 12.

[4] История Татарии в документах и материалах. – М., 1937. – С. 315–316.

[5] ПСЗ-2. – Т. XI. – № 8812.

[6] ПСЗ-2. – Т. XXVI. – № 25314.

[7] Ислам в законодательстве России : сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России / сост.: А. Б. Юнусова, Ю. Н. Сергеев, В. А. Латыпова. – Уфа. 1998. – С. 42.

щения незнающих русского языка язычников и мусульман. Это были рекруты или семьи бедняков. Согласно подсчётам Р. Р. Исхакова, в 1837–1859 гг. в Казанской губернии ежегодно в среднем принимало крещение 30 мусульман, в Вятской – 8, в Симбирской – 16[1].

Власти придавали существенное значение вопросу о переселении в русскую среду новокрещён и изоляции их от прежней среды обитания. С 1832 г. новокрещёные получили возможность переселяться в любой российский город, в том числе в столицы, и приписываться в мещане без согласия на то местного сельского общества[2]. А мусульманские дети, купленные или выменянные у казахов и других «азиатцев», самостоятельно могли переселиться в любой российский город, помимо столиц, после достижения ими 21 года[3]. Им также предоставлялась льгота при платеже налогов и выполнении повинностей «на два года, начиная со следующего после приписки половины года, с тем, чтоб город не отвечал и потом в течение трёх лет за их подати, которые должны были оставаться на собственной их ответственности», в том числе и по рекрутской повинности, согласно «Рекрутскому уставу»[4]. Новокрещёные из крестьян пользовались такими же льготами, как при записи новокрещёных в мещанское сословие, но они пользовались не шестилетней льготой от налогов, а двухлетней[5]. Они имели также право приписываться к государственным селениям без согласия своих сельских обществ. Если же при выделении им земельного надела страдали местные крестьяне, наблюдалось малоземелье в общине, то для впуска нового члена требовалось согласие сельского схода[6].

Государство контролировало методы христианского просвещения РПЦ. Либерализация законодательства с ориентиром на западноевропейские ценности способствовала корректировке правил христианского просвещения «иноверцев». Согласно закону от 4 декабря 1861 г., православный миссионер должен был действовать поучениями и методом убеждения и своим примером, без принуждения и применения угроз (п. 4)[7]. Событию предавалась гласность. Обряд крещения совершался в церкви (за исключением случаев болезни «иноверца») в присутствии благонадёжных свидетелей или представителя местной администрации после их удостоверения в добровольности намерения «иноверца» и знании им основ вероучения (п. 5). Малолетних, не достигших 14-летнего возраста лиц, священнослужители могли крестить только с письменного разрешения родителей или опекунов (п. 1). Для лиц старше 14 лет крещение могло быть совершено и без согласия их родителей или опекунов в случае, если они сами заявят о своём желании и будут достаточно ознакомлены с учением православия (п. 2). Лица, не достигшие совершеннолетия, могли быть крещены после подготовки к крещению «по образу церкви православной» и «настав-

---

[1] *Исхаков Р. Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в). – Казань, 2011. – С. 84.

[2] Свод законов о состояниях. Изд. 1857 г. // СЗРИ. – Т. IX. – Ст. 462.

[3] Там же. – Ст. 463. – П. 5.

[4] Там же. – Ст. 470.

[5] Там же. – Ст. 635.

[6] Там же. – Ст. 634.

[7] ПСЗ-2. – Т. XXXVI. – Отд. 2. – № 37709. – Ст. 4; Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений. Изд. 1890 г. // СЗРИ. – Т. 14. – Ст. 1–5 (прилож. к ст. 70).

ления» миссионерами в течение 6 месяцев. При этом сохранял свою силу древний порядок наставления желающих креститься в течение 40 дней. В зависимости от обстоятельств, указанные сроки могли быть существенно сокращены (п. 3).

На основании закона от 28 ноября 1861 г. евреям и калмыкам, принявшим православную веру, оставлявшим прежние места обитания и переселявшимся в города или селения в христианскую среду, выдавалось денежное пособие: первым – от 15 до 30 руб., а вторым – от 8 до 15 руб.[1] С 1897 г. денежное вознаграждение начали выдавать новокрещёным казахам[2].

Некоторые инициативы по усилению христианизации и повышения её эффективности исходили от начальников губерний. Накануне перевода мусульманского башкирского военно-служилого сословия в категорию свободных «сельских обывателей» с сохранением их вотчинных прав на землю, на основе инициативы оренбургского и самарского генерал-губернатора и с подачи военного министра Комитет министров разработал положение, «высочайше» утверждённое 10 апреля 1862 г., под названием «О порядке приписки к городским и сельским обществам и поселениям на жительство иноверцев из башкир, принявших св. крещение»[3].

В «Положении о башкирах» от 14 мая 1863 г. башкир, мещеряков, тептярей и бобылей из мусульман, принадлежащих военному служилому сословию под названием «башкирского войска»[4], на основании Положения Комитета министров от 10 апреля 1862 г. были выработаны правила оказания материального содействия и социальной защиты для крестившихся. Уточнялось, что определённое Положением Комитета министров от 10 апреля 1862 г. пособие выдавалось из башкирского капитала[5].

«Положение о башкирах» от 14 мая 1863 г. во многом было пролонгировано новым «Положением о башкирах» от 2 июля 1865 г., где были закреплены выше-

---

[1] Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Изд. 1857 г. // СЗРИ. – Т. 14 (примеч. к ст. 70).

[2] Отчёт по Государственному Совету за сессию 1896–1897 гг. – СПб., 1898. – С. 8.

[3] При переселении в другую местность на новокрещёных башкир распространялась льгота для переселявшихся в сельское общество, заключающаяся в шестилетнем освобождении от уплаты налогов. После получения надела и истечения этого льготного срока они должны были исполнять личные и денежные повинности наряду с другими государственными крестьянами (ст. 1). При этом разрешалось новокрещёным башкирам переселяться в другие селения или образовывать новые выселки. На новом месте расселения или на выселках они получали столько земли, сколько имели до принятия крещения и выдавалось им столько прибыли, причитающейся за каждый двор и душу с башкирских общинных вотчинных земель (ст. 2).

Новокрещёным из башкир, переселяющимся с прежних мест жительства в другие регионы, предусматривалась выдача из средств МГИ денежной помощи на общем с государственными крестьянами основании. В случае переселения новокрещёных из башкир в поселение на территории Оренбургской губернии денежное пособие им выдавалось в том же размере из процентной суммы с общественного капитала от продажи и отдачи «к кортому вотчинных угодий» (ст. 3). На башкир, принявших крещение, но остающихся в военно-служилом сословии, распространялись двухлетние льготы от уплаты налогов, предусмотренные для переходящих в сословие новокрещёных.

А тем из новокрещёных башкир, исключённых без их согласия из иррегулярного войска, предоставлялась возможность вернуться на прежнее место жительства с получением пособия из процентной суммы с общественного капитала от продажи и отдачи вотчинных земель, в случае хорошего поведения, и если они не состоят под следствием (ст. 5).

[4] ПЗС-2. – Т. XXXVIII. – № 19622. – Ст. 1.

[5] ПЗС-2. – Т. XXXVIII. – № 19622. – Ст. 112. – Прим. 1.

названные льготы с некоторыми уточнениями (ст. 112, примеч. 1 и 2). В частности, переселение новокрещёного башкира разрешалось без учёта мнения родителей на его уход, без учёта требования к другим переселенцам башкирам, для которых переход запрещался в случае наличия в семействе малолетних и других лиц, не способных к работе; лиц, не обеспеченных содержанием, и без приёмного приговора того общества, куда новокрещёный башкир переселяется, и без удостоверения о приобретении им в собственность земли в другой волости или где бы то ни было. Также отмечалось, что указанное в «высочайше» утверждённом Положении Комитета министров от 27 марта 1862 г. пособие принявшим крещение выдавалось по распоряжению главного начальника Оренбургского края. Те из новокрещёных башкир, которые выделяли себе участок земли в частную собственность, пособием для переселенцев не пользовались[1].

В 1871 г. оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский предложил комплекс мер по предоставлению крещёным башкирам льгот и привилегий «ввиду устранения существующих препятствий к принятию башкирами православной веры», которые, однако, не удостоились внимания центральной власти: 1) отмена, установленных Положением о башкирах от 14 мая 1863 г. мер, как не способствующих, по его мнению, должным образом переводу новокрещёных из мусульманских обществ в христианские; 2) предоставление новокрещёным права требовать выделения из «мирского надела» в частную собственность причитающего им участка земли; 3) предоставление им причитающейся в казённых селениях по 15 дес. земли с образованием особых обществ не менее 30 душ; 4) предоставление в казённых селениях льготу от податей, денежного пособия из казны и леса на постройку домов, а в городах, кроме льготы от податей, бесплатное отведение места для постройки домов и, где возможно, отпуск леса из городских дач; 5) сохранение за крестившимися башкирами льготу от рекрутства, пока ею пользуются их прежние единоверцы; 6) постройка для отдельных обществ новокрещёных церквей, назначение священников и устройство приходских школ за счёт казны[2].

Таким образом, можно констатировать, что во 2-й половине XIX в. для крещения татар-мусульман, расселённых в губерниях Европейской части империи, правительство воздержалось от прямой финансовой поддержки из бюджета. В пореформенный период материальное стимулирование лиц, принявших крещение, осуществлялось на местах общественными миссионерскими организациями. В 1864 г. были «высочайше» утверждены «Общие правила для учреждения православных церковных братств»[3], которые финансировались за счёт частных пожертвований, благотворительных и церковных сборов, государство официально не участвовало в их деятельности.

Открытое в 1865 г. в Санкт-Петербурге Православное миссионерское общество поставило своей целью укрепление в вере крестившихся «инородцев» и распространение

---

[1] Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Ф. Х. Гумеров. – Уфа, 1999. – С. 440.

[2] *Загидуллин И. К.* Царизм и мусульманский вопрос в Волго-Уральском регионе во второй половине XIX века // Доклады Международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе». Казань, 8–11 июня 2001 г. – Стамбул, 2004. – С. 235–244.

[3] Известия по Казанской епархии. – 1867. – № 3. – С. 70–71.

православия среди язычников и нехристиан, расселённых в империи (кроме Кавказа) и соседних странах. Из-за ряда проблем, осложнивших его существование в столице, главное управление общества было перенесено в Москву. В апреле 1869 г. санкт-петербургский совет общества был закрыт императорским указом, и 21 ноября того же года был «высочайше» утверждён новый устав миссионерской организации[1].

Представителями и структурными единицами Православного миссионерского общества в епархиях были комитеты под руководством архиерея. Поскольку во 2-й половине XIX в. границы каждой епархии совпадали с территорией конкретной губернии, можно легко представить структуру общества в целом в масштабах России (за исключением Кавказского края).

В Казанской епархии благочинные округов развернули разъяснительную работу с целью организации церковных братств. Однако инициатива сверху натолкнулась на пассивность прихожан. Одна из редких новых организаций возникла в Чистополе при Николаевском соборе[2]. Убедившись в отсутствии поддержки снизу, руководство епархии решило учредить «Братство святителя Гурия» под своим присмотром при кафедральном Благовещенском соборе. «Разделение полномочий» между Православным миссионерским обществом и «Братством святителя Гурия» произошло в 1870 г. Всероссийской миссионерской организацией было принято предложение совета братства о вхождении в состав «с сохранением полной его самостоятельности, с его уставом», что позволило последнему улучшить своё материальное положение[3].

Это «братство» сосредоточило свои усилия на удержании в православии крещёных «инородцев» через учреждение миссионерских школ, издание религиозно-учебной литературы на их родном языке, подготовку национальных педагогических кадров (учителей начальных школ и священнослужителей), а также оказывая определённую материальную помощь крестившимся и т. д. Важнейшим направлением РПЦ и миссионерских обществ в пореформенный период также являлось противостояние воздействию мусульманского населения на язычников и крещёных «инородцев».

В XIX в. в связи с наблюдавшимся процессом возвращения крещёных татар в ислам на первый план вышла необходимость утверждения их в «лоне» православной церкви, что предполагало ограждение «инородцев» от контактов с мусульманским сообществом. Не случайно важную роль в дальнейшей перестройке миссионерской работы сыграло открытое в 1854 г. в Казанской духовной академии единственное в России миссионерское противомусульманское отделение. Наиболее известные первые его выпускники – Н. И. Ильминский и А. А. Бобровников. Из остальных выпускников отделения заслуживают особого внимания деятельность Е. А. Малова, М. А. Машанова, Н. П. Остроумова. Владение арабским и тюркским языками принесло им в научном мире славу видных тюркологов, их инициативность способствовала к тому, что они всю сознательную жизнь посвятили «просвещению инородцев».

---

[1] *Бердников И. С.* Дополнение к краткому курсу церковного права православной греко-российской церкви. – Казань, 1889. – С. 391–392.

[2] Известия по Казанской епархии. – 1867. – № 3. – С. 81, 84.

[3] Известия по Казанской епархии. – 1872. – № 4. – С. 108–109.

Примечательно, что именно профессор Казанской духовной академии Г. С. Саблуков перевёл и впервые издал в 1880 г. Коран на русском языке. В 1855 г. в духовной академии началось издание журнала «Православный собеседник», с 1867 г. – при нём еженедельника «Известия по Казанской епархии» – периодического органа православных священнослужителей епархии. Усилиями Е. А. Малова с 1870 г. было налажено издание лучших кандидатских или магистерских работ выпускников этого отделения («Миссионерский противомусульманский сборник: труды студентов миссионерского отделения при Казанской духовной академии»). Примечательно, что 22 из 24 выпусков этого издания приходятся на 1870–1899 гг. Перечисленные издания были на свободной продаже, были доступны татарам и сыграли не последнюю роль в усилении недоверия мусульманского общества к деятельности православной церкви и русской власти. В них отложились сочинения миссионеров по самым разным аспектам мусульманской религии. Многие из публикаций Н. И. Ильминского, Е. А. Малова, М. А. Машанова, Н. А. Остроумова и других идеологов миссионерства впоследствии издавались отдельными оттисками или книгами. «Помимо ознакомления русского общества с исламом, главной целью было подчеркнуть политическую опасность ислама для России. Миссионеры рассматривали ислам как опухоль, как чуждое религиозное явление внутри империи, духовные центры которой находились за пределами империи, как противник, который должен быть уничтожен и рассматривали российских мусульман как врагов, которые должны быть разгромлены»[1]. Во 2-й половине XIX в. казанские миссионеры внесли большой вклад в создание литературы по клерикальной исламистике.

В целом деятельность Казанской духовной академии по подготовке миссионерских кадров не удовлетворяла запросов руководства епархии. Малочисленность противомусульманского отделения не только из-за ограниченности штатов, но и трудности обучения, что предполагало дополнительные занятия и отсутствие в моральном и учебном плане подготовленных к этому нелёгкому делу лиц, кажется, не позволили его выпускникам полноценно проявить себя в деле христианизации мусульман. Их деятельность была в основном связана с написанием теоретических исследований, обличающих ислам в «неверности». В пореформенный период наблюдалось нежелание студентов обучаться в этом отделении «ввиду крайней неопределённости своей будущей карьеры»[2].

В 1885 г. на основании указа Синода от 23 мая 1830 г., было предписано назначать по епархии нескольких миссионеров и представлены правила организации миссии. В Казанской епархии были назначены сразу семь миссионеров[3]. В том же 1885 г. в Казани прошёл миссионерский съезд руководителей епархий Волжско-Уральского региона, для которых деятельность «Братства св. Гурия» был представ-

---

[1] *Б. Брайн-Бекингсен Ф.* Миссионерские организации в Поволжье во второй половине XIX в. // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994. – С. 121.

[2] Прибавление к Церковным ведомостям. – 1905. – № 44. – С. 1864.

[3] Отчёт деятельности Братства св. Гурия за семнадцатый братский год. – Казань, 1884. – С. 71.

лен в качестве образцового примера[1]. Именно при нём стали обращать большое внимание материальной поддержке новокрещёных[2].

В 1889 г. было постановлено об открытии при Казанской духовной академии двухгодичных миссионерских курсов с двумя отделениями – татарским и монгольским, для создания возможности миссионерам разных епархий России пользоваться материальной базой и интеллектуальным потенциалом высшего духовного учебного заведения[3]. Однако спустя 16 лет после открытия этих курсов, когда стало возможным делать определённые выводы, церковные власти признали их неудовлетворительными, что объяснялось краткосрочностью курсов, набором на учёбу лиц, малознакомых со своей будущей деятельностью, в том числе случайных людей[4].

Необходимо указать, что добровольное крещение татарина в условиях негативного отношения мусульманского общества к такому поступку единоверца, как правило, было вызвано определёнными «земными» меркантильными интересами. Думается, что в исключительно редких случаях такой акт происходил вполне осознанно. Известно, что крестившимся мусульманам церковные власти давали единовременно по 15 руб.[5] В Казани желающего креститься могли до 6 месяцев устроить в миссионерский приют, поставив на полное бесплатное обеспечение.

Миссионерская деятельность деятелей церкви явилась одним из главных дестабилизирующих факторов национального вопроса. В 1866–1900 гг. в Казанской губернии ежегодно в среднем принимало православие 15 мусульман, в Вятской – 8, в Самарской – 20, в Симбирской – 6. Причём с 1870-х гг. наметилась тенденция некоторого ускорения динамики крещения. Одной из главных причин этого явления была активизация деятельности православных проповедников, усиление противомусульманского движения РПЦ. В Казанской губернии на одного крестившего в этот период приходилось 45 027 мусульман, в Вятской – 18 400, в Симбирской – 22 329, в Самарской – 12 991. Высокие показатели по Самарской губернии, по мнению Р. Р. Исхакова, получались за счёт принятия крещения казахов и башкир из соседней Оренбургской губернии и татар-мусульман Казанской губернии[6].

---

[1] *Зайдуллин И.* Бөекдержавчыл шовинизмның кайбер сыйфатлары // Татарстан. – 1996. – № 3. – 44–49 б.; *Его же.* К вопросу отношения православия к исламу в Среднем Поволжье // Исламо-христианское пограничье : итоги и перспективы изучения. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. – С. 131–136.

[2] Чтобы удержать крещёных татар в православии, исходя из конкретной ситуации, выделялась материальная помощь. Например, в 1882 г. в д. Елышево Мамадышского уезда сгорело хозяйство К. Филиппова, единственного человека в селении, оставшегося в православии. Чтобы удержать его от получения помощи односельчан – «возвратившихся» в ислам крещёных татар, «Братство св. Гурия» выделило денежные средства на постройку новых хозяйственных сооружений. В 1894 г. миссионер Е. Малов сокрушался неохотным выделением в последнее время денежных средств под предлогом того, что «этим пособием поддерживается тунеядство».

[3] Соображения об открытии двухгодичных курсов при Казанской духовной академии и предоставлении возможности проезжающим через Казань миссионерам и священникам инородческих приходов Казанской епархии пользоваться учёными силами и средствами академии. – Казань, 1889.

[4] Прибавление к церковным ведомостям. – 1905. – № 44. – С. 1867.

[5] *Малов Е.* О татарах, евреях и других инородцах в Российской империи. – Казань, 1999.

[6] *Исхаков Р. Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в). – Казань, 2011. – С. 84.

В целом для внутриполитического курса империи 2-й половины XIX в. были характерны постепенность и осторожность в действиях, осмотрительный подход, что проявилось и в «регулировании» государством миссионерской деятельности РПЦ. Однако она болезненно воспринималась мусульманами и становилась причиной усиления недоверия и неповиновения властям.

Правовой статус «отпавших» в ислам крещёных татар. Власть жёстко применяла общие нормы уголовно-процессуального кодекса для преследования отпадающих от православия. В «Уложении о наказаниях и исправительных» за отступление от православной церкви предусматривалось лишение «прав своего состояния» и переселение. Если же православный человек не принимал меры к предотвращению отпадения членов своей семьи, то и он мог быть подвергнут аресту «на время от 3 дней до 3 месяцев»[1].

Возбуждение преследования по делам «совращения от православной веры» или отступления от неё зависело исключительно от духовного начальства[2]. В 1-й половине XIX в. в России был введён порядок внеочередного рассмотрения судебных дел «о совратителях и совращённых из православия»[3], призванный обеспечить оперативность действий светских властей. Поскольку в самодержавной России отказ от господствующей религии был равнозначен вопросу политическому, окончательное решение таких судебных дел являлось прерогативой власти[4].

По законам православной церкви лица, отказавшиеся от христианства, должны были быть направлены для увещевания приходскому священнику. По российскому праву, «поучения» назначались в двух видах. Во-первых, отступники ещё до постановления приговора «во всяком случае назидаются в истинной вере и увещеваются духовным начальством по правилам церковным[5] и, согласно кассационному решению Сената (№ 1968, 1878 г.), судебный приговор над ними производится «не прежде, как по испытании над отступившимися мере увещевания при посредстве духовного начальства», во-вторых, вероотступник по признании его вины судебным приговором, передавался этому начальству для такого же «увещевания, вразумления и поступления по правилам церковным». Следовательно, после лишения судом «прав состояния» (недвижимость бралась под опеку[6]) духовенству предоставлялась вторая попытка возвратить такое лицо в «лоно» церкви. Как справедливо отметил М. А. Рейснер, «весь русский процесс о вероотступничестве по своему существу не что иное, как своего рода миссионерское действие светской власти»[7].

---

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. // СЗРИ. – Т. 15. – Ст. 209. – П. 1.

[2] Устав уголовного судопроизводства. Изд. 1892 г. // СЗРИ. – Т. 16. – Ч. 1. – Ст. 1006.

[3] Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. Изд. 1892 г. // СЗРИ. – Т. 15. – Ст. 576.

[4] ПСЗ-2. – Т. 9. – № 7440.

[5] Устав уголовного судопроизводства // СЗРИ. – Т. 16. – Ч. 1. – Прим. к ст. 1001.

[6] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. – Ст. 185.

[7] *Рейснер М. А.* Указ. соч. – С. 276.

Лица, привлечённые к суду за преступления, лишённые права собственности, не могли избираться в общественные организации[1]. Таким образом, «свобода вероисповедания» в России непосредственно влияла на социально-политические права подданных империи.

Правовой статус «отпавших» в ислам крещёных татар был созвучен с представителями других «гонимых» религий в пореформенной России. «Отпадение» от православия в нехристианскую веру было запрещено и не считалось действительным[2]. Возбуждение преследования по делам «совращения» от православной веры или отступления от неё исключительно зависело от духовного начальства[3]. Браки, заключённые между «отпавшими» после их возвращения в ислам, православной церковью не признавались, и после уведомления епархиального начальства гражданские власти немедленно разлучали такие семейные пары. Дети оставались сиротами, заранее обречённые на нищенское существование[4].

Признанные духовным судом виновными во вступлении в «противозаконный» брак, заведомо подвергались покаянию, а в некоторых случаях[5] и определённому наказанию. Наказанием за вступление православного в брачный союз с «иноверцем» являлось содержание виновных на 4 месяца в тюрьме[6]. Их обвиняли в «прелюбодеянии», незаконном сожительстве[7]. Даже при взрослых детях в паспорте они указывались холостыми. Детей «отпавших» крещёных татар приписывали к семье деда по материнской линии. Фамилии детям давались от имени их матерей. Следует подчеркнуть, что дети, родившиеся в такой семье, духовным судом признавались незаконными[8] и потому не имеющими права ни на наследство в имуществе родителей по закону, ни на фамилию и состояние отца[9].

За погребение христиан без совершения надлежащих религиозных обрядов, виновные подвергались наказанию (аресту от 3 недель до 3 месяцев)[10]. В тех случаях, когда известие о смерти «отпавшего» становилось известно православному священнику, жители селения вынуждены были приглашать его на похороны, потому что знали, что в ином случае всё равно последует осквернение могилы и тела умершего – произойдёт перезахоронение в православном кладбище, а их самих привлекут к уголовной ответственности[11].

В особую категорию выделялись преступления, связанные «с совращением от православия». Предусматривалось наказание не только за активные и пассивные

---

[1] Положение о губерниях и уездных земских учреждении // СЗРИ. – Т. 2. – Ч. 1. – Ст. 27; Городовое положение // СЗРИ. – Т. 2. – Ч. 1. – Ст. 33.

[2] *Рейснер М. А.* Указ. соч. – С. 217.

[3] Устав уголовного судопроизводства // СЗРИ. Изд. 1892 г. – Т. 16. – Ч. 1. – Ст. 1006.

[4] *Әхмәров Г.* Мәкрухлар хәленнән / Идел. – 1989. – № 6. – 38–40 б.

[5] Свод законов гражданских. Изд. 1900 г. // СЗРИ. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 38.

[6] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. – Ст. 1564.

[7] НА РТ. – Ф. 4. – Оп. 101. – Д. 23. – Л. 61 об. – 62.

[8] Свод законов гражданских. Изд. 1887 г. // СЗРИ. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 132. – П. 4.

[9] *Бердников И. С.* Дополнение к краткому курсу церковного права православной греко-российской церкви. – Казань, 1889. – С. 437.

[10] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. – Ст. 209. – П. 1.

[11] Высочайше утверждённое 15 августа 1845 г. Уложение о наказания уголовных и исправительных. СПб., 1845. – Гл. 2. – Отд. 1. – Ст. 191.

формы религиозной пропаганды, но и за бездействие в их пресечении. В частности, если один из членов семьи не принимал мер к предотвращению «отпадения» от христианства других, он мог быть подвергнут аресту «на время от 3 дней до 3 месяцев»[1]. За совращение к отступлению от православия предусматривались: «лишение всех прав и состояния, ссылка на каторжные работы до 10 лет»[2].

В российских законах отсутствовала возможность перехода из «язычества» в ислам. За привлечение нехристиан (последователей традиционных верований) в ислам, пользуясь их «простотой», путём «подговоров, внушения или обольщения», мусульманин наказывался заключением в тюрьму на срок от 2 до 4 месяцев, а если это достигалось путём «проповедования», то подвергался лишению некоторых прав и преимуществ и заключался в тюрьму от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев. В случае доказательства применения при этом насилия виновный лишался всех прав состояния, преимуществ и ссылался в Сибирь или отправлялся в исправительное арестантское отделение по наказаниям четвёртой степени[3].

В Волго-Уральском регионе основным объектом применения указанных законодательных норм была группа так называемых «отпавших» от православия в ислам крещёных татар, образовавшаяся в результате движения «новокрещёных» и «старокрещёных» татар за возвращение в ислам. Главным для властей в борьбе с этим движением было желание сохранить прежнюю конфессиональную топографию епархий и доминирующее положение православия.

Для более сурового судебного осуждения наиболее активных лиц местная светская и духовная администрация использовала обвинение в распространении мусульманства среди православных. Так, в Казанской губернии за участие и организацию движения в 1865–1866 гг. судебные органы в 1867 и 1870 г. приговорили к ссылке в Сибирь 31 чел., в том числе 4 мусульман[4].

Однако решительность участников движения и малорезультативность административно-репрессивных мер вынудили властей оступиться и по существу признать своё бессилие: ответственность за «отпадение» в ислам была отменена. Высшие

---

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. – Ст. 209. – П. 1.

[2] Ограничимся одним примером, на наш взгляд, достаточно откровенно показывающим трагедию семьи, родных и близких умершего «отпавшего» в ислам крещёного татарина. Согласно рапорту волостного старшины Больше-Менгерской волости Галиуллы Хусаинова приставу второго стана Казанского уезда от 10 июля 1866 г., тело «отпавшей» «Надежды Павловны» из д. Большой Менгер было предано земле по христианскому обряду в кладбище при селении, отведённого для погребения православных. При захоронении, кроме священника с. Сунгурово и местной администрации, никто из её семейства не присутствовал. Это был бойкот насильственной политике христианизации, лишившей её сына и других родных возможности по своим мусульманским обрядам проститься с матерью, с близким человеком. Здесь нужно учитывать и тяжёлое моральное воздействие таких мер властей на мусульман, которые в критические моменты нередко, не боясь, выступали на стороне «отпавших» и оказывали сопротивление властям (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 221. – Л. 53).

[3] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1857 г. – Ст. 1202.

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 1823. – Л. 11, 74, 83–86.

власти воздержались от наказания крещёных татар за возвращение в ислам[1], но и не признавали сам факт замены веры.

Осознав бесполезность применения силы в отношении возвратившихся в ислам «новокрещёных» татар, светская администрация и епархиальное начальство продолжали активно преследовать «старокрещёных» татар и представителей других нерусских народов, заявивших о своём желании исповедовать ислам. В ходе новых «отпадений» в 1871–1872 гг. и в 1881 г. в Казанской, Вятской, Самарской и Уфимской губерниях местными органами власти была развёрнута акция по преследованию наиболее активных участников движения[2]. Полиция пресекала любые попытки «отпавших» из числа «старокрещёных» татар наладить свою религиозную жизнь. В таких селениях принимались меры по закрытию «тайных» мусульманских молитвенных домов, конфессиональных школ, их учредители подвергались аресту и судебному преследованию. Так, в 1870–1880-х гг. мусульманские конфессиональные учебные заведения были закрыты в с. Елышеве, д. Большие Кибяк-Кози, Верхние Отары, Починок Шемордан Мамадышского уезда Казанской губернии[3].

Принципиальная позиция лиц, возвратившихся в ислам, несмотря на запугивания, угрозы уголовного наказания в условиях преследований в 1860–1880-х гг., их бойкот православных церковных институтов и стойкая приверженность к мусульманскому укладу жизни вынудили властей пересмотреть свою политику в 1890-е гг. и прекратить преследования и применение уголовного наказания.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать следующее. В России существовало дискриминационное отношение государства к религиям, следовательно и к исповедующим их народам. Если учесть, что правовой статус исповеданий подразумевал конкретную народность, то можно констатировать, что главенствующее положение православной церкви и её исключительное право на миссионерскую деятельность, государственное финансирование её нужд, полицейская охрана её привилегий практически во всех сферах жизнедеятельности, безнаказанность православных в случае ущемления или осквернения религиозных чувств и прав представителей других «инославных» и «иноверных» религий свидетельствовали об особом попечении имперской власти над православными институтами и русским населением и их высоком статусе в межконфессиональной сфере.

---

[1] В 1876 г. в ответ на ходатайство казанского архиепископа Антония об усилении репрессивных мер против «отступников» от веры, как бы оправдываясь, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий граф Сиверс писал: «Относительно совратителей от православия татар был принимаем, как Вам известно, целый ряд карательных мер, независимо от преследования виновных в совращении от православия судебным порядком и принуждением их ссылке в Сибирь, к каторжным работам, к тюремному заключению, отбиранию детей и другим более или менее тяжким наказаниям, административным порядком совратившихся выселяем массами» (РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 594. – Л. 179–179 об.).

[2] В частности, в 1875 г. Казанский окружной суд приговорил 2 крестьян д. Верхние Отары Мамадышского уезда «за совращение в магометанство» к каторжным работам на 6 лет. С аналогичной формулировкой в 1881 г. были арестованы и сосланы по приговору суда в Сибирь 8 жителей с. Апазова Казанского уезда (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 6541. – Л. 1).

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 3697; Отчёт Братства св. Гурия за пятнадцатый, 1881/82, братский год. – Казань, 1883. – С. 34.

Противодействие российских властей созданию национальной периодики и особенности цензуры татарских книг

Среднее Поволжье в XIX в. воспринималось правительством как территория Внутренней России, где уже в значительной степени был решён «национальный вопрос». Считалось, что отсутствует востребованность в каких-либо специальных идеологических инструментах, воздействующих на местные этноконфессиональные группы для решения политических задач. Именно этим обстоятельством мы объясняем отказы правительства на учреждение газет на татарском языке на протяжении всего столетия. Совершенно иная общественно-политическая ситуация наблюдалась на российских окраинах. Желание ускорить включение мусульман окраин в структуру российского общества вынуждало власть использовать для этого печатное слово на их родном языке. В 1830 г. в Тифлисе при правлении наместника начала издаваться на персидском языке газета «Фарсийские ведомости» – первое в России периодическое издание на восточном языке, не получившее популярность среди местного населения. Поэтому с 1832 г., переименовав её в «Кавказские ведомости», начали издавать на азербайджанском языке. В 1841–1846 гг. также в виде приложения к «Закавказскому вестнику» выходил листок на азербайджанском языке, содержащий официальные материалы и сведения о торговле. В пореформенный период азербайджанская периодика получила дальнейшее развитие в лице газет «Экинчи» (1857–1877 гг.), «Зия» (1879–1880 гг.), «Кешкуль» (с 1880 г.)[1].

Задачи по интеграции вновь присоединённого Туркестана обусловили появления в Ташкенте в 1870 г. казённой газеты на узбекском и казахском языках – «Туркестан вилятининг газеты» («Газета Туркестанского края»), ответственными редакторами которой были татары Шагимардан Ибрагимов (1870–1878 гг.) и Мухаммадхасан Чанышев. С 1888 г. в Ташкенте при канцелярии туркестанского генерал-губернатора издаётся «Туркестанская туземная газета» на узбекском языке с русским переводом. Следствием административных реформ и деятельности Степного генерал-губернаторства (1882 г.) стало учреждение в 1887 г. на казахском языке «Особых прибавлений» к «Акмолинским областным ведомостям» (с 1871 г., Омск)[2].

В пореформенный период, после Польского восстания 1863 г., имперская власть заняла негативную позицию к различным инициативам нерусского населения, содействующим национальной консолидации и развитию светской культуры. Между тем приметой обновленческих процессов в татарском обществе пореформенного периода явились инициативы по созданию периодических печатных органов на родном языке. В 1863 г. татарский просветитель К. Насыри и владелец литографии казанский мещанин М. Яхин подали прошение с просьбой разрешить им издание газеты «Тан йолдызы» («Утренняя звезда»). Получив отказ, К. Насыри в течение ряда лет продолжал упорно настаивать на необходимости издания газеты. Также ходатайствовал об этом преподаватель тюркских языков Санкт-Петербургского университета Х. Фаизханов (1857–1859 гг.).

Оказались тщетными и усилия революционеров-демократов П. А. Пашино,

---

[1] История Азербайджана : в 3 т. / под ред. И. А. Гусейнова и А. С. Сумбатзаде. – Баку, 1960. – Т. 2. – С. 111–112, 314–319.

[2] *Каримуллин А. Г.* Татарская книга пореформенной России. – Казань, 1983. – С. 27.

В. Л. Курочкина по изданию в 1864–1865 гг. газеты «Файда» («Польза»). В 1872 г. было отклонено прошение и унтер-офицера А. Кутлуярова и купеческого сына Х. Бикбулатова, которые намеревались издавать газету «Дәфтәр мөждәвәр» («Сборник вестей») в Санкт-Петербурге. После неудачной попытки А. Кутлуярова, в 1874 г., его сын, станционный смотритель при городском почтамте Т. Кутлуяров также ходатайствовал об издании в столице газеты «Мөждәвәр» («Вестник»).

В 1885 г. очередную безуспешную попытку предпринял уроженец Спасского уезда Казанской губернии С. Ахмеров. Правительство проигнорировало и ходатайство зачинателя татарской драматургии купца Г. Ильяси (1887 г.) об издании газеты «Казан» («Казань»). Не были удовлетворены аналогичные просьбы писателя З. Бигиева, почётного председателя Императорского общества по изучению Востока О. С. Лебедевой (1893 г.)[1].

По поводу прошения инспектора КТУШ Ш. Ахмерова (1894–1895 гг.) об издании газеты казанский губернатор П. А. Полторацкий сообщал: «Развитие литературы и периодических изданий на татарском языке среди инородческих племён, населяющих Россию, едва ли послужат целям сближения и слияния этих племён с русским народом [...] развитие же литературы на их родном языке может лишь побудить среди инородцев национальное самосознание и, быть может, более того – политические мечтания»[2].

В 1903 г. редактор русской газеты «Казанский телеграф» просил продублировать свою газету на татарском языке, однако также получил отказ[3].

До 1905 г. на имя министра внутренних дел, в Главное управление по делам печати и Санкт-Петербургский цензурный комитет, а также на имя казанского губернатора от татар поступило более 20 прошений с просьбой «разрешить организовать» периодическое издание на родном языке. Власти неизменно отвечали отказом лицам, пытавшимся взять на себя ответственность за издание, ссылаясь то на якобы их некомпетентность, то на невозможность контроля со стороны цензуры за периодическими изданиями на татарском языке[4].

Первая татарская газета «Нур» («Свет») увидела свет 2 сентября 1905 г. Г. Баязитов – переводчик МИД, коллежский асессор, ахун 2-й махалли Санкт-Петербурга, получил это разрешение после серии отказов власти на издание газет «Хәфтә» («Неделя»), «Чишмә» («Родник») и «Нур» («Луч») в 1891–1895 гг.

В условиях тотального запрета, прорывом в этом направлении стало учреждение И. Гаспринским (1851–1914 гг.) в 1883 г. тюркоязычной газеты «Тәржеман» («Переводчик») с условием печатания параллельно татарского и русского текстов и с предварительной цензурой в Санкт-Петербургском цензурном комитете. В 1884 г. ему удалось выйти из-под цензуры означенного комитета «с отдачею газеты на цензуру в самом Симферополе»[5]. Газета выходила 1–2 раза в неделю, но эффект, производимый ею среди тюркских народов, был огромен. На страницах этого издания просветитель выдвинул идею культурного и национального единства тюркских народов

---

[1] *Каримуллин А. Г.* Указ. соч. – С. 179–202.

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 9690. – Л. 10–10 об.

[3] *Каримуллин А. Г.* У истоков татарской книги. – 2-е изд., испр. и пер. – Казань, 1992. – С. 189.

[4] *Амирханов Р. У.* Татарская дореволюционная печать в контексте «Восток–Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань, 2002. – С. 35–36.

[5] ГА РФ. – Ф. 102. ДПОО. – Оп. 226 (1898 г.). – Д. 11. – Ч. 3. – Л. 3–17.

России на основе «единства языка, мысли и действий» мусульман, считая при этом образование главным для национального возрождения мусульман страны.

Если в начале 50-х гг. XIX в. издавалось до 60 татарских книг в год, то во время притеснений в 1862–1877 гг. – всего 20–25 книг[1]. Большие затруднения для издания татарских книг создал перевод в 1871 г. цензурного управления из Казани в Санкт-Петербург.

В 1865–1905 гг. МВД, Главное управление по делам печати, судебные органы запретили публикацию 240 книг. Татарские издания (кроме нескольких) среди них не значились. Дело в том, что по закону о цензуре от 6 апреля 1865 г. от предварительной цензуры были освобождены оригинальные сочинения объёмом не менее 10 п.л. и переводные не менее 20 п. л. Изъятие книг, изданных без предварительной цензуры, находилось в компетенции судебных органов, с 1872 г. – МВД, с 1874 г. – самой цензуры. Право на издание без предварительной цензуры не распространялось на все татарские книги[2]. Рукописи татарских книг запрещались к изданию ещё на стадии рассмотрения цензором.

Мотивацией для запрещения некоторых татарских книг послужило желание властей пресекать публичную критику их действий. Например, в 1879 г. была изъята из продажи и типографии брошюра «Мәкәржә бәете» («Баит Нижегородской ярмарки»), в которой описывались издевательства станового пристава над национальным достоинством и религиозными чувствами татар. Русский чиновник заставлял называть себя «хазратом» и намеренно не отпускал народ со схода, «пока время молитвы не пройдёт». Особенно подробно в баите описывались бюрократизм, пьянство, взяточничество и преступные деяния полицейского[3]. За «допущение к печати» данной брошюры цензор Сарруф был обвинён в «политической незрелости» и отправлен в отставку.

В 1880 г. с формулировкой «содержит критику закона, конторы, чиновника, министров, Сената» были запрещены «Эрбет бәете» («Баит Ирбитской ярмарки»), а также рукопись книги «Васыятьнамә» («Завещание»), признанной аналогичной «Мәкәржә бәете»[4].

Следует назвать ряд принципов запрещения рукописей татарских книг, обусловленных главным образом политической конъюнктурой и личностью цензора.

Цензурный комитет взял на себя миссию «преподнесения» мусульманским народам привлекательного имиджа русского народа, не допуская к печати переводы на татарский язык отдельных произведений классиков русской литературы: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого («Крейцерова соната»). В частности, перевод рассказа «Первый винокур» Л. Н. Толстого не был допущен к печати под предлогом того, что брошюра «будет лишь способствовать неправильному воззрению тюрков на русский народ». За отдельные фразы, ущемляющие национальное достоинство русских, не было напечатано произведение «Кырык бакча» («Сорок разделов») К. Насыри, в котором упоминалось о победе татарина над русским силачом в кулачном бою зимой на льду озера Кабан.

---

[1] *Каримуллин А. Г.* Татарская книга пореформенной России. – С. 242–243.
[2] Там же. – С. 142–143.
[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4467. – Л. 6–9.
[4] *Каримуллин А. Г.* Указ. соч. – С. 110, 120, 124.

Другой важной причиной отказа на публикацию татарских рукописей стали призывы авторов к прогрессу. В частности, цензор В. Д. Смирнов запретил сочинение Р. Фахреддина «Тәрбия» («Воспитание»), усмотрев в нём «горячий памфлет к открытию новых школ», для учреждения которых единоверцам предлагалось накопить капитал «посредством сокращения своих жизненных потребностей, потом обратиться с коллективным ходатайством к правительству...»[1].

Сочинение Х. Махмутова «Әл-фикер әл-хосуси фи әл-җәлләд» («Частные мысли относительно спора») было запрещено в 1899 г. из-за рассуждений автора о необходимости издания национальной газеты – «органа объединения татар», с целью сохранения родного языка и религии[2].

Издание исламских религиозных книг являлось неотъемлемой частью религиозных прав мусульманского населения, которому власть гарантировала «свободу вероисповедания». В отдельные периоды отечественной истории «мусульманский книжный вопрос» приобретал политический характер.

Арабская графика и тюркский язык рукописей и книг ограничивали круг читателей этих изданий в мусульманской среде. Однако содержащиеся в них фразы о необходимости знания мусульманами молитв нередко оценивались как призыв и пропаганда ислама, что служило мотивацией для их запрета. Первый такой случай в 1845–1849 гг. был инициирован руководством Казанской епархии, приравнявшей издание исламской религиозной литературы к миссионерской деятельности мусульман среди крещёных татар. Запрет на печатание Корана и других исламских религиозных книг, которые издавались во многих странах, наносил непоправимый ущерб позитивному имиджу России. По мнению А. Г. Каримуллина, одной из главных причин возобновления издания религиозной литературы в России стало опасение власти относительно перехода торговли исламской литературы к английским торговым компаниям и воздействия англичан на российских мусульман. Отмена запрета на издание в 1845 г. сопровождалась предписанием о дальнейшем усилении надзора за книгопечатанием в Казани. Помимо официальной цензуры, «предписывалось привлекать к цензуре татарских сочинений профессоров восточного разряда Казанского университета», и не допускать в изданиях «[...] ничего против правительства и господствующей христианской церкви»[3].

В вопросах экспертизы религиозных книг власти учитывали предложения ОМДС. В связи с ошибками, допущенными при печатании Корана в казанских типографиях, на имама Ш. Марджани в 1860 г. была возложена обязанность надзора «за полнотой и безукоризненной точностью» текста изданий священной книги мусульман[4]. Ш. Марджани занимался этим с перерывами более 20 лет[5].

В 1889 г. петербургский пастор Б. Дальтон издал книгу-обращение к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, в котором заявил, что в России мусульмане имеют больше прав, чем лютеране, и в качестве доказательства привёл три татарских издания, в которых встречаются слова «кяфир» и «джихад». Цензор В. Д. Смирнов оспорил такое утверждение, указывая, что в исламском мире «кяфирами» традици-

---

[1] *Каримуллин А. Г.* Указ. соч. – С. 111, 127–130.
[2] Там же. – С. 128–129.
[3] Там же. – С. 100.
[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 831. – Л. 24–27.
[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 829. – Л. 182, 189–189 а.

онно именуются все немусульмане и неверующие; такое же традиционно-шаблонное значение имеет слово «джихад»[1].

В своём экспертном заключении на «открытое послание» Дальтона Н. И. Ильминский 30 октября 1889 г. сообщил в МВД следующее: «Фанатическое учение вроде священной войны прямо находится в Коране и существенно принадлежит самой основе ислама, как бы ни усиливались поэтизировать ислам цивилизованные благоукрасители его. Поэтому фанатические выходки разбираемых книг не составляют в мусульманстве чего-нибудь нового и особенного; но несмотря на это, мне казалось бы уместным и ныне благовременным ограничивать цензуру от назойливых притязаний магометанских издателей, инструкциею в которой бы было положительно запрещено печатать в России на татарском или турецком языке статьи, главы или отдельные мысли фанатического содержания, неуместные для мусульман русских подданных. К ним, например, не может относиться обязанность священной войны, равно как и воздаваемые равным за равное – за увечье и убийство – увечьем и убийством; или наименование султана нашим падишахом в смешение его догматического, религиозного главенства с светским царством. При настоящем возбуждённом состоянии татар, при начинающейся татарско-мусульманской национальности, склоняющейся ко вкусам и симпатиям турецким, благодаря направлению татарской газеты (имеется в виду «Тарджеман». – *И. З.*), подобные места в книгах могут быть указываемы доверчивым татарам-мусульманам-простолюдинам и смущать их магометанскую совесть»[2].

Правительство отказалось принять такую инструкцию, однако авторитетное в правительственных кругах слово казанского миссионера Н. И. Ильминского возымело действие: в 1890–1892 гг. цензор В. Д. Смирнов последовательно вычёркивал из религиозных сочинений X–XII вв. отдельные слова или предложения (особенно места, где говорится о джихаде), а также из татарских рукописей – аяты и суры из Корана, слова или предложения со словами «джихад», «кяфир», «гяур», придавая им или находя в них скрытый смысл унижения или нетерпимости христиан и христианства, нередко механически соотнося их с межконфессиональной ситуацией в Российской империи, что вызвало многочисленные частные и коллективные жалобы со стороны татарских издателей Казани и духовных лиц. Юридически действия В. Д. Смирнова были правомерны – согласно ст. 184 «Устава о цензуре и печати», изъятию «из книг (иностранного) духовного содержания подвергаются все те, кои заключают в себе умствования и мнения, противные началам христианской веры, или опровергающие учение православной церкви, или же ведущие к безбожию, неуважению священного писания и т. п.». Здесь важно отметить также воздействие на чиновников политики «национального консерватизма», ставшего основополагающим во внутриполитическом курсе при правлении Александра III.

Между необоснованной цензурой мусульманских книг и ревизией учебных пособий мусульман в конфессиональных школах ахун Г. Баязитов, как и другие единоверцы, увидел неразрывную связь, единую политику в отношении мусульман. Несмотря на поданные протестные ходатайства, удаления текстов религиозных книг продолжались. Среди мусульман началась «паника от ожидания», что власть под

---

[1] *Каримуллин А. Г.* Указ. соч. – С. 112–115.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 829. – Л. 196 об.–197.

каким-либо предлогом желает уничтожения книг, всех исламских традиций, подвергнув мусульманское население насильственному обрусению, которое, как подчёркивал Г. Баязитов, рисуется только в форме крещения в православную веру[1].

Совершенно иная была точка зрения на действия мусульман казанского миссионера Н. И. Ильминского, который в год своей смерти, в 1891 г., убеждал обер-прокурора Синода П. Д. Победоносцева: «[...] Татары по всей России действуют заодно, по одному плану. Они, собственно в Казани, вооружились против изучения муллами русского языка, но их заявления и протесты писались от имени сельских обществ. Так и против цензора Смирнова всего более озлоблены казанские воротилы, но протест подан от имени и за подписью оренбургских и казанских мулл [...] претензии татарские весьма велики и всё более увеличиваются»[2].

Таким образом, несмотря на реализацию либеральных реформ и модернизацию общественно-политической жизни, во внутриполитическом курсе российской власти в отношении татарского населения по-прежнему сохранялись установки, выработанные в дореформенный период. Важно отметить, что по сравнению с польским, еврейским, украинским и армянским национальными вопросами «татарский вопрос» в Волго-Уральском регионе не доставлял самодержавию больших хлопот, что объяснялось давностью нахождения данной территории в составе России, низким социально-сословным статусом татарского общества, недостаточной социальной активностью этноконфессиональных элит в плане отстаивания гражданских прав, особенностями социокультурного развития татарского народа. Эти факторы оказывали непосредственное влияние на характер и направленность внутриполитического курса властей.

Школьная политика в отношении татар-мусульман

Распространение русского образования. Разработка нового школьного курса правительства. Многонациональный и поликонфессиональный состав населения рассматривался российской властью как одно «из слабых мест» в устройстве империи, подлежащих устранению. Ко 2-й половине XIX в. наряду с традиционными элементами, базировавшимися на сохранении социально-политической стабильности и внешней безопасности государства, в имперской политике обозначилась тенденция к административной и культурной унификации[3]. Это предполагало более активное вмешательство власти в жизнь этнических групп и их интеграцию в российское социокультурное пространство.

Новая школьная политика правительства явилась неотъемлемой частью модернизации России, она поставила на повестку дня формирование у российских подданных двуязычия через институты образования, что предполагало также вмешательство в область национального образования нерусских народов.

---

[1] РГИА. – Ф. 921. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 166.

[2] Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву. – Казань, 1895. – С. 383–384.

[3] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонной. – М., 1996. – С. 203.

В 1869 г. на все евангелические, лютеранские и реформаторские школы Северо-Западного края были распространены общие правила о народных училищах, что сделало обязательным изучение государственного языка. Пытаясь решить «польский вопрос», правительство в 1871 г. сделало правилом обучение русской грамоте во всех национальных школах Царства Польского, в том числе в начальных училищах. В 1879 г. изучение русского языка стало обязательным в туземных школах Закавказья, в 1884 г. – для армянских школ Кавказского края. С 1885 г. русский язык был принудительно введён во всех учебных заведениях Дерптского учебного округа[1].

Во главу угла концепции интеграции мусульман внутренних губерний в российское социокультурное пространство российская власть поставила распространение русского языка и образования через специальные, адаптированные к потребностям мусульман школы. Её конечная цель сводилась к ассимиляции этнических меньшинств. Джадидисты же ратовали за превращение татар в передовую европейскую нацию. Однако вплоть до Первой российской революции, до превращения татарского национального образования в политический фактор обновления общественной жизни мусульман страны, джадидисты и правительство имели много точек соприкосновения, по сути выступая союзниками в деле распространения русского образования среди татарского населения. Если джадидистам противостояли кадимисты, то учителя и инспекторы находились между чиновниками учебных округов, которые смотрели на их усилия «как на «бесполезных деятелей», и консервативными муллами, и местными жителями[2]. Абсолютное большинство учителей русского языка и математики являлись джадидистами. Они стремились обучать население государственному языку с целью расширения его возможностей для более широкого использования имеющихся возможностей, для экономической деятельности и культурного развития. Инспектора мусульманских школ в КУО трудились во имя просвещения татарского народа[3].

Реформы в области образования пореформенного периода во многом олицетворяются с личностью графа Д. А. Толстого, человека сильной воли и решительного характера[4], занявшего в 1865 г. пост обер-прокурора Синода. В 1866–1880 гг. на него также были возложены обязанности министра народного просвещения[5]. Занятие двух высоких, а в плане идеологическом ключевых должностей позволяло Д. А. Толстому координировать и взаимно дополнять деятельность обоих ведомств, конечной целью которых, по замыслу графа, «должно быть обрусение их (мусульман. – *И. З.*) и слияние с русским народом»[6].

Основные положения своей концепции новой школьной политики граф Д. А. Толстой изложил во «всеподданнейшем» отчёте по итогам осмотра учебных заведений КУО и Одесского учебного округа в 1866–1867 гг.

На фоне решительных мер, предпринимаемых на российских окраинах, особенно на западных, ситуация во внутренних губерниях, население которых составляли

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 816. – Л. 42–43.

[2] Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 15 об.

[3] Там же. – Л. 14 об.

[4] *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб., 1902. – С. 484.

[5] *Рождественский С. В.* Указ. соч. – С. 481–482.

[6] Материалы по истории Татарии... – С. 285.

главным образом татары, башкиры, чуваши и финно-угорские народы на первый взгляд казалась иной – создавалось ощущение «запаздывания» действий правительства. Кардинальные шаги в западных губерниях были обусловлены осложнением национального вопроса, имели чётко выраженный политический оттенок и требовали чрезвычайных и оперативных действий. В отношении татарского населения они были вызваны реализацией либеральных реформ, учитывающих интересы прежде всего русского населения и формирующих на этом пространстве контуры национального государства с отходом от имперской традиции. Поэтому впервые возникла необходимость обучения русского населения грамоте, «размывания» «островков»-территорий, «чуждых русскому населению», и формирования единого государственного культурного пространства, чтобы таким образом помешать процессу культурной ассимиляции татарами тюркских и финно-угорских народов.

Примечательно, что до принятия конкретных мер МНП был проанализирован мировой колониальный опыт в этой области. Собранный материал был обработан и подвергнут обсуждению сначала в Учёном комитете министерства, затем – в училищных советах учебных округов. Последней инстанцией, обсуждавшей вопросы государственной важности, стал Совет министра народного просвещения, в заседании которого (2 февраля 1870 г.) приняли участие члены совета, директор ДДДИИ, попечители Казанского, Одесского, Санкт-Петербургского и Московского учебных округов[1].

Постановление Совета министров народного просвещения от 2 февраля 1870 г. нашло воплощение в утверждённых 26 марта 1870 г. Александром II «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», установивших правовые основы школьной политики в Казанском и Одесском учебном округах[2].

«Правила» предусматривали новую систему получения татарским населением светского русского образования: двуязычное начальное, русское среднее и высшее. Первое звено предполагало два варианта начальной школы для мусульман: 1) русско-татарское начальное училище, где изучение мусульманских наук было сведено до минимума и главный акцент делался на русский язык и математику; родной язык учащихся использовался как средство для изучения русского языка; 2) предполагалось вводить русский класс повсеместно во всех вновь открывающихся мусульманских учебных заведениях, а их содержание осуществлять за счёт прихожан; шакирды до достижения 16-летнего возраста в обязательном порядке должны были посещать русский класс и усвоить его программу.

Таким образом, в регионах компактного расселения татар и башкир официальная власть с 1870 г. наметило поворот к обязательному изучению русского языка на базе национальной традиционной школы.

В соответствии с правилами 1870 г. рекомендовалось учреждать при русских начальных школах и гимназиях подготовительные классы с целью увеличения в них количества учащихся из татар. В КУО подготовительные классы для татар не были организованы, поскольку не возникло потребности. Подготовительные классы должны были стать базой для получения ими высшего образования. В 1887 г. МНП

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 281–283.

[2] СПМНП. – Т. 4. – Стлб. 1556–1557.

отменило эту льготу для мусульман и с 1888 г. разрешило принимать в подготовительные классы средних учебных заведений «инородцев-христиан»[1].

В 1874 г. в связи с предстоящим подчинением конфессиональных школ татар и башкир учебному ведомству был учреждён самостоятельный Оренбургский учебный округ (ОУО), которому были переданы Пермская, Оренбургская, Уфимская губернии, Уральская и Тургайская области[2]. В составе КУО остались шесть губерний: Астраханская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская и Симбирская. В 1893 г. в него вошла Внутренняя Букеевская Орда, которая ранее находилась в составе ОУО. Изъятые из ведения КУО Нижегородская и Пензенская губернии были переданы соответственно Московскому и Харьковскому учебным округам, в них действовали правила 1870 г.

К сожалению, русско-татарские (башкирские) начальные школы и русские классы при медресе не получили равных прав с русскими начальными или приходским училищами, которые непременно сделали бы их привлекательными для подрастающего поколения, обязанного исполнять воинскую повинность. Начиная с 1874 г. для повышения заинтересованности в получении элементарной грамотности власти предоставляли лицам, окончившим или продолжающим обучение, льготы в исполнении всеобщей воинской повинности. Все учебные заведения России были подразделены на четыре категории. При общих сроках действительной службы в армии 6 лет, а на флоте 7 лет[3] выпускникам высших учебных заведений (1-го разряда) был установлен срок службы 6 месяцев. Для лиц, окончивших 6 классов гимназий, реальных училищ или 2 класса духовных семинарий и других учебных заведений (2-й разряд), срок службы определялся в 1,5 года. В 3-й разряд входили низшие учебные заведения: по ведомству народного просвещения городские и уездные училища, земские учительские семинарии, татарские учительские школы и т. д. Их выпускники служили 3 года. Самыми многочисленными были учебные заведения 4-го разряда – начальные училища: одноклассные городские и сельские приходские, церковно-приходские школы и др. Лица, получившие начальное образование, воинскую повинность исполняли 4 года. С 1888 г. в этот список вошли ученики школ грамотности, которые в 11 лет сдавали экзамен на льготы 4-го разряда.[4]

По признанию самих властей, воинская повинность была одной из тягчайших повинностей для крестьян[5]. Татарским и башкирским новобранцам сокращение военной службы на два года позволялось при наличии удостоверения о знании русского языка и письма[6]. Поскольку русско-татарские школы в этот список не вошли, единственной альтернативой для мусульман оставалось обучение в русских начальных школах или занятия с репетитором, или у частного педагога, чтобы затем экстерном сдать экзамен по курсу начальной школы и получить искомое свидетельство, дающее льготу на воинскую повинность. Одна из основных причин такой позиции

---

[1] ЦОУО. – 1887. – № 7–8. – С. 213; 1888. – № 11–12. – С. 360.

[2] СПМНП. – Т. 5. – Стлб. 1753.

[3] Впоследствии был издан указ о сокращении действительной службы на один год: в сухопутных войсках – 5 лет вместо 6, во флоте – 6 лет вместо 7.

[4] ПСЗ-3. – Т. 8. – № 5625.

[5] Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской и конно-воинской повинностей. 1874–1906 гг. – СПб., 1906. – С. 363.

[6] Устав о воинской повинности... – С. 39–40.

имперской власти заключалось в не разработанности по вине учебного ведомства полноценного учебно-методического сопровождения и программы обучения по введённым в курс обучения предметам. Учителя русско-татарских школ и русских классов были вынуждены адаптировать программы начальных училищ для русскоязычного населения. Известно, что в конце XIX в. такой базой служила «Примерная программа предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства МНП», утверждённая министром просвещения 7 февраля 1897 г.[1] (в 1876 г. срок действительной военной службы был сокращён до 5 лет, затем до 3 лет и 8 месяцев, что уже сделало неактуальными льготы по начальному образованию[2]).

Первоначально не был установлен срок обучения: как правило, в одноклассных русско-татарских школах практиковалось трёхгодичное обучение в трёх отделениях (младшее, среднее, старшее). Шакирды посещали русский класс после завершения занятий в конфессиональных школах[3].

Татарские учительские школы. В рамках нового школьного курса в Симферополе (1872 г.), Уфе (1872–1876 гг.) были учреждены четырёхлетние татарские учительские школы, в которых велась подготовка будущих учителей русского языка и математики. По своему статусу они были причислены к средним учебным заведениям и пользовались всеми льготами и преимуществами, присвоенными прогимназиям[4]. Преподавание всех предметов, кроме мусульманского вероучения, осуществлялось на государственном языке. Обучение было непрерывным, за исключением выходных (воскресений), а также основных христианских и мусульманских праздников, летних каникул. После завершения учёбы выпускники были обязаны 6 лет отработать в школе, в случае отказа возвратить сумму, затраченную государством на их четырёхлетнее содержание в школе. После 12-летней преподавательской работы они имели право ходатайствовать о получении звания личного почётного гражданина[5].

В 1876 г. граф Д. А. Толстой в ходе проверки Уфимской татарской учительской школы выразил недовольство низким уровнем знания русского языка выпускниками первого набора, остался недоволен «идейной направленностью» воспитанников, а также неприспособленностью арендуемого здания под учебный процесс[6].

На основании «высочайшего» указа от 4 декабря 1876 г. «О замене татарского языка киргизским во всех деловых бумагах, в коих объявляются киргизам, касающиеся до них распоряжения», началась постепенная замена татарских переводчиков в степи русскими. Обучение казахов в медресе д. Стерлибаша и Троицка воспри-

---

[1] НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 1038. – Л. 24.

[2] Гайнетдин Әхмәров : тарихи документаль җыентык / төз.: Р. Марданов, Р. Миннуллин, Э. Сәләхова. – Казан : Хәтер, 2000. – 336 б.

[3] Лишь в 1907 г. был установлен четырёхлетний срок обучения в одноклассных русско-татарских (башкирских) училищах, определена часовая нагрузка по отдельным предметам, а также санкционировано учреждение двухклассных училищ, в которых школьная программа была дополнена курсами российской истории, естествоведения, черчения, геометрии. (см.: *Саматова Ч. Х.* Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). – Казань : Татар. кн. изд-во, 2013. – С. 108).

[4] СПМНП. – Т. 6. – Стлб. 1255–1260.

[5] СПМНП. – Т. 4. – Стлб. 752–758, 2139–2146.

[6] СПМНП. – Т. 6. – Стлб. 1705–1706.

нималось руководством ОУО как подготовка татарскими мугаллимами «ревнителей магометанской науки», которые оживят пустые казахские медресе. Выходом из ситуации предлагалось учреждение волостных русско-киргизских школ[1].

В 1876 г. с целью изоляции башкир и казахов от татарского влияния министр внутренних дел Д. А. Толстой предложил открыть для них учительские школы в Стерлитамаке и Троицке. Причём воспитание башкир и казахов должно было вестись отдельно от татарских мальчиков, но «совместно с русскими»[2]. В 1882 г. школа для казахов, готовящая педагогические национальные кадры, была открыта в Орске. Учительская школа в Стерлитамаке не была открыта вследствие волнений башкир[3].

Руководство ОУО считало, что в Оренбургской татарской учительской школе обучаются главным образом башкиры и в 1886 г. ставило вопрос о замене её инспектора – «коренного татарина и в полной мере мусульманина» Усмана Саинова другим педагогом. Было заявлено, что «не может татарин отложить свою мусульманскую гегемонию».

В Оренбурге под Татарскую учительскую школу (ОТУШ) летом 1877 г. было отведено пустующее в то время помещение Башкирской фельдшерской школы. В 1881 г. был увеличен размер стипендии, отпускаемой на содержание воспитанников школы (с 90 до 120 руб. в год каждому), за счёт уменьшения общего числа воспитанников по штату с 40 до 30[4].

В 1890 г. ОТУШ была закрыта, причиной послужило недовольство МНП результатами её деятельности «по распространению между мусульманами образования в русском духе и сближения их с русской народностью» (12 воспитанников были переведены в КТУШ)[5].

Открытая в 1876 г. КТУШ с контингентом 40 штатных воспитанников (содержащихся за счёт казны) стала «главной кузницей» педагогических кадров для нового типа государственных школ для татарского и башкирского населения.

Постепенный рост числа учащихся в КТУШ, в том числе «своекоштных», «вольноприходящих», а также стипендиатов земств свидетельствовал о повышении доверия мусульман, которые всё более стремились к тому, чтобы их дети получали светское образование[6]. В 1902 г. на вновь учреждённую должность попечителя КТУШ был назначен присяжный поверенный при Казанском окружном суде С.-Г. Алкин.

В 1880-е гг. на содержание КТУШ государство ежегодно выделяло около 20 тыс. руб. К. П. Победоносцев не был согласен «с тратой на мусульман» такой значительной суммы и неоднократно предлагал министру И. Д. Делянову (1882–1897 гг.) и

---

[1] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 76 об.

[2] СПМНП. – Т. 4. – Стлб. 1707–1710.

[3] *Чижов А. К.* Уфа в прошлом как центр просвещения // Сборник трудов кафедры психологии и педагогики Башкирского гос. пед. ин-та им. К. А. Тимирязева и Башкирской психиатрической больницы. – Уфа, 1948. – Вып. II. – С. 113.

[4] ЦОУО. – 1883. – № 1. – С. 9.

[5] *Еникеев А. К.* О подготовке учительских кадров из нерусских народностей в дореволюционное время // Сборник трудов кафедры психологии и педагогики Башкирского гос. пед. ин-та им. К. А. Тимирязева и Башкирской психиатрической больницы. – Уфа, 1948. – Вып. II. – С. 201–202.

[6] *Саматова Ч. Х.* Указ. соч. – С. 138.

Александру III преобразовать КТУШ в учебное заведение «наподобие Казанской учительской семинарии»[1].

Татарские учительские школы являлись «тупиковыми» учебными заведениями в плане продолжения обучения в высшей школе, для чего требовалось свидетельство об усвоении курса гимназии. В ОУО некоторые учителя занимались торговлей, они с нетерпением ожидали окончания обязательного шестилетнего срока службы и оставляли педагогическую деятельность[2]. Выпускники КТУШ также устраивались кассирами, конторщиками, бухгалтерами при частных торгово-промышленных предприятиях, домашними учителями детей состоятельных татар[3].

Альтернативой обучению в татарских учительских школах для получения свидетельства учителя русского языка являлась сдача экзаменов экстерном: за период деятельности КТУШ звания учителей начальных русско-татарских учебных заведений были удостоены 128 мужчин и 8 женщин[4]. К испытаниям экстерном готовил также Башкирский приют для девочек в Уфе. С 1899 г. при Белебеевском четырёхклассном городском училище стал действовать педагогический класс для подготовки учителей русско-мусульманских школ[5].

Инспекции башкирских, киргизских и татарских школ. Одним из отступлений от «Правил» 1870 г. стало учреждение в КУО и ОУО инспекции башкирских, киргизских и татарских школ. В её компетенцию входило открытие «путём убеждения» для мусульман школ нового типа, общее руководство и наблюдение над ними, просмотр существующих и составление плана для издания новых книг, необходимых для преподавания в этих учебных заведениях[6]. В КУО на эту должность был определён тюрколог В. В. Радлов, приступивший к своим обязанностям в 1872 г. Во вновь учреждённом ОУО не нашлось лиц, глубоко понимающих «дело образования мусульман». По рекомендации Н. И. Ильминского в 1875 г. инспектором мусульманских школ был назначен В. В. Катаринский (1875–1902 гг.), выпускник КДА, кандидат богословия, знаток инородческих языков[7], однако он был «недостаточно подготовлен» для выполнения возложенных на него обязанностей. В связи с этим попечитель П. А. Лавровский (1875–1880 гг.) направил его деятельность на открытие христианских инородческих школ[8].

После отъезда В. В. Радлова в столицу (1884 г.) в Императорскую академию наук и. о. инспектора по совместительству стал инспектор КТУШ Ш. Ахмеров. В этот период попечитель КУО П. И. Масленников был убеждён, что должность

---

[1] Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 10.

[2] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 109.

[3] *Горохов В. М.* Из истории педагогического образования среди татар Поволжья и Приуралья // УЗКГПИ. – Казань, 1941. – Вып. IV. – С. 42.

[4] *Хакимов Х. Х.* Роль Казанской татарской учительской школы в развитии и распространении прогрессивной педагогической мысли среди татар // Из истории педагогики Татарии : сб. ст. – Казань, 1972. – С. 12.

[5] *Будилович А. С.* Отчёт о командировочной поездке т. с. А. С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа (в октябре, ноябре и декабре 1904 г.). – СПб., 1905. – С. 135.

[6] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 21785. – Л. 4.

[7] ЦОУО. – 1902. – № 5–6. – С. 291.

[8] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 76.

инспектора скоро сократят и советовал исполняющему эту должность Ш. Ахмерову прошения об открытии русско-татарских школ пока отложить[1]. Тогда многие в Казани считали, что Н. И. Ильминский станет новым министром народного просвещения, что также могло послужить поводом для сдерживания им деятельности Ш. Ахмерова[2]. Более того, не имея для должного выполнения возложенных на него обязанностей ни времени, ни командировочных средств, он за пять лет службы смог совершить всего две инспекционные поездки[3].

В КУО в период деятельности В. В. Радлова и попечителя П. Д. Шестакова (1865–1883 гг.) действовала модель «инспектор мусульманских школ – попечитель округа», а директора и инспекторы народных училищ являлись лишь исполнителями их указаний.

В ОУО сложилась несколько иная система управления. Инспектор В. В. Катаринский курировал деятельность инспекторов казахских школ Тургайской, Уральской областей и Внутренней Букеевской Орды (до 1893 г.). На запрос руководства ОУО «Кому принадлежит управление и заведование инородческими начальными училищами?» МНП в 1877 г. пояснило, что «должность инспектора башкирских, татарских и киргизских школ не составляет самостоятельной инстанции в порядке управления училищами и с этою должностью не соединено ни прав, ни обязанностей входить в непосредственное письменное сношение с местными административными учреждениями. На сём основании управление и заведование инородческими начальными училищами, а также определение, перемещение и увольнение учителей оных должны принадлежать директорам народных училищ на общем основании, инспектору же татарских, башкирских и киргизских школ принадлежит лишь наблюдение за означенными училищами и руководство в учебном и воспитательном отношениях, на правах окружного инспектора»[4].

Примечательно, что в 1887 г. уже руководство КУО обратилось в МНП с аналогичным вопросом[5], что свидетельствовало о происходящих здесь изменениях в отношении к данному институту. Ликвидация в 1889 г. в КУО этой должности связана с деятельностью Н. И. Ильминского, считавшего, что данный штат был необходим лишь для открытия новых учебных заведений и создания учебных пособий для них, а «теперь нет более надобности в особом лице»[6]. Так в округе утвердилась новая схема управления: инспекторы – дирекция народных училищ – попечитель округа.

На учебные заведения для мусульман не распраспространялись «Положения о начальных училищах» от 25 мая 1874 г., поэтому их деятельность в дальнейшем курировали не училищные советы, а инспектора и директора народных училищ[7].

Должности инспектора мусульманских школ в ОУО и инспектора чувашских школ в КУО были упразднены указом от 19 мая 1903 г.[8], к «которому руку прило-

---

[1] Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 7.
[2] Там же. – Л. 10.
[3] РГИА. – Ф. 733. – Ф. 172. – Д. 2271. – Л. 29.
[4] ЦОУО. – 1887. – № 4–5. – С. 138.
[5] Там же.
[6] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 85 об. – 86.
[7] ЦОУО. – 1883. – № 1. – С. 426–427.
[8] ЦОУО. – 1903. – № 4–5. – С. 171–172.

жил» обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев[1]. Наблюдение за русско-татарскими школами стало компетенцией исключительно инспекторов народных училищ.

Открытие и динамика численности новых школ для мусульман. В одноклассных русско-татарских школах практиковалось трёхгодичное обучение с подразделением учащихся на 3 отделения (младшее, среднее, старшее). Из-за отсутствия официальных учебных программ наблюдались различия в количестве недельных уроков, в школьных предметах и часах, отводимых на их изучение. Учащиеся посещали русский класс после завершения занятий в конфессиональных школах. В русско-татарских школах уроки мусульманского вероучения проводились в утренние часы, а выходным днём являлась пятница – традиционный день отдыха мусульман[2].

В 1870 г. в КУО на основании представлений дирекций народных училищ были определены селения, в которых планировалось в первую очередь устроить школы нового типа. При этом во внимание принималось месторасположение поселений, численность населения, его этноконфессиональный состав, и вовсе не учитывалось мнение местных жителей. В частности, для мусульман было запланировано учредить в Казанской губернии 6 учебных заведений, в Саратовской – 2, Нижегородской – 4, Симбирской – 8, Пензенской – 5, Астраханской – 7, Самарской – 12[3]. Руководители учебных ведомств в Уфимской, Оренбургской и Вятской губерниях не предложили своих списков.

В. В. Радлов считал, что если общество не выделяет каких-либо средств на содержание русского класса, то от местных жителей не зависит его открытие[4]. Символично, что в 1876 г., подводя итог своей деятельности, В. В. Радлов отмечал: «Открытие их оказалось вовсе неудачным там, где местная администрация не обнаруживала желаемого содействия, и успех достигался лишь при пособии и влиянии полиции [...] классы введены почти насильственными мерами»[5].

Одно из отступлений от «Правил» 1870 г. было связано с корректировкой предложенной модели финансирования. Очень часто несогласие на открытие русских классов прихожане объясняли материальными затруднениями. Поэтому власти перешли к практике государственного субсидирования русских классов и вероучителей русско-татарских училищ, которые также стали финансироваться из земских, городских, заводских, частных (попечители, блюстители, меценаты и др.) средств[6].

В 1880–1890-е гг. в КУО на каждую русско-татарскую школу выделялось 460–550 руб.[7], в ОУО – 300–400 руб.[8]

---

[1] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 172. – Д. 2287. – Л. 7.

[2] *Саматова Ч. Х.* Указ. соч. – С. 108–109.

[3] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 9940. – Л. 107–107 об.

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 807. – Л. 151 об.

[5] Материалы по истории Татарии... – С. 323.

[6] *Владимирова Л. М.* Земские учреждения и татарское просвещение в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Источники существования исламских институтов в Российской империи : сб. ст. – Казань, 2009. – С. 9–34; *Саматова Ч. Х.* Указ. соч. – С. 95–96.

[7] Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 22–22 об.; НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 698. – Л. 2.

[8] ЦОУО. – 1885. – № 8. – С. 261, 262; 1886. – № 3. – С. 112; № 9. – С. 384; 1888. – № 11 и 12. – С. 362.

В 1887 г. попечитель ОУО Д. С. Михайлов отмечал, что многие татары сознают пользу от изучения русского языка и грамоты, что у них существует «тяга» к русскому языку, распространению которого мешают «кары магометан и обличение его фанатических последователей». Он предлагал установить обязательное обучение русскому языку во всех татарских школах, как это было сделано в Оренбургском казачьем войске. Чиновник был убеждён: когда речь идёт о добровольном изучении русского языка, то это с точки зрения мулл является грехом, когда же оно вынужденно, то это «не грех», и оно может быть разрешено для «усыпления врага», поскольку враг одолел настолько, что бороться с ним невозможно[1].

Другой мерой в улучшении преподавания Д. С. Михайловым предлагалось закрытие Оренбургской татарской и Орской киргизской учительских школ и открытие вместо них в Оренбурге учительскую школу или семинарию для русских, которые, готовясь стать учителями школ для мусульман, изучали бы в отдельных группах татарский или казахский языки. Учителя из русских не забывали бы родной язык в мусульманской среде, из них выросли бы инспектора для инородческих местностей[2]. Как видно, рекомендовалась замена татарских учителей русскими педагогами.

Власти стремились учреждать русские классы в крупных городских религиозных образовательных центрах: при медресе Казани (1872 г.), Чистополя (1881 г.)[3], Оренбурга (1880 г.)[4], Троицка[5] (преобразовано в двухклассное русско-татарское училище с контингентом 5–60 учащихся)[6], Белебея, Уральска, Стерлитамака, Верхне-Уральска. Практически все русские классы занимали отдельное помещение от здания медресе, что являлось принципиальной позицией их заведующих. В этом отношении исключение составляло медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Следует отметить, материальная база многих медресе не позволяла разметить в отдельном помещении школьные парты и другую учебную мебель. К тому же вскоре учебное начальство осознало, что расположение русского класса в отдельном здании увеличивает контингент учащихся в них[7]. Русско-татарские школы действовали в Тетюшах (1885 г.), Астрахани[8], Гурьеве и Илецкой Защите (Уральская обл.)[9].

С целью снижения противодействия местного населения в 1880-е гг. руководство ОУО стало закрывать некоторые действующие в сельской местности русские классы, что привело к сокращению их числа в Оренбургской и Уфимской губерниях до 9. Часть русских классов при медресе была преобразована в одноклассные русско-мусульманские училища[10], в отдельных случаях на средства закрывающихся

---

[1] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 109–109 об.
[2] Там же. – Л. 109–111 об.
[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8321. – Л. 121.
[4] ЦОУО. – 1880. – № 3–4. – С. 46.
[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 817. – Л. 922–92 об.
[6] *Будилович А. С.* Указ. соч. – С. 120.
[7] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 21060. – Л. 7.
[8] *Будилович А. С.* Указ. соч. – С. 180.
[9] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 168.
[10] ЦОУО. – 1887. – № 4–5. – С. 131; № 9–10. – С. 267.

русских классов при медресе и русско-мусульманских школах учреждались школы для крещёных «инородцев»[1].

В 1882 г. руководство Оренбургского казачьего войска предприняло наиболее радикальные меры: ввело обязательное обучение татар-мусульман в русском училище[2]. В 1892 г. под предлогом того, что посещение детьми мектебе после дневного обучения в русском училище отрицательно влияет на успеваемость, руководство запретило татарским детям школьного возраста изучать родной язык и основы ислама у муллы, что, по сути, означало их изоляцию от начальной национальной школы[3]. В результате, согласно сведениям 1895 г., в ОКВ насчитывалось всего 14 «татарских школ», преподавание в которых велось на русском языке[4].

В некоторых русско-мусульманских школах ОУО практиковалось совместное обучение русских и татар (башкир)[5], что невозможно было представить в КУО.

Прорыв в открытии русско-татарских школ произошёл на рубеже веков, и большую роль в этом сыграли земства. Если в 1895 г. в КУО насчитывалось 11 русско-татарских школ и 10 русских классов при медресе[6], то в 1902 г. действовало уже 41 русско-татарское учебное заведение (в том числе 9 русских классов при медресе)[7].

Одной из важнейших причин интенсивного увеличения числа русско-татарских школ в ОУО следует назвать отсутствие в регионе противостояния между мусульманскими общинами и миссионерскими институтами. В 1902 г. здесь насчитывалось уже 95 школ нового типа[8].

---

[1] Например, в 1886 г. последовало закрытие русских классов при медресе д. Киишкиной и Арслановой Уфимского уезда и учреждение вместо них начальных инородческих школ в д. Кубово Уфимского уезда и д. Шушнур Бирского уезда (см.: ЦОУО. – 1886. – № 3. – С. 112; 1895. – № 5. – С. 233). За счёт средств оставшихся после закрытия русских башкирских школ в д. Кубяново, Кургево, Старо-Думеево Белебеевского уезда Уфимской губернии в 1895 г. были учреждены шесть начальных училищ для чувашей Уфимской губернии (см.: ЦОУО. – 1882. – № 12. – С. 503).

[2] С 1882 г. дети казаков-мусульман привлекались для обучения русской грамоте с 9 часов утра и до 2 часов пополудни, а мектебе были вынуждены посещать в «свободное время» с 6 до 8 часов утра и с 7 до 9 часов вечера, не имея почти никакого отдыха. Приняв во внимание, что обучение в мектебе препятствует усвоению ими с малолетства русского языка и грамоты, необходимых при отбывании казаками воинской повинности, генерал-майор Ершов приказом от 9 сентября 1892 г. предписал о закрытии в войске всех татарских школ, запрещая мальчикам посещать мектебе. Вместо этого им разрешалось обучаться в станичных и поселковых русских школах основам ислама три раза в неделю в особо назначенные дни. ОМДС 16 и 30 января 1893 г. обращалось с жалобой в МВД, приложив шесть прошений казаков-мусульман Татищевской и Нижне-Озёрской станиц и Линёвского посёлка и 10 рапортов имамов разных селений казачьего войска. Однако МНП и МВД признали действия оренбургского начальства «правильными» (см.: РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 109 об.; Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений... 1836–1903 гг. – С. 101–102).

[3] *Фәхретдин Р.* Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. – Беренче жөзьэ. – Оренбург, 1907. – 26 б.

[4] *Севастьянов С. Н.* Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг. Оренбург, 1896. – С. 20.

[5] *Будилович А. С.* Указ. соч. – С. 121.

[6] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 21785. – Л. 5.

[7] *Саматова Ч. Х.* Указ. соч. – Прилож. № 6.

[8] *Будилович А. С.* Указ. соч. – С. 119–120, 135, 145.

Бесплатные школы нового типа для мусульманского населения были ориентированы главным образом на бедные слои населения – крестьян и мещан. Они не являлись единственными учебными заведениями, в которых татары изучали русскую грамоту. Дети торговцев и духовенства обучались государственному языку у частных учителей, малочисленная группа татарской молодёжи посещала русские начальные школы. Кандидаты в муллы сторонились этих школ, отдавая предпочтение частным педагогам.

В рассматриваемый период была создана система подготовки учителей русского языка, разработаны учебно-методические пособия, сформирована локальная сеть школ для мусульман, содержание которых осуществлялось правительством, земствами, городскими органами самоуправления, другими заинтересованными учреждениями и лицами.

Несмотря на противодействие мулл и консервативной части сельских обществ, русские классы и русско-татарские школы всегда имели контингент учащихся, что свидетельствовало о наличии потребности в знании русской грамоты. Однако прихожане не допустили преподавания русского языка в мектебе. Русские классы были созданы лишь при медресе, что было не случайно: изучение государственного языка стало уделом интеллектуальной части татарского общества. В них обучались шакирды – наиболее грамотная часть татарского населения, а в русско-татарские школы поступали дети, родители которых не имели средств, чтобы нанять частного учителя. Малочисленные русско-татарские школы и КТУШ на рубеже веков превратились в неотъемлемую часть национального образования татар, численность которых, благодаря усилению позиций джадидистов, стала уверенно увеличиваться после 1905 г.

Правительственный контроль над мусульманскими учебными заведениями в Поволжье и Приуралье. Модернизация российского общества осложнила решение национального вопроса в стране. Проблема заключалась не только в повышении национального самосознания и этнокультурном развитии этноконфессиональных меньшинств, во многом она была обусловлена действиями имперской власти, решившей установить полицейский контроль над их институтами, в том числе над системой образования. Вторжение в закрытое культурное пространство, сегментированное конфессиональными, национальными и социальными границами, как правило, сопровождалось принудительными мерами, а в некоторых случаях и репрессиями. Русификация и наступление на среднюю и начальную школу в Царстве Польском начались вскоре после подавления восстания 1863 г. В 1881 г. в ведение МНП были переданы центральные училища и сельские школы в бывших болгарских и немецких колониях, а также школы в колониях евреев-землевладельцев в шести губерниях. Согласно императорскому указу от 25 ноября 1885 г., евангелическо-лютеранские школы прибалтийских губерний передавались под правительственный надзор, такая же участь в 1892 г. постигла протестантские церковные школы в Закавказском крае, в 1893 г. – училища при римско-католических церквях империи[1].

---

[1] *Загидуллин И. К.* Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период : сб. ст. – Казань, 1992. – С. 62.

Как часть единого правительственного курса по установлению тотального контроля над нерусскими системами образования следует оценивать действия властей в отношении мектебе и медресе в Поволжье и Приуралье. Впервые вопрос о необходимости установления наблюдения МНП за мусульманскими школами был поднят в начале 1866 г. «Необходимо обратить внимание на татарские школы, которые сами по себе распространились по татарским селениям волжских губерний в такой мере, что большая часть татар обучается грамоте нерусскими, а татарскими при мечетях духовными лицами, их учителями, приготовленными старанием наставников, образованных в Бухарии. Таким образом, из этого враждебного и фанатичного нам гнезда мусульманства исходит направление и влияние образования до 1 миллиона народонаселения великорусских губерний»[1], – такими аргументами учебное ведомство обосновало необходимость установления контроля над мектебе и медресе в Волго-Уральском регионе.

До этого времени мусульманские приходские школы гражданского населения практически оставались без надзора российских властей. В дореформенный период МВД курировало все училища за исключением военных и духовных. Относительно же мусульманских школ в округе ОМДС в российском законодательстве какие-либо указания отсутствовали[2].

«Правила» 1870 г. поставили на повестку дня вопрос о подчинении мектебе и медресе «наблюдению правительства». Законом от 24 ноября 1874 г. все действующие при мусульманских обществах школы татар, башкир и казахов в КУО и ОУО, а также в Нижегородской губернии (Московский учебный округ) и Пензенской (Харьковский учебный округ) «были подчинены» МНП[3].

Рекомендовалось начать наблюдение за мусульманскими школами лишь после утверждения специальной инструкции о порядке осуществления контроля. Разработку инструкции Д. А. Толстой доверил попечителю КУО П. Д. Шестакову. Автором проекта стал В. В. Радлов.

На заседании Учёного комитета МНП, состоявшемся 26 января 1876 г., прошло обсуждение казанского проекта[4]. По итогам обсуждения была составлена новая редакция проекта инструкции, который в мае 1876 г. был представлен в Комитет министров, который рекомендовал предварительно согласовать документ с МВД. Дело в том, что в проекте были совмещены два положения: об осуществлении надзора за деятельностью мусульманских школ и о принудительных мерах по распространению русского образования. Между тем правительственный надзор не был непосредственно обусловлен необходимостью активного использования мер принуждения для учреждения русских классов. Сегменты этих направлений имели свои особенности.

Предложенные меры по установлению правительственного контроля не учитывали глубокие восточные традиции существования мектебе и медресе, предполагали кардинальные изменения в этой сфере в предельно короткие сроки. Радикальность

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 806. – Л. 1.
[2] Там же. – Л. 2–3.
[3] *Рождественский С. В.* Указ. соч. – С. 596.
[4] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 170. – Д. 971. – Л. 1–1об.

требований заключалась в том, что предполагалось ввести ряд норм внутреннего распорядка, аналогичных тем, которые практиковались в русских школах: в обязанность заведующего школой входило составление списков учащихся, ежегодных отчётов о личном составе учащихся и учителей, программы занятий для экспертного заключения учебного начальства. С 1880 г. заведующие школ должны были вести переписку с контролирующими органами учебного ведомства на русском языке. Общества, содержащие национальные школы, отстранялись от решения вопросов школьного образования и от воспитания подрастающего поколения. Свидетельства на звание мударриса выдавались лишь лицам, владеющим русским языком (письмо и чтение), с 1880 г. – «знающим курс русских классов при медресе». Реализация этих требований означала отрыв традиционной школы от мечети и отстранение от преподавания в медресе абсолютного большинства учителей (не владели государственным языком).

Особо следует сказать «о допущении» в учебный процесс религиозных учебников, одобренных цензурой. В рассматриваемый период в медресе широко использовались рукописные книги, печатных учебников, написанных российскими подданными, было очень мало.

Рекомендовалось переложить на махалли, которые намеревались открыть новые национальные учебные заведения, расходы по содержанию учителя русского языка без учёта экономических возможностей обществ. Если общество или содержатель медресе или мектебе оказывали открытое сопротивление учреждению русского класса, то это становилось основанием для закрытия учебного заведения. Предлагаемые административные нормы дискредитировали идею о пользе изучения государственного языка.

Заметим, что наблюдение инспектора за преподаванием не должно было касаться сущности мусульманского вероучения. Инспектор мог «только наблюдать, чтобы преподавание это велось догматически и ни под каким видом не было допускаемо толкований, противных верноподданнической преданности государю императору и всему «августейшему дому», любви к отечеству – России, и возбуждающих неприязнь против христианского населения» [1].

Положения проекта инструкции о заведовании другими мусульманскими школами, содержащимися за счёт государства, обществ, учреждений и частных лиц, а также о лицах, занимающихся домашним и частным преподаванием, были заимствованы из инструкции инспекторам народных училищ от 29 октября 1871 г., что означало включение их в единую систему управления.

Проект инструкции 1876 г. стал «наивысшей точкой» в стремлении учебного ведомства установить надзор над мусульманскими школами. Заложенные в нём положения в той или иной мере постепенно претворялись в жизнь в конце XIX – начале XX в.

Во «всеподданнейшем» отчёте на имя Александра II за 1879 г. казанский губернатор писал о необходимости установления фактического контроля над мусульманскими школами, чтобы преподавание в них «не шло вразрез с русской народностью»[2].

---

[1] РГИА. – Ф. 773. – Оп. 170. – Д. 971. – Л. 122–127.
[2] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 21785. – Л. 8 об.

Это предложение губернатора способствовало рассмотрению проблем мусульманских школ в центральных органах власти.

Татарское крестьянское движение 1878–1879 гг. продемонстрировало власти силу сопротивления и сплочённость народных масс при любых попытках извне вмешаться в сферу школьного образования и традиционной культуры. Неудивительно, что проект инструкции поддержали лишь руководители Пензенской и Нижегородской губерний, остальные губернаторы (казанский, вятский, пермский, симбирский, самарский, саратовский, астраханский, а также оренбургский генерал-губернатор), которым этот документ был выслан на экспертизу, высказали ряд серьёзных замечаний[1].

Результаты обсуждения проекта завершились тем, что 5 февраля 1882 г. император утвердил циркулярное предписание министра просвещения попечителям КУО и ОУО, составленное на основе предложений МВД. Согласно первому пункту циркуляра, чиновникам учебного ведомства разрешалось приступить к фактическому контролю над мусульманскими школами. При этом им предлагалось соблюдать осторожность во время посещений учебных заведений, собирать статистические сведения, давать словесные советы, не предъявляя никаких обязательных требований. По результатам осмотра школ чиновники должны были составлять отчёты для попечителя округа. Второй пункт циркуляра был целиком посвящён мерам предосторожности. Посещение школ и дальнейшее с ними ознакомление предполагалось начинать с тех местностей, где мусульманское население проживало совместно с русскими или крещёными «инородцами». Только после ревизий этих учебных заведений и «освоения» таких местностей позволялось постепенное «продвижение» в районы со сплошным мусульманским населением[2].

Таким образом, в дискурсе учебного и силового ведомств в данном вопросе верх взял прагматичный подход МВД. В результате сложилась отличная от реализуемой в западных губерниях модель школьной политики, основанная на взвешенном подходе в распространении русского образования и осуществлении надзора над традиционными учебными заведениями мусульман внутренних губерний.

Осуществление инспекторами мусульманских школ контроля затруднялось по целому ряду причин. По сути, речь шла о том, что учреждённым по средневековой среднеазиатской модели школам выставлялись европейские требования учёта и контроля. Поскольку в небольших селениях мектебе располагались в доме муллы, то вторжение в него представителя власти означало посягательство на частную собственность имама, заведующего школой.

После отъезда В. В. Радлова в столицу чиновники в КУО фактически отстранились от установления надзора над мусульманскими учебными заведениями.

В ОУО в 1883–1887 гг. было проинспектировано 85 школ: инспектором В. В. Каратинским – 65, чиновниками дирекции народных училищ Уфимской губернии – 20[3]. Следует отметить, во время этих ревизий инспектор В. В. Катаринский лично убе-

---

[1] *Загидуллин И. К.* Проект инструкции инспекторам татарских, башкирских и киргизских школ 1876 г. на перекрёстке суждений учебного и силового ведомств // Образование и просвещение в губернской Казани.– Казань, 2009. – Вып. 2. – С. 88–110.

[2] ЦКУО. – 1882. – № 4. – С. 72–74.

[3] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 168–169 об.

дился «в религиозно-схоластическом направлении» конфессиональных школ, не имеющим ничего общего с политическим воздействием на умы шакирдов и прихожан[1].

В августе 1883 г. МНП обратилось к оренбургскому муфтию с просьбой оказать содействие в выполнении законных требований учебного начальства. С. Тевкелев отклонил данное поручение, заявив, что это может спровоцировать волнения мусульман, он также указал на утрату им «безусловного доверия» своих единоверцев. После смерти С. Тевкелева (январь 1885 г.) его преемник приступил к своим обязанностям лишь в начале марта 1886 г. МНП считало, что задержка организации «управления мусульманскими школами» была обусловлена смертью С. Тевкелева[2]. В действительности причины были другие.

Следует отметить, что в 1880–1890-е гг. попечители КУО и ОУО несколько раз обращались в МНП с предложениями «твёрдо заявить» муллам об исполнении предписаний инспекторов народных училищ[3], отменить указ от 5 февраля 1882 г. и усилить контроль над мусульманскими школами. Однако правительство «оставалось приверженным принципам постепенности и осторожности»[4].

На основании указа от 5 февраля 1882 г. в ОУО губернаторы начали ежегодно предписывать муллам предоставлять инспекторам народных училищ сведения о статусе учебного заведения (мектебе или медресе) и численности учащихся для составления отчётов «по народному образованию», однако муллы предоставляли такие данные крайне редко. В 1887 г. попечитель ОУО обратился к губернаторам и оренбургскому муфтию с просьбой обязать мулл сообщать инспектору В. В. Катаринскому сведения о школах[5]. Однако муфтий М. Султанов воздержался от исполнения данного предложения, указав, что муллы подчинены Духовному собранию лишь по делам веры, он не компетентен затрагивать школьную сферу[6].

После упразднения в 1889 г. должности инспектора мусульманских школ руководство КУО никому не перепоручило наблюдение за мектебе и медресе[7]. Под влиянием авторитета Н. И. Ильминского в администрации КУО утвердилось мнение о том, что они не заслуживают никакого внимания и следует придерживаться «исконно равнодушного отношения правительства к магометанским школам, по крайней мере до тех пор, пока не поднимется просвещение крещёных инородцев настолько, что нельзя будет опасаться отпадения в магометанство»[8].

---

[1] *Фархшатов М. Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. – М., 1994. – С. 49.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 164–164 об.

[3] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 3.

[4] *Саматова Ч. Х.* Указ. соч. – С. 172.

[5] 1) название населённого пункта, число жителей с указанием этнического и конфессионального состава; 2) имена и фамилии заведующих школ, а также хальфов, мударрисов и других лиц, имеющих отношение к школе; 3) где эти лица получили образование; 4) число обучающихся мальчиков и девочек с указанием их селений; 5) время открытия школы, а также время начала и окончания учебного года; 6) помещение училища (наёмное, собственное и пр.); 7) средства содержания учебного заведения, имеются ли вакуфы.

[6] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 171–171 об.

[7] Устав духовных дел иностранных исповеданий. Изд. 1904 г. – Ст. 1416 (примеч.).

[8] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 21785. – Л. 14 об.

Во «всеподданнейшем» отчёте за 1885 г. казанский губернатор сетовал на отсутствие контроля над мектебе и медресе. На это обратил внимание Александр III[1]. Стремясь изменить ситуацию, МНП циркуляром от 31 июля 1891 г. потребовало от попечителя КУО следующие сведения о мусульманских учебных заведениях: о количестве школ, лицах преподающих в них, недостатках этих учебных заведений и мерах, которые следует предпринять для их устранения[2].

В своём ответе руководство округа акцентировало внимание начальства на том, что «муллы внушают своим ученикам в мектебе и медресе враждебное отношение ко всему русскому, в мусульманских школах употребляются рукописные сборники на татарском языке, в которых оплакивается зависимость татар от русских, восхваляются турки и другие мусульманские народы Востока и внушается надежда на торжество ислама».

Н. И. Ильминский в письме Д. А. Толстому от 16 октября 1886 г. рекомендовал установить запрет на обучение будущих мулл в учебных заведениях Турции, Египта, Аравии. Он предупреждал влиятельного сановника: «[...] наши татары в тех странах могут подпасть под влияние разных проходимцев, поляков, венгров и других врагов России. Притом быстро развивающиеся в названных странах ислама западно-европейское образование и цивилизация, проявляющиеся в новых учреждениях и в литературе, в подражание образцам Западной Европы, могут отразиться на школах мусульманского Востока, а через них и на наших татарских искателях высшего знания. В отдалённом будущем рисуется такое: татарская школа, вместо бухарской средневековой схоластики, проникнется стремлением к блеску османо-европейского просвещения и цивилизации; тогда татарская антипатия к русским из области религиозной перейдёт в область культурную и даже, быть может, в политическую [...]»[3]. Эта идея Н. И. Ильминского, правда под новой редакцией, была включена в текст обращения попечителя КУО в 1891 г.: не допускать в образовательный процесс мулл, получивших религиозное образование за границей.

На основании депеши попечителя КУО по предварительному соглашению с МВД, МНП приняло два распоряжения. Циркуляром от 30 июня 1892 г. было предписано открывать новые мектебе и медресе с разрешения директоров народных училищ, которые обязаны были владеть информацией обо всех существовавших в губерниях мусульманских школах. Во всех учебных округах надзору инспекторов народных училищ подлежали лишь русско-татарские школы[4]. Циркуляром от 30 июня 1892 г. МНП объявило попечителям КУО, ОУО, МУО[5] и ХУО[6], что новые мектебе и медресе могут открываться лишь с разрешения директоров народных училищ. Таким путём была создана правовая основа для правительственного надзора над мусульманскими учебными заведениями на огромном пространстве.

---

[1] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 17454. – Л. 1.
[2] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 21785. – Л. 17.
[3] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 71 об. – 72.
[4] *Будилович А. С.* Указ. соч. – С. 187.
[5] Владимирская, Вологодская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская губернии.
[6] Воронежская, Курская, Пензенская, Тамбовская, Харьковская губернии и Область Войска Донского.

В других учебных округах надзору инспекторов народных училищ подлежалили только татарско(башкирско)-русские школы.

Попечителям КУО, МУО, ОУО был направлен циркуляр от 10 июля 1892 г. об установлении новых правил. Под предлогом того, что в мектебе и медресе в качестве пособий использовались рукописные книги, пропагандирующие «враждебные русским государственным началам» идеи, в дальнейшем в этих учебных заведениях предписывалось «употреблять исключительно печатные книги», одобренные российской цензурой. Муллы, получившие образование в мусульманских странах, были обвинены в противоборстве «сближению магометанского населения с русским» и в препятствовании «распространению русского языка и русской грамотности». По этой причине к преподавательской деятельности могли допускаться только российские подданные, получившие образование в России[1].

Использование в учебном процессе рукописных книг было обусловлено средневековой традицией, а также нехваткой в медресе печатных учебников и отсутствием у шакирдов средств на приобретение дорогостоящих зарубежных учебных пособий. Переписывание красивым почерком книг – восточная каллиграфия – в исламском мире являлось одним из видов мусульманского искусства. Рукописные книги составляли огромный пласт национальной культуры, передаваемой из поколения в поколение. Претворение в жизнь циркуляра МНП грозило срывом учебного процесса.

Действия администрации ОУО по реализации циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. вызвали протестное движение мусульман Поволжья и Приуралья и петиционную кампанию по его отмене. Особое совещание (май 1894 г.), созванное для обсуждения вопроса о печатных и рукописных руководствах, употребляемых в мусульманских школах, постановило, что распоряжение о печатных книгах должно оставаться в силе, имеющиеся же в мектебе и медресе рукописные учебные пособия «могут быть оставляемы в этих школах», однако правительство по мере надобности будет «рассматривать их образцы при посредстве своей инспекции»[2]. В результате, по рекомендации МВД в 1894 г. циркуляр МНП был временно отменён в части запрета преподавания в мектебе и медресе муллами, обучавшимися за границей, и использования рукописных учебных пособий.

В 1895 г. МНП был утверждён список заграничных изданий, допускаемых для употребления в мусульманских школах[3]. Однако полностью изъять из школ иностранную литературу властям не удалось. Следует отметить, что усиление контроля над учебными книгами стимулировало подготовку и издание татарами во многом адаптированных к российским реалиям учебников для мектебе и медресе.

На основании циркуляра МНП от 30 июня 1892 г. руководство КУО обязало дирекции народных училищ собирать сведения о мусульманских школах, не предложив им при этом унифицированной анкеты. Поэтому каждый инспектор сам

---

[1] Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских. – СПб., 1903. – С. 21.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 816. – Л. 211.

[3] ЦОУО. – 1895. – № 7. – С. 230–231.

составлял перечень необходимых сведений. Например, инспектор КУО Люстрицкий 22 декабря 1892 г. разослал заведующим школ анкету, содержащую 45 вопросов[1].

Дирекции народных училищ Казанской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерний ограничились сбором сведений по трём пунктам: название населённого пункта, в котором находилась школа; их количество; год организации учебного заведения. Этот перечень стал единой формой сбора статистических данных в 1890-е гг.

Решающую роль в установлении систематического посещения инспекторами конфессиональных школ сыграло предписание МНП от 29 августа 1899 г., обязавшее заведующих мектебе и медресе предоставлять инспекторам народных училищ годовой отчёт и списки учеников. Правда, в первое время только заведующие городских школ предоставляли требуемые сведения, сельское духовенство игнорировало это предписание. Муллы не раз обращались к руководству КУО с ходатайством прекратить посещения мусульманских школ чиновниками учебного ведомства[2].

В ОУО казахи встречали инспектора как «почётного гостя», а татары при посещении школы представителем власти держали себя «безучастно». Инспектору В. В. Катаринскому так и не удалось выявить в ОУО численность мусульманских школ. Муллы не предоставляли ему исчерпывающих сведений, не просили разрешения на открытие новой школы. Лишь после упразднения в 1903 г. должности инспектора мусульманских школ дирекции начальных училищ были поставлены перед фактом «необходимости контроля над многочисленными мектебе и медресе».

В 1890-е гг. государство предпринимало попытки регламентации внутренней организации мектебе и медресе. Циркуляром от 31 июля 1891 г. МНП предписало руководствам учебных округов обращать внимание на соблюдение в мектебе и медресе санитарных условий. Это соответствовало возросшему вниманию к школьной гигиене. Однако средства на улучшение неудовлетворительного санитарного состояния школ не выделялись, не были зафиксированы и случаи их закрытия по этой причине[3].

МНП предприняло попытку использовать пожертвования мусульман, предназначенные для конфессиональных школ, на развитие сети правительственных учебных заведений, специализирующихся на распространении русского языка. В циркуляре МНП от 30 ноября 1896 г. сообщалось о немедленном переводе управлениям соответствующих учебных округов всех поступающих дел о пожертвованиях на мусульманские школы. Правительство по сути запретило использование этих средств на нужды национальных школ и предоставило директорам начальных училищ право использования пожертвований на содержание русских классов при медресе[4]. В Казанской губернии этим правом учебное ведомство пользовалось весьма корректно, что выражалось по крайней мере в двух моментах: 1) чтобы не вызывать негативную реакцию местного населения, власти не торопились использовать выделенные средства на содержание открывающихся при медресе русских школ; 2) чиновники разрешали пользоваться вакуфом в обмен на дозволение обучать шакирдов государственному языку. В июне 1897 г. была разрешена передача на богоугодные

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 10495. – Л. 9–10.

[2] *Саматова Ч. Х.* Указ. соч. – С. 173.

[3] Там же. – С. 42, 178.

[4] Сборник законов о мусульманском духовенстве... – С. 53–55.

цели 5 тыс. руб., завещанных купцом Джиганшой Усмановым на постройку в Казани медресе и 8 лавок с жилыми помещениями на Тихвинской улице, доходы от которых должны были тратиться на содержание медресе с условием, чтобы здесь «велось преподавание русского языка»[1]. В апреле 1897 г. с аналогичным условием было дозволено использовать завещанные умершим купцом Абдулвалеем Чукиным 200 руб. на ремонт фонтана и приобретённого каменного дома с постройками в д. Корса Казанского уезда, а также на обучение в доме Адамова и Михайлова в Казани (на Екатерининской улице) сирот при медресе и детей беднейших мусульман и на содержание их учителей[2]. В 1898 г. в ответ на пожертвование купцом 1-й гильдии Сулейманом Аитовым-Казаковским для училища при мечети (№ 11) Казани одноэтажного каменного дома и дворовых построек на Екатерининской улице центральная власть обязала содержать за счёт мусульман учителя русского языка при данном медресе[3].

Однако это стремление властей не достигло конечной цели. Дело в том, что в сельской местности пожертвования были небольшими и их не хватало на содержание русских классов. По этой причине МНП перестало вмешиваться в эту сферу[4].

Предписанием от 29 августа 1899 г. МНП восстановило требование циркуляра от 10 июля 1892 г. о запрещении использовать рукописную литературу. Однако, по негласной договорённости чиновников и имамов, рукописные книги по-прежнему применялись в учебном процессе. Этим же предписанием была установлена возможность преподавания в мусульманских школах лишь русскими подданными, получившими на это разрешение участкового инспектора на основании представления этими лицами свидетельства на право ведения занятий[5].

В последней четверти XIX в. правительство не вмешивалось в общественно-культурные процессы, происходившие в мусульманском сообществе. Директор Департамента полиции С. Э. Зволенский циркуляром от 31 декабря 1900 г. предписал начальникам губерний и областей, в которых компактно проживали мусульмане, собрать сведения о сторонниках новометодных школ, об их численности и преподавателях, выяснить, существует ли связь между джадидистами и младотурками и т. д. На данном этапе власти ограничивались сбором информации о новометодистах.

Первый удар по формирующемуся джадидидскому движению власти нанесли в июне 1901 г.: были закрыты всероссийские курсы подготовки учителей по новому методу при 9-й мечети Сеитова Посада Оренбургской губернии, которые втайне от чиновников с 1899 г. в летнее время организовывал купец Гани Хусаинов[6].

---

[1] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 815. – Л. 6–6 об.

[2] Там же. – Л. 5.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 930. – Л. 60–61, 92.

[4] *Загидуллин И. К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань, 2006. – С. 44–102.

[5] НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 907. – Л. 1–1 об.

[6] *Шайдуллина Р. Р.* Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусаиновых (вторая половина XIX – начало XX в.) : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010. – С. 81–82.

Таким образом, в пореформенный период КУО и ОУО стали экспериментальной площадкой по выработке механизма контроля над традиционными школами мусульман России. «Правила» 1870 г. не были распространены на Одесский учебный округ: в начале 1874 г. в Крыму начались волнения татарского населения, вызванные попыткой правительства ввести всеобщую воинскую повинность, вновь наметилась миграция из России за границу.

В рассматриваемый период российской власти не удалось установить контроль над мектебе и медресе в Поволжье и Приуралье. Одна из главных причин заключалась в том, что правительство осознало отсутствие реальной угрозы государственным интересам от исламской схоластической системы образования. Другим, не менее важным обстоятельством послужили волнения и массовые акции протеста татар против вторжения власти в сокровенную область религиозной жизни – сферу конфессионального образования. Третьим фактором была всероссийская значимость «татарско-мусульманского школьного вопроса» в Поволжье и Приуралье. Ситуация в этом регионе внимательно отслеживалась их единоверцами на окраинах, поскольку она служила предзнаменованием возможных перемен в плане ограничения автономии в сфере религиозного образования.

Многочисленность мектебе и медресе, становление русской начальной системы образования, требовавшее огромных средств и усилий чиновников учебного ведомства, их малочисленность и незнание ими татарского языка также способствовали номинальности контроля над мектебе и медресе. Если в начале XX в. в КУО инспекторы посещали около $^{1}/_{5}$ татарских школ, то в ОУО после упразднения должности инспектора мусульманских школ (1903 г.) чиновники учебного ведомства были поставлены лишь перед необходимостью осуществления наблюдения за мектебе и медресе. Поэтому правомерно говорить, что к началу XX в. лишь наметились контуры системы контроля: чиновники учебного ведомства главным образом занимались сбором статистической информации о численности учащихся, об учителях и посещали незначительное количество школ.

Таким образом, перевод в 1874 г. мусульманских школ Поволжья и Приуралья в ведение МНП создал правовую основу для контроля и вмешательства во внутренний распорядок и образовательный процесс конфессиональных школ. Передача традиционных школ татар, башкир и казахов «в попечение правительства» преследовала охранительные цели и отнюдь не предполагала выделение государственных средств на улучшение материальной или учебно-методической базы мектебе и медресе.

Если в империи в дореформенный период действовала система, которую историки именуют имперской системой управления регионами с нерусским населением, в которой ключевая позиция отводилась сохранению целостности империи, и в определённой степени учитывались традиции и особенности хозяйственного уклада и менталитета местных народов, то приход к власти Александра II привёл к пересмотру отношения в «национальном вопросе», началась активная инкорпорация российских окраин в общеимперское политико-правовое пространство. Либеральные реформы 1860–1870-х гг. являлись частью политики формирования «мононационального государства», которая способствовала росту социальной напряжённости в татарском и башкирском сообществе и вызывала в различных формах протестные движения.

Введение русского образовательного ценза на мусульманское духовенство в округе ОМДС и его реализация

Русский образовательный ценз для кандидатов в муллы в Самарской губернии. В процессе учреждения учебных заведений для мусульман в управлениях учебных округов и МНП постепенно сформировалось мнение о том, что если обучить русской грамоте мулл, то они будут благосклонно относиться к новым школам, более того, сами станут обучать русскому языку детей прихожан[1]. Считалось также, что знание духовенством русского языка позволит ослабить противодействие общин открытию школ нового типа для мусульман.

Владение русским языком и грамотой укрепляло позиции муллы в среде прихожан и в глазах местной администрации, представители которой не знали языка местных народов, позволяло уверенно чувствовать себя в русской среде, госучреждениях. Инспектор В. В. Радлов считал, что именно муллы являются наиболее знающей русский язык группой сельских жителей[2].

Самарский губернатор Ф. Д. Климов, усматривая в фетве муфтия С. Тевкелева от 28 октября 1872 г. предписание, обязывающее духовных лиц изучать русский язык (видимо, не зная о том, что обязательным является лишь коллегиальное постановление ОМДМ, а фетва муфтия имеет лишь рекомендательный характер) своим циркуляром от 11 ноября 1872 г., препровождая его приходским имамам, приказал в дальнейшем не утверждать кандидатов в духовном звании без знания ими русского языка. С этого времени шакирды, имеющие приговоры от обществ об избрании на духовную должность, вынуждены были отправляться в русские селения или в медресе, где имелся русский класс, и изучать от 6 месяцев до года новый предмет, затем сдавать экзамен В. В. Радлову или другому должностному лицу, чья справка устраивала самарское губернское правление[3]. Вскоре установился порядок, согласно которому кандидаты сдавали экзамен на знание русского языка в полицейских управлениях[4].

Когда возник вопрос одного из исправников, привлекать ли к испытаниям муэдзинов и каковы критерии самого испытания – знания разговорного языка или русской грамоты, самарское губернское правление обратилось 23 апреля 1873 г. в ОМДС и получило следующий ответ: статья 1207 устава ТМДП о том, что если будет несколько кандидатов, имеющих по способностям и нравственным достижениям равное право на получение духовной должности, то предпочтение отдавать тому, кто знает русский язык; в округе ОМДС не применяется и требование об умении читать, писать и говорить по-русски для кандидатов в имамы и тем более в муэдзины не являются обязательными, вопросы испытания по русскому языку должны быть за религиозным управлением, поскольку именно там проводятся экзамены по исламскому вероучению. ОМДС призвало губернское правление прекратить отказы общественным приговорам мусульманских приходов по причине незнания их кандидатов на духовные должности русского языка на основании заключений по-

---

[1] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 42 об.
[2] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 21060. – Л. 5 об.
[3] Материалы по истории Татарии... – С. 328.
[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1051. – Л. 123–124 об.

лицейских управлений. Такие опрометчивые действия властей привели к появлению вакантных духовных должностей и расстройству религиозно-обрядовой жизни в некоторых приходах. Несмотря на обращение муфтия С. Тевкелева, самарский губернатор выразил сомнение в компетентности членов ОМДС проводить испытания по русскому языку и повелел продолжать прежний порядок, исключив из списка экзаменующихся кандидатов в муэдзины. В ответ на это отношение самарского губернатора Ф. Д. Климова от 31 июля 1873 г. муфтий С. Тевкелев сообщил, что его фетва, духовное наставление не предполагали изменения существующего порядка назначения мулл, поэтому постановление губернатора не может основываться на его фетву, а действия губернской администрации противоречат российскому законодательству. Муфтий также с жалобой обращался в ДДДИИ. В ответ губернатор Ф. Д. Климов (21 октября 1873 г.) просил МВД утвердить его распоряжение административным или законодательным порядком. Однако ответа на его предложение из столицы не последовало, и прежний порядок сохранился. Бугульминское земское собрание на заседании от 1 июня 1876 г., по сути, признав неэффективность проведения испытаний в полицейских управлениях, постановило, чтобы желающие занять духовные должности сдавали экзамен в уездных училищных советах[1]. Со ссылкой на данное постановление земского собрания шестилетней давности в своём отношении от 28 апреля 1882 г. самарский губернатор просил МВД ускорить решение запроса от 21 октября 1873 г., но ответа вновь не последовало. Создаётся впечатление, что центральная власть решила выступить в качестве беспристрастного наблюдателя над происходившим в губернии экспериментом в сфере «исламского вопроса». Её молчание означало поддержку самарской администрации.

В 1883 г. вновь назначенный казанский губернатор Л. И. Черкасов также предписал губернскому правлению вызывать к нему кандидатов на должность муллы для личного удостоверения в знании русского языка прежде постановления об испытании их в знании законов ислама до сдачи экзамена в Духовном собрании. При этом он ссылался на законодательство, вменявшее губернскому правлению наблюдать, чтобы избранные муллы и имамы были люди «в верности надёжные и доброго поведения». На основании этого положения чиновник заявил, что потребует знания русского языка каждого татарина, избранного в муллы. По мнению членов Казанского губернского правления, «знание русского языка от магометанина хотя и желательно, но [...] не может быть доказательством таковой политической его благонадёжности». Губернатор остался при своём мнении. Отметив несоответствие требования Л. И. Черкасова с существующим законодательством, 3 февраля 1883 г. губернское правление констатировало: «Предложение г. губернатора записать в журналах, приводить в своё время в исполнение»[2]. На этом вопрос был исчерпан.

В 1886 г. на основании жалоб духовных лиц вновь назначенный муфтий М. Султанов поднял перед МВД вопрос о прекращении проведения незаконных испытаний кандидатов в муллы на знание русского языка в уездных полицейских управлениях[3]. Лишь на новое обращение самарского губернатора из МВД (11 мая 1886 г.) был получен ответ о возможности испытания при наличии двух кандидатов на вакант-

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1051. – Л. 127–128 об.
[2] НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 2608, лл. 1–1об.
[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1051. – Л. 123.

ную должность (что не практиковалось в татарских приходах)[1]. Таким образом, на основании самовольного решения местного начальства в Самарской губернии в 1872–1886 гг. муллы назначались по итогам экзаменов по русскому языку в полицейских управлениях. В случае успешной сдачи экзамена, общественный приговор об избрании духовного лица направлялся в губернское правление, оттуда в ОМДС.

Определённое содействие увеличению численности имамов, знающих русскую грамоту и язык, оказало введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности. Новый порядок комплектования привёл к увеличению численности новобранцев из мусульман более чем в два раза. В 1875–1889 гг. ежегодно в среднем привлекалось на военную службу 7148 чел., что составляло 3,26 % от общего числа новобранцев[2].

К началу 1890-х гг. численность имамов, отслуживших в российской армии и состоящих в запасе, превысила 600 чел. Известно, что в 1895 г. в округе ОМДС насчитывалось 4546 приходов и 12 000 духовных лиц. Если предположить, что состоящие к этому времени в запасе 600 имамов служат в отдельных приходах, то получается, что в 13 % религиозных общинах пастырские обязанности выполняли знающие русский язык и отслужившие в течение 3–5 лет в инокультурной среде имамы.

Разработка правовых основ нового курса. Министр народного просвещения Д. А. Толстой в 1875 г. выступил с инициативой «сделать обязательным» для соискателей мусульманских духовных должностей знание курса русско-мусульманских училищ. Он рассуждал следующим образом: муллы говорят прихожанам, что изучение русского языка «дело греховное и противное Корану и шариату». Когда знание государственного языка станет для них обязательным, этот нелепый довод против обучения мусульман в русских классах и русско-татарских школах якобы отпадёт[3].

Знание русского языка было объективно прогрессивным явлением. Некоторые представители мусульманского духовенства, осознавая такую потребность, сами самостоятельно или с помощью частных учителей изучали государственный язык, потому что выполняя свои служебные обязанности, они давали выписки из метрических книг, ежегодно предоставляли полиции сведения о численности прихожан, привлекались для принятия присяги в присутственные места и судебные учреждения, правительственные учреждения, контактировали с полицией по другим вопросам общины и т. д. Однако они не могли преодолеть стереотипы, сложившиеся среди прихожан, и зависели от них материально.

На основе отзывов начальников Таврической, Оренбургской, Уфимской, Самарской, Казанской губерний, Тургайской, Уральской областей и Внутренней Букеевской Орды МВД решило не торопить события. Было рекомендовано определить сроки введения образовательного ценза индивидуально для каждой губернии, в округе ОМДС при утверждении на духовные должности предоставлять преимущества лицам, владеющим русским языком и т. д.[4]

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1051. – Л. 133–133 об.

[2] *Загидуллин И. К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. – С. 16–17.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1051. – Л. 50–51 об.

[4] *Саматова Ч. Х.* Указ. соч.; НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 10464. – Л. 38–46 об.

С учётом этих предложений в мае 1877 г. Д. А. Толстой обратился в Государственный Совет с предложением узаконить следующие правила: 1) предусмотреть в ближайшее время введение русского образовательного ценза (уровень начальной школы) для кандидатов на светские и общественные должности (земские, городские и сельские); 2) с 1878 г. требовать от преподавателей мусульманских школ и претендентов на духовные должности умения «отчётливо писать и читать по-русски», а с 1880 г. – знания курса русских классов при медресе; 3) разрешать открытие новых мусульманских школ при условии содержания русского класса за счёт прихожан. Действия новых правил планировалось распространить по всей империи, кроме Сибири, Туркестанского генерал-губернаторства, Кавказа и Закавказья[1].

Основной причиной того, что власти не решились реализовать эти мероприятия, стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Государственные мужи опасались, что какие-либо ограничительные действия могли спровоцировать волнения среди мусульманского населения Крыма и Поволжья. В связи с этим было рекомендовано вернуться к проектируемым МНП мерам «при более благоприятных обстоятельствах».

Повторное обсуждение данного вопроса произошло спустя 10 лет после его одобрения императором Александром III. Примечательно, что вопрос об образовательном цензе мусульманских духовных лиц, подведомственных ОМДС, и на этот раз рассматривался в контексте наступления на национальную школу – одновременного введения в медресе обязательного обучения русской грамоте. В 1887 г. МНП, предполагая вновь войти в Государственный Совет с представлением по этому вопросу, предложило МВД в виде подготовительных распоряжений установить следующие правила: 1) кандидатов на мусульманские духовные должности в Европейской России утверждать лишь после успешного испытания по знанию русского языка по курсу одноклассного сельского училища; 2) в высших мусульманских школах (медресе) ввести обязательное обучение русскому языку под условием закрытия этих школ в случае неисполнения этого постановления; 3) настоящие постановления ввести в действие в городах через год, а в сельских местностях через два года со дня утверждения сих постановлений[2].

Министр внутренних дел Д. А. Толстой, анализируя предложения министра народного просвещения И. Д. Делянова, предупреждал о необходимости соблюдения осторожности и постепенности «относительно мероприятий к осуществлению предложенной цели». Министр считал «в столь важном деле» воздержаться от «слишком обширных задач [...] при полной неподготовленности почвы», предлагал ограничиться меньшими требованиями, исполнения которых можно было добиться наверняка. «Ввиду противодействия магометанского духовенства введение в магометанские школы обязательного преподавания русского языка, а также затруднительности изыскания материальных средств на этот предмет, – писал он, – следовало бы ныне не касаться вопроса о преобразовании внутреннего устройства преподавания в сих заведениях обязательного обучения русскому языку».

Осторожный подход Д. А. Толстого можно объяснить следующими факторами. Во-первых, возглавлявший ранее учебное ведомство он прекрасно знал, открытие

---

[1] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 162–162 об.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 800. – Л. 242–243 об.

учебных заведений для обучения русскому языку не оставляло равнодушным все слои мусульманского населения: они, как родители и как мусульмане, для которых принудительное обучение русскому языку воспринималось как один из шагов властей по христианизации, выступали против этого нововведения. Таким образом, открытие прежде всего русских классов при татарских школах приводило к объединению интересов духовных лиц и прихожан, что делало выступления татарского населения массовыми, организованными и сплочёнными.

Во-вторых, по сообщениям и докладам губернаторов в МВД вырабатывалось устойчивое мнение о приходских мусульманских духовных лицах как о главной силе, противодействующей открытию русско-татарских школ и русских классов при медресе. Они, как преподаватели и заведующие мектебе и медресе, строго блюстили за исполнением законов шариата, скрытно бойкотировали требования российских властей и руководили противодействием своих прихожан. Планировалось сначала обучить русскому языку мусульманских духовных лиц, что должно было намного облегчить осуществление задуманной цели и оставить духовных лиц наедине со своими проблемами.

К этому времени русский образовательный ценз стал нормой для кандидатов на духовные должности римско-католического, протестантского, армянского и еврейского вероисповеданий: от них требовалось непременное окончание курса в русских учебных заведениях[1], только мусульманское духовенство (если не считать и буддистов) пользовалось «привилегией необязательного знания русского языка». Таким образом, в Российской империи решили «уравнять» требования к мусульманским духовным лицам с правовым положением духовных лиц других «терпимых» конфессий.

Важно также отметить, что приступивший к обязанностям в начале марта 1886 г. оренбургский муфтий М. Султанов, осознав несоответствие заседателей ОМДС (сельских мулл) как по уровню знания религиозных наук, так и по ведению делопроизводства, прежде всего, из-за незнания ими русской грамоты, посчитал необходимым ввести обязательное знание русской грамоты для членов ОМДС в объёме курсов татарских учительских школ и уездных начальных училищ, а для ахунов и хатибов (старших мулл) городских махаллей и штатных военных мулл в регулярных и казачьих войсках – по программе начальных народных училищ. Что касалось основной массы мусульманских духовных лиц, возглавлявших сельские приходы, муфтий считал преждевременным распространение на них вышеупомянутого требования, предложив отдавать предпочтение при выборе из нескольких кандидатов тому, кто владеет русской грамотой[2].

Со своей стороны Толстой, признавая, что принятие мер к обрусению «инородцев» является делом, не терпящим отлагательства, и, что прежде всего необходимо возвышение уровня образования мусульманского духовенства «как естественного помощника правительства», и, посчитав, что в данном деле должны быть соблюдаемы осторожность и постепенность мероприятий к осуществлению предполагаемой цели, предложил свой проект введения русского образовательного ценза для кан-

---

[1] Свод уставов учёных учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Изд. 1893 г. // СЗРИ. – Т. 11. – Ч. 1. – Ст. 35, 38, 269, 1002, 1083.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 5–6 об.

дидатов в имамы и члены ОМДС, который получил силу закона 16 июля 1888 г.[1] Согласно новому закону, с 1891 г. кандидаты на должность заседателей Духовного собрания должны были сдавать экзамен в объёме курса четырёх первых классов гимназии или КТУШ, или уездных, городских и двухклассных начальных училищ; кандидаты на должности ахунов и хатибов в городах – по программе курса одноклассного народного училища; кандидаты на должность мулл в сельской местности должны были представить свидетельства уездных училищных советов о знании ими «русской разговорной речи»[2].

Опасение возможных волнений и массовая петиционная кампания мусульман 1888–1890 гг. вынудили правительство разработать новый, «облегчённый» вариант правил[3], который лёг в основу императорского указа от 11 октября 1890 г.[4] С 1891 г. от кандидатов в члены ОМДС требовалось свидетельство об умении читать и писать на русском языке, лишь с 1896 г. они должны были иметь свидетельства об окончании курса в городском училище, кандидаты в сельские муллы – свидетельство об умении разговаривать и писать на государственном языке. Новое правило было распространено на 21 губернию, 4 области и Внутреннюю Букеевскую Орду[5]. По просьбе атамана Оренбургского казачьего войска для кандидатов в муллы также были снижены требования до уровня сельских мулл – необходимо было лишь доказать владение разговорной речью и умение читать. А в Уральском и Сибирском казачьих войсках, как и от кандидатов в городские ахуны и хатибы, требовалось знание русской грамоты в объёме курса одноклассного училища.

Распространение русского образовательного ценза. Экзамены у кандидатов на мусульманские духовные должности должна была принимать комиссия в составе заведующего учебным заведением и двух учителей светских предметов. В дополнение к закону 11 октября 1890 г. учебным ведомством были разработаны «Правила для производства испытаний и выдачи свидетельств в знании русского языка для занятия должностей по округу Оренбургского духовного собрания», утверждённые министром Н. И. Деляновым 30 декабря 1890 г.[6]

Они стали руководством при проведении испытания на владение государственным языком желающих занять должности членов Духовного собрания, ахунов и хатибов в городах, сельских мулл и мулл при Оренбургском казачьем войске, за исключением мулл военного ведомства.

Был установлен рейтинг учебных заведений, в которых, в первую очередь, должны были проводиться экзамены. Создаваемая при городских трёхклассных училищах комиссия была признана главной. Если же в городе функционировало

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 800. – Л. 243–245.

[2] ПСЗ-3. – Т. 8. – № 5419.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1071. – Л. 85–86.

[4] ПСЗ-3. – Т. 10. – № 7120.

[5] Казанская, Оренбургская, Уфимская, Астраханская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Вятская, Нижегородская, Пермская, Тамбовская, Рязанская, Томская, Тобольская, Московская, Санкт-Петербургская, Херсонская, Костромская, Енисейская, Иркутская губернии и Уральская, Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская области, Внутренняя Букеевская Орда.

[6] Сборник законов о мусульманском духовенстве... – С. 19–20.

несколько подобных училищ, то руководство местного учебного ведомства определяло, в каком из них создавать экзаменационные комиссии. При отсутствии в городе трёхклассного учебного заведения инициатива производства испытаний переходила в уездное училище. В случае его отсутствия попечитель учебного округа лично определял место создания экзаменационной комиссии, руководствуясь следующим порядком: учительская семинария, учительский институт, классическая прогимназия и реальное училище (п. 4). Таким образом, претендент на должность имама мог сдать экзамен по своему выбору только в учебном заведении той губернии, где был прописан, хотя чётко в правилах об этом не было сказано[1].

Время проведения экзаменов – ежегодно с 1 сентября по 1 мая. Для проведения испытаний в каждом из губернских и уездных городов по мере надобности образуются особые комиссии при одном из перечисленных учебных заведений в составе председателя – руководителя учебного заведения и двух преподавателей светских предметов, одним из которых обязательно должен быть учитель русского языка (п. 3)[2].

Главным действующим лицом в проведении испытания становилась дирекция учебного заведения. Именно на имя его руководителя подавалось собственноручно составленное прошение кандидата на духовную должность. Если же экзаменующийся претендовал на должность муллы в сельском приходе, от которого не требовалось знание русской грамоты, то за него заявление мог написать его доверенное лицо. К испытаниям допускались лица старше 21 года. К заявлению прилагались удостоверение личности от полиции, данные о звании или состоянии и возрасте просителя, а также свидетельство об образовании (при его наличии (п. 60).

От экзаменующегося в умении читать и писать по-русски требовалось следующее: «а) правильное осмысленное чтение по доступной его понятиям незнакомой книге и передача содержания прочитанного своими словами, по меньшей мере по предлагаемым ему вопросам; б) чтение какой-нибудь чёткой рукописи; в) письмо под диктовку какого-либо, предварительно прочитанного отрывка чёткою скорописью, без пропуска и искажения слов, с соблюдением их правил о знаках препинания, по крайней мере о постановке точки» (п. 11).

На лиц, экзаменующихся в умении читать по-русски, распространялись те же требования по части чтения по печатному и рукописному тексту, что и кандидатам в высшие духовные должности в городах. А способы в удостоверении знания разговорного русского языка определялись комиссиями «применительно к происхождению, роду занятий и другим особенностям» являвшего на экзамен (п. 12).

Письменный экзамен по курсу русского языка в объёме программы городского училища состоял из диктанта; письменного изложения прочитанной статьи повествовательного или описательного характера; составления самостоятельного рассказа на заданную тему из быта, известного испытываемому или из книги, хорошо известной ему по содержанию. На устном экзамене требовалось «достаточно гладкое и толковое прочтение одной статьи повествовательного характера, одного стихотворения и знание главных правил этимологии и синтаксиса русского языка, необходимых для правописания» (п. 9).

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 43.

[2] Сборник законов о мусульманском духовенстве... – С. 19–20.

Требования в знании курса одноклассного сельского образцового училища также соответствовали его учебной программе. В частности, письменный экзамен представлял собой написание под диктовку отрывка из прозаического произведения и изложение другого такого же отрывка. Устное испытание ограничивалось правильным и осмысленным чтением отрывка из статьи описательного или повествовательного характера и пересказом другой статьи без помощи наводящих вопросов (п. 10).

Сдающие экзамен по программе курса русского языка городского училища или образцового сельского училища освобождались от требований, имеющих отношение к славянскому языку, что было немаловажно для мусульман и во многом снимало политико-религиозный аспект вопроса.

Следует подчеркнуть, что в правилах проявилось желание учебного ведомства не допустить преподавателей татар-мусульман к участию в принятии экзамена у желающих занять мусульманские духовные должности: в список учебных заведений, где могли проводиться эти испытания, «забыли» включить татарские учительские школы.

Несмотря на ходатайство муфтия М. Султанова (№ 51, составлено в феврале 1891 г.)[1], Делянов отказался признать свидетельства об окончании русско-татарских школ и русских классов при медресе. Это означало недоверие к государственным школам, специально открытым для мусульманского населения. Своё решение министр обосновал следующими аргументами: во-первых, программа учебного курса этих учебных заведений ещё не утверждена и лишь разрабатывается учебным ведомством, во-вторых, якобы «таковые свидетельства были бы выдаваемы учителями, заведующими училищами, на полную авторитетность и совершенную независимость которых от каких-либо сторонних влияний было бы неосторожно полагаться».

Правила как бы рекомендовали кандидатам на мусульманские духовные должности обучаться в русских учебных заведениях, что рассматривалось как наиболее эффектный вариант обрусения «инородцев», исповедующих ислам. Данное действие власти сильно ударило по престижу русско-татарских школ и русских классов. В дальнейшем они были обречены выступать в качестве своеобразных курсов подготовки для желающих занять духовные должности к сдаче экстерном экзамена на знание государственного языка. Правила превратили свидетельства об окончании русско-татарских училищ или русской школы в бумажку, лишив их равнозначного статуса с документом об окончании русского начального или церковно-приходского училища при устройстве на работу в конфессиональные учреждения.

Поскольку мусульманам было запрещено преподавать в начальных школах, то состав комиссий училищных советов состоял только из православных лиц, что вносило определённый дискомфорт при сдаче экзамена.

Столь невысокие требования русского образовательного ценза к кандидатам в сельские муллы практически свели на нет возможность привлечения их в качестве учителей русского языка.

Муэдзины не подлежали испытанию на знание русского языка, установленному для мулл, и могли быть назначаемы к исполнению обязанностей последних, пока

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 121.

вакансии оставались не замещёнными, с тем условием, чтобы подобное положение допускалось не более как на полгода[1].

Лица, окончившие или имеющие документ об окончании курса в одном из высших, средних или низших учебных заведений (уездных или городских училищ по положению от 31 мая 1872 г. или двухклассных сельских начальных училищ), или же проучившиеся в первых четырёх классах средних учебных заведений, могли определяться во все духовные должности без предварительного испытания[2].

Как известно, только при наличии соответствующего приговора об избрании приходом в имамы и разрешения местного губернского правления претендент в муллы имел право сдать экзамен на знание основ шариата в Духовном собрании. Теперь же только при наличии свидетельства о преодолении русского образовательного ценза губернское правление давало дальнейший ход делу. Однако, согласно правилам, никакого документа, кроме паспорта, не говоря уже о приговоре общества об избрании данного лица на должность имама, не требовалось. Думается, это было сделано специально, чтоб показать первостепенность и важность знания мусульманскими духовными лицами государственного языка. Получилось, что любой изъявивший испытать себя в знании русского языка имел возможность явиться на экзамен. Такой порядок, конечно же, значительно увеличивал число экзаменующихся.

Кажется, после введения русского образовательного ценза для кандидатов в муллы у чиновников некоторых губернских правлений сформировалось убеждение в том, что знание русского языка является основополагающим по сравнению с получением общественного приговора об избрании приходского духовного лица и испытанием кандидата в ОМДС в знании основ исламского вероучения. В ответ на такие суждения Сенат вынужден был издать указ за № 3024 от 15 марта 1901 г. о необязательности для губернских правлений утверждать в мусульманских должностях лиц, представивших свидетельство об испытании в комиссии по знанию русского языка[3].

С 1891 г. у большинства шакирдов возник неподдельный интерес к русскому образованию. В 1896 г. русско-татарских школ и русских классов при казанских медресе насчитывалось 9, в них обучалось 286 чел.[4], что составляло примерно половину лиц, обучающихся в казанских мектебе и медресе.

Однако в целом введение образовательного ценза не стимулировало распространения русских классов при мектебе и медресе. Самым популярным способом подготовки к экзаменам по русскому языку было обучение у частных педагогов. Большую популярность в качестве учителя частной школы в Казани приобрёл Гариф Газеев, бывший почтовый служащий, имеющий соответствующее свидетельство на обучение в начальном русском училище и опыт работы в русско-татарской

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений... 1836–1903 гг. – С. 12.

[2] Устав иностранных исповеданий. Изд. 1904 г. – Ст. 1416 (примеч.).

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 36.

[4] Обзор Казанской губернии за 1896 год: приложение к всеподданнейшему отчёту казанского губернатора. – Казань, 1897. – С. 73–74.

школе[1]. За 1893–1896 гг. около 80 его учеников успешно сдали экзамен на знание русского языка и получили духовные должности. После получения соответствующего свидетельства Г. Газеев взимал с каждого из них по 15 руб. плату за обучение. Можно сказать, что обучение у него было как бы с дальнейшей гарантией получения необходимого свидетельства[2]. Как показали дальнейшие события, такой его успех был связан не столько с его выдающимися способностями педагога, а с налаженной им системой взяточничества.

В дальнейшем правительство пошло в отношении экзаменующихся на некоторые уступки: предоставило в 1892 г. возможность проведения (по истечении 6 месяцев) повторного испытания[3] (это было последней возможностью кандидата для получения искомого свидетельства[4]), в 1900 г. – третьего повторного экзамена[5].

В 1895 г. попечитель КУО обратился с предложением о введении вознаграждения за проведение экзаменов, которое взималось бы с кандидатов на мусульманские духовные должности (трёхрублёвый сбор в пользу экзаменаторов Казанского четырёхклассного училища, сообразно сбору с лиц, сдающих экзамен на получение учительского звания[6]). Дело в том, что в Казани число татар, сдающих экзамены на получение свидетельства, было значительно больше. Это означало увеличение нагрузки учителям городского четырёхклассного училища, которые ежегодно практически в период учебного года – с 1 сентября по 1 мая – принимали экзамены у почти 80 чел. Правда, такое большое число испытуемых получалось за счёт пересдачи экзаменов (повторно, как правило, 30–40, а в третий раз – 10–15 чел.). По подсчётам дирекции училища педагогический персонал в Казани за учебный год

---

[1] Гарифулла (Гариф) Газеев – уроженец д. Малые Кляри Больше-Кляринской волости Тетюшского уезда, «солдатский сын», не приписанный сельскому обществу, получил свидетельство № 249 от 21 августа 1882 г. Тетюшского уездного училищного совета «на звание учителя сельского приходского начального училища» (см.: НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 794. – Л. 3, 7, 11). Преподавал в Ново-Мочалинском татарско-русском училище в Курмышском уезде Симбирской губернии, ходатайствовал перед директором народных училищ Казанской губернии о предоставлении ему места для преподавания в Казани, если же такового не окажется, то разрешить ему открыть в городе частную татарскую школу (см.: НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 619. – Л. 97–97 об.) Видимо, тогда Г. Газееву учебное начальство отказало. В 1890 г. переехал в Казань и основал своё «дело».

В апреле 1893 г. в качестве учителя «Епачинского башкирского училища» Осинского уезда Пермской губернии Г. Газеев просил о разрешении открыть в Казани частное училище «для обучения русскому языку магометан, желающих занять духовные должности». Циркуляром попечителя КУО за № 3698 от 30 июня 1893 г. ему было разрешено открыть частное училище для обучения русскому языку детей и взрослых татар, желающих занять мусульманские духовные должности.

Ежегодно в «частной школе» Г. Газеева, расположенной в одном из номеров гостиницы Апанаева на Сенной площади, обучались более 30 чел. в возрасте от 12 до 23 лет. Во время посещения школы в феврале 1896 г. инспектор народных училищ констатировал здесь «надлежащий порядок» и присутствие 27 учащихся (НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 794. – Л. 3.). Частная школа являлась главным источником существования его большой семьи (жена, 4 сына и 2 дочки от 2 до 21 года), проживавшей в его родной деревне (НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8137. – Л. 138 об.)

[2] НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 794. – Л. 4.

[3] ЦОУО. – 1892. – №10. – С. 423.

[4] Сборник законов о мусульманском духовенстве... – С. 56–57.

[5] ЦОУО. – 1900. – №4. – С. 88.

[6] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 1–1 об.

вынужден был трудиться дополнительно безвозмездно (необходимо учесть, что если на экзаменовку одного человека уходил 1 час, то на одного преподавателя приходилось от 80 до 100 часов, или 14–17 % всего времени, которое учитель тратил на классные занятия). На этом основании попечитель КУО поставил перед МНП вопрос об оплате труда экзаменаторов в размере трёхрублёвого сбора из сумм брачного сбора ОМДС.

Документ на педагогическую деятельность позволял занять должность учителя начального училища, чей статус выгодно отличался от правового положения приходских духовных лиц. Кажется, решение МВД 1895 г. о невозложении на кандидатов в муллы трёхрублёвого сбора было вызвано опасением усиления недовольства со стороны мусульманского населения[1]. Кстати не лишним будет сказано, что введение русского образовательного ценза означало увеличение расходов на получение духовного звания, если учесть, что численность русско-татарских училищ и русских классов при медресе, где обучение производилось бесплатно, была мала, то учащийся, владея необходимыми знаниями для получения духовной должности, вынужден был нанимать за свой счёт репетитора или специально выезжать туда, где имелась такая школа, или идти в русское начальное училище[2].

В 1906 г. Р. Фахретдин считал значение русского образовательного ценза вредным для тех шакирдов медресе, которые вынуждены с целью изучения русского языка временно перебираться в города или русские селения, которые в новой обстановке, поддаваясь разным соблазнам, теряли свою нравственную чистоту. Для достойного исполнения членами ОМДС своих обязанностей Р. Фахретдин полагал необходимым после сдачи экзамена по программам городского училища или Татарской учительской школы обучаться на юридическом факультете университета хотя бы в качестве слушателя[3].

На основании решения МВД в 1899 г. русский образовательный ценз был распространён на уволенных за определённые проступки мулл, которые желали вновь стать пастырями[4]. Однако с каждым годом по мере увеличения численности приходов и достижения духовными лицами число желающих получить свидетельство значительно нарастало. В затруднённом положении оказались училища уездных городов, в местностях компактного расположения мусульманских селений. Например, в 1-й половине 1900-х гг. в Екатеринбургском трёхклассном уездном училище экзамены сдали 90 претендентов на должность имама[5]. Со стороны педагогического персонала училищ участились жалобы, а учебное ведомство не располагало средствами для оплаты. Не видя выхода из ситуации, попечитель ОУО И. Я. Ростовцев

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 2.

[2] Из-за тяжёлого материального положения и своего «неправильного телосложения», которые не позволяло ему продолжить обучение русской грамоте, в 1895 г. житель д. Москова Бирского уезда Уфимской губернии Габдулла Набиуллин вынужден был обратиться к императору о разрешении ему, в виде исключения, допустить к исполнению обязанностей имама, о чём имелся приговор односельчан. Его просьба была оставлена без внимания (РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 7–7 об., 9).

[3] *Фахреддин Р.* Русия мөселманнары ихтыяҗлары вә алар хакында интикад // Дини һәм иҗтимагый мәсъәләләр : сайланма хезмәтләр. – Казан : Рухият, 2011. – 249–254 б.

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 31

[5] Там же. – Л. 33 об.

предложил распространить на экзаменаторов «высочайшее» повеление от 27 сентября 1876 г. о сборе в пользу экзаменаторов трёх рублей с кандидатов на должность учителей народных училищ[1].

«Ввиду восприимчивости магометанского населения к превратным толкованиям и ещё недавнего в среде оного религиозного брожения» МВД сочло «несвоевременным» установление трёхрублёвого сбора с кандидатов на муллы. Поэтому было постановлено о выдаче в конце каждого года на основании отчётов училищных советов положенной суммы из специальных средств, слагаемых из брачного сбора мусульман.

Получив предписание МВД об оплате из средств брачного сбора 195 экзаменов, проведённых в 1900 г. на знание русского языка в губерниях[2], входящих в ОУО, муфтий М. Султанов выразил негодование. Предстояло выплатить 585 руб., что составляло 5 % всей имеющейся в распоряжении Духовного собрания специальных средств (10 570 руб. 36 коп.). Недовольство М. Султанова объяснялось дальнейшим увеличением этой цифры за счёт производимых экзаменов в других учебных округах, прежде всего в Казанском и Московском. Тем временем предстоял капитальный ремонт здания Духовного собрания, для чего был и специально предназначен брачный сбор с мусульман. В своём представлении в МВД от 3 сентября 1901 г. муфтий обратил внимание властей на то, что только определённая часть лиц, подвергшихся испытанию на знание русского языка, желает впоследствии становиться имамами, фактически не имея никакого отношения к Духовному собранию. Более того, они имеют возможность повторно сдавать экзамены, за что снова расплачивается религиозное учреждение. Единственно верным решением из этой ситуации М. Султанов счёл идею МНП о взимании платы с самих экзаменующихся или, на худой конец, найти иной источник финансирования этих расходов[3]. Центральная власть высказалась за «другой источник», увеличив сумму брачного сбора с мусульман, обещав при этом поддержать вышесказанную инициативу Духовного собрания[4].

Как и предсказывал М. Султанов, невозможно было определить, кроме тенденции увеличения, число сдающих экзамен для получения свидетельства на знание русского языка. В 1901 г. в ОУО по сравнению с прошедшим годом число сдающих экзамен увеличилось на треть, достигнув 289 чел.[5], что означало выделение из специальных средств Духовного собрания ещё 867 руб., а за два года – 1452 руб.

В своём отношении от 15 июня 1902 г. муфтий усилил доводы относительно желательности переложения расходов при проведении испытаний на плечи экзаменующихся. Он выяснил, что из 484 чел., сдававших экзамены, лишь 329 имели намерение стать имамами. Как важный аргумент в своей правоте М. Султанов упомянул о солидарности с ним попечителя ОУО И. Я. Ростовцева, который, независимо от муфтия, направил в учебное ведомство предложение о вознаграждении членов комиссии за счёт экзаменующихся[6]. Благодаря настоянию муфтия явился

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 34.
[2] В Пермской губернии – 102 экзамена, в Уфимской – 85, Оренбургской – 8.
[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 44–45.
[4] Там же. – Л. 46.
[5] В Пермской губернии 183 экзамена, в Уфимской – 76, Оренбургской – 30.
[6] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 52–52 об.

высочайше утверждённый 5 декабря 1902 г. закон об установлении для желающих поступить на духовные должности трёхрублёвого сбора для оплаты труда членов комиссий, принимающих экзамены на знание русского языка[1].

Отсутствием в правилах чётко прописанного порядка идентификации просителя с лицом, сдающим экзамен, стали «успешно» пользоваться некоторые соискатели в муллы. В документе не был предусмотрен порядок контроля за многократной сдачей экзаменов претендентами на должность имамов. После неудачного экзамена испытуемый имел возможность явиться в училищный совет другого города и повторно экзаменоваться, что увеличивало загруженность педагогического персонала.

Трудность изучения русской грамоты самостоятельно или недостаточное её знание вынуждали кандидатов на мусульманские духовные должности искать различные способы для получения искомого свидетельства, которое открывало дорогу для сдачи экзамена в ОМДС на предмет знания основ исламского вероучения. Кажется, относительное спокойствие среди них в связи с нововведением в значительной степени объяснялось с существовавшей возможностью получения искомого документа незаконным путём. О существовании такой системы в округе ОМДС в МВД узнали из полученной в январе 1896 г. анонимной докладной записки на русском языке, где сообщалось о злоупотреблениях при определении на должности духовных лиц в Казанской губернии. Впервые власти узнали о противозаконной деятельности учителя русского языка Газеева, с помощью которого и одного из чиновников (речь идёт о служащем губернского правления, курировавшем утверждение татар на духовные должности. – *И. З.*) «за деньги такие лица получают свидетельства в Цивильском уездном училище без всякой подготовки»[2]. В подлинности данной информации нет сомнений, ибо в доносе приведён последний такой случай – получение свидетельства крестьянином д. Новый Кумызан Мамадышского уезда Ахметгали Каюмовым[3]. Директор ДДДИИ Н. А. Мосолов в секретном предписании от 20 февраля 1896 г. потребовал у губернатора П. А. Полторацкого проведения негласного расследования.

Директору народных училищ Казанской губернии, где были выявлены факты превращения экзамена в простую формальность, было указано впредь не допускать к экзаменам в Цивильском уездном училище, где были зафиксированы случаи фиктивных экзаменов, мусульман из других уездов, кроме данной губернии[4].

Весной 1896 г. попечитель КУО предложил дополнить правила двумя положениями, которые гласили следующее: лицам, не выдержавшим испытания для занятия должности имамов, должны быть сделаны отметки об этом в документе, удостоверяющем их личность, и представлены вместе с заявлением две фотокарточки – одна для определения подлинности испытуемого, которая потом остаётся в архиве училища и для свидетельства в случае успешной сдачи экзамена[5]. Первое

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 59. В 1902 г. число экзаменовавшихся составило 118 чел.: в Пермской губернии – 7, в Уфимской – 92, Оренбургской – 19. Эти расходы в сумме 354 руб. были вновь отнесены ОМДС (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 68–69).

[2] Там же. – Л. 11 об.

[3] Там же. – Л. 11 об.–12

[4] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 21810. – Л. 15.

[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1082. – Л. 18–18 об.

предложение МВД отвергло, заявив, что в паспорта могут быть занесены только отметки о явке в полицию и надписи о лишении прав состояния[1]. Второе предложение руководства КУО было одобрено и циркулярным предписанием от 16 января 1897 г. было доведено до сведения местных властей с указанием опубликовать его в местных «Губернских ведомостях»[2].

Съезд директоров народных училищ Казанского учебного округа в своём заседании от 23 сентября 1896 г. постановил наблюдать за тем, чтобы в комиссиях приходских и уездных училищ испытания кандидатов-татар на духовные должности производились без всяких послаблений «повсюду в одни и те же точно определённые сроки, не чаще одного раза в месяц, именно 15 числа, кроме пятницы и праздничных дней, когда испытания переносятся на следующий день и в присутствии, по возможности, участкового инспектора народных училищ, согласно утверждённым министром народного просвещения «Правилам для производства испытаний и выдачи свидетельств в знании русского языка для занятия духовных должностей». Для обеспечения уверенности в тождестве личности экзаменующего на звание муллы с лицом, которому предоставляются документы, также было решено ходатайствовать перед МНП о приложении к прошению о допущении к экзамену фотографических карточек просителей[3].

Принципиальное значение в резком уменьшении в риторике мулл-кадимистов тезиса о противоречии изучения русского языка шариату имело введение русского образовательного ценза, когда их сыновья, племянники – кандидаты на приходские духовные должности, начали сдавать экзамены на знание русского языка и грамоты. Введение с 1897 г. фотокарточек для наклеивания в свидетельства об итогах экзамена постепенно сделало неактуальным разговоры о запрете шариатом фотографий. Стремясь получать искомую должность, обеспечивающую безбедное материальное существование и исполняя предписание власти на обязательность фотографироваться, муллы сами разрушали предрассудки среди прихожан.

Российская власть всё более осознавала, что главная причина в малой популярности государственного языка среди мусульманского населения Волго-Уральского региона заключалась не в муллах-кадимистах, а в особенностях социального положения и быта татар и башкир, расселённых в сельской местности. Именно этот лейтмотив был озвучен в ответе МВД (5 июля 1904 г.) на обращение Малмыжской земской управы (21 ноября 1903 г.) о повышении требований к знанию государственного языка муллами, с тем, чтобы их в дальнейшем можно было бы использовать в распространении русского образования среди татарского населения[4].

ГЛАВА III

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И МАХКАМА-И ШАРГИЯ ЫРЫНБУРГИЯ

Татарские купцы и проблема выбора оренбургского муфтия в 1860-е гг.

Оренбургский муфтий признавался властью духовной главой мусульман по округу Духовного собрания и являлся его председателем. В 1817 г. в российском законодательстве появилось положение о выборе кандидатов в муфтии «магометанским обществом», один из которых по представлению министра внутренних дел утверждался императором[1]. В 1824 г. это ведомство было упразднено, что означало упразднение и положения о его деятельности[2]. Однако это положение вошло в первый устав ОМДС в 1857 г. под названием «Об управлении духовенства, принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания». Получалось, что государство, нарушая свой закон, ограничивает право мусульман в выборе своего муфтия.

После смерти первых двух оренбургских муфтиев правительство ни разу не воспользовалось зафиксированным в 1817 г. в российском законодательстве положением о выборе кандидатов в муфтии «магометанским обществом». В период действия нового положения два оренбургских муфтия – Габдессалям Габдрахимов и Габдулвахид Сулейманов в 1826 и 1840 гг. соответственно были назначены Николаем I на основании представления министра внутренних дел без проведения каких-либо выборов.

Правда, в дореформенный период выдвижение кандидата на должность оренбургского муфтия мусульманское духовенство считало своим безусловным правом. Для придания этой процедуре авторитетности оно при необходимости привлекало купцов. После смерти муфтия М. Хусаинова большую активность на этом поприще проявляли муллы Казани. В сентябре 1824 г. муллы и купцы предложили на усмотрение правительства кандидатуру старшего ахуна «Большой Казанской мечети» Габделсаттара Сагитова, который в 1788–1808 гг. обучался в Бухаре. Другая группа

---

[1] Свод учреждений и уставов управлений духовными делами... Изд. 1857 г. // СЗРИ. – Т. II. – Ч. 1. – Ст. 1236.

[2] *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа, 1996. – С. 48–49.

в составе трёх ахунов в январе 1825 г. высказала просьбу, чтобы имамы Казанской губернии, выбиравшие заседателей ОМДС, выбрали бы и оренбургского муфтия. Эти предложения не устроили Александра I, который считал, что подбирать кандидатуру и назначать муфтия должна имперская власть. После смерти Габдессаляма Габдрахимова мусульманское духовенство ряда уездов Оренбургской и Казанской губерний ходатайствовало (также безуспешно) перед МВД о назначении муфтием ахуна из Белебеевского уезда[1].

В пореформенный период татарскими купцами стало глубоко осознаваться значение деятельности ОМДС по координации религиозно-обрядовой жизни и консолидации махаллей. По мнению чиновников, МВД (1872 г.) превратилось в «центр тяготения для всего [...] духовенства, обуславливающий как внутреннюю связь между его членами и единство их духа и общего направления, так и связь между духовенством и всем магометанским населением, в котором сам факт существования этого центрального духовного управления упрочивает сознание их племенного и религиозного единства»[2].

Новые явления отчётливо проявились после смерти муфтия Г. Сулейманова. Буквально на следующий день после похорон муфтия Г. Сулейманова татарское общество Уфы обратились к генерал-губернатору Оренбургской и Самарской губерний А. П. Безаку с просьбой об определении на вакантную должность сына умершего муфтия Шарафутдина[3].

Ахун Шарафутдин Сулейманов[4], исполнявший с 1844 г. должность имам-хатиба при соборной мечети Уфы, был осведомлён о депеше генерал-адъютанта А. П. Безака в МВД с сообщением о пожелании татар и направил 1 сентября в столицу свои документы, позволяющие, по его мнению, стать преемником своего отца[5].

Печальное известие о кончине Габдулвахида Сулейманова застало большую группу татарских предпринимателей за подготовкой к открытию ярмарочного сезона на главном «торжище» России – Нижегородской ярмарке. Торговый люд начал совещаться относительно достойного преемника на должность муфтия. 22 августа 1862 г. от имени «почётных гостей, купцов и разных губерний магометан», находящихся на всероссийском «торжище», на имя министра внутренних дел было составлено

---

[1] *Азаматов Д. Д.* Указ. соч. – С. 49, 53.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 206.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 4 об.

[4] Габдулвахид Сулейманов, заботясь о дальнейшей судьбе своего старшего сына, в конце 1860 г. предпринял ряд мер по закреплению должности за ним. Как видно из представленных в Министерство внутренних дел Ш. Сулеймановым документов, 3 декабря 1860 г. духовные лица 24-го башкирского кантона Уфимского уезда Оренбургской губернии составили приговор об утверждении его старшим мухтасибом Оренбургской и Самарской губерний и назвали его заслуживающим должности муфтия, как «хорошо знающего отправление обрядов магометанской веры» и «доверили ему, Сулеймаиому, ходатайствовать перед правительством при открывшейся должности сей вакансии». Такой общественный приговор с идентичным текстом был составлен 1 февраля 1861 г. муллами и муэдзинами Оренбурга и Сеитова Посада. Наконец, его отец 18 февраля 1861 г. просил генерал-губернатора А. П. Безака о предоставлении 6-месячного отпуска для совершения паломничества в Мекку и Медину и о назначении вместо себя на время отсутствия сына Шарафутдина с получением соответствующего жалованья (поездка не состоялась. – *И. З.*).

[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 30–39.

ходатайство о рекомендации имам-хатиба, мударриса и ахуна Стерлитамака Оренбургской губернии Камалетдина Шарафетдиновича Нагаева на высокую вакантную должность. Данный документ даёт представление о существовавшей в тот период своеобразной иерархии среди татарских торговцев на ярмарке. Ими верховодили казанские предприниматели: список лиц, подписавших коллективное ходатайство, «открывается» подписью коммерции советника, потомственного почётного гражданина (п. п. гр.), купца 1-й гильдии Исхака Губайдулловича Юнусова и потомственных почётных граждан, купцов 1-й гильдии Негалима Исхаковича Апанаева и Муртазы Музафаровича Усманова. На этом собрании присутствовал (или подписали по совету вышеназванных авторитетных торговцев) всего 71 предприниматель, в большинстве своём гильдейские купцы из Казани, Томска, Симбирска, Уржума, Малмыжа, Царёвококшайска, Арска, Троицка, Стерлитамака, Касимова и Касимовского уезда Рязанской губернии, Елатьмы, Краснослободска и Краснослободского, Темниковского, Саранского уездов и других мест Пензенской губернии[1].

Лидерство во временной религиозной общине Нижегородского «торжища» Исхака Юнусова подтверждается и тем, что именно он через два дня, 24 августа, во Временном ярмарочном присутствии зарегистрировал данный приговор, придав коллективному волеизъявлению коммерсантов легитимность[2].

Проблемой выбора нового оренбургского муфтия, соответствующего государственным интересам, одновременно стали заниматься и в Петербурге. Министр внутренних дел П. А. Валуев 21 и 24 августа 1862 г. запросил мнения у оренбургского и самарского генерал-губернатора и казанского губернатора относительно кандидатов на эту ответственную должность[3].

Как известно, до назначения муфтием Г. Сулейманов был имам-хатибом гражданской махалли города на Неве. Знакомство с членами царской фамилии сыграло решающую роль во взлёте его духовной карьеры. Видимо, на такую счастливую возможность рассчитывал молодой гражданский имам Санкт-Петербурга тархан (с 1843 г.) Мухаммет-Алим Хантемиров[4], который инициировал составление 31 августа 1862 г. общественного приговора от имени части мусульман города об избрании его на вакантную должность оренбургского муфтия[5].

---

[1] Перечислим некоторых из них: купец 1-й гильдии Мухаметша Утямышев, казанский купец 2-й гильдии Муртаза Мустафин Утямышев Азимов, купцы 1-й гильдии п. п. гр. из Томска Абдулфатих Ниязович Айтыкин, п. п. гр. из Симбирска Сулейман Акчурин, из Малмыжа Исхак Мусевич Утямышев, купцы 2-й гильдии из Казани Галей Апсалямович Усманов, Абдул-Маниф Биккенев, Садик Бурнашев, из Царёвококшайска Алиакбер Алиаскерович Имангулов (купеческий сын), из Арска Умер Хасанович Якупов, Мухаммад Мусич Апанаев, из Касимова Негматулла Файзуллович Мустаев и др. (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 12–15).

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 15.

[3] Там же. – Л. 73.

[4] Мухаммет-Алим родился в 1836 г. в Санкт-Петербурге в семье помощника имама гражданской махалли Мухаммет-Амина Хантемирова. После назначения муллы Г. Сулейманова оренбургским муфтием и отъезда в Уфу в 1840 г. Мухаммет-Амин занял его место. В 1854 г. Мухаммет-Алим получил свидетельство имам-хатиба и стал помощником своего отца. После увольнения его с духовной должности в 1856 г. возглавил гражданскую махаллю Санкт-Петербурга.

[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 41–49 об.

После кончины Г. Сулейманова обязанности оренбургского муфтия по сложившийся традиции стал исполнять старший заседатель ОМДС Тазетдин Максютов[1], уже 9 лет занимавший эту должность. Между тем в начале 1863 г. в Казани должны были состояться выборы новых заседателей Духовного собрания и кандидатов к ним. Оренбургский генерал-губернатор, желая предупредить возможность передачи обязанностей муфтия неизвестному властям избранному новому старшему заседателю, решил сохранить на этой должности проверенного Т. Максютова. Не позднее 12 ноября 1862 г. для согласования данного деликатного вопроса оренбургский губернский прокурор специально приезжал в Духовное собрание и получил согласие членов религиозного управления на назначение Т. Максютова временно исполняющим обязанности муфтия до избрания нового муфтия, что было приведено в исполнение в начале февраля 1863 г.[2]

В условиях разработки и реализации курса либеральных реформ, во главу которых была поставлена идея модернизации России и создания в перспективе правового государства, впервые центральная власть решилась на выработку механизма реализации данного законодательного положения.

Нерасторопность властей по выработке правил избрания нового муфтия стала в 1863 г. восприниматься некоторыми мусульманами как своеобразная тактика правительства по упразднению в ближайшей перспективе должности оренбургского муфтия и, возможно, самого ОМДС. Было очевидно, что сохранение данного института было возможно в случае официального определения на вакантную должность нового лица, что гарантировало прежний порядок управления духовными делами мусульман. В этой связи новое звучание приобретают выборы новых заседателей и кандидатов к ним на новое трёхлетие, состоявшиеся в Казани в начале 1863 г., на которых большинство голосов получил старший мухтасиб и старший мударрис д. Старой Ульбы Казанского уезда Аухадий Искандеров. Он стал старшим заседателем ОМДС. Следует подчеркнуть, и. о. оренбургского муфтия Т. Максютов не был избран на следующий срок заседателем ОМДС, что свидетельствовало о нежелании духовных лиц и торговцев Казанской губернии видеть его на этой должности.

А. Искандеров, уже до этого времени успевший два срока проработать заседателем Духовного собрания, обратился в Оренбургское губернское правление об определении его и. о. муфтия вместо Т. Максютова. На основании предписания генерал-адъютанта А. П. Безака (не позднее 14 мая 1863 г.) начальник Уфимской губернии Г. С. Аксаков 3 июня 1863 г. допустил А. Искандерова к исполнению обязанностей муфтия в качестве старшего заседателя[3].

Вследствие задержки проведения выборов муфтия, вызванного, главным образом, новизной дела и медлительностью местных властей, оренбургский и самарский генерал-губернатор А. П. Безак 25 августа 1863 г. назвал министру внутренних дел

---

[1] Тазетдин Максютов в 1834 г. был избран и определён имамом при мечети д. Кульбаш Казанского уезда. В 1839 г. был избран заседателем в ОМДС. В последующие трёхлетия, в 1842, 1846 и 1851 гг., повторно избирался старшим заседателем религиозного управления и во время отлучек или болезни Г. Сулейманова два раза исполнял его обязанности. За многолетнюю службу на этой должности Т. Максютов в 1854 г. был награждён серебряной медалью на аннинской ленте.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 53–56.

[3] Там же. – Л. 68–70 об., 78.

трёх кандидатов для временного назначения оренбургским муфтием (до избрания нового муфтия). Это – бывший мулла, затем служивший кантонным начальником в Башкирском войске, подполковник Давлетшин, стерлитамакский мулла Камалетдин Нагаев и гвардии ротмистр ходжи Салимгарей Тевкелев[1].

19 марта начальник Томской губернии отправил в столицу общественный приговор предпринимателей-мусульман Петропавловска, составленный 15 января 1864 г., о включении старшего ахуна городской подгорной мечети «из рода князей» Габдельбари Габбасовича Яушева[2] в список кандидатов для баллотирования на должность муфтия.

Судя по обращениям татарских предпринимателей к местной и центральной властям, летом-осенью 1864 г. среди купцов существовала серьёзная обеспокоенность, вызванная бездействием правительства, и возникло опасение о возможности отложения назначения оренбургского муфтия на неопределённый срок. Тревогой за судьбу Духовного собрания пронизаны тексты их ходатайств и личные обращения к местным чиновникам. Собравшись в сезон 1864 г. на Нижегородской ярмарке, татарские торговцы активно обсуждали сложившуюся ситуацию. В начале сентября коммерсанты сочли уместным вновь напомнить правительству о своём первом ходатайстве, подчеркнув, что их кандидат ахун Камалетдин Нагаев по личным качествам и «религиозной жизни» вполне достоин занять высокую духовную должность. Ходатайство подписало узкий круг лиц, главным образом крупнейшие коммерсанты: п. п. гр., купец 1-й гильдии Исхак Юнусов, купец 1-й гильдии Исхак Апанаев (Казань), губернский секретарь Абдулхаким Еникеев, п. п. гр. Хасан Хамзинович Шакиров, Сюкай Еникеев (Темников), п. п. гр., купец 1-й гильдии Мухаметшакир Ахметшахович Утямышев (Малмыж), купец 1-й гильдии Исхак Мусич Утямов (Малмыж), купец Мустафа Мухаметаминович Давыдов (Москва), касимовский мурза Салих Янбаев (Касимов) и ещё один торговец (имя не удалось идентифицировать). В документе имеется также подпись имама ярмарочной мечети Семерхана Соколова и примечание, чтобы ответ прислали в Казань Исхаку Юнусову[3].

Накануне официального закрытия «торжища» с просьбой посодействовать ускорению избрания нового муфтия торговцы обратились к вр. и. о. руководителя нижегородской ярмарки нижегородскому генерал-губернатору Н. А. Огарёву, который отправил 15 сентября министру П. А. Валуеву письмо с поддержкой мнения татарских купцов.

13 ноября генерал-адъютант Н. А. Огарёв представил в МВД новое письмо казанских купцов И. Юнусова и И. Апанаева, составленное 21 октября 1864 г., в котором они напоминали о поданном ими 2 сентября 1862 г. ходатайстве об избрании оренбургского муфтия и просили содействия в ускорении решения вопроса[4].

В октябре 1864 г. во время посещения Уфы генерал-адъютантом А. П. Безаком по служебным делам авторитетные мусульмане города также просили о скорейшем назначении муфтия[5].

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 167.

[2] Г. Г. Яушев из татарских князей, в 1852 г. стал имам-хатибом 2-й мечети в подгорной части Петропавловска, а в 1858 г. был утверждён старшим ахуном Тобольский губернии.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 123–123 об.

[4] Там же. – Л. 171–173.

[5] Там же. – Л. 170.

У населения имелась информация о составлении властями положения о проведении выборов нового оренбургского муфтия[1]. В Казани группа татарских купцов и духовных лиц обратилась к губернатору М. К. Нарышкину о лоббировании в МВД на должность оренбургского муфтия ахуна К. Нагаева. Указывалось, если правительство найдёт нужным проведение выборов, то провести их непременно в Казани как «в центре ОМДС». О своих переговорах с делегацией городской татарской общины М. К. Нарышкин 29 декабря 1864 г. уведомил министра, приложив к своей депеше полученный общественный приговор. В документе первыми расписались братья Ибрагим и Исхак Юнусовы, затем военный мулла Назмутдин Хисмутдинов и восемь гражданских имам-хатибов города, среди которых отсутствует подпись имама 1-й городской мечети Ш. Марджани. Список завершается подписями купцов 1-й гильдии Мустафы Назировича Азимова, Муртазы Азметьева, Исмаила Исхаковича Апанаева, п. п. гр., купца 2-й гильдии Мухамета Мусича Апанаева и п. п. гр. Мухаматгалея Курбангалеевича Яушева[2].

Рассмотренный материал позволяет выделить «почерки» представителей различных групп татарской элиты. Как видно, в этот период купечество только присоединилось к инициативе власти о проведении выборов муфтия. Торгово-предпринимательская элита, пользуясь своими хорошими отношениями с местным губернатором, старалась заручиться его поддержкой, добиваясь сопроводительного письма при отсылке общественного приговора. Коммерсанты успешно использовали Нижегородскую ярмарку, куда приезжала значительная часть татарских предпринимателей, для коллективного волеизъявления представителей своей корпорации и доведения своего мнения правительству.

Духовные лица, как правило, действовали анонимно или подписывали коллективный общественный приговор вслед за купцами. Некоторым представителям духовенства был характерен индивидуализм, организация своего выдвижения местной общиной или её частью на вакантную должность муфтия.

На этом фоне выгодно отличаются действия представителей татарской элиты из числа дворян и чиновников. Для них характерны индивидуальные действия. В част-

---

[1] Об этом, в частности, свидетельствует анонимная записка мулл Оренбургской губернии, поданная министру внутренних дел не позднее начала февраля 1863 г. В ней говорится о необходимости скорейшего назначения нового муфтия, потому что заседатели ОМДС стали «сильнее обирать» приезжих для сдачи экзамена в Уфу кандидатов на духовные должности («испытание становится нам более 60 руб. серебром»). Муллы также выразили свою обеспокоенность выдвижением (по их сведениям. – *И. З.*) в качестве избирателей только кантонных начальников, их помощников, старшин, мирз (дворян) и почётных граждан (читай: купцов), оставлением имамов в стороне от выборов и возможностью избрания муфтием недуховного лица, что налагает им «стыд и горе» (см.: Материалы по истории Татарии... 1936. – С. 166–167). Видимо, под воздействием информации о предстоящих выборах было подано новое ходатайство ахуном Ш. Сулеймановым министру П. А. Валуеву (12 февраля 1863 г.), в котором сообщалось о готовности уступить первенство «достойнейшему, нежели такой найдётся». Стремясь сорвать планы ахуна, его оппоненты летом 1863 г. во время посещения генерал-адъютантом А. П. Безаком Уфы заявили чиновнику о том, что Ш. Сулейманов «мало сведущ в татарском языке». Узнав об этом, Ш. Сулейманов немедленно направил (13 июля 1863 г.) письмо министру внутренних дел Валуеву, доказывая своё превосходное знание турецкого, арабского и персидского языков конкретными текстам (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 67, 79–79 об).

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 174–176.

ности, помещик С. Тевкелев (будущий муфтий) 20 июля 1864 г. обращался к директору ДДДИИ Э. К. Сиверсу по двум вопросам: 1) о дальнейшей судьбе 9-копеечного брачного сбора с мусульман, предназначенного на строительство здания ОМДС (к этому времени здание было уже построено. – *И. З.*); 2) об ускорении проведения выборов нового оренбургского муфтия. Однако тогда его письмо не удостоилось ответа, возможно, «затерялось». По крайней мере, среди архивных дел нам не удалось его обнаружить. Повторно С. Тевкелев обратился в Департамент 6 февраля 1865 г. На это раз он настаивал на выборном начале назначения муфтия и местом проведения выборов назвал Уфу, «около которой централизуется всё мусульманское население Оренбургского края и которая составляет постоянную резиденцию муфтиев»[1]. Двухкратное обращение его в МВД «выдаёт» в нём неравнодушного к духовным делам единоверцев отставного офицера.

Заслуживает внимания поступок потомственного дворянина коллежского советника Шагиахмета Алкина, решившего сделать данный вопрос объектом публичного обсуждения на страницах периодической печати[2]. Он решил воспользоваться царившей в стране демократической атмосферой периода либеральных реформ и в январе 1865 г. обратился с письмом к своему бывшему непосредственному начальнику, казанскому полицмейстеру (1840-е гг.), который, выйдя в отставку, перебрался в Санкт-Петербург. Ш. Алкин просил его передать рукопись статьи «Муфтий Оренбургского края» в редакцию столичной газеты «Северная пчела».

Из письма[3] становится ясно, что автор знал об обращении министра внутренних дел к начальникам ряда губерний о представлении предложений о порядке

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 181–182.

[2] Ш. Марджани писал, что Ш. Алкин, когда был грозным помощником полицмейстера, оставался справедливым и богобоязненным человеком: находясь на казённой службе, не пропускал пятивременные намазы (см. *Мәржани Ш.* Мөстафадел-әхбар фи ахвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). – Казан, 1989. – 223 б.). Бывший частный пристав (1833–1846), помощник полицмейстера Казани (1846–1859) в отставке прекрасно знал специфику работы имперского бюрократического аппарата, видимо, опасался, что его обращение в Министерство внутренних дел «затеряется», будет проигнорировано. Чиновник николаевской эпохи глубоко понимал, что назначение оренбургского муфтия имеет политическую окраску и небезосновательно опасался, что его обращение по разным причинам может быть не опубликовано.

[3] В начале текста даётся краткое пояснение о должности оренбургского муфтия: «Значение муфтия весьма важно для магометанского населения всех сословий. Муфтий – не только глава многочисленного магометанского духовенства. Самое высшее духовное лицо, он вместе с тем председатель Духовного собрания, в котором решаются все дела магометанской религии и соединённые с ними брачные дела, а также гражданские дела, заключающие в себе важный имущественный интерес, как дела о спорах по завещаниям и разделе наследств, достающихся по закону. Следовательно, выбор лица достойного, удовлетворяющего требованиям религии магометан и условиям гражданским – в существенном интересе всех сословий магометанского населения. Оренбургскому муфтию и тамошнему духовенству подчинено магометанское население одиннадцати губерний в числе 1 766 640 душ по исчислению академического календаря в 1864 г. Между тем со смертью в 1862 г. муфтия Сулейманова, важный пост этот до сих пор остаётся незамещённым». В примечании к тексту добавляет: «Сулейманов, пробыв оренбургским муфтием 20 лет, был мало полезен правительству и не оставил о себе никакой памяти в народе».

избрания оренбургского муфтия. Своё решение начать публичное обсуждение затянувшегося вопроса, надеясь привлечь к разговору и своих единоверцев, «которые молчат, может быть, потому, что вообще не привыкли к печатному слову», Ш. Алкин объясняет тем, что он, как мусульманин, не может оставаться в стороне при возникшей ситуации. Хорошее знание положения дел у единоверцев в разных губерниях европейской части России даёт ему право высказать собственную точку зрения по проблеме выбора нового председателя ОМДС. «Правительство, с целью узнать истину, само часто обращается путём печати к общественному мнению и к голосу людей, знакомых с делом, и мы не считаем себя вправе молчать, так как дело касается единоверцев наших и, может быть, наш голос будет небесполезным при решении вопроса о выборе оренбургского муфтия», – отмечает Ш. Алкин[1].

Ш. Алкин выступает за проведение выборов муфтия в Уфе, так как здесь располагается ОМДС и именно из числа представителей татарских дворян Оренбургской губернии, занимающих духовную должность, нужно избрать будущего муфтия. Дворянину, хорошо знающему ислам и правила веры, по его убеждению, будут не чужды и интересы правительства, и мусульманского населения.

По его мнению, список «достойных, вполне заслуживающих общественного доверия», лиц от каждого сословия должно утвердить местное начальство и обеспечить депутатов надлежащим документом. Автор смотрит в корень проблемы, зная о существовании у государственных мужей опасения относительно возможности возникновении «нестандартной ситуации» на общемусульманском съезде. Утверждение списка доверенных мусульман местными властями, по его мнению, должно было решить эту проблему.

Депутаты из числа купцов, дворян и часть духовных лиц прибывали в Уфу на свои средства, а волостные старшины из крестьян – за счёт экстраординарных сумм, которые затем возмещались из капитала брачных сумм ОМДС. Причём в определённый властями день выборы считались состоявшимися независимо от того, сколько депутатов в них участвовало. Автор специально обходит вопрос о кандидатах на должность муфтия: для него первостепенное значение имеет проведение выборов и сохранение самой должности председателя Духовного собрания.

С учётом численности проживающих в 11 губерниях мусульман различных сословий, Ш. Алкин составил квоту депутатам от каждой социальной группы, решительно отказываясь от идеи возможности участия в избрании муфтия исключительно духовных лиц. При этом он вполне основательно ссылается на процедуру выбора муфтия Таврического магометанского духовного правления, в котором, согласно действующему законодательству, участвовали различные социальные слои крымско-татарского населения. В выборах в Уфе должны были участвовать представители четырёх социально-сословных групп: дворяне, купцы, духовные лица и крестьяне (волостные старшины). Его предложения о численности депутатов от каждой социальной группы мусульман для наглядности мы оформили в таблицу.

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 178.

Таблица № 9

Квоты депутатов от различных социальных групп мусульман 11 губерний для избрания оренбургского муфтия (проект Ш. Алкина)

№	Губернии	Дворяне	Купцы	Духовенство	Волостные старшины	Итого
1	Казанская	2	10	15	20	47
2	Оренбургская	25	5	–	15	45
3	Самарская	3	5	10	10	28
4	Вятская	3	3	3	3	12
5	Пермская	3	3	3	3	12
6	Тобольская	3	5	5	5	18
7	Нижегородская	–	2	2	2	6
8	Симбирская	2	5	3	5	15
9	Рязанская	2	3	3	2	10
10	Саратовская	2	2	3	2	9
11	Астраханская	3	3	3	3	12
	Всего	48	46	50	60	214
	Всего в %	22,4	21,5	23,4	32,7	100

Как видно из таблицы, автор действительно учёл численность всего населения в губерниях, об этом свидетельствуют графы «духовные лица» и «волостные старшины»: именно в Оренбургском, Казанском и Самарской губерниях компактно расселялись значительные по численности группы мусульман. Среди купцов наибольшее количество мест (10 чел.) выделены татарам Казанской губернии, а по многочисленности депутатов-дворян (25 чел.) резко выделяется Оренбургская губерния.

По другим губерниям в основу распределения квоты выборных лиц автор взял «средние цифры» – 2, 3 и 5 чел. Эти нормативы далеко не полностью отражают реальную численность представителей различных социальных групп, а скорее должны были свидетельствовать об участии мусульман этих регионов в избрании нового муфтия, об общероссийском характере, масштабе выборов. Следует подчеркнуть, что в силу малочисленности среди татар и башкир дворян и гильдейских купцов квоты привилегированных сословий являются явно завышенными и отражают позицию Ш. Алкина об активном привлечении их представителей на выборы. Для решения организационных вопросов предлагалось за четыре месяца до выборов опубликовать объявление об этом в газете «Московские губернские ведомости».

Таким образом, проект Ш. Алкина представляет адаптированный к российским реалиям вариант проведения выборов – «избранные местной администрацией депутаты из своей среды избирают духовного главу».

Видимо, известное изречение о том, что не бывает бывших полицейских, сформировалось на основании реальных фактов. И в данном случае бывший казанский

полицмейстер вместо того, чтобы отнести статью своего бывшего сослуживца, доверившего ему столь ответственное дело, в редакцию газеты, переправил её почтой 18 января 1865 г. директору ДДДИИ Э. К. Сиверсу для рассмотрения возможности опубликования. В результате статья Ш. Алкина оказалась подшитой к одному из архивных дел департамента.

Таким образом, в 1864–1865 гг. впервые во главу угла реформирования ОМДС представители татарских элит поставили демократический, шариатский принцип выборности муфтия мусульманским сообществом, как главы мусульманской общины, уммы округа ОМДС (амир аль-муминин).

Генерал-адъютант А. П. Безак в своём отношении в МВД от 31 августа 1864 г. высказывался за сохранение сложившейся практики назначения муфтия российской властью. По его мнению, между депутатами, избранными в разных губерниях, при их различных интересах, отсутствии единого намерения «не может состояться правильного соглашения по этому предмету, и есть полный повод полагать, что выборами при таком порядке стали бы руководить интриги и происки. Посему избрание могло бы упасть на лиц, нисколько не заслуживающих доверия правительства и не служащих представителями интересов всего магометанского сословия, почему-либо успевших склонить в свою пользу большинство голосов». Вторым аргументом были указаны интересы «местного управления», которые могли пострадать[1]. В этот период генерал-адъютант озабочен успешным проведением административно-сословной реформы по переводу башкир, мещеряков и тептярей Приуралья из военно-служилого сословия в разряд свободных сельских обывателей с сохранением их прав на вотчинное владение земельными угодьями. Администрация была внутренне готова к разному рода эксцессам, опасалась выступлений протеста мусульманского населения. В данной ситуации проведение Всероссийского съезда мусульманских депутатов в Уфе оказывалось для местных властей весьма некстати.

Несмотря на особое мнение генерал-губернатора А. П. Безака, на основании полученных предложений от начальников Казанской, Оренбургской и Самарской губерний М. К. Нарышкина, Г. С. Аксакова и Н. П. Мансурова и ряда других должностных лиц сотрудниками департамента не позднее 5 ноября 1864 г. был составлен порядок проведения выборов оренбургского муфтия в Уфе с участием представителей мусульман из разных губерний.

Данный проект так и не был передан в Комитет министров. Причина этого, на наш взгляд, заключается в резолюции министра внутренних дел П. А. Валуева, записанного на полях документа: «Из Уфы кандидаты вынесли бы солидарность и общие идеи и направления в свои местные общества, а это правительство должно именно избегать такого сближения магометанск[ого] населения разных местностей [...] а посему несравненно лучше ограничить избрание указанием кандидатов отдельными местностями с тем, из всего числа кандидатов правительство имело бы возможность назначить одного по своему усмотрению»[2]. Как видно, умозаключения министра внутренних дел совпало с мнением оренбургского и самарского генерал-губернатора А. П. Безака.

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 601. – Л. 121 об. – 122.

[2] Материалы по истории Татарии ... – С. 180.

Поэтому министр внутренних дел П. А. Валуев вернулся к депеше А. П. Безака от 25 августа 1863 г., в котором были названы кандидаты для временного исполнения обязанностей оренбургского муфтия. Наиболее соответствующим интересам российского правительства и удобным из их числа министром был признан гвардии ротмистр в отставке потомственный дворянин С. Тевкелев, совершивший хадж, но не имевший религиозного образования. В начале апреля 1865 г. С. Тевкелев дал своё согласие на занятие вакантной должности и 24 апреля был «высочайше» назначен оренбургским муфтием.

Таким образом, в период либеральных реформ в сфере управления духовными делами мусульман европейской части России и Сибири было продолжено делегирование власти по модели «самодержец – личный агент». Причём впервые была распространена практика назначения в правительственное учреждение, курирующее духовные дела подданных, недуховного лица, которая была введена ещё Петром I в отношении Синода: председателем коллегиального религиозного управления мусульман, оренбургским муфтием был определён С. Тевкелев, благонадёжный в политическом отношении, но не имеющий духовного звания. Важно подчеркнуть, что председателем Духовного собрания впервые был назначен потомственный дворянин, представитель привилегированного сословия, являющегося социальной опорой самодержавия.

Мнения представителей татарских элит о порядке выбора оренбургского муфтия и кандидатов на эту должность были проигнорированы центральными властями. Правительство, нацеленное на формирование основ правового государства, проигнорировало действующее законодательство, даже не сочтя необходимым внести в него соответствующие изменения. Рассмотренный нами случай даёт основание говорить о существовании двойного стандарта в реализации либеральных реформ в сфере национального (религиозного) вопроса в Российской империи.

Наиболее организованной корпорацией, последовательно транслирующей свои намерения власти, проявили себя татарские предприниматели. Индивидуальная и совместная коммерческая деятельность на огромных территориях, многолетние связи, тесное общение на ежегодных ярмарках (Нижегородская, Ирбитская и др.) сформировали устойчивую группу новой элиты, которая, используя возможности совместного общения, стремилась выработать единую позицию. Следует отметить, что купцы выступали как самодостаточная социальная сила и не привлекали в петиционное мероприятие представителей других социальных групп, уверенные в том, что их точка зрения является главной и олицетворяет собой мнение всех мусульман. Иначе говоря, они считали себя элитой и ведущей, самой влиятельной силой в мусульманском сообществе. Лишь во время составления общественных приговоров от имени жителей отдельных городов купцы приглашали к совместному волеизъявлению местных духовных лиц.

Большое влияние на торговцев Среднего Поволжья имели в этот период казанские коммерческие советники Ибрагим и Исхак Юнусовы, они возглавляли петиционные инициативы на Нижегородской ярмарке и в Казани.

Инициатива татарского населения Петропавловска по выдвижению своего кандидата ахуна Г. Яушева на должность муфтия свидетельствует о слабом влиянии казанских торговцев на юго-востоке России и существовании в регионах, отдалённых от Казани, сильных региональных групп предпринимателей. При этом нужно

отметить, что ходатайство о выдвижении ахуна Г. Яушева на должность муфтия было составлено не на Ирбитской ярмарке, а лишь татарским населением Петропавловска, что свидетельствует, скорее, о существовании среди татарских коммерсантов, выработанной ещё на Нижегородской ярмарке, общей линии поведения относительно кандидата на эту вакантную высокую должность. Характерной чертой действий данной группы национальной элиты явилось также успешное сотрудничество с представителями коронной администрации в лице местных губернаторов.

Наиболее замкнутой и безынициативной социально-общественной группой в плане консолидации проявили себя в этот решающий момент татарские религиозные деятели. Несмотря на существование центрального религиозного управления, отсутствовала система иерархического управления в регионах или связи между духовными лицами были слабыми. Не проявили себя и не использовали свои налаженные связи в местностях ахуны, что свидетельствует, скорее, о слабости их позиции среди духовных лиц и существовании модели взаимоотношений религиозного управления с мусульманским духовенством по схеме «ОМДС – уездное полицейское управление – приходское духовенство».

На активность духовных лиц, безусловно, повлияли их замкнутость, незнание или слабое знание государственного языка и общественных отношений в государстве, средневековые представления о наказуемости инициативы. В то же время следует отметить, что духовные лица чётко осознавали свою корпоративную самобытность, считая своим исключительным правом выборы нового оренбургского муфтия. Пассивность духовенства в таком крупном мусульманском центре как Казань скорее объясняется зависимостью городских религиозных деятелей в материальном плане от торговцев. А авторитетная группа духовных лиц из близлежащей округи Оренбурга побоялась поставить свои подписи в письме министру внутренних дел.

Среди религиозных деятелей выделяется фигура ахуна Петропавловска Г. Яушева, сумевшего мобилизовать местных купцов для выдвижения своей кандидатуры.

Имам гражданской махалли Санкт-Петебурга Махаммет-Алим Хантемиров также грамотно организовал подачу общественного приговора от имени части местной общины, надеясь на везение.

Практически не проявили себя в этот период дворяне. Как было рассмотрено, и С. Тевкелев, и Ш. Алкин, проявившие интерес к выборам муфтия, находились в отставке. Опосредственно можно говорить о том, что, возможно, дворяне Оренбургского края имели определённое отношение к появлению в списке кандидатов на должность муфтия генерал-адъютанта А. П. Безака (1863 г.) бывшего муллы, затем служившего кантонным начальником в Башкирском войске подполковника Давлетшина.

В то же время необходимо подчеркнуть, что проект потомственного дворянина Ш. Алкина был наиболее подготовленным, адекватно учитывал сложившуюся ситуацию и был нацелен на разрешение проблемы с проведением выборов муфтия, тогда как купцы и духовные лица ограничивались выдвижением своих кандидатур, полностью делегируя выработку механизма проведения выборов в компетенцию властей, что лишний раз демонстрирует их слабую юридическую подготовку и неумение максимально использовать предоставленные законодательством и российским обществом возможности на этом поприще.

Вопросы, связанные с выбором оренбургского муфтия, в силу знаковости фигуры председателя Духовного собрания, признаваемого мусульманским сообществом центральным институтом по курированию религиозно-обрядовой жизни, вызвали отклик и инициативы представителей национальных элит. В пореформенный период с развитием капиталистических отношений и усилением модернизационных процессов в стране в разной степени проявились отношение представителей трёх национальных элит к происходящим изменениям в жизни мусульман и их влияние на обновленческие процессы в татарском сообществе.

Проект муфтия С. Тевкелева по реформированию ОМДС 1867 г.

При учреждении в 1788 г. Духовного собрания магометанского закона правительство Екатерины II ограничилось определением его главного предназначения (проведение испытаний кандидатов на духовные должности) и утверждением его состава под председательством ахуна Мухамеджана Хусаинова и 2–3 мулл из числа казанских татар. Постепенно происходило расширение полномочий Духовного собрания. Однако в «Своде законов Российской империи» от 1832 г. и последующих его изданиях 1836, 1842 гг. устав ОМДС отсутствовал. Учредительный документ появился лишь в 1857 г. в новом издании «Свода законов Российской империи». Получается, что после учреждения в 1788 г. формирование Духовного собрания как правительственного учреждения с определёнными правами и обязанностями завершилось лишь в середине XIX в., спустя шестьдесят с лишним лет!

Между тем устав Таврического магометанского духовного правления (ТМДП)[1] был разработан раньше. В «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах» от 29 декабря 1831 г. высокопоставленные чиновники включили все изданные до этого времени императорские указы, касающиеся российских мусульман, а не только об исламских институтах в Крыму. Поэтому «Положение» 1831 г. можно уверенно назвать первым опытом составления свода законов, регламентирующего жизнедеятельность исламских религиозных институтов в Российской империи. В «Своде законов Российской империи» 1857 г. это положение путём систематизации и дополнения новыми статьями было изложено в виде устава ТМДП. В результате документ получился компактным и ёмким, число статей уменьшилось на треть (с 98 до 63).

Многие статьи положения «перекочевали» также в устав ОМДС[2]. Между тем условия существования религиозных институтов в Таврической губернии и округе Духовного собрания существенно отличались. В Таврической губернии они восходили к традициям Крымского ханства, сохранённые практически без изменений после аннексии Россией в 1783 г. мусульманского государства. Поэтому забытые по каким-то обстоятельством и не включённые в положение 1831 г. аспекты

---

[1] Официальное название «Об управлении духовенства, принадлежащего к округу Таврического магометанского духовного правления».

[2] Официальное название «Об управлении духовенства, принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания».

функционирования исламских институтов подменялись сложившейся традицией: манифестом от 8 апреля 1783 г. российской властью мусульманам было обещано «содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица (имеются в виду духовные лица. – *И. З.*), храмы и природную веру, коей свободно»[1]. А в округе ОМДС по каждому случаю институализации отдельных аспектов жизнедеятельности мусульман требовалось издание соответствующего законодательного акта.

В то же время составление устава Духовного собрания как производного от положения 1831 г. имело и свои положительные моменты, потому что в 1857 г. на него были механически распространены ряд положений, по которым специальных указов относительно округа ОМДС не было принято. В основе такого подхода составителей устава лежало стремление систематизировать и унифицировать управление духовными делами мусульман-суннитов.

Несмотря на все достоинства устава Духовного собрания 1857 г. в него не были введены ряд новых законоположений, в той или иной мере уточняющих различные стороны существования мусульманского населения, вызванные объективными жизненными обстоятельствами или принятые по инициативе российского правительства в 1-й половине XIX в. Эти нововведения фиксировались в соответствующих нормативно-правовых документах (уставах, положениях и др.). В условиях отсутствия стремления комплексно и системно решать накопленные проблемы, локальные законодательные акты не позволяли создать систему управления духовными делами мусульман, отвечающую современным требованиям.

Выработка определённых правил и принятие мер в самом ОМДС по улучшению делопроизводства или управление духовными делами тормозились вследствие целого комплекса причин, среди которых необходимо указать невысокое жалованье сотрудников, не позволяющее руководству привлекать наиболее квалифицированных специалистов, ограниченность штатов, постоянно увеличивающий объём делопроизводства. Наконец, кроме объективных факторов, во многом обусловленных статусом ислама в России как нехристианской религии, назначение муфтием, председателем религиозного управления духовных лиц, получивших образование в схоластических медресе, и отсутствие у них до этого времени практики работы в государственных учреждениях и незнание особенностей российской бюрократической системы также сказывались в отстаивании интересов мусульманского общества перед властями.

Назначение муфтием в 1865 г. отставного офицера, воспитанника российской военной школы, потомственного дворянина помещика С. Тевкелева, не имевшего религиозного образования, неоднозначно было воспринято мусульманским сообществом. В целом, в записках современников и отечественной историографии сложилась о нём негативная оценка, как об императорском ставленнике. Следует отметить, что при всей своей преданности самодержавию, в действительности С. Тевкелев оказался «чужим среди своих»: недоверчивое отношение власти к мусульманам, исповедующих нехристианскую религию, в той или иной степени проецировалось и на председателя ОМДС. С учётом оценок современников, принадлежащих к различным культурологическим и идеологическим ориентациям, и перефразируя

---

[1] *Арапов Д. Ю.* Документы об управлении мусульман Тавриды в конце XVIII – начале XIX в. // Сборник Русского исторического общества. – М., 2003. – № 7 (155). – С. 91.

вышеназванное изречение, точнее будет сказать, что муфтий С. Тевкелев оказался чужим и среди своих, и среди чужих. Известный казанский миссионер Н. И. Ильминский сообщал в своём письме от 10 февраля 1884 г. обер-прокурору Синода П. Д. Победоносцеву: «Теперешний муфтий Тевкелев, хотя отчасти и фанатик, но старого времени степной, русско-татарский помещик, внешне отшлифованный, а образования, и русского и татарского, недалёкого, – он не может усвоить и полюбить новейшие прогрессивные идеи, да и стар он и дрях. До него муфтием просто были татары, даже без русской отшлифовки и без магометанской науки: какой-нибудь петербургский разносчик втирался в военные муллы, и потом при покровительстве департаментских чиновников, попадал в муфтии[1]»[2].

В своём биобиблиографическом своде «Асар» Р. Фахреддин, который в 1891–1906 гг. состоял заседателем ОМДС, писал, что в члены Духовного собрания «из числа духовенства Казанской губернии избирались безграмотные по религиозным вопросам авторитетные духовные лица, которые не знали порядка рассмотрения (религиозных. – *И. З.)* дел, не отличали правое от левого». Поэтому муфтий С. Тевкелев оказался в безвыходном положении, «в положении бездействия», заложником этой ситуации.

Как известно, С. Тевкелев согласился занять должность оренбургского муфтия по настоянию власти. Бывший гвардейский офицер в отставке, кажется, искренне верил в заботливое и справедливое отношение государства к мусульманам, на восприятие своих единоверцев равноценными подданными, наряду с русскими, империи. Однако многие его начинания не нашли поддержку в верхах, или под воздействием (предлогом) внешних факторов принятые к обсуждению вопросы российскими чиновниками были положены под сукно и, как бывает часто в жизни, вскоре забыты. В этой связи приобретают новый смысл слова Ш. Марджани о С. Тевкелеве: «Человек богатый, высокого звания, умеющий своей речью в разговоре пленить слушателя, обладающий хорошим пером, мог бы сделать очень много хорошего, однако не получилось...»[3]

Результатом изучения С. Тевкелевым состояния дел в религиозном управлении мусульман в России, консультаций по улучшению управления духовными делами стал новый устав религиозного учреждения. С. Тевкелев назвал этот документ «Уставом управления духовными делами магометан» (округа ОМДС. – *И. З.)*. Проект, безусловно, является коллективным трудом сотрудников и заседателей религиозного управления, а также, возможно, привлечённых муфтием юристов (в штате ОМДС должность юриста отсутствовала. – *И. З.)*.

В 1867 г. проект устава, состоящий из 65 статей, был представлен на рассмотрение МВД.

Задавшись целью регламентировать правое положение мусульман, духовенства, попечителей, мечетей, школ и Духовного собрания, С. Тевкелев излагает своё видение их статуса. Его проект составлен на синтезе правил ислама и российского за-

---

[1] Ильминский так с сарказмом пишет о муфтии Габдулвахите Сулейманове.

[2] Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву. – Казань, 1895. – С. 64.

[3] *Мәржани Ш.* Мөстафадел-әхбар фи ахвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 217 б.

конодательства, а также традиций институализации исламских институтов в округе ТМДП и частично христианских религиозных институтов в Российской империи.

Помимо закрепления в документе части статей устава ОМДС 1857 г., муфтий дополняет свой проект новыми положениями, направленными на повышение и уточнение правового положения исламских институтов в Российской империи. Новыми являются следующие разделы: «О правах магометан по вероисповеданию», «О мечетях» (читай: и о махаллях. – *И. З.)*, «О назначении и предметах обязанностей ахунов», «О преимуществах лиц, состоящих при мечети», «О преимуществах членов Магометанского собрания и канцелярии оного», «О подсудности членов Собрания и духовных лиц в делах уголовных»[1].

В первом разделе проекта декларируется ряд важных положений, связанных с реализацией религиозных и социальных прав мусульман и духовных лиц. Прежде всего со ссылкой на действующее законодательство объявляется о праве мусульман совершать общественную молитву везде. «Никто не имеет права, – пишет С. Тевкелев, – препятствовать мусульманам в этом ни словом, ни делом (ст. 1.). При этом он ссылается на ст. 2 «Свода учреждений управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных» от 1857 г.[2]

Оренбургским муфтием объявляется о запрете различных сект среди мусульман-суннитов, предлагается новый механизм, позволяющий единоверцам, независимо от численности прихожан, иметь молитвенное помещение для общественных богослужений. Ключевое значение же в определении статуса мусульманских духовных лиц имеет ст. 7, согласно которой они объявляются лично свободными от всех повинностей и лишь в случае увольнения от должности за проступки вновь становятся представителями того сословия, из которого «вышли». Очевидно, что это положение заимствовано из устава ТМДП и противоречит действующему законодательству. Одновременно констатируется о содержании мечетей и молитвенных домов за счёт добровольных пожертвований прихожан и других благотворителей (ст. 8).

В разделе «О мечетях», по сути, регламентированы многие аспекты жизнедеятельности махалли: порядок выборов и назначения духовных лиц, постройки новых мечетей и другие вопросы, закреплённые в действующем уставе ОМДС, а также условия возложения на муэдзинов обязанностей муллы. Здесь важно подчеркнуть, что новым институтом в каждой махалле объявляется должность назыра (попечителя мечети и конфессиональной школы), избираемого общиной сроком на три года.

В уставе были впервые системно и последовательно прописаны права и обязанности приходского духовенства. Имамы, помимо совершения в мечетях общественной молитвы, должны были разъяснять прихожанам основы ислама, наставлять о соблюдении правил мусульманского образа жизни, поощрять добрые поступки, обеспечивать сохранение между ними добрососедских отношений, своим авторитетом и словом пастыря прекращать возникающие мелкие ссоры, наставлять на со-

---

[1] В действующем уставе ОМДС имелись всего пять глав, а проект С. Тевкелева состоит из десяти разделов.

[2] «В Российской империи свобода веры присваивается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, и магометанам, и язычникам» (Свод учреждений и уставов управлений духовными делами... Изд. 1857 г. – Ст. 2).

хранение имущества сирот, воспитывать прихожан в духе уважения и соблюдения государственных законов, добросовестно исполнять обязанности по совершению религиозных ритуалов бракосочетания, развода, наречения имени, погребения, разделов имущества, наблюдать за обязательным исполнением обряда обрезания, в установленном порядке вести метрические книги, преподавать правила веры и наблюдать за внутренним распорядком в мектебе и др.

В обязанность муэдзина, кроме своевременного призыва прихожан на молитву и исполнения поручений муллы по делам веры, входили «сохранение и наблюдение» за чистотой молитвенных зданий, их отопление, исполнение обязанностей помощника преподавателя-имама при местном мектебе[1].

При совершении обрядов бракосочетания духовные лица должны были руководствоваться законом от 1 марта 1835 г. о достижении женихом 18 и невестою 16 лет[2], а также положением о совершении данного акта исключительно местным приходским муллой. Несколько совершенствовав и дополнив правила о браках и разводах, изданных муфтием Сулеймановым (29 января 1841 г.)[3], С. Тевкелев представил его как приложение к ст. 16.

При погребении умерших мусульман также признавалось верховенство российского закона: погребение умерших совершается не раньше трёх дней после смерти. В случае же скоропостижной или насильственной смерти, погребение производится после осмотра и с разрешения полиции.

Собрание, со своей стороны, отслеживало, чтобы муллы и ахуны не обременяли прихожан вымогательствами за «требы» и одновременно заботилось о средствах мечетей и о выделении (по возможности) из вакуфов средств на содержание приходских духовных лиц. Это означало институализацию вакуфов, которые не признавались в общеимперском правовом пространстве. Вакуфы записывались в специальную книгу религиозного управления, в котором фиксировались принадлежность их определённой мечети, размер дохода и статьи расходов, согласно решению жертвователя (ст. 52, примечание).

С учётом практики управления вакуфами в Таврической губернии предусматривалась возможность продажи с аукциона убыточных вакуфов с целью приобретения более выгодного на аналогичную сумму.

Новым словом стало определение С. Тевкелевым мер поощрения для духовных лиц, в основе которого лежало рассмотрение их как государственных служащих с учётом духовного звания. Так, мулла, добросовестно исполнявший свои обязанности в течение 15 лет, награждался по представлению Духовного собрания серебряной медалью «За усердие» в петлице; а «беспорочно» прослужившие 25 лет – золотой

---

[1] Упущениями С. Тевкелева следует признать скомканное изложение правил о порядке избрания духовных лиц. Автор также указал численность причта при джами (соборной) и пятивременной мечетях, не уточнил духовное звание лица при молитвенном доме, возрастной ценз для желающих занять духовные должности. Все эти моменты уже были определены российским законодательством.

[2] С. Тевкелев несколько смягчает это положение, указав в примечании в ст. 16, что при недостижении женихом и невестою полугода до означенного возраста, бракосочетание может быть совершено муллою, если он признает это нужным по семейному положению молодых.

[3] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений... 1836–1903 гг. – С. 5–8.

медалью. За аналогичные сроки службы муэдзин поощрялся соответственно бронзовой и серебряной медалями «За усердие».

Новым религиозным институтом окружного, регионального масштаба, занимающим промежуточное положение между приходским духовными лицами и религиозным управлением, были заявлены ахуны. В условиях роста численности махаллей и духовных лиц именно с этим институтом, представляющим религиозное управление на местах, С. Тевкелев связывал возможность повышения эффективности управления духовными делами. На ахунов возлагалось производство расследований по правонарушениям духовенства и назыров, они также заботились о мектебе, медресе и благотворительных учреждениях.

Нужно отметить, что по уставу ОМДС 1857 г. ахуны признавались высшими духовными лицами[1], хотя их статус, права и обязанности не были регламентированы. В середине XIX в., благодаря целенаправленной деятельности предшественников С. Тевкелева, в округе ОМДС стали складываться контуры новой системы, в которой ахуны, определённые из числа авторитетных мулл, по поручению религиозного управления на местах расследовали спорные дела между духовными лицами и их правонарушения, как правило, представляли перед местными властями духовных лиц. Однако эти моменты не были прописаны в уставе. С. Тевкелев предпринял попытку законодательного закрепления сложившейся традиции, дополнив её несколькими существенными положениями.

Окружные ахуны избирались из числа наиболее добросовестных духовных лиц и утверждались в должностях по представлению муфтия местным губернатором. В свою очередь, ОМДС заводило собственный список лиц, достойных занятия должности ахуна, из числа наиболее авторитетных имамов. Должности ахунов в Уфимской, Оренбургской, Казанской, Самарской губерниях, в которых мусульманское население проживало компактными и большими группами, учреждались из расчёта 1 чел. на 25–100 махаллей, в других регионах определялось Духовным собранием с учётом реальной потребности.

Правительственные поощрения назначались с учётом их высокого статуса: прослужившие без нареканий в течение 10 лет награждались серебряной или золотой медалью на аннинской ленте для ношения на груди, 15 лет – личным тарханством, 25 лет – потомственным тарханством, а также индивидуально могли получать другие правительственные награды.

За добросовестное исполнение своих обязанностей участковые ахуны и «заслуженные муллы» удостаивались Духовным собранием звания почётного ахуна. Лица, имеющие это почётное звание, получали право участия на заседаниях религиозного управления наравне с его членами, ревизировать мектебе и медресе с правом поощрения преподавателей и шакирдов и ходатайства перед Духовным собранием и местной администраций о награждении отдельных духовных лиц и учителей. Почётные ахуны, в свою очередь, за особые заслуги по представлению оренбургского муфтия могли рассчитывать и на более высокие правительственные награды, чем участковые ахуны.

4 из 10 разделов устава посвящены регламентации деятельности Духовного собрания.

---

[1] Свод учреждений и уставов управлений духовными делами... Изд. 1857 г. – Ст. 1228.

Внимательно изучив устав ОМДС, где декларировалась выборность оренбургского муфтия, и хорошо зная позицию центральной власти к данной проблеме, С. Тевкелев предлагал назначать муфтия «высочайшим» указом по представлению МВД, а его помощника – «высочайшим» указом по представлению муфтия министру внутренних дел (ст. 34). Порядок избрания оренбургского муфтия депутатами, избранными мусульманскими обществами разных губерний и областей, С. Тевкелев называет более современным, более соответствующим видам «правительства просвещённой державы» и религиозным интересам мусульман. Он был уверен, что будущее за выборным назначением муфтия. Главное препятствие к его реализации С. Тевкелев видел в опасности возникновения непредвиденной ситуации на общем съезде выборщиков, когда соберутся незнакомые депутаты из разных губерний и областей, не имеющие доверия друг к другу. Поэтому, взвесив все «за» и «против» в данной конкретной ситуации, он посчитал, что «можно почти безошибочно подать голос в пользу порядка назначения муфтия по определению правительства». С. Тевкелев заявляет, что звание муфтия должно быть пожизненным и увольнение от этой должности может произойти исключительно по решению судебных властей.

На случай, когда выборы муфтия станут возможными, им предлагается следующий порядок проведения данной процедуры. По полученной от ОМДС повестке и на основании распоряжения ДДДИИ мусульмане каждой губернии, области, города, уезда выбирают депутатов согласно установленной правительством квоты. Депутаты с доверительными приговорами за счёт средств местных обществ приезжают на съезд выборщиков в Уфу в ОМДС, где путём тайного голосования в присутствии начальника губернии, который является председателем данного собрания, избирают трёх кандидатов. На основании полученного из ОМДС списка, МВД выбирает одного, самого достойного, и подаёт его на «высочайшее» утверждение. На этом же съезде тайным голосованием избирается его помощник, который является первым кандидатом на должность председателя собрания в случае его отъезда или недееспособности.

По мнению С. Тевкелева, в будущем должность муфтия (и его помощника) могли занимать не только духовные лица, но «и другие достойные из мурз и дворян лица, не имеющие духовного звания».

В рассматриваемое время избрание членов собрания являлось прерогативой имамов Казанской губернии. Поэтому положение об избрании заседателей ОМДС из числа участковых ахунов и «заслуженных мулл» духовенством всех регионов округа было новым словом. Предлагалось утвердить определённую очерёдность в выборной процедуре между духовенством отдельных губерний и областей. Протокол выборов с именем избранного единственного кандидата в заседатели направлялся в Уфу. Выбрав из их числа трёх кандидатов, муфтий представлял их на утверждение в ДДДИИ. Для обеспечения преемственности в рассмотрении дел в религиозном управлении при смене состава членов ОМДС муфтий имел право оставлять одного из них на более продолжительный срок службы.

Во время болезни или отсутствия председателя собрания его обязанности возлагались на помощника, а при болезни последнего – на одного из заседателей или почётных ахунов.

Как следует из проекта устава, предполагалось поставить на качественно новый уровень проведение экзаменов для желающих занять должности муэдзина, имам-хатиба, а также на должности мударриса (преподавателя медресе) и мугаллима (учителя начальной школы-мектебе). Для каждого из них утверждалась отдельная программа испытаний. С целью создания условий для подготовки к экзаменам в здании Духовного собрания создавалась библиотека с книжным фондом. Если до этого времени по итогам одного испытания в выдаваемое свидетельство записывалось и духовное звание, и преподавательское звание, тот теперь экзамен проводился на конкретную должность. Получалось, что преподаватель медресе не обязательно должен был стать приходским имамом. Это положение было составлено с учётом разделения полномочий в Таврической губернии между преподавателями медресе и приходскими лицами, а также сложившейся традиции в округе ОМДС, когда деятельность мударриса была всецело сосредоточена в медресе, у него объективно не оставалось времени для совершения «треб» в махалле.

Впервые заявлялось, что медресе и школы при мечетях, которых курировал помощник муфтия, состоят в непосредственном ведении и под контролем Духовного собрания. Речь шла о наблюдении за нравственностью преподавателей и об отстранении от преподавательской деятельности лиц, замеченных «в нерадении и дурном поведении». Через местные полицейские управления заведующие школами духовные лица ежегодно присылали в Уфу по специальной форме сведения о местонахождении конфессионального учебного заведения с указанием своего статуса (медресе или мектебе) и мечети, при котором оно находилось (пятивременная или соборная), о преподавателях и количестве учащихся в течение учебного года, списка учебных дисциплин, о помещении школы (собственная или арендуется, если арендуется, то на какую сумму). Не исключалась возможность запроса других сведений, в частности, мнения религиозных деятелей по улучшению учебного процесса.

ОМДС, в свою очередь, ежегодно представляло в ДДДИИ ведомости о школах, приложив краткий отчёт о системе образования в них и запрашивая поощрения и награды отличившимся мударрисам и мугаллимам. Более того, согласно проекту устава, на муфтия и его помощника возлагались обязанности ревизии мектебе и медресе, она могла быть поручена нескольким почётным или участковым ахунам. Их отчёты также направлялись в ДДДИИ. В дальнейшем по вопросам, связанным с наблюдением за медресе, Духовное собрание намеревалось обращаться в департамент, а проблемы, связанные с исламскими институтами в махаллях, решать совместно с местными губернскими правлениями (ст. 39). Итогом ревизии становилось не только поощрение, но и принятие мер взыскания, вплоть до увольнения духовного лица, ответственного за обучение, со своей должности.

В рассматриваемый период единственным источником дохода Духовного собрания являлся брачный сбор с мусульман, который был введён для постройки нового здания религиозного управления (был сохранён и после его открытия). С целью поддержания мечетей и медресе этот источник сохранялся на новом принципе: брачный сбор производился, исходя из размера калыма, а не по уравнительному признаку, действовавшему в тот период (ст. 54).

Поистине революционный характер имеют предложения С. Тевкелева по институализации муфтия и членов собрания в российскую чиновничью систему, выраженной, прежде всего, через предоставление классных чинов. С. Тевкелев пред-

лагал установить муфтию IV классный чин с ежегодной зарплатой 4 тыс. руб., его помощнику (V классный чин) – 2,5 тыс. руб. (по 1 тыс. – на жалованье и разъезды и 500 руб. – на «столовые»), членам собрания предоставлялся VII классный чин и жалованье повышалось с 214 руб. 28 коп. до 600 руб. и дополнительно устанавливалось 300 руб. «столовых» – итого 900 руб.

При внесении изменений в штатное расписание ОМДС С. Тевкелев ориентировался на классные чины сотрудников правительственных учреждений, равных по статусу с исламским религиозным управлением, а именно на губернские правления или казённые палаты. За истёкший период после установления классных чинов для сотрудников ОМДС по штатному расписанию 1843 г. произошло неоднократное повышение оклада содержания сотрудников и классных чинов в других правительственных учреждениях. Например, согласно высочайше утверждённому мнению Государственного Совета от 9 марта 1876 г., оклад содержания секретаря губернского правления составлял 900 руб., делопроизводителя – 740 руб. Поэтому представляется правомерным повышение С. Тевкелевым секретарю собрания класса должности с IX на VIII, его оклада с 280 руб. до 900 руб. На одну ступень повышался и класс должности всех трёх столоначальников, переводчика и журналиста (с X до IX), и соответственно увеличивалась их заработная плата: у первых двух с 171 руб. до 600 руб., у последнего с 143 руб. до 600 руб.

На канцелярские расходы, освещение, отопление и содержание зданий ОМДС и на их ежегодный текущий ремонт С. Тевкелевым отводилось в несколько раз больше денежных средств – 1300 руб., вместо выделявшихся 343 руб. 80 коп. (в это время уже имелось собственное каменное двухэтажное здание религиозного управления, естественно, хозяйственные затраты увеличились, как и канцелярские расходы, вызванные ростом количества экзаменов кандидатов на духовные должности, повседневной перепиской по запросам губернских правлений (назначение духовных лиц, ремонт действующих и постройка новых мечетей и др.), жалобам мусульман и др. В целом вместо получаемых от казны 4502 руб. 12 коп. расходы на содержание ОМДС должны были увеличиться в 3,5 раза и составить 16 тыс. руб.

Проект устава ОМДС, разработанный С. Тевкелевым, транслировал о нуждах и проблемах исламских институтов округа, был нацелен на расширение религиозных прав мусульман и стал новым словом в совершенствовании системы управления духовными делами мусульман, предполагал повышение социального статуса и правового положения религиозного управления, его членов и сотрудников, мусульманских духовных лиц, перевод последних в привилегированное сословие, кардинально менял действующее законодательство об исламских богослужебных зданиях, разрешая обзавестись молитвенным помещением малочисленным махаллям, институализировал вакуфы и попечителей (назыров) мечетей и школ. Для российской власти такие системные изменения по повышению статуса исламских институтов не были востребованы.

Для высокопоставленных чиновников проект устава стал материалом для размышления о реорганизации управления духовными делами мусульман, но не более того. Поэтому устав С. Тевкелева не стал основой для выработки новых законоположений в этой сфере, а превратился в источниковедческую находку исследователя, изучающего архивные документы.

«Программа» казанского купечества 1879 г.

Проникновение в татарское сообщество обновленческих идей в период модернизации России и развития капиталистических отношений во многом было обусловлено деятельностью представителей купечества, духовенства и дворянства. Эти корпоративные группы благодаря своему социально-правовому положению стали выполнять, исходя из конкретно-исторических и местных условий, роль локальных и общетатарских национальных элит.

Поводом активности казанского купечества в 1878 г. послужила поступившая из Уфы информация о том, что муфтий С. Тевкелев тяжело заболел и с сентября не председательствовал на заседаниях ОМДС[1]. Получив негласную информацию от заседателей религиозного управления о намерении больного и престарелого муфтия подавать ходатайство об отставке, казанские купцы решили сыграть на опережение.

Деятельность С. Тевкелева, бывшего офицера, показала, что назначение на должность муфтия светского человека способствует падению авторитета ОМДС среди мусульман. Неоднозначное отношение татарского общества к муфтию С. Тевкелеву ёмко выразил казанский ахун Ш. Марджани, который писал, что «хотя он был человек миролюбивый, но из-за своей невежественности и нерешительности, обыкновенно прислушивался к чуждому мнению и, будучи человеком беспринципным, не мог совершить ничего достойного внимания»[2]. Было очевидно, что на эту высокую должность необходимо определять авторитетного учёного исламских наук. В условиях происходивших в стране реформ купцы посчитали возможным ставить перед правительством вопрос о соблюдении властью установленного законом правила выборности муфтия.

Кажется, подбор своего кандидата на должность муфтия купцы начали уже в ноябре 1978 г. – во время экзекуции в Казанском уезде в начале декабря 1878 г., татарские крестьяне говорили губернатору Н. Я. Скарятину о необходимости избрания муфтия всеми мусульманами округа ОМДС[3].

Получив от заседателей ОМДС известие о ходатайстве муфтия С. Тевкелева об отставке[4], 26 января 1879 г. группа «первостепенных купцов» – Исхак Губайдуллович Юнусов, Вали Каримович Апанаев, Муртаза Мустафич Азимов и Мухаметзян Галеев – люди «очень влиятельные не только в Казанской губернии, но и в других местностях, где находится население магометанской веры» – от своего имени и от имени «всех татар» явились к губернатору Н. Я. Скарятину с просьбой ходатайствовать о представлении их министру внутренних дел по вопросу назначения на должность муфтия их кандидата ахуна д. Азеево Елатомского уезда Тамбовской

---

[1] Материалы по истории Татарии ... – С. 428.

[2] *Мәрҗани Ш.* Мөстафадел-әхбар фи ахвали Казан вә Болгар. – 217 б.

[3] *Фирсов Н. Н.* Прошлое Татарии (краткий научно-популярный исторический очерк). – Казань, 1926. – С. 41.

[4] Муфтий С. Тевкелев подал прошение об отставке 3 января 1879 г. (см.: Материалы по истории Татарии ... – С. 431–432).

губернии Сайфуллу Урманова[1], вместо предполагаемых на эту должность татарина из Оренбургской края Негматуллина, окончившего курс в Казанском университете, или Серазетдинова. Предприниматели заявили, что эти лица «не знают хорошо весь устав» мусульманской религии. На этой встрече они также сообщили Н. Я. Скарятину о намерении отправить в Петебрург депутацию из 4–5 лиц, чтобы «словесно» изложить министру внутренних дел «те причины, по которым они не желали бы иметь муфтием кого-либо из вышеупомянутых двух лиц, а Урманова [...] они желают представить и по другим обстоятельствам, касающимся магометан», пообещав представить эти вопросы дополнительно[2]. Согласно источникам, они проводили определённую организационную работу по согласованию своих действий с известными мусульманами соседних регионов. В частности, исправник Елатомского уезда сообщал, что «казанские, уфимские и другие татары прислали Урманову письмо и приглашали его поступать в муфтии»[3]. Видимо, именно казанское купечество от имени единоверцев обратилось к имаму с таким предложением. Важно также отметить, что медресе Урманова содержал московский купец 1-й гильдии Ерзин.

Согласно сообщению спасского уездного исправника, вопрос о преемнике активно обсуждался среди казанских купцов и в феврале 1879 г. После получения информации об отъезде муфтия в столицу по вопросу об отставке, торговцы склонились к кандидатуре казанского ахуна, имама 1-й городской мечети Ш. Багаутдинова (Ш. Марджани), и договорились о том, что для выдвижения его на должность муфтия купцы Юнусов, Апанаев и Апаков примут на себя все расходы[4]. Ахуна Ш. Багаутдинова в качестве кандидата на эту высокую должность поддерживал и ряд мулл Спасского уезда[5].

Важно отметить, что визит купцов губернатору в январе 1879 г. был тщательно подготовленным мероприятием. Как негласно выяснил полицмейстер[6], в течение января – в начале февраля влиятельные татары и муллы собирались в домах Юнусова, Азимова, Казакова и других купцов на «совещания относительно посылки министру внутренних дел депутатов с ходатайством по разным делам, относящиеся до магометан»[7].

---

[1] Согласно сведениям начальника Тамбовской губернии, Сайфулла Галимбеков Урманов, «человек развитой и хорошо образован», происходил из семьи богатых крестьян сельца Азеево Елатомского уезда. 15 лет обучался в Бухаре, после возвращения стал муллой в родном селении, преподавал в школе с контингентом более 100 учащихся. За период нахождения на духовной должности С. Урманов был в «Иерусалиме». (см.: Материалы по истории Татарии ... – С. 428).

[2] В рапорте казанского губернатора привлекает внимание его личное впечатление от общения с казанскими купцами. Начальник губернии, в частности, сообщал, что заявление казанских купцов – «словесное ходатайство о не назначении в муфтии Негматуллина или Серазетдинова было изложено мне очень почтительно, но очень настойчиво» (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4468. – Л. 1–1 об.).

[3] Материалы по истории Татарии... – С. 428.

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4659. – Л. 9.

[5] Муллы д. Тюгульбаево Ахметзян Габидуллин, д. Тохталы Муса Исмаилов, д. Абдулловых Салман Гайнулла Халитов, д. Ошняк Камалетдин Галиакберов, д. Подлесных Татарских Юрткуль Киямутдин Шакуров (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4659. – Л. 9 об.).

[6] Проведение таких «сборищ» (выражение полицмейстера) было им запрещено не позднее 15 февраля 1879 г.

[7] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4468. – Л. 8.

Управляющий Министерством внутренних дел Л. С. Маков (2 февраля 1879 г.) посчитал такую инициативу «нежелательным, неуместным вмешательством» «в правительственные соображения, вовсе им неизвестные, а делаемое ими указание на преемника муфтия несвоевременным» и воспрепятствовал приезду татарской депутации в столицу[1].

Между тем, выполняя обещанное, казанские купцы 29 января представили казанскому губернатору состав предполагаемой для отправки в столицу депутации (коммерции советник И. Г. Юнусов, почётные граждане И. И. Апаков, В. К. Апанаев, купцы 2-й гильдии М. И. Галеев и М.-Ш. А. Утямышев) и перечень вопросов для обсуждения в МВД. В своём письме управляющему МВД Л. С. Макову от 29 января 1879 г. губернатор Н. Я. Скарятин, предварительно напомнив о своей предыдущей депеше от 26 января, в которой сообщал о намерении купцов ходатайствовать через своих представителей относительно кандидатуры нового муфтия, уведомил своё начальство лишь об остальных пунктах их просьбы.

В архивном деле НА РТ сохранился оригинал текста «программы» казанского купечества, выработанный в ходе негласных совещаний. В ней первым пунктом прописана просьба о предоставлении российским мусульманам «полного права» выбирать вместо муфтия С. Тевкелева, подавшего прошение об отставке, «другого муфтия, из среды наших духовных званий, достойного и религиозного человека»[2]. Запись этого положения первым пунктом в списке просьб свидетельствует о первостепенности просьбы о дозволении мусульманам избрания председателя ОМДС. Очевидно, что эта просьба является основополагающим в программе требований купцов.

В концепцию по превращению муфтия в духовную главу мусульманского сообщества европейской части России и Сибири логично вписывается их предложение о проведении выборов заседателей ОМДС представителями духовенства. Это положение было прописано в законе: «Члены Духовного собрания избираются магометанским обществом, каждый на три года, и утверждаются местным начальством»[3]. Таким образом, второй пункт просьбы также сводился к завуалированному призыву имперской власти исполнять принятые русским самодержавием законы в отношении ислама. В случае проведения выборов получалось, что совместные, коллегиальные решения выбранных мусульманским сообществом лиц – муфтия и заседателей – имели для мусульман законную силу. Следовательно, постановления ОМДС становились обязательными для единоверцев, а муфтий становился главой российской уммы. Такой подход открывал возможность для параллельного существования в России по шариату полноценной мусульманской общины, в которой, правда, государством определялись пределы использования норм исламского права в семейной и общественной жизни подданных-мусульман. Эти изменения позволяли бы перевести религиозно-культурную автономию мусульман округа ОМДС на качественно новый уровень и именовать её как полноценную мусульманскую общину, существующую в условиях конфессионального меньшинства. При выполнении этих двух пунктов ОМДС превращалось в представительный орган мусульманского со

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4468. – Л. 9–9 об.

[2] Там же. – Л. 13.

[3] Свод учреждений и уставов управлений духовными делами... Изд. 1857 г. – Ст. 1237.

общества Европейской части и Сибири, который уже имел статус государственного учреждения. Последующие просьбы купцов следует рассматривать также в этом ключе – в плане реформирования управления духовными делами мусульман и их жизнедеятельность в условиях существования в христианском государстве и предоставления мусульманам равных прав с русским населением.

По мнению исламоведа И. Г. Нофаля, по шариату «магистратура (призвание кадия, муфтия) есть не что иное, как представительство верховной власти, от которой она исходит и которою существует, и не может быть ничем иным. Власть эта не только может ограничить сферу подсудности, в точности определяя роды дел, подлежащих ведению того или другого суда, но и сменять по своему усмотрению (prorio jure) судей и заменять их другими, ею самою выбранными»[1]. В отличие от «реформаторского взгляда» казанских купцов, здесь востоковед представил сложившуюся в исламском мире ситуацию.

Исходя из двух первых пунктов программы, третье предложение «О прибавке жалований вышеозначенным лицам при мухаммеданском духовном собрании» следует распространять и на оренбургского муфтия, и на заседателей ОМДС. На наш взгляд, выделение содержания на курирование религиозных дел государством, где православие являлось государственной религией, казанские купцы рассматривали как должное с учётом собираемых с российских подданных-единоверцев налогов и проявлением стремления к равноправию в империи ОМДС и РПЦ.

Согласно штатному расписанию ОМДС 1836 г., заседателям было повышено ежегодное жалованье до 284 руб. 28 коп. Сохранение казённых расходов на содержание членов Духовного собрания без изменений в XIX в. можно признать одним из проявлений пристрастного отношения верховной власти к исламу. Известно, что в пореформенный период произошло существенное увеличение материального обеспечения чиновников губернских и уездных учреждений, как светских, так и духовных.

Благодаря стараниям муфтия С. Тевкелева российские власти разрешили использовать часть свободных средств ОМДС на увеличение содержания сотрудников его канцелярии. Несомненно, С. Тевкелев, зная негативное отношение оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского к исламским институтам, поступил весьма разумно, ограничив в 1870-х гг. вопрос об улучшении материального положения сотрудников канцелярии, что, в конечном счёте, привело к повышению их содержание за счёт брачного сбора с мусульман. После повышения в 1877 г. содержания работников канцелярии, жалованье заседателей оказалось ниже зарплаты секретаря, столоначальника, архивариуса на 94 руб. в год.

Стеснённое материальное положение членов Духовного собрания играло немаловажную роль в том, что наиболее грамотные имамы Казанской губернии, не имеющие достаточных материальных средств, отказывались ставить свои кандидатуры на выборах заседателей. Это обстоятельство способствовало утверждению членами собрания не самых лучших претендентов. Нищенское жалованье заседателей вынуждало их находить дополнительный заработок на стороне, что означало отвлечение от основных своих должностных обязанностей. Трёхлетний срок службы

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 422–423.

не позволял многим из них при отсутствии начального капитала быстро приспособиться к новой местности. Такое становилось возможным, как правило, при наличии определённых предпринимательских качеств и долгосрочном проживании в Уфе в качестве члена собрания.

Несмотря на повышение стоимости потребительской корзины подданных империи после 1836 г., при назначении С. Тевкелева на должность муфтия сохранилось прежнее небольшое годовое жалованье (1572 руб.). Для богатого и крупного помещика С. Тевкелева размер жалованья не имел существенного значения. Однако для многодетного преемника на этой должности, не имевшего значительных дополнительных доходов, материальная сторона вопроса превратилась в проблему первостепенной важности. Как известно, М. Султанов согласился занять эту должность муфтия только после обещания ему годового жалованья в размере 5 тыс. руб., что в три с лишним раза превышало жалованье прежнего председателя ОМДС[1].

Следующая просьба купцов заключалась в изменении порядка производства семейных разделов по шариату. Эту проблему следует рассмотреть более детально. С одной стороны, в рассматриваемый период каждый приходской имам имел право производить семейный раздел имущества в своём приходе. Ст. 1338 «Гражданских законов» о разделе имущества мусульман по духовным законам декларировала следующее: «Раздел имуществ, оставшихся после магометан, производится по их закону. Но магометанское духовенство, подведомственное ОМДС, имеет право рассматривать и решать по своему закону дела о частной собственности, возникающие по завещаниям или при разделе имений между наследниками только тогда, когда участвующие в сих делах магометане будут просить об этом и примут беспрекословно объявленные им решения: разделы, в сем случае совершаемые, утверждаются в надлежащем присутственном месте. Но если участвующие в делах объявят на решение духовенства, касающегося до их собственности, неудовольствие и обратятся с просьбою к гражданскому начальству, то рассмотрению сих дел предоставляется обыкновенным судебным местам по установленному общими узаконениями порядку»[2]. Оно было зафиксировано и в «Положении об управлении духовных дел магометан»[3].

Однако наблюдались нарушения шариатского закона, обусловленные меркантильными личными интересами духовенства с целью получения дополнительных доходов (взятки одной из сторон), что дискредитировало среди населения идею справедливости шариатских судов, приводило к жалобам, отказу от услуг духовенства, вынуждало обращаться в светские судебные учреждения по вопросу раздела имущества по российским законам. Предусматривалось дозволять производство семейных разделов лишь авторитетным, «достойнейшим и религиозным» имамам. Этот вопрос должен был находиться в исключительной компетенции ОМДС. Судя по тексту документа, речь шла об определении в каждой местности лиц, в компетенцию которых Духовное собрание должно было передать в качестве судьи право производства раздела наследства. Второй аспект этой проблемы купцы высказали во время общения с казанским губернатором. Наряду с повышением качества ша-

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1068. – Л. 5 а.

[2] Законы гражданские. Изд. 1890 г. // СЗРИ. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 1338.

[3] Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Изд. 1896 г. – Ст. 1346.

риатских судов купцы намеревались просить о недопущении в имущественные разделы мусульман российских судебных учреждений (здесь возможны два варианта решения проблемы: первый – это требование-минимум – запрет окружным судам в случае обращения мусульман, недовольных результатом раздела имущества по шариату, производить повторный раздел имущества по российским законам; второе – это требование-максимум – решение вопросов раздела наследства исключительно по шариату. Одним словом, речь шла о равноправии шариатских и российских законов в сфере раздела имущества мусульман в округе ОМДС и обязательности шариатского суда для мусульман, даже если одна из сторон была недовольна принятым решением).

Наблюдая многочисленные нарушения раздела гражданских прав мусульман при разрешении спорных случаев, в 1881 г. Духовное собрание в лице своего секретаря обратило внимание ревизировавшего сенатора М. Е. Ковалевского на необходимость уяснить для судебных органов и нотариальных учреждений ст. 1338 «Гражданских законов», в том смысле, что эти дела производятся не по каким-либо особым процессуальным правилам, а по общим законам о судопроизводстве, т. е. наследственные дела и наследственные права определяются по законам ислама. Поскольку судебные органы не знали особенностей мусульманской юриспруденции, для действительной реализации нового закона было рекомендовано дополнить его предписанием о том, чтобы спорящие лица представляли в гражданский суд проекты или решения мусульманского духовенства о положенных наследникам части имущества и предписания шариата по разделу имущества по каждому конкретному случаю, без которых судебный орган не должен рассматривать жалобы[1].

Стараниями ОМДС этот пункт просьбы был решён в целом положительно. Духовное собрание разработало правила раздела имущества мусульман в свете разъяснений Сената 1876 г. за № 155, 1884 г. за № 8, 1889 г. за № 119[2]. Они получили силу закона после утверждения МВД 22 мая 1893 г.[3]

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 616. – Л. 147 об. 152.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1189. – Л. 21–21 об.

[3] Согласно этим правилам, мулла имел право приступить к разделу имущества только по заявлению прихожан или поручению Духовного собрания, но не по личной инициативе. Только по указанию местной администрации производство раздела могло быть поручено имаму соседней махалли. Необходимым условием для начала процесса было указано наличие у несовершеннолетних наследников опекунов. Приступая к разделу, имам обязан был принять у всех совершеннолетних наследников и опекунов несовершеннолетних лиц отзывы на согласие проведения раздела этим духовным лицом. Иначе он должен был отказаться, рекомендовав им обратиться к гражданскому суду. В разделе имуществ умерших мусульман основным руководством становился «Фараиз». Письменный акт раздела имущества, подписанный кроме муллы всеми свидетелями, бывшими при разделе, и наследниками, выдавался последним, которые заверяли документ у нотариуса или в волостном правлении. Если же среди участников раздела было лицо несовершеннолетнее, то акт предварительно утверждался органом, наблюдшим за опекунами: у крестьян и лиц, принадлежащих башкирскому сословию, – сельским сходом, у мещан, купцов и чиновников – сиротским судом, у дворян – дворянской опекой. Недовольные разделом наследники могли обратиться для пересмотра дела в Духовное собрание или гражданский суд. Последний при распределении имущества обязан был руководствоваться не общими гражданскими законами, а мусульманскими (см.: Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг. / сост. Р. Фахрутдинов. – Уфа, 1902. – С. 61–62).

Осознавая «особый статус» мусульман Волго-Уральского региона, профессор И. Г. Нофаль в своём экспертном заключении на просьбу казанских купцов о невмешательстве российских судов в дело раздела имущества мусульман в округе ОМДС в качестве сравнения приводил практику решения аналогичных дел в Алжире – колонии Франции, где раздел имущества производился по шариату, однако решение кадиев получало силу закона лишь в случае согласия всех заинтересованных сторон. При подаче апелляции одной из сторон, дело решалось французским судом. С учётом того, что действующая в России система административного и политического надзора в отношении мусульман аналогична с порядком контроля над мусульманскими общинами в Алжире и владениях Великобритании в Индии, востоковед определил эту просьбу казанских купцов не как «религиозный» вопрос и подчеркнул, что она затрагивает материальные и социальные отношения: «право вступать в борьбу с правящею властью, так и не признавать самого даже факта ея существования»[1].

Следующие просьбы купцов также касались вопросов обеспечения равноправия мусульман. Важно отметить, что о предоставлении дня отдыха в пятницу и другие дни мусульманских праздников единоверцам, служащим в правительственных и общественных учреждениях обращался в 1878 г. в МВД оренбургский муфтий С. Тевкелев, представив список мусульманских праздников. «Между тем по шариату, – подчёркивает И. Г. Нофаль – празднование пятницы обязательно лишь в границах времени, посвящённого общественной полуденной молитве в соборной мечети». После праздничной полуденной молитвы мусульманин возвращался к своим занятиям. По мнению И. Г. Нофаля, лишь в 2 случаях ислам признавал не более 2 дней, в которые дозволено воздержаться от работы: по окончанию поста в месяц Рамазан и в Курбан-байрам. Муфтий был вынужден согласиться с мнением востоковеда[2].

Таким образом, просьба татарских купцов о предоставлении дня отдыха в пятницу и в другие праздничные дни единоверцам, служащим в правительственных и общественных учреждениях, а также мусульманам, привлекаемым в качестве свидетелей и ответчиков на суде, была несколько расширенным вариантом просьбы оренбургского муфтия годовой давности и была направлена на предоставление равных прав мусульманам наряду с русскими. В конце XIX в. в России отдыхали 77–79 дней (из них 52 – воскресные дни, остальные – «табельные царские дни» и православные религиозные праздники), в которые закрывались также торгово-промышленные предприятия мусульманских предпринимателей. Следует также отметить, что в этот период в военном ведомстве военнослужащие мусульмане отдыхали три дня в период годовых исламских праздников, однако эта практика ещё не применялась в гражданских казённых учреждениях, кроме ОМДС и Татарских учительских школ и русско-татарских (башкирских) училищ и русских классов при медресе[3].

Остальные две просьбы купцов были реакцией на произошедшие в стране общественно-политические перемены, имевшие непосредственное отношение к мусульманам.

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 426–427.

[2] Там же. – С. 423–424.

[3] *Загидуллин И. К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. – С. 345.

Пятая просьба заключалась в освобождении всех медресе, имамов и мударрисов от подчинения МПН и гарантии необязательности знания русского языка для них. Главным политическим требованием татарского купечества являлось положение об изъятии мектебе и медресе из ведения МНП и сохранении прежнего положения, когда власть действовала «на доверии» и не вмешивалась в данную сокровенную сферу для мусульман. По мнению исламоведа, профессора столичного университета И. Г. Нофаля, татарские купцы «слишком явно» стремятся «к низведению правящей власти до роли безучастного зрителя такого преподавания, которое, если будет ему открыт свободный путь к дальнейшему и полному развитию, не может не быть в высшей степени враждебно направленным против этой власти, не может не посягать на права её и не противоречить в самом корне правам громаднейшего большинства остального народонаселения империи»[1]. Как видно, купцы рассматривали подчинение конфессиональных школ и «Правила» 1870 г. как единую программу по реформированию и установлению правительственного контроля над национальной системой образования и уже ожидали от российских властей следующего шага – введения русского образовательного ценза в отношении духовных лиц.

Примечательно, что в 1873 г. попечитель КУО П. Д. Шестаков уже ставил перед оренбургским муфтием вопрос о необходимости введения русского образовательного ценза для лиц, желающих занять духовную должность[2].

Проект министра народного просвещения Д. А. Толстого, внесённый в 1877 г. в Государственный Совет и предусматривавший введение с 1 января 1878 г. требования для преподавателей мусульманских школ и претендентов на духовные должности «отчётливо писать и читать по-русски», а с 1 января 1880 г. – знания курса русских классов при медресе, а также о том, что учреждение новых мусульманских школ разрешается при гарантии местными жителями одновременного открытия русского класса за свой счёт, был рассмотрен в 1878 г. Этот проект не нашёл поддержки у членов Государственного Совета[3]. Очевидно, через заседателей ОМДС казанские купцы знали о намерениях правительства. Казалось, что после победоносного завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. каких-либо политических препятствий для его внедрения не оставалось.

Последняя просьба купечества была вызвана предоставлением в Уставе о всеобщей воинской повинности 1874 г. учащимся русских средних школ временного освобождения от исполнения воинской повинности на период обучения (до окончания) школы. Купцы просили распространения этой льготы на шакирдов медресе, которые готовились к пастырской службе[4].

Примечательно, что информация о намерении казанских купцов отправить депутацию в правительство стало достоянием в уездах губернии. В 1-й половине февраля 1879 г. сельские общества д. Янгильдино и Альменево Чебоксарского уезда сделали добровольный сбор в сумме до 170 руб. и передали в Казань для отправки депутации в Петербург для ходатайства по вопросам, указанным в прошении казанских купцов[5].

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 424.
[2] *Фәхреддин Р.* Дини вә иҗтимагый мәсьәләләр : сайланма хезмәтләр. – Казан, 2011. – 162 б.
[3] Там же. – С. 165–166.
[4] Материалы по истории Татарии... – С. 421–422; НАРТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4468. – Л. 13–13 об.
[5] Материалы по истории Татарии... – С. 481.

Возникает вопрос: почему купцы не стали посылать письменное прошение с изложением своего мнения. Отказ МВД от общения с депутацией мусульман уже означал игнорирование центральной властью их мнения. 14 февраля Исхак Губайдуллович Юнусов, Вали Каримович Апанаев, Муртаза Мустафич Азимов и Мухаметзян Галеев «дали подписку» о доведении до их сведения решения управляющего МВД о том, что сановник «нашёл невозможным разрешать приезд в Петербург какой-либо депутации из Казани для разъяснения предположений некоторых казанских купцов магометанского вероисповедания о разных кандидатах на должность оренбургского муфтия»[1].

Правительство настояло на продолжении С. Тевкелевым исполнения обязанностей председателя ОМДС: 1 марта 1879 г. С. Тевкелев дал своё согласие остаться в должности оренбургского муфтия[2] – так был исчерпан инцидент с выборами нового муфтия.

Таким образом, через рапорт казанского губернатора содержание «программы» казанского купечества было доведено до правительства. Оно не было проигнорировано МВД, а было передано на экспертное заключение профессору Санкт-Петербургского университета И. Г. Нофалю. Дело в том, что изложенные казанскими купцами в тексте указания в действительности имели место в разных регионах России. Скажем, всеобщая воинская повинность не была распространена на мусульманское население Туркестанского края, Закавказья, Западной Сибири. Выборность муфтия тогда ещё оставалась прописанной в действующем законодательстве (изъята в 1890 г.). Относительно порядка избрания заседателей каких-либо законодательных актов не было принято – выборы производились в Казани «по обычаю» на основании согласованных действий казанского губернатора и оренбургского муфтия. Мусульманские школы лишь Казанского и Оренбургского учебного округов были переданы в ведение МНП, в остальных регионах империи продолжали существовать на прежних основаниях. Шариатские суды успешно функционировали на Кавказе и Туркестане. Существование на окраинах различных моделей государственно-исламских отношений и пределов религиозно-культурной автономий заставляло власть внимательно отслеживать точку зрения мусульманского сообщества, потому что общеимперские законы распространялись именно на мусульманское население Волго-Уральского региона. Этот эксперимент над исламским институтами Волго-Уральского региона имел общеимперское значение с перспективой «выхода» на регулирование на окраинах религиозных, гражданских прав мусульман и российских подданных других вероисповеданий.

В целом, «программа» казанского купечества 1879 г. оставалась до 1904 г. наиболее комплексно изложенной претензией татарской национальной элиты на проводимый Российской империей внутриполитический курс в отношении мусульманского населения. В ней была изложена идея превращения муфтия в главу мусульманской общины европейской части России и Сибири, ОМДС – в головное легитимное учреждение уммы. Просьба об освобождении национальной системы образования от правительственной опеки и вмешательства стала одним из главных требований петиционных кампаний последующих десятилетий.

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4468. – Л. 12.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 432–433.

Выборы и проекты выборов заседателей ОМДС

Одно из противоречий российского законодательства в области функционирования административного органа мусульман заключалось в правилах выбора его заседателей. Как известно, в указах Екатерины II от 22 сентября 1788 г.[1] и 20 апреля 1789 г.[2] об учреждении в Уфе Духовного собрания было объявлено о председательствовании в нём муфтия с окладом 1200 руб. в год и приказано «с ним заседать 2 или 3 казанским татарам в верности к нам и в добропорядочном поведении испытанным с жалованием по 120 руб. в год». Действительно, первые заседатели религиозного органа были избраны в 1789 г. духовенством Казанской губернии[3]. Думается, этнический термин в данном случае был применён к бывшему титульному населению Казанского ханства, за два с половиной столетия нахождения в составе Российского государства постепенно приспособившемуся к новой власти. Ко 2-й половине XVIII в. казанские татары расселились на значительной территории Российской империи. Оренбургский край особенно после образования Каргалинской слободы в 1-й половине 1740 г. стал местом интенсивного заселения, прежде всего, предприимчивых людей из Среднего Поволжья, чему способствовал и внутриполитический курс империи. Поэтому правомерно предположить, что в законодательных актах речь вовсе не шла о татарском населении Казанской губернии. Её границы, очерченные после введения «Учреждения о губерниях» 1775 г. по принципу наибольшего включения русского населения, не изменялись вплоть до 1920 г.[4] Известно, что тогда оба заседателя Духовного собрания из казанских татар, занимавших эту должность в 1793 г., были назначены генерал-губернатором Симбирской и Уфимской губерний бароном Игельстромом и генерал-губернатором Казанской губернии[5].

Отождествление этнического термина с административным и, таким образом, его локализация конкретной губернией были чётко обозначены в сенатском указе от 17 августа 1793 г. В соответствии с правилами функционирования средних судебных учреждений губерний, к которым было отнесено ОМДС, по просьбе членов религиозного учреждения Сенат объявил о введении порядка смены заседателей Духовного собрания из числа духовных лиц (казанских татар) через каждые три года. Уфимскому генерал-губернатору и кавалеру Пеутлингу, в ведении которого находилось религиозное управление мусульман, было предписано, «чтоб он о выборе на местах их из казанских татар других в верности надёжных и доброго поведения, учинил сношение с казанским господином губернатором, по учинении же в том им надлежащего с обеих сторон испытания и с утверждения наместнического направления, позволил бы им заседание...»[6].

В «Своде законов Российской империи» 1857 г. этот порядок избрания заседателей был регламентирован довольно любопытно: «члены Духовного собрания

---

[1] ПСЗ-1. – Т. 23. – № 16711.
[2] ПСЗ-1. – Т. 23. – № 16759.
[3] *Азаматов Д. Д.* Указ. соч. – С. 71.
[4] История Казани : в 2 т. – Казань, 1988. – Т. 1. – С. 109.
[5] ПСЗ-1. – Т. 23. – № 17146.
[6] ПСЗ-1. – Т. 23. – № 17146.

избираются магометанским обществом и утверждаются местным начальством»[1]. Расплывчатость и неопределённость термина «магометанское общество» создавало юридическую коллизию с существующей практикой избрания заседателей из числа духовных лиц Казанской губернии. По буквальному смыслу статьи получалось, что под «магометанским обществом» следует подразумевать всё мусульманское население, не только духовных лиц округа ОМДС. Хотя считалось, что данная статья основана на сенатском указе от 17 августа 1793 г., налицо юридическое разночтение в правилах избрания кадиев, зафиксированных в этом законодательном акте и «Своде законов Российской империи».

Думается, причина такого разночтения заключалась в принципах обобщения законодательных актов, регламентирующих жизнедеятельность исламских религиозных институтов в округе ОМДС как «производное» от «свода законов» по ТМДП, где эта статья также была приписана, и она соответствовала реальной конфессиональной ситуации. Там речь шла только о магометанском обществе Таврической губернии. В избрании пяти уездных кадиев, заседающих в ТМДП, принимали участие духовные лица, мурзы с уездным предводителем дворянства, а также волостные головы или, вместо них, по одному депутату от поселян каждой «магометанской волости»[2]. Получалось, что в выборе пяти членов Духовного правления действительно принимают участие представители всех сословий «магометанского общества».

В Сенатском указе от 17 августа 1793 г. был регламентирован порядок смены заседателей Духовного собрания[3]. В 1836 г. годовое жалованье заседателей ОМДС было увеличено со 120 руб. до 284 руб. 28 коп. сереб., в 1886 г. – до 600 руб., в 1889 г. – до 800 руб. Они не пользовались правами государственной службы: не имели права на пенсию, на какие-либо прибавки к жалованью из казны и были лишены других положенных чиновникам государственных привилегий. В российском законодательстве для членов Духовного собрания и кандидатов к ним не существовало чётко установленного возрастного ценза.

Вследствие естественного прироста населения и регистрации новых приходов и смены поколений духовенства проведение испытаний кандидатов в духовные должности в деятельности ОМДС являлось одним из важных направлений в деятельности ОМДС. Для приезжающих на экзамены лиц ОМДС со времени своего основания всегда оно ассоциировалось как «казанское» религиозное управление, ибо у них экзамены принимали на татарском языке кадии – духовные лица из Казанской губернии.

Сложилась традиция, что при избрании заседателей из казанского духовенства одного из них выбирали старшим заседателем (того, кто набирал большинство шаров при тайном голосовании), который обыкновенно и заступал на место муфтия в случаях его болезни и отсутствия, а также исправлял должность муфтия в случае его смерти. Самое длинное «межцарствование» в ОМДС случилось после смерти Г. Сулейманова (август 1862 г.) и до назначения его преемником С. Тевкелева (февраль 1865 г.) и продолжалось более 2,5 года.

---

[1] Свод учреждений и уставов управлений духовными делами... Изд. 1857 г. – Ст. 1236.
[2] Там же. – Ст. 1172.
[3] ПСЗ-1. – Т. 23. – № 16759.

Поскольку механизм проведения выборов заседателей ОМДС не был прописан в сенатском указе[1], в XIX в. он с подачи оренбургских муфтиев несколько раз менялся. В 1880-е гг. выборы проводились на основании предложений оренбургского муфтия С. Тевкелева от 10 октября 1877 г. за № 3290 об уравнительном представительстве мулл-уполномоченных от каждого уезда Казанской губернии.

Проект муфтия С. Тевкелева по выборам кадиев 1880 г. Как было рассмотрено, в 1867 г. оренбургский муфтий С. Тевкелев разработал проект по реформированию ОМДС, в котором есть раздел о порядке назначения заседателей.

Данный вопрос был более детально доработан муфтием в новом проекте 1880 г. со ссылкой на зафиксированное в «Своде законов Российской империи» положение об избрании членов собрания «магометанским обществом»[2], подчёркивая несправедливость преимущества только духовных лиц одной губернии, С. Тевкелев составил проект выбора заседателей по новому порядку. Примечательно, что под понятием «магометанское общество» он подразумевает приходы, как бы предполагая, что духовные лица, ранее утверждённые на своих должностях на основании добровольного волеизъявления, оформленного в приговорах, будучи делегатами своих прихожан, будут избирать членов духовного органа мусульман.

С. Тевкелев разделил губернии Волго-Уральского региона на три избирательных округа, в каждый из которых поочерёдно должен был избираться по определению властей в мае месяце один заседатель. Эта схема позволяла собранию при введении в свой состав нового члена избежать определённых издержек, связанных с периодом обучения его непривычному делу и освоению своих обязанностей. Очевидно, что данное форматирование означало увеличение возможности выбора более подготовленных для работы в ОМДС кадиев. По его проекту Казанская губерния (780 приходов) – самостоятельный и постоянно действующий округ. Это значило выбор одного из членов собрания по данному региону. По другим губерниям муфтий предложил довольно интересную схему. На первый трёхлетний цикл С. Тевкелев рекомендовал предоставление права выбирать одного заседателя духовным лицам Оренбургской губернии (472 прихода), другого – муллам Самарской (468 приходов) и Симбирской (158 приходов) губерний. Во второй трёхлетний цикл это право переходило духовенству Уфимской и муллам Астраханской (76 приходов) и Саратовской (146 приходов) губерний. Завершали трёхлетний цикл, объединившись в самостоятельные избирательные округа, с одной стороны, духовные лица Пен-

---

[1] В 1793 г., когда уфимский губернатор Пеутлинг сделал запрос в Сенат, в Духовном управлении заседало татарское духовенство из Казанской губернии, определённое на основании закона 1788 г. Исходя из того, что Духовное собрание было приравнено к средним правительственным «судебным местам», состав которых обновлялся через каждые три года на основе выборов в обществах, Пеутлинг предложил внести соответствующее дополнение в законодательство. Уфимский губернатор также прислал в Сенат письмо от мулл-заседателей также со ссылкой на порядок деятельности заседателей, выбираемых в разные правительственные учреждения, которые просили заменить их другими муллами и перевести на прежнее местожительство. В указе Сената от 23 августа 1793 г. было предписано о распространении порядка определения заседателей в судебные учреждения на избрание трёх членов (из казанских татар) Духовного собрания. Этот вопрос должны были совместно решать уфимский и казанский губернаторы (см.: ПСЗ-1. – Т. 33. – № 17146).

[2] Свод учреждений и уставов управлений духовными делами... Изд. 1857 г. – Ст. 1236.

зенской (116 приходов), Тамбовской (27 приходов), Нижегородской (51 приход) и Рязанской (10 приходов), с другой стороны – Вятской (147 приходов) и Пермской (193 прихода) губерний. Обо всём этом было представлено с приложением списка приходов округа Духовного собрания 23 марта 1880 г.[1]

Проект МВД о выборах заседателей Духовного собрания 1883 г. Предложения муфтия попали в благодатную почву. Символично, что в период, когда МВД возглавлял граф М. Т. Лорис-Меликов – государственный деятель либеральных взглядов, правительство с пониманием отнеслось к инициативе председателя ОМДС. Поддержка министерством муфтия отчётливо отразилась в циркулярном предписании оренбургскому генерал-губернатору и 11 губернаторам Волго-Уральского региона от 31 октября 1880 г. о представлении заключений по его проекту, об изменении порядка избрания заседателей собрания. Сообщив, что «в настоящее время представлялось бы более справедливым допустить участие в Магометанское собрание через представителей возможно большего числа магометан», и указав, что проект муфтия не противоречит закону[2], местным чиновникам давалась установка на внимательное обсуждение его без выражения каких-либо сомнений целесообразности данного нововведения с государственной точки зрения. В результате, инициатива оренбургского муфтия нашла у местной администрации положительный отклик. Весьма эмоционально поддержали его начальники Уфимской и Казанской губерний. Первый подчёркивал, что «без этого духовенство Казанской губернии всегда будет стоять в исключительном, привилегированном положении ко всем остальным муллам столь обширного Оренбургского округа, большинство населения которого, таким образом, оказывается ныне лишённым права иметь в Духовном собрании собственных представителей, близко знакомых с разнообразными обязанностями быта и потребностями мусульман из наиболее отдалённых от Казани местностей»[3]. Второй из них заявил, что «следовало бы без всякого преимущества населения одной губернии над другой соблюдать очерёдность по проектируемым группам из всех губерний на том основании, что это уравняло бы казанских татар с прочими татарами других губерний, не давая им преимущества в духовных делах, и тем самым поубавило бы у них как особенное влияние на магометанское население, так и фанатичной заносчивости»[4]. Кроме того, он предложил вывести из компетенции функций губернских правлений утверждение заседателя собрания, передав в ведение губернатора.

Саратовский губернатор обратил внимание на уязвимость проекта муфтия в плане реализации принципа представительства в собрании от всех мусульман. Действительно, в случае утверждения проекта муфтия С. Тевкелева очередь выбора заседателей мусульманами из Уфимской, Астраханской и Саратовской губерний наступила бы только через 6 лет, а из Пензенской, Тамбовской, Нижегородской, Рязанской, Вятской и Пермской губерний через 9 лет. Он предложил увеличить число заседателей до семи человек по численности избирательных округов с тем,

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 41–45.
[2] Там же. – Л. 55.
[3] Там же. – Л. 76 об.
[4] Там же. – Л. 59 об.

чтобы ежегодно выбывало по два члена и вместо них избирались два новых заседателя[1].

Только вице-губернатор Рязанской губернии выступил против изменения порядка выбора заседателей. Его доводы заслуживают внимания. Указав, что среди местных татар (11 приходов) не было замечено случаев несогласия с решениями Духовного собрания, он заявил, что надлежащие ведению Духовного собрания религиозные вопросы не зависят от каких-либо местных условий, могущих влиять на его постановления. Решения религиозного органа мусульман не могут вредить религиозным интересам татарского населения, не участвующего в избрании заседателей[2].

Замечания и предложения остальных губернаторов касались лишь уточнения некоторых моментов процедуры выборов и в целом были направлены на улучшение проекта муфтия, ибо основывались на знании местных условий[3].

Только через 3 года были получены ответы от губернаторов на запрос. За этот период муфтий С. Тевкелев несколько раз обращался в МВД, напоминая о своём проекте. Наконец, 3 ноября 1883 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой в Гатчине получил «добро» Александра III на его рассмотрение в Государственном Совете.

5 ноября 1883 г. Д. А. Толстым проект «Об изменении порядка выборов членов Оренбургского магометанского духовного собрания», главные положения которого были заимствованы из проекта муфтия С. Тевкелева и дополнены некоторыми предложениями губернаторов, был представлен на рассмотрение Государственного Совета[4].

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 93–93 об.

[2] Там же. – Л. 84 об. – 85, 116 об.

[3] В частности, симбирский губернатор, учитывая преобладание мусульманских духовных лиц в Самарской губернии, предложил перевести место проведения окружных выборов из Симбирска в Самару. Для соблюдения равномерного представительства духовенства от махаллей, рекомендовал объединить в один избирательный округ Корсунский и Ардоратский уезды губернии, где было зарегистрировано соответственно 10 и 4 мулл. Вятский губернатор предложил выборы заседателя собрания от уполномоченных Вятской и Пермской губерний организовать в Сарапуле, пограничной с последней. В условиях неравномерного расселения мусульман в пограничных с соседними губерниями районах и большого расстояния между ними пермский губернатор, со своей стороны, предлагал следующие варианты проведения выборов: не обязывая мулл Ирбитского и Верхнетурского уездов (3 чел.) к приезду на выборы (оставив данный вопрос на их усмотрение), ограничиться избранием из оставшихся 6 уездов 12 уполномоченных. Съезд выборщиков Пермской и Вятской губерний провести или в Сарапуле, или в Осе Пермской губернии, где избрать двух кандидатов в заседатели собрания. Губернатор также высказался за избрание по одному заседателю из каждой губернии с последующим утверждением одного из них членом собрания. Причём местом проведения выборов указал Красноуфимск (как центра мусульманского населения губернии). Пензенский губернатор, измерив расстояние между губернскими городами своего избирательного округа, высказался за проведение выборов не в Пензе, где проживало всего 295 мусульман, а в Сергаче с мусульманским населением почти 14 тыс. человек. Исходя из численности мусульманского населения в губерниях, он также рекомендовал свой вариант квоты для духовных лиц: от Пензенской – 16 уполномоченных, Тамбовской – 10, Нижегородской – 8, Рязанской – 4 (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 65–66, 69, 72, 82).

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 114–126.

По мнению МВД, необходимость изменения порядка выборов членов Духовного собрания была обусловлена следующими причинами: 1) обращением оренбургского муфтия; 2) существующим явным разногласием между указом Екатерины II от 22 декабря 1788 г. о назначении заседателями «казанских татар» и зафиксированным в существующем законодательстве положением о выборе членов собрания «магометанским обществом»: «такое предпочтение казанских татар на практике получает характер привилегии в пользу мулл Казанской губернии и не может быть объяснено ни государственными интересами, ни общественною пользою»[1], а закон необходимо было исполнять; 3) положительными отзывами на проект муфтия 10 из 11 начальников губерний, в которых компактно расселялись мусульмане.

МВД предложило новую редакцию ст. 1237 устава о выборах заседателей: «1) члены Духовного собрания избираются магометанским духовенством губерний, входящих в округ сего Собрания, каждый на три года и утверждаются губернаторами; 2) представить министру внутренних дел преподать в руководство Оренбургскому магометанскому духовному собранию и начальникам губерний, входящих в округ оного, особую инструкцию о порядке выборов членов сего Собрания»[2], поскольку инструкция принималась в рамках существующего законодательства.

Как видно, в новой реакции закона «магометанское сообщество» было заменено на духовных лиц, что означало сужение выборов лишь имамами, по сути, уполномоченными от приходов.

Раздел «Соображения», представленный Д. А. Толстым в Государственный Совет 5 ноября 1883 г. даёт возможность сделать некоторые наблюдения относительно ряда важных принципов по выборам, которые не успели быть изложенными в виде «особой инструкции». С учётом предложения казанского губернатора, предполагалось лишить местное мусульманское духовенство постоянного своего представителя – заседателя в Духовном собрании, что означало изменение численности или состава избирательных округов. Возможно, было учтено предложение об избрании в Пермской и Вятской губерниях по кандидату с последующим представлением их министру внутренних дел одного из них на утверждение членом собрания[3]. Речь шла о введении порядка поочерёдной, ежегодной смены членов собрания, о проведении выборов в мае, с тем, чтобы вновь избранные заседатели имели возможность дешёвым водным путём добраться до места службы. В плане решения вопросов процессуального характера предполагалось использование накопленного опыта в этой сфере Казанским губернским правлением[4]. Во избежание осложнения процесса голосования и ввиду неудобств, связанных с допущением в выборы «татар светского звания», предлагалось ограничиться предоставлением избирательного права только муллам «всех губерний подведомственных [...] Собранию»[5].

12 декабря директор ДДДИИ М. Р. Кантакузин-Сперанский информировал своего шефа Д. А. Толстого, о том, что в Государственном Совете рассмотрение дела

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 22 об.
[2] Там же. – Д. 601. – Л. 208 об.; Д. 607. – Л. 125 об.
[3] Там же. – Д. 607. – Л. 171.
[4] Там же. – Л. 123–125.
[5] Там же. – Л. 124.

отложено, «судя по происходившим прениям, рассмотрение оного может затянуться на весьма продолжительное время»[1].

В начале января 1884 г. во время обсуждения в департаменте законов Государственного Совета проекта МВД «Об изменении порядка выборов членов Оренбургского магометанского духовного собрания» от 5 ноября 1883 г. сенатор М. Е. Ковалевский, ревизировавший в 1880–1881 гг. Уфимскую, Казанскую и Оренбургскую губернии, в том числе и деятельность религиозного управления, возбудил вопрос об упразднении ОМДС с целью «лишить магометан духовного центра и ослабить нравственную связь между ними»[2] и высказался за ликвидацию религиозного учреждения мусульман за его «бесполезностью». Министерство среагировало мгновенно. 14 января 1884 г. Д. А. Толстой направил Государственному секретарю депешу с просьбой возвратить проект, считая излишним подвергать его «новому рассмотрению». 18-го числа документ был выслан в МВД[3].

Таким образом, в рассматриваемый период в центральных и высших органах власти существовало стремление к соблюдению установленных законов. Однако как только возникала проблема о противодействии «мусульманского вопроса» государственным интересам, стремление к соблюдению законности улетучивалось. Иначе говоря, действовали двойные стандарты. Публично имперская власть ратовала за формирование правового государства, заявляла о свободе вероисповедания для всех российских подданных, независимо от их вероисповедания, в действительности ислам был отнесён в группу неблагонадёжного вероучения, противного государственным интересам, а его последователи – в категорию неблагонадёжных подданных, в условиях полицейского государства это звучало как обвинительный приговор. Второй важный вывод по данному инциденту заключается в том, что впервые вывод о «бесполезности» для государства ОМДС прозвучал на уровне Государственного Совета – высшего законосовещательного органа Российской империи. В-третьих, инспектировавший в 1880–1881 гг. губернии с компактным расселением мусульман, в которых «мусульманский вопрос» был выражен наиболее рельефно, сенатор М. Е. Ковалевский в ходе поездок отчётливо осознал, что в условиях отсутствия каких-либо других публичных органов ОМДС является центром консолидации различных социальных групп мусульманского населения Волго-Уральского региона. Он в своём отчёте по итогам ревизии, видимо, с учётом тогдашней политической конъюнктуры, не решился написать «бесполезности» для государства ОМДС, однако после убийства Александра II, когда его преемник на престоле начал осуществлять политику «консервативного национализма», высказался решительно, в духе нового политического курса власти. Большинство сенаторов поддержало его мнение о ненужности нового закона о выборах заседателей ОМДС, которое, по сути, усиливало его влияние и поднимало авторитет среди мусульманского населения.

Управляющий МВД И. Н. Дурново отписался (№ 329 от 23 мая 1884 г.) муфтию С. Тевкелеву, предложив доработать свой проект с учётом ряда замечаний, высказанных губернаторами. В частности, речь шла о лишении духовенства Казанской губернии привилегии иметь постоянного представителя в Духовном собрании,

---

[1] Там же. – Л. 134.
[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 620. – Л. 74.
[3] Там же. – Д. 607. – Л. 154, 155.

указывалось на желательность созыва в ряде губерниях избирательных съездом мулл по одному кандидату в заседатели с последующим их представлением на утверждение министра внутренних дел. И, конечно же, ни слова не было сказано о случившемся конфузе с проектом МВД в Государственном Совете.

Казанское купечество и выборы заседателей ОМДС в 1883 г. В конце 1883 г. истекал срок службы заседателей ОМДС, избранных на 3 года. Губернское правление, ответственное за проведение данной выборной процедуры, рассмотрело этот вопрос 30 сентября 1883 г. и своим постановлением от 17 октября предписало полицейским управлениям 9 из 12 уездов, в которых компактно расселялись мусульмане, и губернского города провести выборы среди местных мулл по квотам прежних лет[1].

По указанию губернатора Л. И. Черкасова губернское правление 15 ноября предписало всем полицейским управлениям провести выборы, допустив к баллотировке изъявивших желание на это представителей мусульманского духовенства, и представить протоколы голосования к 1 декабря, а избранных лиц направить в Казань 12 декабря. Однако вскоре выяснилось, что цивильский уездный исправник в своём донесении не указал ни места проведения выборов, ни способа их проведения, что требовало дополнительных разъяснений. Вслед за материалами из полицейского правления Тетюшского уезда в губернское правление поступила жалоба от мулл Хусамутдинова и Мухаметзакирова, обвинявших местного исправника в том, что тот допустил к баллотировке лишь 5 мулл, а не всех желающих из числа 92 духовных лиц, прибывших на собрание. Вследствие таких правонарушений исправникам Цивильского и Тетюшского уездов было предписано провести новые выборы с соблюдением установленных правил. По этой причине и с учётом того, что уполномоченные духовных лиц этих уездов не успевали приехать в Казань 12 декабря, губернским правлением было постановлено назначить новый срок проведения голосования в Казани после получения необходимых документов из этих уездов.

Губернатор не стал утверждать данное решение губернского правления. 8 декабря он получил и 9 декабря передал в губернское правление телеграмму министра внутренних дел Д. А. Толстого о приостановке выборов заседателей Духовного собрания. На основании этого сообщения уездным исправникам были высланы предписания о приостановке направления в Казань выборщиков до нового распоряжения. О содержании телеграммы было сообщено и казанскому полицмейстеру, и ОМДС.

Телеграмма из столицы о приостановлении выборов заседателей Духовного собрания сильно встревожило мусульманских духовных лиц и ускорило их прибытие в Казань. Уже 10 декабря губернатор Л. И. Черкасов отправил в МВД телеграмму следующего содержания: «Собравшиеся в Казани из уездов муллы, уполномоченные для выборов заседателей Магометанского собрания, испрашивают разрешения

---

[1] Нормативы были следующие: из Казанского и Мамадышского уездов – по 7 уполномоченных, Тетюшского уезда – 5, Чистопольского и Лаишевского уездов – по 4, Спасского – 3, Царёвококшайского и Свияжского уездов – по 2, из Цивильского уезда и г. Казани – по 1. Все 36 депутатов должны были прибыть 12 декабря в Казань для участия на выборах заседателей Духовного собрания (см.: НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1269. – Л. 37–37 об.).

Вашего Сиятельства приступить к выборам по случаю прибытия из дальних мест»[1]. Действительно, в своём коллективном ходатайстве губернатору они подчёркивали, что повторный приезд в Казань будет сопряжён с новыми расходами.

Д. А. Толстой молчал. Как было сказано, в это время в высших эшелонах российской власти рассматривалась возможность проведения выборов с участием духовенства всех губерний округа Духовного собрания. 12 декабря стало известно, что рассмотрение в Государственном Совете вопроса об изменении порядка назначения заседателей Духовного собрания отложено и принятие решения может затянуться. Наконец, 14 декабря из Петербурга в Казань поступила долгожданная телеграмма, разрешающая проведение выборов на прежних основаниях[2].

На следующий день губернское правление предписало казанскому городскому полицейскому управлению провести выборы 17 декабря в здании Городской думы в 12 часов дня и пригласило для наблюдения за процедурой ахуна Ш. Багаутдинова (Ш. Марджани) и имама М. Халитова. Между тем сразу после положительного разрешения данного вопроса, авторитетные горожане из татар – казанские купцы – обратились к губернатору Черкасову и заявили о проведении предыдущих выборов с нарушениями ввиду тайных соглашений между муллами-уполномоченными, вследствие чего заседателями становились «не всегда достойные лица». Поэтому предприниматели просили разрешить «находиться при баллотировке мулл избирателями» 20 торговцам как представителям от местного татарского купеческого общества.

Чиновники губернского правления, учитывая свои предыдущие постановления и «в устранение могущих быть в среде магометан неверных слухов о порядке или способе баллотировки», посчитали возможным разрешить купцам присутствовать в выборах лишь в качестве наблюдателей. Данное постановление губернского правления Л. И. Черкасов утвердил 16 декабря. Однако татарские купцы, не согласившись с таким решением властей, добились повторной встречи с губернатором и указывали, что наблюдение за выборами лишь в качестве свидетелей «мало гарантирует правильного выбора» заседателей и настаивали допустить их к участию в тайном голосовании. Только в таком случае они будут уверены, что новыми заседателями станут «люди вполне достойные». Они также взяли на себя обязательство платить годовое жалованье по 1000 руб. избранным при их участии двум членам ОМДС[3].

На следующий день, в день выборов, в зал Городской думы неожиданно явился сам казанский губернатор в сопровождении 20 татарских купцов. Полицмейстер Остржинский перед самым началом процедуры передал муллам-уполномоченным полученное через чиновника при губернаторе князя Ч. Давлеткильдеева письменное ходатайство татарских торговцев, в котором имелась резолюция губернатора о разрешении им участвовать в выборах, в случае согласия духовных лиц. Муллы согласились с таким предложением и сообщили об этом Л. И. Черкасову.

В результате, помимо прибывших 35 мулл, к выборам заседателей Духовного собрания и кандидатам к ним были допущены двадцать татарских предпринимате-

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 133.

[2] Там же.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Д. 3. – Д. 5719. – Л. 28 об.

лей Казани[1]. По итогам тайного голосования большинство шаров набрал и старшим заседателем Духовного собрания был избран мулла казанской Усмановской мечети Мухамадей Салихов («за» – 52, «против» – 3). Второе место занял Залялетдин Тазетдинович Максютов, не присутствовавший на выборах («за» – 47, «против» – 8). Третьим заседателем стал имам д. Кулаево Царёвококшайского уезда Мухаметшакир Сайфуллин («за» – 47, «против» – 8), также отсутствовавший, но допущенный к баллотировке на основании личного заявления и с разрешения казанского полицмейстера. Получается, что при тайном голосовании за Мухамадея Салихова его поддержали 32 из 35 духовных лиц, за Залялетдина Максютова 27 мулл, т. е. большинство из числа уполномоченных мусульманского духовенства губернии[2].

Полученный 28 декабря из полицейского управления протокол выборов, подписанный казанским полицмейстером, членом управления И. Фадеевым, чиновником при казанском губернаторе князем Ч. Давлеткильдеевым и имамом Мухаметзакиром Халитовым (Ш. Марджани не явился. – *И. З.*), был утверждён 3 января 1884 г. губернским правлением на основании «словесного предложения» Л. И. Черкасова. Начальник губернии оставил постановление у себя. 9 января 1884 г. было проведено новое заседание губернского правления по этому же вопросу, на котором с подачи губернатора был утверждён уже другой текст постановления, где констатировалось отсутствие в действующем законодательстве правил выборов заседателей ОМДС и кандидатов к ним. Допущение к выборам купцов-мусульман признавалось не противозаконным, тем более, если учесть, что они были допущены с согласия самих избирателей мулл-уполномоченных. На этом основании делалось заключение, что выборы, прошедшие 17 декабря 1883 г., являются легитимными[3].

Старший советник казанского губернского правления Звонков, заступающий на место вице-губернатора, 13 января представил в МВД записку с изложением своей мотивации незаконности выборной процедуры, приложив к ней копию журнала правления от 9 января 1884 г.[4]

Соглашаясь с тем, что избрание заседателей Духовного собрания и кандидатов к ним проводилось до этого времени «по обычаю» без каких-либо законодательно регламентированных правил, он писал: «Если же губернское правление признавало нужным изменить этот обычай допущения в выборы лиц, не имеющих звание мулл, и притом без всякого уполномочия, то изменение это, по моему мнению, могло быть сделано не после двух постановлений губернского правления, вошедших в законную силу и установивших порядок избрания не за день до назначения выборов и не для одних купцов Казани, отличающихся фанатизмом, а заблаговременно,

---

[1] Ахметзян Сайдашев, Муртаза Азимов, Исхак Апанаев, Гариф Утямышев, Мухаметзян Галеев, Вали Апанаев, Юсуп Апанаев, Бурганетдин Муллин, Абдрахман Ибрагимов, Вали Чукин, Исхак Айтуганов, Шамсутдин Сагадеев, Измаил Галанский, Шагий Аминев, Сафа Галикеев, Гарафутдин Абдуллин, Вали Яушев, Зайнулла Усманов, Галиаскар Бигашев и Абдулгани Биктемиров.

[2] В кандидаты в заседатели баллотировались 5 человек из числа уполномоченных лиц, из которых были избраны имам д. Большой Ошняк Лаишевского уезда Себгатулла Бикмухамедов («за» – 45, «против» – 10), мулла д. Малые Ширданы Свияжского уезда Абдулкавий Абдулнасыров («за» – 39, «против» – 16) и имам д. Старое Ромашкино Чистопольского уезда Мухаметкамал Мухамедьяров («за» – 31, «против» – 24).

[3] НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1269. – Л. 33–34.

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 144–152 об.

чтобы участие в выборах могли принять заранее указанные правилом и притом в определённом количестве лица от всех уездов или магометанских приходов губернии, пропорционально населению. Тогда в выборах в заседатели ОМДС не могла бы оказаться несоразмерность бывшего 17 декабря прошлого года, где от гор. Казани при магометанском населении около 5000 было выборщиков 21 человек, а от Казанского уезда с населением до 54 000 участвовали только 7 человек»[1]. По мнению Звонкова, согласие мулл-избирателей допустить татарских купцов к тайному голосованию не имеет юридической основы, ибо они имели право лишь избирать заседателей и не более.

Существенное пояснение сложившейся в тот период в Казани ситуации вносит анонимная записка мулл-выборщиков, адресованная министру внутренних дел Д. Толстому.

Оказывается, что после разрешения проведения выборов купцы во главе с А. Сайдашевым потребовали от сельских мулл избрания заседателями имама городской Усмановской мечети Мухамадея Салихова и заседателя (кадия) Духовного собрания Залялетдина Максютова. Торговцы утверждали, что сам начальник губернии солидарен с ними, и в случае неисполнения этого требования, «жандармы отправят» мулл «в чёрных каретах». Согласно анонимному письму, глава губернии также говорил духовным лицам – уполномоченным – о желательности избрания достойных лиц и объявил, что каждому избранному заседателю купцы обещают выплачивать по 1 тыс. руб. ежегодного жалованья. Однако, как следует из анонимного письма, большинство прибывших в Казань мулл-выборщиков не согласились с выдвинутыми кандидатурами.

В день выборов, 17 декабря, в здании Городской думы губернатор обратился к ним с вопросом (его переводил князь Ч. Давлеткильдеев. – *И. З.*): «Имеете ли вы что-нибудь против того, чтобы купцы участвовали в вашей баллотировке?». Двое или трое мулл из числа сторонников купцов сказали «нет», а большинство духовных лиц молчали, «боясь губернатора и богатых купцов». Тогда, пишут муллы, «губернатор не дал одуматься, сей же час продолжал: так как вы согласны, то я могу удалиться».

Приезд губернатора, действительно, стал неординарным событием и оказал сильное впечатление на приехавших из сельской глубинки духовных лиц. Ещё одним аргументом в пользу поддержки начальником губернии татарских купцов является утверждение их о том, что в это время купец А. Сайдашев находился под судебным следствием и не имел права участия в выборах. Приобретает также глубокий смысл отправление Л. И. Черкасовым именно 9 января, в день проведения повторного заседания губернского правления, уведомления министру внутренних дел о проведении и итогов выборов[2]. Создаётся впечатление, что казанский губернатор явно не хотел, чтобы кто-либо раньше него сообщил в министерство по поводу случившегося собственную оценку, отличающуюся от его мнения.

Возникает закономерный вопрос: в чём причина такой активности татарских купцов и стремления их материально поддерживать заседателей Духовного собрания? Ответ на данный вопрос также содержится в анонимном письме мулл-выборщиков Казанской губернии.

---

[1] НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1269. – Л. 44–44 об.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 140–142.

Видимо, через заседателя З. Максютова казанские купцы были хорошо осведомлены с положением дел в религиозном управлении, о самочувствии престарелого муфтия С. Тевкелева, желавшего отставки по состоянию здоровья (умер 2 января 1885 г. – *И. З.)*. Возможно, по их плану, в дальнейшем заседатель З. Максютов как лицо, знающее порядок работы в Духовном собрании, должен стать своеобразным связывающим звеном между старым и новым составами заседателей.

В этот период А. Я. Сайдашев являлся безусловным лидером татарских купцов и всей городской этноконфессиональной общины. По его сценарию была успешно проведена операция по избранию «нужных» заседателей. Примечательно, что в анонимном письме купец А. Я. Сайдашев именуется не иначе как «голова их (татарских купцов. – *И. З.)*», «которого казанское общество справедливо называет татарским губернатором». Согласно анонимному письму, А. Я. Сайдашев планировал определить на должность оренбургского муфтия своего представителя, имама Мухамадея Салихова, утвердив его первоначально старшим заседателем Духовного собрания: «цель выбора Салихова та, чтобы сделать его со временем муфтием, так как нынешний муфтий желает отставки»[1]. Очевидно, что через тогдашних заседателей Духовного собрания казанские купцы были осведомлены и о готовящемся изменении порядка выборов членов религиозного управления. В значительной степени этой информацией также можно объяснить решительность действий татарских предпринимателей.

В письме дана нелестная характеристика имам-хатибу Усмановской мечети: «Мулла Салихов – известный фанатик, который возбудил в нынешнем году Казанское общество против высочайшего повеления. Автор очень вредной книги, предводитель депутации, выбранной под видом поднесения государю императору хлеба и соли [...] Мулла Салихов – враг всего русского и всякого образования. Он единственный мулла в Казани, не знающий ни одного слова по-русски, и обещал здесь тем купцам освободить татарские школы от влияния правительства». Второму кандидату от купцов З. Максютову также даётся нелицеприятная оценка: «Максютов, взяточник, занимается в Уфе торговлею, будет действовать, как желают казанские купцы». Заявляя о том, что хотели бы избрать «людей умеренных, знающих русский язык и поэтому полезных правительству», анонимные авторы просили Д. А. Толстого назначить по этому делу следствие и, аннулировав результаты тайного голосования, провести новые выборы[2].

Д. А. Толстой запросил информацию у Департамента полиции, который подтвердил, что Мухамадей Салихов «слывёт религиозным фанатиком, как и все, без исключения, татарские муллы, второй (З. Максютов. – *И. З.)* по народной молве большой взяточник, последний (М. Сайфуллин. – *И. З.)* ничем особенным» не выделяется[3].

Под впечатлением решительных действий татарских купцов наблюдательный миссионер Ильминский в своём тайном письме обер-прокурору Синода П. Д. Победоносцеву от 10 февраля 1884 г. доверительно сообщал: «[...] в собрании находятся трое кадиев, выбираемые из мулл Казанской губернии – собственно муллами из своей среды. Жалованье кадиям казённое, малое (250 руб.?). Они и пробавляются

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 607. – Л. 136.

[2] Там же. – Л. 136 об.

[3] Там же. – Л. 138–138 об.

подачками от ставленников своих (они должны дать ставленникам экзамен и аттестат, за что и платится по нескольку рублей). Солидные муллы гнушались этого места. Теперь же (слышал я) выбран в кадии под влиянием казанских купцов-татар по своему учёный и фанатик; для безбедного содержания ему в Уфе казанские купцы от себя назначили 600 руб. в год в прибавку к казённому жалованью. В. В. Радлов (т. е. инспектор татарских школ Казанского учебного округа) печалуется, что таким образом к религиозно-административному центру выдвигается мулла Салихов (фамилия избранного). Учёный и фанатик, и жестокий враг русско-татарских школ Министерства народного просвещения. Это может быть, но в придачу к тому выскажу свои соображения. И прежде были в Казани богатые и усердные к магометанству купцы, но никогда не вступались в дела своего духовного управления, хотя щедро жертвовали на мечети и медресе. Откуда же теперь вдруг появилось такое усердие в казанских купцах-татарах? Я полагаю, что в этом новом явлении кроется влияние панмусульманских идей татарской интеллигенции, частнее Гаспринского и К».

После такого нагнетания ситуации, хорошо зная характер Победоносцева, как бы между прочим, ненавязчиво, миссионер подсказывал своему всемогущему покровителю и единомышленнику: «Говорят, что выбор муллы Салихова можно классифицировать на основании протеста или отдельного мнения советника губернского управления (речь идёт о рассмотренном нами «отдельном мнении» Звонкова. – *И. З.*), представленного в Министерство. Воспользоваться этим поводом было бы, кажется, небесполезно, чтобы несколько ограничить придумчивость татар, способных обольстить своею мнимою цивилизациею даже бдительное око власти, подобно тому, как при кончине мира ложные пророки великими знамениями будут прельщать избранных. Но отстранением одного дело не прекращается, будет избран другой. И если уже не возникла, то в будущем возникнет мысль у татар – воспользоваться уфимским центром»[1]. Затем, завершая письмо, на основании своих доводов миссионер делает вывод о необходимости закрытия Духовного собрания[2].

Таким образом татарское купечество Казани рассматривало Духовное собрание как учреждение, консолидирующее татар-мусульман различных губерний, как орган, представляющий перед правительством интересы своих дисперсно расселённых в Поволжье, Приуралье и Сибири единоверцев. Неутомимый Н. И. Ильминский в

---

[1] Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву. – Казань, 1895. – С. 64–65.

[2] Н. И. Ильминский далее продолжал: «Что же за центр – этот кошмар, который не даёт нам покоя ни днём ни ночью. Кто его выдумал? Ни в Алкоране, ни в Шариате нет ему основания; русское муфтийство с магометанским собранием выдумала Императрица Екатерина II по соображениям политическим и в своё время без сомнения основательным и полезным, по образцу православных архиереев с консисториями. Но власть архиерея ограничивается епархией, а уфимский муфтий является чем-то вроде патриарха. При том теперь уже времена изменились, – враждебные и чуждые элементы стремятся создать себе центр или прицепиться к готовому центру. Знаете ли, что мне пришло в голову? Уничтожить уфимский центр, т. е. отменить существование уфимского магометанского собрания и муфтия, предоставив нынешнему муфтию хаджи Тевкелеву доживать свой век в муфтийском сане. А все дела относительно испытания мулл, разводные и т. п. распределить по местным губернским правлениям. Под высшим наблюдением департамента исповеданий. А муллы, как специалисты Шариата, будут участвовать в губернском правлении, о чём может быть составлена специальная инструкция» (см.: Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву. – С. 65–66).

своей оценке татарской национальной элиты был недалёк от истины. Татарские купцы нуждались в Духовном собрании, в легитимном рычаге воздействия на мусульманское сообщество. В 1883 г. им удалось на трёхлетие избрать своих представителей – заседателей Духовного собрания, обеспечив им материальную поддержку.

Здесь уместно привести ещё второй концептуальный вывод Н. И. Ильминского, внимательно наблюдавшего за событиями в общественно-культурной жизни российской уммы. В том же письме, от 10 февраля 1884 г., адресованному всесильному обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву (читай: правительству), на основе изложенных им ряда фактов, он пророчески заявил: «В России начинается мусульманский вопрос»[1].

После смерти С. Тевкелева, с января 1885 г., и до вступления на должность муфтия М. Султанова старший заседатель религиозного управления Мухамадей Салихов временно исполнял обязанности председателя ОМДС.

Новый состав заседателей стал транслятором на приезжающих в религиозное управление по разных делам духовных лиц и кандидатов на должности имамов установок и идей национальной буржуазии. Н. А. Остроумов, приёмный сын Ильминского, в 1908 г. подчёркивал, что оживление деятельности ОМДС началось именно после избрания казанскими купцами своих кандидатов в заседатели религиозного учреждения, в частности, «прогрессиста» муллы Салихова. Он писал: «это назначение делается именно для того, чтобы воспользоваться Магометанским духовным собранием – как орудием воздействия на мусульманские массы. С тех пор экзамен на звание муллы потерял свой патриархальный характер и сделался средством для идейных внушений. Через экзамены в Магометанском духовном собрании ежегодно проходит более тысячи мулл. Кроме сего, множество мулл приезжает постоянно в Уфу в Духовное собрание: по делам бракоразводным, для выправки метрических книг и т. п.»[2]. Бывший попечитель ОУО писал, что «есть давнее моё убеждение, сложившееся лет около 25 тому назад, когда впервые Уфимское магометанское духовное собрание, приглашением в свой состав передового муллы из Казани Салихова, вступило на путь отождествления ислама с казанским татарством»[3].

Таким образом, выработанное в 1883 г. купцами Казани отношение к ОМДС как институту объединения мусульманского населения Волго-Уральского региона, и использование его административных возможностей в условиях отсутствия других рычагов (как, например, периодическая печать) успешно применялись в последующие годы. В результате, помимо распространения религиозной литературы, именно через беседы при проведении испытаний, переписки с духовными лицами Казань стала позиционироваться как общественно-культурный центр татаро-мусульманского сообщества, а казанские купцы как лидеры общественного движения мусульман Волго-Уральского региона.

---

[1] Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву. – С. 65.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 800. – Л. 344–391.

[3] Там же.

Национальные элиты и имперская власть: поиск кандидатуры нового муфтия в 1885 г.

2 января 1885 г. умер 82-летний оренбургский муфтий С. Тевкелев (1865–1885 гг.), к которому сложилось неоднозначное отношение мусульман Европейской части и Сибири[1]. Согласно еженедельной записке уфимского губернатора от 7 января 1885 г., с момента кончины С. Тевкелева среди городского татарского населения активно обсуждался будущий преемник муфтия. Кандидатом называли князя Ахметгирея Чингисхана, сына последнего хана Букеевской Орды Джангира, известного среди мусульман края деятеля, которого будто бы в своё время рекомендовал министру внутренних дел сам С. Тевкелев. Между тем брат покойного муфтия, полковник в отставке Тевкелев конфиденциально сообщил П. А. Полторацкому, что многие местные мусульмане, в том числе и он, хотели бы видеть на этой должности подпоручика из потомственных дворян Мухамедьяра Шариповича Султанова[2], которого, как оказалось, уфимский губернатор лично не знал[3].

После упразднения Оренбургского генерал-губернаторства верховенство во мнении по вопросам, связанным с жизнедеятельностью ОМДС, перешло уфимскому губернатору, которому непосредственно подчинялось религиозное управление. Между тем в этой сфере первым проявил инициативу начальник соседней Оренбургской губернии: 30 января 1885 г. с его подачи предводитель губернского дворянского собрания генерал-майор Чернов порекомендовал на вакантную должность бывшего чиновника особых поручений – оренбургского генерал-губернатора Мирсалиха Мирсалимовича Бекчурина. Вскоре в ДДДИИ поступило письмо и от самого бывшего оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского[4], настоятельно рекомендовавшего на должность муфтия «преданного России» и «совершенно бедного» отставного действительного статского советника из ка-

---

[1] С разрешения министра внутренних дел Д. А. Толстого погребение муфтия было произведено на территории соборной мечети Уфы. При значительном стечении духовных лиц и мусульман уфимский губернатор П. А. Полторацкий передал семье покойного (жене, С. Тевкелев был бездетным) соболезнование от имени императора Александра III, а местному имаму – телеграмму с соболезнованием от министра внутренних дел для оглашения в мечети во время общественной молитвы.

[2] М. Султанов окончил 1-ю Казанскую гимназию, поступил в Казанский университет, но по болезни вынужден был оставить 1-й курс, в 1857 г. поступил урядником на службу в 18-й башкирский кантон Башкирского войска, через два года получил чин хорунжего, а в 1861 г. был назначен начальником 20-го кантона. После введения «Положения о башкирах» 1863 г. стал помощником начальника 7-го Мензелинского кантона, а в 1866 г. уволился из военной службы в чине подпоручика и стал мировым посредником 5-го участка Мензелинского уезда Уфимской губернии. В 1870 г. по своей инициативе перешёл мировым посредником в Белебеевский уезд. В 1878 г. он стал участковым мировым судьёй Белебеевского уезда, а в 1881 г. – Мензелинского уезда. Являлся кавалером ордена Св. Станислава 2-й степени.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 3–3 об.

[4] Там же. – Л. 113–114 об.

Там же. – Л. 36 об. – 37.

симовских татар М. М. Бекчурина[1], хорошо знавшего арабский, персидский и турецкий языки.

Таким образом, уже в начале февраля 1885 г. в портфеле директора ДДДИИ князя М. Р. Кантакузен-Сперанского имелись две кандидатуры на должность оренбургского муфтия, рекомендованные местной администрацией.

Как повели себя татарские национальные элиты в этот ответственный для мусульманского сообщества период? Кто выступал с инициативами? Какими были эти инициативы? Ведь в этот период мусульмане формально сохраняли, согласно действующему законодательству, право на избрание нового оренбургского муфтия.

Важно отметить, что единичные голоса мусульман о необходимости избрания муфтием человека с несколько иными критериями, печатались в русской периодической прессе. В частности, в январе 1885 г. имам Подгорной татарской слободы г. Костромы Тухватулла Сафаров публично заявил, что «муфтий должен быть человеком образованным, человеком не замкнутой, а общественной жизни, знающим духовные и гражданские законы и общегосударственный язык». Имам предлагал допустить к участию к выборам муфтия не только духовных лиц, но и «светских мусульман» – их устранение «вряд ли будет справедливым и рациональным»[2].

Практически одновременно другой мусульманин напечатал в газете «Оренбургский листок» своё мнение, которое противоречило позиции большинства духовенства: «Благомыслящие мусульмане желают, чтобы муфтием было избрано лицо светское, просвещённое, преданное России, любящее свой народ и желающее ему блага путём распространения русского просвещения и общечеловеческой цивилизации, а не из безграмотных фанатиков мулл, начётчиков [...] Татары требуют возрождения своей народной жизни, они пребывают в косности и застое, в душевном мраке, в полном невежестве, и не мулле возродить их»[3].

Согласно информации газеты «Оренбургский листок», муллы Казани послали духовенству Оренбургской губернии «нечто вроде воззвания по поводу выборов преемника умершему муфтию Тевкелеву». Воззвание призывает прислать в ОМДС приговоры о назначении муфтием «непременно из мулл или духовного звания»[4]. Видимо, такие «воззвания» были направлены в другие крупные татарские городские общины, которые, как будет рассмотрено далее, адресовали свои ходатайства именно в ОМДС.

Если сравнить действия представителей национальных элит после смерти М. Сулейманова в 1862 г. и спустя 20 лет, то наблюдались разительные отличия в их поведении. В 1862–1865 гг. они выдвигали своих кандидатов на эту ответственную духовную должность. Теперь же в их прошениях красной нитью проходила мысль

---

[1] М. М. Бекчурин, дворянин Оренбургской губернии, воспитывался в Неплюевском военном корпусе. Служебную карьеру начал в 1838 г. канцеляристом в Оренбургской пограничной комиссии. В 1841–1878 гг. преподавал восточные языки в Неплюевском военном училище. Несколько раз был командирован в Туркестан для переводов с персидского языка, участвовал в походе 1866 г. В 1878 г. был определён сверхштатным чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе, в 1880 г. вышел в отставку (РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1068. – Л. 1–3 об.).

[2] Волжский вестник. – 1885. – № 28. – 5 февр.

[3] Там же. – № 32. – 9 февр.

[4] Там же.

о желательности назначения оренбургским муфтием духовного лица, а не человека, далёкого от знаний основ религии.

Другая отличительная черта – это подача практически всех коллективных ходатайств через Духовное собрание, что свидетельствует о возросшей роли религиозного управления, авторитете его членов в курировании данного вопроса или об исполнении общинами установки казанских купцов о непременной подачи ходатайств в адрес ОМДС. Как было рассмотрено, в 1860-е гг. все ходатайства адресовались напрямую министру внутренних дел или подавались ему через местного губернатора.

Такое поведение представителей национальных элит, во-первых, свидетельствует о существовании определённых издержек между мусульманами и С. Тевкелевым, бывшим российским офицером в отставке, который слабо разбирался в вопросах исламского вероучения и шариата. Во-вторых, воздержание татар от указания своих кандидатов на эту высокую должность, на наш взгляд, говорит об отсутствии у них иллюзий относительно реализации законного права самим избирать духовного главу. В-третьих, нельзя исключать возможность того, что это было своеобразной тактикой, направленной на назначение муфтием временно исполняющего эту должность старшего заседателя ОМДС М. Салихова, представителя казанского купечества. Если бы ходатайствующие указывали его кандидатуру, то в верхних эшелонах власти сложилось бы мнение о специально организованной предвыборной кампании в масштабах округа, о согласованных действиях мусульман разных регионов, что, безусловно, навредило бы М. Салихову.

Как видно из поступивших в ДДДИИ ходатайств из регионов, просьба избрать на вакантную должность непременно духовного лица специально оговаривается во всех общественных приговорах, которые мы расположили в хронологическом порядке с целью воссоздания динамики событий. Это приговоры и ходатайства татарского населения трёх губерний: 1) татарской общины Казани (2 января 1885 г.)[1]; 2) мусульман Симбирска (2 января 1885 г.); 3) десяти имамов из татарских селений Керенского уезда Пензенской губернии (2 января 1885 г.); 4) жителей «всех татарских селений» Малмыжского уезда Вятской губернии (январь 1885 г.).

Примечательный факт: первым в ДДДИИ поступило коллективное прошение татарского общества Казани, составленное 2 января 1885 г. Оно было отправлено и. о. оренбургского муфтия М. Салиховым 13 февраля 1885 г. из ОМДС. Выразив своё соболезнование по случаю смерти С. Тевкелева, татары просили Духовное собрание «сделать распоряжение о представительстве с ходатайством перед высочайшим именем или надлежащим правительством о дозволении избрать муфтия из лиц духовного сословия магометанским обществом и вполне заслуживающее и назначения на означенную должность»[2]. Первыми коллективное ходатайство подписали коммерции советники – братья Ибрагим и Исхак Юнусовы; казанский купец, п. п. гр. Муртаза Мустафич Азимов; купец Мухаметсадык Курбангалиевич Бурнашев; купец, п. п. гр. Юсуп Мухаметович Апанаев; п. п. гр. Мухаметвали Абдулкаримович Апанаев; п. п. гр. Мухаметзакир Абдулкаримович Апанаев; купцы Мухаметзян Сулейманов

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 64–72.
[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 13–13 об.

Антов, Мухаметгариф Утямышев, Мухаметзян Ибниаминович Галеев, Ахметзян Яхьич Сайдашев, Исхак Апанаев, Шамсутдин Сагадеев (временно проживающий), Бурганутдин Фахрутдинович Муллин, Юсупов Арсеев и др. В документе имеются ещё более 40 подписей, главным образом, купцов, а также нескольких мещан и крестьян, видимо, также занимающихся предпринимательством[1].

Другую группу просителей представляли 15 городских духовных лиц во главе с ахуном Юнусовской соборной мечети, старшим мударрисом Ш. Багаутдиновым (Ш. Марджани)[2]. Коллективное прошение мусульманской общины Казани было заверено 28 января нотариусом Ф. Михайловым. Перевод подписей ряда лиц с татарского на русский язык осуществил Шамсутдин Сагадеев, а приговор набело переписал Андрей Кирсанов – близкие сподвижники купца М. Я. Сайдашева, которых он нанимал при составлении различных прошений[3].

Ещё до поступления коллективного прошения в столицу, чиновники узнали о нём из письма уфимского губернатора П. А. Полторацкого, который заявил: «назначение муфтия из среды магометанского духовенства не соответствовало бы государственной пользе по необразованности и склонности (духовных лиц. – *И. З.*) к фанатизму».

Анализ даты составления общественных приговоров позволяет утверждать, что в январе – феврале 1885 г. первыми петиции направили татарские общины ряда городов и местностей Среднего Поволжья.

В самом конце января – начале марта 1885 г. наблюдалась подача петиций крупными городскими татарскими общинами Среднего Поволжья, Приуралья и степных

---

[1] Купцы: Исхак Идрисов Айтуганов, Вали Мусин Яушев, Халиулла Хабибуллин Галеев, Камалутдин Гимадутдинов, п. п. гр. Шакир Абдулов Мустакимов, купец Абдулганий Биктагиров, жители Казани: Гайнулла Тохватуллин Мратов и Галиаскар Вафин Бигаев, купец 2-й гильдии Салих Вафин Бигаев, житель Казани Сулейман Астафович Мишкин, Шафик Шамсутдинов, купцы: Исмаил Губайдуллин Иманкулов, Гайса Мусин, Хасан Сабитов Абдрахманов, казанские жители: Фахрутдин Садиков, Ибрагим Идрисов, мещанин Шахифутдин Султанбеков, житель Казани Гимран [...], купцы: Шагабутдин Негматуллин, Ибрагим Искандеров, мещанин Исхак Искандеров, купцы: Измаил Тимирбулатович Галанский, Абдрахман Аминов Ильязов, мещанин Шани Ахмет Бикбов, житель Казани крестьянин Иксан Валитов, купцы: Сафа Галикеев, Салих Сабитов Галикеев, жители Казани Абдрахман Хабибуллин Сантов, Абдулкарим Губайдуллин Сизиряков, мещане Мухаметшарип Мазитов Абдуллин, Исхак Юсупов Абдряшитов, Измаил Галимов, Мухаметша Мустафин Азимов, п. п. гр. Хасан Губайдуллин Арсаев, п. п. гр., купец Мухаметзян Назиров Казаков, купец Ибатулла Муртазин Кушаев, жители Казани Гали Козин, Абдулкарим Биктяев, мещане: Ахметзян Нагуманов Галеев, Ибрагим Мухаметдинов Сайфуллин, п. п. гр. Мухаметрахим Абрашитов Юнусов, отставной майор Ибрагим, купец Мухаметзян Вафа Сабитов, мещанин Шагиахмет Аминев, купец Мухаметгали Валитов и др.

[2] Имам-хатиб 2-й соборной мечети и мударрис-мухтасиб Габделгаллям Салихов, имам-хатиб 4-й соборной мечети Мухаметзакир Хамматов, имам-хатиб 5-й мечети Мухамет-Юсуп Сагитов, имам-хатиб и мударрис Галимзян Мухаметзянов, имам и мударрис Усмановской мечети Сахибутдин Габделатыпов, мулла Сеннобазарной мечети Хузиахмет Музафаров, имамы Азимовской соборной мечети Хисамутдин Габделгалеев и Габделвали Габделгафаров, мулла Казаковской мечети Хабибулла Габделгафаров, имам мечети № 9 в Новотатарской слободе мударрис Хусаин Амирханов, имам Мухаметзарип Хусаинов, имам и мударрис Габделкаюм Габделбадигов, имам 3-й мечети Шакир Габделзяпбаров.

[3] *Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1992. – С. 167.

областей. Первыми из второй «волны» коллективное ходатайство составили жители Сеитова Посада Оренбургской губернии (29 января), в котором имеются подписи духовных лиц (12 имамов, 8 муэдзинов), купцов, мещан и башкир. Всего 379 чел. своим общественным приговором постановили о том, что «желали бы вместо покойного муфтия избрания из духовных лиц: ахунов и указных мулл, знающих вполне все догматы магометанской религии, ибо муфтий заведует всеми делами духовными», а также просили Духовное собрание довести до министра внутренних дел их мнение[1].

Попытаемся восстановить дальнейшую хронику событий по времени составления общественных приговоров. Татары Семипалатинска во главе с областным ахуном Ибрагимом Ахматовичем Абдразаковым составили 9 февраля общественный приговор об избрании на должность муфтия человека «самого высшего религиозного образования из наших духовных»[2].

В пореформенный период татарские предприниматели ряда городов выступали как автономные корпоративные социальные группы. Дисперсное расселение создавало определённые трудности в их взаимодействии и постоянном общении. Местом встречи и обсуждения наболевших проблем, в том числе общенационального масштаба, в рассматриваемое время выступали крупные российские ярмарки, в которых участвовали купцы-мусульмане. Вовсе не случайно, что часть коллективных ходатайств были составлены именно в сезон ярмарочной торговли. Одним из крупных «торжищ» (второй по обороту денежных сумм в Российской империи), в котором традиционно участвовали татарские предприниматели, была Ирбитская ярмарка. 15 февраля 1885 г., накануне закрытия торговых операций, в присутствии полицейского чиновника и старшего ахуна Акмолинской области Габделбария Яушева торговцы-мусульмане провели собрание[3] и решили просить о назначении на вакантную должность оренбургского муфтия, человека «из среды магометанского духовенства, а не из другого какого-либо сословия». Ходатайствовать было доверено ахуну Уфимской губернии Габдулле Габдулсаттарову, а перед Духовным собранием петропавловскому ахуну Габделбарию Яушеву, одновременно исполнявшему обязанности имама местной ярмарочной мечети[4].

---

[1] Этот приговор утвердили должностные лица: сеитовский городовой староста Садретдин Ураев, мещанский староста Тухватуллин и волостной старшина Усман Мухаметрахимов (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 17–25).

[2] Там же. – Л. 1.

[3] Следует отметить, что в этот сезон в Ирбите коммерческие операции осуществляли мусульмане из Петропавловска, Казани, Троицка, Тобольска, Семипалатинска, Мензелинска, Челябинска, Стерлитамака, Оса, Тары, Акмуллы, Ташкента, Атбасара, Павлодара, Копала, Верного, бухарцы «тюменские, тобольские, петропавловские», уроженцы Казанского, Мамадышского, Цивильского, Тетюшского и Свияжского уездов Казанской губернии, Бирского и Уфимского уездов Уфимской губернии, Елатомского уезда Тамбовской губернии, Буинского уезда Симбирской губернии, Вятской и Саратовской губерний, Шадринского и Екатеринбургского уездов Пермской губернии. Коллективный приговор подписали также имамы из Троицка, Ташкента, Осинского уезда Пермской губернии и ряда других губерний, прибывшие на ярмарку (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 57–63).

[4] Там же.

17 февраля татарские духовные лица, купцы, мещане и временно проживающие в Петропавловске Акмолинской области провели собрание с аналогичной повесткой дня и прописали в общественном приговоре своё решение следующим образом: «как глава над лицами духовного звания, так равно в рассмотрениях по шариату, то для вышесказанной должности мы желаем избрать в муфтии из среды духовенства, а не из другого какого-либо звания...» Купец Юсуп Исхакович Усманов, пользующийся большим доверием и авторитетом, был единогласно избран доверенным лицом общины для подачи приговора общины в ОМДС[1].

В феврале также провели собрания и отправили в Уфу свои прошения духовные лица Краснослободского уезда Пензенской губернии и ряд духовных лиц и мусульман той же губернии[2].

Массовое коллективное прошение мусульман Оренбурга о том, чтобы «чисто духовная» должность должна быть замещена «лицом духовным высокого звания «Глава ислама», принадлежащего муфтию по нашей религии и способным поэтому внушать верующим магометанам искреннее почтение и пользоваться среди них достаточным нравственным авторитетом»[3] было составлено 28 февраля 1885 г.[4]

В тот же день, 28 февраля, представители татарского общества Троицка Оренбургской губернии с разрешения местной полиции собрались в соборной мечети и под председательством ахуна Мухаммадшарифа Абдуллатифова обсуждали религиозно-духовные проблемы этноконфессиональной общины. Относительно выбора нового муфтия было принято следующее решение: чтобы на эту должность был назначен «достойнейший из среды магометанского духовенства, а не из другого сословия, каковое сословие мы, по чистой совести и без всякого лицемерия, считаем наилучшим ручательством надлежащих качеств того лица, которому предстоит занять высокое по важности сей пост, как в интересах наших духовных, так и правительственной власти»[5]. В 1-й соборной мечети общественный приговор, принятый по итогам собрания, был зачитан 1 марта местному уездному исправнику Соколову, который утвердил документ своей печатью и подписью.

Несколько позже, 12 марта, свой приговор с аналогичным решением относительно выборов муфтия в Духовное собрание прислали муллы селений Бураевской волости Бирского уезда Уфимской губернии[6].

Ситуацию вокруг избрания нового оренбургского муфтия внимательно отслеживал директор Казанской учительской семинарии Н. И. Ильминский. 18 февраля

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 83–83 об.

[2] Там же. – Л. 64–72.

[3] Там же. – Л. 45.

[4] О проведении собрания активистов городской общины в Караван-сарайской мечети косвенно указывает факт подписания духовными лицами документа данного храма первыми: ахуном С. Даутовым, имамом (третий в списке подписавшихся) М. Гайнутдиновым. Далее следовали подписи духовных лиц города. Вслед за духовными лицами поставили свои подписи купцы, мещане и другие лица. Из их числа первым расписался «купеческий брат» Махмут Галеевич Хусаинов, среди других торговцев следует выделить купцов Мусу Габдуллина, Гимазетдина Тазетдинова, Мухамеджана Шарипова. Если рассматривать состав подписавших 10-листовой общественный приговор в сословно-социальном «разрезе», то следует выделить мещан, крестьян, казаков, башкир, отставных солдат и казахов.

[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 79–79 об.

[6] Там же. – Л. 73–75 об.

1884 г. «под условием великой тайны» он сообщил обер-прокурору Синоду К. П. Победоносцеву следующее: «Газеты на место умершего муфтия Тевкелева указывали на разные лица: на одного казанского учёного муллу, на князя Чингизхана, получившего образование в Пажеском корпусе, гвардии полковника в отставке, и ещё на кого-то.

Я не находил бы удобным казанского муллу, ибо здешние муллы фанатичны. Но ещё неудобнее, по моему мнению, такой аристократ, как князь Чингизхан: он своим богатством, родовитостью степной может придать блеску мусульманству и уничтожить русское духовенство, тем более что уфимские русские-то преклоняются перед татарами от чистого сердца. Чингисхан может иметь влияние и на киргизский народ к усилению исламизма в степи киргизской. Но и совсем уничтожить муфтийство, – а с ним нужно похерить и Магометанское духовное собрание, – едва ли не будет резко и, быть может, возбудить волнение в татарах. По моему мнению, удобнее сделать меру среднюю (medio tutissimus ibis): поручить исправление должности временно, например, Максютову; давно он служит судьёю (т. е. членом) Духовного собрания; весь занят торговыми делами (это его право на должность муфтия). Он, по-видимому, пороха не выдумывает. А есть там, в третьем (1883 г.) году назначенный по выбору казанцев в члены Духовного собрания, какой-то мулла (Авхади или Ягуди??)[1] – он, по слухам, крайний фанатик. Но в случае крайности, фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а ещё хуже аристократ, а ещё хуже человек с университетским образованием»[2].

Уточнив в МВД имена кандидатов на вакантную должность оренбургского муфтия, Победоносцев, со своей стороны, 12 апреля запросил у казанского миссионера сведения о М. Султанове и М. Бекчурине. Письмо из столицы Ильминский получил 20 апреля и немедля, на следующий же день, 21 апреля, заказным письмом отправил ответ. Это сообщение Ильминского Победоносцев передал министру Толстому как официальное мнение Синода[3].

---

[1] Речь идёт о М. Салихове.

[2] Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву. – С. 174–175.

[3] Ильминский писал: «Султановых несколько братьев. У них деревня Мастеева, верстах в 100–120 от Мензелинска на восток, кумысное заведение. Султановы – помещики средней руки: ни богатством, ни аристократизмом, ни влиянием, ни чинами особенно не выдающиеся. Учились в доброе старое время в 1-й Казанской гимназии. Если кандидат не попал в университет, то или по недальнему развитию и недостатку любознательности, или по урослости и стремлению к захолустной деревенско-барской свободе, халатности и молодой хозяйке. По-русски грамотны, отлично владеют русскою речью, но мусульманство в его арабских источниках, конечно, не изучали и читают только татарские книжки. Это я говорю по давним слухам, но весьма правдоподобно. От каких-либо национальных идей нового пошиба они, кажется, совершенно далеки, и о фанатизме их не слышно.

Посему кандидатура его вполне благонадёжна, безупречна. Лучшего трудно придумать. И с казанскими то он не должен быть близок и солидарен. Бекчурин не таков, и его отстранение мне представляется полезным, основательным. Граф Д. А. Толстой мог и лично узнать его в Оренбурге в 1876 г. и от многих о нём на месте наслышится. При Крыжановском он играл видную роль, пользуясь доверием генерал-губернатора, как отличный знаток азиатских языков и национальностей и как ловкий и опытный по азиатской политике. Он же достаточно занят сознанием своего достоинства [...] Нужно всячески избегать касимовцев и крымцев, как прогрессистов и националистов» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 11–11 об.).

Помимо М. Султанова и М. Бекчурина, в портфеле министра внутренних дел в феврале–мае 1885 г. появились фамилии новых кандидатов. Речь идёт, прежде всего, о самовыдвиженцах из числа мусульманских духовных лиц.

Старший сын бывшего оренбургского муфтия Габдулвахита Сулейманова, ахун соборной мечети Уфы Шарафутдин Сулейманов 6 февраля 1885 г. обратился к директору ДДДИИ с письмом и просил рассмотреть его кандидатуру на должность оренбургского муфтия[1]. Самовыдвижение Ш. Сулейманова было проигнорировано ДДДИИ: его фамилия не значилась в правительственном списке кандидатов.

Следует также отметить, что в январе 1885 г. своё выдвижение от имени духовных лиц ряда волостей Сергачского и Васильского уездов Нижегородской губернии организовал 62-летний имам Нижегородской ярмарочной мечети Семерхан Соколов. Как видно из представленного в столицу общественного приговора, духовные лица собирались в одном из татарских селений или в волостном правлении, подписывали привезённый из Нижнего Новгорода текст, затем документ заверялся подписью и печатью местного волостного старшины. Через некоторое время на этом же листе расписывались муллы других селений, приглашённые в местное волостное правление[2]. Этот приговор поступил в Петербург с депешей нижегородского губернатора от 20 февраля 1885 г.[3]

Третьим самовыдвиженцем, имевшим реальные шансы стать муфтием, являлся чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе действительный статский советник Шагимурат Мирясович Ибрагимов, происходивший из дворян Оренбургской губернии. О существовании данной кандидатуры чиновники ДДДИИ узнали от словесного уведомления бывшего туркестанского генерал-губернатора Никитина. Вскоре, 10 мая 1885 г., Ш. М. Ибрагимов направил директору ДДДИИ «докладную» записку, в котором вкратце излагал свой взгляд на значение должности оренбургского муфтия для правительства и мусульман[4].

---

[1] Он напоминал о ходатайстве отца с просьбой оставить его временно исполняющим обязанности муфтия на время паломничества в Мекку и Медину (оно не состоялось), об имеющихся общественных приговорах мусульман и духовных лиц 24-го башкирского кантона Уфимского уезда, Оренбурга и Сеитова Посада (составлены при муфтии Г. Сулейманове), об утверждении его старшим мухтасибом Оренбургской и Самарской губерний и признании его заслуживающим должности муфтия. На основании этих документов Ш. Сулейманов заявил, что по праву своих заслуг и на основании вышеприведённых приговоров «по сие время не воспользовался полученным местом муфтия и, таким образом, уже 25 лет как продолжаю оставаться кандидатом на эту должность» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 42–43).

[2] Там же. – Л. 28–31.

[3] Там же. – Л. 27.

[4] Ш. М. Ибрагимов подчёркивал, что это лицо «должен, с одной стороны, быть блюстителем исполнения магометанским духовенством своих прямых обязанностей, а в то же время строго и зорко наблюдать, чтоб последние не были дурно поняты муллами, дабы это не повлекло за собой каких-либо фанатических вожделений, зачастую ставящих преграды тесному сближению русского православного населения с мусульманским, к взаимным их общению и выгоде; с другой стороны, муфтий обязан неуклонно следить и употребить все зависящие меры, чтобы все мусульмане являлись вернейшими и преданными подданными Русского Царя, чтоб они считали Россию своею матерью-родиною, и сами всеми силами старались стать достойными сынами её, а в русском народе видели свих родных братьев» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 94 об. – 95.).

«Докладная записка» Ш. М. Ибрагимова произвела очень хорошее впечатление в МВД. В документе имеется запись министра Д. А. Толстого: «Если она (записка. – *И. З.*) есть действительное выражение мыслей, то это хороший кандидат»[1]. Достоинства 44-летнего знатока восточных языков Ш. М. Ибрагимова подтверждались его послужным списком[2]. По его просьбе лестный отзыв о своём бывшем подчинённом представил из Омска генерал-губернатор Степного края Г. А. Колпаковский[3], который после смерти фон-Куфмана два года являлся непосредственным его начальником в качестве и. о. Туркестанского генерал-губернатора.

В Среднем Поволжье казанский миссионер Ильминский являлся поистине «глазами и ушами» всесильного обер-прокурора Синода. Видимо, кандидатура Ш. М. Ибрагимова предварительно обсуждалась среди мусульман Казани: ещё до написания Ш. М. Ибрагимовым своей «докладной записки». Н. И. Ильминский, узнав о новом кандидате по каким-то своим каналам в Казани, скорее у местного татарского населения, поспешил уведомить об этом обер-прокурора Синода (29 апреля 1885 г.). Казанский миссионер транслировал государственному мужу неприязнь

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 94.

[2] Ш. М. Ибрагимов обучался в Сибирском кадетском корпусе, который вынужден был оставить в 13 лет по семейным обстоятельствам. Через два года начал свою служебную карьеру письмоводителем Кокчетавского окружного приказа. В 1861 г. был произведён в коллежские регистраторы, в 1863 г. поступил в канцелярию военного губернатора области сибирских киргизов и допущен учителем казахского языка в Омскую киргизскую школу. В 1865 г. он был командирован в комиссию для изучения вопроса общего управления казахами, которая и выработала «Временное положение о преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьим войском» 1868 г. В 1867 г. был переведён на должность письменного переводчика персидского и татарского языков в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора фон-Кауфмана, потом служил в качестве чиновника по дипломатической части. В 1868 г. Ш. Ибрагимов участвовал в походе против бухарцев, состоял личным переводчиком при командующем войсками. В 1870 г. он был определён на должность переводчика маньчжурского и татарского языков при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора и на него же была возложена редакция приложения к газете «Туркестанские ведомости» на местных языках. В 1873 г. был назначен переводчиком при командующим войсками, действовавшими против Хивы, в 1875 г. – на эту же должность на период похода против Кокандского ханства. В 1878 г. после успешного расследования злоупотреблений, обнаруженных в Кураминском уезде, он был определён чиновником особых поручений по дипломатической части. Выполняя новые обязанности в 1880 и 1881 гг. трижды выезжал в Бухару (два раза посланником при посольстве к эмиру, один раз с особым поручением). Кроме этого, он состоял председателем комиссии для рассмотрения перевода на тюркский язык «Свода положения об общественном, податном и поземельном устройстве Ферганской области». В 1882 г. был произведён в чин действительного статского советника и уволился из службы по собственному желанию, но в 1884 г. был вновь определён в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора. За период службы он неоднократно получал благодарность от Туркестанского генерал-губернатора, стал кавалером орденов Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степеней с мечами и 4-й степени, Св. Станислава 2-й степени с императорскою короною и мечами (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 113–114 об.).

[3] Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896 гг.) – генерал-губернатор Степной области (1882–1889 гг.).

к исламу и мусульманам, и через П. Д. Победоносцева насаждал столичным чиновникам свои «опасения»[1].

Таким образом, можно предположить, что помимо имама М. Салихова, старшего заседателя ОМДС, и. о. муфтия на тот момент, именно Ш. М. Ибрагимов мог стать вторым кандидатом купцов, реально оценивающих невысокие шансы казанского имама. Нельзя исключить и такой возможности, что самовыдвижение Ш. М. Ибрагимовым произошло «по подсказке» казанских купцов.

Между тем поиск кандидата в высших эшелонах российской власти затянулся, неизвестность порождала различные слухи среди мусульман. В августе 1885 г. участвующие в Нижегородской ярмарке татарские коммерсанты сочли необходимым напомнить министру внутренних дел о желательности избрания оренбургским муфтием духовного лица. Коллективное обращение к правительству подписали прибывшие на ярмарку предприниматели Оренбургской, Казанской, Пензенской, Рязанской, Астраханский и Уфимской губерний[2]. Последующий список подписавших

---

[1] «Ибрагимова я видел в прошлом году: проездом в прошлом году через Казань в Ташкент он удостоил и меня своим посещением, – писал Н. И. Ильминский. – Я прежде слышал, что он при покойном К. П. Кауфмане пользовался полным доверием. Как отличный знаток азиатских языков и дельный дипломат. При Черняеве он, кажется, удалился из края, а при генерале Розенбахе опять поехал в Среднюю Азию. Но о его нравственном или политическом характере я ни от кого ничего не слыхал, ни в какую сторону. Он довольно высокий, стройный, тончавый, цивилизованный и вполне комильфотный, можно сказать блестящий. Прибавьте – действительный статский советник. Говорит бойко, красноречиво, энергично. Наших мешковатых духовных может стушевать. Но это ничего ещё, вот чего можно опасаться: служив долго в центре Туркестанского управления, он, как человек внимательный и умный, вероятно, отлично узнал всю подноготную мусульманских стран, народов и правительств; как на ладони, видит и знает всю совокупность мусульманского мира на всём лице земли; лично знаком со многими лицами и в России, и в Средней Азии, и в Индии, и в Киргизской степи и т. п. Так что, если ему, паче чаяния, влезет в голову идея панмусульманская, то он владеет к тому полным знанием и всеми нравственными средствами. А в то же время блестящим русским говором и изложением, идеями прогрессивными, даже, когда нужно, либеральными, обращением и манерами ловкими и совершенно светскими, смелостью и умелостью держать себя с достоинством, но без дерзости, перед кем угодно, – всем он может обаять и ослепить наших господ и чинов высшего управления. Тевкелев перед ним мешок.

Кратко сказать: не нашей простоте орудовать с таким тонким инструментом. Для нас вот что подходящее было бы: чтобы в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника» (см.: Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву. – Казань, 1895. – С. 176–177).

[2] Список подписавших возглавили купцы Оренбургского края: сеитовский купец Ахмет Хусаинов, временный оренбургский купец Юсуп Девишев, оренбургские купцы Мухамеджан Шарипов, Гайнетдин Сыров, орский купец Ахмадулла Рахматуллин, по доверенности оренбургского купца Шангарея Ильясова брат его Мухамеджан Ильясов. Затем расписались предприниматели Казанской губернии во главе с Ахметзяном Сайдашевым: Мухаметзян Галеев, Муртаза Азимов, Галим Хусаинов Субеев, Ахметзян Рахматуллин, Галимулла Файзуллин, Габдулвали Чукин, Шагабутдин Негматуллин, Камалутдин Гимадетдинов, Шагиахмет Забиров, Мухаметазим Аитов, Ахметзян Максютов, Абдулганий Биктемиров, Бурганетдин Муллин, Исхак Айтуганов, Салих Губайдуллин, Шамсутдин Юсупов, Мухамедшарип Абдуллин, Гарафутдин Абдуллин, Хамит Габитов, Халиулла Галеев, Нугаман Каримов, Хамит Сабиров, Абдрахман Кушаев, купцы и п. п. гр. Юсуп и Хасан Арсаевы, купеческий брат Мухаметшакир Мусин, казанские мещане Серазетдин Утяганов, Исхак Шарафутдинов, арский купец Гумер Якупов, арский купеческий сын Абдрахман Ишмуратов.

общественный приговор позволяет в целом воссоздать географию коммерческих операций мусульман в Российской империи[1]. Последним в приговоре расписался «нижегородский ахун» С. Соколов[2], что косвенно свидетельствует о проведении собрания в здании ярмарочной мечети.

По поручению Д. А. Толстого (22 мая 1885 г.) уфимский губернатор П. А. Полторацкий ездил в Мензелинск, встречался с М. Султановым и выяснял его отношение к занятию должности оренбургского муфтия, мусульманскому населению и позиции мусульманских духовных лиц к российской власти. У Полторацкого в целом сложилось благоприятное впечатление о М. Султанове, как кандидате на вакантную должность. В своём письме от 16 июня 1885 г. он довёл до Толстого слова М. Султанова о необходимости совместных действий муфтия с правительством в деле «успешного распространения среди башкир и татар просвещения и русского языка». На официальное предложение П. А. Полторацкого занять духовную должность М. Султанов ответил отказом. Причиной службы М. Султанова мировым посредником являлись его незавидное экономическое благосостояние и высокое чиновничье жалованье в 2 тыс. руб., что позволяло ему содержать многочисленную семью в своём имении. Поэтому небольшое жалованье оренбургского муфтия (1,5 тыс. руб.) его не привлекало. М. Султанов также сообщил, что за пределами Мензелинского и Белебеевского уездов, в которых находятся родовые имения Султановых, его личность недостаточно известна среди мусульман Приуралья и Поволжья.

Отказ М. Султанова занять духовную должность поставил чиновников в затруднительное положение. К. П. Победоносцев, внимательно следивший за развитием событий, немедленно уведомил об этом Н. И. Ильминского. 26 июня 1885 г. казанский миссионер отправил в столицу свои соображения на сложившуюся ситуацию. Примечательно, что оно не было включено в книгу «Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву». Причина кроется в содержании послания из Казани. В начале письма Ильминский засыпал своего покровителя вопросами: «[...] что значит отказ Султанова? Личное ли это его дело? Быть может, он чувствует себя несостоятельным для этого поста, или его хозяйство требует его личного руководства и распоряжения [...] Или не наметили ли татары какого своего кандидата? И в пользу этого кандидата все отказываются?» Как видно, в отказе М. Султанова миссионер увидел тактику казанских купцов по продвижению своего кандидата.

---

[1] В документе имеются подписи купцов Елатьмы Нигматуллы Демишева, Хабибуллы Девшина (?), уроженца Керенского уезда Пензенской губернии д. Шалбаш Абдрахима Девлеткамова, п. п. гр. из Касимова Рязанской губернии Хайруллы Кастрова, Мирзы Емаева, Ибрагима Кастрова, касимовского купца Мухамедалия Тубакаева, касимовского мещанина Фатхуллы Ширинского, крестьянина Елатомского уезда Мухамедвалея Танеева, временного оренбургского купца 2-й гильдии Фазлуллы Девлеткамова, астраханского купца Ибрагима Эрембетова, астраханского мещанина Ибрагима Халилова, ставропольского купца 1-й гильдии Хасана Алеева, карсунского купца 2-й гильдии Хисметдина Алеева, стерлитамакского купца 2-й гильдии Мухаметзарифа Утямышева, казанского купца Шамсутдина Сагадеева (видимо, он составлял текст документа. – *И. З.*).

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 129–131 об.

Посчитав вариант с М. Султановым отпавшим, он начинает называть тех, кто по его мнению, нежелателен на этом посту: петербургский ахун Гатаулла Баязитов, муллы д. Стерлибаш Стерлитамакского уезда Уфимской губернии[1]. Затем Ильминский переходит к обсуждению возможных кандидатов: «Я полагал бы подходящим по своей недальновидности заседателя Уфимского магометанского духовного собрания Максютова. По-русски говорит очень порядочно, торгует кумызом. Жена у него ходит важно по-татарски, с боку на бок переваливается. Как есть хазрат татарский. Он давно служит в Собрании, то и, конечно, затвердил все деловые шаблоны. Думаю, что он был бы хорош на месте муфтия. Но я слышал, что в Уфе есть какой-то уж очень учёный по-арабски ахун, сын прежнего муфтия. Того не нужно.

Но если наши петербургские любители совершенств во всяком роде, даже и в робар для России неудобных, не удовлетворятся моим любимым Максюдовым, то, дабы выбирая (а выбирать приходится более или менее наобум) не нарваться на горшее, по-видимому, придётся помириться на Ибрагимове. Против него я выставлял его чин действ. стат. советника, его светский лоск и особенного рода шустрость, бойкость и ходкость, его речистое красноречие, особенно же его знакомство с мусульманскими политическими соотношениями. Вот что главное мне представляется не симпатичным. Он по-русски образован, по крайней мере, светски налощён. Его жена дама цивилизованная, хоть в Петербургский салон. Быть может, его немножко чересчур светское образование не придёт по вкусу нашим приволжским татарам, если при том он нездешнего нашего татарского происхождения (я не знаю его родословия), то ему нелегко будет сойтись с татарами, т. е. со своей всероссийской паствой. Если он слишком на отличку вздумает вводить русский язык в татарские школы, то он этой ревностью к русскому языку и образованию даже оттолкнёт от себя массу татар. Одним словом, взвешивая разносторонние все вероятные обстоятельства, весьма сомнительно и трудно решительно вооружаться против кандидатуры Ибрагимова. Иногда франтоваться развязность не опасна, как признаёт некоей поверхности и не обстоятельности. Я так думаю, что если настраивают на Ибрагимова, то уступив, мы, по крайней мере, со своей стороны снимаем ответственность. Повторно: во всяком случае, прямого-то знания более или менее видных татар на это место подходящих кандидатов, ведь у нас не имеется»[2].

На представленной К. П. Победоносцевым копии письма Н. И. Ильминского министр Д. А. Толстой 6 июля своим размашистым почерком написал: «Что говорит Константин Петрович (Победоносцев. – *И. З.*) о Максютове? Мне лично Ибрагимов представлялся бы более соответственным кандидатом, так что всё то, что кажется Ильминскому страшным, меня вовсе не пугает. О Максютове я в первый раз слышу, о нём никакого понятия не имею»[3].

---

[1] «В Стерлибаше жил долго знаменитый и весьма влиятельный среди татар всей России киргиз и магометанский святоша, который основал там медресе – целый городок, где по нескольку тысяч пребывало учеников – настоящие мюриды. Там и в окрестностях Стерлибаша и есть, кажется, и теперь отголоски оного ишана (святоша), нежелательного татарского фанатизма», – пишет Н. И. Ильминский.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 121–122.

[3] Там же. – Л. 120.

После получения известия об отказе М. Султанова занять должность оренбургского муфтия и получения письма казанского миссионера от 26 июня по поручению управляющего министерством И. Н. Дурнова департамент стал наводить справки о Ш. М. Ибрагимове. Словесно высокую оценку личности Ибрагимова дали Е. М. Лейхтенбергский и начальник Азиатского департамента Министерства иностранных дел И. А. Зиновьев[1].

12 июля 1885 г. директор ДДИИИ М. Р. Кантакузен-Сперанский представил на рассмотрение своего начальника краткую записку о развитии вопроса о кандидатах на должность муфтия и следующие материалы: 1) секретное донесение уфимского губернатора П. А. Полторацкого от 12 июня о М. Султанове; 2) «докладную записку» Ш. М. Ибрагимова; 3) выписку из формулярного списка Ибрагимова; 4) письмо степного генерал-губернатора от 15 мая и копии вышерассмотренных нами двух писем Н. И. Ильминского к К. П. Победоносцеву от 21 апреля и 26 июня[2].

Д. А. Толстой, сочтя возможным повысить жалованье муфтию до 5 тыс. руб., предписал обратиться в Министерство финансов, разъясняя важность для правительства должности оренбургского муфтия. Министерство финансов 30 сентября 1885 г. согласилось с доводами МВД[3]. Дальнейшая задержка с назначением М. Султанова была вызвана возможностью повышения ему жалованья лишь с нового финансового года. Поэтому лишь 2 января 1886 г. Д. А. Толстой вошёл к императору с «высочайшим» представлением об утверждении М. Султанова оренбургским муфтием. В своей докладной записке Д. А. Толстой объяснял императору Александру III причину назначения муфтия без проведения выборов, в обход действующему законодательству, следующим образом: «малая вероятность избрания самими магометанами лица, соответствующего тем условиям и важное значение оренбургского муфтия, как духовного главы весьма значительной части магометан империи, признавалось до настоящего времени достаточным основанием к тому, чтоб постановление закона о выборе муфтия магометанским обществом не применялось на практике, во избежание неминуемых при отсутствии в Своде законов объяснения точного смысла этого выражения»[4].

Вопрос о возможности избрания муфтия мусульманским сообществом был исчерпан ещё в период определения на эту должность С. Тевкелева. Поэтому этот вариант вовсе не рассматривался.

Таким образом, по кандидатуре оренбургского муфтия сошлись мнения уфимского губернатора П. А. Полторацкого, министра внутренних дел Д. А. Толстого и обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, транслировавшего в центральные органы власти идеи казанского миссионера Н. И. Ильминского. Правительство остановилось на варианте с «наименьшим злом» – оренбургским муфтием стал М. Султанов (1886–1915 гг.).

---

[1] Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917) – начальник Азиатского департамента МИД в 1883–1891 гг., будущий русский посол в Османском государстве в 1897–1909 гг.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 138. – Д. 116. – Л. 123–124.

[3] Там же. – Л. 125–127.

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1068. – Л. 4 об.

Отметим некоторые новые явления, проявившиеся в действиях национальных лидеров. Если в 1860-е гг. просители ограничивались привлечением в составление петиций ограниченный круг наиболее известных и уважаемых купцов, то теперь наметилась тенденция более широкого вовлечения в петиционную кампанию местных предпринимателей, независимо от их социально-сословного статуса. Такая модель поведения в 1860-е гг. была присуща лишь татарским общинам, главным образом, в городах степных областей. При подписании приговоров сохранялся прежний порядок: первыми подписывались лица, имеющие высокий сословно-социальный статус и авторитет среди единоверцев. На наш взгляд, единая просьба представителей городских общин о назначении муфтием непременно духовного лица свидетельствует о согласованных действиях и единой линии поведения татарских купцов обширных регионов округа ОМДС. Просьба во всех коллективных прошениях о назначении муфтием духовного лица свидетельствует о принципиальной позиции национальной буржуазии по данном вопросу, которая хотела бы видеть на вакантной должности и. о. муфтия казанского муллу М. Салихова. Доминирующее начало национальной буржуазии в организации и подаче коллективных прошений подтверждается и тем, что в петиционной кампании участвовали крупные татарские городские общины со значительной прослойкой состоятельных предпринимателей (Казань, Сеитов Посад, Оренбург, Семипалатинск, Петропавловск, Троицк), а также предприниматели, прибывшие на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки. Сельское население (читай: сельские муллы) участвовало в подаче коллективных прошений пассивно. Географически местности их расселения ограничились рядом селений Пензенской губернии, всеми мусульманскими поселениями Малмыжского уезда Вятской губернии и Бураевской волости Бирского уезда Уфимской губернии. В их ходатайствах также акцентировалось внимание властей на необходимость назначения оренбургским муфтием лица, имеющего религиозное образование.

Некоторые наблюдения позволяют сделать вывод о согласованных действиях при составлении коллективных ходатайств татарского общества Казани и мусульман, участвовавших в ярмарках. Несмотря на то что в этот период руководящая роль в общественной жизни этноконфессиональной общины принадлежала А. Я. Сайдашеву, первыми в приговоре расписались, исходя из своего высокого статуса, коммерческие советники братья Исхак и Ибрагим Юнусовы. Сам инициатор подачи ходатайства «затерялся» среди других подписавшихся купцов, что позволяет говорить о тактическом ходе А. Я. Сайдашева, направленного на сокрытие своей роли в этой акции.

На Нижегородской ярмарке в 1886 г. среди татарских предпринимателей по торговым оборотам ведущие позиции занимали купцы Оренбургской губернии во главе с А. Хусаиновым, которые первыми и расписались в коллективном волеизъявлении коммерсантов. Из числа коммерсантов Казанской губернии первым расписался А. Я. Сайдашев.

Индивидуальные действия отдельных религиозных деятелей по выдвижению своих кандидатур на высокую вакантную должность были с юридической точки зрения вполне законными и, по нашему мнению, во многом объясняются амбициями ахуна Нижегородской ярмарочной мечети С. Соколова, уфимского ахуна Ш. Сулейманова и отсутствием в местах их проживания сильной и влиятельной группы татарских коммерсантов.

В плане определения критериев для кандидата на должность оренбургского муфтия чётко обозначился водораздел в позициях российской власти и национальных элит. На основе рассмотренного материала можно выделить черты, которые, по мнению чиновников МВД, должны были быть присущи председателю ОМДС, духовному главе мусульман Европейской части России и Сибири: отсутствие религиозного фанатизма, наличие русского среднего образования, принадлежность к привилегированному сословию, лояльность и преданность самодержавию, желательность опыта работы в правительственных учреждениях, необязательность религиозного образования.

Правительство проигнорировало мнение представителей татарской национальной элиты – предпринимателей и духовных лиц, назначив муфтием дворянина, не имеющего исламского религиозного образования.

Введение новой системы назначения кадиев ОМДС

Преемник С. Тевкелева на должности муфтия М. Султанов вновь обратил внимание чиновников МВД на необходимость изменения системы комплектования заседателей ОМДС. Новый проект от 31 августа 1886 г. был представлен спустя шесть месяцев после его вступления на должность. Видимо, он являлся не только ответом на предложение заместителя министра И. Н. Дурнова, но также был связан с желанием начать реформы в Духовном собрании.

Его проект, составленный с учётом положительного опыта проведения выборов заседателей в Казанской губернии и замечаний по нему МВД, выгодно отличается от аналогичного документа С. Тевкелева комплексным подходом к разрешению вопроса. В частности, вслед за С. Тевкелевым он настаивал на постепенной – ежегодной смене членов собрания. Причём в двух из трёх округов выборы должны были происходить в мае – в удобном в бытовом и финансовом плане времени года для поездок.

Вместо уездных собраний, практиковавшихся в Казанской губернии, он предлагает организовать на местах приходские съезды духовных лиц из следующего расчёта: в первом избирательном округе один делегат от 20 сельских мусульманских обществ, в остальных двух – от 10 махаллей. Только в нескольких губерниях (Тамбовской, Рязанской) и Уральской области в связи с малочисленностью приходов в губернские съезды предлагалось сразу без предварительной процедуры выборов допустить всех ахунов и мулл. Приходские и губернские выборы должны были проводиться тайным голосованием (шарами), решением простого большинства голосов. Проведение уездных и губернских съездов входило в обязанности губернских правлений. Они избирали председательствующих в приходских съездах духовенства, а право назначения председателя губернского съезда уполномоченных мусульманских духовных лиц возлагалось на местного губернатора. Чётко была разработана процедура утверждения заседателей местной администрацией. В первом округе вопрос был передан в компетенцию уфимского губернатора. В каждом из двух других округов из представлений начальников губерний об избранных лицах министр внутренних дел назначал одного заседателя и кандидата к нему.

В основу своего проекта муфтий положил основной принцип выборного начала – равноправное и равномерное участие в выборах мусульманских духовных лиц Европейской части России. В связи с неравномерным расселением мусульман в губерниях весьма интересна его схема разрешения этого узлового вопроса. Исходя из численности приходов, по числу заседателей собрания М. Султанов предлагал образовать три избирательных округа, в которых было бы примерно одинаковое количество мусульманских приходов, хотя в выборах имели право участвовать все муллы и ахуны этих губерний. Поэтому Уфимская губерния (1366 приходов с 2240 ахунами и муллами) была выделена в самостоятельный избирательный округ. Оренбургская, Казанская и Астраханская губернии были объединены во второй избирательный округ (1360 приходов и 2051 духовное лицо). Здесь в наиболее выгодном положении оказалась Астраханская губерния (77 приходов), духовные лица которой самостоятельно должны были выбрать, как и муллы Казанской губернии (797 махаллей), по одному кандидату в заседатели и одного кандидата к нему. Третий избирательный округ (1360 приходов и 1934 духовных лиц) объединял 13 административно-территориальных единиц Российской империи, в которых в середине 80-х гг. XIX в. функционировали от 10 до 271 мусульманских приходов (Самарская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Вятская, Нижегородская, Пермская, Тамбовская, Рязанская, Уральская, Томская, Тобольская губернии и Букеевская Орда)[1]. Права выбора лишались регионы с менее 10 махаллей – Московская (1 приход), Петербургская (4 прихода), Костромская (2 прихода), Херсонская (2 прихода), Енисейская (2 прихода) губернии, а также Семипалатинская (14 приходов) и Акмолинская (9 приходов) области из-за отдалённости и незначительности в них мусульманских общин. Выборщикам второго и третьего округов разрешалось избирать заседателей и кандидатов к ним не только из числа духовенства всей губернии (что распространялось и на первый округ), но и из числа известных им достойных мулл и ахунов из вышеперечисленных губерний, лишённых права выдвижения своих кандидатов. В результате эта группа духовных лиц теоретически получала возможность быть избранными в Духовное собрание.

Не будет преувеличением, если скажем, что проект М. Султанова в полной мере по своей детальной регламентации процедуры выборов претендует на полноценный проект закона о реорганизации выборов членов Духовного собрания и кандидатов к ним. В частности, в нём прописаны и разъяснены такие важные процедурные аспекты, как легитимность приходских съездов в случае явки на выборы не менее половины лиц, имеющих права участия в голосовании; о легитимности губернских съездов в случае приезда уполномоченных, представляющих не менее половины приходских съездов. Чтобы упростить ситуацию и не стать Духовному собранию заложником действий местных органов власти и приходского духовенства, губернская администрация освобождалась от проведения повторных приходских съездов по каким-то причинам не состоявшихся предварительных выборов. В случае не проведения по разным причинам в указанные сроки одного или нескольких губернских съездов,

[1] Включение в этот список отдалённых от Уфы Томской и Тобольской губерний М. Султанов объяснял с проведением в ближайшем будущем Сибирской железной дороги.

министр утверждал члена собрания и кандидата к нему из числа представленных кандидатур начальниками остальных губерний или даже одной губернии. Выборы в первом округе предлагалось провести в последний год трёхлетнего пребывания заседателя на этой должности последовательно, по порядку нумерации округов: в первом округе в ноябре 1886 г., с тем, чтобы вновь избранный член собрания вступал в свою должность 1 января 1887 г., в остальных двух округах в мае, с утверждением избранных лиц в должностях в июле того же года.

Заслуживают внимания ещё несколько предложений муфтия, введённых в проект с учётом особенностей менталитета сельского населения и специфики работы ОМДС. Он рекомендовал отстранить местную полицию от участия в приходских съездах мусульман, приглашая в качестве председателя съезда мировых посредников, членов уездных по крестьянским делам присутствий и членов уездных земских управ и, «в крайности» волостных старшин, пользующихся уважением среди местного населения, и лично знакомых начальнику губернии ахунов и мулл.

В дополнение к существующим требованиям о благонадёжности кандидатов в нравственном и политическом плане он считал необходимым избрание в заседатели собрания «сведущих» в мусульманских законах духовных лиц и «по преимуществу знающих русский язык настолько, чтобы могли свободно изъясняться, читать и писать по-русски»[1].

Не имеющий опыта во взаимоотношениях Духовного собрания с органами центральной власти, муфтий М. Султанов, конечно же, смог разглядеть, что лояльная отписка МВД проекта своего предшественника уже являлась категорическим решением власти по этому аспекту исламского вопроса. Заместитель министра внутренних дел в своём заключении отметил преимущество проекта М. Султанова в плане предоставления права выбора членов собрания всем духовным лицам. В сдержанной форме было также объяснено о существовании «значительных затруднений» в его реализации, обусловленных обширностью региона расселения мусульманского населения, слабостью коммуникаций, малочисленностью мусульманских обществ в ряде губерний, включённых в избирательные округа, значительностью расходов на проезд в губернские города, что могло быть весьма обременительным для представителей духовенства ряда губерний и лишить их права участия в выборах, что означало свести на нет главный принцип данного проекта, заключавшийся в предоставлении этого права всем приходским духовным лицам. Выразив опасение о возможных препятствиях при рекомендации данного проекта в Государственном Совете и обратив внимание на статьи «Устава» (ст. 1236 и 1237), регламентирующие организацию избрания заседателей по схеме выборов муфтия, который (вопреки законам. – *И. З.*) всегда утверждался «высочайшей» властью по представлению министра внутренних дел, М. Султанову было рекомендовано представить свои соображения относительно утверждения заседателей по рекомендации самого муфтия[2].

Директор ДДДИИ М. Р. Кантакузин-Сперанский подчеркнул преимущества для муфтия предлагаемого порядка: во-первых, он давал возможность назначать

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 620. – Л. 21 об. – 27об.

[2] Там же. – Л. 30–30 об.

заседателями духовных лиц из центральных и других малонаселённых губерний; во-вторых, давал возможность муфтию предоставлять правительству больше способных и образованных мулл; в третьих, «упрочил бы за муфтием авторитет, благодаря которому он мог бы направлять деятельность собрания на благо магометанского населения и в видах правительства»[1].

Ответ муфтия директору ДДИИИ М. Р. Кантакузину-Сперанскому последовал спустя несколько недель. Соглашаясь с доводами министерства относительно трудностей проведения выборов заседателей по его проекту и признав предложение руководства как «высокое доверие правительства», налагающее муфтию «нравственную ответственность» за избираемых им заседателей, усиливающее его «общую ответственность» по управлению делами собрания, М. Султанов согласился с ним. Затем М. Султанов плавно перевёл обсуждение на потребность личного знакомства его с приходским духовенством, для чего необходимы поездки по приходам всех губерний округа Духовного собрания, что позволило бы «направить его деятельность на благо магометанского населения сообразно с видами правительства». Командировочные расходы предлагалось покрыть за счёт брачного сбора от мусульман.

Султанов, воодушевлённый появляющейся возможностью постепенного избавления от неугодных заседателей ОМДС, предложил воздержаться, несмотря на объявление Казанским губернским правлением 10 октября 1886 г. предстоящих выборов, от избрания их уполномоченными на следующий трёхлетний срок (1887–1889 гг.). Чтобы сохранить временную легитимность нынешних членов, он предложил сохранить их на своих должностях до замещения их новыми лицами. Следующим его предложением было разрешение оставлять на службе на следующий срок «наиболее образованных, способных и деятельных заседателей»[2].

Следующий шаг муфтия в этом направлении, выраженный в его телеграмме от 17 декабря 1886 г., адресованной директору ДДДИИ М. Р. Кантакузину-Сперанскому, совершенно противоречил ранее им высказанным соображениям. Телеграмма стала результатом давления на него казанских татар – заседателей собрания. Муфтий просил уведомить министра внутренних дел (очевидно, для получения его согласия) о допущении по примеру выборов заседателей 1884 г. на голосование, которое должно было состояться 23 декабря 1887 г., «представителей граждан Казани»[3]. Телеграмма стала результатом неудавшихся попыток казанской татарской буржуазии «пробить» данный вопрос на уровне губернатора. Чтобы избежать повторения сценария голосования в 1883 г., режиссёром и исполнителями которого явились казанские купцы, губернское правление в своём постановлении от 10 октября 1886 г. о выборах заявило о допущении на них только уполномоченных, «без всякого участия в баллотировке других лиц»[4]. В данном случае татарская элита Казани попыталась использовать должность оренбургского муфтия и его связи в министерстве для решения этой проблемы в обход мнению местной администрации,

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 620. – Л. 31.
[2] Там же. – Л. 32–33.
[3] Там же. – Л. 34.
[4] Там же. – Л. 39 об.

желая таким способом поставить их перед фактом допуска её представителей к выборной процедуре.

Директор ДДДИИ, учитывая «неясность закона» в этом вопросе, рекомендовал уведомить казанского губернатора текстом телеграммы муфтия, предоставляя ему действовать по своему усмотрению. Телеграммой от 22 декабря 1886 г. его мнение было доведено до сведения казанского губернатора, который не стал нарушать постановления губернского правления. В результате в голосовании по избранию членов собрания приняли участие 40 уполномоченных духовных лиц[1].

На выборах 1886 г. казанскому купцу А. Сайдашеву не удалось добиться повторного избрания заседателем муллы М. Салихова. Однако вновь был избран З. Максютов[2].

Спустя полгода после работы с вновь избранными заседателями в своём представлении от 28 июля 1887 г. муфтий М. Султанов негативно отозвался о выбранных кандидатах. По его мнению, в таком исходе свою роковую роль сыграли следующие обстоятельства: 1) «интриги, происки, пристрастия», без которых, как правило, не обходятся выборные процедуры; 2) непонимание большинством избирателей значения должности кадия в собрании; 3) ограниченность претендентов из числа уполномоченных, которые по своему образованию и нравственным качествам вполне соответствуют должности заседателя, и даже, «возможно, отсутствие среди них таких кандидатов»[3].

По утверждению М. Султанова, старший заседатель – имам д. Большой Менгер А. Хисматуллин – не знает даже разговорного русского языка, М.-Х. Сулейманов также «очень слабо» знает русский язык. А ахун З. Максютов, в течение семи созывов служивший членом собрания, «весьма в недостаточной степени владеет разговорным русским языком». Муфтий назвал его человеком «старых убеждений, глубоко невежественным во всём, кроме чисто внешнего знакомства с правилами религии, потому даже в вопросах веры обнаруживает более грубого фанатизма, чем разумного отношения к делу»[4].

Очевидно, требования муфтия исходили из желания выбрать более подготовленных духовных лиц, способных работать в правительственном учреждении мусульман. Правда и то, что имаму из сельской махалли весьма непросто было сразу вникнуть в деятельность Духовного собрания и своевременно включиться в работу.

Напоминая руководству о своём предложении реорганизации системы утверждения кадиев, М. Султанов ходатайствовал о предоставлении ему права выбора их не только из среды духовенства, а «вообще от лиц, соответствующих необходимым условиям для занятия этой должности». Более того, он просил сразу после «высочайшего» утверждения нового порядка, немедленно привести закон в действие, не ожидая завершения срока службы нынешних членов собрания[5].

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 620. – Л. 39–39 об.
[2] Тарджеман. – 1887. – № 2. – 11 янв.
[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 620. – Л. 42.
[4] Там же. – Л. 42 об.
[5] Там же. – Л. 43.

Несомненно, на появление этого документа и на стиль его написания своё влияние оказали по крайней мере два фактора. Во-первых, разочарование муфтия в новых заседателях, которых он впервые принял в качестве председателей (не сам пришёл к заседателям собрания на должность муфтия, как это было в 1886 г.), переросшее в разногласия между ними. Усугубление конфликта, вызвавшее новый виток конфронтации, произошло в связи с намерением властей ввести русский образовательный ценз для кандидатов в мусульманские духовные должности, вызвавшим волнения среди мусульманского населения Европейской части России. Во-вторых, подготовка закона от 16 июля 1888 г., согласно которому с 1891 г. заседателями Духовного собрания могли быть лишь лица, выдержавшие успешный экзамен в объёме курса четырёх классов гимназий, уездных и городских училищ, татарских учительских школ, по крайней мере двух классов начальных училищ. Поскольку шакирды, мечтавшие до этого времени о духовной карьере, не желали или не могли обучаться в средних и начальных правительственных учебных заведениях из-за целого ряда факторов, то этот закон фактически лишал муфтия выбора заседателей из числа имамов, соответствующих одному из вышеуказанных критериев. Поэтому М. Султанов решил расширить круг лиц, имеющих право занимать должность кадия и обезопасить себя от возникновения кризисной ситуации в религиозном учреждении.

Представление министра внутренних дел И. Н. Дурново в Государственный Совет от 10 июля 1889 г. «Об изменении существующего порядка выбора членов в Оренбургское магометанское духовное собрание» концентрированно вобрало в себя все наиболее значительные и важные аспекты вопроса, которые по частицам складывались из представлений оренбургского муфтия и местных губернаторов, и теперь стали официальным мнением МВД. Умение логично и аргументированно излагать необходимость реформы исламского института, о котором члены Государственного Совета, мягко говоря, были мало осведомлены, сыграло решающее значение в его утверждении. Министр И. Н. Дурново утверждал, что избрание заседателей собрания только из числа духовенства одной губернии «на практике получает характер привилегии в пользу мулл Казанской губернии и не может быть оправдан ни государственными интересами, ни общею пользою»[1]. Негативную оценку министра силового ведомства к выборному началу в Духовном собрании в данном случае правомерно распространить на все институты в империи независимо от их конфессионального или светского характера, в отношении которых применялся этот принцип управления. Выводы по этому вопросу министерства были весьма категоричны: «[...] применение в этом деле выборного начала могло бы иметь последствием введение в состав духовного собрания лиц совершенно нежелательных с точки зрения правительства. Кроме того, осуществление на практике всякого проекта, основанного на указанном начале, представляется неудобным в особенности в случае допущения татар светского звания к участию в таковых выборах. Чрезмерная многочисленность избирателей и разнообразие их интересов должны иметь последствием различные недоразумения. При таких условиях едва ли можно

[1] РГИА. – Ф. 1149. – Оп. 9. – Д. 76. – Л. 21 об.

ожидать, чтобы выборы происходили в полном порядке, а результаты их не зависели от случайностей и соответствовали достоинствам избираемых кандидатов»[1]. Под предлогом неравномерного расселения мусульманского населения на огромном пространстве и значительности финансовых издержек в посещении уполномоченными губернских съездов, министр отмёл возможность избрания членов собрания всем духовенством Европейской части России. В итоге единственно правильным, приемлемым и бесхлопотным для российской власти оставался порядок назначения заседателей самим министром по представлению их на утверждение оренбургским муфтием[2].

Согласно закону от 9 января 1890 г., все три заседателя ОМДС стали по очереди утверждаться по рекомендации оренбургского муфтия министром внутренних дел. Была определена очерёдность освобождения от занимаемой должности членов религиозного управления: в 1890 г. – А. Хисматуллин, в 1891 г. – З. Максютов, в 1892 г. – М.-Х. Сулейманов. М. Султанов стремился подобрать верных себе и компетентных в вопросах исламского вероучения лиц. На место Хисматуллина был рекомендован родственник муфтия – имам д. Тимошкино Симбирской губернии Бурганетдин Насретдинов.

При назначении второго заседателя М. Султанов проявил завидную предусмотрительность. В 1890 г. он получил от имама д. Ильбяк Бугульминского уезда Самарской губернии Р. Фахретдина посылку с его книгами «Китабет-тасрыйф» (Казань, 1887) и «Китабель-игътибар» (Казань, 1888). У М. Султанова возникло желание встретиться с подающим большие надежды молодым человеком и лично поговорить с ним. Осенью 1890 г. Р. Фахретдин был приглашён на собеседование. Во время встречи муфтий предложил Р. Фахретдину должность заседателя ОМДС. Но молодой человек отказался, объяснив это тем, что он ещё молод и не готов к такой высокой должности, ведь все кадии – пожилые люди с большим жизненным опытом, на что муфтий ответил: «Твои знания, молодость подходят для этой должности. Прошу тебя согласиться». Его поддержал и Халим-кадий: «Если не согласишься, совершишь большую ошибку, с твоим образованием надо действовать, согласись». Р. Фахретдин согласился стать заседателем ОМДС[3].

Эта встреча оказалась весьма кстати: утверждение Р. Фахретдина на этой должности состоялось на год раньше запланированного в 1891 г. вследствие ухода З. Максютова, уже четверть века исполнявшего обязанности заседателя.

В Духовном собрании коллегами Р. Фахретдина являлись известные религиозные деятели. Вслед за ним бессменным членом ОМДС стал ахун д. Большие Поляны Инсарской волости Пензенского уезда мирза Гиниатулла Мусич Капкаев, сменивший в 1893 г. ахуна Б. Насретдинова.

Выбывшего в 1892 г. Мухаметхалима Сулейманова из Казанской губернии сменил 22 апреля ахун города Тара Габдерашит Гумерович Ибрагимов (22 апреля),

---

[1] РГИА. – Ф. 1149. – Оп. 9. – Д. 76. – Л. 21 об.

[2] Там же. – Л. 22 об.

[3] *Фәхреддин Р.* Тәржемәи хәлем // Ризаэтдин Фәхреддин. Биобиблиографик җыентык. – Казан, 1999. – 46–47 б.

который, однако, по собственному желанию в 1894 г., до истечения трёхлетнего срока службы, оставил эту должность. Вскоре татарский мир заговорил о Габд. Ибрагимове как о видном просветителе и общественном деятеле. 15 февраля 1895 г. на его место заступил Хасан-Гата Мухаметов (Габаши), имам д. Тениврат-Сулабаш Казанского уезда, прослуживший в этой должности до 13 февраля 1899 г.[1] (возобновил службу в ОМДС в качестве заседателя в 1905 г., уволился в 1915 г.). Его сменил Джигангир Абдулгалямович Тангатаров (1899–1904 гг.), имам д. Тлякай Кубовой Белебеевского уезда Уфимской губернии, один из первых выпускников Уфимской татарской учительской школы. Его преемником в 1904 г. стал потомственный дворянин, хатиб 2-й Абзяновской мечети Белебеевского уезда, также выпускник Уфимской татарской учительской школы (1877 г.) Нурмухамет Бикбулатович Мамлеев[2].

Вышеназванные кадии сыграли весомую роль в совершенствовании деятельности ОМДС на рубеже столетий, повышении авторитета религиозного учреждения среди мусульманского населения.

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 622. – Л. 60–64.

[2] Там же. – Л. 96–98.

ГЛАВА IV

ПЕТИЦИОННЫЕ КАМПАНИИ ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ШКОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И УЩЕМЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВ

Отношение мусульман к школьной политике правительства

Причины неоднозначного отношения мусульман к изучению русского языка под надзором правительства. В середине XIX в. имелись локальные группы татар, знающие русский язык и грамоту. Из представителей национальной элиты ими владела малочисленная группа дворян, которая после восстановления своего привилегированного статуса рассматривала получение русского образования как путь к достижению материального благополучия через карьеру мелких чиновников. Следует выделить также канцелярских служащих и чиновников из татар в мещеряцких и башкирских кантонах и других правительственных учреждениях. Разговорным языком, навыком чтения и письма владели торговцы, ведущие коммерческие операции на ярмарках и базарах в русской среде. В сельской местности этот список пополняли отставные солдаты и представители органов крестьянского самоуправления.

Основными причинами незаинтересованного отношения мусульман к изучению русской грамоты можно назвать следующее:

– в этноконфессиональном селении потребность в русском языке была сведена к минимуму, скажем, во время появления в селе представителя администрации или вызова в какое-либо учреждение. В аграрной России абсолютное большинство татарского населения проживало в сельской местности, и взаимодействие с государственными органами осуществлялось через выборных представителей. Как и любая сельская община, община татарских крестьян была закрытой организацией по отношению к внешнему миру. Она сообща, всем «миром» решала наиболее важные вопросы в жизни сельского общества. «Групповое общинное сознание (в значительной степени оно было мифологическим) пронизывало все сферы жизни крестьянского сообщества. Это было сознание коллектива людей, связанных между собой не только деловыми отношениями, но и эмоционально, сознание, ориентированное на идущие исстари традиции и идеалы»[1]. Замкнутость и изолированность многонационального крестьянства от российской общественной жизни также имели своё

[1] *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции. – М., 1996. – С. 26.

значение. В контактных зонах средством общения между коренными народами и татарами, как правило, служил татарский язык, нередко татары знали язык своих соседей. Незнание большинством татарских хлебопашцев русского языка и грамоты, отсутствие периодических изданий на родном языке способствовали изолированности общин. Информационный вакуум восполнялся различными сведениями, широко распространяемыми на базарах, меджлисах, молитвенных собраниях и т. д., причём очень часто они искажались;

– большинство татарских поземельных общин были простыми, т. е. представлены жителями одного поселения, которые формировали сельское общество. В рамках сельского общества функционировал мусульманский приход, в крупных селениях действовали два и более приходов. Религиозная община, как основная форма культурно-общественного социума мусульман, основная ячейка их религиозно-культурной автономии, являлась ключевым элементом в организации самоуправления мусульманского сообщества, самодостаточным социальным институтом. Она представляла собой миниатюрное государство с прочной связью частей с целым, имевшее свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом ислама, свою власть в лице старейшин и всего прихода, не нуждавшихся в высшем признании, ибо авторитет этой власти – авторитет религиозно-нравственный, её источник – Коран[1]. Это определение И. Гаспринского правомерно распространить и на мусульман Волго-Уральского региона. Автономность сельского общества и крестьянской общины в решении социальных проблем существенно дополняла и облегчала организацию религиозно-обрядовой жизни и обеспечение религиозных институтов источниками существования в рамках единого религиозно-культурного пространства.

«Замкнутость» татар в рамках традиционных религиозных общин была обусловлена, прежде всего, их «религиозно-национальными особенностями», в аналогичной ситуации находились и другие нерусские народы[2]. Стараясь сохранить традиционные устои, татары противились учреждению в селениях волостных правлений (справедливо предвидя частый приезд русских чиновников), открытию питейных заведений и т. п. Характеризуя особенность социокультурных процессов среди основной массы татар, директор народных училищ Казанской губернии М. Н. Пинегин в 1910 г. резюмировал, что «религиозное настроение проникает и направляет весь быт народа, когда вопросы веры преобладают над всеми другими. Преданность вере, боязнь за её неприкосновенность и чистоту у мусульман достигает очень высокого напряжения»[3].

Мусульманские духовные лица, видящие своим идеалом ценности и культурные традиции Средней Азии, в которых отсутствовало место для русской культуры, не воспринимали русский язык. Изучение прихожанами русского языка муллы-традиционалисты переводили на плоскость религиозного запрета и называли «грехом»[4]. Традиционное схоластическое обучение и воспитание предполагало

---

[1] *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и размышления мусульманина. – Симферополь, 1881. – С. 39.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 108.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 801. – Л. 45 об. – 46.

[4] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 109 об.

следование во всём сложившимся традициям. В своей объёмной статье «Кое-что о казанском мусульманстве» (1893 г.) Ш. Ахмеров подчёркивал: «Вся культурная жизнь мусульманина основана на религии: жизнь его регулируется и направляется ясно выраженными правилами и законами шаригата; всякое дело, каждый шаг, каждое явление рассматривается с точки зрения соответствия или противоречия требованиям шаригата [...] Всё, что не предусмотрено шаригатом, не предписано или не дозволено им, в глазах татарина есть новшество, требующее, по крайней мере, одобрения и санкции духовенства»[1].

Современник, из числа русских чиновников учебного ведомства, по этому поводу отмечал, что «народное мировоззрение изменяется очень медленно, и татарская масса, руководимая муллами старого направления, [...] всё ещё настроена в высшей степени недоверчиво ко всему русскому как низменному, нечистому и весьма опасному для мусульманской религии, которую татары сливают со своими национальными особенностями, и потому мусульманина, надевшего русскую одежду, считают уже порченным, нетвёрдым в своей вере, склонным к обрусению»[2];

– татарское народное просвещение испокон веков носило конфессиональный характер. Другой альтернативной национальной школы татарское общество не знало. «Татарские школы существуют давно, имеют свои традиции, вполне своеобразные, чисто народные, направлены в исключительно религиозно-нравственном духе; учёные муллы, заведующие медресе и их шакирды составляют гордость населения, мударрисы, муллы и учителя (мугаллимы) проникнуты идеей святости своих педагогических трудов, ибо учат они во имя Бога, во имя распространения и укрепления ислама, по предписанию шариата безвозмездно. Отсюда понятно и сильное влечение татар к своим медресе и к учению в них [...] Учиться и изучать религию у татар сливается в одно понятие и обозначается даже одним словом. И потому смысл учения татарская масса до последнего времени понимала только в обучении религии. Поэтому выражение «учиться по-русски» татары понимали не иначе, как изучать и «русскую» (т. е. православную) религию»[3], подчёркивал современник. Правомерно констатировать, что всякая школа в представлении татарина воспринималась как учебное заведение, имеющее религиозно-нравственные цели;

– в учебных планах всех русских светских специальных, средних и высших учебных заведений был обязательным со сдачей экзамена Закон Божий. Чисто светского образования в России не было, потому что законодательство не признавало атеизм. Более того, обязательным атрибутом архитектурного комплекса зданий учебных заведений являлись так называемые «домовые» церкви, где в штате состоял церковнослужитель. «Домовые» церкви имели ведомственный характер и предназначались для выполнения обязательных «духовных треб» преподавательского и учебного персонала.

В дореформенный период в русских деревнях функционировали конфессиональные школы и начальные училища Министерства государственных имуществ, где также преподавался Закон Божий. Во второй половине XIX в. русские начальные народные училища, согласно «Положению о начальных народных училищах» от

---

[1] *Мусульманин.* Кое-что о казанских татарах. – Казань, 1893. – С. 4.
[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 801. – Л. 46 об.
[3] Там же. – Л. 46, 51 об. – 52.

25 мая 1874 г., имели «целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания»[1].

Консервативный внутриполитический курс императора Александра III вскоре проявился и в области русского народного образования. По закону от 13 июня 1884 г. все школы грамоты были переданы ведению Синода и правительство начало открывать в русских деревнях и усиленно финансировать начальные училища православного ведомства.

Одной из главных причин, отталкивающих мусульман от русских школ, И. Гаспринский указывал боязнь остаться без надлежащего религиозного воспитания, которое немыслимо без обучения татарской грамоте[2];

– вмешательство православного миссионерства в дело просвещения «инородцев» самым непосредственным образом воздействовало на общественное сознание мусульман[3]. В 70–90-е гг. XIX в. в селениях крещёных «инородцев», в том числе крещёных татар, интенсивно открывались миссионерские школы. Религиозное обучение велось на родном языке «инородцев». В 80–90-е гг. XIX в. за счёт казны в деревнях крещёных татар стали открывать церкви и совершать богослужение на татарском языке. Всё это происходило на глазах мусульман. Символично, что в 1884 г. все церковно-приходские школы в Казанской губернии были подчинены «Братству святителя Гурия», что ярко показывает конфессиональный и русификаторский характер школ миссионерского общества;

– у татарского народа испокон веков действовала система конфессионального образования. Среди татарского общества существовало убеждение, что грамотность на родном языке важнее русской[4], поскольку до открытия русско-татарских школ и русских классов при медресе практиковалось изучение письменности с помощью репетитора, т.е. индивидуально[5], или в ходе общения с русскими, и отношение к изучению русской грамоты, упрощённо говоря, сводилось к тезису «кто хочет и так выучится»[6];

– действия русской администрации в других сферах, касающихся вопросов реализации их религиозно-национальных прав, татары рассматривали как единую череду событий, направленных на ограничение религиозно-культурной автономии.

– провокационные публикации на страницах периодической печати или высказывания отдельных представителей светских и духовных властей, интерпретирующих изучение русского языка с христианизацией мусульман, также оказывали огромное влияние на общественное настроение приходов. «Правительство рассматривало мусульман и др. как подстрекателей, изменников и часто как «пятая колонна» иностранных властей»[7];

---

[1] *Амирханов Р. У.* Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992. – С. 29.

[2] Тарджеман. – 1886. – № 31. – 16 мая.

[3] *Валидов Дж.* Указ. соч. – С. 44.

[4] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 42.

[5] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1–3. – Д. 5883. – Л. 4.

[6] *Мусульманин.* Указ. соч. – С. 3.

[7] *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М., 2005. – С. 406.

– русские классы при медресе предполагали введение русского языка как одного из предметов татарской школы, но их содержание первоначально было возложено на самих мусульман. Эта задача была успешно выполнена самими татарами путём учреждения джадидских школ в начале XX в. Введение светских предметов, в том числе русского языка, произошло благодаря финансовому содействию и моральному воздействию представителями татарской буржуазии. Поэтому в начале XX в. русские классы удачно вписались в реформу татарской конфессиональной системы образования и облегчали решение финансовой проблемы по части обучения русскому языку.

Совершенно иное предназначение имели русско-татарские (башкирские) школы. Они по сути являлись альтернативой татарским мектебе.

В татарско-мусульманском обществе у различных групп населения во взглядах на внутриполитический курс государства в отношении мусульман существовали различные точки зрения. Однако групп, интегрированных в русское социокультурное пространство, было очень мало. Поэтому их влияние на основную массу мусульманского населения было незначительным, в результате во 2-й половине столетия в общественном сознании доминировало мнение традиционалистов. Более того, мусульмане принимали меры против своих мулл и сельского начальства, ратовавших за распространение русского образования[1].

Противодействие духовенства инициативам учебного ведомства. На основании «Правил» 1870 г. МВД от 24 января 1871 г. потребовало от оренбургского и таврического муфтиев открытия новых мектебе и медресе с обязательством иметь при них штат учителя русского языка (за счёт мусульманских обществ), и возложения функции надзора за ними на инспекторов народных училищ. Муфтий С. Тевкелев просил не предпринимать радикальных мер до учреждения при Министерстве комиссии по вопросу о преобразовании мусульманских духовных учреждений. На что МВД заявило, что надеется на содействие муфтия в распространении русского образования среди татарского населения. Дипломатично выражая свою готовность оказать посильную помощь на этом поприще, С. Тевкелев вновь указал на невозможность применения к мектебе и медресе положений «Правил» 1870 г., однако его мнение было проигнорировано имперской властью[2].

Обращение инспектора татарских, башкирских и казахских школ КУО В. В. Радлова в 1873 г. к духовенству с предложением убеждать прихожан открыть русские классы при конфессиональных школах означало повсеместное ознакомление духовных лиц с новым курсом правительства в школьной сфере. Большинство мулл заняло принципиальную позицию по недопущению чиновников в сферу религиозного школьного образования[3].

---

[1] Например, в 1867 г. пятеро крестьян д. Карашам Чебоксарского уезда на волостном сходе потребовали сместить сельского старосту Абдулвалиева, волостного старшину Григорьева и его помощника Фёдорова за то, что волостной старшина самовольно распорядился «мирскими» суммами, которые были использованы на нужды училищ (*Муллагалиев Р. М.* Выступление татарских крестьянских общин Казанской губернии против школьной политики государства (70–90-е гг. XIX в.) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. – Казань, 2011. – Вып. 2. – С. 71).

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 23–24 об.

[3] Материалы по истории Татарии... – С. 322.

В 1871–1872 гг. в КУО В. В. Радлов добился открытия русских классов при 4 медресе[1]. Но в 1873 г. попытки властей учредить такие же классы в сельских местностях встретили решительный отпор крестьян. Во главе таких неповиновений властям стояло мусульманское духовенство[2].

Уже первые попытки открытия по инициативе властей русско-татарских школ в Казани и ряд мер, направленных на ограничение строительства мечетей и реализации «Правил» 1870 г., вызвали коллективные протестные ходатайства и обращения к международному сообществу. В 1871 г. татарское население Казани обратилось к садразаму (первому министру) Османского государства, жалуясь на притеснения со стороны русских чиновников и губернаторов, прося покровительство султана с просьбой освобождения от насильственных действий и поступков русских властей. В частности, они жаловались на запрещение совершать бракосочетания по шариату, строить мечети и минареты, а также высказывались о принудительном преподавании русского языка татарским детям и о неутверждении в должности выборных имамов, не знающих русского языка[3]. С этого времени обращения татар к международному мусульманскому сообществу в связи с ущемлением их религиозных прав стала применяться в периоды массовых волнений.

В Вятской губернии попытки учреждения Малмыжской уездной земской управой русских классов при медресе спровоцировали первые конфликты с мусульманским населением. Собранные 19 марта 1973 г. в Янгуловское волостное правление для ознакомления с текстом обращения инспектора В. В. Радлова муллы единодушно заявили о нежелании прихожан открывать «русскую школу», «т. к. они не видят никакой от ней выгоды»[4]. Жители трёх селений Арборской волости (26 марта – 21 мая) также общественным приговором довели до сведения В. В. Радлова о нежелании родителей обучать детей русскому языку и содержать учителя русского языка[5]. В частности, в своём общественном приговоре жители д. Тюнтер от 21 мая 1873 г. оспаривали утверждение инспектора о том, что от незнания русского языка происходит для мусульман много вреда и невыгод: писали, что не приносили вреда ни себе, ни государству, нанимая при необходимости переводчиков; подчёркивали, что крестьянским детям не стать чиновниками, «если состояние, обстоятельства и умственное развитие кому-нибудь дозволяют учиться русскому языку и если его стремление к возвышению своего положения к тому клонят, то в самом деле в настоящее время много мест, где можно учиться, есть много русских училищ в городах». Гласной причиной нежелания открытия русского класса указывалось отсутствие средств у прихожан на содержание учителя русского языка[6].

---

[1] *Махмутова А. Х.* Становление светского образования у татар (борьба вокруг школьного вопроса, 1861–1917). – Казань, 1982. – С. 25.

[2] Например, в 1874 г. крестьяне д. Сатышево Мамадышского уезда во главе с муллой Мухамедом Галеевым и бывшим волостным старшиной Гайнутдином Тазетдиновым препятствовали работе учителя русского языка. В 1876 г. татарские крестьяне д. Мендели Казанского уезда выступили против деятельности властей по открытию русского класса при татарской школе (*Махмутова А. Х.* Указ. соч. – С. 25).

[3] Материалы по истории Татарии ... – С. 300.

[4] Там же. – С. 310.

[5] Там же. – С. 310–311.

[6] Там же – С. 308–309.

Рассмотрев ходатайство инспектора татарских, башкирских и казахских школ В. В. Радлова, Казанская городская дума в 1872 г. решила выделить на следующий год 560 руб. для открытия при всех восьми действующих казанских медресе русских классов из расчёта по 5 руб. месячного жалованья учителю, по 10 руб. на учебные пособия каждому медресе. Властями фактически был поставлен ультиматум: открыть при медресе русские классы, иначе они будут закрыты.

Реализация новой школьной политики шла порой с использованием репрессивных мер. Впервые правовая основа по нормам шариата на действия правительства по распространению русского образования среди мусульман была подведена имамом Апанаевской мечети, мударрисом крупнейшего городского медресе Салахутдином Исхаковым в обращении к инспектору В. В. Радлову (26 сентября 1873 г.). Имам просил инспектора довести его доводы до высшего начальства и со ссылкой на авторитетные религиозные книги утверждал, что нельзя нарушать волю жертвователя медресе, наказавшего обучать в учебном заведении только религиозным предметам, иначе это является «противным шариату и грехом». В 1873 г. за нежелание допустить обучения в главном городском медресе при 2-й мечети имам С. Искаков, как лицо, не поддерживающее деятельность правительства по распространению государственного языка среди татар, был приговорён к выселке в административном порядке из Казани в одну из российских губерний, лишь кончина спасла его от наказания [1].

В ряде селений Чистопольского уезда стали составляться общественные приговоры о нежелании учиться русскому языку, адресованные ОМДС. Такие действия стали выражением наметившегося сотрудничества казанских купцов и духовенства региона по воздействию на местное население с целью противодействовать введению русского языка. Как утверждал казанский губернатор Н. Я. Скарятин, купцы действовали через мулл, которых они традиционно материально поддерживали[2].

Министр внутренних дел рекомендовал казанскому губернатору наказывать противодействующих мулл. При этом назначение новых духовных лиц в будущем должно было зависеть от степени их благонадёжности и готовности поддержать щкольную политику правительства[3].

На обвинения о недозволении шакирдам обучаться в русских классах или русско-татарских школах имамы отвечали, что «медресе не есть какая-нибудь строго организованная школа, а лишь место их духовных бесед со всяким желающим того правоверным, место для религиозных наставлений и обучения исламу; что они здесь учат татар и грамоте, но лишь потому, что это необходимо для понимания религии; обучать же правоверных исламу они считают себя обязанными по своему званию и по требованию шариата [...] Медресе, как здание, принадлежит тому, кто его пожертвовал, или приходу, который назначил его местом обучения вере. Заведовать медресе, как организованным учреждением, и нести ответственность за его благоустройство муллы не считают себя обязанными, так как не получают за это никакого вознаграждения, а живут добровольным подаянием и жертвованиями прихожан за исполнение духовных треб» [4].

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 312–317.
[2] Там же. – С. 313–314.
[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 3539. – Л. 1–2.
[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 801. – Л. 52 об.

Давление администрации с целью учреждения русских классов при медресе воспринималось большинством мусульман как посягательство на традиционный уклад конфессиональной школы, что отрицательно сказывалось «на наметившемся стремлении татарского населения изучать русский язык» [1].

После издания слабо аргументированной священными текстами фетвы от 28 октября 1872 г.[2], текст которой был предварительно согласован с МВД и содержал призыв к муллам изучать государственный язык, С. Тевкелев получил анонимную записку с угрозой и с клочком турецкой газеты, где была опубликована его фетва с оскорбительными комментариями в его адрес[3]. Призыв муфтия С. Тевкелева изучать русский язык был по сути проигнорирован имамами.

На основании вышеназванного обращения В. В. Радлова практически все муллы в 1873 и 1874 гг. предоставили ему сведения о школах[4]. После издания закона от 26 марта 1874 г. о передаче мектебе и медресе в ведение МНП, напряжение в селениях стала ещё более усиливаться. Ещё до принятия учебным ведомством каких-либо мер, ходатайством от 16 марта 1874 г. по доверенности сельских обществ Елабужского уезда Вятской губернии 30 указных мулл обратились к попечителю КУО П. Д. Шестакову о запрещении инспекторам народных училищ посещать мусульманские школы[5].

В Казани власти требовали соблюдения правила об открытии новых татарских учебных заведений непременно с русским классом. Казанское 9-е (Усмановское) медресе было отрыто с обязательством иметь русский класс, на что жертвователь ежегодно выделял по 150 руб. А 16 декабря 1877 г. Городская дума удовлетворила просьбу уполномоченного жителей – муллы местной мечети Габитова, об открытии в Адмиралтейской слободе новой русско-татарской школы, ассигновав 600 руб. в год. В 1878 г. студент Ветеринарного института Мухаммед Ахтямов был определён учителем, купец А. Сайдашев – попечителем данного училища[6]. В 1892 г. вследствие отказа А. Сайдашева исполнять обязанности попечителя русско-татарских училищ Городская дума назначила попечителем при первом училище купца И. И. Иманкулова, при втором – Х. Х. Галеева.

Таким образом, впервые в Поволжье и Приуралье именно в Казани, благодаря сотрудничеству инспектора мусульманских школ В. В. Радлова, гласных Городской думы и татарских купцов, были в обязательно-принудительном порядке созданы надлежащие условия шакирдам городских медресе для изучения русского языка и грамоты. Следует подчеркнуть, что изучение данного языка вводилось при старометодных, кадимистских медресе. Феномен Казани заключался в том, что ещё до

---

[1] Съезд директоров народных училищ и начальников Казанского учебного округа по вопросам низшего образования, бывший в г. Казани в августе 1907 г. – Казань, 1907. – С. 61.

[2] Лишь со ссылкой на книгу Сахиха Бухари и проводя слова пророка Мухаммеда о необходимости знать иностранные языки: «Пророк наш признавал полезным, чтобы мусульмане учились даже еврейскому».

[3] Материалы по истории Татарии... – С. 305.

[4] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 15539. – Л. 29.

[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 800. – Л. 180 об.

[6] Для школы было арендовано здание в первый год с оплатой в размере 175 руб., во второй год – 200 руб. (Систематический сборник постановлений Казанской городской думы за 22 года. – С. 277).

появления новометодных мектебе и медресе шакирды изучали русский язык в открытых правительством и городским органом самоуправления учебных заведениях. Естественно, не все шакирды посещали русские классы или русско-татарские школы, не все завершали обучение.

Учреждение русских классов, как правило, воспринималось большинством мусульман как посягательство на традиционный уклад конфессиональной школы, негативно сказывалось на наметившемся стремлении татарского населения к изучению русского языка[1].

Таким образом, русско-татарские школы и русские классы при медресе в первые десятилетия часто учреждались под административным давлением чиновников учебного ведомства. Оно давало обратный эффект: усиливалась подозрительность населения относительно школьной политики власти и в значительной степени в самом начале пресекались интерес и стремление татарского общества получить русское образование.

Открытие новых учебных заведений. В первые 3–4 года, благодаря поддержке купечества и прогрессивных мулл, финансовой помощи МНП, ряда земских учреждений, открытие новых типов школ и подготовка учительских кадров происходили довольно успешно. Но закон 1874 г. о передаче мектебе и медресе в ведение МНП татарское население приняло с настороженностью. Ситуация кардинально изменилась после попытки осуществления установления надзора и наблюдения за казанскими мектебе и медресе учебным ведомством, инициированной В. В. Радловым совместно с губернатором Л. И. Черкасовым на основании императорского указа от 5 февраля 1882 г.[2] Впервые татарские духовные лица и купцы осознали зримую связь между распространением правительством русского образования и стремлением к установлению контроля над учебным процессом и стали рассматривать эту деятельность вредной для дальнейшей судьбы национального образования. Эта идея различными путями транслировалась в соседние губернии.

К началу 1880-х гг. успехи учебного ведомства и земств по учреждению русских классов при медресе и русско-татарских школ были неутешительными. В Пензенской губернии в этому времени не смогли открыть ни один русский класс, земское русско-татарское училище действовало лишь в д. Шелдаме Керенского уезда, но закрылось в 1883 г. после смерти местного муллы, курировавшего данный вопрос. В селениях со смешанным русско-татарским населением некоторые родители отдавали своих сыновей на обучение в местные русские школы[3].

Наибольшие успехи были достигнуты в Уфимской губернии: здесь почти при всех крупных медресе появились русские классы, однако в них изучение русского языка не считалось обязательным и осуществлялось на добровольной основе, поэтому не шло далее чтения и письма[4].

Пензенский губернатор назначил на 20 марта 1880 г. проведение статистического обследования всех школ губернии, в том числе татарских. Исполняя его предпи-

---

[1] Съезд директоров народный училищ и начальников Казанского учебного округа по вопросам низшего образования, бывший в Казани в августе 1907 г. – Казань, 1907. – С. 61.

[2] РГИА. – Ф. 733. – Ф. 172. – Д. 2271. – Л. 29.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 39–40 об.

[4] Там же. – Л. 40 об.

сания, инспектора народных училищ разослали вопросные листки мусульманскому духовенству. Когда стало известно об отказе мулл выдавать какие-либо сведения, губернатор Татищев предписал уездным исправникам принудить духовных лиц собрать требующую учебным ведомством информацию. Сельские общества Краснослободского уезда во главе с муллами заявили, что эти листы к мусульманам не относятся, «розданы они в виде насмешки, и что сведения требуются с целью подчинить школы Министерству народного просвещения и затем детей их привести в православие». Руководителем бойкота оказался имам д. Татарские Юньки Садретдин Абдрахманов, который, собрав деньги у богатых татар, намеревался поехать в ОМДС, к муфтию, для подачи ходатайства об отмене требуемых от него, как от заведующего медресе, статистических сведений[1].

Подобные явления наблюдались и в начале 1890-х гг. В 1893 г. татарское население Больше-Кляринской волости Тетюшского уезда отказывалось платить подати из-за слухов о том, что собранные деньги будут тратиться на строительство школ, где их детей будут обучать русской грамоте с целью дальнейшей их христианизации, а у мечетей поставят столбы с колоколами для того, чтобы подготовить население к крещению. Действительно, часть собранных с крестьян налогов использовались на нужды церковно-приходских школ[2].

Негативное влияние на существующие правительственные школы и на динамику их численности оказывали различные слухи об ожидаемой христианизации мусульман. В частности, под воздействием таких слухов, вызвавших сильные крестьянские волнения в Казанской губернии, в начале 1879 г. перестали посещать занятия в русском классе при медресе селений Куручево и Старое Думево Белеевского уезда Уфимской губернии[3].

В городах разрешалось открывать новые татарские учебные заведения исключительно при наличии русского класса. Так, в 1897 г. было закрыто мектебе второго прихода Чистополя, несмотря на письменное заверение его заведующего «о посылке учеников в русский класс при медресе первой махали» [4].

Русско-татарские школы действовали в Казани, Астрахани[5], уездных городах (Тетюши (1885), Гурьев, Илецкая Защита (Уральская обл.)[6]) и т. д. Новшеством следует признать появление русско-татарских школ при рабочих посёлках[7].

Большинство заведующих медресе запрещало детям местных жителей посещать школы нового типа, пугая их тем, что впоследствии их могут крестить[8]. Тем не менее практически во всех школах были учащиеся, что свидетельствовало о востребованности русского языка. В своём противостоянии с кадимистами учителя русского языка не раз обращались за содействием к властям. В результате к администра-

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 420–421.

[2] *Муллагалиев Р. М.* Выступление татарских крестьянских общин Казанской губернии против школьной политики государства (70–90-е гг. XIX в.) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. – Вып. 2. – С. 74.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 807. – Л. 159.

[4] НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 815. – Л. 21–21 об.

[5] *Будилович А. С.* Указ. соч. – С. 180.

[6] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 168.

[7] ЦОУО. – 1887. – № 1. – С. 36; 1903. – № 12. – С. 466.

[8] НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 619. – Л. 66–67 об.

тивной ссылке был приговорён мулла первой махалли Чистополя Абдулвагапов[1]. В 1900 г. на три года был выслан из губернии мулла из Тетюшей Х.-Г. Бикташев[2]. Эти репрессивные меры были нацелены «на устрашение других имамов».

Позитивные перемены в ОУО проявились уже в 1890-е гг.: благодаря инициативе мусульманских общин численность русских классов возросла до 15[3]. Проявилась тенденция обучения в них наиболее грамотной части татарского общества – шакирдов медресе, а в русско-татарские школы поступала та часть татарской молодёжи, продолжавшая параллельно своё обучение в конфессиональной школе, родители которых не имели средств нанять учителя русского языка для индивидуальных занятий.

В 1887 г. в Пермской губернии за казённый счёт была учреждена Красноуфимская низшая сельско-хозяйственная русско-башкирская школа с контингентом 20 воспитанников[4], где действовали столярная, кузнечная, слесарная и гончарная мастерские, а также сыроварня с маслодельной и мыловаренный и кожевенные «заводики»[5].

Новым явлением в ОУО стало учреждение с 1895 г. за казённый счёт ремесленных классов при четырёх русско-мусульманских школах. Так, с 1895 г. правительство стало выделять для содержания ремесленных классов при русско-башкирских училищах селений Имангулово, Сеиткулово, Метелево Оренбургской губернии 1495 руб.[6], к 1902 г. было открыто ещё два класса[7]. Одна из них – Сеиткуловская, была преобразована в единственное сельское двухклассное русско-башкирское училище[8].

При некоторых русско-мусульманских школах ОУО по инициативе учителей проводились занятия по отдельным отраслям сельского хозяйства: в Сеиткуловской (учитель А. Кузьмин) – огородничество, садоводство (с 1890 г.) и пчеловодство; в Бикбардинской школе Осинского уезда Пермской губернии (учитель М. Хаипов) – огородничество и пчеловодство (с 1886 г.), в Тляумбетевской школе Оренбургского уезда и губернии (учитель И. Еникеев) – огородничество, садоводство и пчеловодство (с 1892 г.)[9].

Распространение женских русско-татарских школ оставляло желать лучшего. Первая женская русско-татарская школа была открыта в Казани в 1873 г. в результате ходатайства вдовы коллежского регистратора Б. А. Абсалямовой. Но вследствие

---

[1] *Амирханов Р. У.* Чистайлы Амирханнар // Татарстан. – 1996. – № 1. – 43–53 б.

[2] ГА РФ. – Ф. 102. 3-е делопроизводство. – Оп. 98 (1900 г.). – Д. 48. – Ч. 1. – Л. 1–5.

[3] *Фархшатов М. Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. – М., 1994. – С. 49.

[4] ЦОУО. – 1887. – № 3. – С. 71–73.

[5] *Шукшинцев И. С.* Сведения об училищах, принимавших участие в профессионально-педагогической выставке Оренбургского учебного округа 1898 г. // Приложение к № 9–10 ЦОУО за 1899 год. – С. 16–17.

[6] ЦОУО. – 1895. – № 2. – С. 38.

[7] *Будилович А. С.* Указ. соч. – С. 119.

[8] Там же. – С. 121.

[9] *Галанов М.* Описание садов, огородов и пасек при начальных народных училищах, удостоенных наград за выставление экспонатов по сельскохозяйственным отраслям на профессионально-педагогической выставке в Оренбурге 1898 года // Приложение к № 3 ЦОУО за 1899 г. – С. 1–5, 18–20.

малочисленности учениц в январе 1874 г. её пришлось закрыть. Новое женское начальное училище в Казани стало действовать в 1901 г. С согласия татарского общества в 1904 г. была открыта русско-татарская школа для девочек в Тетюшах[1].

В Приуралье одним из первых в 1883 г. появилось женское отделение с 10 ученицами при Темясовском русско-башкирском училище Орского уезда[2]. Женское русско-башкирское училище д. Буздяк, открытое в 1893 г., стало первой в Уфимской губернии школой, которая содержалась земством. Здесь преподавала дочь известного татарского просветителя Фаизханова – Амина Хусаиновна, окончившая Елизаветинский женский институт. В 1896 г. она же была избрана попечительницей школы[3]. В д. Новые Каргалы Уфимской губернии в 1903 г. также начала действовать женская русско-татарская школа. В Верхне-Кигинской женской школе с 1904 г. занятия по рукоделию вела Гайниямал Мамлеева. В октябре 1905 г. в Белебее начало свою деятельность женское русско-башкирское училище с 15 ученицами [4].

Таблица № 10

Количество русско-татарских школ в КУО в 1874 и 1902 гг.[5]

Губернии	1874 г.			1902 г.			
	Рус. кл. при мус. школах	Рус.-тат. училища	Всего	Рус. кл. при мус. школах	Рус.-тат. училища	Всего	Приходится мусульман на 1 уч. заведение
Астраханская	–	1	1	3	1	4	768010
Вятская	–	3	3	–	10	10	13285
Казанская	9	3	12	5	11	16	39564
Самарская	–	–	–	1	2	3	96218
Саратовская	–	–	–	–	–	–	–
Симбирская	–	5	5	–	8	8	167340
Итого	9	12	21	9	32	41	38822

Следует отметить, что прорыв в открытии русско-татарских школ в КУО произошёл на рубеже веков и большую роль в этом сыграли земства. В 1895 г. в КУО насчитывались 11 русско-татарских школ и 10 русских классов при медресе[6]. К 1902 г. уже действовало 41 русско-татарское учебное заведение, из которых 9 являлись русскими классами при конфессиональных школах: первые были более

---

[1] *Саматова Ч. Х.* Указ. соч. – С. 121.

[2] ЦОУО. – 1883. – № 11–12. – С. 491.

[3] *Азаматова Г. Б.* Деятельность представителей татарского дворянства Уфимской губернии в земских учреждениях и просвещение // Татарские мурзы и дворяне: история и современность сб. ст. – Казань, 2010. – Вып. 1. – С. 89.

[4] ЦОУО. – 1905. – № 11–12. – С. 665.

[5] *Саматова Ч. Х.* Указ. соч. – С. 231 (приложение № 6).

[6] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 21785. – Л. 5.

привлекательными для мусульманского населения. Попытки инспекторов и земств Саратовской губернии открыть новые учебные заведения встретили бойкот со стороны сельских общин[1]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Самарской губернии (3 школы). В 1902 г., если считать количество мусульман за 1897 г., в КУО на 1 учебное заведение в среднем приходилось 38 822 души об. пола.

В ОУО показатели оказались более весомыми. Одной из важнейших причин следует назвать отсутствие в регионе сильнейшего противостояния между мусульманским обществом и миссионерскими институтами, какое наблюдалось в Казанской губернии. Здесь также значительная часть школ была открыта на рубеже веков. Скажем, лишь в 1897 г. были учреждены 5 русских классов при медресе[2].

Таблица № 11

Количество русско-мусульманских школ в ОУО в 1874 и 1902 гг.[3]

Губернии	1874 г.			1902 г.	
	Рус. кл. при мус. школах	Рус.-мус. училища	Всего	Всего	Приходится мусульман на 1 уч. заведение
Оренбургская	неизвестно	неизвестно	неизвестно	27	13538
Пензенская	–	1	1	23	2550
Уфимская	–	7	7	34	130425
Итого				84	19199

Наиболее успешно открывались школы среди мусульман в Пермской губернии (23), в среднем по ОУО на 1 учебное заведение приходилось 19 199 душ об. пола. В 1902 г. в Оренбургской губернии действовали 2 двухклассных русско-мусульманских училища и 25 одноклассных русско-татарских (башкирских) школ. В Уфимской губернии численность школ выросла по сравнению с 1874 г. в пять раз и достигла 34[4].

В статистику 1902 г. не вошли русско-казахские школы и училища ОУО, действующие в Уральском и Оренбургском казачьих войсках.

В ОУО в некоторых русско-мусульманских школах практиковалось совместное обучение русских и татар (башкир)[5], чего невозможно было представить в КУО.

В ОУО более активно происходило назначение почётных блюстителей при школах для мусульман, которые за свою деятельность получали от попечителя учебным

---

[1] НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 24602. – Л. 1–15.

[2] АН РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 23263. – Д. 1.

[3] *Будилович А. С.* Отчёт о командировочной поездке т. с. А. С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа. (В октябре, ноябре и декабре 1904 г.) – СПб., 1905.

[4] *Будилович А. С.* Указ. соч. – С. 119–120, 135, 145.

[5] Там же. – С. 121.

округом[1] правительственные награды[2]. В частности, в 1898 г. почётные блюстители русского класса при медресе троицкий купец 1-й гильдии А. Яушев, уральский купец 2-й гильдии М. Губайдуллин были награждены золотой медалью «За усердие» на аннинской ленте для ношения на шее[3], им также была объявлена благодарность попечителя ОУО[4]. В 1903 г. А. Яушев удостоился золотой медали «За усердие» на александровской ленте для ношения на шее уже в качестве почётного блюстителя двухклассного русско-татарского училища Троицка[5]. В 1902 г. купцу М.-Ш. Рамееву была объявлена благодарность попечителя ОУО за пожертвование 100 руб. на нужды русского класса при верхнеуральском медресе и «за заботливое отношение к этому классу».

Результаты деятельности учебных заведений по распространению русского образования. В рассматриваемый период бесплатные учебные заведения для изучения русской грамоты в сельской местности стали местом обучения, прежде всего, детей сирот и мальчиков из бедных семей[6].

И. Гаспринский писал: «Развитие лишь простой грамотности, то есть умения кое-как читать, писать и говорить по-русски – ещё на долгий период оставит нетронутым умственный застой нашей массы, ибо на примере русского народа мы видим, что приобретённая в начальной школе грамота многими забывается, а остальными почти не применяется как орудие для дальнейшего самообразования [...] Закваска знаний и любознательность, положительная на родном языке даст больший процент «стремящихся» к дальнейшему изучению русской грамоты и литературы, чем теперь, когда большинство мусульман думает, что вся школьная наука заключается в умении подписать свою фамилию и знать известное количество обиходных слов»[7].

По итогам ревизии в 1892 г. сельских русско-татарских одноклассных училищ в Вятской губернии инспектор КТУШ Ш. Ахмеров назвал следующие недостатки: посещение учащимися занятий лишь в течение 5 или 6 месяцев в год и со значительным пропуском уроков; несвободное владение самими учителями русским языком; предпочтение употребления учителями при обучении татарского языка; ведение обучения «механически», без понимания учениками читаемого, слабое знание учащимися русского языка; неудовлетворительность учебных пособий, которые неприменимы к потребностям русско-татарских школ[8].

Проверки в КУО 1901, 1903 гг. показали, что большая часть учеников усваивала русский язык в незначительной степени. Низкой была и численность выпускников (15% от поступавших). После получения навыков разговора и письма на русском языке родители забирали детей из школы, таким образом, дети не получали свидетельства об окончании. Поэтому в русско-татарских школах, как правило, в старшем

---

[1] ЦОУО. – 1896. – № 6. – С. 196–197.
[2] ЦОУО. –1899. – № 2. – С. 60; 1904. – № 3. – С. 73.
[3] Там же. – С. 60.
[4] ЦОУО. –1898. – № 12. – С. 413.
[5] ЦОУО. – 1904. – № 3. – С. 73.
[6] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 109 об.
[7] Тарджеман. – 1897. – № 34.
[8] Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 3. – Д. 4. – Л. 1, 2 об.

отделении дети отсутствовали или обучалось всего несколько человек. Для улучшения качества обучения все директора народных училищ КУО предлагали установить в русско-татарских училищах 4-летний курс обучения без изменения учебных предметов (вероучение, русский язык, арифметика) с недельной нагрузкой 24–30 урочных часов[1].

Жизнедеятельность в татарской языковой среде в конечном счёте приводила к потере полученных знаний по русскому языку. В сравнительно лучших условиях находились русско-татарские училища в городах в поликультурной среде. Здесь обучались дети торгового сословия, солдат и других лиц, контактирующих с русскими. Учитель имел возможность постоянной практики в русском языке, мог получать русские книги и т. п. Здесь главной проблемой являлось посещение детьми занятий.

Помимо обучения русскому языку по звуковому методу, что являлось большой новизной, учащиеся приобщались к русской культуре. Учителя сыграли важную роль в ознакомлении учащихся новостями и жизнью российского общества. Они формировали у них новый, иной взгляд к событиям, происходящим в татарском сообществе и России. Деятельность учителей со временем позволяла прихожанам убедиться в безвредности для ислама школ нового типа.

Помимо курсов при Татарской учительской школе в ОУО учителя русских классов также посещали краткосрочные курсы для учителей инородческих училищ в г. Бирске Уфимской губернии.

Таким образом, в рассматриваемый период в силу ряда причин отношение к татарскому и русскому образованию стало маркером происходящих в татарском и башкирском обществах социокультурных процессов. Давление администрации, старавшейся в ускоренной форме претворить в жизнь «Правила» 1870 г., натолкнулось на противодействие со стороны сельских общин и сыграло негативную роль в формировании у населения отношения прихожан к русским школам как к очагам христианизации. В аграрной стране для сельского населения в регионах компактного расселения татар не было острой необходимости в знании русского языка и грамоты. Распространение грамоты среди русских крестьян также не приводило к каким-либо качественным изменениям в их менталитете, образе жизни и производственных показателях крестьянского хозяйства.

В большинстве случаев крестьяне-мусульмане изучали русский язык в ходе производственной деятельности – во время земледельческих и внеземледельческих отлучек. Своим противостоянием школьной политике власти мусульманские религиозные общины не позволили за свой счёт ввести в мектебе и медресе русские классы и сделать обучение в начальной и средней конфессиональной школе двуязычным. По-прежнему сохранялся принцип добровольности для желающих изучать русскую грамоту. В 1890-е гг. наметился пересмотр отношения к русскому образованию, когда представители купечества и духовенства увидели в нём средство для модернизации мусульманского сообщества. Новые тенденции наглядно отражались в постепенном увеличении численности русско-татарских (башкирских) начальных школ и русских классов при медресе.

---

[1] *Саматова Ч. Х.* Указ. соч. – С. 112–113.

Прошения мусульман Казанской губернии против установления правительственного контроля над конфессиональными учебными заведениями 1883 г.

Причины и предпосылки. Определение на должность инспектора мусульманских школ христиан – тюрколога В. В. Радлова (КУО) и выпускника Казанской духовной академии В. Катаринского (ОУО), было воспринято большинством мусульман как назначение миссионеров, облечённых в форму чиновников учебного ведомства. Поскольку религиозное образование считалось закрытой сферой, ожидалось, что инспекторы будут вмешиваться в эту для них священную область, систематически вводить русские порядки и преследовать цель «обрусения» народа. Инспектор КТУШ Ш. Ахмеров в 1890 г. писал: «Одностороннее религиозное воспитание, громадное нравственное влияние на толпу фанатичного и отличающегося религиозной нетерпимостью духовенства, не видящего ничего лучше своей схоластически-религиозной учёности и считающего всё немагометанское недостойным изучения или вредным, порождают среди татар дух ... отчуждённости от всего, что носит характер новшества и прогресса, и татары всячески избегают вторжения в их жизнь чуждых элементов»[1].

Однако в 1870-е гг. своей неутомимой деятельностью инспекторы сумели во многом доказать необоснованность таких подозрений: они не вмешивались во внутреннюю жизнь медресе, не принуждали шакирдов к чему-либо, что могло бы вызвать неодобрение. В Казанской губернии ситуация кардинально изменилась в 1882 г. В. В. Радлов циркуляром от 15 апреля сообщил заведующим медресе Казани о содержании указа императора от 5 февраля 1882 г. и запросил некоторые сведения о состоянии учебных заведений (о количестве шакирдов старшего и младшего возраста, приходящих учеников и т. п.). В ответ большинство мулл запросило у В. В. Радлова указа, другие проигнорировали требование, и только один сообщил запрошенные статистические данные. Послать муллам копию указа В. В. Радлов «счёл неудобным», исходя из того, что ещё законом от 24 ноября 1874 г. мектебе и медресе были подчинены ведению МНП.

21 декабря 1882 г. В. В. Радлов предпринял вторую попытку установления контроля: вместе с недавно назначенным губернатором Л. И. Черкасовым он посетил все казанские медресе. Генерал-майор везде объявлял, что мусульманские школы «подчинены надзору» МНП и его осуществляет инспектор В. В. Радлов, что вызывало громкие возгласы протеста со стороны шакирдов и собравшихся татар[2].

Таким образом, действия и высказывания В. В. Радлова получили широкий резонанс и имели обратный эффект, что власти совсем не предполагали. Они были интерпретированы как посягательство власти на ислам и как разрушение исторически сложившейся в медресе традиции и государственно-исламских отношений[3]. Ш. Ахмеров считал, что «во всяком вмешательстве правительственных лиц в дела духовных мусульманских школ татары видят лишь первый шаг правительства к

---

[1] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 2271. – Л. 25–27.
[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 6811. – Л. 6–8.
[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5883. – Л. 3 об., 4.

переустройству этих школ по образцу русских и к переустройству их религиозного быта путём изменения характера школьного преподавания и обучения»[1].

В 1-й половине 1883 г. муфтий С. Тевкелев побывал в Казани, где встречался с «казанской общественностью», которая ему заявила о том, что оценивают надзор за традиционными школами мусульман «как посягательство» на их религиозные права, «принимая во внимание, что всюду духовные школы терпимых в России вероисповеданий подчинены духовенству, а для мусульманских медресе делается исключение, подчиняя только лицам светским, но и чуждого им вероисповедания, при том же члену миссионерства против магометанской религии, как, например, в гор. Казани инспектор г. Радлов». Второй причиной мусульмане указали заинтересованность властных кругов в миссионерской деятельности определённых институтов. В частности, отслеживая официальную периодическую печать, татарское общество придало большое значение публикации в газете «Правительственный вестник» (№ 191) извлечений из отчёта обер-прокурора Св. Синода о возложении православным братствам различных функций, при этом в качестве образцового для других подобных общественных организаций в хвалебных тонах была описана деятельность «Братства святителя Гурия» в Казани, прославившаяся тем, что служит миссионерским целям путём школьного обучения «инородческих» детей[2].

Декабрьские события 1882 г. вызвали различные слухи о предстоящей христианизации мусульманского населения. Негласные расследования полиции позволяют воссоздать общественную обстановку в уездах. В январе-марте 1883 г. в Мамадышском уезде циркулировали слухи о постройке школ для обучения татарских детей русской грамоте, изъятии у мусульманского духовенства метрических книг и передаче их христианским священникам для записи в них татарских треб. В результате сельские общества воздерживались выдавать приговоры и запрещали старостам прикладывать печать к какому-либо документу. Согласно сведениям уездного исправника, главный агитатор волнений находился в Казани, он распространял новые слухи о том, что вскоре от кандидатов в муллы начнут требовать знания русской грамоты, и о назначении инспектора для наблюдения за мусульманскими школами[3].

В Казанском уезде на настроения крестьян негативно повлияло закрытие властью в 1883 г. в д. Мендели второго мектебе (было учреждено в 1882 г.) в ответ на нежелание прихожан открыть за свой счёт русский класс[4].

Более тревожной была обстановка в четырёх волостях Лаишевского уезда. Порой не менее важную роль играли случайные обстоятельства, которые усиливали настороженность населения. В Астраханском волостном правлении сельским старостам были проданы поступившие от Санкт-Петербургских издателей 50 экз. литографированных портретов монарха и его супруги. Узнав о приобретении портретов старостой д. Татарский Кабан, который не знал с ними что делать, поскольку по шариату мусульманам не разрешалось держать дома изображения людей, местный

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 6811. – Л. 9 об.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 814. – Л. 29–29 об.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3, 5516. – Л. 15–16.

[4] НА РТ. – Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 321. – Л. 3–3 об., 7, 11–12; Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 170–170 об.

мулла высказал мнение о получении старостой православных картин-образков. В результате распространились слухи о намерении царя обратить татар в «русскую веру»[1]. В июне 1883 г. духовенство д. Конь даже отказалось принять указ ОМДС и манифест от 24 января о предстоящем короновании императорских величеств[2].

В Тетюшском уезде волнения были вызваны заявлением инспектора В. В. Радлова о поездке для осмотра всех сельских медресе и мектебе и о якобы произошедшем в Казани «столкновении» между инспектором и татарами. Самое главное, инициативы В. В. Радлова были преподнесены населению как дальнейшие шаги по реализации «Инструкции сельским обществам по выполнению возложенных на них законом обязанностей» 1878 г., предусматривавшей обязательный сбор «мирских» средств на нужды церквей и училищ и приведшей к массовым волнениям в 1878–1879 гг. Активно обсуждалась и новость о том, что четыре кандидата в муллы, выдвинутые по общественным приговорам, не были допущены губернским правлением к экзаменам в ОМДС из-за отсутствия у них свидетельства об окончании русского училища. Татарские сельские общества уезда, опасаясь негативных последствий, максимально ограничили общение с властями, сорвали земское обследование экономического состояния крестьянских хозяйств[3].

Организация кампании по подаче прошений и требований мусульман. Первое ходатайство в губернии было составлено муллами и татарами Казани сразу после посещения губернатором и В. В. Радловым городских медресе. Речь шла об отказе введения в медресе обязательного обучения русской грамоте и «об изъятии» мусульманских школ из под надзора МНП. В начале января 1883 г. муфтий С. Тевкелев представил прошение татарской общины Казани в МВД. Чтобы успокоить просителей, муфтий предлагал ознакомить мулл с содержанием указа от 5 февраля, как просило татарское общество. Однако министр посчитал эту просьбу не подлежащей удовлетворению[4].

Слухи и проводившиеся в уездах в марте – начале мая 1883 г. сельские сходы в значительной степени были спровоцированы полученными из Казани образцовыми текстами прошений, содержащими объяснение причин и требования мусульман.

В них сообщалось, что инспектор В. В. Радлов заявил о введении с 1883 г. требования, согласно которому муллы должны были овладеть русским языком, что произвело эффект разорвавшейся бомбы: сельское духовенство увидело в этом намерение власти провести ревизию среди указных мулл на предмет знания русской грамоты и на этом основании освободить их от должности, независимо от того, какой срок они её занимали. В результате петиционная кампания была организована приходским духовенством, имевшим личный интерес в её осуществлении. Сельские сходы проводились тайно, местная полиция сообщала лишь о слухах и волнениях среди татар, не предполагая даже о «приговорном движении». Примечательно, что изложенные в образцовых текстах прошений требования интерпретировались жителями как предполагаемые действия власти. Этот момент чётко зафиксирован в рапорте тетюшского исправника, сообщавшего о распространении следующих

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5516. – Л. 10–13.
[2] Там же. – Д. 5884. – Л. 12.
[3] Там же. – Л. 14–15, 17–17 об.
[4] Там же. – Д. 5883. – Л. 1–1 об.

слухов о христианизации: 1) «всех малолетних детей» – мальчиков и девочек – с 6-летнего возраста будут «насильно брать и учить русской грамоте»; 2) инспектор будет посещать «все медресе»; 3) указных мулл подчинят МНП; 4) муллами будут назначаться лишь лица, окончившие русское училище [1].

Кампания по подаче прошений одновременно осуществлялась главным образом в марте-апреле 1883 г. В Казани действовала группа переписчиков, которые брали за составление каждого ходатайства от 5 до 15 руб. и выдавали их копии, засвидетельствованные городским нотариусом.

Таблица № 12

Количество прошений и численность селений, участвовавших в подаче прошений казанскому губернатору в 1883 г.

№	Уезды	Кол-во прошений	Кол-во селений
1	Казанский	58	73
2	Лаишевский	22	27
3	Мамадышский	48	54
4	Свияжский	2	2
5	Тетюшский	4	4
6	Царёвококшайский	8	11
	Итого	142	171

Согласно отложившемся в НА РТ прошениям, в адрес казанского губернатора поступило 142 прошения, в том числе от сельских общин Казанского (58), Лаишевского (22), Мамадышского (48), Царёвококшайского (8), Тетюшского (4) Свияжского (2) уездов.

В «приговорном движении» приняли участие жители 171 деревни 6 из 10 уездов, населённых мусульманами. В абсолютном большинстве случаев выбирались поверенные и составлялись соответствующие общественные приговоры, на их основе поверенные подавали прошения.

Практически одновременно в апреле общества Мамадышского, Лаишевского уездов начали подавать прошения в адрес МВД и императора. Эта петиционная кампания продолжалась до 20-х чисел июля 1883 г. Согласно неполным сведениям, императору было адресовано 41 (в том числе 2 от мусульман г. Казани)[2] и министру внутренних дел – 20 прошений[3]. В РГИА нами выявлены оригиналы 11 прошений сельских обществ Тетюшского и Мамадышского уездов и второе прошение мусульман Казани.

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5884. – Л. 14–15.

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп.3. – Д. 5883. – Л. 19, 21, 23; РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 814. – Л. 15, 16–16 об., 22–24, 25–27, 33, 36–53 об. Подсчитано нами.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5883. – Л. 5–5 об.

Выявлять инициаторов кампании полиция не имела возможности, за исключением редких случаев. В частности, в Тетюшском уезде проведение сельского схода и составление общественного приговора были осуществлены по инициативе муллы д. Ясашное Барышево Хамидуллы Фаткуллина, который был привлечён полицией к ответственности[1].

Нами выявлены два варианта образцовых текстов (они определены как № 1 и № 2). В образцовом тексте № 1 (со ссылкой на «Правила» 1870 г., в которых было предусмотрено распространение на мулл требования обязательного знания русского языка) высказывалось опасение, что при выборе кандидатов на духовные должности могут быть назначаемы лишь лица, хорошо знакомые с русской грамотой, но «не могущие точно и верно преподавать магометанское вероучение». На основе этого ставился вопрос о том, чтобы мусульманские школы были подведомственны Духовному собранию без вмешательства МНП, чтобы «как и прежде никто не вмешивался в наши религиозные дела», чтобы выбор и определение мулл зависели исключительно от Духовного собрания, которое может «лучше понять годность» выбранных прихожанами лиц для занятия духовной должности и их способность преподавать в школе мусульманское вероучение. Решение этих проблем мусульман позволило бы избежать последствий, могущих вредно повлиять на «магометанское учение»[2].

Наиболее компетентно был составлен образцовый текст № 2. Причинами волнений в нём были названы действия В. В. Радлова: посещение казанских медресе, отказ выдавать духовенству копию императорского указа от 5 февраля 1882 г., его заявление в стенах медресе о том, что если шакирды не желают учиться русской грамоте, то пусть уйдут из медресе в течение нескольких дней, в противном случае он будет просить полицию о закрытии учебного заведения. Далее приводятся аргументы неправомочности установления правительственного контроля (высказанные В. В. Радлову ещё в 1873 г. заведующим Апанаевского медресе С. Салиховым в письменном виде)[3], а именно: о содержании конфессиональных школ за счёт самих обществ или отдельных мусульман, существовании у большинства из них вакуфов (что было характерно для Казани, и отнюдь не для сельской местности), полученных от дарителей по их духовным завещаниям для преподавания исключительно религиозных дисциплин, а также предназначенность мектебе и медресе для изучения религиозных наук в течение 15 лет, «не смешивая с другим языком»[4].

Намеченное требование русского образовательного ценза для мулл выводилось из «Правил» 1870 г., где об этом было заявлено как планируемая правительством мера. При этом делалась ссылка на «Известия по Казанской епархии» (№ 18, 1870), где этот документ был опубликован. В связи с этим выражалось опасение, что данная мера может привести к игнорированию мнения прихожан и назначению на духовные должности лиц без учёта их религиозных знаний и преданности своим пастырским обязанностям.

В тексте также указывалось на затруднённость изучения наряду с арабским языком русского, которая могла нежелательным образом сказаться на профессио-

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5884. – Л. 17–17 об.
[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5881. – Л. 1–1; РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 814. – Л. 46–46 об.
[3] Материалы по истории Татарии... – С. 312–313.
[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5881. – Л. 21–23.

нальной подготовке будущих мулл, что воспринималось как стеснение исламского вероучения. Заявлялось, что мусульмане, желающие изучать другие науки, имеют возможность обучаться в других российских учебных заведениях, поэтому «нет надобности стеснять кого-либо учиться тому, чего они не желают, или тому, что запрещает наша религия». На этом основании поднимались следующие вопросы: 1) изменить правительственное распоряжение о введении в мусульманских школах обязательного изучения русского языка, обременяющего их обучение и подготовку «в духовные должности»; 2) признать необязательным обучение русскому языку; 3) об оставлении в силе прежней (до 1870 г.) системы обучения в мектебе и медресе; 4) об освобождении мусульманских школ от наблюдения со стороны учебного ведомства и оставлении их в ведении ОМДС; 5) о воспрещении определять в муллы лиц, окончивших «народные школы», потому что они «не вполне могут знать понятия мусульманского исповедания»[1]. По сути речь шла об отмене закона от 24 ноября 1874 г. и ряда положений «Правил» 1870 г. (об открытии русских классов при медресе, о введении в будущем русского образовательного ценза для мусульманского духовенства).

С целью парализовать петиционную кампанию губернатор Л. И. Черкасов стал вызывать в свою резиденцию кандидатов в муллы, чтобы провести с каждым из них собеседования и лично удостовериться в знании русской грамоты. В результате некоторые кандидаты не были допущены к экзаменам в ОМДС[2].

После получения «высочайших» прошений МВД и Департамент полиции заинтересовались истинными причинами массового протеста татарского населения Казанской губернии против правительственных распоряжений[3]. МВД 28 мая 1883 г. предписало «пресечь вредную деятельность по подаче прошений, поселяющих в неразвитых инородцах напрасные ожидания». Губернатор обвинил в «происшествии» инспектора В. В. Радлова и объяснил подозрительностью татар, «ревниво охраняющих свою религию и смотрящих на каждое нововведение как на посягательство обратить их в православие»[4].

Тексты высочайших прошений, которые подавались в конце или после завершения петиционной кампании в адрес казанского губернатора, более разнообразнее, хотя и имеют много идентичных предложений и положений с ходатайствами, ранее отправленными казанскому губернатору. Наличие единых текстов прошений позволяет предположить, что и на этот раз также были разработаны несколько вариантов высочайших прошений, которые затем копировались переписчиками[5]. В них звучали два требования, которые были первоначально зафиксированы в ходатайстве казанской городской общины от 31 марта, – изъятие татарских школ от контроля

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5881. – Л. 21–21 об.

[2] Там же. – Д. 5883. – Л. 4–4 об.

[3] К 23 апреля поступило 10 «всеподданнейших прошений: татарское общество Казани, 2 сельских обществ Мамадышского, 7 деревень Тетюшского уездов (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 814. – Л. 33, 53 об.).

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5883. – Л. 6–6 об., 21–22.

[5] Естественно, ряд прошений содержит одинаковые тексты, например ходатайства сельских обществ д. Нижний Арбаши (от 11 мая) Мамадышского уезда и д. Малый Сантак Тетюшского уезда (от 12 мая), хотя почерки переписчика разные.

МНП (и оставлении их в ведении ОМДС) и освобождение мулл от обязательного знания государственного языка[1].

В своём ходатайстве коммерческие советники Исхак и Ибрагим Юнусовы, казанский купец Муртаза Азимов и др. подняли два вопроса: 1) об освобождении татарских школ в Казанском учебном округе от контроля со стороны МНП и оставлении их в ведении ОМДС; 2) об освобождении занимающих духовные должности мулл от обязательного знания государственного языка, и просили «рассмотреть... и исполнить просьбы»[2]. Следовательно, их решительность во многом подкреплялась опасением в том, что российская власть намеревалась кардинальным образом вмешиваться в духовные дела мусульманского сообщества в округе ОМДС, собиралась провести тотальную ревизию приходских духовных лиц на предмет соответствия или несоответствия их новому критерию – знанию русского языка, лишив большинство махаллей духовных пастырей, что воспринималось началом конца религиозно-культурной автономии татар-мусульман.

21 августа 1883 г. МДВ обратилось к оренбургскому муфтию С. Тевкелеву с предложением разъяснить муллам Казанской губернии «неосновательность» опасения за свои религиозные права. Ответ муфтия был категоричен: «У мусульман не осталось доверия ко мне, если в такой ситуации присоединюсь к правительственной агитации, то среди них начнутся опасные для власти волнения»[3].

И губернатор Л. И. Черкасов, и оренбургский муфтий С. Тевкелев были уверены в том, что петиционная кампания была вызвана глубоким недоверием татар ко всяким нововведениям, в которых они видят стремление власти обратить их в православную веру. Л. И. Черкасов уведомил МВД о том, что в таких ситуациях, когда вопрос касается всего татарского населения, «татары единодушны, склонны оказать противодействие в резких формах»[4].

Действительно, в «приговорном движении» 1883 г. произошло «объединение» требований различных социальных групп мусульманского сообщества. Во главу угла были поставлены общенациональные проблемы, поднятые предпринимательской элитой Казани, которые в действительности не отражали мнение большинства крестьянских общин. По предложению мулл, опасающихся лишения своих должностей, в прошениях появилась просьба о невведении русского образовательного ценза для духовных лиц. Единым центром подачи прошений впервые стала Казань, тем самым была заложена традиция в этой сфере на ближайшее два десятилетия.

Важно отметить, что неудачи учебной инспекции по надзору над мектебе и медресе, после передачи в 1874 г. татарских школ в Волго-Уральском регионе в ведение МНП, укрепили уверенность татар в своих возможностях открыто выражать протесты.

«Мозговой центр» мероприятия находился в Казани, исполнителями установок которого являлось духовенство. Петиционная кампания была проведена по

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 814. – Л. 22 об.–23, 26–27, 46–47, 52.

[2] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 1.

[3] *Фәхреддин Р.* Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. I нче җөз. // Фәхреддин Ризаэтдин. Дини вә ижтимагый мәсьәләләр. – Казан, 2011. – 167 б.; РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 814. – Л. 30.

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5883. – Л. 12 об. –13.

следующей схеме: образцовый текст прошения из Казани – составление общественного приговора и выборы уполномоченных в сельском обществе – составление уполномоченными прошений на имя губернатора (императора или МВД) в Казани.

Акция национальной буржуазии и духовенства в целом достигла своей цели – до сведения Петербурга была доведена чёткая позиция мусульман, не согласных нарушением автономии в сфере религиозного образования и подчинением мектебе и медресе правительственному надзору, принудительным мерам по обучению русскому языку.

«Приговорное движение» против введения русского образовательного ценза для кандидатов на мусульманские духовные должности 1888–1890 гг.

Подача прошений в ОМДС. Причины недовольства. Определённую роль в дальнейшем поступательном развитии процессов обновления в школьной сфере сыграло введение русского образовательного ценза для кандидатов в муллы. Как составная часть концепции новой школьной политики самодержавия эта мера была зафиксирована в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. Однако в последующем правительство стало рассматривать возможность его реализации лишь в округе ОМДС, не включив Таврическую и западные губернии. Результатом обсуждения данного вопроса в 1870–1880-е гг. стал указ Александра III от 16 июля 1888 г. «Об установлении образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания», предусматривающий претворение его в жизнь с 1891 г. О новой инициативе власти татарское население узнало из русской периодической печати, в частности, из газет «Волжский вестник» (1888 г., № 243), «Казанский биржевой листок» (1888 г., № 210), «Правительственный вестник» (1888 г., № 207). Первоначально указом Александра III ознакомилась незначительная часть татарского общества, прежде всего купцы, мещане и городские муллы, в той или иной степени знавшие русский язык. Большое значение в распространении среди мусульман императорского указа сыграло опубликование его во всех пяти татарских календарях, издаваемых тогда в Казани[1].

Политическая воля российского императора разрешила вопрос относительно необходимости знания новым поколением духовных лиц государственного языка. Это решение сыграло по сути революционное значение: оно затронуло кандидатов в духовные лица, большинство которых заканчивало кадимистские медресе. Новое требование чётко высвечивало социальный статус мусульманского духовенства как сотрудников правительства, занимающих промежуточное звено между имперской администрацией и прихожанами.

Принудительное изучение русского языка воспринималось неоднозначно не только вследствие навязчивых действий власти, но и из-за отсутствия для большинства татар, расселённых в сельской местности, практической необходимости

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 60–60 об.

в знании государственного языка. Для прихожан, находящихся под воздействием мулл-консерваторов, просветительское начинание правительства оказалось непонятным, воспринимали его как «незаслуженную кару», «незаслуженное оскорбление религиозного чувства»[1].

Традиционные требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в течение столетий ограничивались знанием языка Корана и норм шариата и не включали обязательного знания русского языка. Важно отметить, что на момент объявления указа Александра III кандидатов в муллы, которые отвечали бы новым требованиям, было крайне мало, а выделяемый для этого срок (2,5 года) был явно недостаточным.

Для религиозных общин нововведение означало не только изъятие из их ведения права выбора будущих духовных лиц, но и превращение знания русского языка и грамоты в основной критерий при назначении мулл. Поэтому данная инициатива воспринималась как вторжение власти в религиозно-культурную автономию мусульман.

Данная новость была положительно воспринята лишь локальной группой татар. Наиболее интегрированной в русское социокультурное пространство частью мусульманского сообщества являлись купцы и торговцы, в ряды которых вливались уроженцы сельской местности, получившие традиционное национально-религиозное воспитание в монокультурной среде сельского прихода. Многие татарские купцы владели русской грамотой и прекрасно осознавали прогрессивное значение знания государственного языка. При этом они рассматривали потребность в русском языке с практической точки зрения, ставя во главу угла добровольность его изучения.

Национальная элита достоверно знала, что религия не препятствует изучению других языков, поэтому в данном случае невозможно было оперировать религиозным запретом на изучение государственного языка империи. Мотивация её опасений по поводу введения образовательного ценза была обусловлена двумя обстоятельствами: 1) какие негативные последствия и изменения это нововведение принесёт для нового поколения религиозных деятелей, которые до сих воспринимались как образец благочестия и совесть мусульман; 2) какие меры предпримет имперская власть в дальнейшем для разрушения религиозно-культурной автономии мусульман.

Инициатива правительства была воспринята буржуазией и духовенством как новый шаг «по размыванию» национальных устоев и традиционного религиозного уклада, как вторжение в монополию духовенства в сфере школьного образования, занимающегося воспитанием правоверных мусульман, как реальная угроза трансформации отношения к религии будущих мулл, обучавшихся в русских учебных заведениях, которая могла привести к ослаблению приверженности к исламу и его влияния среди татар. Купцы опасались, что на комиссиях по принятию экзамена не выдадут свидетельства об успешном прохождении испытания кандидатам, хорошо знающим основы ислама, отдав предпочтение «обрусевшим, хотя и мало знаю-

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л.129 об.

щим шариат»[1]. Важно отметить, что в тот момент в составе училищных комиссий, принимавших экзамены, значился православный священнослужитель. Как видно, татары ожидали злой умысел со стороны чиновников и миссионеров, которые, получив контроль над определением на духовные должности имамов, отдавали бы предпочтение знающим русских язык, лишая такой возможности лиц, основательно подготовленных по религиозным предметам. А такая принципиальная позиция экзаменаторов таила в себе угрозу девальвации религиозного обучения, когда традиционные ценности могли быть кардинально изменены.

Для татарского общества угроза исходила от нескольких пунктов закона от 16 июля. Во-первых, высокий образовательный ценз лишал духовенство Казанской губернии возможности избирать достойных кандидатов на должности заседателей ОМДС, что было равноценно лишению их в целом этого права. По сути могли быть избраны лишь лица, малознакомые с исламской религией и окончившие КТУШ, например, татарская молодёжь, имеющая русское образование, не обучавшаяся в средней религиозной школе, что означало трансформацию состава религиозного управления и таило в себе опасность комплектования ОМДС чуждыми для мусульманского сообщества элементами. В случае назначения кадиев по новым критериям явно проявлялась подмена мусульманского религиозного образования светским русским образованием, практически это означало распространение принципа назначения на должность муфтия (как это было, например, с С. Тевкелевым и М. Султановым) и кадиев людей, мало сведущих в религиозных делах, но образованных по-русски. Поэтому представляется обоснованным отступление властей от утверждённых правил при рассмотрении вопроса о новом порядке выборов заседателей Духовного собрания. Муфтий М. Султанов попросил разрешение до 1896 г. по его рекомендации утверждать заседателями лиц, знания русского языка которых ограничились бы просто грамотой[2]. Министр внутренних дел Н. И. Дурново, «во избежание затруднений» к замещению этой должности, поддержал инициативу оренбургского муфтия, что было впоследствии юридически оформлено в законе от 11 января 1890 г. «Об изменении существующего порядка выбора членов в Оренбургское магометанское духовное собрание»[3].

Во-вторых, преждевременность такого закона выводили из того, что желающие на тот момент занять духовные должности, проучившись в продолжении 10 и более лет и достигнув 20-летнего возраста, не имеют физической возможности соответствовать предъявляемым законом требованиям относительно русского образования.

---

[1] Причину своих опасений казанцы озвучили петербургскому ахуну Г. Баязитову следующим образом: «В русских школах те русские, кои будут экзаменовать мулл, нарочно, вместе с миссионерами, не выдадут экзаменационных листов хорошо знающим из них мусульманский шариат, – а всегда сделают предпочтение обрусевшим, хотя и мало знавшим шариат. При том же хорошо учёные мусульмане в возрасте от 25 до 30 лет уже не могут войти в русскую школу учиться грамоте, а потому все должности мулл займут писаря и чиновники, или люди недостойные, но знающие русский язык, и мы останемся без настоящих мулл». РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 75.

[2] РГИА. – Ф. 1149. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 22–22 об.

[3] ПСЗ-3. – Т. 10. – № 6521.

Подобное требование нужно ставить лишь после учреждения школы, в которой будущие муллы обучались бы и общеобразовательным наукам[1].

Негативное отношение к новому закону также логически вытекало из специфического отношения купцов к роли и миссии духовенства в мусульманском сообществе. Весьма показательна дискуссия казанского купца А. Сайдашева, хорошо знавшего русский язык и не сторонившегося русского общества[2], с русскими чиновниками на Мензелинской ярмарке (1889 г.). Купец указывал, что религиозные деятели «не должны быть светского образования, так как при светском образовании в человеке слабеет религиозное чувство, а это не может быть совместимо со званием муллы как духовника; поэтому муллы, тем более на месте, чем крепки в своей религии»[3]. Он считал совершенно достаточным для них получение религиозного образования. Таким образом, А. Сайдашев указал на опасность трансформации многовековой традиционной системы подготовки духовенства. Необходимость изучения будущими духовными лицами русского языка в условиях активизации миссионерской деятельности РПЦ и расселения татарского населения в инокультурной среде воспринималась консервативной частью национальной элиты как принципиальный вопрос.

Кадимистское духовенство, к которому относилось подавляющее большинство имамов, изначально усмотрело в законе от 16 июля 1888 г. посягательство на свои права, особенно болезненно реагировали на это те, которые в ближайшие годы планировали передать свои должности преемникам – сыновьям, племянникам или любимым шакирдам, которые не владели русским языком.

В рассматриваемый период существование династий, кланов мулл и купцов было весьма заметным явлением. Их дети, особенно шакирды сельских медресе, из-за незнания русского языка и грамоты оказались неготовыми к новым требованиям, считали невозможным изучить государственный язык за короткий срок, воспринимали предстоящий экзамен концом своей не успевшей начаться духовной службы, не надеясь его сдать успешно. Эта группа шакирдов призывала своих родителей и родственников более активно выступать в защиту их прав[4].

В условиях негативного отношения населения и большинства духовенства к образованию на русском языке самая главная опасность заключалась в том, что в условиях малочисленности русско-татарских школ предъявляемые законом требования могли объективно нанести вред процессу своевременного комплектования приходов имамами, заполнению вакантных должностей. Поэтому ряд мусульманских деятелей, признавая безусловную полезность нового закона, заговорили об учреждении правительственной школы для духовенства. В частности, в самом начале волнений ахун 2-го мусульманского прихода Санкт-Петербурга, служащий в МИД Г. Баязитов предложил проект учреждения за казённый счёт медресе с обучением и на русском языке, о котором он доложил муфтию М. Султанову. Однако татары обвинили

---

[1] Петиция местных мусульман // Волжский вестник. – 1888. – № 318.
[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 176–177.
[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 239–239 об.
[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 239.

его в инициативе учредить «не медресе с русским языком, а русскую школу»[1]. Крымско-татарский просветитель И. Гаспринский в своей газете «Тарджеман» от 5 мая 1889 г. опубликовал статью о необходимости для лиц, готовящих себя духовной стезе, специальной школы[2].

Агитация населения к подаче прошений в ОМДС. Казань стала местом разработки подходов и форм доведения до власти принципиальной позиции мусульман округа ОМДС в отношении «высочайшей» воли. Против правительственного распоряжения высказались все городские имамы во главе с хатибом мечети № 8 Мухаммадеем Салиховым (умер в мае 1889 г.), являвшимся в 1884–1886 гг. старшим заседателем ОМДС, а с 3 января 1885 г. по 27 февраля 1886 г. исполнявшим обязанности оренбургского муфтия. Влиятельные коммерсанты Мухаметзян Галеев, Мухаметзян Казаков, Ибрагим Юнусов, Муртаза Адамов, Мухаммед-Юсуп, Абдулкарим, Мухамметзакир Апанаевы[3] сплотились вокруг А. Сайдашева[4], в доме которого в октябре 1888 г. проходили совещания с участием мулл и обсуждались разные варианты выражения протеста.

Первоначально предполагалось представить прошения казанскому губернатору для дальнейшего ходатайства. В начале ноября А. Сайдашев сообщил губернатору о недовольстве татарского населения новым законом и намерении подать прошение о его отмене[5]. Во время встречи губернатор Н. Е. Андреевский (1884–1889) отметил неуместность такого мероприятия, указав купцу, что этот вопрос находится не в его компетенции, а, скорее, подлежит ведению ОМДС. Воспользовавшись этим предложением, было решено адресовать прошения в религиозное управление. А. Сайдашев дал указание разработать текст ходатайства. Имеются две версии авторства образцового текста прошения. Согласно информации начальника Уфимского губернского жандармского управления, он был составлен в Москве при участии А. Сайдашева и городского ахуна Агеева[6]. По сведениям начальника Казанского губернского жандармского управления и лаишевского уездного исправника, образцовая форма прошения для подачи в ОМДС, где доказывалась необходимость ходатайства

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 176.

2 Тарджеман. – 1889. – № 17.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 116–118.

[4] Казанский купец 1-й гильдии Ахметзян Сайдашев, уроженец д. Большой Кабан Лаишевского уезда, начавший свою карьеру простым приказчиком, благодаря исключительно своей ловкости и изворотливости накопивший немалый капитал, к концу 80-х гг. XIX в. уже сам содержал в штате нескольких агентов и приказчиков, разъезжающих по разным местам для совершения коммерческих операций и взыскания денег по обязательствам. Он состоял членом восьми благотворительных заведений. А. Сайдашев был популярным среди мусульман, т. к. довольно часто выступал ходатаем и посредником по разнообразным нуждам татар. По мнению казанского полицмейстера, благодаря этому он пользовался среди них доверием и авторитетом, хорошо знал русский язык, не сторонился русского общества. По его наблюдениям, в городе А. Сайдашев старался показаться преданным слугой правительства и искал знакомства с начальством (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 196–196 об.).

[5] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 176–176 об.

[6] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 242 об.

муфтия императору об отмене закона от 16 июля 1888 г., была составлена заседателем ОМДС Сулеймановым[1].

Размножение образцовой формы прошения А. Сайдашев поручил своему торговому агенту Ахметзяну Кульмаметову, служившему до 1879 г. писарем в одном из казённых учреждений Казани в чине коллежского регистратора.

По инициативе М. Салихова и А. Сайдашева во всех 13 приходах Казани были составлены прошения на имя муфтия.

На совещаниях было решено разъяснять населению императорский указ как знаковый шаг по дальнейшей ассимиляции мусульман через христианизацию. В разговорах с ближайшим окружением А. Сайдашев неоднократно указывал, что только угроза христианизации может консолидировать и побудить сельские общества к единодушной подаче ходатайств об отмене данного закона[2]. «Чтобы заставить крестьян скорее подавать приговоры и послать скорее в Казань доверенных, в простой народ пущен слух, что всех будут крестить, в некоторые селения уже приехали русские попы», – сообщал 8 января 1889 г. спасский уездный исправник, объездив татарские деревни[3]. Ему удалось точно определить методы психологического

---

[1] Образцовая форма прошения, адресованного в ОМДС, имела следующее содержание. «Как видно из Казанского биржевого листа от 27 сентября 1888 года за № 210, что с 1889 г. готовится важное изменение в постановке нашего религиозного дела, предполагается учредить ценз для мулл и заседателей духовных собраний, требовать от них известного образования в гражданских учебных заведениях или выдержания соответствующих экзаменов в знании гражданских предметов. Это известие тяжело на нас подействовало, так как до сего времени наши муллы и заседатели духовных собраний – лучшие люди среди нас и вполне соответствующие своему служению, они подготовлялись к нему долгими годами учения в медресе усвоением священных книг Корана и шаригата, чтобы во всех случаях жизни и религиозных сомнений готовившие успокоить совесть мусульман и разъяснить им их сомнения. Не то будет после предположенной реформы, когда в муллы и заседатели будут ставиться лица, воспитавшиеся в гражданских учебных заведениях или выдержавшие там экзамен, то названия мулле и заседателей будут требовать все, кто там учился, и по справедливости будут иметь право те, кто лучше знает гражданские предметы, а изучение гражданских предметов отклонит их от занятий Кораном и шаригатом, направив их ум на другие предметы.

Подвергая это на усмотрение Оренбургского духовного собрания, просим его старательно обсудить этот важнейший религиозный вопрос и ходатайствовать пред высшим Правительством не изменять исконного порядка религии мусульман, так как мусульмане под могущественною властию Монарха России не раз доказывали свою верность Престолу во всех тяжких годах и заседателями просвещёнными духовно изучением шаригата будут служить Его Императорскому Величеству верой и правдой, а потому и смеем надеяться Его Милостей оставления нам прежнего исконного порядка в управлении и руководстве делами нашей магометанской веры» (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 8–9 об.; РГИА. – Ф.821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 176–177). Обращает на себя внимание ряд моментов. Текст образцовой формы прошения написан в весьма выдержанном стиле, распоряжение правительства изучать русский язык для духовных лиц не объясняется как противоречие шариату, время введения нового закона указан 1889 г. вместо 1891 г., скорее всего, эта механическая ошибка переписчика, необходимость отмены закона от 16 июля выражена в обтекаемой форме, как желательность сохранения прежнего порядка назначения духовных лиц, в тексте имеются некоторые стилистические неточности, которые характеризуют автора текста как человека нерусского происхождения.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 282–284.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 3 об.

воздействия на население: «Простой народ не желает только открытия в их селениях русских школ и обязательного обучения детей русской грамоте и боится того, чтобы не последовало распоряжения о крещении, не входя ни в какие рассуждения по поводу высоч[айшего] повеления, напечатанном в № 207 «Прав[ительственного] вестника» и не касаясь того, что ожидает их мулл [...] Муллами и богатыми татарами руководит другое. Они не верят и не боятся распространения слухов о школах и крещении, они только прямо желают отмены закона 16 июля, как прекращающего им и их детям, не имеющим образовательного ценза, всякую возможность быть заседателями, ахунами, муллами. Чтобы замаскировать настоящую причину отмены настоящего закона, они объясняют это совершенно другим. Они говорят, что все уважающие мусульманские законы и не желающие упадка религии признают, что излишнее образование мулл вредно отзовётся в религии. Они убедились в этом выпуском таких мулл из Казанской татарской семинарии (КТУШ. – *И. З.*). Все они оказались никуда не годными. Пьют водку, курят, не держат постов, редко ходят в мечеть, во всём не ведут себя так, как следует быть мулле по их закону. Передачей же таким лицам приходов и власти, как заседателям, приведёт к пагубным последствиям для их веры и без того уже несколько пошатнувшейся» [1].

Ключевую роль в ознакомлении населения с новым законом сыграли устная и письменная формы распространения информации: случайные разговоры на местных базарах и агитация отдельных лиц на региональных ярмарках, рассказы торговцев, разъезжающих с коммерческой целью по населённым пунктам Поволжья и Приуралья.

Особо следует сказать о неуместных действиях отдельных представителей местных властей, а также русских крестьян, своими высказываниями или действиями дававших повод к усилению слухов о крещении. Такие случаи лишь помогали организаторам петиционной кампании мобилизовать местных жителей на скорейшую подачу прошений[2]. Ключевую роль в распространении таких слухов в Казанской губернии сыграла местная духовная консистория. По её указу от 7 ноября 1888 г. всем священникам было предписано точное составление новой клировой ведомости, разработанной консисторией, где в графе о прихожанах необходимо было указывать и число мусульман, и язычников мужского и женского пола, проживавших в селениях с православными, а также во всех населённых пунктах, которые «входят» в состав того или иного православного прихода. Указ духовной власти был напечатан в «Известиях по Казанской епархии» и стал достоянием общественности. Татарское население Спасского, Чистопольского и Тетюшского уездов сильно взволновали действия священника с. Матаки, который, прибыв 30 декабря 1889 г. д. Тяжбердино Спасского уезда, где проживали и русские, потребовал от местного муллы сведения о численности мусульман его махалли[3]. Под воздействием волнений губернатор заставил руководство епархии отменить этот указ.

Напряжённая психологическая обстановка, традиционная недоверчивость к русским властям способствовали превращению каждого шага со стороны православного духовенства, имеющего малейшее отношение к мусульманам, в подтверждение слу-

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 4–4 об.
[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1076. – Л. 68–68 об., 265 об.
[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 1–1 об.

хов об ожидаемой христианизации. Среди священнослужителей также «отличился» псаломщик церкви д. Ишеево Ефим Евдокимов, который во время поста в 1889 г. в доме помещика Городецкого в нетрезвом состоянии говорил татарским крестьянам, намекая на закон от 16 июля 1888 г., следующее: «Ваш муфтий крестился, вы все через три года перейдёте в нашу веру»[1].

Большой резонанс в уездах Казанской губернии получило закрытие нелегально возведённого мусульманского молитвенного дома в д. Янгильдино Тетюшского уезда, где проживали русские и татары-мусульмане, малочисленность которых не позволяла построить в селении мечеть. Узнав о решении властей сломать молитвенный дом, священник с. Куланга Иоанн Утяковский опередил действия полиции, прибыв в деревню, потребовал у волостной старшины и сельской старосты закрытия здания. Получив отказ, священник перед отъездом заявил, что впредь будет каждую неделю «с провожатыми» приезжать сюда «для собеседования о вере с татарами и увещевания их». Мусульманский молитвенный дом разобрали 1 марта 1889 г.[2]

Полицейские также вносили свою лепту в усиление тревожных ожиданий мусульман. Например, в начале 1890 г. пристав 1-го стана Тетюшского уезда, прибыв в татарскую деревню Мало-Шемянинской волости, заявил, что с 1891 г. для мулл будет вводиться новая форма одежды, как у православного священника[3]. Ш. Ахмеров, подразумевая недоверчивое отношение мусульман к администрации, со своей стороны, отмечал, что «как всегда, самые невинные слова губернатора истолковываются самым нелепым образом»[4].

Решение, принятое небольшой группой казанских купцов и духовных лиц, транслировалось жителям на молитвенных собраниях. А. Сайдашев и мулла М. Салихов, как организаторы и идеологи движения, доводили свои наставления населению через приезжающее в город приходское духовенство и письма родным и близким. В частности, мулла д. Серда Мамсинской волости Казанского уезда получил форму прошения от М. Салихова, после чего ездил по уездам и призывал духовных лиц о необходимости подачи прошений в Духовное собрание[5]. Именно после письменного обращения в начале декабря А. Сайдашева к родственнику – мулле д. Большой Янасал Тетюшского уезда Мухаметзарифу Галиакберову, об агитации мусульман за подачу прошения на имя муфтия, в уезде усилилось волнение крестьян. Здесь очень организованно со 2-й пол. января 1889 г. шла подача прошений практически со всех татарских селений.

К подаче прошений также побуждали слухи или информация о повсеместной подаче прошений сельских обществ соседних волостей, уездов, а также подговоры пользующихся доверием татар и башкир отдельных писарей, желающих заработать составлением ходатайств[6].

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 210.
[2] Там же. – Д. 7797. – Л. 23–25.
[3] Там же. – Д. 7798. – Л. 205–208.
[4] Там же.
[5] Там же. – Д. 7797. – Л. 179 об.
[6] Например, сельские общества Уржумского уезда Вятской губернии составляли прошения по привезённому из Казани тексту (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1076. – Л. 198–199 об., 265 об.).

О массовой подаче мусульманами прошений по поводу закона от 16 июля 1888 г. в ОМДС, а также в Санкт-Петербург, некоторые татарские предприниматели в уездных городах узнали из газеты «Тарджеман», в 1-й и 2-й номерах которой за 1889 г. её редактор И. Гаспринский напечатал сообщения о петиционной кампании[1].

Некоторые писари отходили от образцового текста и вносили в него изменения, формируя несколько вариантов, которые, благодаря инициативе отдельных лиц, также становились «казанскими образцовыми текстами»[2]. В частности, помимо образцового теста прошения А. Кульмаметов выдавал приезжим крестьянам выписки на русском языке из «Сборника трудов студентов при Казанской духовной академии»[3]. В нём цитировался отрывок из сочинения студента Казанской духовной академии, в котором говорилось, что миссионерская деятельность должна начинаться с образованных мусульман, пользующихся среди татарского населения особенным уважением и почтением: «Неучёный, увидев своего муллу обратившимся к христианству, будет рассуждать так, если уже мулла, человек учёный, лучше других знающий веру, оставил мухаммеданство и принял веру, то, наверное, новая христианская вера, лучше и есть святая. По обращении в христианство муллы, можно уже, наверное, надеяться на обращение весьма многих мухаммедан его прихода»[4]. Ссылка на эту публикацию или по инициативе самого писаря Кульмаметова, или по просьбе доверенных обществ, на которых слова миссионера оказали сильное воздействие, появилась в части ходатайств, адресованных в ОМДС.

Основная часть прошений из Казанской губернии была написана в Казани, а также в Буинске[5]. Полицеймейстер выведал круг лиц, занимающихся организацией подачи прошений в Казани от имени приезжих поверенных на имя муфтия М. Султанова[6].

В регионах к активным действиям духовных лиц побуждали слухи о том, что всех мулл, не знающих русскую грамоту, заменят новыми имамами, соответствующими новым требованиям[7], закон от 16 июля 1888 г. преподносился как начало христианизации мусульман[8]. Также говорили, что с 1891 г. мусульманское духовенство будет сдавать экзамены православным архиереям[9].

---

[1] ГА РФ. – Ф. 102, 2-е делопроизводство, 1889 г. – Оп. 87. – Д. 199. – Л. 25 об.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 178–179.

[3] Сборник трудов студентов при Казанской духовной академии. – Казань, 1873. – Вып. 1.

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8137. – Л. 42–43.

[5] Там же. – Д. 1075. – Л. 41–44.

[6] Это отставной писарь Шамсутдин Сайдашев, служащий конторщиком у купцов Субаевых и Сайдашева; уфимский мещанин Загретдин Абдулгалямов, состоящий на службе в конторе Михайлова и занимающийся адвокатством; унтер-офицер Шакирзян Шамсутдинов, занимающийся торговлей; казанский мещанин Мухаметзян Яхъин, служивший среди татар знатоком законов и составлявший прошения; п. п. гр. Абдул Бахтиярович Апаков, занимавшийся торговлей обуви вразнос, который иногда переписывал прошения набело; крестьянин Хасан-Гата Габашев, состоящий учителем при Азимовской мечети; казанский мещанин Мухамметвали Назмутдинович Шамсутдинов, занимающийся изготовлением татарских вывесок на улицах города; учитель Гарифулла Газеев, уроженец д. Малые Кляры Тетюшского уезда, временно проживающий в Казани; Александр Озеров и А. Мазитов и др.

[7] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1076. – Л. 165, 269 об.

[8] Там же. – Л. 225 об.

[9] Там же. – Д. 1075. – Л. 11–11 об.

Одновременно посылались курьеры в отдалённые регионы. Одного из своих доверенных А. Сайдашев отправил в Пермь к местному ахуну Потееву, чтобы его прихожане и татаркое общество губернии примкнули к «приговорному движению»[1].

В Оренбургской губернии главным агитатором был оренбургский купец Мухамедзян Еникеев, который посещал вместе с доверенным лицом А. Сайдашева селения мусульман Пензенской губернии, призывая начать подачу прошений. Согласно датам в поступивших в адрес императора прошениях, первые ходатайства из Оренбургского уезда были поданы во 2-й пол. декабря 1888 г.[2] По сведениям Оренбургского жандармского управления, лицами, сочувствующими убеждению в том, что если муллы будут учить русский язык, то не будут в точности выполнять обряды ислама, и «даже станут склонять своих однодеревенцев к принятию православия», назывались «более религиозные» оренбургские купцы братья Шангарей и Мухаметзян Еникеевы, Абдулла и Файзулла Еникеевы, их сыновья Габидулла, Хасан и Нагиман Еникеевы, Шарипов, Насыров, Рахмангулов и мещанин Абдул-Азис Агаев. Из их числа особо выделался М. Еникеев, который имел в Симбирске суконную фабрику и торговлю, часто бывал на Нижегородской и Мензелинской ярмарках[3].

Другими эффективными формами оказались призывы духовных лиц в мечетях после общественной молитвы; разъезды отдельных лиц по округе со специальной миссией «разъяснить с мусульманской точки зрения» правительственное распоряжение; частная переписка казанских мулл, шакирдов, торговцев с родственниками, проживающими в различных регионах, и со знакомыми; специально написанные письма-обращения к отдельным личностям, которые вели разъяснительную работу среди местных мулл и сельских обществ.

Базары, мечети, сельские сходы стали следующим звеном, где читались, обсуждались и в понимании духовных лиц доводились до сведения простого народа положения закона от 16 июля 1888 г. В крупных селениях приговоры составлялись прихожанами отдельных мечетей. В Тетюшском уезде, однако, использовался более конспирационный метод составления общественных приговоров: документ о выборе доверенного лица и подаче прошения обсуждались не на сельских сходах, мулла или другой грамотный крестьянин записывал в бумагу список прихожан – глав семейств (или же доверенные со стариками ходили по домам), где последние ставили свою тамгу (подпись). К этим приговорам сельские старосты накладывали должностную печать и расписывались, однако общественный приговор не регистрировали в волостном правлении, с этим документом доверенные отправлялись в Казань, получив от общества на расходы от 5 до 20 руб., в зависимости от финансовой возможности каждого сельского общества[4].

В декабре 1888 г. движение по подаче прошений охватило все уезды Казанской губернии, где проживало татарское население. Газета «Волжский вестник» от 17 декабря 1888 г. в заметке «Петиция местных мусульман» по поводу реакции казанской мусульманской городской общины отмечала, что «среди местных мусульман в настоящее время идут оживлённые толки, собираются подписи под петиции, которые

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 239.
[2] Там же. – Л. 7.
[3] ГА РФ. – Ф. 102, 2-е делопроизводство, 1889 г. – Оп. 87. – Д. 199. – Л. 17.
[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 50 об.

будут поданы в Собрание от прихожан от каждой мечети отдельно, с просьбой отменить и не вводить на практике подобное распоряжение»[1].

В Казанской губернии в агитации активное участие принимали муллы[2]. Важную роль на местах играли социально активные лица, как правило, это были торговцы. Рассмотрим историю подачи прошений татарами Буинского уезда Сибирской губернии. О новом законе временный купец д. Еховоозёрное Ягафар Насыров узнал от заезжего к нему татарина, ехавшего из Оренбурга в Казань. Для совещания он выехал в Буинск к своему товарищу по коммерции Муллину, который специально ездил в Казань для выяснения ситуации. Узнав, что татарское население Казанской губернии уже подало ходатайства, он привёз одну из форм прошений, по которому в уезде стали составляться тексты[3]. Писари уездного города вносили свои исправления в текст образцового прошения, в частности, просили не отменять, а отдалить срок введения закона, поскольку за два года невозможно изучить русский язык по программе русской начальной школы[4].

В декабре-январе 1888 г. на Сенной площади в Казани в постоялых дворах купцов Юнусова и Апанаева, наиболее посещаемых татарами гостинице «Царьград» казанской купчихи Владимировой и в татарской харчевне Биктемирова, расположенной в доме Юнусова на Сенной площади, составлялись прошения для уполномоченных сельских обществ Казанской и соседних губерний[5].

Принятие закона о введении образовательного ценза сформировало негативное отношение к муфтию. Власти по достоверным источникам[6] установили, что незадолго до подписания императором злополучного для мусульманских духовных лиц

---

[1] Волжский вестник. – 1888. – № 318. – 17 дек.

[2] Мулла д. Малой Русаковой Свияжского уезда Шагабутдин Рахматуллин, имам д. Чутеевой Шарафутдин Баширов, ишан д. Новой Альметьевой Чистопольского уезда Мирхайдарзян Хайруллин. Последний отправил по селениям четырёх шакирдов своего медресе. Ему содействовал крестьянин д. Собачей Курмышского уезда Шарафутдин Серазетдинов. В Тетюшском уезде в агитационную кампанию включился крестьянин д. Новые Чечкабы Тетюшского уезда Абдрахман Абдрашитов, он в качестве уполномоченного приезжал в Казань. А в последних числах января в качестве провожатого своего учителя, слепого муллы хаджи д. Нурлат Буинского уезда Фахреддина Мултаева, пользующегося огромным авторитетом среди населения, отправился в традиционный ежегодный разъезд по селениям Курмышского уезда. Остановившись у землевладельца К. Арасланова в д. Рыбушкино, они совершали разъезды в соседние деревни (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 198–199 об.).

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 200.

[4] Там же. – Л. 43 об.–44, 200–201; Д. 1076. – Л. 46 об.

[5] В своём письме В. В. Радлову от 25 января 1889 г. исполняющий обязанности инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Ш. Ахмеров писал: «Ныне уже несколько месяцев Казань служит местом сборища разных деревенских мулл: они здесь советуются, пишут прошения от имени своих прихожан и посылают их в Духовное собрание с требованием переслать их на высоч[айшее] имя. На прошениях этих татары ходатайствуют об отмене высоч[очайшего] повеления. Мне удалось прочитать копии с некоторых прошений; они крайне нелепы и обнаруживают неясное понимание смысла высоч[очайшего] повеления, и писаны большею часть полуграмотными писцами. Тут есть указание на вред русского просвещения, порождающее, по их мнению, разврат и распутство и нападки на наши (имеется в виду русско-татарские. – *И. З.*) школы и проч. Впрочем, все эти собрания лежат в Уфе, в Духовном собрании без всякого движения [...] Муфтия нет в Уфе, он давно у Вас в Петербурге» (см.: Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 14–15).

[6] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 28 об.

указа, о чём естественно татары не знали, якобы А. Сайдашев, его ближайший родственник Мухаметзян (проживал на Пороховой слободе, имел свою лавку, торговал калошами) и один из влиятельных городских мулл просили муфтия М. Султанова, будучи в Петербурге, ходатайствовать перед высшим начальством не требовать в будущем от мусульман обучения русскому языку и открытия школ с правом обучения русской грамоте, и таким образом сохранить «святость ислама». М. Султанов будто бы изъявил на это своё согласие. Возвратившись из столицы, муфтий заехал в Казань и посетил влиятельных татар. А. Сайдашеву и другим объяснил, что в Петербурге никаких преобразований в этой области не ожидается[1]. Действительно, 20 февраля 1888 г. муфтий М. Султанов, прибыв в Казань, встречался с татарскими купцами и религиозными деятелями, в сопровождении купцов Галеева, А. Сайдашева, И. Айтуганова, С. Галикеева и шейха Г. Апакова посетил мусульманский приют купцов Юнусовых, проведя испытание среди обучающихся в приютской школе[2]. Однако муфтий не говорил казанской элите о предстоящем русском образовательном цензе для кандидатов в муллы. Поэтому появление спустя 5 месяцев нового закона было воспринято купечеством как предательство муфтием интересов мусульман в угоду чаяниям правительства[3].

Награждение М. Султанова «генеральским орденом» Св. Станислава I степени спустя два года службы интерпретировалось как его подкуп властью за согласие ввести русский образовательный ценз. Утверждали, что получивший русское образование муфтий сам проявил инициативу и способствовал принятию этого закона. Получая достоверную информацию из первоисточника – от заседателей ОМДС, духовенства Казанской губернии, А. Сайдашев повсеместно публично указывал, что оренбургский муфтий является инициатором введения русского образовательного ценза.

Резюмируя общественную ситуацию в январе 1889 г. в татарской части Казани Ш. Ахмеров констатировал, что здесь «[...] муфтия считают виновником обнародованного этого распоряжения, так как он дал на это своё согласие и за это получил «звезду»; ругают его предателем веры, говорят, что он продал мусульман на звезду, и с глубоким уважением вспоминают бывшего муфтия Тевкелева, которого раньше также нередко ругали. Про нынешнего муфтия ярые фанатики кричат «катыйл важиб» – как изменник веры»[4].

На Мензелинской ярмарке (январь 1889 г.) на совещаниях в доме купца А. Сайдашева М. Султанов подвергался жёсткой критике, обвинялся в предательстве интересов мусульманского сообщества[5]. Примечательно, что его поездка в декабре 1889 г. – январе 1890 г. в столицу была осуждена как попытка получить ещё одну

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 229–230.

[2] Волжский вестник. – 1888. – № 66.

[3] 25 ноября 1889 г. Ш. Ахмеров писал В. В. Радлову: «Муфтий Султанов очень серьёзно болен. Получена здесь телеграмма, что он безнадёжен, болезнь его – воспаление лёгких. Казанцы рады, приписывая его болезнь каре божьей за его противомусульманское направление. Дочь его и зять немедленно выехали в Уфу» (см.: Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 16 об.).

[4] Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 14–15.

[5] На одном из этих совещаний во время Мензелинской ярмарки один из участников в эмоциональном порыве призвал убить муфтия, как изменника веры, что привело к распространению слухов о том, что будто бы А. Сайдашев подговорил одного муллу к убийству муфтия М. Султанова (РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 286 об.–288).

правительственную награду[1]. Среди мулл сложилось мнение о том, что согласие муфтия на введение русского образовательного ценза не является для них указом-предписанием, потому что муфтий назначенное духовное лицо, не избранное мусульманским сообществом, поэтому не может быть его уполномоченным. В этой ситуации единственным руководством объявлялось решение (фетва) авторитетных мулл. Этот момент представляется весьма важным в понимании одной из ключевых мотивации петиционной кампании[2].

Появление на Мензелинской ярмарке в январе 1889 г. отставного полковника князя Чингиз-Хана, будто бы желавшего получить в перспективе должность муфтия и ранее игнорировавшего национальную одежду, в тюбетейке, жандармами была оценена как попытка купца А. Сайдашева сотрудничать с ним в этом вопросе.

Часть мусульманского духовенства, особенно те из них, кто занял духовную должность после завершения воинской службы, в знании русского языка видели только пользу. Некоторые из них, несмотря на несогласие с решением сельского схода, под давлением односельчан, вынуждены были подписывать коллективный документ. Некоторые публично заявляли своё принципиальное несогласие. Так, в частности, поступил, вернувшись из Мекки, мулла д. Старые Байлар Кузкеевской волости Мензелинского уезда, когда к нему явились доверенные нескольких обществ с приговорами, желая его утверждения. Он разорвал все приговоры и просьбы и сделал доверенным «строгое внушение» [3].

Один из имамов Оренбургской губернии обратился к муфтию с предложением разрешить ему разъезжать по селениям для разъяснения истинного смысла закона об образовательном цензе. Однако М. Султанов посчитал в данной сложной ситуации невозможным давать кому-либо подобного рода поручение[4].

В большинстве местностей проведение сельских сходов не приводило к каким-либо волнениям и бойкотированию обращений местной администрации. Это объясняется тем, что сельские сходы при мечетях были проведены во многом по инициативе мулл, расписываясь в общественных приговорах, крестьяне не вникали в суть проблемы. Со стороны казалось, что закон от 16 июля обсуждался на сельских сходах и выносился единодушный приговор о его отмене.

В результате организационных мер казанского купечества и духовенства к 11 января 1889 г. в ОМДС поступило до 60 прошений из Казанской, Вятской и Оренбургской губерний[5]. К концу января в Духовном собрании уже насчитывалось до 1 тыс. прошений от сельских и городских обществ Поволжья и Приуралья. В абсолютном большинстве ходатайств говорилось о необходимости обращения муфтия к высшей власти с просьбой отмены закона от 16 июля 1888 г.

Некоторая часть поступивших ходатайств была адресована министру внутренних дел или российскому императору[6]. Однако уфимский губернатор воспрепятствовал их отправке в Петербург[7].

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 240.
[2] Там же. – Д. 1076. – Л. 103.
[3] ГА РФ. – Ф. 102, 2-е делопроизводство, 1889 г. – Оп. 87. – Д. 199. – Л. 22.
[4] Там же. – Л. 8 об. – 9.
[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 48.
[6] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 2. – Д. 174. Журнал от 31 января 1889 г.
[7] Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 15.

Казанские купцы и заседатели ОМДС, избранные духовенством Казанской губернии, поддерживали тесную связь, из поступающих депеш ДДДИИ они оперативно узнавали все новости. Известно, в частности, что во время Мензелинской ярмарки А. Сайдашев через попутчика прислал заседателю ОМДС Максютову 150 руб. и форму прошения для распространения среди населения.

Идея отправки депутации возникла у казанских купцов после получения информации об отъезде муфтия в столицу. Был произведён сбор средств, шёл подбор кандидатов для поездки в Санкт-Петербург[1]. Видимо, планировалось донести о нуждах мусульман правительству, используя авторитет муфтия, или совместно с ним встретиться с кем-нибудь из российских сановников. Во время пребывания муфтия М. Султанова в столице в январе 1889 г. татарское общество Казани отправляло в его адрес телеграммы и письма, прося разрешения приехать в Санкт-Петербург «нескольким именитым купцам». Муфтий игнорировал их просьбы. Тогда они отправили телеграмму Г. Баязитову следующего содержания: «Доложите хазрету (муфтию): не разрешить ли нам приехать». Однако М. Султанов дал отрицательный ответ. Такую позицию председателя ОМДС Г. Баязитов признавал ошибочной, считая, что муфтий обязан взаимодействовать и объясняться с казанскими купцами, строить с ними диалог[2].

Частью единого плана по привлечению внимания власти на протестные настроения среди мусульман представляется проведение в отсутствие муфтия 31 января 1889 г. заседания религиозного управления, на котором Абдулхалил Хисматуллин, Зайнетдин Максютов и Сулейманов специально обсудили тему подачи прошений, констатировали поступление за последние шесть месяцев до тыс. прошений от городских и сельских обществ различных губерний и уездов – примерно от полумиллионного мусульманского населения. По мнению членов ОМДС, во всех из них выражалась желание о возбуждении высочайшего ходатайства об отмене закона от 16 июля 1888 г. Важно отметить, что большинство приговоров поступило из Казанской губернии.

На это заседание секретарь религиозного управления Попов принёс проект журнала с текстом ответа на поступившие прошения – закон от 16 июля 1888 г. должен вступить в силу беспрекословно; к возбуждению ходатайства об отмене данного закона Духовное собрание не имеет никаких оснований для представления просьбы просителей императору и министру внутренних дел. Однако заседатели отказались подписать такой проект журнального постановления и составили свой журнал, в котором постановили довести на рассмотрение министра внутренних дел и передать М. Султанову копию данного журнала, а до возвращения муфтия все прошения об изменении высочайшего повеления от 16 июля 1888 г. «оставить без разрешения»[3]. Текст журнала, отправленный в МВД, разительно отличается от подлинного текста в фонде ОМДС в ЦИА РБ. Прежде всего нужно отметить, что документ был отправлен лишь 7 февраля 1889 г. за подписью и.о. муфтия, первого заседателя ОМДС А. Хисматуллина, т. е. спустя неделю после заседания. Это достаточное время для консультаций и системного изложения основных претензий

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 3 об.
[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 73.
[3] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 2. – Д. 174. Журнал от 31 января 1889 г.

к правительству под прикрытием петиционной кампании. В документе заседатели дистанцируются от поступивших прошений, высказывают своё суждение как третье лицо, как некий третейский судья, попытавшийся беспристрастно и комплексно рассмотреть и объяснить мотивы и причины массовых волнений мусульманского населения. Одновременно в весьма обтекаемой форме и под предлогом «неразвитости мусульманского сообщества» они выдают своё заключение на ближайшее развитие событий, ненавязчиво оказывая давление на власть суждением о новых широкомасштабных волнениях всего мусульманского населения округа ОМДС.

Они прежде всего подчёркивают, оперируя внушительными цифрами, массовость и всеобщность движения протеста: если считать в каждом приходе до 250 душ м. п., то в 1000 приходах численность жителей обоего пола дойдёт до 500 тыс. чел.; сообщается, что во всех этих прошениях выражаются недовольство изданным законом от 16 июля 1888 г. и мнение о том, что «установленная правительством мера, имеющая в сущности целью поставить магометанское духовенство на высоте своего положения, является мерою, прямо противоречащей религиозным правилам, установленным священным Кораном, святым преданиям», а также указывается, что «объясняемая мера, стесняя будто бы отправление обрядов и терпимой религии, противоречит основному закону широкой веротерпимости в нашем отечестве, выраженной в 45 ст. 1 т. Зак[ов] основных»; высказывают опасение, что эта мера, стремясь к стеснению мусульман в религиозном отношении, повлечёт за собою ослабление религиозного духа правоверных и подготовит почву к их нравственному упадку, в чём усматривается цель к постепенному подготовлению почвы к обращению в христианство, причём приводится сравнение этой меры с мнением, высказанном органом Казанского миссионерского отделения (Труды студентов миссионерского отделения при Казанской духовной академии. – Казань, 1873. – Вып. 1) о необходимости содействия, в видах более успешного обращения мусульман в христианство, на магометанское население и обращения в православие». Далее в документе указывается, что «независимо от всего, в некоторых из прошений выражается мысль, что русские мусульмане, как верноподданные своего государя императора, были всегда готовы служить и служили до последней капли крови и беспрекословно подчинялись и подчиняются всяким законам и правительственным распоряжениям, но не противным религиозным их законом, что объяснении нового закона, как явно служащей уничтожению исповедуемой их веры, стесняющий свободное отправление её, не может быть исполнен в точном его смысле, так как правила исповедуемой ими религии возлагают на них безусловное, слепое повиновение закона и установленным от него властям лишь настолько, на сколько таковое не противоречит духу их религии [...] Все эти просьбы, видимо, возникли одновременно в разных местах под гнетущим впечатлением явного опасения за свободу веры, что видно из того, что в некоторых просьбах усиливаются подробные выставить те вредные последствия, кои, по мнению просителей, неминуемо должно явиться вслед за применением последовавшего высочайшего повеления (16 июля 1888 г. – *И. З.*). Так, например, указывают на то, что подготовка к званию заседателей указного имама, имама-хатиба, мухтасиба и проч. принаровленности ныне существующих правительственных учебных заведений в бытовых условиях магометан, с одной стороны, духовному образованию учащихся, с другой, отнимет у учащихся много времени, в ущерб его духовного образования, вследствие чего явятся муллы, не со-

ответствующие своим обязанностям по степени знания ими учения своей религии и по нравственным качествам, так как обучение русской грамоте в русских школах довольно продолжительное время, пребывание их среди чужого просвещения их в духе мусульманской религии, населения – по мнению просителей – неминуемо дурно отразится на их образе жизни, во взглядах на исполнение принятых ими обязанностей духовного лица, пастыря, судьи и учителя, и что всё это неизбежно повлечёт за собою упадок религиозно-нравственных качеств и паствы. Из приведённых выше обстоятельств, таким образом, очевидно, что весьма значительная часть магометан (до 500 тыс. душ обоего пола), подведомственная Оренбургскому магометанскому духовному собранию, находится под впечатлением опасения за неприкосновенность исповедаемой ими веры, хотя основанием к таковому опасению явно нелепые, но приводимые неразвитым населением мотивы и доводы для него самого, видимо, настолько убедительны, что оно вывело их из обычного спокойного настроения умов, заставило обдумывать и обсуждать своё положение и даже подвинуло к коллективным действиям – к возбуждению ходатайств об отмене изданного закона, и что ясно проглядывается в содержании поступивших прошений. Принимая во внимание, что это возбуждение умов является на религиозной почве мусульманского населения, способного по своей неразвитости свойственного ему фанатизма, видеть опасность для себя в религии даже в самых обыкновенных мерах, представляется во всяком случае фактом нежелательным, и могучим породить, по своим признакам и вредного последствиях, судя же по отголоскам, выражаемое в поступающих прошениях неудовольствие по поводу нового закона и опасения в близком будущем может обнять всё мусульманское население, подведомственное Оренбургскому магометанскому духовному собранию [...]

В виду этих соображение, простое возвращение прошений просителям с подписями со стороны Духовного собрания должно вызвать ещё большое раздражение умов и легко может принять более острое положение, способное подвинуть даже неразвитое население к некоторым беспорядкам, в какой-то бы форме проявления своего недовольства и опасения, чему уже бывали примеры не так давно в Пермской, Казанской, Самарской и Уфимской губерниях. В виду этих соображений и, принимая во внимание, что ненормальное настроение умов такого значительного по численности и районное занимаемой им местности населения, нынешнее время, является как бы готовой почвой для проявления зловредной деятельности врагов порядка, Духовное собрание приходит к убеждению, что от возвращения поступивших прошений необходимо пока воздержаться впредь до возвращения бывшего в Санкт-Петербурге по делам службы оренбургского муфтия Мухамедьяра Мухаметшариповича Султанова, в виду же того, что проявление недовольства со стороны мусульман действиями правительства выражается жителями ни одной какой-либо губернии, есть даже основание думать, что в скором времени обнимет всех мусульман, на которых распространяется действие высочайшего повеления об образовательном цензе заседателей и мулл»[1].

Прочитав копию присланного из Уфы журнального постановления ОМДС, Д. А. Толстой пришёл в ярость и предписал 17 марта уфимскому губернатору, куратору Духовного собрания, объявить выговор заседателям Гисметуллину, Мак-

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп.8. – Д. 1075. – Л. 19–19 об.

сютову и Сулейманову, за то, что журнал «содержит превратные и неблаговидные рассуждения об отношении правительства к мусульманскому духовенству», дескать религиозный орган не имеет никакого права на основании поступивших прошений обращаться в правительство с ходатайством об отмене императорского указа, который должно быть введено в действие непрекословно. Настойчивые просьбы татарского общества об освобождении мусульманского духовенства от испытания по владению русским языком он назвал «крайне неуместными», указав разъяснить нелепость опасения посягательства на ислам по вопросу «совершенно светского, правительственного характера». Д. А. Толстого также смутила ссылка на противомусульманский миссионерский сборник Казанской духовной академии, как не могущая служить «правительственным отголоском»[1].

30 марта в уфимском губернском правлении всем троим заседателям ОМДС был объявлен правительственный выговор[2].

При предании петиционной кампании общероссийского масштаба казанскими купцами очень эффективно были использованы региональные ярмарки в Мензелинске (конец декабря – начало января) в Уфимской губернии и Ирбите (конец января – февраль) в Пермской губернии, на которые приезжали из дальних регионов и ближайшей округи торговцы.

Здесь нужно выделить два момента. Ярмарки являлись традиционными центрами оптовой и розничной продажи татарских и мусульманских книг. Большинство населения узнавало о нововведении властей из календарей. На Мензелинской ярмарке пользовались популярностью календари, составленные К. Насыри, с текстом закона от 16 июля 1888 г. Когда в деревнях Елабужского уезда появились татарские календари, приобретённые в Мензелинской ярмарке, среди мусульман распространились слухи, будто бы с 1891 г. муллы будут подчиняться православным архиереям, которые их станут экзаменовать[3].

На Мензелинской ярмарке состоялись совещания представителей буржуазии и духовенства из разных регионов, которые проходили в доме А. Сайдашева (имел в Мензелинске два дома, где останавливались во время поездок сам и его сыновья). На них обсуждались пути координации усилий по расширению петиционной кампании, при этом отдельным приезжим, заслуживающим доверия, раздавалась составленная форма ходатайства.

После завершения Мензелинской ярмарки среди мусульман Уфимской губернии развернулась петиционная кампания, прошения составлялись в пяти различных формах, присланных из Казани[4].

С Ирбитской ярмарки татары-торговцы Пермской и Тобольской губернии привозили известия о намерении единоверцев соседних уездов подавать прошения в защиту ислама, побуждая тем самым прихожан присоединиться к акции[5].

Активная деятельность казанских купцов на ярмарках дала неожиданный эффект, которого они и не предполагали. В Оренбургской, Уфимской, Пермской и

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 21–22.
[2] Там же. – Л. 207–207 об.
[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 28 об.
[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 228–228 об., 240 об., 320–320 об.
[5] Там же. – Д. 1076. – Л. 154.

Тобольской губерниях, Уральской области городские и сельские общины, чтобы действовать наверняка, стали направлять прошения на имя императора, а не только в ОМДС, или исключительно в Санкт-Петербург. В результате с вышеуказанных регионов с конца января 1889 г. в столицу поступили многочисленные ходатайства и общественные приговоры об отмене закона от 16 июля 1888 г.[1]

В начале 1889 г. некоторые представители махаллей Самарской губернии приехали в Казань. Именно тогда было подано 10 прошений, отправленных 6 апреля 1889 г. канцелярией императора обратно адресантам. Большинство «высочайших» ходатайств от приходов Самарской губернии были составлены несколько позже, их основная часть была возвращена из канцелярии императора в период с 15 мая по 22 сентября 1889 г.

На местах мусульмане действовали по данной им на Мензелинской ярмарке установке, суть которой сообщил правительству военный губернатор Уральской области: приговоры и ходатайства на имя императора в мечетях составлялись спешно и тайно, «чтобы промедление не могло повредить делу, так как, по общему уговору магометан, дружным, одновременным и повсеместным ходатайством была надежда внушить правительству опасение, что введение в действие нового закона о муллах может повлечь за собою народное волнение и беспорядки»[2].

Столкнувшись с петиционной волной, охватившей мусульманские общины самых отдалённых регионов округа ОМДС, министр внутренних дел предписал в январе 1889 г. «выяснять личности составителей и подписавшихся». В ходе проверок выяснилось, например, что мулла из Амикеевской волости Султан Сермятов распространял составленный (переписанный) им самим тексты прошений в селениях Мензелинского, Бирского и Белебеевского уездов Уфимской губернии, взимая за каждый образец по 5 руб. Один из его помощников – Мифтахетдин Аитов из д. Ново-Медведевой, распространял серматовские тексты в Бирском уезде. В отношении к ним и ещё двух агитаторов Мензелинского уезда были возбуждены уголовные дела[3]. За распространении слухов о христианизации МВД предписало 23 марта 1889 г. выслать муллу д. Ваныш-Алпаутово Бирского уезда Уфимской губернии в одну из северных губерний[4].

Уфимское жандармское управление 15 апреля 1889 г. констатировало, что начавшаяся после Мезелинской ярмарки подача просьб всё ещё продолжалась. Причём даже просители, проживавшие в Уфе, не приезжали лично к муфтию, а предпочитали отправлять ходатайства в ОМДС через городскую почту[5].

При разговоре с уездным исправником слепой и престарелый мулла д. Нурлат Буинского уезда Фахреддин Мустаев по поводу закона от 16 июля спросил, почему от мусульманских духовных лиц требуют знания русского языка, а для православных священников нет такого требования, почему от духовенства требуют знания русского языка, а от татарского населения не требуют. Именно он, разъезжая в очередной раз по приглашению местных духовных лиц и мусульман для проведения

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1076. – Л. 154.
[2] Там же. – Л. 3 об.
[3] Там же. – Л. 98–100.
[4] Там же. – Д. 1075. – Л. 194, 196–196 об.
[5] ГА РФ. – Ф. 102, 2-е делопроизводство, 1889 г. – Оп. 87. – Д. 199. – Л. 8.

богослужений в мечетях и участия в меджлисах, в конце февраля – начале марта 1889 г. по селениям Курмышского уезда Нижегородской губернии в сопровождении имама д. Чечкаб Тетюшского уезда Абрахмана Абдрашитова организовал составление общественных приговоров для подачи прошения об отмене закона 1888 г.[1]

В марте в деревнях Сергачского уезда Нижегородской губернии (Красный Яр, Уразовка, Актукова, Антяровка) распространились слухи о том, что вышло распоряжение правительства об обучении татар русскому языку и грамоте.

С целью выяснения организаторов движения в начале марта 1889 г. ДДДИИ обратилось в Департамент полиции о сборе сведений о подстрекателях и возможном покушении на муфтия. В предписании Департамента полиции МВД от 20 июля 1889 г. казанский купец А. Сайдашев был назван главным организатором движения протеста против указа об образовательном цензе для мусульманского духовенства. В нём, на основании полученных сведений из других губерний, в частности, говорилось следующее: «Принимая во внимание, что таковая деятельность представляется вредною в виду общего волнения высказанного в среде татарского населения восточных губерний превратным толкованием упомянутого закона неблагонамеренными муллами, департамент просит собрать сведения о Сайдашеве»[2] Казанский полицмейстер, принимаясь за дело, не забыл предупредить губернатора, что если А. Сайдашев действительно участвовал в движении, то разоблачение его в силу недоверчивого отношения татар ко всему русскому, а по вопросам религии фанатичному, требует времени, осторожности и внимательного отношения к проблеме, просил у губернатора разрешения на учреждение над А. Сайдашевым строгого негласного надзора[3]. Уже 17 августа 1889 г. полицмейстер докладывал начальству, что «по собирании негласным путём и через хороших знакомых Сайдашева» выяснено, что купец принадлежит к числу лиц, недовольных законом об образовательном цензе, что в разговорах со знакомыми выражал, но в подстрекательстве замечен не был[4].

31 июля 1889 г. А. Сайдашев, узнав и, видимо, получив в руки текст обвинения в агитации против закона от 16 июля 1888 г., обратился, прося защиты, с пространственным письмом к директору Департамента полиции, в котором пункт за пунктом опровергал ошибочность суждений о своей антиправительственной деятельности и в доказательство своей законопослушности даже представил формуляр о службе. Благодаря этому письму директор департамента предписал оставить без послед-

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 199 об.

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 169.

[3] Там же. – Л. 176 об – 177.

[4] Этот вывод главы полицейского управления, с одной стороны, показывает слабость надзора над общественным мнением татар, с другой стороны, подтверждает большие организаторские способности и конспиративность в действиях А. Сайдашева. Полицмейстер пришёл к выводу, что он активно и открыто действуют только в местностях, где его личностью власти незнакомы или малознакомы. Чиновник считал, что в местах где администрация его не знает, А. Сайдашев может «свободно поддерживать недовольство татар и давать советы как действовать в данном случае, что он делал, как слышно, в прошлую Мензелинскую ярмарку». От внимания полицмейстера не ускользнул и тот факт, что в конце ноября – начале декабря 1888 г. А. Сайдашев сообщал губернатору Андрееву о том, что татарское население края недовольно новым законом о муллах и собирается подавать прошения о его отмене (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 176–176 об.).

ствий депешу, поданную Департаментом полиции в адрес прокурора Казанской судебной палаты[1].

В феврале-марте 1889 г. уездные исправники Казанской губернии посетили все татарские селения, разъясняя нелепость подачи прошений.

В июле-августе 1889 г. стали поступать из ОМДС в губернии отказы на прошения, которые под расписку раздавала сельским обществам местная полиция. Однако не везде крестьяне соглашались принимать уведомление ОМДС [2]. С мая по первую половину августа тетюшским исправником было роздано всего 108 объявлений Духовного собрания, 37 обществ (приходов) отказались принять их (того же мнения были мусульмане Тетюшей)[3].

На основании предложения МВД от 27 сентября 1889 г. уездные по крестьянским делам присутствия подвергали без суда и следствия аресту на 7 суток сельских старост и лиц, якобы распространявших слухи[4].

Некоторые муллы Тетюшского уезда были хорошо знакомы с уроженцами д. Чечкаб Тетюшского уезда Хамидуллой Хамитовым и Хайретдином Халитовым. Первый из них проживал в Петербурге и состоял старшим ахуном при войсках Гвардии и Петербургском военном округе, второй проживал в Кронштадте, успешно занимался торговлей лесом. Летом 1889 г. при допросе слепого муллы д. Нурлат Фахреддина Мустаева уездный исправник обвинил его в распространении слухов, подстрекательстве к ходатайству и непринятию возвращаемых из ОМДС прошений. Но местные жители, заступившись за уважаемого имама, прогнали исправника из селения. Сам мулла и А. Абдрашитов из д. Новый Чечкаб, сообщив о случившемся в Кронштадт и получив оттуда деньги на путевые расходы (120 руб.), немедленно отбыли к предпринимателю Х. Халитову, тем самым избежав дальнейшего преследования[5].

Движение по подаче прошений на имя правительства. Во время ярмарки в Нижнем Новгороде 27 августа 1889 г. состоялось совещание татарских купцов, из числа крупнейших предпринимателей: Ахмета Хусаинова, Бакия Салихова (Оренбургская губерния), Нигматуллы Курамшина (Тюмень) и др. Видимо, интерес, про-

---

[1] ГА РФ. – Ф. 102, 2-е делопроизводство 1889 г. – Оп. 87. – Д. 199. – Л. 75–77.

[2] В частности, дорого обошлась нерасторопность в действиях по выполнению предписания губернских властей тетюшскому уездному исправнику Шахтину, который для ускорения раздачи прошений сельских обществ, возвращённых из Духовного собрания, велел представителям сельских обществ собраться 22 июля 1889 г. в Чирки-Кильдурасовском волостном правлении. В указанное волостное правление собралось 150 чел. Сюда явился и доверенный из д. Карланги Больше-Фроловской волости, который при всех заявил, что общество велело возвратить исправнику полученное от него прошение, что способствовало единогласному отказу от получения прошений. Спустя несколько дней данный вопрос обсуждался во время ярмарки в д. Каратун. Жители соседних деревень Средне-Балтаевской, Шамбуличинской, Шонгутской и Старо-Барышевской волостей, которым полиция не успела выдать возвращённые из ОМДС прошения, решили присоединиться примеру кильдурасовцев. Уездный исправник привлёк к судебной ответственности доверенных 36 селений Кильдурасовской, Шамбулачинской, Средне-Балтаевской, Старо-Барышевской, Больше-Шемякинской волостей по ст. 29 «Уложения о наказаниях» и передал их дела мировым судьям (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 212–214).

[3] Там же. – Л. 189–190.

[4] Там же. –Д. 7798. – Л. 99.

[5] Там же. – Д. 7797. – Л. 228–229, 231.

являемый полицией, заставил осторожного и предусмотрительного А. Сайдашева принять ответные меры. По другому нельзя объяснить отсутствие его и Мухаметзяна Галеева в совете купцов. Отсутствие лидеров татарской общины Казани вызвало со стороны участников совещания «упрёки и нарекания». На повестке дня стоял вопрос о контрмерах в отношении закона об образовательном цензе. Было решено вновь ходатайствовать «через подачу прошений уже лично Государю, через особых уполномоченных, снабдив их большими суммами денег послать в Петербург, поручив им ближе сойтись с министром и выхлопотать через него право быть представленными самому государю»[1]. Дальнейшее развитие событий показало, что мусульманское духовенство и буржуазия действовали именно по вышеуказанному плану.

С целью усиления воздействия на сельские общества и обеспечения активной подачи ходатайств на имя Александра III об отмене указа казанским купечеством были использованы новые приёмы. Во-первых, помимо образцового теста нового прошения А. Кульмаметов выдавал приезжим крестьянам выписки на русском языке из «Известий по Казанской епархии»[2], а также из «Сборника трудов студентов при Казанской духовной академии»[3]. В первой выписке приводились выдержки из напечатанного в «Журнале Совета министра народного просвещения» от 2 февраля 1870 г.[4] Всякий, кто читал эту выписку, сразу уяснял, что следующим шагом властей станет назначение на духовные должности светских лиц, не знающих основы ислама[5].

Сильной позицией распространяемых нелегально выписок было то, что в них использовались правительственные распоряжения 20-летней давности, которые раскрывали суть внутриполитического курса российской власти в отношении мусульманского населения.

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 249.

[2] Известия по Казанской епархии. – 1870. – № 18.

[3] Труды студентов миссионерского отделения при Казанской духовной академии. – Казань, 1873. – Вып. 1.

[4] Положение о недозволении открывать новые медресе и мектебе без учителя русского языка, который должен содержаться за счёт магометанского общества, из пункта 8: «в виду побуждения татар-магометан к усвоению русского языка и русского образования, ходатайствовать: а) чтобы через определённое число лет по издании постановления о мерах к образованию татар-магометан лица, желающие занять духовные должности, не иначе были избираемы в оные и утверждаемые в них, как по предъявлении свидетельств об удовлетворительном знании ими русского языка, русской грамоты (чтения и письма) и первых четырёх действий арифметики и вообще общего начального курса магометанских народных училищ; б) чтобы те, которые удовлетворяют вышеозначенному требованию относительно знания русского языка и элементарного курса учения, могли быть избираемы в духовные должности, хотя бы и не происходили от лиц духовного звания; в) чтобы через определённое число лет по издании сего постановления татары-магометане могли быть избираемы в общественные должности по магометанскому духовному управлению не иначе, как по представлении свидетельства о том, что они усвоили себе русский язык и русскую грамоту (чтение, письмо, счисление). Срок для приведения в исполнение упомянутых выше требований надлежит определить по соглашению с МВД, а выдачу свидетельств предоставить местным уездным училищам и инспекторам начальных народных училищ» (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 60).

[5] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8137. – Л. 42–43.

Выписки А. Кульмаметова, переведённые на татарский язык, были оценены властями как «воззвания». Муллы переписывали их[1] и передавали в соседние селения[2]. Более того, при переписке тексты часто сокращались с акцентом на миссионерскую деятельность властей. В частности, в д. Менгеры Букмышской волости Мамадышского уезда власти обнаружили выписку, в которой при сличении с подлинником «оказалось много недописанных текстов, от чего настоящий смысл утрачивается, получая выгодную форму для возбуждения татар»[3]. Как выразился мулла д. Нижний Ширдан Свияжского уезда, для насильственного обучения русской грамоте детей власти хотят «обучать русской грамоте мулл, дабы сделать их русскими приверженцами, а засим и подсобниками по вводу русской грамоты» между татарскими детьми[4].

Во-вторых, были распространены письма-прокламации на татарском языке, в которых «в виде выписки из устава по пунктам было написано, что в мае 1890 г. у татар будут строить церкви и училища, что родившимся у татар младенцам будут давать русские имена и требы будут отправляться муллами совместно с православными священниками», затем в виде наставления говорилось, что татары должны подать прошение государю императору об отмене закона об образовательном цензе для мулл, об освобождении от платежа податей и возврате собираемого с крестьян страхового сбора. Следует отметить, что в ряде местностей крестьяне больше доверяли этой анонимной записке, нежели муллам своей махалли и сельскому старосте, призывающих к спокойствию[5].

В-третьих, стоимость составления прошения в Казани была специально уменьшена до 1 руб., в других городах же она составляла 10–15 руб.

В-четвёртых, когда был установлен срок отправки казанской депутации в Санкт-Петербург, как завершение петиционной кампании, среди татар усиленно распространялся слух, задевающих национальное самолюбие: те сельские общества, которые до этого времени не напишут прошения, докажут, что они «желают русскую веру и русские школы». Также распространялись слухи, что уже вышел закон о постройке в деревнях двухэтажных училищ, где обучение будет на русском языке[6].

Новая волна подачи прошений в Казанской губернии началась в конце сентября – в начале октября. Осенью 27 сентября 1889 г. МВД предписало о воспрещении сельским обществам избирать поверенных для подачи прошений и привлекать к ответственности сельских должностных лиц, общества которых подали прошения[7]. МВД циркуляром от 4 ноября 1889 г. запретило подачу подобных ходатайств[8]. С этого момента действия участников петиционной кампании квалифицировались

---

[1] Копии таких татарских прокламаций были найдены у мулл д. Старое Ромашкино и д. Служилые Ельтани Чистопольского уезда Камала Мидиярова и Аглиуллы Билялетдинова. Последний за переписывание их был подвергнут денежному штрафу в размера 25 руб. (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8781. – Л. 3 об. – 4).

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8781. – Л. 3 об. – 4.

[3] Там же. – Д. 7798. – Л. 220–221.

[4] Там же. – Л. 232 об.

[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1077. – Л. 251–253.

[6] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 95 об.–96.

[7] Там же. – Л. 99.

[8] Там же. – Л. 35 об., 63, 133–134.

уже как выступление против власти. Однако запрет не отразился на динамике подачи прошений.

К 28 октябрю 1889 г. ДДДИИ поступило 11 прошений из Казанской губернии с просьбой об освобождении духовенства от образовательного ценза. Прошения для ознакомления были переправлены в Казань. Губернатор провёл специальное расследование по данному делу. Оказалось, что девять прошений были поданы из близко расположенных друг к другу татарских селений Казанского уезда. Относительно личности поверенных, подписавших эти прошения, было выяснено, что «они все дряхлые старцы, не говорящие по-русски и изображающих из себя слепое орудие обществ, уполномочивших их на подачу прошений. Последние в большинстве случаев действовали под влиянием мулл и некоторых фанатичных членов обществ».

Остальные два прошения были составлены крестьянами Чистопольского уезда Организатором этого мероприятия был признан чистопольский мещанин Ахмет Абдулвахитович Каримов[1].

В Казани деятельное участие в составлении прошений принимал содержатель харчевни Серазетдин Сагадеев[2], сын купца Сагадутдина Сагадеева, известного защитника привлечённых к суду крестьян Спасского уезда за их участии в движении 1878–1879 гг. Многие поверенные сельских обществ приезжали к нему как к сыну надёжного знакомого. Хозяин харчевни направлял их к писарям Шамсутдину Сайдашеву, Ахметзяну Кульмаметову, крестьянину Лаишевского уезда Мухаметше Мирязову, Мухамедзяну Яхъину и др.[3]

Всеподданнейшие прошения сельских обществ Буинского и соседних уездов Симбирской губернии составлялись в Казани (за 8–10 руб.), а также в с. Кошелях Цивильского уезда Казанской губернии (мещанин Семён Максимов)[4].

Уполномоченных татарских сельских обществ Елабужского уезда Вятской губернии «обслуживал» в Казани переписчик Александр Студенецкий[5].

За «вредное влияние» на «инородческое население» на основании ст. 1 и 16 «Положения о государственной охране» Департамент полиции МДВ 11 октября 1889 г. предписал сослать административным путём занимавшихся переписыванием в Уфе прошений канцелярского служащего Александра Павловского, дворянина Пироговского, почётного гражданина Аркадия Мокбланова за пределы Уфимской, Казанской и Оренбургской губерний[6]. После их высылки прошения составлялись в доме отставного чиновника Дядина, а в уездах – местными переписчиками[7].

«Канцелярия для принятия прошений на высочайшее имя приносимых» в буквальном смысле была завалена официальными просьбами из различных регионов округа ОМДС. В частности, из Казанской губернии поступило 511 ходатайств, из Самарской губернии (по неполным данным) – 191[8]. От сельских обществ Перм-

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 133–134.
[2] Там же. – Л. 133–134 об.
[3] Там же. – Л. 54 об., 60 об., 134 об.
[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1077. Л. 356 об.
[5] Там же. – Д. 381.
[6] Там же. – Д. 1077. Подсчитано нами.
[7] Там же.
[8] На конверте написано: «В г. Санкт-Петербург. Его превосходительству действительному тайному советнику Сергею Михайловичу Танееву».

ской губернии в столицу было отправлено 62 прошения[1], что свидетельствовало об активном участии мусульман региона в «приговорном движении». Из Вятской губернии поступило более 40 прошений, 5 – от юртов Тобольской губернии, татарского населения Уральска и Соль-Илецка Уральской области, Семипалатинска, 2 – Акмолинской области[2].

Форму общественного движения приобрела подача прошений в Уфимской губернии. Не менее 47 прошений поступило от мусульман Златоустовского уезда, 90 – Бирского, 20 – Мензелинского, 18 – Белебевского и 1 – Уфимского уезда[3].

Из Симбирской губернии всеподданнейшие прошения подавались татарским населением Буинского и Симбирского уездов[4].

21 февраля 1890 г. ДДДИИ отправил для выяснения причин составления оренбургскому губернатору 39 всеподданнейших прошений местных сельских и городских обществ[5].

Требования мусульман. Составители текстов прошений сохраняли этические нормы обращения к главе государства. Более резко и открыто требования мусульман были изложены в анонимной записке «Донос государю императору через статс-секретаря Сергея Александровича Танеева по особому доверию» от 2 января 1889 г., подписанной неким Маметом Галимовым из Казани[6].

Как следует из текста, татарское общество внимательно отслеживало и инициативы правительства Александра III по реализации курса «консервативного национализма», направленного на укрепление РПЦ, религиозности русского населения, на усиление российского влияния на окраинах и ограничения прав этнических меньшинств в империи, и делало из этого соответствующие выводы. Было заявлено, что российском государством руководит Синод в лице графа Д. А. Толстого и К. П. Победоносцева, которые принимают меры, чтобы уничтожить в стране исламский элемент, намеренно снижают численность мусульман: вместо 20 млн указывают всего 2 млн чел., т. е. менее чем «евреи и язычники», специально записывая казахов «язычниками». И чтобы эта ложь не раскрылась до взятия Россией Константинополя, задерживают 11-ю перепись. Обращается внимание императора на тот факт, что Синод, МВД и МНП для русификаторских целей «выживают весь доход государства». Анонимный автор указывал, что Д. А. Толстой «к общей русификационной школе» присоединил «ещё вильсоновскую систему космополитизма».

Далее разъясняется российским сановникам: «Ал-Коран учит подчиняться царю без различия религии до тех пор, пока он не посягнет на религию. Если мусульмане не динамитчики, не казнокрады, не нигилисты и не цареубийцы, если они приносят Отечеству доход торговлею, то зачем же трогать их религиозное чувство? Если

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1079. – Л. 36.

[2] Там же. – Д. 1076, 1077. Подсчитано нами.

[3] Там же. – Д. 1077. Подсчитано нами.

[4] Там же. – Л. 256 об.–258.

[5] Там же. – Л. 224.

[6] *Загидуллин И. К., Гибадуллина Э. М.* Антиправительственные выступления сельского мусульманского населения Самарской губернии во второй половине XIX в. // Нация. Эпоха. Личность. Сборник памяти доктора исторических наук Г. Л. Файзрахманова. – Казань, 2008. – С. 285.

нечего делать св. Синоду и его жеребцам, пусть они приведут в единство христианских раскольников, да пусть заставят молиться своих христианских крестьян», тем самым намекая на существующие проблемы в РПЦ.

В анонимной записке с горечью констатировался, что в ближайшем будущем в ОМДС заседателями-судьями будут уже не муллы, а «школьники», т. е. окончившие русские учебные заведения лица, не знающие, как и «подпоручик, чертёжник» М. Султанов, основы шариата.

Обращение завершается предупреждением: в случае продолжения правительством ассимиляторской политики «вся кровь мусульман будет изливаться, чтобы не допустить к мечетям школьников русификации. Когда же школьники будут судьями в Духовных правлениях, тогда мы, мусульмане, будем молиться за турецкого султана и Магдия, призывая на помощь всех врагов греко-российской веры. Если правительству этого не желательно, то оставьте нас так, как позволено было Екатериной II и Александром I»[1].

В большинстве прошениях говорилось о необходимости отмены указа от 16 июля 1888 г. и в части ходатайствах – об отсрочке его введения. Неправомерность его введения объяснялась как мера, противоречащая принципу широкой веротерпимости, действующей в Отечестве.

Неправомерность введения русского образовательного ценза в прошениях объяснялось как мера, противоречащая основам ислама – Корану и сунне, принципу широкой веротерпимости, действующей в «нашем Отечестве». Высказывается суждение о том, что нововведение стесняет мусульман в религиозном отношении и повлечёт за собой ослабление религиозного духа мусульман, подготовит почву к нравственному их упадку и предусматривает цель постепенной подготовки почвы к обращению их в христианство. При этом порой делалась ссылка на статью студента противомусульманского отделения Казанской духовной академии, опубликованной в «Миссионерском сборнике» за 1873 г. (выписку из которой негласно распространял А. Кульмаметов).

Например, в ходатайстве доверенного жителей д. Альменевой Чебоксарского уезда Казанской губернии сообщалось буквально следующее: «Лица, занимающие наши духовные должности, с детских лет долгими годами приготовляются в наших мусульманских медресах, где они занимаются религиозной наукой, и изучением толкования смысла священного Алкорана, не призываясь изучением инородческих наук до совершеннолетия; следовательно, дети наши не должны отрываться от своего учения, должны учиться только своими науками, но этому нет никакой физической возможности изучать посторонние науки; кроме того, шариат наш воспрещает заниматься инородческими науками, что значится в Алкоране в заглавиях 5 и 6 ст. 51, 52, 53, 54 и 154, потому мы должны сохранять свою религию, соблюдать чистоту её, охранять веру ислам и пророковый наш магометанский закон, и по всем этим соображениям мусульмане не могут согласиться с проектированным положением», и на этом основании они просили об отмене закона от 16 июля 1888 г.[2]

В прошениях высказывается мнение о том, что до этого времени мусульмане, как верноподданные российского монарха, всегда верно служили и беспрепятственно

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 263–265 об.

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8137. – Л. 9–9 об.

подчинялись всем законам и правительственным распоряжениям, «но не противным их религиозным законам», однако закон от 16 июля 1888 г., явно служит к стеснению ислама. Он не может быть исполнен мусульманами в точном смысле потому, что ислам возлагает «безусловное, слепое подчинение закону лишь настолько, на сколько такое не противоречит духу их религии». В ряде прошениях указывались ожидаемые негативные последствия новшества: поскольку подготовка духовных лиц в традиционных медресе занимает десять и более лет, изучение шакирдами русской грамоты отнимет значительное время и нанесёт ущерб их религиозному образованию, что приведёт к появлению мулл, не соответствующих своим обязанностям, как по знанию законов ислама, так и по нравственным качествам. Обучение в русских школах довольно продолжительное время, пребывание в чуждом просвещению и духу ислама и мусульман среде неминуемо дурно отразятся на их образе жизни, во взглядах на исполнение ими своих пастырских, судейских и преподавательских обязанностей, что, в конечном счёте, приведёт к упадку религиозно-нравственных качеств прихожан[1].

Общества просили оставить духовных лиц и заседателей ОМДС «на прежнем основании без обязательного образовательного ценза, так как светское образование имеет весьма важное значение по нашим религиозным понятиям и стеснит нас в выборе достойных лиц, хотя и не получивших образования, но поступающих в наше духовенство по призванию»[2]. Мусульманское население Уральска назвала закон «унижением» веры, ибо будущие имамы должны «непременно быть религиозными»[3].

Нередко просители ставили более широкие требования. В большинстве прошениях из Казанской губернии говорилось о необходимости отмены русского образовательного ценза и снятия надзора над мектебе и медресе со стороны МНП[4], в остальных указывалось первое из требований.

Из Пермской губернии поступали прошения двух форм. В одной из них просители сообщали о пагубных последствиях введения закона от 16 июля, в другой говорилось о его отмене[5].

В некоторых прошениях проскальзывает попытка выяснить политическую подоплёку нововведения. В этой связи интересна постановка вопроса уполномоченным татарской общины Семипалатинска Гайзатуллой Баймуратовым – преследует ли новый закон цель обрусения по образцу прибалтийских губерний и Царства Польского или принят с целью устранения тех издержек, связанных с незнанием муллами государственного языка, к которым обращаются за справками чиновники, не знающие татарского языка. Автор определяет направленность закона на обрусение

---

[1] Например, в прошении общества д. Большой Зубаер Мензелинского уезда Уфимской губернии (13 января 1889 г.), адресованном министру внутренних дел, отмечалось, что стеснение религии (введение русского образовательного ценза) «непременно повлечёт за собой ослабление шариата и послужит к ослаблению и любви народному к отечеству» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 102 об.).

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1076. – Л. 76–76 об.

[3] Там же. – Л. 17–17 об.

[4] Там же. – Л. 161–162, 169–172, 177, 181–192, 193–196 и др.

[5] Там же. – Д. 1079. – Л. 43 об., 60–61 и др.

татар, доказывая свой тезис следующим: 1) отсутствием у мусульман претензий на национальную государственность; 2) отсутствием между русскими и мусульманами вражды, антагонизма и недоверия, которые наблюдаются во взаимоотношениях русских с некоторыми этноконфессиональными группами империи; 3) участием и подвигами татарских солдат в военных кампаниях, в том числе против мусульманских государств; 4) толерантным отношением татар к чиновникам, священникам и русским крестьянам.

Находясь под впечатлением долгого освоения шакирдами основ шариата и арабского языка, проситель также задаётся вопросом: «Что вынесет из русской приходской школы мусульманский мальчуган?» И сам же отвечает: «Отнимет только время, которое необходимо ему для приобретения знаний как будущему мулле». Он доводит до сведения монарха желание общины содержать за свой счёт переводчиков для устранения неудобств в обращении с христианами[1].

Порой каждый ходатайствующий выдвигал свой довод в правдивости своего сужения. Например, жители д. Улук-Имян Мензелинского уезда удивлялись тому, что до этого времени духовные лица хотя и не знали русского языка, но «никогда не сопротивлялись законам и существующим порядкам». Мусульмане д. Амикеево того же уезда обращали внимание императора на отсутствие в ближайшей округе среди духовенства лиц, знающих русский язык, тем самым предупреждая, что в случае реализации нового закона приходы могут остаться без пастырей[2].

В прошениях, поступивших от разных волостей и селений Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, сообщалось о пагубных последствиях незнания заседателями ОМДС шариата вследствие высоких требований русского образовательного ценза для них[3].

Как видно, новый закон воспринимался как необходимость в дальнейшем получении знаний кандидатов в муллы в русских школах, и длительный срок обучения в медресе механически переводился на изучение нового иностранного языка, требующего также значительного времени для усвоения.

Важно отметить, что ~~петиционное движение~~ охватило все группы мусульман. В частности, прошения на имя императора поступали и от татар-казаков Оренбургского казачьего войска[4]. Ходатайства подавали некоторые селения старокрещёных татар, «отпавших» в ислам, в частности, жители д. Большие Кибяк-Кози Казанской губернии[5].

Одной из ключевых причин нарастающего напряжения в мусульманском сообществе некоторые чиновники, близко знакомые с ситуацией, считали отсутствие адекватной реакции со стороны правительства. Молчание власти воспринималось руководителями петиционных кампаний как неполучение подлинной, достоверной информации о чаяниях мусульман, способствовало появлению различных слухов. О востребованности распространения письменного разъяснения в своём письме в адрес директора ДДДИИ по результатам анализа рапортов уездных исправников

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1077. – Л. 1–3 об.
[2] Там же. – Д. 1076. – Л. 232 об. –233.
[3] Там же. – Л. 193–202.
[4] Там же. – Д. 1075. – Л. 34, 53.
[5] Там же. – Л. 189–190.

сообщал 6 марта 1890 г. казанский губернатор (предлагал муфтию сделать разъяснение о том, что закон от 16 июля 1888 г. не противоречит шариату и направлен на благо мусульман)[1]. Ахун Г. Баязитов также считал, что «правительство совместно с муфтием» должно было ответить на все прошения «одним хорошим изложением шариата. К сожалению, удобный случай этот почему то был упущен, и последовал только циркуляр оставить прошения без последствий» [2].

В декабре 1889 г. усилению напряжённости способствовало воздержание властей от проведения в Казани очередных на ближайшее трёхлетие выборов новых заседателей, срок службы которых истекал. Отсутствие такого распоряжения казанского губернатора татары стали связывать с законом об образовательном цензе и оценивать такую позицию власти как посягательство на искоренение права мулл на выборы заседателей из своей среды[3]. На этот раз предчувствия татарского общества не обманули. Действительно, законом от 9 января 1890 г. проведение выборов заседателей ОМДС было отменено, право рекомендации на утверждение кандидатов в заседатели было предоставлено оренбургскому муфтию.

Под впечатлением от общественного волнения мусульман муфтий М. Султанов 23 октября 1890 г. предложил внести некоторые коррективы в закон о русском образовательном цензе. В качестве доказательства обоснованности своих предложений он привёл ряд аргументов, с которыми невозможно не согласиться.

Во-первых, муфтий указал, что в округе ОМДС имеются приходы, расположенные на окраинах (в «некультурных или малокультурных местностях»): это Акмолинская, Семипалатинская области, Внутренняя Киргизская Орда, Сибирь, те губернии европейской России, в которых не введены земства и «народное образование стоит на самом низком уровне развития» (не распространено «Положение о начальных училищах» от 25 мая 1874 г., что лишает возможности проведения в комиссиях уездных училищ испытаний). Он назвал регионы, в которых русские не составляли большинства или русская администрация в силу огромности пространства и малочисленности населения вынуждена была учитывать местные традиции местных мусульманских народов. Из губерний Волго-Уральского региона в этот список подпадала лишь Оренбургская губерния, где земства появились лишь в начале XX в.

Наиболее важным представляется второй его аргумент. Последняя треть XIX в. стала бурным периодом распространения грамоты среди русского населения. По-прежнему закон дозволял занимать должности сельского самоуправления неграмотным или малограмотным лицам, либеральные реформы Александра III (земская и судебная) также учитывали эту специфику культурного развития крестьянства – основной части подданных Российской империи (иначе законы не могли быть в полной мере реализованы): земскими гласными и присяжными заседателями в судах становились неграмотные лица. Для наглядной иллюстрации своего тезиса муфтий сослался на недавний закон о преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в империи от 12 июля 1889 г., согласно которому, несмотря на значительное расширение юриспруденции волостных судов, лишь выражалось

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 134 об.
[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 78.
[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 25 об.

пожелание, чтобы на должности волостных судей избирались по возможности грамотные лица. Председатель ОМДС признал, что и закон от 16 июля 1888 г. застал также мусульман (в основном сельских жителей, крестьян. – *И. З.*) врасплох, и за два с половиной года со дня его введения невозможно было повсеместно претворить его в жизнь.

Помимо этого М. Султанов обратил внимание имперской власти на запаздывание подзаконных актов, призванных обеспечивать успешное претворение нововведения в жизнь: хотя министр предписал 3 ноября 1888 г. ОМДС, что бы все кандидаты в духовные должности должны были предварительно предупреждены о предъявлении к ним этим законом требований, с тем чтобы они могли к ним заранее подготовиться. Об этом глава ОМДС уведомил губернские и областные правления, которые назначали духовных лиц, однако на тот момент не получил какого-либо ответа.

Исходя из вышеизложенного, муфтий предложил изъять «по крайней мере, на 10 лет» некоторые из вышеуказанных местностей из действия закона от 16 июля, ограничившись назначением на духовные должности и по возможности (по выбору) лиц, знающих русскую грамоту. Получалось, что основная часть приходов подпадала под новый закон. Для облегчения сдачи экзаменов муфтий предлагал в этих губерниях предоставить возможность сдачи экзамена как в сельских народных школах, так и городских народных училищах или в особых экзаменационных комиссиях по усмотрению МНП.

М. Султанов подошёл к проблеме концептуально и просил провести обсуждение мер, способствующих распространению русской грамоты среди мусульман в целом и духовенства, в частности (реализация закона ложилась на плечи мусульман, государство не тратило какие-либо средства на подготовку условий к сдаче экзамена путём открытия школ и т. д. – *И. З.*)[1].

Отправка депутации в столицу. По мнению казанских купцов, последним аккордом в кампании по подаче прошений должно было стать составление писем во всех приходах Казани и командировка депутации в столицу с целью ходатайства перед императором. Чистопольский уездный исправник от 12 января 1890 г. доносил губернатору, что в Казани предполагался составление делегации, в состав которого должен был войти и купец А. Сайдашев, который настаивал на необходимости такого шага[2].

Аналогичной позиции придерживались духовные лица и купцы Чистополя, избравшие свою депутацию[3] и первоначально планировавшие отправить её в столицу с открытием весенней навигации.

В своём письме от 14 январе 1890 г., адресованном В. В. Радлову, Ш. Ахмеров отмечал: «В Казани в настоящее время татары в сильно возбуждённом состоянии, по мечетям собирают подписи прихожан к прошениям на высочайшее имя об отмене известного закона о требовании знания русского языка от мулл. По приходам

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп.8. – Д.1077. – Л. 385–389.

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Д. 7798. – Л. 60.

[3] Депутация в составе: Ахмет Вахитов Каримов, Шагиахмет Бикбов Калинин, Муртаза Вагапов, Махмут Абдулкабиров (РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1077. – Л. 104–104 об.).

избраны по одному поверенному. Хотят в Петербург посылать депутацию, имели также объяснение с г. губернатором»[1].

Действительно, казанский губернатор П. А. Полторацкий принял 300 мусульман, которые сообщили о намерении отправить в столицу депутацию для подачи высочайшего ходатайства. Узнав о составе депутации, губернатор вызвал её членов к себе, разъяснил неправомерность выступления против воли императора и невозможность отмены закона. На их вопрос о разрешении командировки депутации в правительство, губернатор ответил вопросом: может ли он дать разрешение ехать в столицу, когда сам объявлял циркуляр МВД об отказе всем прошениям. Со своей стороны, представители татарского населения выразили обеспокоенность срывом проведения новых выборов на должности заседателей ОМДС, которые должны были состояться в декабре 1888 г. Это важный момент в понимании решительности казанцев. Нововведение буржуазия рассматривала как начало новой волны наступления на исламские институты и религиозно-культурную автономию мусульман.

По поводу этой встречи в своей депеши под грифом «секретно» от 14 января 1890 г. губернатор уведомил МВД, что уполномоченным приходов Казани было зачитано предписание МВД от 4 ноября 1889 г. об оставлении закона от 16 июля без изменений и заявлено о неразрешении посылки депутации. Однако, исходя из настойчивости мусульман, Полторацкий предположил, что депутация, несмотря на запрет, самовольно прибудет в столицу, и просил министра лично встретиться с татарскими представителями и дать «разъяснение и внушение по поводу неуместности в дальнейших домогательств их об отмене закона от 16 июля 1888 г.». Его вторая просьба заключалась в указании оренбургскому муфтию сделать наставление муллам тех приходов, в которых идёт составление ходатайств об отмене введения русского образовательного ценза[2].

Г. Ахметов 25 января 1890 г. констатировал, что «в среде татар, в медресе и между духовными лицами, идут свои раздоры. Словом, идёт какая-то неурядица. Сами татары начинают искать помощи и покровительства в своих религиозных дёлах у русских властей. Несколько раз обращались и ко мне как к инспектору, но им объявил, что инспекция упразднена, и я не имею права вмешиваться и их дела»[3].

В начале февраля коллективное прошение казанцев было подписано всеми муэдзинами. Однако городское духовенство не торопилось приложить свою подпись, боясь быть привлечёнными к ответственности. Как видно, духовенство заняло примиренческую позицию и, по сути, действовало под воздействием буржуазии. 15 февраля 1890 г. в доме муллы Каюма состоялось общее собрание всего духовенства города. Однако на совещании не был подписан приговор, так как не явились муллы Гарифулла Салихов (сын Мухаммадея Салихова), Хусаин Амирханов, его сын Зариф Амирханов и мулла Юнусовской мечети на Сенной площади Хаджа Ахметов Музафаров[4].

---

[1] Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2.. – Д. 11. – Л. 19.
[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1077. – Л. 227–228.
[3] Архив РАН. – Ф. 177. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 19–19 об.
[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 122–122 об.

Лишь казанские купцы оказались последовательными в своих действиях. Первоначально отправка депутации в Петербург предполагалась после открытия навигации на Волге, крайним сроком подачи прошений в столицу был определён 1 апреля 1890 г. Население было проинформировано о том, что в Казани готовы уже трое поверенных и на командировочные расходы собрана сумма в 30 тыс. руб., депутация выжидает лишь завершения всеобщей подачи прошений. Действительно, деньги на путевые и деловые расходы были собраны, основными вкладчиками являлись купеческие круги.

Согласно сведениям губернатора казанская депутация была представлена в основном подставными лицами: отставным рядовым Зямалютдином Мухаметовым, купцом Валиуллой Гизетуллиным, комиссаром Казанской городской управы Мухаметзяном Яхъиным[1]. Следует отметить, что активный организатор составления прошений С. Сагадеев также был избран в состав депутации, которая в очной ставке с императором должна была ходатайствовать об отмене закона об образовательном цензе для духовных лиц[2]. Однако, по каким-то обстоятельствам он не поехал в Петербург.

Доверенные З. Мухаметов[3] и М. Яхъин в столицу выехали 17 марта 1890 г.[4] Купец Валиуллин выбыл в столицу несколько раньше.

Комиссар городской управы М. Яхъин специально для командировки, под предлогом семейного положения, взял с 11 марта двухнедельный отпуск[5]. Видимо, он был избран главой депутации.

Казанцы остановились в квартире военного ахуна Хамидуллы Халитова, который в их прошении нашёл «выражение, оскорбительное для правительства» и сумел отговорить их от подачи, сказав, что за подобное прошение их строго накажут. Он обещал депутатам о представлении их ходатайства императору через «одно высокопоставленное лицо»[6]. Кроме прошения, депутация привезла с собой несколько номеров «Епархиальных ведомостей», в которых были напечатаны материалы о деятельности московского миссионерского общества, где татары находили двусмысленные фразы, в которых видели возможность принудительной христианизации[7].

27 марта в столицу повторно прибыли М. Яхъин, отставной рядовой З. Мухаметов и свияжский мещанин Гарей Мрасов (Уразов). По совету столичных имамов и касимовских купцов казанцы встретились с ахуном Г. Баязитовым, который по-

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1077. – Л. 103.
[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 242–242 об.
[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7797. – Л. 164.
[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 166–166 об.
[5] Непредвиденные обстоятельства и задержка подачи прошения вынудили М. Яхъина во время Пасхи телеграфировать из Кронштадта с просьбой отсрочить отпуск ещё на один месяц. Ему разрешили продлить отпуск, но прекратили выплату ему жалования (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 22 об.).
[6] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1077. – Л. 192–192 об.
[7] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7798. – Л. 192–192 об.

рекомендовал воздержаться от подачи прошения[1] и предложил им публичное состязание – диспут для доказательства того, что в исламе «русский язык не только запрещается, но и, напротив, поощряется»[2].

На второй день после приезда З. Мухаметов и Г. Мрасов отбыли домой, а М. Яхъин остался в столице. Дело в том, что казанцы задумали подать всеподданнейшее прошение одновременно от депутаций мусульман Казани, Оренбурга и Касимова, что должно было восприниматься как единое мнение мусульман Поволжья, Приуралья и центральной России. Ахун Касимова должен был передать прошение императору через генерал-адъютанта Рихтера. Однако в марте-апреле 1890 г. после совещаний с ахуном 2-го мусульманского прихода столицы Г. Баязитовым, оренбуржцы и касимовцы воздержались от подачи коллективных ходатайств. Г. Баязитов им заявил, что ни одно из положений их прошений не обоснован шариатом, а утверждение о необходимости изучения русского языка в течение нескольких десятилетий не соответствует действительности. Касимовские купцы, тем не менее, составили прошение. Узнав об этом, Г. Баязитов написал нескольким влиятельным лицам общины письма и сумел склонить их в свою сторону – не подавать это ходатайство[3].

Во время Пасхи, 1 апреля, М. Яхъин был арестован. Об этом инциденте Г. Баязитов узнал спустя четыре дня после встречи с ним. Получив сообщение, ахун пришёл в камеру к задержанному, состояние которого было подавленным: «Неужели в престольном городе он не может сказать никому правду?» Попытки ахуна получить разрешение у градоначальника взять арестованного на поруки не дали результатов[4]. На Московском вокзале столицы полиция стала досматривать всех прибывающих лиц, одетых в «татарское платье», выявлять цель их приезда в город, проверять паспорта и записывать места остановки в столице.

24 апреля казанский губернатор телеграфировал в МВД о выезде М. Шамрасова, З. Мухаметова и С. Губайдуллина в столицу для ходатайства от отмене закона

---

[1] Г. Баязитов обрушился на казанскую депутацию с обвинениями в некомпетентности: «Подумайте, можно ли подавать такие глупые прошения Государю и министрам. Какие подавали вы? Ведь вы срамите ислам. Укажите, пожалуйста, хотя бы одно прошение, в котором было бы хоть какое-либо основание из шариата? Я сам видел и читал несколько таких прошений и краснел за них. Подумайте, что вы в них пишите, что нужно 30–40 лет учиться русскому языку для занятия должности мударриса, тогда как на самом деле нужно только лишний год, много – два. Ну, как же такой срам доложить Его Величеству? Вы думаете, что правительство не знает нашего шариата? Нет, не думайте этого, не хуже нас оно знает и противного шариату ничего не сделает. Если бы русская грамота противоречила бы шариату, я первый заговорил бы против неё. Скажите, пожалуйста, не пожелают ли муллы держать диспуты со мною по поводу введения русского языка? Я готов принять публичное состязание с любым муллою и доказать ему из шариата же, что русский язык не только не запрещается им, а, напротив, поощряется. Я уже прежде заявлял желание съездить на Нижегородскую ярмарку или хотя бы в Казань спорить с любым учёным муллою по сему предмету», – заявил ахун (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп.8. – Д. 1074. – Л. 75 об.).

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 76.

[3] Там же. – Л. 171–172.

[4] Дело в том, на основе секретной записки казанского губернатора от 14 января 1890 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново предписал 7 февраля градоначальнику столицы П. А. Грессеру поймать и выслать из Петербурга по этапу на родину казанскую (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1077. – Л. 99–99 об.).

от 16 июля 1888 г., уведомив, что по полученным сведениям казанцы взаимодействуют с петербургским ахуном[1].

26 апреля МВД столичному градоначальнику был предписано выслать всех членов казанской депутации из Санкт-Петербурга. Полиция арестовала их на Московском вокзале и этапным порядком отправила обратно домой 1 мая[2]. Лишь после отъезда членов казанской депутации полиция прекратила облавы на Московском вокзале[3].

Так завершилась история с отправкой депутации казанского купечества для передачи прошения лично в руки Александра III.

Министр внутренних дел своим предписанием от 16 июня 1890 г. постановил об оставлении прошений 13 приходов Казани «без последствий», объявление которого вызвало сильное волнение среди мусульман[4]. Они поголовно отказались от подачи подписки в выслушивании решения МВД и просили им выдать копии подлинных прошений: прошение подавали императору, а отвечает министр, на что они не согласны и будут вновь подавать прошения[5]. Вскоре от имени всех 13 приходов доверенные подали прошение казанскому полицмейстеру, в котором просили уточнить вопрос – их прошение отклонено самим императором или министром[6]. Администрация оставила их просьбу без рассмотрения.

Кажется, тезис о противоречии изучения русского языка шариату, что не соответствовало действительности, сформировалось и получило распространение на Мензелинской ярмарке 1889 г. Затем организаторами петиционной кампании сознательно, с целью консолидации мусульман был введён в тексты «всеподданнейших» прошений.

Оборотной стороной требования об отмене закона от 16 июля 1888 г. являлось сохранение добровольности изучения государственного языка. Требование о введении русского образовательного ценза сыграло существенную роль в закреплении в общественном сознании крестьян мнения о намерении правительства русифицировать татар и башкир.

Таким, образом, в массовом движении протеста 1888–1890 гг. новым явлением стала консолидация мусульман различных сословий Волго-Уральского региона, степных областей и Западной Сибири – приходы Казанской, Уфимской, Оренбургской, Вятской, Самарской, Пермской, Симбирской, Тобольской губерний, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областей, было подано более тысячи прошений. В петиционных кампаниях против школьной политики власти ранее мусульмане этих регионов (кроме Казанской губернии) не участвовали. Эти хода-

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 76.

[2] Там же. – Л. 194, 222.

[3] 29 апреля полицейские арестовали на вокзале и произвели в камере допрос сына помощника ахуна Г. Баязитова, просили паспорт и место остановки приехавшего из Сибири (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1074. – Л. 78).

[4] В Азимовской мечети потомственный почётный гражданин Абсалям Губайдуллович Апанаев заявил полицейскому, что «татар теснят в отношении религии, что в России жить нельзя, в Японии живут свободнее, кто хочет, учится сам может, а мулл образованных им запрещает закон» (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8137. – Л. 36 об.).

[5] Там же. – Л. 36.

[6] Там же. – Л. 51–51 об.

тайства заставили Петербург пересмотреть нормы русского образовательного ценза в сторону снижения и перевести срок их введения ещё на несколько лет, а именно на 1896 г., что было закреплено указом от 11 октября 1890 г. В результате, был достигнут своеобразный компромисс между властью и мусульманским сообществом. Движение наглядно продемонстрировало власти необходимость соблюдения осторожности в реализации внутриполитического курса в отношении мусульманского населения.

Петиционная кампания стала серьёзным испытанием союзу между буржуазией и духовенством. В Казани татарские купцы показали себя более последовательными и решительными идеологами и руководителями данного общественного движения, чем имамы, повсеместно ратовавшие за соблюдение сложившихся традиций, однако, боясь ответственности и потери своих должностей, не желавшие продолжить участие в общественном движении. В сельской местности же муллы сами выступили организаторами подачи прошений.

В условиях отсутствия национальной прессы центрами распространения установок национальной буржуазии выступили региональные ярмарки, участники которых транслировали эти идеи в массы. Во время обсуждения на ярмарках насущных проблем мусульманского сообщества принимались решения, которым затем следовали городские и сельские общины.

Петиционные кампании 1892–1894 гг.

Осложнение «мусульманского вопроса» в Волго-Уральском регионе в первой половине 1890-х гг. спровоцировало несколько антиисламских инициатив власти, которые являлись составной частью внутриполитического курса правительства Александра III по «защите» интересов русского населения и христианства. Нововведения правительственных структур привели к резкому усилению напряжённости практически во всех слоях мусульманского населения, прежде всего в среде купеческих кругов и духовных лиц. Если ранее, скажем, по вопросу принудительного изучения кандидатами в имамы государственного языка и распространения учебных заведений по изучению русского языка имелись существенные разногласия между кадимистами и джадидистами, то в начале 1890-х г. произошла консолидация их усилий по защите интересов ислама и нации, по противодействию угрозе этноконфессиональной самобытности. Однако формы противодействия антимусульманским мерам у каждой из групп были различные, что объяснялось их менталитетом, социальным положением и степенью воздействия региональной власти по претворению в жизнь этих нововведений. В частности, по поводу исправления религиозных книг наиболее интегрированная в русское культурное пространство локальная группа мусульман стремилась успокоить единоверцев, заявляя «о несолидарности высшего правительства с действиями цензуры и о том, что рано или поздно центральная власть усмотрит нерациональность начатого преследования священных книг и прекратит его»[1].

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 167.

Антиисламские инициативы появились в тот сложный период, когда у значительной части мусульман пошатнулось доверие к российской власти и появилось опасение отказа правительства от соблюдения в дальнейшем основополагающих основ государственно-исламских отношений, заложенных Екатериной II, сложившихся принципов имперского управления регионами компактного расселения мусульман. Важно отметить, что такие опасения также были обусловлены великодержавными действиями имперских властей в отношении мусульманских и других народов на окраинах.

Прошения об отмене ревизии учебников и мест обучения духовных лиц. Новая волна ограничений началась с циркуляра МНП от 30 июня 1891 г. о передаче управления конфессиональными школами мусульман в распоряжение дирекций народных училищ, что привело к увеличению контактов чиновников учебного ведомства с мугаллимами и мударрисами, выражавшихся в посещении школ и запросах статических сведений о численности и составе учащихся и преподавателей и т. д.

Важнейшей причиной опасений стал циркуляр учебного ведомства от 10 июля 1892 г. об изъятии из учебного процесса рукописных книг и иностранных изданий, который был адресован попечителям Казанского, Оренбургского и Московского учебного округов, и действия чиновников Оренбургского учебного округа по его реализации.

Важно отметить, что в данном случае МНП распространило на мектебе и медресе округа ОМДС требование, согласно которому в российских учебных заведениях должны использоваться лишь учебники, утверждённые российской цензурой. Религиозные книги, изданные в Османской империи, вызывали претензии у российских властей. Об одном из них поведал в своём письме, адресованном елисаветопольскому кадию И. Гаспринский: «Учебники турецких мектебе, кроме неудобства по отношению к языку, имеют ещё и то неудобство, что на эти книги, хотя бы они были содержания совершенно невинного, русские смотрят как на каких-то медведей. Если они узнают, что русские мусульмане обучаются по турецким учебникам, то на это нехорошо посмотрят, как это можно вывести из сведений, печатаемых в их газетах, так как на воспитателей они обращают особое внимание. У нас один мулла читал книгу мовлуд (книга, читаемая в магерроме, напечатана в Турции. – *Примечание переводчика*). В конце книги помещена была молитва, которую также прочёл, так как для муллы всё равно какую молитву читать. Так как молитва эта была за султана Абдул Гамида, то вышла целая история. Жандармы возбудили целое дело, сказав, что татары молятся за султана. Только доказав невежество и сумасшествие муллы, освободили его. Очень жаль, что у нас в России для обучения не имеются все необходимые книги, а нужно обращаться в сторону. Во всяком случае, необходима осторожность, чтобы на наши мектебе не смотрели с подозрением, дабы подобно армянским мектебе, вместо пользы, не причинили вреда»[1].

МНП поставило задачу к 1 января 1893 г. изъять из учебных заведений все рукописные пособия и иностранные издания. Реализация нововведения началось в ОУО. 31 октября 1892 г. инспектор мусульманских школ ОУО В. В. Катаринский посетил в Оренбурге медресе «Хусаиния», мектебе при 4-й мечети, медресе при

[1] ГА РФ. – Ф. 102, ДПОО. – Оп. 226 (1898). – Д. 11. – Ч. 3. – Л. 141 об.

1-й соборной мечети. В них были обнаружены рукописные книги и турецкие издания, не прошедшие русскую цензуру. От заведующих городских мектебе и медресе потребовали отказаться от использования печатных книг и пособий, не одобренных русской цензурой. В ответ заведующие мусульманских школ Оренбурга заявили, что: 1) запрещение заграничных изданий чисто богословского характера, которые не наносят вреда государственным интересам, «равносильно вторжению в область» верований мусульман, поскольку по этим книгам обучаются кандидаты на должности мугаллимов и имамов; 2) прежде чем запрещать, нужно издать в России все учебные книги, до этого времени печатавшиеся за границей; 3) передать имеющиеся иностранные издания в цензурный комитет на экспертное заключение; 4) отсрочить исполнение циркуляра министра И. Д. Делянова от 10 июля 1892 г.

Инспектор В. В. Катаринский, потребовав от заведующих мектебе и медресе немедленно представить по одному экземпляру иностранных изданий, применяющихся в учебном процессе пособий для экспертизы, дал указание начать в ОУО изъятие рукописных книг (приказом по МНП рукописные тетради были запрещены в русских средних и начальных школах. – *И. З.*).

В ОУО проводились ревизии школ на предмет выявления книг, изданных в мусульманских странах, и рукописных книг; от заведующих потребовали подписку «о знакомстве с предписанием властей» и о его выполнении, от должности были отстранены авторитетные мугаллимы ведущих образовательных центров Приуралья: Хабибулла Тукаев, обучавшийся в 1878–1884 гг. в Туркестане (Стерлибашевского медресе), и А. Ногаев (Стерлитамакского медресе) (после временной отмены циркуляра от 10 июля 1892 г. они были восстановлены в своих должностях)[1].

Усилению «брожения умов» в Приуралье способствовали действия руководства Оренбургского казачьего войска, где с 1882 г. дети казаков-мусульман привлекались для обучения русской грамоте с 9 часов утра и до 2 часов по полудни, а мектебе были вынуждены посещать в «свободное время» с 6 до 8 часов утра и с 7 до 9 часов вечера, не имея почти никакого отдыха[2]. 9 сентября 1892 г. атаманом Оренбургского казачьего войска было предписано о закрытии в войске всех татарских школ, запретив мальчикам посещать мектебе. Вместо этого им разрешалось обучаться основам ислама в станичных и поселковых русских школах три раза в неделю, в особо назначенные дни[3].

Ища защиту от самоуправства данного атамана, имамы мусульманских приходов стали составлять жалобы на имя оренбургского муфтия. В частности, имам Гирьянской станицы Алабайталского прихода Орского уезда Нигматулла Абдулвагапов 16 января 1893 г., сообщая о закрытии мектебе и медресе в населённых пунктах на территории казачьего войска, указывал, что мусульманским мальчикам разрешают обучаться основам ислама лишь по одному часу три раза в неделю. Религиозный деятель писал о том, что предписание станичных начальников закрывать медресе и мектебе и требование от мулл подписки об отказе обучать основам ислама «противно шариату», так как Духовное собрание делает наставления о приличном содер-

---

[1] *Фархшатов М. Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. – М., 1994. – С. 50.

[2] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 171. – Д. 656. – Л. 109 об.

[3] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений... 1836–1903 гг. – С. 101–102.

жании мектебе и медресе, совершенствовании обучения. Подписки же духовенства о прекращении преподавания основ ислама послужат уничтожению ислама, спорам и волнениям между прихожанами. А «обучение веры малым и большим вне медресе в короткое время едва ли будет возможным»[1].

Имам посёлка Ильинской Орского уезда Галим Абдулзяниев в обращении в ОМДС отмечал, что предписание о закрытии было издано на том основании, что «будто бы усердное занятие в медресе вредно отзывается на здоровье казачьих детей, а также рассеивает внимание их к русскому языку и препятствует изучение его». По его мнению, закрытие медресе и запрет на изучение по мусульманским книгам ведут к запрещению религии. Между тем по хадису пророка изучение духовного познания обязательно каждому мусульманину, как молодому, так и старику, как богатому, так и бедному. «Для удаления вредных последствий означенного распоряжения по религии» он просил донести высшему начальству[2]. Как видно, духовенство надеялось, что российский император защитит их от самоуправства начальника Оренбургской губернии.

ОМДС 16 и 30 января 1893 г. обращалось с жалобой в МВД, приложив шесть прошений казаков-мусульман Татищевской и Нижне-Озерской станиц и Линевского посёлка и 10 рапортов имамов разных селений казачьего войска. Однако силовое ведомство признало действия оренбургского начальства «правильными»[3].

Рассмотрев прошения мусульман, в своём заседании от 4 декабря 1893 г. в качестве ответа на поступившие от мусульманских приходов Оренбургского казачьего войска ОМДС вынесло следующее решение: «Казаки обязаны знать русский язык, если дети будут посещать медресе, то не будет нанесён ущерб их знанию русского языка. Однако пусть дети обучаются в медресе, никто этого не воспрещает. Поэтому ваше обращение об этом оставлено без последствий»[4].

Под воздействием действий чиновников учебного ведомства ОУО по ревизии учебных пособий в мектебе и медресе в первой половине 1893 г. в мусульманских приходах Оренбургской губерний происходила подача прошений на имя начальника губернии об оставлении рукописных пособий в конфессиональных школах[5]. Часть сельских обществ рассматривала проблему широко – в их коллективных прошениях лейтмотивом звучала просьба «об изъятии мектебе и медресе из ведения» учебного ведомства и возвращения в компетенцию ОМДС, как было раньше. Они, по сути, предлагали кардинально изменить правовую базу функционирования мектебе и медресе, что позволило бы им на законной основе закрыть доступ инспекторов в школы.

Поступающие в ОМДС рапорты имамов позволяют в целом отслеживать развитие событий по реализации деляновских циркуляров 1892 г. В Уфимской губернии

---

[1] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 3. – Д. 13359. – Л. 1–1 об.; Оп. 11. – Д. 622. – Л. 20–21.

[2] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 347. Без нумерации.

[3] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений ... 1836–1903 гг. – С. 101–102.

[4] *Фәхретдин Р.* Дини вә ижтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр. – Казан, 2011. – 172 б. (пер. с тат. яз.)

[5] Например, об этом просили жители деревень Кузебаково, Мурзабаево и Ик Назырово Бурзян-Кипчакской волости Оренбургского уезда (15 марта 1893 г.) (см.: *Фархшатов М. Н.* Мектеб или школа: прошения мусульман Волго-Уральского региона по вопросам образования за 1870–1890-е годы. – С. 204).

о содержании циркуляров МНП от 30 июня 1891 г. и от 10 июля 1892 г. духовные лица узнали из предписания местного начальника губернии от 17 августа 1892 г. за № 170.

Имам д. Исмиково Стерлитамакского уезда Гатиатулла Алчынбаев в своём рапорте от 18 марта 1893 г., составленном «по просьбе общества», довёл до сведения оренбургского муфтия об сильном возмущении прихожан такими инициативами властей, указывал, что учебный процесс в медресе и используемые пособия не представляют опасности для русского государства, наоборот в конфессиональных школах шакирды воспитываются в духе повиновения монарху[1].

В рапорте имамов д. Туймиевой Мурзаларской волости Златоустовского уезда от 26 января 1893 г.[2] сообщалось, что местный становой пристав им «объявил о содержании» циркуляра МНП от 10 июля 1892 г., на что они отказались дать подписку о «выслушании» такого предписания «в виду того, что обязательство подпискою не преподавать в медресе по рукописными и заграничной печати книгами равносильно обязательству не преподавать своим единоверцам Божий закон и шариат». Они также заявили, что изданные в России книги недостаточны для преподавания всех наук, поэтому имеется потребность в иностранных печатных изданиях и переписанных рукописных учебных пособиях[3].

Мулла д. Куруалачиковой Дедвийской волости Ахмедулла Имамов 15 марта 1893 г. сообщал о вручении ему 6 декабря 1892 г. уведомления инспектора народных училищ Стерлитамакского уезда (от 6 ноября 1892 г.) об исполнении циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. «Если инспектора, вмешиваясь в наши духовные дела, станут распоряжаться по своим усмотрениям, то учить детей вере будет затруднительно, даже невозможно. Тогда мусульмане, не понимая своей веры, как животные, не сумеют ни молиться Богу, ни повиноваться великому государю. Вследствие чего, вообще, за неумением исполнять духовные и светские обязанности мусульмане должны подвергнуться наказаниям, как на этом свете, так и на том свете», – писал он и просил оставить учебные дела в ведении ОМДС[4].

В Оренбургском крае о деляновских циркулярах духовные лица узнали из предписания начальника губернии от 23 декабря 1892 г. за № 2477. Его содержание вынуждало рассматривать новые инициативы правительства против мусульманского населения как комплексную антиисламскую политику. Оренбургский губернатор, в частности, уведомил о том, что распоряжением МНП все мектебе и медресе будут подведомственны инспекторам народных училищ, рукописная и иностранная литература будет изъята из числа учебников и будут допущены в учебный процесс исключительно книги, одобренные русской цензурой. Закрытие мектебе и медресе в казачьих селениях Оренбургского казачьего войска имамы гражданских приходов стали интерпретировать как реализацию вышеназванного предписания начальника губернии. В частности, в своём рапорте в ОМДС имам д. Кабаново Бурзянкипчаковской волости Оренбургского уезда Исхак Султангузин (март 1893 г.) подчёркивал,

---

[1] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп.11. – Д. 622. – Л. 4–5.

[2] Рапорт хатибов Гайнана Вильданова, Шагиахмета Мухаметзянова, имамов Мухаметсадыка Мухаметгалиева, Фазлутдина Искандарова, Гайнутдина Мифляхутдинова.

[3] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп.11. – Д. 622. – Л. 35–36 об.

[4] Там же. – Л. 7–8.

что такие действия властей сильно напугали всех мусульман, потому что это «явно свидетельствует» о ликвидации мусульманского вероучения в медресе. Указывая на то, что мусульмане никогда не согласятся отречься от ислама, просил ОМДС оказать содействие в отмене обеих циркуляров учебного ведомства, с тем, чтобы мектебе и медресе остались по-прежнему в ведении духовного управления. Имам утверждал, что учебные пособия в конфессиональных школ имеют религиозное содержание, не носят политический характер: в них нет ничего против властей, они применялись мусульманами уже несколько веков. А часть иностранных книг была переиздана и одобрена русской цензурой, а другая часть была рассмотрена при завозе в страну российской таможней[1].

Текст его рапорта в целом перекликается с донесениями имама д. Кулгулловой Бурзянкипчаковской волости Салахутдина Сайфульмулюкова (от 15 марта 1893 г.) и имама д. Биктимеровой той же волости Гатауллы Расулева (от 20 марте 1893 г.)[2]. С. Сайфульмулюков, в частности, отмечал, что рукописные книги в медресе используют не для сокрытия в них что-либо против правительства, они переписываются бедными шакирдами, не имевшими средств для приобретения печатных изданий. Имам подчёркивал, что в медресе не располагает «секретными книгами и тетрадками»[3].

В апреле 1893 г. попытки елабужского уездного исправника Вятской губернии изъять из мусульманских школ рукописные книги встретили отпор мугаллимов и мударрисов. Вятский губернатор вынужден был обратиться за содействием в ОМДС, прося религиозное управление об издании фетвы об оказании содействия духовенством в изъятии из учебного процесса рукописных книг (в ответ ОМДС 11 мая 1893 г. отписалось, что мектебе и медресе не находятся в его ведении и оно неправомочно обращаться с таким предписанием к заведующим мусульманских конфессиональных учебных заведений)[4].

После петиционной кампании 1889–1890 гг. среди части мусульманского населения Казанской губернии установилось устойчивое мнение о том, что обращаться в ОМДС за разъяснениями «религиозных недоразумений», вызванных внутриполитическим курсом правительства, «бесцельно» вследствие «слабого понимания» муфтием М. Султановым «глубины смысла Корана»[5]. Этим объясняется, на наш взгляд, сокращение в 1892–1894 гг. ходатайств в адрес ОМДС.

Уфимский губернатор отношением от 23 апреля 1893 г. проинформировал ОМДС о том, что введение в действие циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. отменено до 1 января 1895 г., а также уведомил об этом заведующих мусульманских школ губернии[6]. Пересмотреть позицию российской власти в данном вопросе заставило «большое количество» прошений, поступившее от мусульман в учебное ведомство

---

[1] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп.11. – Д. 622. – Л. 16–17 об.
[2] Там же. – Л. 13–14 об.
[3] Там же. – Л. 7–8.
[4] *Фәхретдин Р.* Дини вә ижтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр. – Казан, 2011. – 171–172 б.
[5] НА РТ. – Ф. 1. – Оп.3. – Д. 9605. – Л. 3 об.
[6] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 3. – Д. 133359. – Л. 2.

против изъятия рукописных книг и заграничных изданий[1]. Безусловно, такая быстрая реакция имперской власти на начавшееся широкомасштабное волнение в Приуралье сыграла позитивную роль в успокоении татарских и башкирских сельских обществ, также оказала определённое воздействие на свёртывание движения вынужденного переселения в Османское государство.

Изъятые из медресе печатные книги попечитель ОУО в течение 1893–1894 гг. отправлял на экспертизу в столицу. Министр народного просвещения уведомил попечителя (от 3 июня 1894 г.) о допущении всех присланных мусульманских книг в учебный процесс, за исключением двух изданий: книги на персидском языке «Хашийя ала-л-шарх ал-Чаканд» (Глоссы [примечания на полях] к комментарию ал-Чаканд, автор Рамазан эфенде) и на турецком языке «Мухтасар джаграфия рисалəсе» («Краткий курс географии», автор Салим Сабит). Первая книга была признана запрещённой к изданию. По мнению столичного цензора, оно содержало «сплошное и резкое опровержение основных догматов немусульманских вероучений, в том числе христианских догматов о Троице, крестной смерти и воскресении Иисуса Христа». Вторая книга, которая являлась учебником для турецких гимназий, была признана содержащей в себе «подробное описание Османской империи», где России была отведена лишь три с половиной строчки зауряд с другими второстепенными, с турецкой точки зрения, государствами»[2]. О необходимости не допущения данных двух изданий в медресе попечитель ОУО сообщил губернаторам и директорам народных училищ, находящихся в его ведении. В частности уфимский губернатор приказал ахунам и имамам губернии о не допущении их в мектебе и медресе «под опасением ответственности по закону»[3]. В Стерлитамакском уезде духовенство селений Семёнкино, Кырмыскалы, Нижнее Бегеняшево, Талич-Мокшино, Нижнее Услино, в Бирской волости мулла д. Кипчаково Илишской волости отказались получать приказ начальника губернии[4], а Орском уезде муллы пяти деревень[5] приняли приказ, однако отказались дать подписку в его получении [6], в Бирском уезде имамы 15 сельских населённых пунктов[7] отказались получить под предлогом отсутствия татарского перевода приказа[8]. В Ерсубайкинской волости Мензелинского уезда приказ уфимского губернатора, полученный 15 марта 1895 г., вызвал волнения среди местного населения. На сельских сходах земскому начальнику, вызвавшемуся успокоить мусульман, крестьяне заявили о своей преданности императору, но в то же время указали, что «вера дороже жизни»[9].

---

[1] *Фархшатов М. Н.* Указ. соч. – С. 212.

[2] ЦИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 1274. – Л. 1–1 об.

[3] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 1. – Д. 1274. – Л. 10.

[4] Там же. – Л. 17–17 об.27.

[5] Ахун д Курдым Гарифулла Киеков, имамы д. Старое Чукурово Ахунзян Киеков, д. Верхнее Татагылино Рамазан Тохватуллин, д. Старое Казанчино Ахметгали Абдулханнанов, д. Зирмизнно Рахимзян Загидуллин.

[6] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 1. – Д. 1274. – Л. 34–34 об.

[7] Имамы д. Малый и Большой Шады, Даутшарово, Кашкалево, Татарбаево, Имяново, Иштыбаево, Терекеево, Старо-Чертанышекдиево, Карагдиево, Атнагулово, Карачево, Земязикулево, Ишан-Куперово, Караспелово.

[8] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 1. – Д. 1274. – Л. 10.

[9] Там же. – Л. 19–20.

Получая тревожные сообщения от приходов под воздействием приказа уфимского губернатора, ОМДС выявило, что предписанные к запрету две книги в медресе Уфимской губернии не имеются. В ответ на предложение о внушении исполнить предписание власти, муфтий М. Султанов заявил, что в таком случае придётся разъяснить причину изъятия указанных книг, что, в свою очередь, вызовет большой интерес и желание ознакомиться с ними в подлиннике. Отметив, что особым совещанием при МВД по цензуре изъятие признанных незаконными издания было возложено на инспекторов народных училищ, муфтий воздержался от обращения к духовенству по этому вопросу[1].

Временная отмена циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. породила среди мусульман надежды на возможность путём подачи ходатайств отменить и некоторые другие ущемляющие права мусульманского населения законы Российской империи. Этим обстоятельством следует, видимо, объяснить появление в прошениях целого перечня просьб, требований, иначе говоря, «комплексного подхода», поставившего во главу угла решения всех взаимосвязанных проблем, ущемляющих религиозные права мусульман округа ОМДС.

Ходатайства об отмене ревизии и сокращении текстов религиозных изданий. Следующим «нововведением» имперской власти явилось сокращение в 1890–1892 гг. содержания рукописей религиозных книг мусульман, предпринятое цензором В. Д. Смирновым. Случаи удаления священных текстов приобрели международный резонанс и в глазах мировой общественности разрушали имидж Российской империи, где конфессиональные меньшинства как бы пользовались свободой вероисповедания. Во время пребывания будущего императора в Индии в газетах появились статьи о насилиях над мусульманами, осуществлённых русским самодержавием[2].

Примечательно, что русская периодическая печать также не осталась в стороне от этого «новшества». Некоторые столичные газеты («Новое время», «Московские ведомости» и др.) опубликовали статьи, в которых объясняли читателю, что мусульмане в своих книгах якобы «поносят и оскорбляют русских, христиан вообще, обзывая их словом «кяфер», которых, мол, следует убивать»[3].

После получения направленных на экспертизу рукописей религиозного содержания с поправками цензора В. Д. Смирнова в 1891 г. на его действия в адрес Главного управления по делам печати, министра внутренних дел поступили первые протесты от казанских издателей[4]. В феврале 1892 г. был заявлен протест 27 имамов всех мечетей Оренбурга и Сеитового Посада по поводу 9 из 11 сокращений цензора в рукописи на татарском языке «Рисалэи гадаил ихван» («Трактат братская снедь»). В ответ Цензурный комитет запретил рукопись к изданию[5]. Это решение получило широкий резонанс в мусульманском сообществе.

По мнению сотрудника МИД, имама 2-го мусульманского прихода Санкт-Петербурга Г. Баязитова, беспощадное удаление из текстов молитв, прямое сокра-

---

[1] ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 1. – Д. 1274. – Л. 29–29 об.
[2] РГИА. – Ф. 921. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 167 об.
[3] *Исмаил.* Что значит слово «кяфир»? // Тарджеман. – 1890. – № 11. – 2 апр.
[4] *Каримуллин А. Г.* Татарская книга пореформенной России. – Казань, 1983. – С. 117.
[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 829. – Л. 199 об.–200.

щение и изменение текстов Корана «ошеломило» мусульманское население, привело к «серьёзному волнению» относительно судьбы ислама в империи и к подаче ряда ходатайств с целью разъяснения причин данного факта, а «более нетерпеливые и состоятельные члены оного решились даже на крайнюю меру – переселения из России в Турцию» [1]. По его мнению, если власть нуждалась в экспертизе текстов мусульманских книг, это дело следовало бы поручить не цензору, а лицам наиболее компетентным в столь щекотливом вопросе, а именно известным ориенталистам, знакомым с восточной духовной литературой и с религиозными верованиями народа [2].

В своей записке «О недоразумениях, возникших по поводу возбуждения вопроса о пересмотре религиозных книг» от 6 августа 1894 г., поступившей в МВД, Г. Баязитов провёл анализ действиям цензора по «исправлению» религиозных текстов за 1890 г. Оказалось, что все исправления цензором В. Д. Смирновым были внесены в тексты изданий трёх категорий:

1) стихи Корана, сунны, «богослужебные и другие молитвенники, догмы и заповеди веры»;

2) древние книги (X–XII вв.), трактующие о мусульманском праве и шариате (в них вычёркивались места, трактующие о войне – «джихаде»);

3) новые издания и переводы с арабского на татарский язык, интерпретация старых книг, напечатанных на арабском и персидском языках, и светские книги.

Далее Г. Баязитов подробно рассматривает исправления цензора по каждой из категорий.

1. Стихи Корана главы CIX, свидетельствующие о свободе вероисповедания по учению ислама, целиком вычеркнуты из молитвенника «Хафтияк» («Скажи, о неверующие! Я не поклонюсь тому, чему вы поклоняетесь, и вы не поклонники того, кому я поклоняюсь, и я не поклонник того, чему вы поклонялись, вы не поклонники того, чему я поклоняюсь, для вас своя вера, а для меня своя!»). По мнению Г. Баязитова, в тексте речь идёт лишь о религиозном поклонении, потому что, когда составлялся Коран, были идолопоклонники. «Вы поклоняетесь своему идолу, и мы поклоняемся своему, который есть единый Бог и больше никто» – вот настоящий смысл слов стихов Корана, – подчёркивал религиозный деятель. – Если даже предположить, что речь идёт о христианской вере, то в тексте отсутствовали оскорбления православной святыни, а лишь выражалась полная веротерпимость. Следовательно, вычёркивание этих строк означает присваивание ему произвольного значения».

2. Из этого же молитвенника оказались вычеркнутыми стихи Корана из главы IXVIII. Стихи 28, 29 и 30, которые являются молитвами по усопшим.

3. Из молитвенника «Сува ремінь ал-Курбан» были удалены стихи из главы XXXVI, являющиеся равнозначным молитвам христиан при причастии и соборовании.

4. Из молитвенника «Идранес салам вал аврад» вычеркнутыми оказались перевод стихов Корана из главы CXI (текст: «Да погибнут руки Абулашби (современника

---

[1] РГИА. – Ф. 921. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 153–153 об.

[2] Там же. – Л. 154.

и Магомета и врача его) и погибнет он сам, богатство его и приобретённые им вещи не послужат ему в пользу; вскоре он взойдёт в пламенный огонь и жена его, носительница дров. Взойдёт, на шее её будет верёвка из финиковых волокон»).

5. Из молитвенника «Шаратуль Иман» («Заповедь веры») цензором Смирновым были вычеркнута важнейшая богослужебная молитва «Дуаги-кнут» (текст: «О Боже! У Тебя мы просим помощи и прощения наших грехов, верующему в Тебя всеми благоденствиями; отстаём от тех, которые нечестивы перед Тобою [...] ожидаем Твоей милости и боимся Твоего наказания; по истине Твоё наказание настигнет неверующих; ради Милости Твоей и Премилосердный из Милосердствующих»).

6. Из молитвенника «Дуа и ан гам» была удалена важнейшая догма, на которой зиждется ислам (текст: «Бог един. Нет ему равных!»).

Приведённые Г. Баязитовым цитаты наглядно свидетельствовали о предвзятых действиях цензора, о существовании проблем в понимании им арабского и персидского текста, иначе невозможно объяснить редакторские правки.

С. Баязитов с горечью писал по поводу удаления с текстов второй категории слова «джихад»: «В мире существует предубеждение о том, что будто бы ислам призывает к какой-то священной войне, однако нелепость подобного мифа доказывается самим существованием ислама, который уже 13 столетий исповедуется огромной частью населения земного шара и не разу не заслужил упрёка в осуществлении этой страшной угрозы для человечества». Он подчёркивал, что в правилах «джихада» «есть всё, кроме призыва к такой неестественной борьбе магометан с остальными людьми и государствами, среди которых они пользуются часто большими правами, чем среди своих единоверцев» [1].

Г. Баязитов предположил, что претензии к арабскому слову «кяфер», дословно означающий «немусульманин», цензор перепутал с турецким бранным словом «гяур». В действительности, слово «кяфир» не является оскорбительным словом для православных.

По мнению духовного лица, книги первых двух категорий мусульмане оберегают особенно ревностно, ибо в них заключены главные основы религии, и перемена текста хотя в одном слове является извращением первобытного источника ислама, и никакие оправдания содеянному единоверцы не воспримут.

Никакой разницы между арабскими мусульманскими книгами и поступившими из-за границы аналогичными религиозными изданиями Г. Баязитов не видел, потому что в них соблюдаются единые в мире принципы издания священных текстов мусульман, иначе ими не пользовались бы мусульмане. Поэтому их использование не должно представлять опасности для государства.

Относительно третьей категории текстов – современной татарской литературы и переводов с восточных языков – Г. Баязитов выразил мнение, что если исправления не затрагивают основ религии, выражают нетерпимость к существующему общественному порядку, то они могут быть исправлены[2].

---

[1] РГИА. – Ф. 921. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 158.

[2] Там же. – Л. 164.

Между необоснованной цензурой мусульманских и ревизией учебных пособий мусульман в конфессиональных школах Г. Баязитов, как и другие единоверцы, увидел неразрывную связь, единую политику в отношении мусульманского сообщества: «Несмотря на поданные протестные ходатайства мусульман, вычёркивания текстов религиозных книг продолжалось, то между ними началась паника от ожидания, что правительство под предлогом каких-то недоразумений против медресов, желает собственно уничтожения книг, разрушить весь старый культ магометан, подвергнув их насильственному обрусению, которое, по понятиям магометан, рисуется им только в форме крещения в православную веру»[1].

Совершенно иная была точка зрения на действия мусульманского населения миссионера Н. И. Ильминского, который в год своей смерти, в 1891 г., сообщал обер-прокурору Синода П. Д. Победоносцеву[2]: «[...] татары по всей России действуют заодно, по одному плану. Они, собственно в Казани, вооружились против изучения муллами русского языка, но их заявления и протесты писались от имени сельских обществ. Так и против цензора Смирнова всего более озлоблены казанские воротилы, но протест подан от имени и за подписью оренбургских и казанских мулл [...] претензии татарские весьма велики и все более увеличиваются».

В 1892 г., наконец, правительство запретило цензору сокращать Коран, «его части и выдержки из него», с 1893 г. религиозные книги начали печататься на прежних условиях[3], однако официальных заявлений об этом не было, поэтому население ожидало продолжения кощунственной практики.

В своей докладной записке об эмиграционном движении мусульман от 17 июня 1894 г., адресованной министру внутренних дел, И. Гаспринский писал: «Если бы меня спросили, как поступить, чтобы мусульмане не опасались за свою религию, которой никто не пытается угрожать, я бы ответил: 1) печатание Корана, его толкований, молитв и учебников на арабском языке не должно быть ограничиваемо; 2) все духовные книги новейшего состава или имеющие быть составленными должно поступать в цензуру через подлежащее духовное собрание – Оренбургское или Закавказское по принадлежности. Только одобренная ими рукопись рассматривается общей цензурой и встречавшиеся сомнения разрешаются по сношению с ними, по принадлежности; 3) те из учебников или религиозных книг, кои издаются в России, могут быть воспрещены к привозу из заграницы, но все прочие книги, не преступные по содержанию, должны пропускаться иностранной цензурой беспрепятственно, как было до сего; 4) на всех книгах, кроме Корана, должно быть клеймо иностранной или почтовой цензуры «Д. Ц.», дабы облегчить контроль их чинами Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения при употреблении в медресах; 5) употребление рукописных учебников не воспрещать, но обязать, чтобы они имели на первой и последней странице удостоверение

---

[1] РГИА. – Ф. 921. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 166.

[2] Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву. – Казань, 1895. – С. 383–384.

[3] *Каримуллин А. Г.* Указ. соч. – С. 120, 124, 140–141.

и печать указного имама, ахуна, уездного кадия или иного компетентного лица, свидетельствующее, что рукопись исключительно духовного или грамматического содержания; обязать всех мударрисов, дабы они не допускали в медресах употребление книг, не бывших в цензуре внутренней или иностранной, или рукописей, не удостоверенных одним из указанных выше духовных лиц, присягавших на службу; 7) необходимо объявить населению, что печатание и изучение рукописных книг ни коим образом ограничениям не подвергаются, и что цензура и учебное начальство лишь контролируют, чтобы под видом духовной науки в медресах не проводились антигосударственная и политическая пропаганда (чего, слава Богу, до сих пор не было)»[1].

Важно отметить, что огромное воздействие на татарские сельские общины оказывали тайные «воззвания», формирующие «системный взгляд» на политику правительства в отношении ислама и обличающие «тайные замыслы» российского правительства. Одну такую «прокламацию» удалось отыскать мензелинскому уездному исправнику летом 1894 г. Согласно её тексту, право обращения к мусульманам «Саратовским, Петропавловским, Семипалатинским, Касимовским и вдоль Камы» анонимному автору было предоставлено решением ахунов Прикамья на «общем совете», который состоялся на Нижегородской ярмарке.

Воззвание преследовало цель доведения до единоверцев антиисламских действий российских властных структур в различных регионах страны. В условиях отсутствия у татарского и башкирского населения возможности ознакомления с общественно-политическими новостями в стране из периодической печати на родном языке, воздействие «воззвания» на народные массы было огромным. Оно воспринималось как подлинная информация, тщательно скрываемая властями, хотя текст послания был составлен также и под воздействием различных слухов, его информация не всегда соответствовала действительности.

Анонимный автор прокламации выражает свою озабоченность ослаблением мусульманской веры в Волго-Уральском регионе, обращается к единоверцам «восстановить веру» и обучать своих детей исламу, стараться не давать земли под училища, призывает остерегаться и не поддаваться «хитрости русских», не допустить возведения учебных заведений, около которых появятся часовни. Предупреждает: если эти учебные заведения будут построены, то мусульманские школы будут закрыты.

Следует отметить новый акцент в вопросе изучения мусульманами государственного языка после введения в 1891 г. русского образовательного ценза для лиц, желающих занять духовные должности. Автор призывает учиться по-русски, Однако рекомендует «чтобы не быть обмануты русским, уметь читать его бумаги и не быть его рабом» «учиться у своих, у нас много мусульман, знающих по-русски».

Под воздействием опубликованного во «всеподданнейшем отчёте» обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева за 1890–1891 гг. предложение епископа Уфимского и

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 65 об. – 66.

Мензелинского[1] автор утверждает о скорой ликвидации ОМДС: муфтия не будет, религиозное управление закроют, его дела передадут в губернские правления.

Весьма любопытны его сведения о ситуации в ОМДС: «Русские, чтобы не знали этой тайны магометанские чиновники, [...] увольняют их. Секретарь Духовного Собрания Попов предупредил министра, что чиновники – магометане тайну эту передадут своим, и поэтому то началось увольнение магометан». Автор также указывает о существовании правительственного распоряжения по распределению солдат-мусульман «в среду русских», т. е. вдали от исторической родины[2].

В конце воззвания автор сообщает, что в правительственных учреждениях идёт обсуждение трёх вопросов, касающихся мусульман: 1) о запрещении развода мусульманину с женой, если одна единственная; 2) о запрещении мусульманину брать вторую жену; 3) о наименовании каждого мусульманина двумя именами: мусульманским и христианским[3].

В воззвании даётся ряд установок: 1) быть бдительными и отслеживать действия местных властей, ожидая от них подвоха и новых антиисламских инициатив; 2) не доверять власти, потому что чиновники действуют совместно с православными архиереями; 3) отказывать всем начинаниям администрации в сфере школьного образования; сельским обществам не позволять в селениях открывать русско-татарские школы и ремесленные училища, в случае же учреждения их бойкотировать; 4) быть морально готовыми к дальнейшему ухудшению в Российской империи правового положения ислама и мусульман; 5) всеми силами стараться укреплять ислам не только противодействуя администрации, но и обучая детей основам ислама в школах, не быть равнодушными к проблемам мусульман; 6) командировать уполномоченного мусульман к императору, чтобы довести до него информацию о несоблюдении властями свободы вероисповедания и об ущемлении религиозных прав единоверцев.

---

[1] В отчёте К. П. Победоносцева под названием «Необходимость принятия особых мер для более успешной миссионерской деятельности с мусульманами, для ограждения инородцев от растлевающего влияния магометанской пропаганды местные преосвящённые указывают на необходимость некоторых мер» сообщалось:

«1. Преосвещённые Уфимский и Оренбургский указывают на излишнюю в сущности должность муфтия и Магометанского собрания, так как магометане в делах веры своей могли бы состоять в ведении губернского правления. Должность муфтия, по мнению преосвященных, служит лишь к сплочению мусульманского духовенства крепкою административною связью. Для просвещения мулл чин этот не нужен, так как муллы назначаются указами и заочно. Магометанское же Собрание разбирает большею частью брачные дела.

2. Указывается на необходимость сократить штатное число мечетей и уменьшить число мулл.

3. В интересах православия и русской народности необходимо воспретить муллам совершать браки магометан с инородцами и обучать инородческих детей в магометанских школах

4. В видах оказания возможного содействия для более успешной деятельности нашей миссии, по мнению преосвященных Поволжского края, необходимо определять во всех магометанских волостных правлениях исключительно или большею частью русское начальство, т. е. волостного старшину, сельского старосту и писаря, – что очень удобно сделать там, где вместе с магометанами будут поселены русские крестьяне. Тогда, под покровительством русского сельского начальства, новокрещенные не будут терпеть преследований и притеснений со стороны магометан» (см.: Церковные ведомости. – 1894. – № 1. – С. 2–5).

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 79–79 об.

[3] Там же. – Л. 78–80 об.

Наконец, следует сказать о социально активных лицах, как правило, знающих русскую грамоту, представленных купцами, торговцами, духовными лицами и отдельными крестьянами, которые сыграли немаловажную роль в организации подачи прошений. Некоторые из них, инициируя и составляя коллективные прошения, зарабатывали средства для существования[1].

Символично, что в Оренбургской губернии прошения сельскими обществами подавались, несмотря на «успокоительное объявление» местного губернатора о гарантии правительством их религиозных прав[2]. В своём всеподданнейшем ходатайстве от 4 мая 1894 г. доверенные жители д. Тукаево Оренбургского уезда открыто заявили о том, что они оценивают действия российской власти негативно: «Религию нашу заключают, постепенно хотят стеснить в правах, именно с уменьшением учения молодое поколение поневоле не будет знать своей религии и по неволе должен отпадать в оной». Под антиисламскими мерами правительства подразумевались подчинение школ мусульман МНП; изъятие из школ рукописных пособий; воспрещение главным управлением печати религиозных книг, как противных России; опубликованные в газетах и «Церковном вестнике»[3] информацию об упразднении Духовного собрания; сокращении числа мечетей и мусульманского духовенства, конфессиональных школ (речь идёт о предложении руководства Уфимской епархии, изложенном во всеподданнейшем отчёте обер-прокурора Синода за 1890–1891 гг. – *И. З.*); факты объединения волостей с мусульманским населением с православными, с тем, чтобы назначить на волостные и сельские должности «из русских людей». Они просили об отмене закона от 16 июля 1888 г., разрешении печатать запрещённые цензором религиозные книги, их издание без изъятия каких-либо слов и предложений[4].

---

[1] Например, в ходе петиционного движения 1892–1893 гг. в Оренбургском уезде житель д. Имангуловой одноимённой волости Газиз Туганов, бывший волостной писарь, узнав о циркуляре МНП от 10 июля 1892 г., говорил мусульманам, что «что скоро изымут книги из школ и уничтожат ислам и будут крестить». В результате, мусульмане округи начали составлять прошения и приговоры. За свои писарские услуги Г. Туганов брал с каждого просителя по 5–7 руб. (*Фархшатов М. Н.* Указ. соч. – С. 197–198).

[2] В частности, башкиры 28 селений 4-й Усергановской волости Орского уезда Оренбургской губернии семью общественными приговорами, составленными в марте 1894 г., обратились 25 августа 1894 г. к министру внутренних дел И. Н. Дурново с прошением по целому комплексу вопросов:

1. Изъятие мектебе и медресе из ведения МНП и передача в распоряжение Духовного собрания; освобождение их от учителя русского языка. Заявляли, что наблюдение за мектебе и медресе лицами немусульманской веры и преподавание в них русской грамоты «имеет важное значение по нашим религиозным понятиям».

2. Освобождение мулл и заседателей Духовного собрания от обязательного знания русского языка. Указывали, что это требование теснит мусульман в выборе «достойных лиц, хотя и получивших светское образование».

3. Оставление в учебных заведениях, а также среди населения рукописных и заграничных книг религиозного содержания.

4. Прекращение изъятия из текстов отдельных слов и предложений священных книг мусульман, запрещения издания новых книг «вследствие каких-то опасений» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 94–95).

[3] Церковный вестник. – 1894. – № 1. – С. 2–5.

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 70 об. – 71.

Против деляновского циркуляра и приказа атамана Оренбургского казачьего войска генерал-майора Ершова 1892 г. в ОМДС поступило более тысячи прошений из самых разных местностей, прежде всего из Приуралья[1]. Религиозное управление, солидаризируясь с петиционной кампанией, переправляло некоторых из этих прошений на рассмотрение МВД. Хотя ответа из столицы не поступило, ОМДС внесло свой вклад в фомировании у центральной власти представления о массовости протестных настроений среди мусульман.

Во время петиционных кампаний 1892–1894 гг. обозначилось новое явление. Если ранее коллективные ходатайства от имени мусульман различных регионов подавали предприниматели, прибывшие на крупные российские ярмарки, то теперь делегаты от татарских обществ стали сами выезжать в столицу для решения проблем мусульман[2]. В марте 1893 г. в ДДДИИ обратилась группа мусульман, представляющей крупные татарские общины России[3]. В своей «Докладной записке» просители сообщали директору ДДДИИ М. Р. Кантакузену о том, что вопрос удаления или правки религиозных текстов наряду с предписанием МНП об изъятии рукописных и иностранного издания религиозных книг из медресе и мектебе является для мусульманского сообщества России отнюдь не «цензурной формальностью», а основополагающим вопросом в соблюдении принципов свободы вероисповедания в государственно-исламских отношениях: проявлением государственного взгляда на «возможность или невозможность допустить исповедание магометанской религии в тех формах и по тем религиозным руководствам, в которых исповедание это совершалось слишком более 300 лет без изменений»[4].

Указав на отсутствие у мусульман политических и экономических трактатов, они обращали внимание на факты удаления русским цензором отдельных предложений или слов, которые ранее свободно публиковались в различных религиозных изданиях, а также на то, что они изымаются из тех текстов, которые представлены для повторного издания. Данная группа акцентировала внимание директора ДДДИИ на то, что в силу циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. (хотя и временно отмененного) они лишены возможности издания своих религиозных книг без сокращения заграницей, а между тем и в России это сделать практически было невозможным и просили довести до министра их просьбу о том, чтобы книги допускались к печати без всяких исключений из содержания, «раз будет удостоверено, что книга эта уже прежде издавалась в России и что в новом издании, кроме перепечатки старого текста, никаких нововведений нет»[5].

Казанское купечество посчитало реальным добиться отмены действий цензора по сокращению содержания мусульманских религиозных книг. 7 декабря 1893 г. купцы С. Бурнаев, М. Ибрагимов и п. п. гр. А.-Ю.Апанаев обратились к губернатору с просьбой о разрешении отправки в МВД татарской городской депутации для

---

[1] *Фәхреддин Р.* Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. Беренче җөз. // *Фәхреддин Р.* Дини вә иҗтимагый мәсьәләләр. – Казан, 2011. – 167 б.

[2] *Батал Г.* Габделвали Яушев. – Оренбург, 1912. – 14 б.

[3] Потомственный почётный гражданин Оренбурга М. Адамов, поверенный жителей Сеитовского Посада и волости Оренбургской губернии М. Салихов, представители мусульман Уфимской губернии мударрисы Н. Ахмеров и А. Ахмеджанов, временный купец Казани Х. Галеев.

[4] РГИА. – Ф. 773. – Оп. 171. – Д. 2271. – Л. 169–169 об.

[5] Там же. – Л. 170–170 об.

представления ходатайства. МВД дало согласие на поездку казанской делегации (имам 10-й мечети Г. Габдулбадигов, п. п. гр. Ю. Апанаев, купцы М. Галеев и М. Ибрагимов) в столицу[1].

Важно отметить, где в регионах под видом гостевания проводили совещания для обсуждения религиозных проблем и выработки единой линии действий. Одно из таких совещаний проходило 20 апреля 1894 г. у арендатора дома Апанаева на Сенной площади города крестьянина д. Айша Казанского уезда Юсупа Ракеева. В нём приняли участие и приезжие муллы, в частности, из Мамадышского и Казанского уездов. Съезд «мулл и татар», по дознанию полицмейстера города, происходил с «целью выяснения магометанских религиозных вопросов в отражении преподавания русского языка» и составления депутации, командируемой в Петербург[2]. В середине июня к губернатору Полторацкому безуспешно обращалось четыре сельские муллы Казанского уезда о разрешении им поехать в столицу «для ходатайства по религиозным делам»[3].

В мае 1894 г. при МВД прошло Особое совещание с участием представителей МНП и учёных-востоковедов, на котором обсуждался вопрос о мусульманских рукописных книгах и было принято решение разрешить использовать их в мектебе и медресе[4]. Казалось бы, избежали угрозы запрета рукописные пособия. Между тем временная отмена циркуляра И. Д. Делянова породила среди населения предположения о намерении правительства обратить мусульман в христианство после 1 января 1895 г.[5] Часть населения окончательно потеряла доверие на возможность проживания в Российском государстве, сохраняя самобытные этноконфессиональные традиции, и на соблюдение властью принципов свободы вероисповедания, что трансформировалось в 1894 г. в движение вынужденного переселения в Османское государство.

В такой сложной обстановке возникал закономерный вопрос: как в дальнейшем противостоять действиям власти, угрожающим этнокультурой самобытности мусульманских народов? Можно предположить, что выработанная татарскими предпринимателями и духовными лицами тактика заключала в себя подачу в адрес правительства из различных регионов России коллективных ходатайств от имени авторитетных представителей татарского населения с разъяснением чаяний и причин беспокойства мусульманского сообщества и изложением корректной форме конкретных предложений. Петиционная кампания была направлена на восстановление прежнего статуса культурно-религиозной автономии татар и башкир, была направлена на отмену временно приостановленного циркуляра МНП от 10 июля 1892 г., а также других, ранее принятых законов в отношении мусульманских школ и духовенства. Такое впечатление, по крайней мере, создаётся после изучения поступивших в 1894 г. в МВД коллективных ходатайств.

Выехавшие в столицу представители казанской депутации (М. Галеев, Г. Габдулбадигов) летом 1894 г., а также поехавший с ними Г. Баруди удостоились приёма

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 9126. – Л. 2-10.
[2] Там же. – Д. 9603. – Л. 163, 219.
[3] Там же. – Д. 9605. – Л. 15.
[4] *Фархшатов М. Ф.* Указ. соч. – С. 211–212.
[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 1 об.

министром внутренних дел Д. С. Сипягиным и довели на сановника аргументы по поводу необходимости прекращения цензорских правок священных религиозных текстов. Г. Баруди даже считал (1911 г.), что «результатом данной поездки и данных нам объяснений было разъяснение со стороны министерства, успокоившее население, и эмиграция (вынужденное переселение татар в Османское государство. – *И. З.*) прекратилась»[1].

Казанская депутация совместно с прибывшими гласно или негласно в Санкт-Петербург членами делегаций разных общин (всего 14 чел. – предприниматели и духовные лица Казани, Касимова, Иркутска, Оренбургской и Уфимской губерний)[2], назвавшись «депутатами и представителями от магометан разных губерний», не позднее 13 июня 1894 г. составили коллективное ходатайство, в котором квалифицированно изложили большинство аспектов «мусульманского вопроса»[3].

«Депутаты» объявляли своим «нравственным долгом высказать ясно и откровенно» причины опасений единоверцев относительно гарантий власти по соблюдению в дальнейшем их религиозных прав и опровергнуть установившееся в русской печати и правительстве мнение о том, что «тревожное состояние умов» мусульман обусловлено их «фанатизмом», воздействием духовенства. Утверждалось, что в сложившейся ситуации, наоборот, мусульмане винят своих религиозных деятелей в том, что имамы «не стараются отстаивать законные права религии».

В качестве ключевых причин сложившегося положения авторы обращения указали «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г., приводя цитату из этого документа: «Обрусение татар магометан, фанатизируемых многочисленным духовенством, обладающих многочисленными мечетями, магометанскими школами и крепких в своей вере, может быть ведено лишь путём распространения русского языка и просвещения». По мнению авторов записки, слово «обрусеть» понимается мусульманским сообществом «в смысле стеснения религии». Они считали, что в усилении данного контекста свою роковую роль сыграла публикация «Правил» 1870 г. в «Известиях по Казанской епархии» – периодической печати православного ведомства, непосредственно занимающегося христианизаций мусульман.

Просители утверждали, что если появление русских классов при медресе воспринималось как «неестественное явление» в их религиозной системе обучения, то циркуляр МНП от 10 июля 1892 г. было однозначно расценено как «вторжение» власти «в область их религиозных верований». Более того, «уполномоченные» правомерно усматривали в действиях власти политическую подоплёку, назвав этот акт «подозрением в прочности политических взглядов мусульман», что, по их

---

[1] Цит. по: *Салихов Р. Р.* Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. – Казань, 2001. – С. 27.

[2] Под запиской поставили свои подписи: казанские купцы Мухаметрахим Юнусов, Мухамеджан Галеев, имамы Габделкаюм Габдулбадигов, Галимджан Галеев (Баруди); оренбуржцы: торговцы Мирхайдар Курпячев, Хасан Енгалычев, дворянин Шагиахмет Умитиков, имамы Аюб Ибрагимов, Загидулла Кашапов, Мухаметсафа Алабирдин; касимовцы: купец Хабибулла Ханафиев, торговцы Рахматулла Халитов, Акбулатов Назир Бикбулатов; муллы Уфимской губернии Муллахутдин Ахметханов, Мухаммадшакир Габделбаянов; иркутский купец Зайдулла Сайфуллин (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 55 об.).

[3] РГИА.– Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 51–55.

утверждению, глубоко оскорбило верноподданнические чувства единоверцев. Понимая политическую подоплёку проблемы, специально подчёркивали, что в мектебе и медресе «никогда не произносилось ни единого слова, которое бы шло в разрез с видами правительства».

В качестве третьей причины усиления тревоги за сохранение сложившегося порядка просители указали закон от 16 июля 1888 г., в том числе жёсткое требование – знание кандидатами в заседатели ОМДС курса 4-х первых классов гимназий. Признавая объективную необходимость знания государственного языка, авторы отмечали, что прихожане видят в русском образовательном цензе ограничение их свободы выбора «наставников своей веры и исполнителей своих духовных потребностей», потому что в новых условиях «простой татарин, знающий русский язык, имеет более шансов быть имамом, чем лицо, получившее богословское образование».

Четвёртой причиной народного недовольства в записке указывается ограничение в возможности издания священных книг и печатной продукции богословского содержания, ранее издававшихся в полном объёме. Их печатание с сокращениями и вырезками шло в ущерб смыслу и их целостности. Просители оценивали антиисламские мероприятия как проявление подозрения власти к мусульманскому населению, усмотрения его нелояльного отношения к политическому строю[1].

Весьма убедительно изложили свои претензии уполномоченные татарского общества Петропавловска Акмолинской области в своём ходатайстве на имя министра внутренних дел, составленном в августе 1894 г. Прежде всего, они высказали своё представление о свободе вероисповедания, которое, по их мнению, выражалось в позволении мусульманам быть последователями своей религии без каких-либо стеснений в использовании изданий религиозного содержания; в получении религиозного образования подрастающим поколением; в выборе приходского духовенства. Именно по этим критериям они структурировали ущемление своих религиозных прав, гарантированных действующими законами.

Татары Петропавловска категорически заявляли, что «при существующих же стеснениях мусульмане не могут считать свою веру свободной» и объявили неправомерными происки правительства в политической нелояльности мусульман к существующему строю, утверждая, что если бы «наши книги школы заключали в себе что-либо вредное, то это успело бы уже обнаружиться за столь длительное время проживания мусульман в России»; подчёркивали, что «верность и преданность мусульман к русскому царю также безгранично, как и русского населения»[2].

Обращение к международному сообществу. Для обращения к улемам других стран и османскому султану татарским обществом широко использовалось паломничество. До их сведения тревожные ожидания мусульман Волго-Уральского региона доводились пилигримами, миссией которых, видимо, была, помимо совершения

---

[1] С целью «снять» необоснованные подозрения, татарские купцы и муллы подчёркивали: «мусульмане знают, что их верность и преданность царю и России не требует доказательств: она доказана примерами ея в период времени, измеряемой не десятками, а сотнями лет, верность это существует и существовала при наличности тех самых условий, к устранению коих ныне предпринимались различные меры» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 53 об.).

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 82-88.

священной обязанности мусульманина, и своеобразная дипломатическая, курьерская обязанность по специальному поручению группы лиц. Или же пилигримы по собственной инициативе обращались к улемам за поддержкой.

Об одном таком активисте-паломнике казанский губернатор узнал от письма муфтия М. Султанова (9 декабря 1891 г.), который, видимо, таким путём постарался дистанцироваться от международного скандала, показывая свою непричастность к данной акции.

Мулла д. Тяжбердино Нижне-Алькеевской волости Спасского уезда А. Габбязов третье по счёту поломничество совершил по просьбе и на средства казанского купца Исмагила Айтуганова[1]. В Мекке он сообщил местным муфтиям, что в России с разрешения оренбургского муфтия дела мусульман о браках и разводах будут переданы в компетенцию православных священников, из Корана многие места вычёркиваются. Для выражения протеста происходящих в России притеснений в отношении ислама, А. Габбазовым было инициировано проведение собрания улемов Мекки и Медины, где была составлена петиция, с которой он направился в Стамбул к султану[2].

В петиции улемы давали подробную характеристику правовому положению мусульман в России: подчёркивали активизацию миссионерской деятельности православной церкви среди мусульман, оказание официальной властью моральной и материальной поддержки в её миссионерской работе. В своём обращении учёные-улемы просили халифа, султана Абдулхамида II о поддержке своих единоверцев на государственном уровне. Такие факты были не единичны, например, в том же году отставной военный из Казани Джалалиддин Мухаммедов при посещении Стамбула встретился с представителями правительства и рассказал о сложившейся напряжённой ситуации в Волго-Уральском регионе[3].

Нельзя исключить того обстоятельства, что паломничество муфтия М. Султанова в 1893 г. и его встречи в Османской империи с высокопоставленными лицами и авторитетными представителями мусульманского сообщества было санкционированы правительством Александра III как эффективное средство по противодействию различным сообщениям о стеснении ислама в России и разъяснению из первых уст реального правового положения мусульман и о соблюдении их религиозных прав в Российском государстве.

Источники позволяют утверждать, что А. Габбязов действительно выполнял специальные поручения купцов и имамов, оппонентов внутриполитического курса имперской власти. В начале мая 1893 г. он безуспешно обращался к спасскому исправнику с ходатайством о разрешении выехать по своим делам в Стамбул. Полицейский выяснил, что проситель намерен посетить и Мекку, что было запрещено

---

[1] После возвращения из путешествия, он на 10 дней остановился в доме купца Айтуганова, 16 декабря 1891 г. вернулся в родное селение и 18 января вновь выехал к И. Айтуганову (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8601. – Л. 6–6 об.).

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8601. – Л. 1–2.

[3] *Тюркоглу И.* Переселение из Волго-Уральского региона в Османскую империю и его причины (1876–1914 гг.) // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-уральского региона – XVIII–XXI вв.). – Н. Новгород, 2012. – С. 469.

российским поданным в это время (вследствие эпидемии) на основании предписаний МВД от 29 июля 1892 г. за № 129 и от 15 апреля 1893 г. за № 46. Самое главное – спасский уездный исправник через своих информаторов установил, что Габбязов «и солдат Каримов из Чистополя отправляются в Константинополь по поручению съезда мулл и богатых татар, бывшего зимой в г. Чистополе у тамошнего богатого муллы на свадьбе, после случая осмотра чиновником особых поручений г. Михайловым татарского училища. На этом съезде будто бы было решено просить султана о заступничестве по школьному вопросу и даже о принятии некоторых богатых татар в подданство Турции»[1].

Действительно, в феврале в доме чистопольского муллы М. Абдулвагапова состоялась свадьба. На ней состоялось совещание мулл Казанской и Уфимской губерний, в котором принимал участие и А. Габбязов. После совещания было подано прошение на имя министра внутренних дел об освобождении татарских детей от обязательного обучения русскому языку в училищах Чистополя. Казанский губернатор в своем рапорте в Департамент полиции от 17 июня указал, что «четверо богатых татар ездили будто бы в Петербург, один из них, купец Галеев, уполномочен отправиться с подобным же ходатайством к султану»[2]. Видимо, здесь речь идёт о временном купце Х. Галееве, подписавшем в марте 1893 г. в столице коллективное ходатайство.

Оказалось, что А. Габбязов самовольно отправился в Мекку и вернулся домой 9 сентября 1893 г. Он поехал на средства чистопольского муллы М. Абдулвагапова, в Мекке представлялся муфтию М. Султанову, также совершавшему пилигримство[3].

Важно отметить, что татарским издателям ранее удалось известить мировую общественность через лондонскую газету «Times» о преследовании российской цензурой исламской религиозной книги и Корана. Действия цензора В. Д. Смирнова привели к тому, что татары были вынуждены заниматься поисками издательской базы за границей[4].

Таким образом, правительственные меры 1892–1894 гг. по дискриминации мусульман способствовали усилению социальной активности различных мусульманских групп, которые всё смелее ставили свои требования, доказывая противозаконность инициатив правительства, разрушающих основополагающие принципы свободы вероисповедания.

Петиционные кампании продемонстрировали правительству необходимость осмотрительных действий в вопросах регламентации системы религиозного образования

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8601. – Л. 7 об.

[2] Там же. – Л. 23–23 об.

[3] Согласно легенде-объяснению властям, он выехал из Казани в Севастополь, не намереваясь выехать за границу, лишь желая догнать одного знакомого, чтобы поручить ему богомолье за М. Абулвагапова. Догнав его в Севастополе, и узнав, что у знакомого пилигрима имеется своё поручение (по мусульманскому обычаю один человек не может отправляться в Мекку по двум поручениям), решил продолжить путешествие и обратно вернулся через Одессу, во время поездки в России у него паспорт не проверяли (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8601. – Л. 28–28 об.).

[4] *Каримуллин А. Г.* Указ. соч. – С. 120, 124, 140–141.

мусульман. Ходатайства сыграли важную роль в разъяснении власти неправомерности политических обвинений мусульман в нелояльности к самодержавию и бесперспективности поиска в их среде сепаратистских настроений; в доведении негативного отношении населения к резким правительственным мерам по культурной ассимиляции и разрушению автономного культурного пространства татар и башкир с целью формирования национального русского государства. Обращения свидетельствовали о нарастающем движении за сохранение религиозно-культурной автономии и всё более активном вовлечении отдельных групп мусульман в политику, общественную жизнь страны. «Национальные движения мусульман [...] с одной стороны, были попыткой ответить за вызов современной европейской действительности и, с другой стороны, антиколониальной реакцией на давление «цивилизующей миссии», такой соответствующей реакцией, которая обращалась к исламским традициям старого времени и конструировала антиевропейский национализм», – подчёркивает А. Каппелер[1].

Петиционные кампании способствовали приостановке действия циркуляра МНП от 1892 г., пересмотру критериев исправления рукописей мусульманских религиозных книг, составлению списка допущенных к использованию изданий в мектебе и медресе, негласному согласию правительства на оставление в учебных заведениях рукописных пособий (особым совещанием при МНП от 1894 г. было принято решение о допуске рукописных учебных пособий в мектебе и медресе).

В целом, протестное движение татарских и башкирских общин против новых инициатив имперской власти 1890–1892 гг. проявлялся в отказе заведующими школ исполнять предписание чиновников по изъятию рукописных книг; в подаче в различные инстанции прошений с просьбой об отмене или приостановке дискриминационных законов; в движении вынужденного переселения в Османское государство.

---

[1] *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи. – С. 421.

ГЛАВА V

ДВИЖЕНИЯ ВЫНУЖДЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ТАТАР В ОСМАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Движение мухаджиров в 1860-е гг.

В XVIII – 1-й половине XIX вв. миграционные потоки заграницу татар определялись, прежде всего, социальными и религиозными мотивами и были обусловлены сложившимися традиционными торгово-хозяйственными и культурными связями. Важным направлением миграции являлись среднеазиатские государства. В крупных центрах азиатской торговли некоторые татарские купцы имели свои торговые конторы. Более того, важную роль в их успешной торговли на Среднем Востоке играли сформировавшиеся в среднеазиатских городах татарские диаспоры. Часть татар пребывала сюда с целью избежать рекрутской повинности или уголовного наказания, другая часть, задавленная нуждой, в поисках лучшей доли. В начале XIX в. в Бухаре, Самарканде, Хиве, Ширбязе насчитывалось до 5 тыс. беженцев-татар. Они селились компактными группами, как правило, при караван-сараях. Большинство вело полунищенское существование, небольшая часть занималась торговлей и ремёслами. Другую часть татарской диаспоры составляли шакирды в медресе. Известно, что в Бухаре действовали 60 медресе[1].

Переселенцы пребывали в Османское государство не организованно, приезжими лицами в большинстве случаях были муллы, хаджии, мударрисы, шакирды. Мухаджиры обращались за помощью к правительству. В документах Мекки, Медины, Дамаска чаще других упоминались казанские татары. Важную роль в переселениях татар играли пилигримы. Совершение хаджа являлось трудным, длительным и дорогостоящим мероприятием, доступным лишь для состоятельных мусульман Поволжья и Приуралья. С целью создания условий отдыха на пути в Мекку на маршрутах следования паломников состоятельные татары учреждали вакуфы. В 1837 г. один из таких вакуфов учредил Сулейман-ага из Казани. В 1847 г. Мухаммеджан эфенди открыл в Мекке теккэ (дом для дервишей)[2]. В 1848 г. в Мекке появился

---

[1] *Шкунов В. Н.* Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX века. – Самара, 2007. – С. 184–186.

[2] *Тюркоглу И.* Переселение из Волго-Уральского региона в Османскую империю и его причины (1876–1914 гг.) // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-уральского региона – XVIII–XXI вв.). – Н. Новгород, 2012. – С.471–472.

вакуфный дом купца Исхака Юнусова, затем казанских предпринимателей Курбангали Бурнашева, Ибрагима Апакова и др.[1]

На окраинах Российской империи вынужденная миграция в мусульманские страны стала социальным явлением. Прежде всего, массовые миграционные волны наблюдались на территории бывшего Крымского ханства.

По причине новой волны миграции из России после завершения Крымской войны в 1859 г. в Стамбуле была создана государственная комиссия по вынужденным переселенцам из регионов России, был организован их учёт, собирались сведения о мигрантах – мухаджирах[2].

После пленения Шамиля выселение горцев в Османское государство стало частью военно-колониальной политики новой русской администрации. Начавшееся в 1858 г. переселение продолжалось до 1865 г. По официальным данным, историческую родину вынуждены были покинуть 493 тыс. чел.[3]

Причины. В появлении и усилении среди татарского населения намерения переселиться в Османское государство нельзя исключить влияние массовых миграций мусульманских народов юга России в XIX в.[4]

К середине XIX в. места традиционного расселения татар представляли внутренние губернии или «внутреннюю окраину» России, они имели трёхвековой опыт проживания в составе православного государства, были уже интегрированы в сословно-социальную структуру империи.

Нагнетание обстановки вокруг вопроса о предстоящей христианизации мусульман в Волго-Уральском регионе началось в середине XIX в., когда спустя почти два десятилетия мирной жизни после военных действий 1828–1829 гг. отношения между Россией и Турцией вновь перешли «на тропу войны». Татарское население Среднего Поволжья, проживающее в контактных зонах с русскими, было «осведомлено» о причинах войны России против Османского государства. Они утверждали, что в Османском государстве христиане претерпевают «гонение», это обстоятельство стало причиной русского императора добиться справедливости[5]. Начало военных действий татары восприняли как свидетельство серьёзных намерений Николая I, выступавшего в роли покровителя всех православных в мире. Из этого некоторые татары делали вывод о том, что раз в Турции «христиане претерпевают гонения», то правительство «точно также будет поступать» с мусульманами – подданными российского императора.

Появлению таких суждений способствовал ряд «инициатив» российской власти. В 1852 г. Николай I предписал усилить христианизацию «язычников» в Оренбургском крае. На основе определения Синода от 5 сентября 1853 г. в приходы Белебе-

---

[1] *Сибгатуллина А. Т.* Контакты тюрко-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. – М. : Институт востоковедения РАН, 2010. – С.69–70.

[2] *Кылыч А.* Идел-Урал татарларының госманлы жирләренә XIX гасырның 70-нче елларына кадәрге күчешләре // Чын мирас. – 2012. – № 5–6. – 48 б.

[3] *Авксентьев А.* Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1984. – С. 69.

[4] *Кылыч А.* Указ. соч. – С. 45.

[5] Как известно, накануне военных событий, летом 1853 г., российская сторона стала требовать от Османского государства заключить конвенцию, согласно которой российский император становился покровителем всех православных – духовенства и мирян – подданных турецкого монарха, что, естественно, было воспринято как угроза национальной безопасности Османской империи.

евского, Мензелинского и Бирского уездов, в которых расселялись последователи традиционных верований, было дополнительно выделено 15 штатов священников, распространены наставления для христианизации «язычников». В регионе усилилась миссионерская деятельность РПЦ. В частности, в конце 1853 г. в Мензелинском и Бирском уездах были крещены 14 семейств тептярей и марийцев. Это известие способствовало распространению весной 1854 г. в Белебеевском уезде Оренбургской губернии и в Самарской губернии слухов о том, что император предписал насильно крестить «всех мусульман и язычников» в православие[1]. В годы военного лихолетья власть стремилась оперативно «гасить» «брожения» среди мусульманского общества. Под воздействием обращения начальников Оренбургской и Самарской губерний в правительство РПЦ в июне 1854 г. приостановило христианизацию[2].

В начале 1854 г. ряд татарских сельских обществ удельного ведомства Ставропольского уезда Самарской губернии выступил против инициативы местной администрации об установлении кружек для сбора средств с целью оказания помощи крестьянам. Кружечный сбор, характерный для РПЦ и христиан, был немедленно истолкован некоторыми духовными лицами[3] как начало христианизации. В результате чиновникам пришлось отказаться от этой затеи[4]. В данном конкретном случае зримой для мусульман представлялась связь между деятельностью священников и действиями светских чиновников, попытавших распространить на мусульманское население христианские церковные традиции в сфере благотворительности[5].

В периоды войн России с мусульманскими государствами татары-мусульмане воспринимались властью как «неблагонадёжные» поданные, а духовные лица – как «фанатики», учащались «визиты» полиции в татарские медресе, в которых обучались шакирды из разных регионов и селений с целью проверки паспортов на предмет выявления врагов России. Так случилось и в годы Крымской войны. Татары подозревались в содействии турецкому султану – халифу всех мусульман мира. Такое подозрение пало даже на крупного татарского помещика – брата будущего оренбургского муфтия С. Тевкелева – отставного полковника Сандрея Тевкелева, который, отслужив 3 года предводителем уфимского уездного дворянства, вышел в отставку и совершил хадж. В 1853 г. помещик-хаджи вернулся в отчизну, «пустил бороду», стал одеваться в национальную одежду, отказавшись от европейского одеяния. Вскоре появились слухи о его благосклонном отношении к султану, приготовлении им своих крепостных к восстанию, изготовлении в своём имении пороха и т. д. С целью выяснения ситуации в его имении в д. Терся было установление

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 158–159.

[2] Там же. – С. 158–159, 163–164.

[3] В рапорте самарского гражданского губернатора К. К. Грота называется имена Камалетдина Фахеретдинова из д. Тёплый Стан Ставропольского уезда, Ибрагимова из д. Филипповка, «отставного поручика из татар» из д. Тайгельдина (см.: Материалы по истории Татарии... – С. 156).

[4] Материалы по истории Татарии... – С. 156–157.

[5] Чтобы не усугублять ситуацию, по предписанию оренбургского и самарского генерал-губернатора В. А. Перовского было прекращено даже проведение следственных мероприятий по антиправительственным действиям, и власти ограничились устным и конференциальным предупреждением активистов – крестьянина Алтынбая Захретдинова и муллы Фахретдинова, последнего даже не уволив с духовной должности (лишь предупредили, что в случае распространения слухов, будет отстранён от должности) (см.: Материалы по истории Татарии... – С. 157–158).

секретное наблюдение полиции. Среди населения циркулировали также слухи о том, что авторитетнейшей среди татар казанский купец Юнусов «заготавливает порох и передаёт в Турцию» [1].

В периоды военных кампаний татарские сельские чины внимательно следили, чтобы духовные лица во время пятничного намаза совершали молитвы о здравии и благоденствии русского государя и об успехах русского оружия в войне (потому что имелась информация, что будто бы оренбургский муфтий дал тайное указание молиться за турецкого султана)[2].

Руководство Оренбургской губернии считало, что в период Крымской войны местное мусульманское население ожидало, что появятся турецкие войска «для освобождения всех мусульман от ига христианского народа»[3].

Среди татарских удельных крестьян под воздействием различных нововведений удельного ведомства в годы Крымской войны также распространялись слухи о крещении и ухудшении их положении, в успокоении которых большую роль сыграл имам Нижегородской ярмарочной мечети Кушаев, который за свои заслуги перед правительством в 1856 г. был удостоен тарханского звания[4].

Некоторые татарские семьи из Астраханской губернии переселились в Турцию в конце 1850-х гг. [5] В начале 1860-х гг. среди татарского населения Казанской губернии появились слухи об ожидавшемся разрешении Александра II желающим мусульманам переселяться в Османское государство. Согласно сообщению начальника жандармского управления Пензенской губернии от 23 июня 1863 г., в татарской д. Качсисеке Нижне-Ломовского уезда также ходила молва о переселении в Турцию по примеру казанских татар, которые якобы выжидают только распоряжения о том, на каких «прогонах» им поехать. По мнению местного муллы Салямова, слух этот исходил от бывшего уроженца д. Кикино Чембарского уезда Мухаммеда Садыкова, переселившегося в Астраханскую губернию и сообщавшего, что указ о переселении уже получен в д. Чекурче Черноярского уезда Астраханской губернии[6].

Одно из первых известных нам известий о намерении мусульман массово переселиться из исторической родины была связана с административной реформой в Приуралье, а именно отменой кантонной системы управления и упразднением башкирского иррегулярного войска, состоящих из мусульман, превращением мещеряков, башкир и тептярей в сельских обывателей, т. е. в крестьян. Реформы породили различные слухи, в которых отчётливо выражались опасения местного

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 159–161.

[2] Там же. – С. 161–162.

[3] Такие категоричные заявления они делали на основании отдельных фактов. В частности, в июля 1854 г. во время поездки по Челябинскому уезду мулла Бирского уезда Исхак Сеид Ягоферов после общественной молитвы в мечети д. Исянгильдиной обратился к местному мулле со следующими словами: «Ахун, молитесь за здравие султана Абдул-Меджида и пашей его. Дабы они остались победителями». Затем, обратившись к мусульманам, он заявил, что послан в Оренбургский край «от турецкого султана быть государем, что в бытность его в Челябе все власти, казаки подчинились ему, что все распоряжения русского правительства уничтожены и действие армии приостановлены» (цит. по: Материалы по истории Татарии... – С. 196–197).

[4] Материалы по истории Татарии... – С. 444.

[5] *Кылыч А.* Указ. соч. – С. 51.

[6] ГА РФ. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 40. – Л. 1–1 об.

населения по поводу предстоящих перемен. По мнению руководства Оренбургской губернии, якобы во многом стараниями духовенства среди мусульман региона распространялись слухи о намерении правительства после реформы отобрать у башкир вотчинные земли, распространить на бывшее военно-служилое сословие рекрутскую повинность (которую до этого времени исполняли представители податного сословия), обратить в христианство[1].

Специально следует пояснить относительно слухов о предстоящей христианизации. В XVIII – первой половине XIX вв. Приуралье считалось «внутренней окраиной», поэтому здесь христианизация мусульманского и языческого населения не осуществлялась, как это происходило в Среднем Поволжье. Теперь, после введения единых законов, по их мнению, следовало ожидать активизации миссионерской деятельности РПЦ. Эти слухи породили среди башкир, мещеряков и тептярей желание переселиться в Турцию или в Сибирь для зачисления в казачье сословие[2].

Согласно сведениям исследователя Агнесс Кефели-Клай, перед Крымской войной в 1865 и 1867 гг. среди чувашей и марийцев Самарской губернии можно было увидеть бродячих суфиев и мулл, которые уговаривали уехать в Турцию в ожидании дня воздания. Они «следовали традиции хиджры, которой начало дал пророк Мухаммед, когда в 622 году противники заставили его бежать из Мекки в Медину. Они провозглашали наступление конца света при полной победе ислама, страстными речами воскрешали в памяти людей пророчества махди (своего рода Мессии или Спасителя), который по преданиям восстановит справедливость на земле в конце света. Турецкий султан, по их мнению, завладеет мусульманскими землями и восстановит Казанское ханство»[3].

Отдельные действия представителей духовной и светской власти также способствовали усилению социального напряжения среди мусульман. В этой связи интересным представляются размышления российского посланника в Константинополе графа Г. П. Игнатьева, который в 1865 г. отмечал, что и ранее российские мусульмане из Поволжья совершали хадж, однако до этого времени каких-либо намерений переселения не было. Причины этого явления, по его мнению, заключались в местном факторе в лице чиновников и внутриполитическом курсе государства: «Административные действия наши, способ управления, должны иметь преобладающее влияние на умственное настроение мусульманского населения, живущего на русской почве»[4].

Важно отметить, что историческую родину оставляли и некоторые известные мударрисы и имамы, которые считали, что в условиях православной России невозможен прогресс ислама, поэтому лучше жить в мусульманской стране. Одним из таких видных улемов, покинувший отчизну, был известный мударрист Мухаммад Габделкарим-хазрат, который после обучения в Бухарском медресе 23 года препо-

---

[1] Как показали события ближайшего десятилетия, эти слухи оказались не беспочвенными: мещеряки, тептяри, башкиры стали исполнять воинскую повинность, самодержавие повело политику разграбления башкирских вотчинных земель, велась активная русская колонизация края.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 197.

[3] *Кефели-Клай А. К.* Народный ислам у крещёных православных татар в XIX веке // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М., 2005. – С. 544, 569.

[4] Материалы по истории Татарии... – С. 216.

давал в медресе д. Иж-Бобьи и подготовил около 500 учеников. Он обустроился в Османском государстве в 1863 г. со своей семьёй из 7 человек. Однако казанский ахун Ш. Марджани не поддерживал такие упадочные настроения. Мусульманский богослов считал, что при условии проведения соответствующих реформ в России возможен прогресс и развитие мусульман[1].

В 1865 г. жандармерия выведала по почтовой корреспонденции духовных лиц, поддерживающих связь с родными или односельчанами в Турции[2]. Согласно тайному дознанию полиции, в Казанской и Симбирской губерниях призывы к переселению, чтобы избежать христианизации, звучали из уст бывшего муэдзина д. Чечкаб Свияжского уезда ишана А. Алкина и его муршида – муллы д. Альметево Чистопольского уезда Атауллы Негматуллина[3]. Помимо номинальных христиан – новокрещёных татар, суфии призывали к переселению бывших лашманов, которые после приписки в 1860 г. в государственные крестьяне начали исполнять рекрутскую повинность. Говорилось, что в Османском государстве они будут освобождены от воинской повинности и от платежа податей[4].

Свою агитацию суфии начали в конце 1864 г. В октябре мулла д. Альметево А. Негматуллин и муэдзин д. Чечкаб Абдуллатиф Алкин с жёнами и сыновьями были на ярмарке в Буинске[5]. По приглашению ряда «мулл и некоторых жителей» они посетили населённые пункты Наратбаш, Биклямур, Чирки Буинского уезда; Кильдурасово, Ахтямово, Быковка, Каменный Брод, Исаково, Аюкутурган, Берлибаши Свяжского уезда. В последнем селении к ним присоединился местный мулла Сайфутдин Якупов. Затем (в январе 1865 г.) вновь отправились по селениям Свияжского уезда (Альмендерово, Атабаево, Курмаши, Альметево, Атабаево, Курмаши). В д. Бурундуки к ним присоединился мулла Измаил Тохватуллин. Группа религиозных деятелей посетила населённые пункты Наратлы, Карашам, Мамадыш-Салтыганово, Тявгильдино, Верхние Ураспуги и Молвино Свияжского уезда, Акзегитово Цивильского уезда, Янгильдино Чебоксарского уезда. Как правило, они останавливалась в домах богатых татар на 1–2 сутки, совершали намаз в мечети, получали от некоторых жителей подаяния. Из Молвино А. Негматуллин с семьёй в сопровождении А. Алкина уехал в Казань[6].

Мотивацией миграции татарского населения ряда уездов Казанской губернии и Буинского уезда[7] Симбирской губернии являлись намерение правительства обратить

---

[1] *Кылыч А.* Указ. соч. – С. 58.

[2] В мае 1865 г. в Саратовской губернии таким был признан мулла Зейнетдин Биккулов, получавший письма по вопросам миграции. Мулла д. Вершаут Петровского уезда Мухамедмебих Давыдов той же губернии в своём письме из Турции предлагал своей жене продать имущество и переехать с детьми в Османского государство на постоянное жительство. В Симбирской губернии в агитации были замечены муллы д. Малой Цильны Симбирского уезда Айзетулла Ибетулов и д. Маклауш Сафетдин Мардеев (см.: Материалы по истории Татарии... – С. 214–215).

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 270. – Л. 54–55 об.

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 211. – Л. 1–1 об.

[5] Во время беседы с свияжским уездным исправником А. Алкин заявил, что он обязан отцу А. Негматуллина своим обучением грамоте, а самому А. Негматуллину – обучением сына.

[6] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2111. – Л. 46 об.–49 об.

[7] В Буинском уезде желающие переселиться брали годовые или полугодовые паспорта на отлучку под предлогом занятия торговлей (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2111. – Л. 1 об.).

мусульман в христианство, особенно данная ситуация волновала новокрещёных татар, возвратившихся в ислам, которые, по сути, теряли последнюю надежду свободно исповедовать религию предков. Подтверждением нового внутриполитического курса российской власти, направленного на христианизацию, воспринималось распространение на бывших лашманов рекрутской повинности. Кажется, немаловажное значение имели также распространившаяся среди населения информация о массовых переселениях крымских татар и горцев из России, а также случаи отъезда односельчан, сообщавших в своих письмах о существовании в Османской империи государственной поддержки для мухаджиров[1].

Движение миграции носило скрытый характер. Нам известны лишь несколько случаев открытого заявления татарами о своём намерении покинуть историческую родину. В частности, 14 крестьян-домохозяев (по 10-й ревизии 46 душ мужского пола и 58 душ женского пола) д. Новой Медяны Курмышского уезда Симбирской губернии (не позднее 14 февраля 1865 г.) обращались к министру внутренних дел П. А. Валуеву о разрешении переселиться в Османское государство. Своё желание оставить родину они в завуалированной форме объясняли тем, что там мусульманскую веру можно будет исполнять «в точности и каждогодно»[2].

Татарские крестьяне, намеривавшие уехать из России, как правило, действовали конфиденциально, не афишируя свои планы[3].

На основании круговой поруки члены поземельной общины были обязаны исполнять повинности перед государством и платить налоги. Накануне отъезда эти вопросы решались в частном порядке: путём передачи душевых наделов родственникам или другим лицам с тем, чтобы они вносили за них налоги, сдачи в аренду до следующего коренного передела. Особенно болезненно на переселение односельчан реагировали главы семейств, на иждивении которых находились сыновья призывного возраста – в случае отъезда из села молодых людей, подлежащих воинской службе, нести рекрутскую повинность должны были их сыновья. Четверо крестьян д. Татарский Толкиш заявили 26 апреля полиции о намерении 13 глав семей, главным образом, «людей достаточных», о получении паспорта на отлучку с целью тайного выезда заграницу и распродажи своего имущества[4]. Видимо, немаловажную роль в их поступке сыграл отъезд в 1864 г. из деревни 9 семей, которые также отправились в Османское государство под предлогом отъезда на заработки[5].

Слухи о ожидаемой христианизации также влияли и на новокрещёных татар. В условиях запугивания суровыми мерами наказаний, Османская империя представлялась им страной, где они могли свободно исповедовать религию своих предков. Некоторые татары Тетюшского уезда также намеревались переселиться в Осман-

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 2111. – Л. 32–32 об.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 213.

[3] В частности, о намерении крестьянина Негаметуллина уехать в Турцию в д. Татарский Толкиш узнали после его ссоры с женой, отказавшейся покинуть родное селение и запросившей у мужа разводную. Лишь спустя 6 месяцев после возвращения своего паспорта на отлучку, бывший тесть вернул ему дочь и состоялся новый никах между ними.

[4] Они собирались ехать не в Одессу, а в Таганрог, куда удобней было добраться на хлебных баржах.

[5] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2111. – Л. 60–60 об.

ское государство и Бухарию[1]. В марте 1865 г. под впечатлением слухов о христианизации группа крестьян Тетюшского уезда приезжали во вторник на базар в с. Шонгуты за новостями об ожидавшемся крещении. В феврале 6 крещёных татар и 1 мусульманин д. Байряшево получили в Шемякинском волостном правлении «годовые паспорта». К моменту изъятия у них отпускных документов спустя несколько недель, у одного из них домашние строения и скот были уже распроданы. Были изъяты также «годовые паспорта» на отлучку у 3 крещёных татар и 1 мусульманина из д. Алабердино[2].

Единичные случаи продажи имущества наблюдались в Ульяновской волости Свияжского уезда (д. Акилово)[3], а так же в Спасском уезде (д. Верхнее Никиткино)[4], полиции стали известны лица из д. Азеево и Ерыклы, также собиравшиеся уехать заграницу[5].

Для противодействия движению мухаджиров, губернские власти в марте 1865 г. дали указание чистопольскому и тетюшскому уездным исправникам[6] о запрете выдавать «паспорта на отлучку». Казанский губернатор 6 мая 1866 г. предложил местной палате государственных имуществ вручать крестьянам паспорта «с крайней осторожностью»[7].

Как правило, татары уезжали небольшими группами – по несколько хозяйств. В апреле-мае 1866 г. эмигрировали 5 семей из д. Новые Бараны, 4 семьи «людей состоятельных» из д. Новые Салманы Спасского уезда[8]. В Чистопольском уезде из 95 человек, подозревавшихся полицией в намерении эмигрировать, 16 уехали с семьями (10 – из д. Татарский Толкиш), распродав имущество[9]. До изъятия паспортов весной 1865 г. отдельные семьи успели покинуть родные селения в Свияжском, Тетюшском, Свияжском уездах[10].

Скрытая эмиграция не прекращалась и в последующие годы. В частности, в 1866 г. в д. Ерыклы Чистопольского уезда и д. Чешинский Мамадышского уезда на сельских сходах были избраны доверенные для поездки в Османское государство с целью подготовки удобных мест для переселения односельчан. Такие решения принимались «из-за правительственного притеснения, заставляющего принимать православную веру». Доверенный сельского общества д. Чешинский остался с семьёй в Турции, а другой вернулся через полгода в родное селение. На сельском

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2111. – Л. 54.

[2] Там же. – Л. 54–56.

[3] В частности, чиновник палаты государственных имуществ по наблюдению за волостями Петухов 17 апреля 1865 г. доносил, что в д. Акиловой отобрал полученный 26 января 1865 г. «паспорт на отлучку» у крестьянина Хайбуллы Губайдуллина, собиравшегося уехать в Турцию и продавшего уже имущество своему односельчанину (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2111. – Л. 30–30 об.).

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2111. – Л. 11,12, 28, 32–33, 40–41 об., 59–61 об.

[5] Там же. – Л. 61.

[6] Там же. – Л. 71–77 об.

[7] Там же. – Л. 68 об.

[8] Там же. – Л. 1–1 об., 45–68 об.

[9] Там же. – Л. 75–77 об., 80.

[10] Там же. – Л. 71–77 об.

сходе было принято решение о сборе с каждой души по 20 коп. и определении трёх сборщиков. Собранные деньги были переданы старообрядцу-оружейнику на изготовление ружей на случай самообороны во время длительного путешествия[1]. Переселение планировалось на 1869 г.[2]

В движении мухаджиров власти старались найти «турецкий след». Получив в 1865 г. информацию о якобы разъездах по татарским селениям турецких эмиссаров, ещё до выяснения достоверности этих сведений правительство через внешнюю дипломатическую миссию обратилось к османской стороне за объяснением. Турецкий министр А. Али-паша заявил российскому посланнику в Константинополе графу Г. П. Игнатьеву (18 мая 1865 г.) о том, что Стамбул никогда не посылал эмиссаров живучим в России татарам, и предположил, что это могут быть люди, которые за определённую плату со стороны духовенства Мекки и Медины, призывают совершать хадж[3].

В декабре 1867 г. власти обнаружили «турецких эмиссаров», которые разъезжали по татарским деревням. Оказалось, что один из арестованных в д. Тимошкиной Сибирской губернии оказался мигрировавший 3 года назад из России сын муллы д. Чербулат Вольского уезда Саратовской губернии Камалетдин Хафизов, имевший турецкий паспорт, а его попутчик был турком[4]. Их выдал мулла д. Сойман Сызранского уезда, которому они будто бы сообщили, что собираются поехать в Симбирск и Казань и призвать единоверцев переселиться в Османское государство[5].

В связи с наблюдавшимся среди татар «поволжских губерний» стремлением к переселению в декабре 1866 г. МВД приняло решение «отклонять путешествия магометанских духовных лиц в Мекку и Медину»[6].

Таким образом, массовые миграции мусульман в середине XIX в. из Крыма и с Северного Кавказа, репрессии полиции в отношении возвратившихся в ислам крещёных татар, в целом внутриполитический курс Николая I, направленный на усиление миссионерской деятельности РПЦ, религиозная ментальность татарского населения, хвалебные отзывы хаджиев (паломников) о хорошей жизни в Османском государстве подготовили благодатную почву для того, чтобы суфийские шейхи воздействовали на настроения крестьян, формировали «брожение», общественную напряжённость среди мусульман Волго-Камья, что способствовало переселению небольшими группами из 5–8 семей в Османскую империю под защиту самого халифа.

---

[1] Полученные от старообрядца-оружейника ружья передавались на временное хранение крещёным татарам селений Старая и Новая Мочалкина.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 766. – Л. 89–90 об.

[3] Материалы по истории Татарии... – С. 215–216.

[4] Посетили селения Яковлевка (5 дней прожили), Сулеймановка (2 дня), Сейновка (3 дня), Бегеево, Елгаш Кузнецкого уезда. Задержанные объяснили, что занимались чтением Корана и толкованием его. Согласно расследованию властей, они рассказывали, что жизнь в Османском государстве несравненно лучше, чем в России, а в д.Сейновке даже убеждали местных жителей приехать жить к ним.

[5] Материалы по истории Татарии... – С. 218–220.

[6] Там же. – С. 449.

Эмиграционные процессы в 1890-е гг.

К началу 1890-х гг. в сознании народных масс Оренбургского края укоренилось устойчивое мнение о том, что ислам преследуется правительством, что приходское и высшее духовенство являются прислужниками власти, поэтому они не отстаивают интересы религии. Такое суждение основывалось на ряде событий: 1) требование от мулл русского образовательного ценза; 2) цензурные «стеснения» религиозных изданий в 1890–1892 гг.; 3) циркуляр МНП от 10 июля 1892 г.; 4) подчинение мектебе и медресе инспекторам народных училищ (предписание МНП от 30 июня 1892 г.); 5) смещение без основательных причин некоторых мударрисов в Стерлитамакском уезде, закрытие медресе в Илецке, исключение большой группы шакирдов из медресе поселения ханская Ставка Букеевской Орды (Астраханская губерния).

В 1892 г. командование Оренбургским казачьим войском издало приказ о закрытии всех мектебе и медресе в татарских посёлках, недовольство мусульман в скором времени трансформировалось в движение переселения в Османскую империю. Антиисламские действия руководства иррегулярного войска спровоцировали волнения в Оренбургском уезде и в соседних уездах Уфимской губернии.

Реализация циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. началась в Оренбургской губернии – ряд сельских обществ начали составлять общественные приговоры и ходатайства на имя губернатора о выдаче заграничных паспортов для переселения в Османскую империю, причём некоторые ставили ультиматум, если не отменят деляновский циркуляр, то оставят Россию навсегда[1].

6 апреля 1894 г. оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска В. И. Ершов (1892–1899 гг.) распространил печатное объявление, в котором старались доказать безосновательность слухов, утверждался об отсутствии у власти намерения крестить мусульман, угрожал расправой распространителям слухов[2].

Г. Баязитов писал, что вследствие появления циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. и удаления цензором текстов из Корана и религиозных книг между мусульманами распространилась «паника от ожидания, что русское правительство под предлогом каких-то недоразумений против медресе желает собственно путём уничтожения книг разрушить весь старый культ магометан, подвергнув их насильственному обручению, которое, по понятиям магометан, рисуется ими только в форме крещения в православную веру. При виде возвращённых замаранных книг своих, население магометанское не сомневалось уже в своём умозаключении и последствием этого [...] явилось стремление к переселению из России...»[3].

Через своих корреспондентов И. Гаспринский чувствовал пульс общественного настроения мусульман различных регионов империи. Он сообщал в МВД, что «[...] движение основывается на религиозных мотивах и, следовательно, грозит не

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 4 об. – 5. 92 об.
[2] Там же. – Л. 47.
[3] Там же. – Л. 166.

только захудалым канонически, но и той части населения, которое живёт в достатке. И, пожалуй, последнее более, чем первым»[1].

В качестве причин волнений мусульманского населения И. Гаспринский называет изменение содержания религиозных книг, распоряжение МНП о запрете учится в духовных училищах по рукописным книгам или по печатным зарубежным изданиям и его отсрочку до начала 1895 года[2].

Думается, что определённую роль после голодных 1891–1892 гг. в мотивации к переселению играло ухудшившееся экономическое положение крестьян. Между тем правительство Османского государства предоставляло мухаджирам определённые льготы от уплаты налогов, выделяло землю, денежное пособие на обзаведение хозяйством на новом месте. Об этом мусульмане узнавали из писем своих родственников или односельчан[3].

Позитивную роль в благоустройстве переселенцев в Османской империи играл государственный министр Мехмед Кани-паша, татарин, уроженец Пензенской губернии, начавший карьеру с должности переводчика и постепенно ставший влиятельным чиновникам во времена правления Абдулазиза (1861–1878 гг.) и Абдулхамида II (1876–1909 гг.). Он успешно занимался финансово-хозяйственными делами, таможенной службой. Поддерживал хорошие политические отношения с Францией и Россией, был награждён орденами Почётного легиона 2-й степени и Станислава 1-й степени[4].

Массовый слух о христианизации среди мусульман Самарской губернии распространился после того, как оренбургский полицмейстер на основе предписания МВД

---

[1] «Можно бы предполагать, что переселенческое движение мусульман возникает вследствие неурожаев и местного оскудения, но на это жалоб нет. Все сведения об истоках ухода из России сводятся опасению мусульманского населения, что в дальнейшем исповедание магометанства в России и изучение его ограничивается и позже будет воспрещено!» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 3. – Д. 791. – Л. 64).

[2] Таким образом, делает вывод И. Гаспринский, «эти распоряжения, преследующие лишь государственную пользу без всякого желания посягать на исповедание мусульманских жителей страны, вылились на практике в такую форму, что с роковой для простого человека последовательностью как бы говоря ему: твои книги печатать не дозволяют; покупать их заграницей запрещают; учить по рукописям, как было до распространения печати, также не допускают, и в то же время духовников твоих заставляют учится по-русски и самого тебя призывают к тому же. При таком представлении верующий, несведущий мусульманин легко теряет голову и недоверие, опасение его быстро развивается» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 3. – Д. 791. – Л. 64 об.– 65).

[3] Например, переселенец А. Усманов, ранее проживавший в д. Урсалыбашево Алькеевской волости Бугульминского уезда Самарской губернии, сообщал: «...житьё в Турции хорошее. Землю дают даром, выбирай, где угодно, лишь придётся платить за работу землемеру. Вообще никакой жизни и нельзя лучше найти. Кормят бесплатно белым хлебом, изюмом, пловом и дают кофе, даже наших собак кормят белым хлебом; на обработку полей дают быков, овец, все принадлежности хозяйства и даже мельницы [...] Виделся с османским пашой и Халифом, которые крайне сожалеют о нашем положении [...], а потому примут нас в своё подданство сколько угодно и даже сам Халиф подарил мне денег» (цит. по: *Гусева Ю. Н.* Миграции средневолжских мусульман на рубеже XIX–XX вв.: причины, обстоятельства, последствия (из истории общин Самарской и Нижегородской губерний) // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). – Н. Новгород, 2012. – С. 249).

[4] *Төрекуглы И.* XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы төрек-татар багланышлары // Чын мирас. – 2013. – № 2. – 6–8 б.

от 27 июня и 3 августа отдал приказ, который был напечатан 22 августа 1893 г. в газете «Оренбургский листок» об изъятии из мектебе и медресе книг религиозного содержания, изданных за границей. В цензурном просмотре издаваемых в России книг по исламскому вероучению, в том числе Корана, мусульмане также усматривали возможность изменения текста священной книги. Татарское население Оренбурга приобрело большое количество номеров данного периодического издания от 22 августа и распространили среди единоверцев Оренбургской, Уфимской и Самарской губерний. Приказ чиновника полиции был оценён как установка на постепенное упразднение татарских школ и стремление российской власти к ослаблению ислама. Поскольку в школах обучались исламскому вероучению и Корану и не имелась литература, в которой выражалось враждебное отношение к Российскому государству, а преподавание вели назначенные правительством духовные лица, мугаллимы, мусульмане пришли к неутешительным выводам относительно перспектив свободы вероисповедания в России. Изъятие в 1893 г. из ряда исламских учебных заведений Оренбургской губернии изданных заграницей и официально недозволенных российской цензурой печатных книг, а также рукописных книг было воспринято татарами как устранение из учебного процесса всех без исключения учебных пособий, предназначенных для религиозного обучения, с целью заставить татар получать образование в русских школах. На этой основе стали циркулировать слухи об обязательном с 7-летнего возраста обучении татарских мальчиков в русской школе.

Как следствие событий 1893 г. следует оценивать новые волнения среди мусульманского населения Самарской губернии, произошедшие в 1894 г. Причины волнений, согласно расследованию полиции и личному наблюдению самарского губернатора, заключались, прежде всего, в «неверном толковании» татарами правительственных распоряжений, направленных на установления наблюдения, контроля над мектебе и медресе, а также в «некоторой степени» в «насмешках православных лиц над мусульманами по поводу предстоящего будто бы крещения татар»[1]. Другой важной причиной была указана позиция приходского духовенства, тревожившегося каждый раз, когда, по их мнению, действия властей создают угрозу исламу. В такой напряжённой обстановке любая оплошность, допущенная русскими чиновниками, давала повод к подобным размышлениям и приобретала значение неоспоримого доказательства об антиисламских намерениях властей. Именно такой резонанс приобрела среди мусульман Самарской губернии вкравшаяся ошибка в запасно-отпускном билете солдата-татарина, где было написано, что владелец билета является лицом православного вероисповедания. Мусульмане, не допуская возможности какой-либо оплошности при заполнении документа, связывали его с намерением правительства обманным путём крестить татар[2].

При сборе полицейскими чиновниками в 1894 г. в Самарской губернии предварительной информации о населённых местах в рамках подготовки к предстоящей Первой всеобщей переписи 1897 г. крестьяне-мусульмане отказались давать какие-либо сведения из-за боязни, что эти материалы впоследствии могли использовать

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 59–59 об.

[2] *Загидуллин И. К., Гибадуллина Э. М.* Указ. соч. – С. 283–284.

для христианизации[1]. Напряжение усилилось после ознакомления с напечатанным в «Церковном вестнике» (1894, № 1) отрывком из отчёта Синода, где указывалось, что, по мнению епископа Уфимского и Оренбургского, «для борьбы с мусульманством и ограждения инородцев от растлевающего влияния мусульманской пропаганды необходимо принятие особых мер для более усиленной миссионерской деятельности». Эта информация была воспринята как официальное правительственное распоряжение, укрепила мнение об отсутствии перспектив свободного вероисповедания в России и усилила решимость уехать в Османское государство. В 1894 г. в Богдановской, Любимовской и Юмрань-Табынской волостях Бузулукского уезда, а также Спиридоновской волости Бугульминского уезда в связи со слухами о предстоящей христианизации, предварительными мерами к которой со стороны правительства якобы и была предстоящая перепись населения, наблюдались случаи распродажи имущества и сбора денег для переселения из России. При последующем расследовании выяснилось, что переехать в Турцию собирались люди бедные, имеющие лишь избу и ограниченное количество домашнего скота. В случае получения разрешения на переселение они намеревались продать своё имущество, земельный участок передать обществу или отдать в счёт недоимок[2]. В 1894 г. 94 домохозяина из 1-го полицейского участка Бугульминского уезда обращались министру внутренних дел о переселении в Османскую империю (среди которых значатся и жители д. Альметьево)[3].

Меры по успокоению населения. В апреле 1894 г. циркуляр уфимского губернатора Н. Х. Логвинова, помимо распространения среди мусульманского населения, был напечатан в столичных газетах «Гражданин» и «Московские ведомости». Начальник губернии писал: «Все жители Русской империи одинаково дороги Государю Императору нашему, о всех он равно заботится. Мусульмане не должны верить злодеям. Не должны бояться крещения, переселения, изъятия земли, так как ничего этого не будет, все веры в России охраняются законом крепко». Со своей стороны, И. Гаспринский в газете «Тарджеман» также призывал единоверцев: «Грешно будет верить глупейшим слухам и тревожиться, когда во внимание к мусульманам с высоты рождаются слова правды неприкосновенности ислама и милости»[4].

МВД считало, что нельзя допустить переселения «работающего и мирного населения», так как «трудно было бы заменить кем-нибудь мусульманских кочевников, занимающихся скотоводством и воспитанием верблюдов, к чему русское население никакого расположения не имеет». Кроме того, «наше обаяние в глазах мусульман Средней Азии и Индии» основывалось на представляемой им свободе вероисповедания[5]. О возникшем миграционном движении татар в Турцию министр внутренних дел доложил Александру III, который предписал: «[...] остановить и успокоить население»[6]. С последней декады апреля 1894 г. губернаторы,

---

[1] ГАСО. – Ф. 3. – Оп. 10. – Д. 1097. – Л. 82–87.
[2] ГАСО. – Ф. 3. – Оп. 233. – Д. 1373. – Л. 2–10.
[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 807. – Л. 181–182.
[4] Успокоение // Тарджеман. – 1894. – № 23. – 19 июня.
[5] *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – СПб. : ЛИСС, 1998. – С. 153.
[6] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 28–28 об.

жандармерия, оренбургский муфтий сосредоточили свои усилия на исполнении предписания императора[1]. В частности, начали привлекать к ответственности агитаторов, уездная администрация была подключена к разъяснению неосновательности слухов о христианизации, было распространено печатное объявление, опровергающее молву о намерении правительства крестить мусульман, запрещено публиковать в периодической печати материалы, касающиеся причин тревожного состояния мусульман и могущие ещё больше усилить волнения; уездным исправникам и приставам предписывались соблюдать в общении с татарами и разъяснении «осторожность и осмотрительность»[2].

Большую роль в успокоении населения сыграл муфтий М. Султанов. Он составил обращение к духовенству, разослал его в махалли Уфимской, Оренбургской, Самарской, Казанской и ряда соседних губерний, выезжал в населённые пункты Уфимской губернии, разъясняя незыблемость религиозных прав мусульман в России, вызывал для собеседований некоторых духовных лиц из губерний. По собственной инициативе он с 9 июля по 3 августа посетил селения Оренбургской губернии, в которых происходили волнения. Согласно сведениям муфтия М. Султанова, главными центрами переселения оказались станицы Нижеозёрская, Татищевская, Причестинская ОКВ, а также крестьянские и башкирские селения Имангуловской, Белоозёрской и Калинской волостей Оренбургского уезда: Иманулово, Юзеево, Мустафино, Ново-Мусино, Яфарово и другие. На момент посещения муфтием из посёлка Зубочестинское II уехали 13 семейств, Чесносовки – 20, Рычковского – 5 семей, в других селениях наблюдались лишь отдельные случаи[3]. К этому времени переселение уже прекратилось: доверенные, возвратившиеся из Османского государства, сообщили единоверцам, что особых льгот там не предоставляют и даже не будут принимать без предварительного соглашения с Россией.

Информация о намерении части мусульман Оренбургского края эмигрировать доходила до других регионов по двум каналам: 1) уезжающие – уроженцы других уездов – перед отъездом в Турцию приезжали в родные края, чтобы попрощаться с родными, рассказывали об общественной ситуации в крае или же писали письма; 2) с ссылкой на ситуацию в Оренбургской губернии распространялись прокламации «о грядущей опасности для ислама» и необходимости противодействовать открытию русских училищ[4].

Если до этого переселение осуществлялось тайно на основании полученных паспортов на отлучку или под предлогом паломничества, то теперь впервые приобрели правовую основу – через посредников частью желающих переселиться были составлены коллективные прошения с указанием фамилий и имён глав семей,

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 29–30 об., 33.

[2] Там же. – Л. 45–45 об.

[3] В 1943 г. Г. Исхаки посетил расположенной близ Эскишехира д. Корыоек, где проживали переселившиеся из России татары. Согласно их сообщениям, они ранее проживали в казачьих населённых пунктах Старые Зубачи (Казаклар) и Новые Зубачи, Татищево, Чесноков, Тукмак. Помимо них здесь также проживали бывшие уроженцы селений Уфимской, Пермской губерний и Семипалатинска (см.: *Фәйзуллина Ф.* Милләт язмышын кайгыртып... (Г. Исхакый көндәлеге) // Чын мирас. – 2014. – № 4. – 66 б.).

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 9602. – Л. 28–30, 35–37 об., 45–45 об.

их численности и места проживания, которые подавались в соответствующие органы Османской империи. Затем эти данные через турецкие консульства поступали в МИД и губернские администрации. Российские власти старались «препятствовать выезду» мухаджиров.

Из Казанской губернии, главным образом из Чистопольского (8 селений) и частично Спасского уездов, к султану официально обратилось несколько сот татарских семей. При расследовании выяснилось, что в 1893 г. поводом к переселению послужили прокламации о предстоящей христианизации и слух о том, что с 1896 г. в селениях откроют школы, в которых будет проводиться обязательное обучение русскому языку детей с 8-летнего возраста. Сформировалось убеждение, что эта мера приведёт к постепенному охлаждению отношения детей к исламу и к смене вероисповедания. Распродажа имущества усилилась после получения информации о предоставлении переселенцам значительных плодородных земельных угодий, льгот и погашении османским правительством их задолженности перед российским государством. Весной 1894 г. около 40 семей из Чистопольского уезда тайно выехали из России[1]. На местных жителей сильно повлиял отъезд муллы д. Нарат-Илга Мухаметвалеева, хотя он в своих письмах из Турции правдиво информировал односельчан о трудностях, с которыми сталкиваются переселенцы: «Советую желающим переселиться – терпеть, потому что в этом государстве торговля очень плохая, сколько тысяч людей, приехавших сюда, ни один не может порядочно заняться делом. Горестную ведут жизнь. Если во всех медресе в деревнях прикажут учиться по-русски, то в этом большого вреда нет, такие вещи и здесь увидим», – предупреждал и добавлял, что «если власти не касаются религии, то переселяться не стоит»[2]. В 1896 г. были приговорены к заключению на несколько месяцев трое крестьян Чистопольского уезда за «подстрекательство к недозволенному оставлению отечества»[3].

Переселение предполагало предварительное решение экономических вопросов с крестьянской поземельной общиной, в том числе по уплате накопившихся недоимок по налогам. Примечательно, что после получения от уехавших односельчан писем, не подтверждающих обязательство Османского государства о погашении задолженности мигрантов, переселение в 1895 г. почти прекратилось. Безусловно, свою роль сыграли и разъяснительная работа властей, и изъятие у крестьян паспортов на отлучку. В результате из 363 семей, ходатайствовавших перед турецким правительством о переселении, сумели уехать лишь 9[4].

В 1894 г. 94 домохозяина из Бугульминского уезда Самарской губернии обратились в МВД с просьбой о разрешении переселиться в Османское государство[5]. В апреле губернатор А. С. Брянчанинов объездил Бугульминский и Бугурусланский уезды, пытаясь доказать необоснованность слухов о христианизации, посетил

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 9602. – Л. 25; Д. 9603. – Л. 17–17 об., 45–45 об.
[2] Там же. – Д. 10050. – Л. 4.
[3] Там же. – Д. 11399. – Л. 72–73.
[4] Там же. – Д. 9602. – Л. 71–71 об., 77–78.
[5] ГАСО. – Ф. 3. – Оп. 10. – Д. 1097. – Л. 82–83.

25 татарских селений[1]. Поездка сыграла положительное значение в успокоении местного населения. По мнению А. С. Брянчанинова, ему удалось лично разъяснить неосновательность слухов до 40 тыс. мусульманам. Более того, по просьбе некоторых мулл губернатор решил разослать в мусульманские селения печатное объявление, которое также сыграло позитивную роль в прекращении волнений[2].

Аналогичную цель преследовали «объявление» уфимского губернатора[3] и обращение муфтия М. Султанова от 12 апреля 1894 г. к ахунам и имамам о необходимости проведения разъяснительной работы о том, что «насильственно крестить магометан никто не будет и что ислам, как прежде, так и теперь и на будущее время все прирождённые магометане могут исповедовать в России вполне свободно, как это установлено законом»[4].

---

[1] Встречаясь прежде всего с ахунами и муллами начальник А. С. Брянчанинов старался терпеливо объяснять действующие законы о веротерпимости, подчёркивая, что слухи о крещении татар распространяются невежественными людьми и якобы с целью закупки за бесценок имущества лиц, намеревающихся переселиться из страны. К тому же переселение, в силу отсутствия уважительной причины, предупреждал Брянчанинов, есть незаконное действие, а распродажа с этой целью имущества неблагоприятно отразится на их материальном положении. Дети мусульман, убеждал чиновник, могут обучаться в русских школах только тогда, когда пожелают этого их родители. Надзору российских властей подчинены не только татарские конфессиональные школы, но и других нерусских народов, и распоряжения правительства в этой сфере направлены, прежде всего, к «упорядочиванию обучения татарской молодёжи» и обязательны к исполнению.

[2] В объявлении указывалась, что «в мусульманской среде Бугульминского и Бугурусланского уездов получили широкое распространение ложные слухи об упразднении должности муфтия и магометанского собрания, о сокращении числа мечетей, уменьшении числа мулл, о принуждении татар отдавать своих детей с 7-летнего возраста в русские школы и даже о предстоящем, будто бы по распоряжению правительства, обращении татар в православную веру. Слухи эти, основанные на неправильном понимании и толковании смысла правительственных распоряжений и помещённые в газетах статей, не имеющих характера правительственных распоряжений, распространяли среди магометан – одни по невежеству, другие, побуждая мусульман к распродаже имущества и переселению в Турцию, имели в виду воспользоваться случаем, чтобы купить за бесценок распродаваемое имущество. Разъяснив лично магометанам некоторых селений всю неосновательность распространяемых слухов, я считаю необходимым объявить во всеобщее сведение, что со стороны русского правительства не было и впредь не может последовать никакого распоряжения, клонящегося к стеснению или ограничению магометанской веры, так как по основным государственным законам (ст. 44, 45. Т. 1, ч. 1, изд. 1892 г.) в пределах Российской империи допускается полная веротерпимость. Все подданные государства, в том числе и магометане, пользуются свободным отправлением своей веры, неприкосновенность которой находится под охраной закона. Позволившие себе насмехаться над мусульманами и пугать их обращением в другую веру подвергаются ответственности по 67 ст. Уст[ава] о пред[упреждении] и прес[ечении] прест[уплений]. (Т. XVI, изд. 1890 г.), согласно которой запрещается всем и каждому без различия веры, чинить ссоры, распри, брань или поношение. Не следует верить и тем лицам, которые под предлогом ходатайства о переселении татар в Турцию собирают с них деньги на расходы. Это такие лица, которые за чужой счёт хотят побывать в Турции. Волноваться татарам по поводу мнения отдельных лиц, помещённого в № 1 «Церковного вестника» за 1894 г., относительно упразднения должности муфтия, сокращения числа мечетей, мулл также не следует, так как означенное мнение не имеет силы законного распоряжения. Татарские дети могут обучаться в русских школах только тогда, когда пожелают этого их родители. Принуждать же к этому татар нет никакой необходимости».

[3] Тарджеман. – 1894. – № 23.

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 807. – Л. 181–182.

Волнения среди татарского населения Буинского уезда Симбирской губернии улеглись также после посещения селений в августе местным губернатором[1].

Мухаджиры из Волго-Уральского региона в своих прошениях правительству Османского государства об оказании материальной помощи указывали причины оставления исторической родины, отмечая, что главной причиной такого поступка стала боязнь закрытия школ и медресе, а также принуждение в изучении русского языка, политика русификации и искажение содержания при печатании Корана[2].

У некоторых народов были свои причины обвинять российские власти в своём тяжёлом положении, чувствовать себя пасынком России. В всеподданнейшем отчёте за 1893 г. таврический губернатор в качестве причины начавшейся в этом году эмиграции крымско-татарского населения Бахчисарая и других уездов, лиц состоятельных, имеющих недвижимость и своё «дело», указывал следующие слухи: при поступлении на военную службу будут принуждённо принимать крещение и употреблять в пищу свинину, будет запрещено совершение паломничества, Петербург планирует переселить всех крымских татар в Сибирь для строительства Сибирской железной дороги[3].

Комитет министров оперативно решил одну из главных опасений крымско-татарского населения: высочайшим повелением от 21 декабря 1893 г. было постановлено о сохранении на будущее время Крымского дивизиона, о распределении новобранцев из крымских татар в полки 14 и 31 пехотных дивизий, расположенных в Новороссийском крае, что в определённой степени сняло напряжение среди местного населения губернии. Другой важной причиной некомфортного существования крымских татар на исторической родине являлась острота земельного вопроса, искусственно созданного властями благодаря целенаправленной русской колонизации, необеспеченность 23 тыс. душ крымско-татарских хлебопашцев земельными наделами. Часть из них правительство переселило на вакуфные земли, другая часть, так называемые десятинники, была вынуждена арендовать участки у частных землевладельцев, которые сгоняли их с обжитых земель и лишали возможности оседлого существования, а часть татар, не имеющая земли, была превращена в «бродящее население». В этой связи Комитет министров вынужден был принять высочайше утверждённые 5 февраля 1891 г. «Временные правила» сроком на три года до издания закона об управлении вакуфными землями: запрещалось принудительное выселение крымских татар с обжитых вакуфных земель, а также облегчалась сдача в аренду упразднённых участков, вследствие переселений прихожан, земель мечетей[4].

По сведениям И. Гаспринского, в 1894 г. волнения, переселения происходили в Терской области, приграничных уездах Тифлисской, в части Елизаветпольской губерний, Елабужском уезде Вятской губернии, Уфимской и Оренбургской губерниях. Согласно сведениям корреспондента из Бузулука, ряд сельских обществ Самарской губернии отправили своих доверенных в Османское государство и получили письмо о переселении, в Уральской области 6–7 селений ходатайствовали о разрешении

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 149.

[2] *Тюркоглу И.* Указ соч. – С. 469.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 807. – Л. 172–172 об.

[4] Там же. – Л. 170–172 об.

выселиться за границу и т. д.[1] Боясь приобретения на Северном Кавказе и Терской области массового характера эмиграции в Османское государство, весной 1894 г. И. Гаспринский обратился через газету «Тарджеман» к губернаторам опубликовать составленное им объявление, состоящее из 8 пунктов, в которых он постарался ответить на волнующие мусульман региона вопросы и развеять их сомнения относительно перспектив спокойной жизни и благополучия в Российской империи[2].

Согласно сведениям МВД, органам власти удалось не допустить массовую эмиграцию мусульман Волго-Уральского региона[3]. В декабре 1896 г. департамент полиции разработал и согласовал с ДДДИИ циркулярное предписание начальникам губернии и областей, в которых компактно проживали мусульманские народы, по наблюдению над тайной мусульманской пропагандой[4].

Движение 1897–1899 гг. Под воздействием слухов о христианизации в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г. несколько групп татар вновь подали ходатайства о разрешении переселиться из России. Согласно спискам исправника Бугульминского уезда к отъезду готовились 272 чел. Всего по Самарской и Уфимской губерниям планировали эмигрировать в Турцию 395 семей[5].

Первую группу переселенцев из Самарской и Уфимской губерний в числе 448 чел. в 1898 г. власти не выпустили из империи и вернули в свои селения. А второй группе в числе 373 чел., получивших паспорта, дали возможность уехать в Самсун[6].

Воспоминания очевидцев и собственные наблюдения стали основой для романа татарского писателя Махмуда Галяу, уроженца д. Ташкичу Казанского уезда под названием «Мухаджиры», в котором повествуется о переселении жителей татарской деревни Казанского уезда в Османское государство и освоении земель близ Эскишехира, желая избежать наказания за убийство полицейского в период проведения переписи 1897 г.

Идея о переселении в 1899 г. будоражила жителей селений Тайсуганово, Мясогутово, Какри-Елги, Катимово Бугульминского уезда. Крестьяне данных населённых пунктов вели переписку с бывшим муллой д. Урсалы того же уезда А. Усмановым, более трёх лет проживавшим в Стамбуле, через муэдзина д. Сарманово Мензелинского уезда Г. Гилязетдинова (его зять)[7].

Нельзя исключать влияния на общественное сознание религиозных сочинений об обязательности последователям ислама эмиграции из государств немусульманских в мусульманские страны. В частности, русские власти предприняли в 1898 г. попытки недопущения на территорию Российской империи брошюры шейха Абдель-Кадера, написанной в Медине (умер в 1898 г.) и изданной в Каире в 1898 г. ти-

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 971. – Л. 63 об.

[2] Успокоение // Тарджеман. – 1894. – № 11.

[3] По сведениям МВД выехало всего 412 чел. (см.: *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб., 1998. – С. 153).

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 786. – Л. 19–20.

[5] *Гусева Ю. Н.* Переселенческое движение мусульман Самарской губернии в Турцию в конце XIX – начале XX в. : к истории вопроса // Фаизхановские чтения : материалы четвёртой научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». – Н. Новгород, 2008. – С. 172.

[6] Там же.

[7] ГАОО. – Ф. 343. – Оп. 1. – Д. 120. – Л. 6.

ражом в 3 тыс. экз. У русской военной разведки были сведения о том, что тираж книги в 1000 экз. планировалось переслать в России через ахуна Одессы Ибрагима Адикеева, который на международном порту выполнял и функции цензора, проверял поступающие из-за границы сочинения на восточных языках. К этому времени ахун Адикеев за незаконное содействие выезду за границу паломников был снят с духовной должности и отправлен из Одессы на родину, в Тамбовскую губернию, на 3 года под надзор полиции. В департаменте полиции опасались, что появление этой брошюры может произвести «сильное и нежелательное впечатление на наших мусульман»[1].

С 1903 г. в правительство стали поступать ходатайства об эмиграции в Османское государство от бухарцев Тобольской губернии. Причиной послужило уменьшение местной администрацией их землевладений в пользу русских переселенцев[2].

Таким образом, отказ от российского подданства и переселение в Османское государство из-за боязни насильственной христианизации или с целью улучшения своего экономического положения воспринимались российской властью как политическая акция – выражение полного недоверия и игнорирования её. Вынужденное переселение татар Волго-Уральского региона в 1890-е гг., как форма протеста народных масс, оказалось наиболее чувствительно воспринимаемой Петербургом формой общественного давления, потому что публично демонстрировало мировой общественности существование конфронтационных отношений и неразрешимых проблем между мусульманским сообществом и имперской властью. Для последней немаловажное значение имела также опасность воздействия информации о переселении мусульман внутренних губерний на российские окраины, где такая форма протеста была распространённым явлением и могла привести к расширению в регионе миграционного движения мусульманских народов, которую власти не могли контролировать.

ГЛАВА VI

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ КРЕСТЬЯН ПОД «РЕЛИГИОЗНОЙ ОБОЛОЧКОЙ»

Особенности антиправительственных выступлений крестьян-мусульман

Повседневная жизнь большинства сельчан-мусульман проходила в поземельной общине, которая выступала как социальный институт, регулировавший внутреннюю жизнь сообщества крестьян и его связи с внешним миром, хранителем и транслятором производственного и социального опыта, всей системы ценностей крестьян. На общине замыкались основные проявления жизнедеятельности её членов, и их сознание, естественно, не могло быть иным, нежели групповым, общинным. Мировосприятие хлебопашца – это мировосприятие представителя малого сообщества, вся жизнь которого от рождения до смерти проходило внутри замкнутого мира[1].

Министерская система управления в империи привела к закреплению в дореформенный период различий в правовом положении трёх основных категорий сельского населения: помещичьих, удельных и государственных. Усиление административного надзора и разделение на сословия способствовали разобщённости крестьянского движения. Поэтому социальная мобилизация крестьян наблюдалась в сельских обществах, относящихся к конкретной категории сельского сословия. Большинство татарского сельского населения принадлежало казённой деревне, что в определённой степени способствовало сохранению общности интересов в социально-экономической сфере. Единый язык и менталитет земледельцев одной конфессиональной группы способствовали консолидации и определённой координации действий жителей нескольких соседних селений.

Как правило, выступления являлись протестом на вторжение власти в хозяйственную жизнь общины и на угрозу возможности ухудшения их правового и (или) экономического положения. В российских реалиях любое неповиновение представителям власти воспринималось как сопротивление и антиправительственное выступление. Формы выражения социального протеста крестьянских масс были разнообразные, которые применительно к XIX в. можно назвать как «протест путём уклонения» – способ, при помощи которого сельские общества или группы крестьян

---

[1] *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы международной конференции. – М., 1996. – С. 22.

«пытались облегчить тяготы своей жизни и выразить недовольство посредством кратковременного отказа исполнять предписанное, а также других действий, сводящих к минимуму возможность столкновений с теми, кого они считают своими притеснителями» [1].

Сельские жители также пользовались возможностью подачи прошений, чтобы выразить своё недовольство в отношении действий отдельных представителей власти и правительственных нововведений и непопулярных мер.

Взаимодействие соседних сельских обществ во многом зависело от мотивации крестьян. Именно поземельная община представляла интересы сельчан в качестве юридического лица в вопросах землепользования, являлась главным институтом, ответственным за общественный правопорядок, своевременный сбор налогов и исполнение повинностей.

В пореформенный период в Волго-Уральском регионе основными направлениями антиправительственных выступлений крестьян являлась борьба против государственной системы землевладения, податного гнёта, командно-административных методов управления российской власти и бесчинства отдельных её представителей.

Согласно подсчётам Ю. И. Смыкова, среди выступлений различных групп крестьянства Казанской, Самарской и Симбирской губерний в 1860–1890-е гг. по различным социально-экономическим мотивам приходится на русских бывших крепостных крестьян 338 выступлений ($^2/_3$ на выдачу уставных грамот по реформе 1861 г.), бывших удельных, главным образом русских крестьян – 79, на жителей бывшей государственной деревни (по неполным данным) – 83[2]. Таким образом, после аграрных реформ 1860-х гг. социальная активность русских, чувашских, марийских, удмуртских, мордовских общин резко пошла на убыль. Между тем наблюдалось усиление неповиновения татарских крестьян, вызванное различными слухами.

Волнения, вызванные боязнью крещения или нарушением традиционного уклада жизни и быта. В мотивации антиправительственных выступлений местных народов региона этноконфессиональный аспект был тесно переплетён с социальным. Протесты были направлены против установления новых порядков и за сохранение сложившихся общественных отношений. Даже случаи выступлений против злоупотреблений властей имели отчётливый межконфессиональный оттенок, потому что в понимании повстанцев речь шла о действиях чиновников православного вероисповедания, направленных против мусульманского населения и представителей традиционных верований. Свою роль в таком категоричном и полярном восприятии действий российской власти сыграло недоверие последней к местным элитам и назначение на ключевые должности в региональной администрации представителей русской национальности.

Оппозиция «свой»/«чужой» по вероисповедному признаку в социальном пространстве являлась неотъемлемой частью жизни поликонфессионального Волго-

---

[1] Цит. по: *Верт П.* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М., 2005. – С. 50.

[2] *Смыков Ю. И.* Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. – С. 117–125.

Уральского региона. «Вера составляла духовно-нравственный скреп крестьянского сообщества, его образ жизни. Она, в силу своей высокой значимости для идентификации культурного поля, объективно являлась дифференцирующим социальную среду началом. И православие, и ислам, и староверство, и «истинное язычество» в основной массе своей в средневолжской деревне были представлены стойкими приверженцами, строго ориентированными на собственное культурное поле. И сторонники разных течений, толков и согласий «древнего благочестия» и прочие религиозные группы региона жили каждая в своих малых мирах, образуя относительно обособленные общности. Каждая конфессиональная общность – и крупная, и малая – считала, что именно её система религиозных взглядов составляет истинную веру. «Стойкие в вере хлебопашцы, образно выражаясь, ложились костьми, защищая своё конфессиональное поле», – отмечает чувашский историк-аграрник Г. А. Николаев[1].

Религиозная община, выполнявшая консолидирующую и охранительную функции, консервировала основы традиционного общества[2], что ещё сильнее усиливало охранительное начало в общественном сознании мусульман, основанном на религиозном мировоззрении, обеспечивавшем идеологическое единство уммы. Как отмечал миссионер М. А. Машанов, «это замкнутая община, доступ в которую всякому постороннему, даже благодетельному, совершенно закрыт [...] В такой замкнутой среде, конечно, царит дух религиозной общины, каждый член которой считает своей обязанностью блюсти интересы этой общины»[3]. Преступлением против религии считалось любое изменение традиций, норм, «кодексов приличий» во всех сферах жизни человека: технических приёмов в ремесленном производстве и земледелии, в отношениях между членами семьи, работниками производства, традиционных форм жилища, покроя платья и в особенности формы головного убора и причёски[4]. Неслучайно офицеры Самарской губернской жандармерии отмечали, что мусульмане «к любым сомнительным мерам местной администрации относятся недоверчиво, живут особняком, им присуща любознательность, особенно относительно правительственных распоряжений и мероприятий, скрытность, полная солидарность, вытекающая из религиозных начал и подчинения влиянию своего духовенства, которое далеко не безучастно в волнениях населения»[5].

На общественное настроение оказывали воздействие русско-турецкие войны, в периоды которых в стране усиливался русско-православный патриотизм, что негативно влияло на государственно-исламские отношения. Например, в 1854 г. татары Ставропольского уезда, обсуждавшие между собой причины и возможные

---

[1] *Николаев Н. А.* Средневолжская поликонфессиональная деревня второй половины XIX – начала XX века в аспекте отношений «свой» и «чужой»: к постановке проблемы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. ст. – Казань, 2011. – Вып. 2. – С. 7.

[2] *Мухаметшин Р.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. – Казань, 2005. – С. 87.

[3] *Машанов М. А.* Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим иноверцам. – Казань, 1910. – С. 12.

[4] Там же. – С. 91.

[5] *Загидуллин И. К., Гибадуллина Э. М.* Указ. соч. – С. 279.

последствия Крымской войны 1853–1855 гг., решили, что поскольку христиане в Османском государстве претерпевают гонения, то и российское правительство будет так же поступать с мусульманами[1]. Под влиянием этих слухов татары – удельные крестьяне – Ставропольского уезда воспротивились введению в своих селениях кружечного сбора (традиции христианской церкви. – *И. З.*) с целью оказания помощи крестьянам в случае каких-либо несчастий, «прогнали приказного голову Данилова, объявлявшего на сходке жителям д. Тёплый Стан распоряжения своего начальства об этом», и т. д.[2]

Среди выступлений татарских крестьян, происходивших из-за боязни христианизации, можно выделить волнение в Кармышской волости Казанского уезда. Более 500 чел. в рекрутском участке в д. Кармыш-Казанбаш отказались от принятия жребиев с условными знаками (крестиками), обозначенными волостным старшиной Х. Хамидуллиным. Эти крестики навели татар на мысль о желании властей крестить их. Крестьяне хотели избить продавшегося, по их мнению, русским властям волостного старшину, но тот скрылся. Был избит волостной заседатель. Для усмирения волнения в селение прибыл становой пристав. Несмотря на все его усилия, народ отказался от принятия жребиев. Наиболее активные участники волнения, 33 человека, были отданы под суд[3].

Школьная политика российской власти в 1870–1890-е гг. в отношении мусульман Волго-Уральского региона, направленная на установление контроля над традиционными школами, и полицейские меры по распространению русской грамоты через учреждение русских классов и русско-татарских школ воспринимались татарским обществом как угроза религиозно-культурной автономии, что резко усилило недоверие к нововведениям правительства, действиям местной администрации и земств. Немаловажное значение в формировании такого мнения имело и то обстоятельство, что сельские общества находились под влиянием мировоззрения кадимистов, отрицавших всякое нововведение. Например, известно, что в 1869 г. в Самарской губернии из 30 мулл Бугурусланского уезда 4 чел. знали русский язык, из 15 мулл Самарского уезда все умели говорить по-русски, а писать лишь 3 чел., в Новоузенском уезде мулл, не знавших русского языка, не было, а в Бугульминском уезде из 68 мулл русский язык не знал ни один[4]. Данные факты указывают на отсутствие у большей части приходского духовенства возможности адекватно оценивать содержание мероприятий, проводимых центральными и местными органами власти, свидетельствуют об искажённом восприятии подобной информации духовными лидерами, являвшимися ключевыми фигурами в формировании социального поведения мусульманского населения.

Неумелое разъяснение местной администрацией действий земств по обследованию крестьянских хозяйств, подготовительным мероприятием которого являлось

---

[1] Подобные рассуждения поддерживались и распространялись муллой К. Фахретдиновым, ахуном д. Филипповки Ибрагимовым и отставным подпоручиком Тайгельдиным из д. Тёплый Стан.

[2] *Загидуллин И. К., Гибадуллина Э. М.* Указ. соч. – С. 279.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 787. – Л. 1–33.

[4] ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 3068. – Л. 2–30.

составление подворных списков[1], приводило к противодействию с сельскими общинами. Циркуляр губернатора А. Д. Свербеева от 16 ноября 1882 г. о составлении подворных списков вместо спада накала страстей вызвал волну недовольства земледельцев-мусульман. Дело в том, что в циркуляре было указано о проверке подворных списков приходскими священниками. Земские деятели отмечали отказ ряда сельских обществ давать показания из-за разных опасений. К примеру, в д. Фейзулово Степно-Шенталинской волости Самарского уезда жители мотивировали своё поведение тем, что перепись проводится с целью их последующей христианизации, и требовали расписку о том, что их после переписи не будут крестить. Заведующий земским бюро И. М. Краснопёров вынужден был принять их условие, после чего ему разрешили приступить к опросу[2]. В мусульманских селениях Бугульминского уезда также начались волнения. Несмотря на то, что для исправления допущенной грубой ошибки новым циркуляром губернатора от 16 февраля 1883 г. было официально заявлено, что подворные списки составляются исключительно для изучения экономического положения крестьянских хозяйств и в мусульманских селениях их будут проверять муллы, татары подали жалобу в ОМДС, и затем их представитель приехал в Уфу, прося разъяснения и защиты. Непрофессиональные действия губернатора способствовали распространению двух слухов: 1) татар заставят переселиться в Турцию; 2) остальных татар обратят в христианскую религию. В результате мусульмане отказались от дачи сведений. Муфтий предписал ахуну Бугульминского уезда д. Тохтарово Бикбову и мулле д. Каракашлово Еркееву разъяснить возникшее недоразумение и успокоить прихожан[3]. Во время статистических работ в 1885 – начале 1886 г. башкиры Султангуловской волости Бугурусланского уезда отказывались переписываться из опасения, что на них «наложат больше податей». Земские статистики трижды ездили в эту волость, и каждый раз безуспешно. Лишь после многократных убеждений башкиры, наконец, согласились послать в соседнюю Ивановскую волость пять депутатов «посмотреть и послушать, что там делают» статистики. Убедившись в мирном характере изучения крестьянских хозяйств, они согласились на проведение исследований[4].

Противочумные и противохолерные правила требовали подчинения народных

---

[1] Источниками для сбора сведений земским деятелям в уездах Самарской губернии послужили сведения из книг волостного правления и других официальных данных, подворное обследование хозяйства, составленное на сельском сходе со слов каждого домохозяина, анкетное обследование, когда опрашивалось несколько заслуживающих доверия домохозяев селения разного уровня состоятельности.

[2] «Я взял лист бумаги и написал: «Я, нижеподписавшийся... приехал в деревню Фейзулово для проведения статистического исследования и переписи населения: крестить их ни я, ни кто другой не будут». Признаюсь, что глупо. Но когда я прочёл им такую глупую расписку, то татары страшно обрадовались и успокоились», – писал И. М. Краснопёров (цит. по: *Владимирова Л. М.* Проведение обследований земскими статистами крестьянских хозяйств в Самарской губернии (1880-е гг.) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. ст. – Казань, 2010. – Вып. 1. – С. 181).

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5884. – Л. 1–2.

[4] *Владимирова Л. М.* Указ. соч. – С. 181.

традиций и образа жизни строгим медицинским нормативам, что воспринималось как покушение власти на религиозные права[1].

Погребение умершего от чумы производилось также не по-мусульманскому обряду[2].

Согласно «Временным правилам об умерших от холеры магометан»[3] ОМДС от 2 сентября 1892 г., имамы были обязаны разъяснять прихожанам временность непопулярных мер предосторожности, нарушающих традиционный обряд погребения.

В периоды эпидемий сельское население, как правило, отказывалось лечиться у медицинских работников. Крестьяне, независимо от религиозной принадлежности, даже в самый критический момент не обращалось к врачам, в случае назначения лечения не следовали указаниям медиков. Крестьяне не давали даже измерить температуру, не говоря уже о приёме лекарств. Недоверчивость татар-мусульман к медикам заключалось в том, что они смотрели на смертельный исход со смирением, говоря, «әҗәле житкәч – үлә» (смерть придёт – умрёт)[4]. Среди них не было знахарок, как среди других этнических групп, татарское население прибегало к средствам народной медицины и лечилось посредством молитвы[5]. Скажем, во время эпидемии холеры в 1892 г. мусульманские сельские общества воздержались от какого-либо содействия в осуществлении санитарно-медицинских мероприятий. В частности, мусульманские духовные лица Мамадышского уезда Казанской губернии отказывались от совершения обряда погребения над умершими от холеры единоверцами, высказывая недовольство суммой вознаграждения в 2 руб., выдаваемой земскими управами, и требуя, со ссылкой на решение ОМДС, сумму

---

[1] Скажем, для погребения умершего от холеры сельское общество должно было иметь специальное кладбище, на территории которого производилось омовение тела в специально построенном помещении. В нём имелась яма для слива воды после омовения, которая каждый раз дезинфицировалась под наблюдением медицинского работника, как правило, православного вероисповедания. К обряду не допускались посторонние. Инструменты и ткани, которые были задействованы при омовении, ложили в могилу вместе с трупом, который сначала засыпался в первых слоях негашёной известью в количестве одного пуда; ящик, в который был положен труп, и экипаж, на котором был привезён труп, тщательно дезинфицировались. Обряд омовения производился назначенными лицами, которые затем также проходили дезинфекцию. Все эти правила выполнялись под надзором врача или фельдшера (и полиции. – *И. З.*) с соблюдением санитарных требований (см.: Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений... 1836–1903 г. – С. 86–87).

[2] Труп умершего завёртывался в простыню, обильно смоченной раствором сулемы, затем укладывался в плотно сделанный и осмоленный ящик с плотно закрывающейся крышкой, в таком виде привозилось в «чумное кладбище». Могила имела глубину не менее 3 аршин (2,32 м), дно которой и гроб сверху засыпалось слоем извести. Правда, допускалось совершение омовения в помещении, в котором человек умер. При этом лица, совершившие омовение, и мусульмане, прикасавшиеся к покойнику, и одежда тщательно дезинфицировались, и они по решению медицинской комиссии могли быть изолированы от общества на 10 дней. Если омовение совершалось на территории кладбища, то сельское общество было обязано построить закрытое помещение с непроницаемым полом, внутри которого имелась бы цементированная яма для слива воды (см.: Сборник постановлений и иных руководящих распоряжений... 1836–1903. – С. 134–135).

[3] Там же. – С. 86–87.

[4] *Муллагалиев Р. М.* Социально-экономическая жизнь татарской поземельной общины Казанской губернии в пореформенный период (60–90 гг. XIX в.) : дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2012. – С. 92–93.

[5] *Сухарев А. А.* Казанские татары (уезд Казанский). – СПб., 1904. – С. 65–66.

в 5 руб.[1] Порой негативная позиция сельского общества выражалась в виде активного противостояния, для усмирения которого власти применяли силу. Например, летом 1892 г. в Тетюшский уезд была направлена рота солдат для ограждения медиков от возможного проявления агрессии со стороны татарских крестьян.

Земства, ответственные за предотвращение эпидемий, таких как оспа, чума, нуждались в точных данных о новорождённых для эффективной вакцинации. По предложению Белебеевской земской управы и уфимского губернатора религиозное управление циркуляром от 7 июня 1891 г. также обязало приходских духовных лиц отправлять каждое полугодие списки младенцев в уездные земские управы для своевременной вакцинации; составлять и передавать чинам полиции два экземпляра карточек о смертности от болезней, для передачи одну из них уездному (городскому) врачу, другую – уездную земскую управу[2].

Более всего успеху санитарно-медицинских мероприятий мешало то, что многонациональное население скрывало факты появления болезни, что было распространено как среди татар, так и русских. В обязанности сельского духовенства входило донесение ежемесячных отчётов о случаях смерти от заразных болезней в местные органы власти. Однако мусульманское духовенство часто уклонялось от исполнения данного обязательства, циркуляром от 18 марта 1891 г. ОМДС напомнило им об ответственности перед законом за подобные упущения, указав, что они обязаны предоставлять отчёты и при отсутствии случаев смерти от заразных болезней. Другими циркулярами (от 15 марта и 4 апреля 1891 г.) по ходатайству земской управы Златоустовского уезда и уфимского губернатора имамам было предписано убеждать прихожан в прививании детей для предупреждения оспы[3].

О каждом случае возникновения массовых заболеваний скота сельское начальство должно было сообщить властям и следить за выполнением проведения ветеринарно-санитарных мероприятий[4].

В середине 80-х гг. XIX в. в Самарской губернии прокатилась волна крестьянских выступлений, вызванная произволом властей, грубыми действиями ветеринарных врачей и «противочумной комиссии», члены которой, разъезжая по деревням, устраивали карантины, забивали скот. В своих жалобах крестьяне указывали, что противочумная комиссия задерживает выплату обещанного вознаграждения, хотя и весьма ничтожного, в случае гибели скота её члены везде и открыто берут взятки, бьют не только больной, но и здоровый скот, используют проданный скот в счёт уплаты недоимок и т. п., что ещё больше разоряет. В силу этого, главным образом, татарские и башкирские земледельцы Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского и Николаевского уездов, перестали пускать членов комиссии в свои селения, не давали врачам забивать скот, отказывались оплачивать мероприятия земства и т. п.

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений... 1836–1903 гг. – С. 82.

[2] Там же. – С. 44–45.

[3] Там же. – С. 44, 47.

[4] В период эпидемии запрещалось: общая пастьба скота, пользование продукцией животного происхождения. Ветеринары могли организовать убой животных без согласия их владельцев, а их туши уничтожить или закопать. За убитого животного хозяин получал вознаграждение в размере ¾ его оценочной стоимости в случае, если сам заявлял властям о болезни, поэтому крестьяне всячески старались скрывать факты падежа скота (см.: *Муллагалиев Р. М.* Указ. соч. – С. 94).

Помимо очевидных материальных потерь, возмущение крестьян вызывала и сама процедура умерщвления скота. Заражённый скот, согласно установленным правилам, забивался путём инъекции в затылок, а затем его зарывали в землю. Убиение скота таким способом воспринималось как прямое посягательство на нормы шариата. Сельские старосты татарских селений Азнакаевской волости Бугульминского уезда отказались от ведения тетрадей для записи заболевающего скота, а в д. Фейзулово Самарского уезда в начале 1885 г. жители выступили против избранного члена противочумного участка, которым оказался православный священник. Духовные лица и грамотные крестьяне утверждали, что данные меры правительства направлены на обращение мусульман в христианскую веру, а назначение ветеринарных стражников воспринималось как первый этап проведения этой политики[1].

Волнения среди мусульман были вызваны «Правилами о порядке применения в Самарской губернии меры убивания зачумлённого и подозреваемого в зачумлении скота...» от 1884 г. В соответствии с этими правилами в сельской местности учреждались чумные комиссии и ветеринарные стражники для контроля за перегоном скота, которые содержались за счёт населения. Эти непопулярные среди крестьян мероприятия проводились с различными нарушениями, негативно сказавшимися на их экономическом положении. Однако «ближайшим источником волнения было ложное истолкование изданных земством чумных правил, в которых имелось как бы в виду одно только русское население [...], а не татарское [...] В этих правилах говорилось о священниках, а о муллах не упоминалось, вследствие чего татары стали думать, что и у них будут православные священники». В прошении министру внутренних дел от 1885 г. поверенные населения Урсаево, Тумутук, Чалпы, Сасыкулево, Еланкулево, Тойкино Бугульминского уезда просили прислать «печатные объявления о том, что правительство не желает изменить нашу религию и предоставляет нам ту же свободу вероисповедания, которая существовала до сих пор»[2].

Высшим проявлением противодействия крестьян-мусульман противочумным мероприятиям явилось антиправительственное выступление татарского населения в д. Сулеево Мензелибашевской волости Бугульминского уезда. В середине мая 1885 г. в д. Сулеево прибыли представители соседних поселений: Урсалыбашево, Татарская Шерлама, Новое Каширово, Мензелибашево. Ветеринарный стражник был вынужден опять покинуть селение. Из документов следственного дела видно, что активистами были муллы Ахунзян Усманов (Урсалыбашево), Хамидулла Фейрузов (Сулеево), а также крестьяне Гильман Адегамов (Сулеево), Насыбулла Абдуллатыпов (сельский староста Сулеево), Шагиахмет Бикмухамметов (Урсалыбашево), Асылгарей Мухаметгареев (запасной рядовой, Сулеево) и др., всего 26 чел.[3] 18 мая в д. Сулеево для увещевания прибыл губернатор А. Д. Свербеев. Собравшиеся люди (свыше 600 чел.) прервали выступление чиновника возгласами протеста. А. Д. Свербеев взял под арест старосту и приказал встать всем на колени.

---

[1] *Рафикова Г.* Волнение возникло из заблуждений и ошибок (Сулеевское восстание 1885 г.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2004. – № 2. – С. 106–108.

[2] Там же. – С. 105–109.

[3] *Владимирова Л. М.* Роль земств Самарской губернии в жизни крестьян-мусульман (1865–1914 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2001. – С. 115.

Мусульмане не подчинились и, вооружившись кольями, палками, рычагами, двинулись на губернатора и стоявших рядом с ним чиновников[1]. «Лишь обнажённые шашки 14 урядников и полицейских приостановили движение толпы». Через несколько дней в д. Сулеево прибыл карательный отряд: активисты были арестованы[2] и принудительно переписан крестьянский скот.

Весной-летом 1885 г. выступления против местных властей произошли в д. Новое Усманово Бугурусланского уезда, д. Бигашево и Бакаево Бугульминского уезда, где жителей под угрозой расстрела заставили подчиниться властям[3].

Побочным проявлением волнений под влиянием принятия закона от 16 июля 1888 г. о введении образовательного ценза для кандидатов на мусульманские духовные должности явился отказ ряда татарских сельских обществ в январе-марте 1889 г. в Буинском уезде Симбирской губернии получать «Строительные и противопожарные правила» губернской земской управы от 27 февраля 1887 г. (в них говорилось лишь о строительстве церквей и ни слова о мечетях), «Временные противочумные правила» от 16 сентября 1888 г., «Инструкции сельским и волостным правлениям о мерах прекращения пьянства» от 27 июля 1888 г. об изменении действующих правил о торговле крепкими питейными напитками (заявили: для мусульманских селений это не актуально)[4]. В середине марта 1889 г. ряд татарских обществ, старостам которых волостными правлениями без всякого разъяснения были разосланы противочумные правила, неверно поняв, что начнётся обязательное страхование крупного и мелкого рогатого скота, которое приведёт к серьёзным расходам, подали ходатайства об оставлении прежнего порядка[5]. Одновременно появились рассуждения: «Зачем нам церковь, когда мы магометане, зачем нам питейные заведения, когда у нас в деревнях нет ни питейных лавок, ни трактиров, значит, желают нас сделать православными»[6]. Крестьяне увидели тесную взаимосвязь между раздачей «Строительных и противопожарных правил» и изданием закона от 16 июля 1888 г. и стали рассматривать их как меры, направленные на христианизацию мусульман[7]. С целью недопущения усиления слухов о христианизации симбирский губернатор М. Н. Теренин, оперативно напечатав 23 марта обращение к мусульманскому населению, предписал разъяснять полиции ложность информации об их крещении и о постройке в деревнях вместо мечетей церквей. Чиновник также заверял, что

---

[1] *Рафикова Г.* Указ. соч. – С. 106–108.

[2] Приговором Казанской судебной палаты от 4 октября 1885 г. 18 из 26 человек, находившихся под следствием, были осуждены на различные сроки заключения. Судьи усмотрели в бунте экономические мотивы, сопротивление крестьян было объяснено их неграмотностью и невежественностью.

[3] *Смыков Ю. И.* Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. – С. 191–192.

[4] Примечательно, что земский отдел МВД признал необходимым восполнить пробел в «Строительных и противопожарных правилах» о порядке возведения мечетей, а также счёл неправомерным распространение в татарских селениях «Инструкции сельским и волостным правлениям о мерах прекращения пьянства» в силу отсутствия в татарских селениях питейных заведений, опосредственно признав правоту заявлений мусульманских сельских обществ (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 244–244 об.).

[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 201 об.–202 об.

[6] Там же. – Л. 271.

[7] Там же. – Л. 272.

правила о порядке строительства церквей касаются лишь православных жителей, а для мечетей применяется правило, указанное в ст. 5: «Всякие постройки находились в расстоянии от мечетей деревянных не ближе 30 саженей, а от каменных не ближе 20 саженей»[1]. Председатель ветеринарного комитета МВД (4 июля 1889 г.) признал справедливым доводы крестьян относительно отсутствия в «Строительных и противопожарных правилах» сведений о строительстве мечетей и рекомендовал местной администрации действовать «с надлежайшей осторожностью» и воздержаться каких-либо действий по распространению этих правил[2].

Причины волнений среди мусульманского населения Самарской губернии, происшедших в 1894 г., согласно расследованию властей, заключались, прежде всего, в «неверном толковании» татарским обществом правительственных распоряжений, направленных на установления надзора, контроля над мектебе и медресе, а также в «некоторой степени» в «насмешках православных лиц над мусульманами по поводу предстоящего будто бы крещения татар»[3]. Другой важной причиной была указана позиция мусульманского приходского духовенства, тревожившегося каждый раз, когда, по их мнению, действия властей создают угрозу исламу. В такой напряжённой обстановке любая оплошность, допущенная русскими чиновниками, давала повод к подобным размышлениям и приобретала значение неоспоримого доказательства об антиисламских намерениях властей.

Нежелание платить обязательные страховые сборы порой мотивировалось запретом шариата или невыгодностью их уплаты. В частности, в ноябре 1889 г. жители д. Куртамыш Челябинского уезда Оренбургской губернии отказались платить страховой сбор, их сопротивление было подавлено военной силой[4].

Выступления мусульман, семейная жизнь которых в значительной степени была подчинена нормам шариата, были направлены против проникновения в культурно-территориальное пространство сельской общины такого явления, как продажа спиртных напитков. Борьбу с ним, как правило, возглавляли мусульманские духовные лица. Обязательным атрибутом селений, в которых располагались волостные правления, являлись питейные заведения, что служило одной из причин несогласия мусульманского населения учреждать в своих селениях волостные центры. Поэтому в XIX в. кабак или питейная лавка были редким явлением в татарских деревнях. Лишь в некоторых случаях, путём подкупа мулл и влиятельных местных жителей, настойчивые предприниматели устраивали питейные заведения, приучая местных крестьян к употреблению спиртных напитков. Однако большинство мусульманского духовенства было против. В 1864 г. не без участия имама Абдулкагирова жители д. Чемансарово Мензелинского уезда сожгли винные лавки. В том же уезде в д. Ахмет-Абызово был убит неизвестными владелец кабака Г. С. Горбунов. Имам С. Раимов избил палками С. Гаскархузина за допуск в дом торговцев вином. По инициативе имамов ряд сельских обществ подали коллективные прошения о закрытии кабаков и винных лавок. Важно отметить, что они во многом исполняли предписания ОМДС бороться с вином как с источником большинства

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1075. – Л. 2004.
[2] Там же. – Л. 42.
[3] Там же. – Д. 791. – Л. 59–59 об.
[4] Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. : сб. док. – М., 1968. – С. 515.

преступлений против человека и общества и вести работу с прихожанами по устранению этого негативного явления[1].

Порой отдельные крестьяне выступали против открытия питейного заведения даже после согласия общества. В частности, в апреле 1891 г. 150 татар д. Второе Бакаево Уфимского уезда и губернии не позволили открыть частное питейное заведение и оказали сопротивление прибывшей полиции[2].

Строительство и содержание богаделен, которыми были призваны заниматься земства, были одной из форм социальной помощи обездоленным слоям населения. В 1886 г. XXII очередное Казанское уездное земское собрание приняло решение о постройке в уезде двух богаделен для призрения лиц крестьянского сословия: для христиан и мусульман. Первоначально мусульманскую богадельню планировалось построить в д. Большие Менгеры, однако местное общество наотрез отказалось выделить участок, так как местное население с недоверием относилось к земским мерам призрения, видя в этом элемент христианизации.

Наконец, в 1894 г. крестьяне д. Кутюк Кармышской волости Казанского уезда согласились выделить землю для строительства богадельни[3]. Однако в 1895 г. мулла 2-й мечети д. Кармыш-Казанбаш, к приходу которого относилась д. Кутюк, призывал прихожан остановить строительные работы. Главным лейтмотивом звучало крещение мусульман, за что имам был подвергнут местным земским начальником двухнедельному аресту[4]. Лишь в 1896 г. богодельня на 15 призреваемых стала функционировать[5].

В целом боязнь крещения под воздействием различных слухов приводила к широкому использованию крестьянами пассивного противодействия, выражавшегося, прежде всего, в отказе выдавать общественные приговоры и исполнять предписания властей, которые нарушали традиционный хозяйственный уклад и задевали религиозные традиции в поземельной общине. Также происходили случаи избиения представителей власти и противодействие санитарно-медицинским и ветеринарным мероприятиям и другим нововведениям, противоречащим нормам шариата, и т. д. Для доведения до администрации своего мнения успешно применялась подача прошений в губернскую администрацию, ОМДС и правительство.

На такие действия мусульман в значительной степени оказывал влияние ряд факторов, такие как их жизнедеятельность в консервативных поземельных общинах, изолированных от происходивших в стране общественно-политических процессов, недостаточная разъяснительная работа местной администрации о сути нововведений, отдельные высказывания русских жителей или действия православных священников, задевавшие национальные и религиозные чувства мусульман. Незнание основной массой мусульман русского языка лишало их возможности личной перепроверки слухов об ожидаемой христианизации. Крайне подозритель-

---

[1] *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX в. – С. 170.

[2] Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: сб. док. – М., 1959. – С. 152–153.

[3] *Гайнетдинова Э. Р.* Роль земства в социальной помощи населению (богадельни) (по документам НА РТ) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. ст. – Казань, 2010. – Вып. 1. – С. 278, 280.

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 9735. – Л. 1–1 об., 7.

[5] *Гайнетдинова Э. Р.* Указ. соч. – С. 280.

но татарское сельское население относилось к действиям российских властей, касающимся вопросов вероисповедания. Основными причинами негативной реакции мусульманского сообщества на деятельность земств являлись последствия государственно-церковных отношений, сформировавших глубокое недоверие к нововведениям властей, которые воспринимались как антиисламские мероприятия. В народной памяти хранились факты насильственной христианизации 2-й половины XVI – 1-й половины XVIII в. Проблема сохранения конфессиональной идентичности превратилась в главный вопрос татарского крестьянского движения.

В последней четверти XIX в. в антиправительственных выступлениях татарских крестьян стали преобладать не экономические мотивы, а религиозно-национальная проблематика. Школьная политика Российской империи, направленная на установление контроля над религиозной системой образования, действия властей по открытию русско-татарских школ и русских классов при медресе, а также деятельность земств по решению местных социальных проблем воспринимались как вмешательство во внутриобщинные дела мусульман, поскольку лишь шариат регулировал практически все стороны жизни сельского жителя.

Наиболее массовыми и решительными протестными выступлениями мусульман Волго-Уральского региона, способствовавшими усилению недоверия к властям в рассматриваемый период, были движение татарских крестьян 1878–1879 гг., выступления против проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Этим крупным и резонансным социальным событиям в общественной жизни мусульманского сообщества Волго-Уральского региона посвящены следующие разделы монографии.

Татарское крестьянское движение 1878–1879 гг.

Причины и предпосылки волнений мусульманских общин. Одним из крупных социальных явлений, нарушивших общественное спокойствие мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе, стали антиправительственные выступления татарских крестьян Казанской губернии. И. Гаспринский писал, что слухи «о насильственном обращении в православие северных мусульман и замене минаретов колокольнями... всполошили все мусульманские края... замутили доверие всего русского мусульманства... от Касимова до Ташкента, от Перми до Ленкорана»[1]. Волнения также наблюдались в Самарской, Уфимской, Симбирской, Вятской губерниях.

Основными формами выражения народного протеста стали подача прошений на имя министра внутренних дел, местного губернатора и в ОМДС; отказ от выполнения предписаний администрации, в том числе по выполнению возложенных на них государством повинностей; насильственные действия в отношении представителей местной власти.

В этой связи востребован комплексный анализ причин массовых волнений татарского населения, определение мотивации их антиправительственных выступлений.

---

[1] *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения мусульманина. – Симферополь, 1881. – С. 23–24.

Одним из главных факторов, способствовавших формированию напряжённой атмосферы и появлению предчувствия негативных изменений в действиях российских властей, стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Как известно, поводом к навязыванию Россией «справедливой» с её стороны войны стал возникший в Османском государстве «христианский вопрос». Идею защиты славян – «братьев-славян и православных» – государственная идеология поставила во главу угла патриотического движения в Российской империи. Оборотной стороной русского патриотизма стало усиление антиисламских настроений и необоснованные подозрения в отношении мусульманского сообщества. В московских газетах публиковались статьи о якобы готовящихся вооружённых выступлениях татар и башкир в поддержку Османского государства. Чтобы снизить общественную напряжённость среди мусульман, министр внутренних дел А. Е. Тимашев был вынужден запретить публикацию материалов на подобные темы.

Вернувшиеся с войны русские открыто говорили татарам: «[...] Побив турок, теперь будут крестить всех магометан»[1]. Важно отметить, в пореформенный период Османское государство воспринималось российскими мусульманами как некий гарант соблюдения их религиозных прав, аналогичным было отношение славянских народов на Балканах – османских подданных – к Российской империи.

Русско-турецкая война была воспринята татарами как религиозный конфликт – война православия и ислама. Поражение Османского государства вызвало у татар-мусульман опасение относительно возможности сохранения в будущем своей конфессиональной идентичности. Распространились слухи, что «крест поборол луну и Государь Император, недовольный султаном, повелел крестить всех магометан в России» [2]. Панические настроения среди татар зафиксированы, в частности, в баите о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.:

Урысның бу елларда күңеле үсте,
Исламның күкрәген тәмам кысты.
Шундин соң үз гаһәден үзе бозды.
Болай булса, нә кыйлырмыз мөселманнар?!
Кар, Батум, Эрзрумнарны ала бирде,
Дунай үтеп, Балкан аша йөрде,
Төрекнең хәлсезлеген тәмам белде,
Болай булса, нә кыйлырмыз, мөселманнар?![3]

Русские в последнее время вдохновились,
Ислам стали притеснять с новой силой,
После этого нарушили свой договор,
Если так пойдёт, что будем делать, мусульмане?!
Карс, Батуми, Эрзурум захватили,
Переплыв Дунай, прошлись по Балканам,
Воочию увидели слабость турок,
Если так пойдёт, что будем делать, мусульмане?!

(Подстрочный перевод автора)

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 248, 347–348.
[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 8 об.
[3] Рус-төрек сугышы бәете // Мирас. – 1992. – № 5. – 52–53 б.

К началу 1878 г. атмосфера была настолько напряжённой, что малейший повод со стороны власти мог вызвать волнения. Действия местной администрации не заставили долго ждать. Так, в Среднем Поволжье главной причиной распространения слухов о предстоящем крещении послужило распоряжение архиерея Самарской епархии от 21 марта 1878 г. о сборе сведения обо всех иноверцах мужского и женского пола для приписки их к православным приходам с целью предоставления живущим среди мусульман христианам возможности знать к какому священнику они должны обратиться для исполнения треб[1]. Для этого им были присланы ведомости для записи православных по приходам. Не вызывал сомнений тот факт, что отныне устанавливаются качественно новые отношения между Русской православной церковью и мусульманским сообществом[2]. Самое главное – эти ведомости получили распространение в соседних регионах, например в Вятской губернии. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что поп с. Александровки, дьяк и волостной писарь с. Чекан представили татарскому населению Бугульминского уезда эту инициативу местной духовной консистории как начало христианизации, заявив при этом, что ими получена бумага, в которой приказано «давать магометанам христианские имена, венчать и хоронить православным священникам совместно с магометанскими муллами»[3].

Одновременно с распоряжением архиерея Самарской епархии от 21 марта 1878 г. в селения Бугульминского уезда поступило требование уездного исправника о проверке свидетельств, выданных муллам для исполнения религиозных обязанностей. Указанные обстоятельства вызвали среди жителей подозрения, а затем и предположения о существовании какого-то неизвестного им правительственного распоряжения о принудительной христианизации всех мусульман. Для выяснения истинного положения дел некоторые сельские общества послали своих поверенных к бугульминскому уездному исправнику, отправили ходатайства оренбургскому муфтию и просили: следует ли муллам исполнять требования православного сельского духовенства о доставлении сведений о численности мусульман.

В своём обращении от 4 ноября 1878 г. оренбургский муфтий С. Тевкелев просил начальника Самарской губернии сделать распоряжение «к устранению подобных действий местных властей и духовенства православной церкви, вселяющих в умы [...] магометан понятие о парализовании их веры»[4]. Уездный исправник и местные полицейские занялись разъяснением незыблемости религиозных прав мусульман в России. Однако вскоре движение вновь охватило Бугульминский уезд[5].

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 400, 405.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 1 об.

[3] Материалы по истории Татарии... – С. 400, 406.

[4] Материал по истории Татарии... – С. 406.

[5] С целью разрядить обстановку, самарский вице-губернатор А. Г. Бринкман указал самарскому епископу переселить священника с. Александровки и дьяка с. Чекан в другую местность, что было исполнено. Оренбургскому муфтию было предложено предписать муллам Бугульминского уезда объявить прихожанам о том, что в империи ислам пользуется одинаковою с другими религиями свободой и всякое посягательство на целость и неприкосновенность его было бы нарушением существующих законов, а насильственное обращение кого-либо из мусульман в христианство не соответствует духу православной религии, поэтому распространённые среди населения слухи не имеют под собой реальной почвы и являются лишь измышлением невежественных людей.

Дело в том, что из соседней Казанской губернии начали поступать сведения о том, что в татарских деревнях этой губернии приказано строить пожарные каланчи и вешать на них колокола, которые ассоциировались у мусульман с православными звонницами.

Для иллюстрации ситуации в Симбирской губернии приведём выдержки из рапорта Бавлинского волостного правления, адресованного в ОМДС[1]. На основании обращения Воскресенской церкви от 18 октября 1878 г. волостное правление запросило от мусульманского духовенства сведения о числе мужчин и женщин в их приходах, от исполнения которого духовные лица категорически отказались. В волостное правление отправились мусульмане деревень Бавлы и Краснояр, которые заявили о наблюдавшемся «паническом страхе» среди единоверцев. Поводом к волнениям стала опрометчивая форма ведомости консистории[2].

В Приуралье поводом для распространения слухов о христианизации послужило предписание администрации Уфимской губернии об установке в деревнях набатных колоколов для оперативного оповещения и сбора местных жителей в случае пожара. Колокольный звон для местного населения однозначно ассоциировался с колокольнями и церковью. Для мусульманского населения Уфимской губернии, региона, где ранее не проводилась активная христианизация, данное предписание властей явилось настоящим шоком. Властям удалось успокоить население, отменив своё решение, однако напряжение в сельских общинах нарастало. Одновременно со слухами о христианизации появились слухи о насильственном комплектовании русских школ детьми мусульман и об изменении их религиозных обрядов, что привело к подаче многочисленных ходатайств мусульман на имя оренбургского генерал-губернатора о гарантии их религиозных прав. Лишь после получения от него уведомления, в котором сообщалось о неприкосновенности ислама, а также о непосещении детьми русских школ без разрешения родителей, население успокоилось[3].

Здесь нужно отметить, что на основании «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. в татарских и башкирских селениях стали открываться русско-мусульманские начальные школы, русские классы при медресе, призванные распространять среди мусульман начальное русское образование. Для их открытия, помимо увещеваний, властями применялись меры принуждения, что вызвало протестную реакцию местных жителей.

Следующим поводом к усилению сомнений относительно искренности действий правительства послужила рассылка осенью 1878 г. Обществом Красного Креста по волостным правлениям Самарской и Уфимской губерний письменных «приглаше-

---

[1] Это обращение религиозное управление своим журнальным постановлением от 1 ноября 1878 г. переслало местному губернатору с предложением «об устранении подобных распоряжений», а ахуну Бугульминского уезда – разъяснять муллам и всему мусульманскому населению о том, что собираемые консисторией сведения «нисколько не относятся» к исламу или стеснению свободы вероисповедания (см.: ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 2. – Д. 142. – Л. 199 об.).

[2] Ведомость не оставляла никаких сомнений относительно намерений духовной власти. В 1-й графе ведомости указывалось название села или деревни, где живут «иноверные и инородцы», во 2-й – национальность: «чуваши, мордва, вотяки, татары и др.», в 3-й – число душ м. п. и ж. п., в 4-й – на каком расстоянии от православной церкви, в 5-й – по клировой ведомости: при какой церкви должно показывать (см.: ЦИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 2. – Д. 142. – Л. 198 об. – 199.).

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1076. – Л. 207–207 об.

ний к пожертвованиям» (отметим, что в России аналогичное Общество Красного Полумесяца было запрещено). На фирменных бланках общества был нарисован красный крест. Для татарских крестьян, не знавших особенностей российского делопроизводства, этот символ христианства стал подтверждением правильности слухов о «кресте в полном ходу». С учётом ментальности сельского мусульманского населения передача волостной администрацией обращения Общества Красного Креста мусульманам была в высшей степени нетактичным шагом.

К тому же, само слово «крестьяне», навязанное российской администрацией нерусским земледельцам (в татарском языке отсутствовал такой термин; лиц, занятых в сельском хозяйстве, называли «игенче», т. е. хлебопашец), также стало вызывать различные предположения. Татары узнали о происхождении слова «крестьянин» от термина «христианин», который в Средние века означал сельского жителя православного вероисповедания, затем трансформировался в понятие, обозначающее сословную принадлежность сельских жителей. Получалось, что если мусульман в деревнях именуют крестьянами, значит, и слухи о христианизации небеспочвенны. Эта новость с тревогой была воспринята в Приуралье, где по итогам административной реформы 1863–1865 гг. тептяри, мещеряки и башкиры впервые были приписаны к категории «сельских обывателей», т. е. стали «крестьянами».

Организация пожарно-страхового дела относилась к числу обязанностей земств, в 1870–1880-е гг. этот вопрос «занимал едва ли не главное внимание губернского земства»[1]. По «Положению о взаимном земском страховании» 1864 г. устанавливалось обязательное и необязательное страхование строений от пожара. Обязательному страхованию подлежали все сельские постройки, находившиеся в черте крестьянской усадебной оседлости[2]. Однако в Казанской губернии лишь в 1877 г. решением экстренного губернского земского собрания от 9 марта 1877 г. было введено обязательное страхование крестьянских построек от пожара сроком на три года[3]. Важно также отметить, что впервые местная администрация стала требовать составления приговора о прочтении на сходах страховых ведомостей, что насторожило татарское население. Свой отказ подписывать приговор о страховании строений сельские общества объяснили тем, что это повлечёт за собою принудительное обращение всех мусульман в православную веру. Некоторые муллы Спасского уезда заявляли, что «страхование есть картёжная игра», и считали его противоречащим шариату[4].

Ситуация в Казанской губернии вышла из-под контроля властей после оглашения «Инструкции сельским обществам по выполнению возложенных на них законом обязанностей губернского по крестьянским делам присутствия» от 27 января

---

[1] *Веселовский Б. Б.* История земства. – СПб., 1909. – Т. 2. – С. 398.

[2] *Субботина А. М.* Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры : монография. – Ижевск, 2010. – С. 158–159.

[3] Согласно изданным казанским губернским земским собранием 8 марта 1877 г. «Инструкции волостным правлениям», строения в крестьянском дворе принимали на страхование по одной от 20 до 52 руб., взимался страховой сбор с 1 и до 2 руб. «В результате крестьянин должен был платить за хозяйственные постройки от 20 коп. до 1 руб. в год» (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 328 об.).

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 112 об.

1878 г. В ней содержались выписки из нормативных документов[1], а также ряд других материалов, имеющих отношение к сельскому податному населению.

Волнение вызвал ряд положений инструкции, касающийся школьного образования, где мулла вообще не упоминался. Скажем, в разделе инструкции о правилах содержания начальных народных училищ указывалось, что Закон Божий «может быть преподаваем в училищах или приходским священником, или особым законоучителем, с утверждения епархиального начальства по представлению инспектора народных училищ»[2]. В разделе о назначении сборов на мирские расходы говорилось, что «мирскими повинностями называются те повинности, которые отправляются каждым обществом для удовлетворения его потребностей, как то: на устройство и поддержание церквей», открытие и содержание сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей[3]. Создавалось впечатление, что муллы заменяются приходскими священниками, преподавание основ религии также должны вести священники, мусульмане наравне с христианами обязаны материально поддерживать церкви. В конечном итоге татарским обществом инструкция была принята как доказательство того, что Российская империя после войны с Османским государством решила начать крещение «всех мусульман»[4]. Сформировалось убеждение о том, «что ежели они подпишут хоть один приговор, составленный на основании этой инструкции, то русское правительство примет за согласие их и на все прочие статьи» данной инструкции[5].

---

[1] Это выписки состояли из цитат, разделов, нормативных актов «Положения о начальных народных училищах» 1874 г. (см.: СПМНП. – Т. VI. – С. 223–234); «Общего пололожения о крестьянах» 1861 г. (см.: СЗРИ. – Т. 9); «Положения о взаимном земском страховании и дополнительные к нему правила, утверждённые Казанским губернским земским собранием, с инструкциями Уездным земским управам, Волостным правлениям и техникам по делам взаимного земского страхования» (Казань, 1877) и др.

[2] Двусмысленные параграфы инструкции, послужившие непосредственным поводом к волнениям, гласили: § 40. «Начальные народные училища учреждаются сельскими обществами с предварительного разрешения инспектора народных училищ и с согласия председателя Уездного училищного совета, о чём и доводится до сведения сего совета. В случае отказа в таком разрешении может быть приносима жалоба Губернскому училищному совету» (ст. 10 «Положения о начальных народных училищах» 1874 г.); § 41. «Размер содержания и порядок отчётности в денежных суммах по начальным народным училищам установливаются сельскими обществами, на счёт которых училища учреждены и содержатся» (ст. 12); § 42. «Сельским обществам, учреждающим и содержащим начальные народные училища, предоставляется для ближайшего заведования оными избирать особых попечителей и попечительниц, которые утверждаются в сих званиях и увольняются от оных Губернским училищным советом, по представлениям подлежащего Уездного училищного совета, в коем они имеют право заседать и подавать голос только в делах своих училищ» (ст. 13); § 43. «Закон Божий может быть преподаванием в начальных народных училищах или приходским священником или особым законоучителем, с утверждения епархиального начальства, по представлению инспектора народных училищ» (ст. 16); § 44. «Прочим предметам в начальных народных училищах могут обучать, с дозволения инспектора сих училищ, как духовные, так и светские лица» (ст. 18).

[3] § 47. «Мирскими повинностями называются те повинности, которые отправляются каждым обществом для удовлетворения его потребностей, как то: на устройство и поддержание церквей, заведение сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей крестьян. На сельские общества возлагается обязательное отправление следующих мирских повинностей» (ст. 117 и 179 «Общего положения о крестьянах» 1861 г.).

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 73–373 об.

[5] ГА РФ. – Ф. 109, 3-я экспедиция. – Оп. 165 (1880). – Д. 27. – Л. 51 об.

На самом деле местные чиновники, механически переписав выписки из законов, халатно отнеслись к своим обязанностям, забыв указать, что некоторые из них, касающиеся религиозного вопроса, распространяются исключительно на православных крестьян. Такое примечание было востребовано, если учесть, что мусульмане составляли около одной трети населения Казанской губернии. В результате инструкция была воспринята как «крестильная грамота», как начало насильственной христианизации.

Татарские крестьянские общины Казанской губернии, составлявшие общественные приговоры о продовольственной ссуде в связи с неурожаем хлебов в 1877 г., по которым уездными земскими управами выделялось зерно, вдруг усомнилось в правильности текста подписанного ими документов. Стали заявлять, что их этими приговорами обманули, в действительности в тексте было написано, что «только тем обществам будут выдавать пособие, которые согласились креститься в православие»[1].

Раздачу инструкции сельским старостам под расписку в конце июня – начале июля и его разглашение в ноябре 1878 г. восприняли как своеобразную тактику обмана, началось подозрение сельских старост в предательстве общественных интересов и ислама. С этого момента практически все действия чиновников стали восприниматься как подготовка или начало христианизации. Отныне «ругательный» лексикон местных чиновников, в котором нередко присутствовала угроза («Я вас окрещу!»), приобретал совсем другое звучание и воспринимался в буквальном смысле[2].

Приведём ещё ряд слухов, циркулировавших среди татарского населения Казанской губернии осенью 1878 г.:

– в каждой татарской деревне будет выстроена каланча и повешен колокол, около которых будут крестить мусульман;

– мальчиков с 6-летнего возраста будут отправлять в русские училища и там их крестить[3].

Некоторые полицейские и члены волостных правлений из числа русских, с ссылкой на инструкцию, говорили татарам о крещении мусульман[4]. Например, в начале октября 1878 г. на просьбу крестьян д. Ургагары о разъяснении причин введении нового порядка писарь Марасинского волостного правления из числа русских поговаривал: «Вы верно сомневаетесь на счёт вашей веры, теперь с 1879 г. ваша вера сменена», и объяснял, что это есть в инструкции (речь идёт об инструкции от 26 января 1878 г. – *И. З.*). Ознакомление с самим документом подтвердило слова писаря. В результате на все действия местных властей татарские крестьяне начали относиться с настороженностью и связывать с подготовкой к христианизации. Бо-

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 32 об.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 349, 375, 408.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 35.

[4] Скажем, помощник акзегитовской волостной старшины (Цивильский уезд) С. Васильев в д. Бакарчи, заметив загородку у мечети, говорил крестьянам, что «тут место нужно для постройки часовни и для столба с колоколом и по этому предмету уже выданы сельским старостам книги», а когда он приехал с вопросником от казанского медицинского инспектора, то говорил, что «татарских детей будут купать в холодной воде» (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 304 об. – 305).

лее того, крестьяне стали усматривать эту политику и в предыдущей деятельности местной администрации. Этим объясняется, например, порубка и отказ в дальнейшем от посадки деревьев в целях пожарной безопасности. Всякое нововведение, да ещё требующее дополнительных затрат, воспринималось как введение русских порядков, от которых и в обращение в православную веру «рукой подать». Для страховки себя от любого обмана со стороны российских властей, татарское население отказывалось не только от подписания приговоров, но и запретило своим старостам иметь какие-либо контакты с волостными правлениями, подписывать какую-либо бумагу по требованию администрации.

Свою лепту в распространении различных слухов вносили русские крестьяне, говорившие о христианизации татарам и башкирам «в шутку»[1].

Получив жалобы из уездов, оренбургский муфтий С. Тевкелев, мгновенно оценив ситуацию, сообщил казанскому губернатору Н. Я. Скарятину «о недоверчивом отношении» татар к полицейским властям и волостным правлениям и просил обратить серьёзное внимание «в особенности на действия волостных начальств и их писарей и не оставить без преследования виновных в поселении между мусульман такого нелепого убеждения»[2].

Со своей стороны казанский губернатор в своём отношении от 30 ноября 1878 г. сообщил о том, что «большинство мулл не достаточно энергично, находчиво и ясно им (крестьянам. – *И. З.*) разъясняют, а некоторые муллы вовсе ничего им не говорят и действуют за одно. Крайне необходимо, чтобы муллы убеждали и внушали, что никогда не будут крестить в православную веру, и они свободно могут отправлять свою магометанскую веру по существующим законам. Чтобы они не верили вышеописанным ложным и нелепым слухам, чтобы они беспрекословно повиновались как губернским властям, так и полицейским, волостным и сельским властям», просил муфтия разослать соответствующий циркуляр «всем муллам»[3].

Оренбургский муфтий С. Тевкелев безуспешно пытался пресечь провокационную деятельность полиции и членов волостных правлений. 27 ноября 1878 г. он обращался к министру внутренних дел А. Е. Тимашеву о необходимости принятия соответствующих мер для успокоения мусульманского населения[4]. 1 декабря 1878 г. С. Тевкелев указывал министру внутренних дел о волнениях среди мусульман в Казанской, Самарской и частично Вятской и Уфимской губерниях, вызванных слухами о крещении. 18 декабря муфтий отправил в МВД на согласование проект своего циркулярного письма, адресованного мусульманам с целью их успокоения. Однако ответа министра не последовало[5].

---

[1] Например, татары сообщили администрации, что распространению слухов о существовании предписания крестить мусульман и о том, что на всех мечетях будут повешены колокола, в Оренбургском уезде способствовали местный чиновник Бондаревский и крестьянин д. Ивановки Трофим Данилов. Доверенные татар д. Мусиной А. Алимбеков и К. Сулейманов заявили, что Данилов распространял слухи на базаре в с. Михайловском. Об этом по инициативе мусульман полицией был составлен акт (см.: Материалы по истории Татарии... – С. 418–419).

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 304 об.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 33–33 об.; Материалы по истории Татарии... – С. 433–434.

[4] Материалы по истории Татарии... – С. 428–429.

[5] Там же. – С. 432; Обращение к мусульманам С. Тевкелева было опубликовано через год, в ноябре 1879 г.

Примечательно, что сенатор М. Е. Ковалевский, проводивший в конце 1880 г. – начале 1881 г. ревизию в Казанской губернии, назвал следующие причины антиправительственных выступлений татар: 1) «возбуждённый религиозный фанатизм мусульман»; 2) «бестактность и нераспорядительность чинов полиции»; 3) ошибки губернской администрации. Сановник специально указал на издержки великодержавного отношения представителей администрации к местному населению: «До чего доходила бестактность чинов полиции, в том числе становых приставов, можно судить уже из того, что некоторые из них вместо того, чтобы успокоить обращавшихся к ним татар с вопросами относительно справедливости слухов о предстоящем обращении их в православие, позволяли себе отвечать утвердительно, потешаясь тем самым над впечатлением, которое производил их ответ на мусульман»[1].

Не вполне удачным оказался текст печатных дополнений и разъяснения инструкции, отправленный не позднее 17 ноября уездными исправниками в волостные правления для последующего распространения среди сельских обществ. В частности, татарское население Петропавловской волости Мамадышского уезда отказалось от их принятия, указав, что в тексте упоминается о православных церквах[2]. В этой связи представляют интерес предложения местного уездного исправника по исправлению напряжённой ситуации. Чиновник предлагал губернатору следующие меры: «1) немедленно разослать во все татарские деревни вновь составленные инструкции на русском и татарском языках, в которых было бы кратко и ясно обозначено то, что исключительно относится до православных и магометан, причём в форме учётного приговора поставить не русское, а татарское имя и 2) разрешить уничтожить прежние инструкции и дополнение, если об этом будут ходатайствовать сельские общества»[3]. Эти рекомендации губернатора не были приняты во внимание.

Во время нахождения сенатора М. Е. Ковалевского в Казани к нему обращались с прошениями поверенные жителей д. Юрташ Ковалинской волости и д. Больших Кульбаш Кукморской волости Казанского уезда (10 и 4 января 1881 г. соответственно)[4]. Просители, выразив своё несогласие на оставление в силе § 47 инструкции, заявляли, что обязательный мирской сбор на устройство и поддержание мечетей противоречит шариату, потому эти расходы должны покрываться добровольными пожертвованиями, и просили в случае сбора таких денег от мусульман причислять в счёт недоимок их сельских обществ, а «снабжение религиозными руководительными правилами предоставлять духовенству».

Таким образом, волнения татар-мусульман в Казанской губернии вызвал ряд факторов, среди которых ключевыми следует назвать следующие:

– в пореформенный период в рамках проведения либеральных реформ и модернизации России самодержавие взяло курс на формирование во внутренних губерниях основ национального государства, основанный на приоритете интересов русского населения и игнорировании национальных меньшинств. В отношении нерусских народов, в частности в отношении татарского населения, он к 1878 г. выразился в создании с 1870 г. институтов по распространению за казённый счёт и за счёт

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 9.
[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 78 об.
[3] Там же. – Л. 79.
[4] РГИА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Д. 224, 198.

местного населения русского начального образования, в передаче в 1874 г. мусульманских конфессиональных школ для установления правительственного контроля Министерству народного просвещения. Наметившаяся активизация по контролю над сокровенной областью мусульманской жизни – школами – насторожила сельские общества;

– поражение в русско-турецкой войне 1878–1879 гг. Османского государства было воспринято как поражение международного гаранта соблюдения религиозных прав мусульман в Российской империи;

– неадекватные действия казанской администрации при составлении инструкции православных священников, представителей других органов власти стали непосредственным поводом к активным действиям татарских сельских обществ. Они стали катализаторами трансформации наблюдавшейся напряжённости в татарском сообществе в антиправительственные выступления.

Прошения сельских обществ, участников движения 1878–1879 гг. Неотъемлемой частью антиправительственных выступлений татарских крестьян явилась кампания по подаче прошений на имя местных губернаторов и правительства. Следует выделить несколько «волн» и адресатов ходатайств.

Пик подачи прошений пришёлся на ноябрь-декабрь 1878 г. Они были адресованы министру внутренних дел, местному губернатору, ОМДС. Причём не всегда одни и те же ходатайства отправлялись в два или три адреса одновременно. Некоторые из них ограничивались подачей ходатайства оренбургскому муфтию.

Помимо прошений, крестьяне отправляли в МВД телеграммы с просьбой исключить из инструкции шесть параграфов, которые они считали противоречащими шариату (§40–44, 47)[1].

Специально можно выделить жалобы, поданные в 1879 г. татарскими крестьянами, в том числе пострадавшими от экзекуции во время посещения главы губернии в начале декабря 1879 г. трёх волостей Казанской губернии, на незаконные действия казанского губернатора.

Можно также выделить ходатайства, которые были переданы в конце ноября 1880 г. – начале января 1881 г. и адресованы прибывшему в Казань с ревизией сенатору М. Е. Ковалевскому.

Рассмотрим все события в определённой последовательности. Узнав в октябре 1878 г. о содержании инструкции и после начала кампании по страхованию хозяйственных строений, сельские общества стали отправлять губернатору своих доверенных. Осознав важность этого канала влияния на крестьян, огромное воздействие на доверенных от личной аудиенции начальника губернии, который вручал им бумагу о гарантии их религиозных прав, полиция стала поощрять командирование доверенных общин в Казань. В ноябре 1878 г. в Казанском Кремле Н. Я. Скарятин ежедневно лично принимал около 150 поверенных от сельских обществ, терпеливо объяснял параграфы инструкции и выдавал письменные разъяснения за своей подписью о том, что крещения мусульман не будет. Однако сельские общества Красноярской, Билярской, Муслюмкинской волостей Чистопольского уезда, Больше-Менгерской, Мамсинской волостей Казанского уезда, Морасинской и Полянской волостей Спасского уезда, несмотря на предложения властей, не отправляли своих

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 23–24, 35.

представителей[1]. На наш взгляд, встреча с губернатором и полученная от него бумага, по мнению крестьян, снимали необходимость подачи на его имя ходатайства. Именно этим обстоятельством следует объяснить малочисленность прошений на имя начальника губернии.

Практически одновременно с началом посылки из Чистополя прошений прибывающих сюда из соседних уездов крестьян в различные инстанции, некоторые доверенные стали отправлять телеграммы самому министру внутренних дел. Одну такую из первых телеграмм МВД получило от доверенного д. Нижние Тиганы Имаметдина Мифтахутдинова, который сообщал о подаче им прошения на имя губернатора с просьбой отметить шесть параграфов инструкции, как противных исламу. 17 ноября МВД уже запросило информацию у руководства губернии относительно причин волнений крестьян[2].

В ноябре 1878 г. начальнику Самарской губернии стали поступать ходатайства сельских обществ мусульман о разъяснении слухов о крещении, а купцы-мусульмане Бугульмы прислали министру внутренних дел телеграмму с таким же содержанием с разрешения городского головы.

Сенатор М. Е. Ковалевский в конце ноября 1880 г. – начале января 1881 г. провёл тщательное расследование поступка Н. Я. Скарятина, сделал вывод о том, что восстановить порядок можно было «хоть и не указанною в законе мерою, но применительно к населению менее жестокою»[3].

Ещё в октябре 1878 г. некоторые крестьяне стали агитировать за подачу прошений на имя императору или МВД, становились поверенными своих сельских обществ[4], что способствовало транформации подачи ходатайств в социальное явление. Большое воздействие на крестьян оказывало участие в организации петиционной кампании сельских мулл. В частности, мулла д. Мурья Мусич Мамадышского уезда Галязетдин Мухутдинов собрал с прихожан деньги[5] и подал прошение на имя министра внутренних дел о гарантии их религиозных прав. После получения разъяснения от губернатора о беспочвенности опасений, он сообщил прихожанам, что ни губернатору, ни российскому императору верить не следует, он поедет в Санкт-Петербург и подаст заявление турецкому султану о защите их от притеснений[6].

Одним из первых инициаторов подачи прошений в Чистопольском уезде был крестьянин Красноярской волости д. Кутлушкино Хуснутдин Гайнутдинов. Сельское общество избрало его ходатаем, собрав 200 руб., отправило в Чистополь. С помощью

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 48.

[2] Там же. – Д. 4345. – Л. 23–23 об.

[3] Н. Я. Скарятин оправдывался, что «покорность была только наружная, так и своим убеждением, что без устрашения, произведённого наказанием, после ухода войск, беспорядки не только возобновились, но и перешли бы за пределы губернии» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 12 об.).

[4] В частности, крестьянин д. Ахметево Юхмачинский волости Хайрутдин Назмутдинов встречался с односельчанами, призывал подать прошение в столицу, заявляя, что не подписавшие прошение будут крещены. Собрав у односельчан около 10 руб., в Чистополе оформил два ходатайства и отправил адресатам (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 118).

[5] Объявлял, что тех, кто не подаст денег, будут крестить.

[6] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 72–73 об.

бывшего волостного писаря И. А. Любимцева он составил прошение на имя министра внутренних дел[1]. Затем эта практика распространилась на весь уезд.

Нотариус Чистополя Кабитович писал просьбы более сильного содержания, старался «представить татарам их положение в самом мрачном виде и, доказывая незаконность обращённых к ним требований, обещал освободить их от них». Любимцев и Кабитович, объясняя смысл инструкции и закона 19 февраля 1861 г., уверяли крестьян, что своим упорством доверенные заставят правительство отменить все повинности[2].

«Бюро по фабрикации приговоров и прошений», по оценке губернатора, было обнаружено в доме чистопольского мещанина Азаматова[3].

Действия данных лиц положительно повлияли на крестьянские массы. Составление приговоров и прошений, общение их с доверенными сельских обществ укрепляло уверенность крестьян в справедливости своих прошений и надежду на помощь со стороны царя, МВД и оренбургского муфтия. В результате усиливалось их неповиновение местным властям.

Запросы МВД относительно присланных телеграмм и поступивших ходатайств привели к обыску в доме Любимцева. Полицией были выявлены все составители прошений, они были допрошены. Гайнутдинов, Любимцев, Азаматов, Мельников были на время арестованы, а Кабитович был отправлен в отставку. Попытка губернатора Скарятина выслать из губернии Гайнутдинова, Любимцева, Кабитовича не увенчалась успехом. Начальник III отделения не дал на это разрешения.

Часть крестьян приезжала для составления ходатайства в Казань. В городе купец 2-й гильдии Шамсутдин Сагадеев был известен как ходатай по делам татарских крестьян. В конце 1878 г. почти все доверенные от сельских обществ, приезжающие в Казань, останавливались в его постоялом дворе, где получали советы и наставления. Ш. Сагадеев убеждал их, что императору неизвестны действия правительства по подготовке христианизации татарского населения, и что необходимо избрать уполномоченного и направить в Петербург. Во многих сельских обществах Казанского и Спасского уездов в 1878, 1879 г. и в начале 1880 г. для этой цели собирали деньги. Ш. Сагадеев несколько раз ездил в столицу. По приезде он объяснял крестьянам, что «всё будет сделано по их желанию и по его ходатайству, административное начальство в губернии будет сменено». При разбирательстве судебного дела о волнениях в Спасском уезде в 1880 г. Ш. Сагадеев наказывал приезжим крестьянам, чтобы они не давали показаний против виновных, «так как эти личности страдают за веру». В августе 1880 г. он был приговорён к высылке из губернии[4].

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3, 1878–1879 гг. – Д. 4627. – Л. 223.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 366.

[3] Азаматов принимал доверенных от сельских обществ, составлял и писал прошения, а для ускорения дела пригласил мещанина Мясникова и отставного рядового Мельникова для переписки этих прошений. Они составляли приговоры не только крестьянам Чистопольского, Спасского, но и Мамадышского уездов. При обыске в конце ноября 1878 г. в его доме были обнаружены чистые листы с печатями сельских старост, уже написанные прошения от 13 сельских обществ Мамадышского уезда на имя муфтия, 4 – на имя министра внутренних дел и т. п. (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 93–97).

[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4922. – Л. 1–2 об.

Однако вскоре прибывший в Казань с ревизией сенатор М. Е. Ковалевский отменил это решение из-за недостаточности улик.

Нами выявлено всего 16 прошений от жителей 18 селений Спасского (6 прошений), Чистопольского (6) и Мамадышского уездов, адресованных губернатору. Прошения первых двух уездов подавались доверенными лицами на основании приговоров, из Мамадышского уезда ходатайства были поданы 24 ноября в Чистополе группой крестьян из 7–8 человек. Общественные приговоры были составлены с 8 по 30 ноября, прошения – с 8 по 30 ноября. В 4 прошениях, в том числе ходатайстве чувашских крестьян (д. Чувашская Майна), говорилось о страховании имущества в противопожарных целях. В 4 прошениях крестьяне высказывали своё несогласие с § 40, 41, 42, 43, 44, 47, в остальных – § 43 и 47 инструкции (§ 43. «Закон Божий может быть преподаванием в начальных народных училищах или приходским священником или особым законоучителем, с утверждения епархиального начальства, по представлению инспектора народных училищ»; § 44. «Прочим предметам в начальных народных училищах могут обучать, с дозволения инспектора сих училищ, как духовные, так и светские лица»)[1].

Прошения татарских крестьян составлены в рамках действующих правил, выражающих почтение власти. В первом варианте прошений, несмотря на целый ряд положений, ухудшающих материальное положение крестьян, татарские сельские общества отмечали, что «любимый наш император» даровал нам свободу в исполнении религиозных ритуалов, а губернская администрация своей инструкцией «стесняет исполнению магометанской религии». В качестве ущемляющих религиозные права мусульманского населения приводятся § 43 и 47, согласно которым мусульмане обязаны преподавать Закон Божий через священников или особых законоучителей с утверждения епархиального начальства, и в состав мирских повинностей должен войти сбор на устройство и поддержание церквей, содержание училищ, учителей, которые противоречат шариату. На этом основании доверенный делает вывод о том, что эти параграфы введены с целью христианизации мусульман, просит аннулировать § 43 и 47, как «вредные» шариату. Что касается устройства мечетей, школ, то их содержание является для мусульман добровольным действием, а не обязательной повинностью[2].

Другая группа просьб касалась вопроса относительно отмены требования сбора страховых денег, просители без особой мотивации указывали своё нежелание страховать строения[3].

Изложенные в прошениях крестьян Казанской губернии просьбы совпадают с рапортами уездных исправников о мотивах социального протеста сельских общин. Составители текстов чётко записывали основные пожелания доверенных лиц, ничего не добавляя от себя.

Как видно из ходатайств, причинами их подачи крестьянами соседних губерний стали, прежде всего, слухи о тревожной ситуации в Казанской губернии, вызванные введением инструкции губернского по крестьянским делам присутствия, а также

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 1–2, 5–6 об., 9–10, 15–15 об., 18–18 об., 34–35, 40–42, 44–44 об., 45–46, 66–67 об., 77–82.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 358–359.

[3] Там же. – С. 416.

очередная, на новое трёхлетие, кампания земских учреждений по сбору страхового сбора с крестьян, местные издержки в действиях местных властей, дающие основание мусульманским общинам интерпретировать их как покушение на ислам.

Подававшиеся уфимскому губернатору прошения мусульман из ряда деревень Мензелинского и Белеевского уездов с просьбой разъяснить слухи о крещении составлялись в Уфе служащими ОМДС[1]. Сельские общества также отправляли к губернатору В. Д. Левшину доверенных для получения его словесных заверений о незыблемости своих религиозных прав.

Таблица № 13

Сведения о прошениях татарских крестьян разных уездов, поданных на имя министра внутренних дел в ноябре 1878 г. – июле 1879 г.[2]

№	Уезды	Против крещ.	Против страхов.	Против страх. и крещ.	Прошения	Селения	Волости
1	Лаишевский	9	–	–	9	9[1]	5
2	Мамадышский	31	–	–	31	31	11
3	Спасский	9	14	3	26	26	7
4	Чистопольский	3	10	3	16	23	9
5	Бугульминский	6	3	1	10	16	5
6	Самарский	1	–	–	1	1	1
7	Мензелинский	2	–	–	2	4	2
8	Стерлитамакский	1	–	–	1	2	1
	Итого	62	27	7	96		41

Прошения поступили из 41 волости 8 уездов Казанской, Самарской (9) и Уфимской (3) губерний. Татарским обществом Казанской губернии было составлено 82 из 91 прошения. В своих ходатайствах большинство просителей из Спасского (17) и Чистопольского (13) уездов высказывались против страхового сбора. Во всех прошениях жителей Лаишевского (9) и Мамадышского (31) уездов говорилось об угрозе христианизации.

В Самарской губернии следствием волнений явилась подача прошений (18 января и 21 марта 1879 г.) от поверенных татар д. Ново-Урманаево и д. Митряево Чеканской волости Бугульминского уезда, адресованных министру внутренних дел Л. С. Макову. Первое – о «маленьком волнении по недоразумению смысла инструкции», касающегося ислама, второе – «о некоторых притеснениях, назначенных полицейскими урядниками, а также о строгом притеснении волостным правлением в отношении

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 417–418.
[2] Там же. – С. 483–484.

сбора страховых денег». 16 марта 1879 г. они вновь подали прошение, напомнив о неполучении ответа на два предыдущие прошения, и просили разрешить им отказаться от страхования имуществ, заверив, что в случае пожара не будут требовать денежной компенсации[1].

Остальные прошения мусульман Самарской губернии, поступившие в адрес министра внутренних дел, касались вопроса ожидавшего мусульман крещения[2]. Причём они были идентичны с ходатайствами татарских крестьян Казанской губернии.

Циркулирующие в регионе слухи о христианизации отражены в двух прошениях от сельских обществ Мензелинского уезда Уфимской губернии.

В целом основная часть ходатайств, адресованных в МВД, была составлена в конце ноября 1878 г. – январе 1879 г., они подавались каждым сельским обществом автономно по решению сельского схода. Лишь в трёх прошениях из Уфимской губернии стоят подписи жителей 6 селений.

Прошения из соседних с Казанской губернией регионов имели «школьный характер» и были направлены против «устройства русских училищ». Например, против «устройства русских училищ» высказывался, например, в 1878 г. поверенный мусульман Г. Хайбуллин из Мензелинского уезда Уфимской губернии. Он сообщал оренбургскому муфтию о том, что «средство это уничтожает грамотность, стало быть, и веру»[3].

Группа прошений, поданных прибывшему в Казанскую губернию с инспекторской проверкой сенатору М. Е. Ковалевскому в конце ноября 1880 г., январе 1881 г., подписаны составителями. В частности, крестьянин д. Большие Менгеры Шарафутдин Насыров в прошении от 27 ноября 1880 г. обвинял губернатора в том, что по приказанию последнего его высекли розгами по 60 ударов «по обоим бокам», сетовал на отсутствие ответа на его жалобу в Сенат, поданному в 1879 г. Утверждал, что в беспорядках участия не принимал, наоборот, вёл разъяснительную работу[4]. Другой житель этого селения – Халит Мусин, жаловался на свой незаконный арест на месяц (до 4 января 1879 г.)[5].

Поверенный д. По речке Мамсе Мамсинской волости Низаметдин Зейнетдинов высказывал жалобу (27 ноября 1880 г.) на принудительное изъятие на содержание военной команды и русских крестьян, осуществлявших экзекуцию мусульман,

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 416.

[2] Это прошения жителей д. Верхние Нурлаты Самарского уезда (декабрь 1878 г.), д. Бавлы Бавлинской волости (16 декабря 1878 г.), д. Ильбак Мензелибашской волости (4 декабря 1878 г.), д. Кармады-Елга Самароковской волости (10 января 1879 г.), коллективное прошение жителей деревень Урсаево, Тумутук, Чалпы, Куптяк, Сасыкуль и Еланкулево Тумутукской волости (6 января 1879 г.), д. Каразириково Чеканской волости (30 ноября 1878 г.), коллективное прошение д. Ново-Ураманаево, Ново-Митряево и Байрякино (29 декабря 1878 г.) Бугульминского уезда (см.: Материалы по истории Татарии... – С. 486).

[3] *Фархшатов М. Н.* Мектеб или школа: прошения мусульман Волго-Уральского региона по вопросам образования за 1870–1890-е годы. – С. 193–212.

[4] РГИА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 1.

[5] Там же. – Д. 47. – Л. 1.

скота, хлеба, другого продовольствия на сумму 971 руб. 17 коп., в том числе деньгами 250 руб. 50 коп., приложив поимённый список 118 чел., с хозяйства которых незаконно забрали коров, домашнюю птицу и др. для «обжорной команды»[1].

Таким образом, подача ходатайств сыграла важную роль в доведении до начальников губерний и правительства о неправомерных действиях местной администрации, нарушавших традиционный уклад жизни и противоречавших нормам шариата. Губернские власти пытались различными способами исправить свои упущения, распространяя письменные гарантии о соблюдении религиозных прав мусульманского населения, внося изменения в тексты предписаний, проводя устную разъяснительную работу и т. д.

Антиправительственные выступления сельских обществ. В Казанской губернии поводом к выступлениям в октябре 1878 г. жителей 12 татарских, 2 мордовских и одного чувашского селений Спасского и Чистопольского уездов послужило оглашение на сельских сходах решения экстренного Казанского губернского земского собрания от 9 марта 1877 г. об обязательном страховании крестьянских построек от огня сроком на три года.

Волнения по противодействию страховому сбору и исполнению положений инструкции начались в Спасском уезде, затем перекинулись на Чистопольский, позже на Казанский уезды. Дело в том, что в Спасском уезде обстановка накалилась вследствие того, что уездный исправник самовольно увеличил в несколько раз расходы сельских обществ на противопожарные нужды и обеспечение общественного порядка в селениях (число лошадей, количество стражников в волостных правлениях, зарплата ямщику, волостному старшине, его помощнику и писарю)[2]. Между тем 1877 г. был в губернии неурожайным, «с ноября и декабря пришлось выдавать пособие на продовольствие и преимущественно татарскому населению»[3]. Даже незначительное увеличение мирских сборов болезненно отражалось в бюджете крестьянских хозяйств, имевших задолженность по продовольственной ссуде. В частности, на основании этой инструкции в Спасском уезде потребовали, чтобы все пожарные бочки должны быть выкрашены масляною краскою, «сараи должны быть бревенчатые, а не дощатые, при них должны быть выстроены каланчи и повешены медные колокола, чтобы набатом созывать людей на тушение пожара»[4]. Для деревни с 140 домохозяевами требовалось «кроме постройки пожарного сарая и покупки пожарной машины и инвентаря, у каждой бочки с водой содержать по одной лошади и по восемь человек дозорных, одного дежурного при въездной квартире, двоих караульных при полевых воротах, пожарного старосту. Всего расход в сутки – 14 лошадей и 26 человек». Если перевести эти расходы в денежный эквивалент, то в год община должна была расходовать до 4380 руб.[5]

В д. Большие, Средние и Нижние Тиганы, Адельшино, Татарское Муллино и Старые Ургагары Спасского уезда крестьяне отказались платить подати и прочие

---

[1] РГИА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 1–7.
[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 34–34 об., 361.
[3] Там же. – Д. 4072. – Л. 35.
[4] ГА РФ. – Ф. 109, 3-я экспедиция. – Оп. 165 (1880 г.). – Д. 27. – Л. 50.
[5] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 34–34 об.

казённые и земские сборы, а также содержать волостные правления. Сельские старосты не принимали никаких мер к сбору податей[1]. В д. Старые Ургагары и Большие Тиганы были сменены сельские старосты. А староста второго селения был ещё и избит.

Первоначально в Спасском уезде волнения начались в 14 селениях, но вследствие угроз и всевозможных увещеваний местных властей приговор о страховании подписали 6 сельских общин. Остальные селения (Татарское Муллино, Старые Ургагары, Большие, Средние и Нижние Тиганы) продолжали держаться линии неповиновения[2]. Вышеназванные селения и д. Адельшино отказались платить подати и прочие казённые и земские сборы, а также налоги на содержание волостных правлений[3].

С первых же дней волнений в Спасском уезде проявилась солидарность мусульманского духовенства с крестьянами. Так, в селениях Старые Ургагары и Татарское Муллино, при приближении исправника к сельскому сходу для увещевания собравшихся у мечети, все бывшие на сходе во главе с муллою запели «Аллаху Акбар» (Аллах велик). Поэтому предоставляется закономерным непослушание муллы последнего селения исправнику, который ушёл со схода по требованию народа[4].

Важно отметить установку духовенства на игнорирование указов правительства, никаких требований не исполнять, приговоров не составлять, подписок не давать, ни к чему не прикладывать печать сельского старосты. Некоторые духовные лица указывали, что не следует верить русским властям, которые врут[5].

А мулла д. Новые Ургагары Н. Ибрагимов отказался выдать по требованию волостного правления метрические данные на одного из сельчан. Причём представители духовенства нередко выступали как доверенные от своего общества, командировались в Казань к губернатору для выяснения ситуации[6].

В октябре – ноябре в 1878 г. в волнениях участвовали все татарские селения Полянской, Левашовской, Морасинской, Николо-Пичкасской (кроме одной деревни), Ромадановской (кроме одного населённого пункта) волостей, а также ряд татарских обществ Алькеевской, Гусихинской, Кутушской волостей Спасского уезда.

В ноябре в Чистопольском уезде особенно решительно выступили татарские крестьяне Билярской, Красноярской, Муслюмкинской волостей, волнения наблюдались

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 260–260 об.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 349.

[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 260–260 об.

[4] Материалы по истории Татарии... – С. 349.

[5] Не позднее 8 декабря 1878 г. мулла д. Еникей Чишма Мамадышского уезда Мухаметрахим Искандеров заявил прихожанам после общественной молитвы в мечети, что он «хотя и имеет от русского правительства указ звания муллы, но ему не придаёт никакого значения, и его следует изорвать, подтерев им предварительно задницу» (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 255–255 об.).

[6] Другой мулла д. Новые Ургагары Салахутдин Фахрутдинов в конце октября 1878 г., собрав с прихожан 90 руб. денег, поехал в Санкт-Петербург для подачи прошения императору, отлучался на три недели. И после приезда продолжал агитировать общества не исполнять требования чиновников. Его брат Салахутдин и крестьянин Мухтар Баширов ездили по соседним селениям, распространяя аналогичные призывы (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 40–40 об.).

и в Старо-Альметьевской, Каргалинской, Егоркинской, Старо-Максимкинской волостях. Однако они редко прибегали к непосредственному столкновению с властями. Так началось волнение татарских крестьян, проживавших «островками» на такой большой территории. Этим обстоятельством можно объяснить отсутствие руководства выступлениями крестьян. Однако уже в то время крестьяне брали пример с жителей д. Средние Тиганы. Совместно с татарами выступил ряд селений с чувашским, мордовским, русским населением. Полиция отмечала, что татары распространяют слух, что «русские и чуваши будут крепостные, а их, татар, будут крестить»[1].

Имели место попытки крестьян организовать совместные выступления сельских общин, что свидетельствовало об их возрастающем сознании[2].

Положение в Спасском уезде сильно тревожило губернатора. В рапорте министру внутренних дел А. Е. Тимашеву от 4 ноября 1878 г. он сообщил о посылке для увещевания восставших лаишевского уездного исправника Назонова, «опытного чиновника и очень ловкого в обращении с крестьянами», а в случае неудачи о своём намерении лично прибыть с военным отрядом. Назонов объехал все селения, охваченные волнениями, уговаривал жителей, призывал к смирению, грозился в случае неповиновения прислать солдат. Крестьяне д. Нижние Тиганы, наивно веря в справедливость высшего начальства, 14 ноября послали телеграмму министру внутренних дел об этих угрозах исправника[3].

«Миссия» Назонова только усилила волнения крестьян в Спасском уезде. Примеру восставших последовали другие селения. В первой половине ноября крестьяне д. Новые и Старые Салманы Матаковской волости Спасского уезда сменили своих старост[4].

7 ноября около 300 татарских крестьян из д. Киязлов, Старое и Новое Кадеево Кутлушской волости (Чистопольский уезд) избили волостного писаря, заявили о своём отказе иметь пожарные инструменты, караулы, страховать жильё[5].

Во второй половине ноября число неповинующихся сельских общин резко возросло. Крестьяне д. Среднее Алькеево Спасского уезда дважды избивали полицейского сотского и сельского старосту, требовали их смены[6]. Были заменены сельские старосты д. Круг Озеро, Балыкуль, Абдулловы Салманы Матаковской волости[7].

---

[1] Так, крестьяне д. Новые Ургагары Салахутдин, Фахрутдин и Мухтар Багировы посещали соседние селения и «возмущали» народ. А крестьянин д. Новые Челны Загретдин Ахметов с самого начала волнений с октября месяца ездил по деревням (был в населённых пунктах Татарское Муллино и Новое Камкино, по ночам собирал сходы, говорил, что правительство их обманывает, что никакие его требования исполнять не следует). Ахметов призывал не страховать свои дома, не давать никаких приговоров, не избирать полицейских десятских и пожарных старост. Он часто бывал на базаре в д. Матаки, собирал народ, ставил в пример крестьян д. Тиганы и призывал присоединиться к ним (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 102 об.).

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 193–193 об.

[3] Там же. – Д. 4627. – Л. 11, 115.

[4] Там же. – Д. 4345. – Л. 42.

[5] Там же. – Д. 4627. – Л. 108–109.

[6] Там же. – Д. 4345. – Л. 42.

[7] Там же. – Д. 4627. – Л. 116,117.

21 ноября 50 крестьян д. Сухие Курнали Левашовской волости Спасского уезда во главе с сельским старостой явились в волостное правление с письменным заявлением о том, что они не желают принимать на страхование дома, так как платёж сбора за страхование «отягащает их»[1]. Крестьяне д. Нижнее Алькеево, Татарские Студенцы, Ямкино Алькеевской волости Спасского уезда[2], д. Старой Амзи Альметьевской волости Чистопольского уезда отказались принять дополнение к инструкции, а последние не допустили до въездной квартиры[3].

Татарских крестьян д. Новой Амзи становой пристав вообще не смог собрать на сход для оглашения дополнения к инструкции[4].

Нужно отметить, что со второй половины ноября восставшие крестьяне всё чаще не только отказывались исполнять требования волостных чиновников, но и грозили им расправой и даже избивали их[5].

23 ноября крестьяне д. Ямкино Спасского уезда волостной старшине твёрдо заявили об отказе страховать постройки, угрожали расправой. Так и не дождавшись муллу, он уехал[6].

В восстании татарских крестьян, охватившем Спасский и частично Чистопольский уезды, приняли участие и несколько деревень чувашских, мордовских и русских крестьян.

Таким образом, неповиновение татарских крестьян выразилось, во-первых, в полном неподчинении волостным, уездным и полицейским властям, во-вторых, в образовании крестьянского самоуправления в пределах своих селений, которое часто сопровождалось сменой сельской старосты, в-третьих, в отказе от исполнения повинностей. После объявления инструкции многие сельские общества отправляли своих поверенных, как крестьян, так и мулл, с жалобами в Казань к губернатору и даже в Петербург.

Необходимо также более подробно остановиться на участии представителей татарского духовенства в волнениях. Казанский губернатор в своём письме в адрес муфтия С. Тевкелева отмечал, что «большинство мулл недостаточно энергично, находчиво и ясно им (крестьянам. – *И. З.*) объясняет («Инструкцию». – *И. З.*), а некоторые муллы вовсе ничего не говорят и действуют заодно»[7]. Раскрывая значения этой ёмкой фразы Н. Я. Скарятина, отметим, что выступлением татарских

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 20.

[2] Там же. – Д. 4627. – Л. 100.

[3] Там же. – Д. 4466. – Л. 48.

[4] Там же. – Л. 64.

[5] 22 ноября по прибытии в д. Исляйкино Чистопольского уезда полицейского урядника, сотского и стражника около их квартиры собралось более 200 крестьян, которые отказались от указателей с надписями названий селений, требовали упразднения должностей сотского и старост. С урядника сняли шубу, стражнику нанесли побои. Урядник, сотский, стражник заперлись во въездной квартире. Крестьянин Мунигул Валитов намеревался с топором выдрать оконную раму и влезть в избу с криком: «Давай их убьём – Сибирь так Сибирь». Только обнажённая шашка стражника остановила его. Был сильно избит и сменён сельский староста. Главными организаторами признаны Багаутдин Сейфутдинов и Сеифулла Мулюк Сентягафаров.

[6] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 101.

[7] Там же. – Д. 4345. – Л. 33.

крестьян Балтасинской волости Казанского уезда[1] Шиньшинской, Кшкловской, Кулекиминской волостей Царевококшайского уезда[2], ряда селений Петропавловской, Асан-Илгинской, Елышевской, Нижне-Сунской волостей Мамадышского уезда[3], некоторых деревень Спасского уезда руководили представители духовенства. Это само по себе уже отрадный факт, так как духовные лица обычно действовали очень осторожно и, по мнению властей, татары очень редко и в исключительных случаях доносили на мулл.

Повстанцы избивали представителей полиции, избирали новых сельских старост, отказывались от содержания противопожарных помещений, лошадей и караулов при них, запрещали сельским старостам посещать волостные правления, не платили налоги и не исполняли повинности[4]. Сразу подавить народные волнения в Спасском и Чистопольском уездах, используя военную силу, власти не смогли из-за отсутствия переправы через Волгу и Каму.

Отказ подписывать приговор о страховании строений сельские общества объяснили тем, что это повлечёт за собою насильственную христианизацию мусульманского населения. Крестьяне начали полностью игнорировать требования властей. Сельские старосты не могли подписывать бумаги, некоторые из них были смещены[5]. Основными методами и формами борьбы стали установление крестьянского самоуправления, неподчинение волостным, уездным властям и полиции, отказ от уплаты податей, составление ходатайств в высшие инстанции.

Выступление сельского общества д. Асан-Илги началось после сообщения местного муллы о готовящейся христианизации. 19 ноября крестьяне, собравшись на сход, избили волостного сторожа за то, что он, мусульманин, не предупредил общество о готовящемся крещении татар[6]. Татарские крестьяне Елышевской волости, собравшись на сход, требовали от волостного начальства выдачи им справки о том, что они заявляли о противоречии некоторых параграфов инструкции их вероучению. На этом основании татарские сельские общества Асан-Илгинской и Елышевской волостей отказались выполнять государственные повинности и выслушивать увещевания местных чиновников[7].

20 ноября крестьяне д. Псяк Асан-Илгинской волости, отказавшись от требования сельской старосты платить подати, его сильно избили и сместили с должности.

Выступления крестьян происходили и в других уездах. В Тетюшском уезде волнения крестьян в основном связаны с дополнением к инструкции. 24 ноября в д. Казыевой Караталги Старо-Барышевской волости был сильно избит сельский староста, изъяты дополнения к инструкции; противодействия властям также оказывали жители д. Большие и Малые Атряси Никифоровской волости. 1 декабря к ним присоединились крестьяне д. Бибаево Больше-Янасальской волости, но волостной

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4345. – Л. 53–54, 56–56 об.
[2] Там же. – Д. 4627. – Л. 98–99 об., 116–117, 260–260 об.
[3] Там же. – Л. 73 об., 75; 214–214 об.; Д. 4466. – Л. 72 об.–73; Д. 4627. – Л. 2, 225.
[4] Там же. – Л. 260–260 об.
[5] Там же. – Л. 260–260 об.
[6] Там же. – Д. 4345. – Л. 73 об., 75.
[7] Там же. – Л. 214–214 об.

старшине путём увещеваний удалось уговорить их. Татарские крестьяне не приняли инструкцию, а потом и дополнения к ней во всех девяти селениях Ивановской волости, в трёх деревнях Ульяновской и Косяковской волостей Свияжского уезда[1].

Особенно сильным было выступление татарских крестьян Чебоксарского уезда. Здесь неповиновение властям оказали сельские общества д. Янгильдино Богородской волости. После объявления инструкции для общей договорённости они отправили своих поверенных в соседние уезды. А в октябре-ноябре крестьяне самовольно, без приглашения сельской старосты, собирались на сходы. Действиями крестьян руководили Файзулла Хисматуллин и Абдулгафар Абдреев, «люди не очень богатые», и отставной солдат Якупов. Фактически вся власть в деревне перешла в руки крестьян. Хисматуллин часто выезжал в Казань. Вскоре по его инициативе вся сельская община: и татары, и возвратившиеся в мусульманство собрали деньги в сумме 120 руб. для ходатайства о предоставлении самоуправления в совершении религиозных обрядов. Сельские общества отказывались платить повинности за лиц, поступивших на военную службу, был избран новый сельский староста[2].

Таким образом, антиправительственные выступления татарских крестьян выразились в полном неподчинении волостному и уездному начальству, смене сельских старост, отказе от исполнения повинностей, избиении представителей администрации.

Национальные «крестьянские республики» в Казанском уезде. Эпицентром антиправительственных выступлений татарских крестьян стал Казанский уезд. Крестьяне искренне верили в возможность насильственного отчуждения их от ислама[3].

Неповиновение властям оказали сельские общества Арской, Новокишетской, Балтасинской, Кармышской, Больше-Атнинской, Мамсинской, Больше-Менгерской волостей. В последних трёх волостях неповиновение переросло в восстание. Основным мотивом начала выступлений явилось несогласие крестьян с теми пунктами инструкции, в которых ущемлялись национальное достоинство и религия. По этой причине в 20-х числах ноября в Кармышском волостном правлении собрались более тысячи крестьян. Они хотели избить старшину и писаря, но становому приставу удалось предотвратить дальнейшие беспорядки[4].

За разъяснениями отдельных параграфов инструкции и с требованием сменить сельских старост крестьяне являлись в волостные правления. 26 ноября, узнав о прибытии уездного исправника, в д. Большая Атня собралось около 1 тыс. татар, которых чиновник в течение 2,5 часа пытался убедить в нелепости слухов о крещении. Сход потребовал письменного удостоверения о том, что «их веру правительство не тронет и их никто и никогда крестить не будет». Услышав заверение, что такая бумага будет выдана, как только из Казани привезут печать, крестьяне разошлись.

27 ноября уездный исправник прибыл в д. Большие Менгеры, где его у волостного правления встретили сельские старосты и около 800 крестьян. При нём были избиты волостной старшина, писарь, полицейский стражник и мулла д. Новый Менгер. Осознавая безвыходность своего положения, исправник решил отправиться в Казань. Узнав в дороге, что на 28 ноября намечается новая сходка жителей

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 102, 119–119 об., 214–214 об., 242.
[2] Там же. – Д. 4659. – Л. 14, 19, 20 об.
[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 2.
[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 68–68 об.

в Больших Менгерах, он вернулся обратно, где и застал около 1 тыс. крестьян за составлением приговора о смене волостного старшины[1]. В результате 27 ноября в Больше-Менгерской волости, состоявшей из 12 сельских обществ (4 тыс. душ мужского пола), было установлено крестьянское управление.

27 ноября крестьяне соседней Больше-Атнинской волости, узнав о событиях, произошедших в Больших Менгерах, также собрались на волостной сход. Затем, избив волостных старшину и писаря, стали искать составленные ими общественные приговоры на получение продовольствия и обсеменение полей в связи с неурожаем 1877 г. По предположению крестьян, во второй части этого приговора писарь указал об их согласии принять крещение. Были смещены все 13 сельских старост и избран новый волостной старшина, изгнаны русские промышленники, проживавшие в Атне. Таким образом, и в Больше-Атнинской волости, в котором проживало татарское население (более 3700 душ мужского пола), вся власть перешла в руки крестьян.

Решительностью отличались действия крестьян Мамсинской волости (20 сельских обществ с 4 тыс. душ мужского пола). 23 ноября полиция раздала сельским старостам дополнения к инструкции. Крестьяне были недовольны и волостным начальством, и сельскими старостами, принявшими «вредный для магометанской веры» документ. Становой пристав, получив известие об ожидании собравшихся у волостного правления в д. Большие Кляри приезда волостного писаря, чтобы избить его «за выдачу книг, противных их религии», послал предписание собрать 28 ноября волостной сход с участием мулл, сельских старост, сотских, десятских с участием от каждого общества пяти наиболее благонадёжных домохозяев. В Больших Клярях пристав оставался недолго – уехал в д. Большие Менгеры по вызову уездного исправника. Его требование распустить волостной сход и собраться на следующий день утром не было исполнено. После его отъезда собралось почти всё мужское население волости, крестьяне требовали, чтобы к ним вышли писарь Завалишин и волостной старшина Галиев, которого обвиняли в том, что «продался за 60 рублей и хотел сделать татар русскими»[2]. Получив отказ, они вошли в правление, избили писаря и двух стражников. Члены волостной администрации были заперты в правлении. Сход сменил волостного старшину. Также были изгнаны 12 русских промышленников, проживающих в волости.

На всех дорогах, перекрестках и мостах, за несколько вёрст от селений крестьяне выставили караулы, которые внимательно следили за всеми приезжающими и отъезжающими из волостного центра[3].

В Атне мамсинцы направили нарочного пригласить уездного исправника, однако последний предпочёл отправиться в Казань для доклада начальству о событиях в трёх волостях.

28 и 29 ноября в Мамсинской волости шло укрепление крестьянского самоуправления – были смещены сельские старосты д. Ашитбаш, Починок Байчуринский, Мамся и селения По обе стороны реки Шошмы[4].

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 72 об.–73 об.
[2] НА РТ. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 1140. – Л. 7–7 об.
[3] *Смыков Ю. И.* Указ. соч. – С. 172–173.
[4] НА РТ. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 1140. – Л. 8 об.

Губернатор заподозрил в событиях в Больше-Менгерской волости двух купцов – Бакирова и Адамова, проживавших постоянно в д. Большие Менгеры и «имеющих большое влияние на население». «Во время этих беспорядков, доходивших до бунта, – докладывал губернатор министру внутренних дел, – они были в Менгерах и ничего не сделали, чтобы обуздать рассвирепевших татар. Затем, когда уже окончательно татары вышли из повиновения и произвели насилие [...] Бакиров и Адамов уехали в Казань; возвратились же в Менгеры в день моего приезда, и один из них, явившись ко мне, благодарил за усмирение, удостоверяя, что иначе поступить, как я поступил, было невозможно при том настроении, в котором находились татары»[1].

Таким образом, 27–28 ноября татарское население трёх волостей Казанского уезда (45 деревень с более 11,5 тыс. душ мужского пола), изгнав русских чиновников и промышленников, установило легитимную власть, используя систему выборов в органы крестьянского самоуправления. Так на уровне волостей возникли национальные «крестьянские республики». Жители подчинялись исключительно избранным ими руководителям, беспорядки прекратились, новые органы власти полностью контролировали ситуацию.

Новая власть продержалась до 4 декабря до прибытия батальона солдат во главе с губернатором и исправниками двух соседних уездов. На казанского уездного исправника «так повлиял бунт и насилие татар, что он занемог и не был в состоянии ехать»[2].

В одной из волостей жители предприняли безуспешную попытку сопротивления, вооружившись кольями, вилами, косами, но как только они «услышали военную музыку, по подсказке отставных солдат спрятали своё вооружение в снег»[3].

Сенатор М. Е. Ковалевский писал: «Собранные у волости татары встретили его стоя на коленях, без шапок. Проходя по рядам их, т[айный] с[оветник] Скарятин ругал их площадными словами, хватал некоторых за бороды и затем распорядился наказанием розгами. Последнее началось с тех, которые самовольно были поставлены быть в старшины или старосты, а затем следовали остальные, причём особого разбора относительно того, принимал ли участие наказываемый в беспорядках или нет, не было»[4]. По прибытии войск в селениях, в которых располагались волостные правления, деревенские муллы указывали на подстрекателей беспорядков. Н. Я. Скарятин восстановил власть всех бывших волостных старшин и сельских старост, в Больше-Атнинской волости сменил трёх сельских старост за ослушание предписаний полиции[5]. Для проведения экзекуции были рекрутированы 500 русских крестьян из соседних волостей, которые секли восставших розгами по голому телу. Без суда и следствия во всех трёх волостях наказанию были подвергнуты около 450 чел., которые получили по 100 и более ударов[6].

---

[1] РГИА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 1 об.

[2] РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 2, 1880 г. – Д. 1083. – Л. 24–24 об.

[3] *Фирсов Н. Н.* Прошлое Татарии (краткий научно-популярный исторический очерк). – Казань, 1926. – С. 41.

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 12

[5] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 216.

[6] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 12.

В д. Большие Менгеры губернатор лично «кого рвал за бороду, кому наносил удары ногой, палкою в грудь и в лицо, не дозволяя произнести ни слова», при этом он оскорблял религиозные чувства крестьян, приговоривая: «Вот вам Мухаммед, вот вам Коран, вот вам за непринятие шести параграфов данной вам инструкции»[1]. На крестьян, подозреваемых в избиении писаря, по приказу губернатора «надели кандалы»[2]. Солдаты и русские крестьяне, привлечённые для порки восставших, оставались на время в селениях. У местных жителей насильно забирали «скот, хлеб, разные продовольственные припасы и деньги» на сумму 971 руб. 17 коп.[3] Между тем в этот период экономическое положение татарских крестьян было тяжёлым[4]. В Казанском уезде два года подряд (1876, 1877 гг.) был неурожай.

К следствию были привлечены 19 человек. Трое крестьян из д. Мамси были отправлены на каторжные работы сроком на 4 года, четверо – в Сибирь на поселение, двое – в арестантские роты сроком на 3 и 1,5 года[5]. Был отдан приказ об аресте муллы д. Кошар Больше-Менгерской волости Сабирзяна Якупова за организацию антиправительственных выступлений[6].

В расширении религиозно-культурной автономии, основанной на приходах и сельской поземельной общине, татарские крестьяне вышли на принципиально новый уровень – на уровень подлинно народного волостного самоуправления, учреждённого строго по этноконфессиональному принципу. Это означало переход в их руки всех функций волостных правлений по взаимоотношению с властями и местными сельскими обществами в регулировании и решении вопросов общественного спокойствия, сбора налогов и др.

Надежды местной администрации на содействие в успокоении крестьян купцов – самой авторитетной прослойки татарского общества – не оправдались. Отрывочные сведения из источников позволяют говорить о тайной поддержке татарским купечеством антиправительственных действий сельских обществ. В частности, в своём рапорте министру внутренних дел Л. С. Макову тайный советник Косаговский, специальной изучавший волнения среди татарских крестьян Казанской губернии 1878 г., отмечал, что губернатор Н. Я. Скарятин, зная огромное влияние казанских купцов на сельское население, обращался к ним за содействием по увещеванию, успокаиванию мусульман, чтобы они не становились открыто на их сторону. Однако купечество «держалось пассивного положения», несмотря на просьбы начальника

---

[1] *Губайдуллин Г.* Документы движения среди татарских крестьян в 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. – 1925. – № 1–2. – С. 39; *Рахим А.* К вопросу о татарском крестьянском движении 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. – 1928. – № 8. – С. 147.

[2] РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 1083. – Л. 29.

[3] РГИА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 1 об.

[4] Из-за неурожая 1877 г. МВД разрешило выдачу бесплатных паспортов на 1878 г. для отлучки на работы в другие губернии крестьянам всех волостей Казанского, Тетюшского, Мамадышского уездов, 6 волостей Свияжского, 8 волостей Лаишевского, 5 волостей Спасского и Чистопольского уездов, где проживало значительное количество татарского населения (см.: НА РТ. – Ф. 1. Оп. 3. – Д. 4567. – Л. 8).

[5] *Смыков Ю. И.* Указ. соч. – С. 181.

[6] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 82.

губернии в оказании содействия. Очевидно, все слои татарского населения были потрясены инструкцией. На фоне победы России над Турцией такая выходка администрации была воспринята как вполне возможная[1].

Выступления крестьян оказали большое влияние на население окрестных волостей и уездов. Н. Я. Скартин отмечал, «что собравшиеся в эти волости татары из пограничных уездов и даже других губерний ожидали результатов окончания дела, намереваясь произвести то же и у себя: составилось общее намерение о поголовном избиении волостных и сельских начальников и полнейшем самоуправстве и анархии» [2]. Жёсткое подавление властями восставших в Казанском уезде психологически сильно отразилось на населении. Под давлением местной администрации, которая грозилась аналогичной расправой в случае продолжения беспорядков, большинство непокорных обществ заявили о повиновении властям[3].

Таким образом, в 1878 г. выступления татарского населения начались под лозунгом защиты религиозных прав и национального достоинства, привели к созданию крестьянского самоуправления во многих селениях, превратились в борьбу с местной администрацией и имели ярко выраженный характер национально-освободительной борьбы.

В ходе антиправительственных выступлений в октябре – декабре 1879 г., охвативших около 150 сельских обществ татар и 14 других этнических групп, было сменено до 30 % татарских сельских старост. Особенно высоким этот показатель оказался в Казанском (71%), Спасском (37 %) и Чистопольском (20,8 %) уездах. В трёх волостях Казанского уезда произошли захват власти татарскими крестьянами и учреждение национальных «крестьянских республик», просуществовавших недолго.

Волнения в Казанской губернии в 1879 г. Одной из причин ослабления крестьянского движения было прекращение поддержки восставших со стороны местного татарского духовенства и представителей национальной буржуазии. Татарское духовенство, которая само подстрекало крестьян на выступления во имя спасения религии, активно участвовало в составлении прошений на различные инстанции, брало на себя роль доверенных сельских обществ, теперь самоустранилось от борьбы. В некоторых деревнях духовенство ранее направляло борьбу крестьян против открытия в татарских деревнях русских училищ и русских классов в медресе. Теперь же духовенство прекратило борьбу, зная, что их положение и вопрос о вероисповедании останутся без изменений. Своими предыдущими действиями оно уже добилось того, что массовые выступления крестьян показали властям единство и решительность татарского народа в борьбе за веру и национальное достоинство. Второй причиной выхода «из игры» представителей духовенства стало социальное поведение

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 2.

[2] РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 3. – Д. 1083. – Л. 24.

[3] Например, после возвращения выборных крестьян селений Куюки, Измери, Ямбухтино Пичкасской волости Спасского уезда, которые своими глазами видели, как власти жестоко расправились с местным жителем, эти сельские общества посадили вместо срубленных деревьев саженцы и приходили к волостной старшине с повинной (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 282–282 об.).

прихожан. Крестьяне избивали тех мулл, которые пытались помочь властям в наведении порядка. Инициатива действий переходила к крестьянам и они требовали у духовенства солидарности с решениями сельских обществ.

В январе 1879 г. решительно выступили крестьяне д. Куюк Мамадышского уезда, которые составили на родном языке приговор об избрании сборщика податей и отказались переписать его на русский язык[1]. А крестьяне д. Петропавловска того же уезда отказались оплачивать квартиру полицейского урядника[2].

Продолжало неповиновение мусульманское население Спасского уезда. 8 февраля на сельском сходе крестьяне д. Новые Ургагары отказались выполнять требование пристава об избрании пожарных старост и полицейских десятских. Выступление крестьян было хорошо организовано: во время судебного расследования у сельской старосты были изъяты приговоры на татарском языке, подписанные всеми крестьянами, о том, что обязуются не выдавать друг друга, если кого-нибудь привлекут к ответственности. В приговорах шла речь и о неприкладывании печати к любому приговору о страховании строений, обязательстве сельского схода платить штрафы за подсудимых крестьян и нанимании защитника[3]. А после привлечения виновных к следствию сельский сход решил: «1) не принимать повесток на имя этих лиц и не выдавать их по требованию правительства; 2) продать часть общественной земли и вырученные деньги употребить на наём поверенных для освобождения привлечённых лиц; 3) не исполнять ни чьих распоряжений, кроме его (старосты. – *З. К.*), так как законов нет и он единственное лицо, которому должны повиноваться»[4].

Во многих селениях губернии крестьянские волнения продолжались, так как крестьяне по-прежнему не доверяли местной администрации. Практически все мероприятия власти: страхование строений, составление приговоров по самым разным вопросам, выборы десятских и сотских и т. д., вызывали у них настороженность, а нередко и неповиновение.

В марте антиправительственные действия крестьян в Спасском уезде в 21 селении 7 волостей, Чистопольском уезде в 5 селениях 3 волостей и Мамадышском уезде в селении Псяк выразились в самовольной смене старост, изъятии у них печати и отказе составлять какие бы то ни было приговоры[5].

В других уездах крестьяне главным образом противодействовали акциям местных властей, связанным с выборами на общественные должности в органы крестьянского самоуправления. Проведение в марте 1879 г. в Казанской губернии выборов полицейских сотских и кандидатов на предстоящее трёхлетие вновь вызвало повсеместный бойкот жителей мусульманских селений Мамадышского уезда. В мае в Нижне-Алькеевской волости Чистопольского уезда они отказались от избрания судей и помощника волостного старшины[6].

---

[1] НА РТ. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 1139. – Л. 6–27.
[2] Там же. – Д. 1142. – Л. 10.
[3] Там же. – Д. 1144. – Л. 3 об. – 4.
[4] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 46 об.
[5] Материалы по истории Татарии. – С. 381.
[6] НА РТ. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 4466. – Л. 1, 21.

В начале марта 1879 г. богородский волостной сход (Чебоксарский уезд), по предложению крестьянина д. Янгильдино Ф. Хисматуллина, отказался от платёжных книжек. Уездный исправник, испугавшись подключения к неповиновению новых обществ, поспешил в д. Янгильдино, чтобы восстановить порядок. Незаконно избранный Абдреев был отстранён от должности старосты. Для наблюдения за порядком в обществе на время был командирован полицейский стражник. Но в тот же день после уезда исправника крестьяне собрали новый сельский сход, избрали доверенного по всем делам общества, изъяли и передали ему печать старосты. Одновременно был составлен приговор на ссылку в Сибирь богатого торговца селения Аббязова, который был в близких отношениях с уездным и волостным начальством, сообщал им о всех беспорядках. К лету в обществе обострилась борьба между бедняками и кулаками. Крестьяне Хисматуллин, Абдреев, Якупов стояли во главе «людей более бедных». «Их партия стала сильно давить на богатых крестьян. Постоянные побои, угрозы ссылкою в Сибирь не исполняющих требование партии Хисматуллина, – утверждал исправник, – становится вредным для всех»[1].

Уездные чиновники всеми правдами и неправдами попытались усмирить крестьян. Все подписавшие приговор на ссылку в Сибирь Аббязова были оштрафованы на 25 коп., а четырёх крестьян арестовали на сутки.

В сентябре крестьяне отказались собраться на сход на том месте, где указывал исправник. Уездный исправник сам явился к крестьянам, но его увещевания к повиновению кончились «избиением полицейского урядника»[2]. Неповиновение властям прекратилось только после ареста активистов движения Хисматуллина, Абдреева, Якупова, которые в начале декабря 1879 г. «в кратчайший срок» были высланы в Смоленскую область. Через год они были возвращены по распоряжению сенатора М. Е. Ковалевского.

Крестьяне Казанского уезда, возмущённые действиями губернатора, начали писать ходатайства в адрес Сената, министра внутренних дел, требуя привлечения Скарятина к судебной ответственности. Мы обнаружили лишь одно открытое выступление крестьян этого уезда в 1879 г.: сельское общество д. Большие Ковали отказалось выполнять требование исправника о посадке деревьев для пожарной безопасности. Свой отказ оно мотивировало тем, что посадка деревьев знаменует праздник Св. Троицы и что это приведёт к крещению[3].

В Лаишевском уезде сопротивление местным властям приняло несколько иную форму: сельские старосты всех татарских селений Сетьковской и Уракчинской волостей стали отказываться от приложения печатей к приговорам волостных сходов[4].

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4659. – Л. 19 об.
[2] Там же. – Л. 73, 82.
[3] Там же. – Д. 4466. – Л.16–16 об.
[4] Там же. – Л. 41–41 об.

Весной жители ряда селений Спасского и Чистопольского уездов продолжали также бойкотировать предписания властей[1].

Летом 1879 г. власти Спасского уезда ещё раз попытались подавить выступления крестьян, арестовав его лидеров. В июне-июле были проведены судебные расследования[2]. Приговоры суда в отношении осуждённых, по их мнению, должны были положить конец неповиновению. Осуждение виновных к различным срокам заключения не дало ожидаемых результатов, более того, администрации не удалось до конца провести и следствие.

---

[1] 1 мая в д. Служилые Шенталы Чистопольского уезда татарские крестьяне вместе с некоторыми русскими разобрали и растащили по домам выстроенный в 1878 г. пожарный сарай и отказались содержать караул при пожарном обозе. 11 мая в селение прибыл уездный исправник и собрал сельский сход. Русские крестьяне изъявили готовность исправить свою ошибку и вновь построить пожарный сарай, а татарские жители, чувствуя моральную поддержку соседних селений, решительно отказались как от постройки сарая, так и от страхования своих домов (см.: НА РТ. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 4466. – Л. 1, 21). Такое же неповиновение оказали крестьяне д. Старые Ургагары Спасского уезда. Они разобрали часть крыши пожарного сарая, а пожарные инструменты спрятали по домам. По дознанию пристава, организатором оказался ранее привлечённый к следствию сельский староста Шарафутдин Шалгеев, который говорил крестьянам, «что законов теперь нет, и он единственный начальственное лицо в деревне». Жители д. Сухие Курнали не позволили технику земской управы 12 мая 1879 г. снять план селения (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 40). Довольно курьёзный случай произошёл в Юхмачинской волости, где волостной сход самовольно упразднил должность помощника волостной старшины. Когда составили об этом решении приговор, сельский староста д. Ахметьево, видимо, выполняя волю своего общества о неприложении печати ни к какому приговору, отказался приложить печать. Его примеру последовали все старосты татарских селений. Приговор так и остался неутверждённым (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 46 об.).

[2] В июне-июле были проведены судебные расследования. В д. Сухие Курнали обвиняемыми были признаны 8 чел., 5 из них были заключены в тюрьму, а трое освобождены под денежный залог. В Бибаевых Челнах обвинялись 10 чел., из них сельский староста и один отставной солдат были отправлены в смирительный рабочий дом на 1,5 года, один крестьянин – на полгода, 6 чел. были посажены в тюрьму на 6 месяцев. Из д. Татарское Муллино к судебной ответственности были привлечены 4, а из д. Старые и Новые Ургагары – по 6 чел. Все они были оставлены на поручительство. По инициативе старост селений Старые и Новые Ургагары крестьяне отказались выдавать обвиняемых. Старост после этого арестовали. 4 июня, когда стражники снова явились в д. Новые Ургагары арестовать активистов, Нугуман и Саляхутдин Фахрутдиновы оказали сопротивление становому приставу (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 60, 76–77, 107 об. – 108 об.). К ним на помощь пришли 10 чел. и отбили братьев у полицейских. Из д. Сухие Курнали двое крестьян отказались явиться к следователю. В д. Большие Тиганы к следствию было привлечено 19 крестьян, из них 15 отказались получить повестки о явке к следователю, а общество отказалось выдать их. Крестьяне д. Средние Тиганы поступили так же и не выдавали ни одного из 9 объявляемых. 26 августа исправник приезжал в д. Средние Тиганы. Он пытался разными способами убедить крестьян подчиниться властям, выдать виновных следователю. Крестьяне держались спокойно и ещё раз подтвердили свой отказ избрать пожарных старост. Видя тщетность своих увещеваний, исправник велел сходу разойтись, а старосте войти к нему в квартиру. Когда староста, несмотря на требование схода, пошёл за исправником, крестьяне остановили его. Пока чиновники не уехали, сход не расходился. Исправник побоялся тут же арестовать организаторов неповиновения (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 90–91). Из д. Адельшино было привлечено к судебной ответственности 6 чел. Из 10 селений, которые выступили в октябре-ноябре 1878 г., в ходе судебного расследования, т. е. в июне-июле, прекратили волнения в д. Бибаевы Челны, Мордовский Булак, Татарское Муллино. К концу августа исправнику удалось убедить крестьян д.Сухие Курнали избрать десятских и пожарных старост.

Жители 4 деревень Спасского уезда: Нижние, Средние, Большие Тиганы, Адельшино, где насчитывалось более 2100 душ мужского пола, упорно и сплочённо продолжали борьбу: отказывались производить выборы десятских, пожарных старост, страховать постройки, приходить по повесткам к судебному следователю, не позволяли полиции арестовывать активистов.

К концу августа власти предприняли все возможные меры по подавлению восстания, но не добились существенных успехов. Исправник просил губернатора о скорейшем подавлении неповиновения в д. Средние Тиганы, как центра движения и ввиду возвращения с работ крестьян других губерний и приближения сбора податей. 15 октября губернатор докладывал МВД следующее: «Эти четыре деревни продолжают упорствовать не только в выборе десятских, пожарных старост, в страховании и явке по повесткам к судебному следователю, но даже не дают полиции арестовать обвиняемых».

Средние Тиганы и другие три селения и в октябре-ноябре 1878 г., и во время выступлений против местных властей являлись примером и моральной поддержкой для остальных сельских обществ. Их влияние было налицо: в октябре волостной сход Марасинской волости отказался выделить деньги на жалованье полицейского стражника, с татарских селений сборы подати и всех повинностей поступали «чрезвычайно медленно»; в некоторых деревнях Чистопольского уезда крестьяне снова начали колебаться по вопросу страхования строений. По указанию губернатора в эти селения ещё раз выезжал исправник с присланным ему на помощь чиновником, откомандированным в его распоряжение в качестве переводчика князем Давлеткильдеевым.

26 октября по пути в д. Средние Тиганы в д. Ромадан их встретил мулла д. Меляши Абдулляткеров, который постоянно информировал исправника о волнениях татар. Мулла сообщил, что, по полученным из Казани сведениям, в д. Средние Тиганы уже знают о скором их приезде, что жители остаются в том же намерении не повиноваться и не исполнять никаких требований властей. Крестьяне очень сожалеют, что отпустили исправника и пристава невредимыми из деревни при последнем посещении в августе. Жители «решили дружно защитить» каждого из односельчан, «хотя бы пришлось умирать». Учитывая предписание губернатора «ни в коем случае не доходить до такого столкновения», исправник отказался от поездки в селения, охваченные волнениями. Хотя к концу ноября состоятельная часть крестьян д. Средние Тиганы и решилась «произвести выборы и исполнить требования», но они также подчинились большинству[1].

Российская власть старалась не допустить повторной массовой экзекуции мусульманского населения. Министр внутренних дел лично взялся за разрешение конфликта: командировал своего чиновника по особым поручениям князя Урусова в Уфу, который заверил у муфтия С. Тевкелева заранее составленный текст увещевания и в конце ноября привёз его в Казань. Под воздействием полученного 26 ноября обращения муфтия жители трёх селений высказались за проведение выборов десятских и пожарных старост, а в д. Средние Тиганы жители разделились на две группы[2].

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 117 об., 138–138 об., 160.

[2] Там же. – Л. 159–160, 162.

Как крайняя мера перед посылкой карательного отряда было прибытие в Спасский уезд прокурора Казанской судебной палаты. 3 декабря он явился в д. Куркуль. По его вызову явились все обвиняемые из д. Большие Тиганы и Адельшино и один человек из д. Средние Тиганы. 4 декабря вопреки решению сельского общества явились ещё трое крестьян из д. Средние Тиганы. 5 декабря исправник из-за решительного отказа сельского общества д. Средние Тиганы выдавать обвиняемых, явился в деревню со «свитой» более 40 чел. Стражники обнаружили только 2 обвиняемых, одного арестовали, другого по болезни оставили дома. По заявлению мулл д. Большие Тиганы было арестовано ещё 3 чел. Чтобы быстрее довести свою «миссию» до конца, 6 декабря прокурор сам отправился в данное селение, где арестовали всех обвиняемых крестьян, кроме больного. В обоих селениях исправник собирал сельские сходы. Крестьяне д. Средние Тиганы единогласно отказались от избирания десятских и старост, а в Больших Тиганах за избрание проголосовало только 6 чел. В д. Средние Тиганы сход отказался собраться на том месте, где указал исправник. В тот же день и крестьяне д. Адельшино не признали накануне избранных десятских и пожарного старосту. Таким образом, все четыре деревни «отказались от избрания десятских, пожарных старост и платежа страховых денег. И по-прежнему заметно было в них то же самое пассивное упорство, всегда готовое перейти в буйное»[1].

Исправник действия прокурора, в частности, его поездку в восставшие селения, оценил как «старание достигнуть столкновения»[2].

Одним из причин сильного влияния непокорных на соседние населённые пункты было существование базара в д. Средние Тиганы. Сюда стекалось много народу из ближайших селений, в том числе и из Чистопольского уезда. Приезжие крестьяне видели настоящее независимое самоуправление сельской общины. Базар в д. Средние Тиганы был не только местом торговли, но и центром обмена информацией. Возвращаясь оттуда, крестьяне использовали в своих селениях методы борьбы жителей этой деревни. Так, 26 августа на сходе с участием станового пристава присутствовали крестьяне селений Средние Салманы, Тохталы, Старые Челны. А крестьяне Бибаевых Челнов Абдулвалит Вахитов, Нигематулла Губайдуллин и мулла Хайрулла Сайфутдинов «говорили сходу, чтобы сход не выбирал ни десятников, ни пожарных старост [...] Законом это не требуется. Они также не велели являться к судебному следователю, так как военную команду привести нельзя без собственноручного повеления Его Императорского Величества»[3].

Немаловажное значение в стойком и организованном выступлении крестьян д. Средние Тиганы сыграла поддержка повстанцев сельским духовенством в лице Нугмана Сабитова, Ахмета Нигематуллина, Абдулзаббара Сибеганкулова. Они не приняли письмо муфтия. Н. Сабитов не приехал в д. Куркуль, куда были собраны исправником муллы 4 селений для увещевания, а А. Сибеганкулов воротил с дороги крестьян, ехавших 4 декабря в д. Куркуль к прокурору, сказав им, что «не нужно являться, общество их не выдаст». По мнению местного исправника, обнаружить их «вредное» влияние нельзя, но между тем оно очевидно. Чиновник отмечал, что

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 389.
[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 179 об.
[3] Там же. – Л. 157–158.

«быстрое устранение их необходимо как ради успокоения этих деревень, так ради устрашения других мулл»[1].

12 декабря в д. Средние Тиганы явился Н. Я. Скатярин с батальоном солдат (в количестве 500 штыков с боевыми патронами). Вот как описан приход войск в «Средне-Тигановском баите»:

По приезде губернатор заставил снять шапки,
На трёх повозках привезли порох и патроны[2].

(Подстрочный перевод автора)

Не имея возможности противостоять вооружённому отряду, крестьяне были вынуждены принести повинную. Отряд находился в селении до 17 декабря[3]. Солдаты самовольно уводили крестьянских коров, домашнюю птицу для своих нужд и для «свиты» губернатора.

Другой очаг неповиновения находился в д. Янгильдино Чебоксарского уезда, жители которой до конца декабря 1879 г. отказывались составлять раскладку и платить подати[4].

Основными способами координации и мобилизации татарских крестьян в различных уездах являлись следующие факторы:

1. Мусульманское население искренне верило в возможность насильственного отчуждения от ислама[5]. Боязнь потерять конфессиональную идентичность объединяла крестьян и резко усиливало их сопротивление.

2. Еженедельные ярмарки, на которых жители ближайшей округи обменивались информацией. Особенно эффективными в этом отношении были базары, расположенные в селениях повстанцев. Специального упоминания требует базар в д. Средние Тиганы, который в течение года передавал «ток сопротивления» всей ближайшей округе[6].

3. Результатом встреч или совещаний мусульманских духовных лиц становились координация действия и единовременность предпринимаемых акций, в частности, организация подачи прошений.

4. Объединению выступлений жителей соседних селений на уровне волости или округи способствовали активные действия отдельных крестьян, посещающих разные селения и созывающих несанкционированные собрания, на которых они знакомили своих односельчан и соседей с планом дальнейших действий.

5. Местная полиция, в силу своей малочисленности, слабой активности и непонимания всей глубины крестьянского противостояния, либо бездействовала, показывая слабость, либо жестоко подавляла недовольных.

6. Усугублению противоречий между властью и сельскими обществами способствовало практически полное отсутствие в губернских администрациях представителей мусульманского сообщества. Противостояние между властью и татарским насе-

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 190.
[2] Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан: Татар. кит. нашр., 1983. – 114 б.
[3] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4466. – Л. 197.
[4] Материалы по истории Татарии... – С. 391–392.
[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 2.
[6] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 157–158.

лением в регионах имело отчётливо выраженный этноконфессиональный характер: русские чиновники, полицейские православного вероисповедания управляли, приказывали, а мусульмане исполняли. В администрации Казанской губернии в 1870-е гг. не было ни одного татарина, пока в Казань в связи с волнениями 1878–1879 гг. временно не был командирован в распоряжение губернатора чиновник по особым поручениям МВД князь Давлеткильдеев, исполнявший функции переводчика.

Движение татарских крестьян 1878–1879 гг. по своему охвату, остроте, организованности и методам борьбы явилось кульминацией крестьянских выступлений пореформенного периода в Среднем Поволжье и Приуралье. Социальный протест народных масс Казанской губернии вызвал широкий резонанс на огромном пространстве империи. Основываясь на итогах ревизии, М. Е. Ковалевский в своём отчёте указывал, что в вопросах, затрагивающих религиозные проблемы мусульман, и в дальнейшем могут быть выступления, аналогичные тем, что имело место в Казанской губернии[1], чем предостерёг правительство от необдуманных действий в этой сфере. После присоединения Средней Азии, в условиях реализации правительственных реформ в казахской степи подобные ошибки со стороны власти могли вызвать массовые волнения, что для властей было крайне нежелательным. Впервые российская власть почувствовала огромный потенциал и решительность мусульманского сообщества, боровшегося за свои религиозные права. Оно осознало, что даже самые, на первый взгляд, безобидные действия властей, в той или иной мере касающиеся религиозного положения мусульман, могут вызвать их неповиновение. Стала очевидной необходимость корректного отношения к религиозным и национальным чувствам татарского населения и обдуманного проведения национальной политики.

Таблица № 14

Участие татарских сельских обществ Казанской губернии в крестьянском движении 1878–1879 гг.[2]

Уезды	Татарские селения					Селения других национальностей
	1878 г.	1878–1879 гг.	1879 г.	Всего	Установление крестьян. самоуправления, в %	
Спасский	23	8	4	35	37,1	5
Казанский	38	–	4	42	71,1	–
Чистопольский	14	2	7	23	20,8	8
Тетюшский	4	–	1	5	–	–
Мамадышский	8	1	10	19	0,5	1
Царевококшайский	6	–	–	6	–	–
Свияжский	15	–	–	15	–	–
Чебоксарский	–	1	–	1	100	–
Лаишевский	1	–	4	5	–	–
Итого	109	12	30	151	33,6	14

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 8.

[2] *Загидуллин И. К.* Татарские крестьяне Казанской губернии... – С.154 (табл. № 18).

Как видно из таблицы № 14, в движении 1878–1879 гг. в Казанской губернии приняло участие 151 сельское общество, $^{2}/_{3}$ антиправительственных выступлений пришлось на ноябрь 1878 г.

Имеющийся источниковый материал позволяет разделить татарское духовенство по участию в движении на три группы: первая группа, самая незначительная, поддержала выступление крестьян в течение всего 1878–1879 гг. Вторая группа принимала участие в борьбе против усиления национального гнёта до конца 1878 г. Третья группа, состоящая из духовенства во главе с муфтием, выступила союзником властей с самого начала крестьянского движения, осознав, что инструкция – это лишь грубейшая ошибка местных чиновников, и слухи о христианизации не имеют под собой почвы.

Движение 1878–1879 гг. показало, что при массовом и сплочённом выступлении можно вынудить власти отменить своё распоряжение. Именно так была воспринята народом отмена отдельных параграфов «инструкции».

Волнения в других поволжских губерниях. События, произошедшие в 1878–1879 гг. в Казанской губернии оказали значительное влияние на активизацию крестьянского движения в Среднем Поволжье. В ноябре 1878 г. «брожение» охватило мусульманское население Самарской, Вятской и Оренбургской губерний, также в Уральской и Тургайской областей[1]. Оренбургский муфтий попросил у министра внутренних дел разрешения обратиться к жителям «волнующихся деревень» с письмом о повиновении властям, в чём ему было отказано. Тогда С. Тевкелев по собственной инициативе стал успокаивать крестьян в Спасском уезде.

В Бугульминском уезда Самарской губернии волнения охватили 8 волостей. Среди населения распространялись копии № 9 «Самарских епархиальных ведомостей», в которых было напечатано постановление-распоряжение Самарской духовной консистории от 21 марта 1878 г., согласно которому благочинные и священники должны были собирать сведения о всех иноверцах мужского и женского пола для приписки их к православным приходам[2].

В такой напряжённой обстановке, в условиях полной потери доверия к властям, каждую новую их инициативу татарское население стало оценивать с точки зрения защиты ислама, хотя в другие годы такие мероприятия проводились более мирно. Одновременно крестьяне допытывались об этом у членов волостных правлений, требовали выдать им «бумаги с крестом», проводили обыски в волостных правлениях с целью обнаружения присланных нательных крестов. На решительные активные действия крестьян повлияла прокламация на татарском языке, в которой говорилось, что в каждой деревне власти будут строить церкви с колоколами, один из которых

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 785. – Л. 1 об.– 2.

[2] Материалы по истории Татарии... – С. 413.

будет пожарный, другой – церковный, и что вскоре мусульмане будут обращены в христианство[1].

Татарские сельские общества Самарской губернии, потерявшие всякое доверие к властям, перестали выдавать приговоры по любому вопросу. В частности, крестьяне д. Бакаево Бугурусланского уезда 3 декабря 1878 г. отказались от своего приговора об удалении из общества порочных членов, интерпретировав саму поверку приговора актом подготовки мусульман к принятию христианства. 9 декабря 60 жителей д. Султангулово того же уезда собрались в волостном правлении с требованием выдачи ведомостей и подписных листов для сбора пожертвований в пользу Общества Красного Креста. Не найдя документов, крестьяне избили полицейского урядника Лекарева и сельского старосту Ногмана Мухаметвалеева, которого обвинили в предательстве ислама. Последний от жестоких побоев скончался[2].

В Уфимской губернии волнения мусульман были очень сильны в конце 1876 – начале 1877 г. и были вызваны предписанием местной администрации установки в сельской местности набатных колоколов для оповещения жителей в случае пожара. Тогда население удалось успокоить. В Уфимской губернии открытых анти-

---

[1] Например, 19 ноября 1878 г. на созванном властями сходе в Мензелибашском волостном правлении Бугульминского уезда по вопросу времени внесения податей (в первой или во второй половине года), при прозвучавшем предложении закрепить принятое решение схода приговором, собравшиеся заявили, что подписывать бумагу не желают, ибо им известно, что в волостных правлениях получено секретное распоряжение правительства о христианизации всего мусульманского населения, и что под предлогом составления приговоров волостные правления собирают подписи о якобы добровольном согласии мусульман строить церкви и принять христианство. В качестве своего доказательства они показали представителю администрации копию отношения священника Спиридонова в волостное правление от 14 июня о доставлении сведений об «иноверцах» и прокламацию на татарском языке, где извещалось, что в каждой татарской деревне будут построены церкви с колоколами, один из которых будет пожарный, а другой – церковный, и что вскоре все мусульмане будут обращены в православие.

В Алькеевском волостном сходе, созванном по этому же вопросу, население не только байкотировало подписание приговора, но и ворвавшись в волостное правление, потребовало от писаря Мухутдинова предъявить им присланные кресты, самым тщательным образом произвели обыск в помещении правления. Заранее предупреждённый о подозрениях своих единоверцев, волостной писарь накануне схода уничтожил имеющиеся в правлении воззвания Общества попечения о раненых и больных в войнах с изображением на них красного креста, тем самым избежал, по крайней мере, избиения.

23 ноября жители д. Зай-Каратай в числе 250 чел., прийдя в волостное правление, потребовали от писаря Гаркина выдачи им указа о крещении татар. Несмотря на то, что писарь и бывший тут же урядник убеждали о несуществовании такого указа, писарь был избит. В тот же день утром население д. Каширово и д. Надырово (500 чел.) пришли в волостное правление к волостному старшине Мухутдинову с вопросом: «За сколько он продал исламскую веру?» Потребовав ключ от сундука, где хранилась общественная касса, искали секретный указ о христианизации, затем закрыли и запечатали сундук печатями сельских старост. Со старшины сорвали должностной знак. Сельские старосты д. Надырово и сотский отказались подчиниться прибывшему становому приставу при проведении ревизии содержимого сундука волостного правления. Тогда в качестве понятых пригласили крестьян из русской деревни. Аналогичные события происходили в Тумутуковской, Бавлинской, Александровской, Азнакаевской волостях Бугульминского уезда (см.: Материалы по истории Татарии... – С. 405–410).

[2] Там же. – С. 413.

правительственных выступлений не происходило. Чтобы не будоражить население уфимский губернатор воздержался от поездки по волостям. В начале января ученики русских классов при медресе в д. Куручевой и Старо-Думеевой Белебеевского уезда под влиянием слухов о христианизации «перестали обучаться русскому языку»[1].

В конце декабря 1878 г. волнения возобновились в Тумутукской, Ново-Надыровской, Азнакаевской, Катаевской, Александровской, Алькеевской, Мензелибашевской, отчасти в Мордовско-Афонькинской волостях и местностях, прилегающих к Мензелинскому уезду Уфимской губернии и Чистопольскому уезду Казанской губернии. Главной причиной выступлений явилась информация о том, что волостные правления выдали духовной консистории списки «иноверцев». Другой причиной стала полученная от татарского населения Казанской губернии информация о действиях местных властей, заставляющих сельские общества строить каланчи. Всё это усилило подозрение о существовании неизвестного правительственного распоряжения о христианизации мусульманского населения.

Опасаясь усиления и распространения подозрения мусульманского населения на бюрократическую задержку рассмотрения дел о постройке новых мечетей, местная администрация в кратчайший срок дала «добро» на все приговоры мусульманского сообщества о сооружении богослужебных зданий, отложившиеся в канцелярии губернского правления. С такой же целью было приостановлено распространение отчётов Общества попечения о раненых и больных воинах с изображением на них красного креста большого размера. После получения секретного циркуляра МВД от 15 ноября 1878 г. об отмене запрещения мусульманам отлучаться за границу, начальство распространило сведения о возобновлении паломничества российских мусульман в Мекку[2].

В месяцы волнений народных масс под «религиозной оболочкой» в сферу подозрения местных жителей подпадали и превращались в «опасные» объекты малочисленные русско-татарские школы, которые начинали ассоциироваться с центрами, грозящими подрастающему поколению потерей этноконфессиональной идентичности через культурную ассимиляцию (затем сменой вероисповедания)[3].

Население стало успокаиваться лишь после командировки в Бугульминский уезд для увещевания мусульманского населения чиновника особых поручений при губернаторе кн. Кугушева; раздачи в конце декабре текста обращения оренбург-

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 418, 480.

[2] Там же. – С. 410–412.

[3] Показателен случай, имевший место в декабре 1878 г. в д. Новые Уренбаши Ставропольского уезда Самарской губернии. Во время утренней молитвы в мечети мулла Гайнутдин Муфтахутдинов призвал прихожан изгнать учителя русско-татарской школы, открытой в 1877 г. в д.Уренбаши, Юмангулова в Казань за то, что обучая татарских детей русскому языку, он, якобы, способствует их будущему крещению. Выйдя из мечети, прихожане направились в соседнюю деревню, вынесли из школы классную мебель, сложили её в сани и отправили в волостное правление, а прибывших старшину и писаря не допустили к составлению акта происшествия, требуя закрыть русско-татарское училище, а учителя Юмангулова выселить из деревни. Учитель переехал на жительство в соседнее русское селение, школа перестала функционировать. После стабилизации ситуации, 21 марта 1879 г. жители деревни дозволили доставить учебную мебель и возобновить занятия (см.: Материалы по истории Татарии... – С. 417).

ского муфтия[1], составленного по приказанию самарского губернатора (1000 экз.), в котором указывалось, что правительство гарантирует сохранение религиозных прав мусульманского населения; активной разъяснительной работы администрации и циркуляра руководства губернии от 9 декабря в 50 экземплярах, адресованных волостным старшинам Бугульминского и Бугурусланского уездов, о разъяснении ложности слухов о крещении; быстрого разрешения всех ходатайств о постройке мечетей, приостановке распространения в губернии воззваний Общества Красного Креста и распространения информации о разрешении мусульманам выезжать на паломничество[2].

Получив из Казани известие о намерении властей крестить татар, жители д. Ломот Ардатовской волости Симбирского уезда 25 декабря закрыли русско-татарскую школу, составили приговор о замене учителя Узбекова «за нетрезвую жизнь». При обыске школьной библиотеки они нашли книгу председателя совета миссионерского общества «Братство св. Гурия» епископа Викторина «О превосходстве христианства над мухаммеданством» (Казань, 1875), которая была прислана местным инспектором народных училищ. Эта находка существенно усилила подозрение жителей в намерении власти провести христианизацию татар[3].

Под воздействием слухов о христианизации крестьяне Янгуловской волости Малмыжского уезда в конце ноября 1878 г. приезжали к казанскому губернатору за разъяснением[4]. Волнения в соседних с Казанской губернией уездах Вятской губернии распространились после ярмарки в Кукморах Малмыжского уезда. В конце ноября 1878 г. в Сардыкбашской волости были нанесены побои волостному старшине-татарину, которого обвинили в измене вере[5].

Заподозрив, что местная администрация скрывает от них аналогичные инструкции, розданные сельским обществам в Казанской губернии, крестьяне стали преследовать волостных старшин, искать этот документ в волостных правлениях. Узнав о содержании инструкции, жители д. Адаево (центр Кошкинской волости) заявили 28 ноября 1878 г. губернатору, что они против не только 44–47 параграфов инструкции, но и запрета посылки ходатаев сельскими обществами в Санкт-Петербург по общественным делам, потому что признают его для себя стеснительным, не желают открытия русских училищ, где будет преподаваться русская грамота, а Закон Божий будет вестись православным священником, призвали закрыть недавно открытое русско-татарское училище, куда они перестали отпускать своих детей[6].

Татары Малмыжского и Уржумского уездов в качестве аргументов опасности христианизации указывали установленные в татарских селениях Казанской губернии близ мечетей, на площади каланчи с колоколами (для звона в случае пожара), сравнивая их с христианскими колокольнями. Мусульмане просили при издании

---

[1] Муфтий своим предписанием за № 2785 от 1 ноября 1878 г. поручил ахуну Бикбову вести разъяснительную работу в сельских приходах Бугульминского уезда о неосновательности слухов о крещении мусульман (см.: Материалы по истории Татарии... – С. 415–416).

[2] МВД циркуляром за № 173 от 15 ноября 1878 г. объявило о возобновлении выезда паломникам-мусульманам за границу (см.: Материалы по истории Татарии... – С. 411–412).

[3] Материалы по истории Татарии... – С. 377–379.

[4] РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 53. – Д. 105. – Л. 13.

[5] Материалы по истории Татарии... – С. 403.

[6] Там же. – С. 394–395.

аналогичной инструкции по Вятской губернии изъять те пункты, которые были ими опротестованы, и перевести её непременно на татарский язык. Губернатор, со своей стороны, обещал, что такая инструкция не будет издана, а имперские законодательные акты не переводятся на татарский язык[1].

Губернатор Н. А. Троицкий с 8 по 15 декабря лично объехал все татарские селения Уржумского и Малмыжского уездов, где выдавал муллам листы со своей подписью и печатью о гарантии религиозных прав мусульманского населения, предписал елабужскому и сарапульскому уездным исправникам строго наблюдать и распространять его наставление в случае возникновения волнения[2].

Однако в некоторых селениях Малмыжского уезда волнения продолжались. Так, из-за опасения быть крещёными 11 марта 1879 г. жители д. Нижний Казаклар Сардыкбашской волости отказались дать общественный приговор о распределении налогов, 14 марта так же поступили крестьяне д. Большой Сардык[3].

Администрация Оренбургской губернии привлекла в январе 1879 г. для увещевания одного из авторитетных ахунов края, командировала в уезды губернского чиновника и тем самым добилась успокоения мусульман[4].

Недоверие мусульманского населения Пензенской губернии к правительству выразилось в том, что марте-апреле 1879 г. мусульманское духовенство отказалось ответить на вопросные листы инспекторов народных училищ и представить статистические сведения о мектебе и медресе, которыми они заведовали. Духовные лица Краснослободского уезда, вслед за муллой д. Татарский Юнок Садретдином Абдрахмановым, заявили, что эти сведения требуются с целью подчинить мусульманские школы МНП, а затем крестить детей. Со своей стороны, министр внутренних дел Л. С. Маков предписал муфтию С. Тевкелеву оказать своё влияние на духовенство Пензенской губернии для подчинения указаниям властей. С. Тевкелев сделал через имама д. Азеево Елатомского уезда Тамбовской губернии Сейфуллу Урманова внушение муллам Краснослободского уезда, сообщив министру, что замедление предоставления муллам требуемых сведений произошло из-за неразъяснения местной администрацией точного назначения требуемых сведений, что в условиях недавних волнений в соседних губерниях вызвало с их строны опасения[5].

Таким образом, выступления и неповиновение мусульманских сельских обществ происходили под воздействием и как ответная реакция на поступки представителей администрации и священнослужителей, или циркулярные предписания светской и духовной властей, в которых не учитывалось расселение совместно с русскими и христианами мусульман. Порой допускались грубейшие ошибки, связанные с менталитетом и малограмотностью местных чиновников во взаимодействиях с местным многонациональным крестьянством.

В разных регионах мотивация неповиновения была не одинаковой, однако в целом главными побудительными причинами являлись опасение христианизации и сам факт вторжения и создания угрозы в сложившиеся отношения в приходах,

---

[1] Материалы по истории Татарии... – С. 399–400.

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4627. – Л. 135–135 об.; РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 53. 1878 г. – Д. 105. – Л. 15.

[3] Материалы по истории Татарии... – С. 403–404

[4] Там же. – С. 418–419.

[5] Там же. – С. 420–421. 434–435.

порой объектом протеста становились не имеющие непосредственного отношения явления, поэтому можно говорить о мусульманском крестьянском движении во всём Волго-Уральском регионе 1878–1879 гг.

Безусловным центром волнений стала Казанской губерния, потому что принятые предписания губернской администрации касались каждого сельского общества. В своих действиях сельские общества использовали весь арсенал мер и способов по противодействию действиям администрации – от отказа подписывать какие-либо документы до захвата волостных правлений и избиения представителей полиции. На фоне общего неповиновения властям привлекают внимание консолидированные действия татарских крестьян трёх соседних волостей Казанского уезда, в которых местное население сменило большинство сельских старост, всех волостных старших, начало контролировать общественный порядок над всей территорией, изгнало русских предпринимателей. В расширении религиозно-культурной автономии, основанной в сельской местности на приходах и сельской поземельной общине, татарские крестьяне вышли на качественно новый уровень – на уровень подлинно народного волостного самоуправления, учреждённого строго по этноконфессиональному принципу. Они заменили религиозно-культурную автономию крестьянско-территориальной. Движение татарских крестьян 1878–1879 гг. нанесло сильный удар по разработанным русификаторским мерам. В частности, не получил силу закона проект инструкции МНП, где предписывалось инспекторам контролировать преподавание в татарских школах только вероучение и использование книг и учебников, одобренных русской цензурой.

Выступления мусульманских сельских обществ против проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Антиправительственные выступления сельских обществ. *Причины волнений.* Первая всеобщая перепись населения 1897 г. предполагала тотальное подворное обследование и сбор подробной информации о каждом члене семьи по европейским стандартам. Она имела мало общего с предыдущими ревизиями, о которых крестьяне знали по рассказам старожилов.

Издание переписных листов на русском и татарском языках открывало уникальную возможность проведения переписи на татарском языке. Однако, учитывая острую нехватку переписчиков, знающих татарский язык, на такой шаг губернаторы не решились.

У отдельных этноконфессиональных групп населения была своя мотивация противиться этому статистическому мероприятию. В Уфимской губернии волнение татарского населения вызвала графа о сословной принадлежности. Дело в том, что мусульманское население отождествляло слово «крестьянин» с термином «христианин». В «исключительных случаях для успокоения умов местного населения и для обеспечения беспрепятственного производства переписи» циркулярным предписанием за № 769 от 28 декабря за 1896 г. губернатор Н. Богданович разрешил записывать не только этнических башкир, но и остальных мусульман губернии «башкирами» вместо «крестьян»[1].

[1] РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 10. – Д. 244. – Л. 20–20 об.

Среди мусульман Самарской губернии в связи с переписной кампанией также получили распространение слухи о том, что сведения о мусульманах, полученные в ходе переписи, будут впоследствии использованы для их крещения[1].

Особо следует отметить несвоевременную реакцию чиновников на циркулирующие слухи о предстоящей христианизации, просьбы татарского общества об обеспечении гарантии сохранения их конфессиональной идентичности. На их обращения губернаторы реагировали слишком поздно – лишь в декабре 1896 г., когда начались массовые волнения и сельские общества изгоняли из селений переписчиков. Единственное исключение в этом отношении представлял циркуляр муфтия М. Султанова от 18 июля 1896 г. [2], в котором сообщалось, что от переписи не будет вреда «ни магометанской религии, ни магометанским школам».

Впервые в мирное время власть и российское общество мобилизовались для проведения статистического мероприятия. Переписчиками в татарских селениях были муллы, учителя русско-татарских школ, шакирды медресе, предприниматели, отставные солдаты, но в большинстве случаев ими являлись русские: учителя начальных школ, волостные писари, жители городов и т. п.[3] В целом участие самих татар в переписи оставляло желать лучшего. Например, в Бузулукском уезде Самарской губернии переписчиками выступили 5 мулл, Бугурусланском уезде – 3, в Бугульминском уезде отсутствовали таковые[4]. Однако не всегда позиция имама совпадала с мнением большинства. В таких случаях возникали конфликты, как, например, это имело место в д. Шугурово Бугульминского уезда, где прихожане заявили о нежелании иметь у себя муллой З. Шакурова за то, что в 1897 г. он первым согласился дать сведения переписчикам. В Ставропольском уезде мусульмане изгнали переписчиков и нанесли побои муллам, старающимся разъяснить цель и смысл статистической операции[5].

В условиях информационного вакуума, вызванного издержками разъяснительной работы администрации и незнанием русской грамоты, шутливо-презрительные высказывания членов волостных правлений, отдельных крестьян и даже переписчиков из числа русских[6] в ответ на просьбы мусульман разъяснить им цель сбора сведений и о том, будут ли их после переписи непременно крестить, провоцировали бойкотирование уже начавшегося в селениях статистического мероприятия[7].

Таким образом, в ряде регионов перепись населения 1897 г. была воспринята мусульманами как намерение властей обманным путём провести христианизацию, используя для этого собранные статистические сведения. Столь абстрактное на первый взгляд подозрение складывалось из целого комплекса факторов-предпосылок.

Бойкот переписи. В декабре 1896 г. – начале января 1897 г. переписчики провели предварительную подворную перепись с тем, чтобы 28 января на сель-

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 1096. – Л. 196–202.

[2] НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 12627. – Л. 232.

[3] *Загидуллин И. К.* Перепись 1897 г. и причины выступления против неё татарских крестьян Казанской губернии // УЗТГГИ. – 1997. – № 2. – С. 52–121.

[4] РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 10. – Д. 228. – Л. 75 об.–76, 135, 243.

[5] *Загидуллин И. К., Гибадуллина Э. М.* Указ. соч. – С.285.

[6] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 186 об.

[7] *Загидуллин И. К.* Перепись 1897 г. и татары Казанской губернии. – Казань, 2000. – С. 128–131, 136–141.

ских сходах выявить и зафиксировать изменения, произошедшие в составе семей.

С этого момента события развивались по двум сценариям: в тех сельских обществах, где переписчиками были мусульмане, прежде всего местные муллы, перепись начиналась без каких-либо эксцессов. Однако под воздействием различных слухов о христианизации жители требовали прекратить переписную работу или просили переписчика не сдавать администрации заполненные переписные листы до завершения переписи в соседних татарских селениях. Благодаря воздействию авторитетных односельчан, нередко перепись удавалось провести до конца.

В местностях, где наблюдались волнения, наиболее типичным был другой сценарий: «Татарское население [...] сильно волнуется и заявляет, что переписчиков для производства переписи оно не допустит и никаким разъяснениям и объявлениям начальства не верит. Независимо от сего предупреждение даёт через сельских старост и мулл, чтобы никто из административных лиц и переписчиков в деревни лучше не являлись, под опасением со стороны населения какого-либо насилия. Сельским старостам и муллам татары приказывают не брать от начальства каких-либо бумаг, грозя им возмездием за принятие таковых».

В некоторых случаях столкновения крестьян с властями были спровоцированы попытками судебных органов провести предварительное расследование с последующим арестом или попытками уездной полиции арестовать без суда и следствия «подстрекателей» и активистов сопротивления администрации на срок до 7 дней. Однако властям не всегда удавалось достичь желаемого, поэтому до прибытия в уезды военных команд полиция была вынуждена ограничиться сбором сведений об организаторах и активистах неповиновения властям.

Значительное влияние на позицию властей оказали события в д. Усали Мамадышского уезда. 31 декабря прибывшие на базар крестьяне, узнав о проводимом в волостном правлении заведующим переписным участком ветеринаром Антеноровым собрании с сельскими старостами, волостными старшинами и переписчиками переписного участка, ворвались в здание, где застали переписчиков, в том числе священника Герасимова и псаломщика Захарова. В ходе волнения, помимо переписчиков и заведующего переписным участком, были также избиты «все русские, бывшие в деревне». Антеноров отказался от заведования переписным участком.

Среди участников протестного движения нередко можно было встретить женщин. Они принимали самое активное участие в сопротивлении властям – в столкновениях и избиениях полицейских и других должностных лиц. Так, в д. Бакарчи Царевококшайского уезда непосредственное участие в нападении на полицейских во время проведения предварительного следствия приняли татарки, вооружившись рычагами и палками. В нападении на полицейских чинов 12 января 1897 г. в д. Чутеево Цивильского уезда женщины выступили наравне с мужчинами. Одна из них пыталась «задержать лошадь урядника Беляева и схватила вожжи», другая бросила камнем в полицейского стражника. Эти факты лишний раз подтверждают всенародный характер сопротивления проведению переписи.

Очень часто сельские общества договаривались о совместных действиях в случае внезапного появления в селении переписчика и полицейских. Они стремились не допустить переписи ни в одном хозяйстве, чтобы сохранить «целостность» и единство общества и не допустить раскола.

Важно отметить, что зафиксированы случаи, когда должностные лица из органов крестьянского самоуправления возглавляли неповиновение властям. Их высокое общественное положение и организаторские способности делали выступления крестьян более организованными и сплочёнными.

Решительно выступили против переписи «отпавшие» в 1860–1870-е гг. в ислам крещёные татары, которые в большинстве своём проживали вместе с мусульманами.

Перепись была превращена правительством в повинность населения перед государством, невыполнение которой расценивалось как вызов самодержавию, антиправительственное выступление и соответственно каралось. С целью проведения переписи в срок вятский, казанский и уфимский губернаторы получили право на чрезвычайные полномочия на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.

В Казанской губернии для подавления неповиновения мусульманских сельских обществ были сформированы три карательных отряда. Первый (батальон солдат) под руководством вице-губернатора с 10 января прошёлся по селениям Мамадышского, Лаишевского, Спасского и Тетюшского уездов, производя наказания участников розгами и аресты активистов сопротивления, публично демонстрируя «безусловную необходимость подчиниться царской воле». Второй карательный отряд (3 роты солдат) под руководством губернатора П. А. Полторацкого с 19 по 30 января производил аресты и экзекуции в селениях Казанского, Царевококшайского и Цивильского уездов. Третья команда (160 штыков и 7 офицеров), прибыв 14 января в Чистополь, обеспечила проведение переписи среди татар уездного города. С 19 по 30 января при содействии этого вооружённого формирования в Чистопольском уезде местные власти арестовали 254 крестьянина, на которых впоследствии были заведены уголовные дела, большинство из них были наказаны. Экзекуция не проводилась[1].

По неполным данным, выступления татарского населения происходили в 85 волостях Казанской губернии и охватили 422 селения. В Спасском и Свияжском уездах в движении сопротивления участвовали практически все сельские общества. Сплочённостью и массовостью отличались действия татарских крестьян Казанского уезда (около 80% селений)[2]. Жестокие экзекуции и подавление сопротивления сельских обществ с использованием военных отрядов в 8 из 10 уездов, где проживало татарское население, сыграли решающее значение в проведении в срок переписи в Казанской губернии.

В Уфимской губернии мусульманское насление Мензелинского, ряда селений Уфимского, Златоустовского, Бирского и большей части деревень Белебеевского уездов отказывалось давать сведения, не допускало переписчиков «к пробному заполнению переписных листов» и уничтожало переписные бланки. Только благодаря активной разъяснительной работе администрации и духовенства удалось избежать открытых столкновений[3]. В Куручевской волости Белебеевского уезда группа крестьян (несколько сотен человек) совершила нападение на земского начальника,

---

[1] *Загидуллин И. К.* Перепись 1897 г. и татары Казанской губернии. – С. 166–213.

[2] Там же. – С. 185 (табл. № 4).

[3] РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 10. – Д. 244. – Л. 9–9 об.

которого спасло от истязания местное духовенство. В д. Ахметьево Мензелинского уезда был избит земский начальник, в д. Меля-Тамаке – становой пристав. С прибытием войсковых частей волнения в западных волостях Белебеевского уезда прекратились и перепись была продолжена. Две роты солдат были переброшены в Мензелинский уезд, здесь они находились с 9 по 18 января: первая под руководством вице-губернатора прошлась по всем протестующим населённым пунктам северо-восточных и северных волостей, вторая под руководством уездного исправника действовала в западных и южных волостях. В одном из татарских селений вице-губернатор приказал провести публичное телесное наказание 15 упорствующих крестьян. В других селениях экзекуция не проводилась. Вместе с отрядами разъезжали прокурор Уфимского окружного суда и группа судей, которые проводили следственные мероприятия и арестовали около 100 чел. В других местностях в рамках своих полномочий порядок в соответствии с ст. 61 Положения от 12 июля 1889 г. наводили земские начальники[1].

Не допустили проведения предварительной переписи в декабре 1896 г. ряд татарских сельских обществ Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губернии. Чтобы запугать татарское население, елабужский уездный исправник без суда и следствия арестовал 11 января 70 крестьян окрестных деревень, прибывших на базар в уездный город, что позволило завершить перепись в уезде к 17 января[2].

В крупном татарском селении Файзуллино Самарского уезда перепись началась лишь после того, как руководитель переписного бюро выдал крестьянам расписку о том, что после переписи их не будут крестить[3].

В Султангуловской волости Бугурусланского уезда башкиры отказывались переписываться из-за боязни, что на них «наложат большие подати». Переписчики трижды безуспешно ездили в эту волость. После многократных убеждений жители согласились послать в соседнюю Ивановскую волость пять доверенных «посмотреть и послушать, что там делают» переписчики, лишь после этого согласились на перепись.

Однако не везде удавалось увещеваниями добиться подчинения сельских обществ наставлениям властей. Начальник Самарской губернии направился с военным отрядом (4 роты солдат) в Бугульминский уезд для подавления выступавших против переписи 30 татарских сельских обществ (около 45 тыс. чел.), солдаты были посланы также для усмирения неповинующихся властям жителей д. Боровка Ставропольского уезда[4].

Участие приходских духовных лиц на стороне мусульманской общины в неповиновении властям вносило организующее начало в действия крестьян, укрепляло их уверенность в своих действиях, консолидировало татарское сельское общество. Наиболее активной областью их деятельности следует признать участие в организации подачи прошений властям с ходатайством о гарантии религиозных прав

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 184–189.

[2] *Мәрданов Р.* 1897 елгы халык исәбен алу һәм Алабуга өязе мөселман татарлары // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – № 1. – 51–53 б.

[3] Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. – Самара, 1892. – Т. 8. – Вып. 1. – С. VI.

[4] ГАСО. – Ф. 3. – Оп. 233. – Д. 1492. – Л. 24–25.

мусульманского населения, письменную и устную пропаганду среди прихожан против переписи.

Использование военных формирований, публичные жестокие экзекуции в ряде уездах Среднего Поволжья и Приуралья сыграли решающее значение в проведении переписи. Сохранение конфессиональной идентичности стало главной целью крестьянского движения. Всеобщий характер переписи заставил все сельские общества определить своё отношение к статистической кампании, что также способствовало увеличению численности крестьянских выступлений. В методах и формах противодействия сельских жителей властям проявились черты, характерные для крестьянских движений в целом.

Петиционная кампания мусульман Казанской губернии и прокламации. Неотъемлемой частью бойкота статистического движения явилось «приговорное движение».

В документах Главной переписной комиссии мы обнаружили лишь одно прошение мусульман, поданное министру внутренних дел в связи с проведением статистической операции[1]. Выявление поступавших в центральные и губернские органы власти прошений от мусульман требует дальнейших научных изысканий. Однако уверенно можно предположить, что подача министру внутренних дел ходатайств не получило широко распространения в силу ограниченности времени и активных действий губернской администрации с привлечением мусульманского духовенства по разъяснению истинной цели переписного мероприятия, поэтому движение бойкотирования переписи не получило повсеместный охват мусульманских селений Волго-Уральского региона. В большинстве случаях главным каналом получения информации сельскими обществами являлись контакты с губернаторами и уездными исправниками, и именно в адрес первых подавались соответствующие прошения.

Следует отметить, подача прошений отдельными сельскими обществами началась ещё в ноябре[2] и имела место в середине декабря 1896 г.[3] Однако до появления в селениях переписчиков в сопровождении полиции составление прошений носило локальный характер.

---

[1] От сельского общества д. Сухие Курнали Спасского уезда.

[2] В коллективном прошении сельских обществ Студёно-Ключищенской, Ковалинской, Кукморской, Алатской, Мульминской и Чепчуговской волостей Казанского уезда сообщается об отправке в ноябре 1896 г. прошений казанскому губернатору, поданных «лично и по почте под расписку от 11 декабря за № 1139, о том, что доверители наши, магометане сельских обществ получили книжки по общенародной переписи, в которых значится возведение в наших селениях школ для обучения наших малолетних детей русской грамоте, читать, писать и арифметике, о чём раньше был выдан доверителям нашим инспектором татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа 22 июля 1872 года Высочайше утверждённый журнал Совета Министерства народного просвещения от 2 февраля 1870 года за № 42...» (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 10495. – Л. 7–7 об.). Эти прошения татарских крестьян нам не удалось обнаружить. Ссылка на вышеуказанное предписание инспектора В. В. Радлова, адресованное приходским муллам, указывает на их причастность к этому мероприятию.

[3] Среди бумаг, конфискованных полицией у одного из лидеров движения (Г. Газеева), имеется черновая запись незавершённого приговора сельского общества д. Мульма Казанского уезда от 15 декабря 1896 г. о выборе 4 крестьян доверенными для ходатайства по «религиозным делам».

«В начале января в Казань стали стекаться доверенные магометанских обществ Тетюшского, Спасского, Казанского, Свияжского, Лаишевского и Мамадышского уездов для подачи прошений о разъяснении им цели всеобщей переписи, объясняя такое требование опасением за предполагаемое будто бы правительством насильственное обращение магометан в православную веру. Так как стремление к подаче прошений проявилось уже после рассылки мною к магометанам успокоительного объявления о том, что никаких перемен для татар после переписи не будет, то нельзя было не предположить, что недоверие магометан к моему объявлению поддерживалось влиянием других лиц, очевидно, стремившихся к возбуждению татарской массы»[1]. Эта выдержка из секретного донесения казанского губернатора, направленного в МВД в феврале 1897 г., наглядно показывает понимание властями многоликости факторов, повлиявших на движение татарского населения по игнорированию проведения всеобщей переписи.

Земский начальник 2-го участка Тетюшского уезда Н. Я. Горемыкин 5 января сообщал, что «доверенные всех сельских обществ магометанского населения отправились в Казань узнать о переписи в самом городе. Имена доверенных общества скрывают, но частным образом мне стало известно, что они снабжены деньгами для подачи прошений на высочайшее имя, в случае несогласия татар в городе. По всем деревням разъезжают неизвестные лица из г. Казани и собирают доверенных непременно к 7 января. Доверенные, имена которых мне известны, привлекаются мною к ответственности. Многие общества просят отсрочить до 9 числа, т. е., вероятно, желают дождаться посланных»[2]. Оказалась, что доверенные этих сельских обществ подавали прошения не только начальнику губернии и председателю Губернской переписной комиссии, но и императору[3].

В начале января 1897 г. в д. Большие Нырсы Абдинской волости Мамадышского уезда состоялся сельский сход по поводу статистической операции. На сходе мулла Хайрулла Абдулгалеев стал объяснять крестьянам, что перепись проводится по воле царя и вреда для ислама от неё не будет. После выступления духовного лица прихожане стали возмущаться, обвинять муллу в переходе в «русскую веру». Когда мулла хотел покинуть собрание, его остановил крестьянин Садретдин Хуснутдинов. Он подал мулле лист бумаги и велел прочитать вслух. По словам Х. Абдулгалеева, доложившего об этом жандармскому унтер-офицеру, в бумаге было написано следующее: «Крестьяне магометанского вероисповедания, вас принуждают к всеобщей переписи, в которую хотят вписать ваших детей и обозначить сколько им лет; это для того, чтобы их насильно у вас отбирать и учить русской грамоте, а после этого начнут крестить; но вы стойте за свою веру, не соглашайтесь на перепись; знайте, что вы теперь остались одни потому, что муллы ещё 1870 г. за деньги подписались и перешли в русскую веру, и если вы какими-то мерами освободитесь от переписи, то она более не повторится; тогда будете жить опять по-старому; а если остаться незаписанными в переписные листы будет никак нельзя, то когда придут к вам переписчики и станут вас и семейства ваши записывать, то им отвечайте, что не

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8137. – Л. 154.
[2] Там же. – Л. 144–144 об.
[3] Там же. – Л. 137.

желаете детей русской грамоте учить, чтобы ваши муллы, а также ахуны, муллы в духовном совете (Оренбургском магометанском духовном собрании. – *И. З.*) и сам муфтий знали русскую грамоту. Если переписчик скажет, что он этого писать не будет, то требуйте, чтобы он составил протокол и передал его начальству, чтобы было известно Государю Императору; мы Ему подавали два прошения, но их задерживали на почте; об этой переписи Государю ничего неизвестно, потому что его подписи на бумагах нигде нет». Согласно словам муллы, кроме того, в бумаге было написано много разных «глупостей», которые он не запомнил. В конце прокламации имелись подписи (их почерк совпадал с текстом) известных казанских купцов: Юнусова (имя не упомянуто), Измаила Бурнаева и Ахмета Хусаинова. После прочтения прокламации мулла объявил о своём намерении взять этот лист домой, «поскольку он недостаточно освоил её содержание». Сельский сход в категорической форме потребовал возврата бумаги («в противном случае не отпустят его живого домой»), тем самым выразив ему полное недоверие. Х. Абдулгалеев также рассказал, что распространением «таких возмутительных бумаг» занимался житель д. Сауш Карабаянской волости Лаишевского уезда по имени Хуснутдин, который при губернаторе Н. Я. Скарятине (1874–1880) занимал должность помощника волостного старшины[1].

Распространение прокламаций среди татарского населения подтверждается несколькими сообщениями полицейских и жандармских властей на местах[2]. Факт распространения среди крестьян «каких-то бесцензурных прокламаций на татарском языке» зафиксирован и в отчёте Казанской уездной переписной комиссии[3]. В рапортах земских начальников Казанского уезда неоднократно говорилось о «воззваниях к мусульманам против христиан о недопущении переписи»[4], тайно распространённых среди татарского населения[5]. В частности, воззвание на татарском языке, переданное уездным исправником Марасановым вице-губернатору А. Г. Левченко, в бытность последнего в Арске, и там же переведённое Н. Ашмариным[6] на русский язык, было не рукописным, а печатным. По мнению земского начальника 6-го участка,

---

[1] *Загидуллин И. К.* Указ. соч. – С. 156–157.

[2] Так, сельский староста д. Юлсубино заявил представителям местной администрации, что у крестьянина д. Верхний Тимерлик Лаишевского уезда Сафы Махдиева «есть какая-та бумага, писанная красными чернилами, в которой говорится, что татарам можно и не давать переписывать семейство, и будто бы эту бумагу Сафа Махдиев достал, одни говорят из Казани, а другие говорят из д. Сауш Карабаяновской волости». Один экземпляр этой прокламации был «обнаружен» полицией у крестьянина д. Верхний Тимерлик Сафы Мехдиярова (см.: НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 7, 18).

Крестьяне Лаишевского уезда свой отказ от переписи аргументировали тем, что некто Латып Абдыров за деньги «с какого-то письма писал копии и передавал в некоторые деревни; в которых будто бы сказано не давать переписывать» (см.: НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 71).

[3] РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 10. – Д. 181. – Л. 33.

[4] НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 5609. – Л. 20 об.

[5] Например, заведующий 3-м переписным участком уведомил вышестоящее начальство о чтении приказчиком хутора Зябировым и крестьянином д. Мульма Халиуллой Максютовым такого письма в мечети д. Ямаширма. В уезде во многих татарских селениях в мечетях читались «письма и рекламы» (см.: НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 5609. – Л. 12 об.).

[6] НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1436. – Л. 145.

видимо, оно было напечатано в «мусульманской типографии», расположенной в Новотатарской слободе[1].

Один из вариантов рукописной листовки на татарском языке, обнаруженный жандармами, сохранился среди архивных документов. Перевод прокламации на русский язык сделал учитель Казанской учительской семинарии Н. Ашмарин[2]. На первый взгляд кажется, что данная листовка непосредственно не связана с переписной кампанией. В ней приводятся цитаты, выдержки из статей, проникнутых антимусульманским духом. Эти материалы были опубликованы на страницах русской периодической печати. В листовке нет открытого призыва к противодействию властям. Ссылки на циркуляры и предписания властей в контексте с выпиской из газетных статей с воинствующим православным миссионерским духом превратили эту листовку в настоящее воззвание по организации сопротивления разрушению религиозно-культурной автономии мусульман. Относительно ссылки автора прокламации на газету «Оренбургский листок» необходимо сказать следующее: 35-й номер газеты не издавался 22 августа в 1896 г. В № 35 от 22 августа 1893 г. в ней была опубликована большая статья чиновника учебного ведомства А. Тарнавского под названием «Беседа с татарскими вождями», в которой есть ссылка на циркуляр учебного ведомства. В подтверждение своих слов о необходимости борьбы с исламом автор статьи приводит распоряжение оренбургского губернатора по претворению в жизнь циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. Как уже было рассмотрено, эта мера правительства вызвала массовую подачу прошений протеста среди мусульман Среднего Поволжья и Приуралья. Одним словом, мусульманское духовенство было хорошо уведомлено об этом документе. Анонимый автор листовки вполне достоверно сообщал о деятельности администрации Оренбургской губернии по отстранению от должностей представителей духовенства, получивших образование в заграничных исламских образовательных центрах. Листовка как бы подталкивала эту группу мулл к активным действиям по сохранению своей должности, высокого общественного положения.

---

[1] *Загидуллин И. К.* Указ. соч. – С. 160–161; 165–166..

[2] Приводим перевод Н. Ашмарина полностью: «В январе 1894 года писали следующее. «У мусульман был пророк, который проливал кровь этих гяуров подобно реке. По примеру Магомета и его сподвижников также пролили много крови, обратили в ислам множество городов и покорили их Магомету. Господь сократил жизнь Магомета, если бы он прожил на земле двести или триста лет, то, несомненно, покорил бы весь свет. Поэтому Бог не дал ему долгой жизни. [Мусульманские муллы] обманом захватили народ в свои руки, сами выдумали книги и окончательно развратили народ. Настало время уничтожить мулл, истребить книги и запереть мечети и медресе, а народ обратить в христианство. Мусульманский брак следует подчинить русскому закону. Посмотрите на Коран, который хулит нас и нашу веру». Приведённые слова написаны одним священником, учившимся в Московской академии, которому за старания в этом отношении дана золотая медаль. В этом деле было поступлено по его указаниям перв... (здесь два слова остались неразобранными) и 10 июля 1892 года за № 12338 в «Оренбургском листке» (№ 35 от 22 августа 1896 г.) (должно быть 1893 г. – *И. З.*) напечатано, что уже разрешено не допускать к отправлению служебных обязанностей тех мулл, которые учились за границей. Пока это дело отложено, но нельзя сомневаться, что подобный порядок будет установлен, хотя мы и не думаем об этом. Посмотрите на циркуляр 95 года, там сказано, что никто не будет хозяином своему имуществу, дому и детям и жене».

Правомерно говорить об участии представителей духовенства в тиражировании и распространении этих листовок[1].

Получатели листовки, в свою очередь, часто передавали соседям, родным, проживающим в других селениях, и другим лицам не только содержание листовки, но и её копию. Земским начальником 5-го участка Тетюшского уезда А. М. Кудрявцевым была конфискована (ранее 8 января 1897 г.) в д. Тявгильдино Средне-Балтаевской волости прокламация на татарском языке. После перевода её ахуном д. Кулларова Мустафиным и ознакомления земского начальника один экземпляр листовки был представлен начальнику губернии[2].

Приводим полный текст этой прокламации, который перевели преподаватели Казанской учительской семинарии.

«В городе Казани у нас писали (буквально – поручали писать) прошения по поводу собирания с народа, с каждого дома именных списков. [Прошения писали] в два места; одно – казанскому губернатору, другое – председателю комитета; прошение каждого общества относительно переписи идёт в Петербург через Комитет.

Ещё [...] вследствие 40, 41, 42, 44 и 47-й статьи книги, опубликованной (буквально – разосланной) в 1878 году, и вследствие номера 243 газеты за 1883 год, цель написания [прошения] следующая: пусть будут изъяты из опубликованных книжек те места, в которых говорится, что нужны ещё и другие вещи (под другими вещами составитель писем, очевидно, разумел различные нововведения. – *Примечание переводчика*).

Здесь мы писали трём обществам Лаишевского уезда, а именно – деревни Табай, деревни Кунь и деревни Помарь. Из каждой деревни приходили по два поверенных.

Кроме того, нужен приговор, который из селения, как можно скорее, так как срок очень близок и надо торопиться, если пропустить этот срок, то (прошение) не примут, сколько не пиши.

Мы также писали в многие деревни Мамадышского уезда и Казанского уездов; оттуда приходили [люди[и написали (буквально – поручали писать) прошения.

Это известие, пришедшее из Казани, бывшее неоднократно переписываемо, попало к нам в руки, и мы написали [об этом] в 4 или 5 деревень; вы также спишите и отправляйте в соседние мусульманские селения.

97 года 4 января.

Для спасения от того, кто не милует наших предков и не чтит наших великих.»

Как видно, всеобщая перепись анонимным автором была представлена как логическое продолжение правительственных мер по ассимиляции татар.

---

[1] В частности, в мае 1897 г., уже после завершения переписных работ, мулла д. Чертушкино Каргалинской волости Чистопольского уезда Абдулгаллям Абдулбадигин сообщил жандармскому унтер-офицеру К. Кулыгину, что мулла д. Служилая Елтань Изгарской волости Аглеулла Билялов «подстрекал своих однодеревенцев не допускать производства переписи и с этой целью распространял между ними какие-то рукописные листы на татарском языке» (см.: НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 2312. – Л. 108). На следующий день в доказательство своих слов он представил властям один экземпляр прокламации, взятый им у крестьянина д. Служилая Елтань Хисамутдинова, который получил его, в свою очередь, у муллы А. Билялова. Эта листовка жандармским управлением была представлена губернатору (см.: НА РТ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 2312. – Л. 108 об.). Нам не удалось обнаружить этот документ.

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8137. – Л. 152.

На наш взгляд, пропаганда через прокламации проводилась преднамеренно и предполагала:

– массовую подачу прошений в связи с переписью;

– противопоставление крестьянской общине законопослушных духовных лиц, имеющих возможность своим авторитетом удержать крестьян от неповиновения властям;

– организацию кампании подачи прошений в иностранные консульства с целью привлечения внимания к правовому положению татар-мусульман Среднего Поволжья в странах Европы и в Турции;

– массовые выступления татар против переписи, которые должны были показать русскому правительству силу и единство татар и тем самым удержать его от дальнейших мер по русификации и усилению национального гнёта.

Помимо Казани, другим центром распространения прокламаций стал Мензелинск, где с 26 декабря по 11 января проходила ярмарка. Именно отсюда привозили брошюры-прокламации татарские крестьяне Вятской губернии[1], передавалось волнение в селения Мензелинского уезда.

Движение по подаче прошений, если исходить из даты их составления, охватывает период с 30 декабря 1896 г. по 17 январь 1897 г. Выявлено всего 7 форм прошений татарских крестьян Казанской губернии.

Таблица № 15

Число прошений и татарских сельских обществ Казанской губернии, их подавших[2]

№	Города и уезды	Числ. обществ, подавших прошения	Кол-во прошений	Формы прошений						
				№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7
1	г. Казань	2	2	1	–	1	–	–	–	–
2	Казанский у.	33	12	4	–	5	2	–	1	–
3	Лаишевский у.	29	19	12	3	1	–	3		–
4	Мамадышский у.	2	2	2	–	–	–	–	–	–
5	Свияжский у.	32	24	14	10	–	–	–	–	–
6	Спасский у.	18	9	4	1	2	2	–	–	–
7	Тетюшский у.	75	42	22	17	–	–	–	–	3
8	г. Тетюши	1	1	–	1	–	–	–	–	–
9	Царевококшайский у.	17	3	–	2	–	1	–	–	–
10	Цивильский у.	7	6	–	6	–	–	–	–	–
11	Чебоксарский у.	2	1	–	1	–	–	–	–	–
	Итого	218	121	59	41	9	5	3	1	3
	в %		100,0	48,8	33,9	7,4	4,1	2,5	0,8	2,5

[1] *Мәрданов Р.* Указ. соч. – С. 57.

[2] *Загидуллин И. К.* Прошения татарских крестян Казанской губернии в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // УЗТГГИ. – 1997. – № 2. – С. 219–233.

Имеются три прошения от городских татар (2 – из Казани, 1 – из Тетюш) и 218 сельских обществ. Петиционная кампания охватила 9 из 10 уездов, в которых проживало татарское население. В Тетюшском (75) и в Лаишевском уездах (30) в кампании участвовало около половины, в Спасском уезде (18) более $^1/_3$ мусульманских обществ. В Царевококшайском уезде 17 сельских обществ оформили свои просьбы в четырёх прошениях. Из Казанского уезда в адрес председателя Губернской переписной комиссии поступило одно прошение сразу от жителей пяти волостей.

Больше всех прошений составлено по форме № 1 (59 прошений или 48,8 %), далее по формам № 2 (41 или 33,9 %), № 3 (9 или 7,4 %), № 4 (5 или 4,1 %), № 5 и 7 (по 3 или 2,5 %) и, наконец, по форме № 6 (1 или 0,8 %).

В ходатайствах по *форме № 1* просители сообщали, что понимают истинную цель всеобщей переписи – статистический учёт населения, а не приведение «мусульман насильственно в православие», «не принуждение детей обязательно учить русской грамоте». Однако они просили губернатора выдать «бумажку» с его подписью, что «их страхи и опасения не имеют оснований, и тем предотвратить весьма возможное несчастье», выражали своё опасение по поводу передачи конфессиональных школ в распоряжение МНП, что «в них будут обучать только русской грамоте члены миссионерского общества». Все эти возможные мероприятия мусульмане «находили» в слове «и пр.», присутствующем в татарском переводе брошюры «Первая всеобщая перепись населения Российской империи». В ряде прошений опасение быть крещёнными обосновывалось информацией «Церковных ведомостей»[1]: в извлечении из отчёта обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева за 1890–1891 гг. были указаны предложенные местными архиереями меры по успешной миссионерской деятельности в поволжских и приуральских епархиях – закрытие ОМДС (инициатива уфимского и оренбургского архиереев), сокращение численности мечетей и мулл, запрещение обучать в мусульманских школах детей инородцев, назначать волостными начальниками в местностях с мусульманским населением исключительно русских крестьян.

11 января 1897 г. жители д. Чирши Хасан Ягоферов и Валей Шагиахметов (бывший староста) явились в Студёно-Ключищенское волостное правление и заявили, что их односельчане только тогда согласятся на перепись, «когда им будут объявлено, что школы их (медресе и мектебе) будут изъяты из ведения Министерства народного просвещения, отменят закон об образовательном цензе для мулл и уничтожат Миссионерское общество»[2].

В прошениях по *форме № 2* доверенные обществ просили отменить те положения брошюры «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», в которых речь шла об учреждении после переписи, исходя из численности жителей в населённых пунктах, русских школ для обучения детей школьного возраста, а также открытии аптек, назначении докторов, строительстве дорог. Свои опасения по

---

[1] Церковные ведомости. – 1894. – № 1.

[2] За этот поступок на основании ст. 29 «Положения о мерах и охранению государственного порядка и общественного спокойствия» их подвергли 7-дневному аресту (см.: НА РТ. – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 31 об.).

поводу христианизации мусульманского населения аргументировали следующими обстоятельствами: 1) параграфами 40–44, 47 «Инструкции сельским обществам по выполнению возложенных на них законом обязанностей» казанского губернского по крестьянским делам присутствия от 27 января 1878 г.; 2) сообщением губернатором Л. И. Черкасовым во время посещения 21 декабря 1882 г. казанских медресе об указе от 5 февраля 1882 г.; 3) законом от 16 июля 1888 г.

В прошениях по *форме № 3* крестьяне просили ответить на вопросы: «1) если у нас будут открыты школы, на заставят ли наших детей изучать обязательно русскую грамоту?; 2) не отдадут ли школы «в непосредственное распоряжение господина министра народного просвещения?; 3) чтобы члены Миссионерского общества не распространяли на нас свою деятельность и не имели бы давления на нашу веру; 4) не заставят ли мулл иметь обязательно русский образовательный ценз». Далее они, с ссылкой на «всеподданнейший» отчёт К. П. Победоносцева за 1890–1891 гг., опубликованный в «Церковных ведомостях»[1], просили гарантии, что изложенные в этом документе предполагаемые меры в отношении мусульманского населения Поволжья и Приуралья не будут претворены в жизнь[2].

В прошениях по *форме № 4* главный акцент делался на упомянутый нами абзац из татарского варианта брошюры «Первая всеобщая перепись населения Российской империи» о школах, который был истолкован как возведение училищ «для обучения наших малолетних детей русской грамоте: читать, писать и арифметике». Это положение мусульмане напрямую связывали с предыдущей русификаторской деятельностью власти, точкой отсчёта которой они справедливо указывали «Правила» 1870 г. Ко всем прошениям по форме № 4 прилагалась выписка из предписания инспектора В. В. Радлова от 22 июля 1872 г. к мусульманскому духовенству о предоставлении статистических сведений и материалов краеведческого характера[3].

Ко всем трём прошениям по *форме № 5* приложены подписи членов крестьянской общины. Поэтому нет сомнений в том, что изложенные в них факты о незаконном действии полицейского урядника 2-го стана уезда во время предварительной переписи, заставившего подписаться в них каждому домохозяину, и распускаемых русскими крестьянами д. Белкина слуха о том, что «всем магометанам остаётся три недели, а потом они все будут зачислены в христиане», правдивы. На этом основании, чтобы рассеять сомнения, они просили дать гарантии в том, что:

---

[1] Церковные ведомости. – 1894. – № 1. – С. 2–6.

[2] *Загидуллин И. К.* Прошения татарских крестьян Казанской губернии... – С. 219–233.

[3] Лишь в совместном ходатайстве татарских сельских обществ Студёно-Ключищенской, Ковалинской, Алатской, Мульминской и Чепчуговской волостей Казанского уезда помимо копии этого документа представлено ещё 4 материала: 1) обращение инспектора В. В. Радлова 1878 г. к духовенству о предоставлении сведений об истории селения; 2) указание на постановление казанского губернского по крестьянским делам присутствия от 27 января 1878 г. относительно устройства и содержания начальных народных училищ (§ 40–44, 47–48 и 50); 3) копия ответа губернатора Л. И. Черкасова на прошение татарских крестьян Казанского уезда 1883 г., поданное после обнародования указа от 5 февраля 1882 г. об установлении контроля правительства над мектебе и медресе; 4) распоряжение инспектора КУО Люстрицкого от 22 декабря 1892 г. заведующим мусульманских школ с требованием представления ответов на анкету с 45 пунктами о деятельности мектебе и медресе.

– после переписи религиозные права мусульман будут оставлены «на существующих основаниях»;

– национальные школы также будут функционировать «по-прежнему»;

– перепись не связана с религиозным вопросом[1].

Прошение крестьян д. Большой Айбаш Студёно-Ключищенской волости Казанского уезда мы подсчитали как *форму № 6*. Она составлена после проведения в селении с 28 декабря 1896 г. по 6 января 1897 г. статистической операции. Как видно из документа, проведение переписи не сняло настороженности мусульманского населения относительно будущего своих гражданских прав. Основываясь на п. 2 неудачно переведённой на татарский язык брошюры «Первая всеобщая перепись населения Российской империи» о том, что перепись проводится с целью устройства в селениях пунктов для врачебного персонала и для устройства сельских школ, доверенные просили:

– оставить в прежнем положении их медресе;

– не строить учебных заведений с преподаванием русской грамоты для мусульманского населения;

– не заставлять «невольно» обучать детей русской грамоте и отдавать в русские школы;

– изъять из ведомства МНП мектебе и медресе;

– освободить кандидатов в муллы от обязательного знания русской грамоты[2].

В отличие от других ходатайств, все три прошения по *форме № 7* составлены малограмотным, недостаточно хорошо знающим русский язык писарем. Они в значительной степени перекликаются с прошениями по форме № 2. В частности, здесь повторяется ссылка на отдельные параграфы инструкции губернского по крестьянским делам присутствия от 27 января 1878 г., свои опасения относительно намерений властей русификации мусульман просители дополнили ещё двумя аргументами. В ходатайстве упоминался циркуляр от 1895 г., согласно которому «всем будто сказано имуществом и детям нашим хозяйствовать не могут». Следующий их аргумент изложен следующим образом: «Не будет у нас муллы допущенным которые обучены прочих земле», послужил циркуляр МНП от 10 июля 1892 г. Автор прошения, ссылаясь на газету «Оренбургский листок» за 1896 г., утверждал, что правительство ввело вышеуказанный циркуляр в Оренбургском крае. Просьба крестьян сводится к тому, «чтобы оставили мусульман «как [...] жили прежде»[3] (эти аргументы созвучны с текстом одного из рассмотренных нами тайных воззваний).

Некоторые прошения (формы № 4–7) были написаны в единичных экземплярах. Видимо, из-за большого наплыва доверенных сельских обществ составители прошений не сумели «охватить» и «обслужить» часть приезжих. Последние сами составили ходатайства у знакомых писарей.

Организаторы подачи прошений как бы предупреждали власти, намекая на негативное отношение мусульман к переписи, которое в ходе её проведения оформилось

---

[1] НА РТ. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 72–72 об.

[2] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 10495. – Л. 32–32 об.

[3] НА РТ. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 16–16 об.

в массовое неповиновение местной администрации, не предпринимать дальнейших шагов по христианизации и русификации татаро-мусульманского населения.

18 января на основании ст. 29 «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» были арестованы составитель прошений отставной коллежский регистратор, А. Кульмаметов[1] и организатор «приговорного движения» Гарифулла Газеев, заведующий частной школой, в которой будущие муллы готовились к экзамену по русскому языку.

Таким образом, в организации подачи прошений татарских крестьян Казанской губернии в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в отличие от петиционной кампании 1889–1890-х гг. организаторская роль представителей национальной буржуазии прослеживается не отчётливо.

Правомерно вести речь о следующих особенностях организации подачи прошений.

Во-первых, массовому прибытию доверенных татарских сельских обществ в Казань предшествовало распространение в селениях прокламаций на татарском языке с призывом подавать прошения в губернскую администрацию в связи с переписью населения для защиты своих религиозных прав и во избежание крещения мусульман, появление в сельской местности специально посланных из Казани ходоков-курьеров, которые ездили по селениям и призывали жителей посылать своих представителей в конкретно указанный день в Казань для подачи прошения.

Во-вторых, организаторы подачи петиций сумели довести до сведения губернских властей мнение мусульманского сообщества и дать установку на бойкот статистической операции, следствием которой стали практически повсеместные срывы начавшейся переписи и в целом ожесточение неповиновения властям.

В-третьих, организация подачи прошений была достаточно продуманной. Её можно назвать вторым, заключительным этапом петиционного движения, если иметь в виду, что первым этапом стало «убеждение» крестьян в необходимости подачи ходатайств. Практически все действия составителей прошений носили согласованный характер, начиная от предложения своих «услуг по письмоводству», специализации писарей по конкретным вариантам текстов прошений и заканчивая оперативным составлением ходатайств.

Роль первой скрипки, по нашему мнению, сыграл Г. Газеев, а также большое значение имела деятельность А. Яхъина и А. Кульмаметова. За свою деятельность они были вознаграждены доверенными сельских обществ. Материальная сторона дела сыграла, видимо, немаловажное значение в активности и оперативности действий организаторов кампании.

В-четвёртых, вместо унифицированного, единого содержания текста были поданы семь вариантов прошений.

---

[1] Ахметзян Мазитович Кульмаметов за активную деятельность по организации подачи прошений с просьбой отмены закона от 16 июля 1888 г. и распространении выписок с законодательных актов и публикаций на страницах газет и книг на русском языке, ущемляющих религиозные чувства и права татарского населения, был в 1890 г. арестован «за подстрекательство магометанского населения к неповиновению властям» и находился в 1890–1893 гг. в ссылке в Астрахани (см.: НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8137. – Л. 134, 137, 138).

Формы ходатайств № 1, 2, 3 были основными текстами выражения мнения мусульман. Наиболее аргументированными являлись прошения по формам № 2, 3, 4.

В целом появление нескольких основных вариантов ходатайств, на наш взгляд, связано с тем, что первоначально организаторами данного общественного движения не предполагался массавый бойкот переписи. Думается, что именно появление в Казани доверенных отдельных сельских обществ, прибывавших в город для выявления здесь этноконфессиональной и общественной ситуации и консультации с «богатыми татарами» или подачи прошения подтолкнули к мысли организовать петиционную кампанию. Почин отдельных татарских селений был подхвачен, расширен и видоизменён в массовое общественное движение. Самое главное – организаторы качественно обновили содержание первоначального варианта прошения (форма № 1) мусульманских общин, что выразилось в появлении прошений по формам № 2, 3 и возможно № 4.

В-пятых, в прошениях составители сумели умело раскрыть и увязать причины недоверия татар-мусульман ко всеобщей переписи с проводимой русификаторской политикой российской власти. Более того, они выставили ряд требований, в случае выполнения которых обещали успешное проведение переписи. Все эти требования сходятся к сохранению правового положения татаро-мусульманского населения в рамках до утверждения правил от 26 марта 1870 г. Иначе говоря, в них отчётливо выражено стремление к отмене ряда законоположений и мероприятий по претворению в жизнь положений вышеуказанных правил. Примечательно, что обращение казанского губернатора от 2 января 1897 г., переданного мусульманам с целью установления спокойствия в сельских обществах, где было сказано, что «мектебе и медресе останутся те же, которые существовали доныне», населением в ряде местностях было воспринято как отказ губернских властей от дальнейшего открытия русских классов и русско-татарских школ. Татары выражали своё сожаление тому, что объявление подписано только губернатором, а не самим императором[1].

ГЛАВА VII

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Идеологическая борьба в мусульманском общественном движении

Модернизационные процессы второй половины XIX в. вызвали к жизни рост социальной активности отдельных групп населения России. В пореформенный период, благодаря концепции, сформированной крымско-татарским просветителем И. Гаспринским, джадидисткие стремления национальной элиты постепенно приобрели форму социокультурного движения с конкретными задачами и в конечном счёте были направлены на превращение татар в конкурентоспособную нацию на евразийском пространстве. Предприниматели взялись за модернизацию исламского дискурса в татарском сообществе, за изменение парадигмы культурного развития татар, чувствуя ответственность за будущее мусульман. Они всё более втягивались в общественную жизнь, косвенно или открыто выражая своё отношение к происходившим событиям, имеющим непосредственное отношение к жизнедеятельности татарского населения.

Газета «Тарджеман» стала для общественных деятелей тюркских народов площадкой публичного выражения своего отношения к событиям, происходящим в регионах и в стране в целом, создавала им условия для общения[1]. В 1889 г. внимательно отслеживавший общественную жизнь мусульман России миссионер Н. И. Ильминский написал П. Д. Победоносцеву о том, что «Татарская газета «Переводчик» за 8 лет своего существования, по мнению людей компетентных, вполне обнаружила своё искусство, направление и тенденцию соединить миллионы мусульман русских подданных, разделённых временем и племенем, соединить под знаменем мусульманства рационалистического и усовершенствованного европейскою цивилизациею, пропущенною сквозь турецкую константинопольскую призму. Я сам не читал этой газеты, и только мельком видел некоторые нумера, но люди внимательные и следящие находят в ней тонкую последовательно и настойчиво проводимую мысль [...]

---

[1] *Гаспринский Исмәгыйль.* : тарихи-документаль җыентык / төз. С. Рәхимов. – Казан, 2006. – 213 б.

Представьте же себе цепь, связывающую Бахчисарай с Омском и замыкающую всё огромное пространство, населённое разноплеменными мусульманами»[1].

Публикуя сообщения об обновлении жизни тюркских народов, обсуждая в редакторских статьях перспективы их развития, И. Гаспринский, по сути, заявлял об общности судеб мусульманских народов империи. Просветитель выдвинул идею культурного и национального единства тюркских народов страны на основе «единства языка, мысли и действий». И. Гаспринский придавал особое политическое значение созданию единого литературного языка тюркских народов России[2]. Газету читала татарская, узбекская, казахская, башкирская, кавказская интеллектуальная элита[3]. Однако до 1905 г. деятельность И. Гаспринского не выходила за рамки культурно-просветительской работы.

Наметившееся сотрудничество национальной буржуазии с муфтием М. Султановым прервалось после оглашения закона о введении русского образовательного ценза для кандидатов в духовные должности. Закон от 16 июля 1888 г. привёл к расколу в составе ОМДС. Заседатели не поддерживали линию муфтия на распространение русского образования среди имамов, считая его глубоко ошибочным.

В начале 1890-х гг., когда правительство начало принимать меры, направленные против исламских институтов, вновь наметилось взаимопонимание между М. Султановым и казанским купечеством. Публичным проявлением их союза стал праздничный обед 29 мая 1896 г. в зале Казанской городской биржи в честь приезда муфтия, который организовали предприниматели, пригласив официальных лиц[4]. Проведение реформ в мусульманском сообществе способствовало дальнейшему сближению позиций купеческих кругов и муфтия М. Султанова, благодаря последовательному отстаиванию муфтием новых идей и стремлению защитить религиозные права мусульманского населения. На рубеже столетий М. Султанов и члены ОМДС публично позиционировали себя как сторонники прогресса.

В 1890-е гг. новые идеи и воззрения сторонники прогресса доводили до читательской аудитории посредством художественных произведений, через размышления, полемику литературных героев о будущем мусульманского общества, через их поступки. Литература периода возрождения превратилась в важнейший инструмент воздействия и воспитания людей новой формации. Важно отметить, что появление таких изданий уже свидетельствовало о кардинальных изменениях, происходивших в городских общинах: известно, что не все литературные произведения, прошедшие русскую цензуру в 1890-е гг., публиковались – издатели-продавцы, боясь конфликтов с духовенством, не брались за их реализацию. Образцы литературы возрождения и публицистические произведения издавались на средства национальной буржуазии. На рубеже веков благодаря тандему

---

[1] Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору св. Синода П. Д. Победоносцеву. – Казань, 1895. – С. 383–384.

[2] *Гаспринский Исмагыйль.* : тарихи-документаль жыентык. – 264–465 б.

[3] *Валидов Дж.* Очерки истории образованности и литературы татар. – Казань, 1998. – С. 78.

[4] Казанский телеграф. – 1896. – 30 мая.

«меценат – интеллектуал» в плане идеологического воздействия на читательскую аудиторию посредством печатного слова джадидисты захватили инициативу и действовали более активно.

В консолидации прогрессивно настроенных представителей различных профессиональных и сословных групп мусульманского населения в округе ОМДС значимую роль сыграло учреждение в Уфе по инициативе заседателей религиозного управления Х.-Г. Габаши и Р. Фахретдина 6 января 1898 г. неофициальной организации «Ислахый мәктәб вә нәшери мәгарифе мөслимин» («Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновленных учебно-методических пособий») – первого татарского общества, вызвавшегося решать насущные общенациональные проблемы, а именно: последовательная реализация реформы в области совершенствования тюрко-татарского языка, учебно-методическое обеспечение формирующейся джадидской четырёхлетней начальной школы, издание научно-популярных книг-наставлений на доступном для простого народа языке об освоении новых профессий и знаний[1].

15–17 июня того же года в Уфе состоялось неофициальное совещание, созванное данным обществом. Р. Фахретдин впоследствии писал, что в Уфе собрались интеллигенты, получившие образование в русских учебных заведениях, шакирды, обучавшиеся в Стамбуле, имамы, мударрисы, выпускники медресе Средней Азии, учителя русско-мусульманских школ, студенты высших учебных заведений, купцы, которые впервые совместно обсуждали общенациональные проблемы[2]. География участников съезда была обширной: представители сильных татарских городских общин Казани, Уфы, Оренбурга, Троицка, Орска, Петропавловска, Семипалатинска, Саратова, Бузулука, Сеитова Посада, мударрисы известных медресе д. Иж-Бобья Вятской губернии, «Мухаммадия», «Хусаиния» и др.[3] Муфтий М. Султанов не принимал участие в этом совещании[4].

В ходе совещания состоялись полемика и обмен мнениями по ключевым проблемам развития мусульманской нации, по каждой были приняты резолюции, проекты которых подготовил Х.-Г. Габаши. Тексты постановлений были розданы всем участникам совещания.

---

[1] Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / төз. М. Ф. Рахимкулова. – Оренбург, 1998. – 113–114, 125–127, 139–144 б.

[2] Там же. – С. 114.

[3] Из Уфы ахун Хайрулла Усманов, председатель съезда, заседатели ОМДС Ризаэтдин Фахретдин, Хасан-Гата Габаши, Гайнетдин Капкаев; из Сеитова Посада мударрис Гумар Даулятьяров; из Бузулука мударрис местного медресе Галиасгар Гафуров; из Оренбурга купец 1-й гильдии Габдулгани Хусаинов и мударрис медресе «Хусаиния» Габдеррахим Даминов; из Орска мударрис местного медресе Ахматфаиз Даудов; из Саратова имам и мударрис Садик-эфенди; мударрис медресе д. Иж-Бобья Файзи Нигматуллин; из Казани мударрис медресе «Мухаммадия» Галимджан Баруди, молодой педагог, писатель, мударрис Ахмадхади Максуди, учитель русского класса при медресе Старотатарской слободы Казани Шакирзян Тагиров; из Бугульминского уезда Самарской губернии ахун Гильман Карими и его сын Фатих Карими и др. (см.: *Кәрими Ф.* Аннан моннан. – Оренбург, 1907. – 39–41 б.).

[4] Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902). – Оренбург, 1998. – 113 б.

Прежде всего, участники постановили популяризовать исламское учение и светские знания на «народном языке», заявив, что все мусульманские народы России являются тюркскими и что язык также является тюркским, поэтому все книги должны писаться на «тюрки» – на «казанском наречии». Эти слова свидетельствуют о том, что в конце столетия интеллектуалы-джадидисты, окончившие нерусские учебные заведения, идентифицировали себя не «татарами», а «тюрками», которые писали на «казанском наречии». Это очень важный момент в понимании особенностей процесса нациестроительства мусульман Волго-Уральского региона.

Новые издания на доступном для мусульманского населения языке были призваны расширить их представления о происходивших в стране и мире событиях, способствовать прогрессу, увеличению недвижимости и улучшению повседневной жизни населения. Было также принято постановление о правилах написания на «родном языке», решено, что морфолофия и синтаксис тюркского языка должны составляться на основе научных трудов К. Насыри и Х. Фаизханова[1].

Второй актуальной задачей была определена разработка учебно-методических пособий, учебников для джадидской начальной четырёхклассной школы с учётом накопленного в этой сфере опыта. Заведующими и мударрисами ведуших джадидских учебных заведений округа ОМДС был составлен список учебных предметов для каждого класса, среди которых помимо религиозных дисциплин, значатся краткая география и тюркская история, счёт, основы геометрии и т. д.[2] Русский язык не был включён в перечень преподаваемых предметов в национальной начальной школе, считалось, что учащиеся младших классов должны обучаться исключительно на родном языке.

На совещание был составлен список авторов новых десяти учебников. Создание учебника по синтаксису «родного тюрского языка» было поручено Ф. Карими. Хрестоматию по нравственному воспитанию вызвался написать мударрис Иж-Бобьинской медресе Ф. Нигматуллин, учебник по счёту – Ш. Тагиров, по истории тюрок – автор книжки «Төрек ыруглары» («Тюркские племена»)[3] Х.-Г. Габаши, по нравственному воспитанию – А. Даудов, по правилам написания сочинения – Г. Баруди, по грамматике родного языка и географии – А. Максуди. Разработка методического пособия для учителей начальных классов была возложена на инспектора КТУШ Ш. Ахмерова и Ф. Мухетдинова и т. д.[4]

Уфимское совещание 1898 г., безусловно, дало новый импульс преобразованиям. Если до этого единственным идеологическим центром объединения джадидистов являлась газета «Тарджеман», то в 1898 г. они пробрели в лице ОМДС новый координирующий центр реформы в области родного языка и джидидистской начальной школы и в целом общественной жизни мусульманского сообщества. С этого времени издание небольших брошюр с полезными советами, наставлениями и сведениями на тюрки стало системным явлением, а на ближайшие пять лет джадидские

---

[1] *Кәрими Ф.* Аннан моннан. – Оренбург, 1907. – 33–34 б.
[2] Там же. – С. 36–37.
[3] *Габәши Х.-Г.* Төрек ыруглары. – Казан, 1897.
[4] *Кәрими Ф.* Аннан моннан. – 38 б.

начальные школы в целом были обеспечены основными учебниками, что способствовало росту их численности и качеству обучения.

С этого времени работу ОМДС вплоть до создания партии «Иттифак альмуслимин» правомерно оценивать как деятельность центрального религиозно-национального учреждения мусульманских народов Волго-Уральского региона и Сибири, стремящегося курировать вопросы воспитания подрастающего поколения, создания национальной светской системы образования, издания научно-популярных книг и внедрения среди мусульман письменного родного языка.

Начавшее свою деятельность с большим воодушевлением общество не смогло провести свой второй съезд-собрание в следующем году, на котором планировалось представить отчёты участников о проделанной работе. В своей статье, посвящённой памяти купца Г. Хусаинова (по случаю 10-летия со дня его смерти), Р. Фахретдин писал, что и на тот момент актуальным являлось учреждение общественной организации, которая координировала бы социокультурные процессы. В своих воспоминаниях главный организатор общества Х.-Г. Габаши отмечал, что травля, которую начали против него после совещания в Уфе кадимисты во главе с членом ОМДС Г. Капкаевым, привела к расстройству его здоровья, врачи настоятельно рекомендовали временно оставить интеллектуальную деятельность, поэтому ещё до завершения срока службы в ОМДС, 13 февраля 1899 г., он уехал в родное селение в Казанском уезде[1]. Р. Фахретдин же считал причиной непроведения второго совещания общества постоянные проверки полиции, что привело к бездействию исполнительного органа общества[2].

Между тем участники сосещания стали реализовывать взятые на себя обязательства. В частности, с целью достижения позитивных перемен в социокультурной жизни народа Р. Фахретдин с удвоенной энергией продолжал издавать книги нравственно-назидательного характера, адресованные взрослым и детям школьного возраста: «Тәрбияле ана» («Образцовая мать», 1898 г.), «Тәрбияле ата» («Образцовый отец», 1898 г.), «Тәрбияле бала» («Образцовое дитя», 1898 г.)[3], «Тәрбияле хатын» («Образцовая женщина», 1899 г.), «Шәкертлек әдәбе» («Этика шакирда», 1899 г.)[4].

Желая отгородить себя от нападок кадимистов в 1899 г. Р. Фахретдин под псевдонимом «Габдулла улы Гафил» издал повесть «Сәлимә, яки Гыйффәт» («Салима, или Целомудрие»)[5], которая получила широкий резонанс среди читателей. Главный герой повести – шакирд, выражая протест устоявшимся традициям, обращаясь к друзьям по старометодному медресе, заявляет, что руководителями нации не

---

[1] *Габәши Х.-Г.* Тәрҗемәи хәлем. 33 б. // Казан федераль университеты Фәнни китапханәсенең сирәк китаплар һәм кулъязмалар бүлеге. – 1542 т. – 44–45 б.

[2] Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902). – 114 б.

[3] *Фәхретдин Р.* Тәрбияле ана. Ачык ана телемездә язылмыштыр: «Гыйльме әхлак»тан 1 жөзьэ. – Казан: Казан университеты матбагасы, 1898; *Фәхретдин Р.* Тәрбияле ата: төрки таныган балалар аталарына укып күрсәтмәк өчен. – Казан, 1898; *Фәхретдин Р.* Тәрбияле бала. «Гыйльме әхлак»тан 1 жөзьэ. – Казан : М. Чиркова варислары матбагасы, 1898.

[4] *Фәхретдин Р.* Тәрбияле хатын: һәрбер өйдә һәрбер хатын кулында бу китапның бер данәсе булырга тиеш. – Казан, 1899; *Фәхретдин Р.* Шәкертлек әдәбе. «Гыйльме әхлак»тан 5 жөзьэ. – Казан, 1899.

[5] *Габдулла улы Гафил.* Сәлимә, яки Гыйффәт. – Казан, 1899.

смогут быть современные представители интеллектульной элиты в лице выпускников медресе, не имеющих представления о происходящих в мире событиях, и выпускники университетов, не сведующие в исламских науках: «Нашими руководителями должны быть лица, обладающие познаниями в науках мусульманских и вместе с тем философски осведомлённых о современном положении вещей»[1]. Молодой человек считает первейшей обязанностью своих сверстников ведение своего народа в лучшее будущее путём обучения сирот, вообще всех детей основам религии и профессиям, воспитание из своей среды учителей и учёных, издание на родном языке полезных книг, владение помимо восточных языков и русским языком, открытие специального медресе для изучения европейских и восточных языков»[2].

Особо следует остановиться на деятельности Ф. Карими, который на совещании 1898 г. в Уфе познакомился с купцом Г. Хусаиновым и по его предложению вместе с отцом переехал в Оренбург, занялся творческой деятельностью. В 1898 г., после смерти инспектора КТУШ Ш. Ахмерова, который должен был написать пособие для учителей, он издал учебник «Мохтасар жәгърафия» («Краткая география»)[3], в 1902 г. опубликовал книгу «Мөгаллим вә мөрәббиләргә рәһнамә» («Указатель для учителей и воспитателей»)[4]. Опубликованный в 1899 г. рассказ Ф. Карими «Бер шәкерт илә бер студент» («Шакирд и студент»)[5], в котором путём сопоставления русской и татарской молодёжи доказывались преимущества европейского образования перед схоластическим религиозным, произвёл сенсацию в мусульманском сообществе и нанёс серьёзный удар по позициям кадимистов. Ф. Каримов также написал брошюру «Об образовании женщин», напечатанную в 1900 г.[6]

Ф. Карими, выпускник высшей школы по подготовке чиновников (Стамбул, 1892–1896 гг.), в 1896–1897 гг. преподавал в одном из джадидских медресе Ялтинского уезда Таврической губернии, затем руководил в Бахчисарае курсами по подготовке мугаллимов[7]. Поэтому представляется вполне закономерным, что именно он стал основным куратором курсов по обучению звуковому методу преподавания, организованных на средства купца Г. Хусаинова в 1899 г. в Сеитовом Посаде[8]. На летних курсах в 1899–1901 гг. за счёт приглашаемой стороны (до их закрытия властями) успели отучиться 314 мугаллимов из Казанской, Оренбургской, Уфимской, Самарской, Вятской, Саратовской, Пензенской, Пермской, Тобольской и других губерний[9].

---

[1] *Фәхретдин Р.* Сәлима, яки Гыйффәт һәм Әсма, яки Гамәл вә җәза / тәрж. мөх. Л. И. Хәйдәров, фәнни мөх. Р. К. Гәниева. – Казан : Мәддок, 2007. – 12 б.

[2] Там же. – 14 б.

[3] *Ф. К.* (Фатих Карими). Мохтасар жәгърафия. – Казан, 1899.

[4] *Кәрими.* Мөгаллим вә мөрәббиләргә рәһнамә. – Оренбург, 1902. – 1 кис. – 41 б.; Оренбург, 1902. – 2 кис.

[5] Там же.

[6] ГА РФ. – Ф. 102, ДПОО. – Оп. 226, (1898). – Д. 11. – Ч. 3. – Л. 118 об.–119.

[7] *Ахунов А.* Кәрими // Татар энциклопедиясе. – Казан, 2012. – Т. 3. – 324 б.

[8] *Ибраһимов Г.* Татарлар арасында революция хәрәкәтләре // *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. – Казан, 1984. – 7 т. – 267 б.

[9] *Шайдуллина Р. Р.* Указ. соч. – С. 81–82.

Примечательна характеристика литературных произведений и публицистических трудов джадидистов, которую дал в начале 1901 г. Департамент полиции: «Сторонники же новых веяний в своих сочинениях призывают татарское население к образованию, к приобретению практических познаний как в области ремёсел и промышленности, так и в изучении иностранных языков, дабы оно было культурно и богато. При этом новаторы приглашают своих единоверцев не в единую общеобразовательную школу, т. е. русские гимназии и высшие учебные заведения, а в особые татарские рассадники высшей мудрости, где европейская наука должна сочетаться с Кораном и преподаваться на татарском языке. Они указывают на необходимость осмыслить свою веру, очистить её от суеверия и невежественных толкований мулл и укрепить свою народность, расширяя область применения родного языка в литературной, научной и религиозной сфере и вообще хлопотать о прогрессе на почве ислама и тюркской народности»[1].

В своей фантастической повести «200 елдан сон инкыйраз» («Вырождение двести лет спустя», Казань, 1904 г.) молодой талантливый прозаик Г. Исхаки изложил ключевые идеи философско-публицистической брошюры «Человеческий род» (Казань, 1899). Её автор, получивший образование в Турции, имам д. Тляумбетовой Оренбургского уезда Сурудеддин Мифтахуддинов[2] писал о том, что в современном мире обречены на исчезновение народы с древними образовательными традициями, которые остановились в своём развитии, не желая расставаться с устаревшими воззрениями. Будущее должно принадлежать народам, владеющим современными знаниями. Таковыми в настоящее время являются европейцы, которые благодаря своей высокой культуре, господствуют почти на всём земном шаре и беспрерывно продолжают делать всё новые и новые завоевания[3].

Модернистская модель развития «мусульманской нации» в округе ОМДС, отвечающая вызовам времени, сделала привлекательными опыт и инициативы татарского общества для национальных элит мусульманских народов, выдвигала татарских общественных деятелей в общетюркские лидеры, знаменосцы обновления российской уммы.

Деятельность ОМДС по реформированию управления духовными делами мусульман

В 1890-е гг. в деятельности ОМДС отчётливо наметилась тенденция по систематическому разъяснению отдельных догматических и вероисповедных вопросов в исламе. Была разработана документация современного делопроизводства: разосланы в приходы бланки (формы) выдачи метрических справок, выписок о лицах призывного возраста, входящего и исходящего реестров документов, клятвенных обещаний о верноподданничестве и на верность службы, для свидетелей по судебным делам, для присяжных заседателей, форма раздельного акта имущества.

---

[1] НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 99. – Л. 1–2 об.

[2] *Денисов Д. Н.* Сабитов Сарваретдин Мифтахитдинович // Ислам на Урале : энциклопедический словарь. – М., 2009. – С. 320.

[3] *Мифтахетдин С.* Наугы бәшәр. – Казан, 1899. – 5–26 б.

В 1891 г. Духовное собрание обратило внимание правительства на вакуфную проблему. Главная мысль обращения муфтия М. Султанова сводилась к необходимости официального признания имеющихся в округе ОМДС вакуфов. Он просил рассмотреть возможность использования правил управления вакуфами в Таврической губернии во Внутренней России и Сибири[1].

МВД предложило М. Султанову выработать своё положение. В 1894 г. в ОМДС была разработана инструкция по управлению вакуфными имуществами. В её основе лежали частично отредактированные правила по управлению вакуфным имуществом крымских татар[2]. Согласно проекту религиозный орган выступал попечителем

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 906. – Л. 1.

[2] Для устранения имевшихся недостатков и создания эффективного механизма по управлению духовными вакуфами предполагалось руководствоваться следующими правилами: «1) На основании шариатских книг «Идаи», «Джамигуль-фсуляин», «Фетви-хамеди», «Танверуль-Абсар» и др. попечители к вакуфам, не имеющим мутаваллиев по завещаниям, назначаются с одобрения общин Духовным собранием преимущественно из детей или жён жертвователей, пользующихся доходами. 2) Мутаваллий совместно с местным приходским духовенством каждое новое пожертвование должен был записывать в специальную «шнуровую вакуфную книгу» махалли, скреплённою печатью местной гражданской власти. Они должны были утверждать акт дарения своими подписями с дальнейшим заверением акта у нотариуса и в трёхдневный срок направить почтой копии документов в ОМДС. 3) В случае, если впредь кто-нибудь пожелает пожертвовать недвижимость или капитал в какой-либо вакуф, то от имени дарителя в Духовное собрание представлялся учредительный акт, который после рассмотрения религиозным учреждением поступал на утверждение в Министерство внутренних дел (таким образом, право представления акта дарения вместо начальника губернии для придания законной силы «присваивался» религиозным учреждениям. – *И. З.*). 4) Устные вакуфы предварительно записывались в «шнуровые книги» махалли, статьи прихода и расхода которых подписывались дарителями или лицами, уполномоченными их представлять. После утверждения Министерством внутренних дел «устные вакуфы» также получали законную силу. 5) Если на вакуфную недвижимость или капитал от завещателя имелся, согласно шариату, учредительный акт (хаджит), то такой вакуф управлялся согласно акту, подчиняясь контролю ОМДС. 6) Утверждённые МВД вакуфные имения с общего согласия приходского духовенства и мутаваллия, с записью сведений в «шнуровые книги», официально отдавались в аренду, а капитал – в ссуду. 7) Капиталы вакуфные мутаваллий не имел права держать у себя, а обязан был вкладывать для приращения процентов в сберегательную кассу или отдавать в ссуду под залог имущества и за поручительством не менее двух лиц, с распиской заёмщика и поручителей в «шнуровой денежной книге». Полученные доходы также вкладывались в кредитно-сберегательные учреждения. При проведении финансовых операций мутаваллии должны были руководствоваться правилами об общественных ссудных кассах. Поэтому они также были обязаны иметь от поручителей «особую поручную запись». 8) Вакуфные имения и капиталы по-прежнему оставались при мечетях в распоряжении духовенства, а где имелись мутаваллии – в их распоряжении, согласно завещательному акту. В случае обнаружения за духовными лицами или мутаваллиями действий, противоречащих правилам или завещанию жертвователя, ОМДС привлекало виновных к ответственности, а мутаваллия заменяло другим лицом. 9) Мутаваллию, назначенному учредителями вакуфа или их наследниками, согласно завещанию, документ на вознаграждение из процентов капитала или части дохода с недвижимости должны давать наследники, по совещанию с прихожанами и духовными лицами, пользующимся вакуфом. Удовлетворение же потребностей других лиц, указанных в завещании, производилось мутаваллием. 10) При отсутствии в завещательном акте имени распорядителя вакуфом, то «согласно ревоята книги «Али эфенде» и 1 пункта настоящих правил» ОМДС в лице своего председателя должно было с одобрения местной религиозной общины назначить мутаваллия за вознаграждение из средств вакуфа, в случае, если тот не согласится управлять безвозмездно».

вакуфного имущества мусульман: при отсутствии мутаваллия по завещанию он мог назначить его по рекомендации прихода, если в духовном завещании отсутствовала статья о вознаграждении мутаваллия, мог определить жалованье с дохода вакуфного имущества.

Хотя проект не нашёл поддержки в МВД, религиозный орган в своих действиях, имевших отношение к вакуфам, стремился соблюдать эти правила[1]. 23 ноября 1902 г. в ОМДС было принято постановление о предоставлении через каждые полгода в Уфу вакуфных приходно-расходных книг. Благодаря неустанной деятельности кадиев была составлена сводная таблица вакуфов[2].

Фетвы муфтия М. Султанова. Муфтий М. Султанов вплоть до 6 сентября 1897 г. воздерживался от встреч с приходскими духовными лицами по вопросу о необходимости распространения новометодного образования и прогресса[3]. Лишь в своих частных письмах отдельным «надёжным» мусульманам он высказывался за обновление в сфере школьного образования[4]. В 1897 г., проявив гражданскую позицию, муфтий обратился с фетвой к имамам, мударрисам, муэдзинам и ахунам. Его печатное наставление на русском и татарском языках от 6 сентября было распространено во всех приходах. Главный лейтмотив фетвы муфтия можно свести к призыву перестать быть равнодушными и, независимо от того, кем является мусульманин – муллой или простым крестьянином, принимать более активное участие в общественно значимой деятельности[5].

Одним из основополагающих документов, принятых под воздействием совещания общественной организации «Ислахый мәктәб вә нәшери мәгарифе мөслимин»

---

[1] *Загидуллин И. К.* Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность : материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность», Казань, январь 2005 г. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2006. – С. 44–102.

[2] *Азаматов Д. Д.* Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX в. – Уфа, 2000. – С. 14–15.

[3] В частности, известный троицкий купец Абдулвали Яушев в 1897 г. жаловался на муфтия: когда последний был в Троицке, несмотря на просьбы купца, тот так и не сказал ни слова перед городскими имамами в пользу распространения новометодного образования (*Г. Ибраһим.* Бөгәделек көндәлеге / кереш сүз, факсимиле һәм гарәп транск. Ә. Бостанов, татар. тәрж. Д. Гыйльметдинов. – Казан, 2013. – 137 б.).

[4] По этому поводу сторонник джадидистов Г. Хусаинов сообщал в феврале 1898 г., что муфтий и заседатели ОМДС боятся составить постановление о введении новометодного образования в мусульманских начальных школах (см.: Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902). – 36 б.).

[5] В своей фетве муфтий подробно останавливается на общественных и социальных обязанностях современного имама и в целом на миссии приходского духовенства. Имамы, будучи продолжателями дела пророка Мухаммеда и его сподвижников и призванными показывать мусульманам дорогу в тленном и ином мирах, по его мнению, должны с ссылкой на аяты Корана и Сунну проповедовать среди прихожан заботу о родителях, воспитание детей по нормам шариата, формирование отношений между мужем, женой и остальными членами семьи на основе взаимного уважения, стараться видеть в каждом мусульманине своего собрата, а в представителе другой национальности, конфессии – друга и жить с ним в мире и согласии, не лениться и осваивать новые профессии. Имамы обязаны были наставлять прихожан на их родном языке, не используя арабские и персидские слова. По мнению муфтия, только у имамов, у которых мысли светлые,

(«Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновлённых учебно-методических пособий») в Уфе 15–17 июня 1898 г., следует признать наставление муфтия М. Султанова «О приложении старания к прогрессированию мусульман» от 25 августа 1898 г. за № 5253, адресованное городским имамам.

В своей фетве муфтий заявил, что имамы призваны распространять среди населения передовые идеи, они, по сути, продолжатели дела пророка Мухаммеда и его сподвижников в современном мусульманском сообществе и что результаты их стараний нужно определять по тому, как изменяются в лучшую сторону нравственность и духовность народа[1]. Призыв прихожан к праведному пути является прямой обязанностью имамов, заявил муфтий, поэтому если не каждую пятницу, то хотя бы 2 раза в месяц «на тюрки», на максимально понятном для каждого языке, произносить соответствующие времени проповеди, приводя примеры из Корана и Сунны.

поведение благоверное, а сами они искренне исполняют исламские нормы, проповеди будут успешными и дойдут до сердца каждого прихожанина.

М. Султанов призывал обращать серьёзное внимание на содержание мечетей, ибо внешний вид и состояние богослужебного здания наглядно свидетельствуют об отношении мусульман к исламу. Чистота и порядок в мечетях являются важнейшими сегментами их привлекальности для правоверных.

Следующей важной проблемой для мусульманского сообщества округа ОМДС муфтий определил обязанность каждого родителя и опекуна заботиться о получении детьми школьного образования и об их нравственном воспитании для того, чтобы подрастающее поколение могло отличать хорошее от плохого, приобрести благочестивые привычки, о чём имамы должны были вести беседы с прихожанами – ответственными за создание надлежащих условий в местном учебном заведении. Иначе говоря, муфтий обязывал сельские общества, религиозные общины сформировать новую модель образования – «вывести» мектебе из домов имамов, создать материальную базу для начальной школы в каждом приходе путём постройки нового учебного здания, соответствующего требованиям образовательной деятельности, осуществить тотальный охват мальчиков начальным образованием, посредством тесного сотрудничества духовенства (глава религиозной общины и мугаллим) и прихожан (родители и опекуны детей). Согласно фетве муфтия, преподавательская деятельность отныне становилась обязанностью муллы. Новым словом также следует признать и призыв М. Султанова к мугаллимам обучать в мектебе и медресе лишь нужным для жизни знаниям, обращать особое внимание на грамотное и каллиграфическое письмо.

Важнейшей социальной задачей муфтий считал заботу о могилах родных и близких и самих кладбищах: устройство вокруг них забора или рва, чтобы животные не могли проникать на их территорию (см.: Мәжмуга. Җәмгыят шәргый Ырынбургыя яки мөфти галиәссәләм тарафыннан нәшер улмыш указ вә нәсихәтләр, шунда ук төрле хосусда язылмыш тәдбир һәм назәмнәрнең төркичә тәржемәләре жыелмыштыр. Имамнар, яңа имам булачаклар өчен кирәкле бер әсбабдер. – Уфа, 1905. – 102–103 б.).

[1] Констатируя падение нравов городских мусульман, председатель ОМДС отметил, что «невежество, зачерствелость, беспечная леность, отсутствие желания заняться работой, ремеслом и искусством» привели к «пагубным последствиям»: чрезмерной бедности, вероломству, пьянству, распутству, бесчестной торговле и другим негативным явлениям в жизни мусульманского сообщества. Он делает вывод о том, что если так будет продолжаться, то «наше будущее в опасности» (см.: Мәжмуга. Җәмгыять шәргый Ырынбургыя яки мөфти галиәссәләм тарафыннан нәшер улмыш указ вә нәсихәтләр, шунда ук төрле хосусда язылмыш тәдбир һәм назәмнәрнең төркичә тәржемәләре жыелмыштыр. Имамнар, яңа имам булачаклар өчен кирәкле бер әсбабдер. – Уфа, 1905. – 118–119 б.).

Показательно его предупреждение о том, что не способные оказать должное воздействие на прихожан и «испортившие дело» будут признаны недостойными носить звание имам-хатиба. Председатель ОМДС предложил хатибам прислать несколько вариантов проповедей, которые в случае соответствия их требованиям времени и нуждам правоверных следовало отпечатать отдельной книгой и разослать малоспособным чтецам. В заключение муфтий выразил надежду, что приходские имамы приложат усердие к выполнению его «желаний прогресса»[1].

Фетва муфтия не имела обязательного характера для исполнения, однако стала точкой отсчёта полемики между джадидистами и традиционалистами по чтению проповедей на родном языке. Джадидисты использовали минбар для воздействия имама, как главы и лидера религиозной общины, на прихожан. Следует отметить, что в начале XX в. каждый хатиб решал данный вопрос по своему усмотрению. Ситуация менялась постепенно, по мере смены поколения, после кончины имамов или учреждения новых махаллей[2]. После Первой русской революции появились сборники хадисов, составленные самими имамами[3].

Большим событием для приходского духовенства стало издание «Сборника циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг.» (Уфа, 1902) на русском и татарском языках. Благодаря пометке, что сборник издан с разрешения МВД, он сыграл важную роль в отстаивании интересов мусульман, поскольку в действующем законодательстве отсутствовали точные регламентации жизнедеятельности исламских институтов, а также в повышении правовой грамотности приходского духовенства, создал правовую базу для решения возникающих дискуссионных вопросов с местной администрацией [4].

Совещание мусульман в ОМДС по выработке проекта положения по управлению духовными делами мусульман (Уфа, 10–15 апреля 1905 г.). Проведение апрельского совещания в ОМДС восходит к именному «высочайшему» указу «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., в котором было заявлено о намерении власти упразднить законы, ущемляющие права российских подданных по конфессиональному признаку. Идея о его проведении исходил от премьер-министра С. Ю. Витте, который во время встречи в муфтием в марте 1905 г. передал ему для ознакомления поступившие в адрес Комитета министров петиции из Казанской, Уфимской, Симбирской, Пензенской и других губерний, предложил провести совещание и составить проект

---

[1] Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836–1903 г. – С. 153–154.

[2] К 1911 г. во многих местностях Волго-Уралья проповеди (хутбы) произносились на родном языке прихожан (обсуждение проблемы хутбы продолжалось до 1916 г.) (см.: *Мараш И.* Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917) / пер. с тур. – Казань : Иман, 2005. – С. 154–155).

[3] *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи. Мечети ... – С. 183–184.

4 В новом, 1905 г. издания, «Сборнике циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг.» содержатся 120 предписаний и предложений, поступивших из Сената, МВД, губерских правлений, постановления ОМДС и другие материалы. Однако в этом сборнике, также опубликованном на татарском и русском языках, власти запретили делать пометку о том, что он издан с разрешения МВД.

о религиозных нуждах. Недовольный политической активностью и рядом требований мусульманского сообщества Витте[1], кажется, хотел получить от ОМДС более лояльный, альтернативный документ.

В результате 10–15 апреля в Уфе прошло легальное совещание с участием приглашённых из разных регионов авторитетных духовных лиц[2], в котором сам муфтий участия не принимал[3]. На приглашение муфтия, составленное на русском языке, откликнулись $^{2}/_{3}$ духовенства[4]. По утверждению Р. Фахретдина, на совещании помимо 39 прибывших имамов приняли участие до 60 «почётных лиц» из числа купечества, «учёного звания», прибывших из Оренбургской, Казанской, Саратовской, Симбирской, Пермской, Уфимской, Тобольской, Томской губернии, из Акмоллинской и Семипалатинской областей в качестве региональных уполномоченных. Несмотря на ограничение уфимским губернатором участников совещания духовенством, эти лица не разъехались и принимали участие в «частых собраниях» купцов в квартире муфтия или в домах единоверцев, обменивались мнениями, вырабатывали общее мнение по отдельным дискуссионным вопросам с официальными участниками совещания. Р. Фахретдин отмечал конструктивность обсуждений[5].

В апреле 1905 г., в квартире Габд. Ибрагимова в Санкт-Петербурге, когда в ОМДС проходило совещание 39 имамов, хозяин квартиры, И. Гаспринский, А. Топчибашев и другие инициаторы будущей партии «Иттифак аль-муслимин» разработали свой проект переустройства исламских институтов округе ОМДС. Этот проект под названием «Проект положения об управлении духовными делами магометан» был подан Габд. Ибрагимовым в Комитет министров[6].

---

[1] *Сенюткина О. Н.* Указ. соч. – С. 222, 224.

[2] В нём приняли участие имамы Казани (Г. Баруди, Г. Апанаев), Троицка (ахун А.-Х. Рахманкулов), Самары (ахун Ш. Минюшев), д. Стерлибаша (мударрис М.-Ш. Тукаев), Нижнего Новгорода (Х. Сулейманов), д. Иж-Бобьи Сарапульского уезда Вятской губернии (Г. Буби), Семипалатинска (Г. Гиматдинов), Петропавловска (Г. Яушев), Саратова (ахун М. Енгалычев), Оренбурга (Г. Давлетшин, М. Хусаинов), Уральска (ахун М. Тухфатуллин), д. Султанай Пермской губернии (ахун М. Мансуров), д. Кульбаш Казанского уезда (ахун С. Максютов), Перми (Х. Хасанкаев), Касимова (ахун М. Давлекамов), Симбирска (ахун М. Гаффаров), д. Манчыл Тюменской губернии (ахун М.-Ю. Сагит), Уфы (мударрис М.-С. Хасани, ахун Х. Усманов), посада Каргалы (М. Усманов и Х. Усманов), Белебея (ахун Д. Хурамшин), д. Паты (?. Ш. б. Хабибулла), Москвы (ахун Х. Агаев), Томска (ахун Х. Хамидов), Ханской Ставки Астраханской губернии (ахун Г. Гайсин), Верхнеуральска (С. Музафаров, ахун М. Билялов), д. Чыршы Казанской губернии (Г. Забиров), Миасского Завода Пермской губернии (С. Баширов), д. Бузовьяз Стерлитамского уезда (Г. Хурамшин), д. Нократ (ахун Г. Касимов), д. Пошатово Нижегородской убернии (ахун Х. Соколов), Астрахани (ахун М. Салихов), Санкт-Петербурга (ахун Г. Баязитов), Агрыза (ахун А. Суюндуков), д. Чишмя (Г. Мухамеджанов) (см.: *Хабутдинов А. Ю.* Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в поседней четверти XVIII – начале XX в. : материалы однонменного семинара, посвящённого 220-летию учреждения религиозного управления мусульман Внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). – Казань, 2010. – С. 164).

[3] НА РТ. – Ф. 1273. – Оп. 1. – Д. – Л. 4 об.

[4] *Фахреддин Р.* Гомум жавап // Тарджеман. – 1905. – 30 авг. – № 68.

[5] Там же. – 2 сент. – № 69.

[6] *Сенюткина О. Н.* Указ. соч. – С. 228.

Муфтий М. Султанов решил провести на совещании проект, основанный на положении «Об управлении Закавказского мусульманского духовенства Суннитского учения» от 5 апреля 1872 г. Это нормативный документ предоставлял самые широкие права мусульманам и исламским институтам среди духовных управлений, которые существовали тогда в Российской империи.

После оглашения статей «Свода законов Российской империи», имеющих отношение к мусульманам и исламским религиозным институтам, участникам совещания (*корылтай*) были озвучены вопросы: относительно необходимости сохранения в дальнейшем четырёх самостоятельных религиозных управлений в государстве или создания единого управления под руководством шейх уль-ислама, что вызвало длительную полемику. В частности, член ОМДС Р. Фахретдин ознакомил участников совещания с основными положениями проекта религиозного управления. Речь шла об учреждении должности шейх уль-ислама, как единого лидера российских мусульман, избираемого единоверцами. Единый религиозный орган российской уммы – собрание (управление) во главе с шейх уль-исламом – должен был располагаться в столице и состоять из кадиев. Предлагалась ввести трёхуровневую систему управления, как на Закавказье:

1) низшая – приходское духовенство;

2) средняя – губернские меджлисы в лице кадия (председатель) и двух членов;

3) высшая – Духовное собрание (муфтий и кадии-члены), в руках которого сосредотачивалась административно-духовная власть. Муфтий – председатель собрания – должен обладать и религиозными, и светскими знаниями, выступать в качестве посредника между мусульманским сообществом и правительством[1]. Р. Фахретдин говорил «о необходимости квалификации в вопросах просвещения (*мәгариф*) и права (*хокук*), знакомых с русскими стандартами. При этом кадии должны знать русский язык». Р. Фахретдин выступал за создание стабильной системы экзаменов для лиц, проучившихся 15–20 лет в медресе. Этим должна заняться «научная коллегия» (*гайат гыльмия*). Для получения свидетельства (указа) и занятия должности на тот момент необходимо было сдать всего лишь часовой экзамен в Духовном собрании. Р. Фахретдин говорил о необходимости достижения стандартов культурной нации (*мәдәни милләт*)[2].

Участникам совещания была роздана записка, подготовленная Ю. Акчурой и подписанная также А. Ахтямовым, промышленниками М.-З. Рамеевым, С.-Г. Алкиным и М.-Ю. Дебердеевым (*байлар проекты* – проект богачей), в котором заявлялось, что решения совещания непременно должны быть доведены до общественности, помимо религиозных вопросов, социальные и политические проблемы современности должны совместно обсуждаться с религиозными деятелеями и светской интеллигенцией. Раздел рекомендаций «записки» состоял из 46 статей, в которых провозглашались двухступенчатые выборы мусульманским сообществом

---

[1] *Хабутдинов А. Ю.* Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX в. – С. 165–166.

[2] Цит. по: *Хабутдинов А. Ю.* Указ. соч. – С. 166.

муфтия на пожизненный срок; состав Духовного собрания, состоящий из муфтия и 6 кадиев с тремя подразделениями: юридическим (состоит из ахунов), отделом управления (состоит из мухтасибов) и отделом образования (состоит из мударрисов); деление духовенства на высшее (муфтий, ахун, мухтасиб, мударрис) и приходское (имам-хатиб, имам-мударрис, муэдзин), которые не должны были получать утверждение от органов администрации на местах; чёткое определение между ними духовных обязанностей: ахуны контролируют вопросы правосудия в рамках приходов, мухтасибы – финансовые и организационные вопросы, мударрисы – вопросы образования, и каждый из них является руководителем местного духовенства в означенных вопросах; выборы шести кадиев сроком на 4 года поочерёдно, т. е. через каждые два года избираются 3 чел. из числа высшего духовенства, один из которых является старшим – заместителем муфтия; учреждение муфтием *«галамалар шурасы»* (совет учёных) с целью ежегодного обсуждения актуальных проблем жизни мусульман; образование духовного суда (учреждения); учреждение в округе ОМДС вакуфов и т. д.[1]

Участники совещания не смогли прийти к единому мнению по обсуждаемым вопросам. Тогда на обсуждение был вынесен состоящий из 111 статей проект члена ОМДС Р. Фахретдина. Во главу угла проекта Р. Фахретдина была положена идея расширения автономии мусульман в религиозно-культурной сфере. В нём, в частности, констатировалось, что ОМДС является свободным учреждением, все религиозные институты должны находиться под управлением и содержанием самих мусульман, муфтий, будучи председателем религиозного управления, должен восприниматься властью в качестве представителя мусульманского сообщества. Обращалось внимание на необходимость открытия новых богослужебных зданий, проведения реформы по определению зарплаты приходского духовенства, сосредоточения в его руках учебно-воспитательных вопросов, предлагалась трёхступенчатая система управления: низшее – приходское духовенство, среднее – ахунские управления, высшая – ОМДС[2].

Следует отметить, что ряд духовных лиц, узнав о созыве совещания, предоставили свои проекты и предложения. Среди этих записок следует отметить предложения Г. Дибердеева (от имени шакирдов Уфы)[3], имама Ш. Исхаки (из д. Тау

---

[1] *Дәүләт Н.* Русия төркиләренең милли көрәш тарихы (1905–1907) ... – Казан : Милли китап, 1998. – 76 б.; *Хабутдинов А. Ю.* Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX в. – С. 166–167.

[2] *Дәүләт Н.* Указ. соч. – С. 76; *Хабутдинов А. Ю.* Указ. соч. – С. 72–73.

[3] Проект Г. Дибердеева, состоящий из 28 статей, был подписан 90 шакирдами. В нём акцентировалось внимание на переподчинении мусульманских учебных заведений от МНП к ОМДС, передового закята, фитыр-садака и также пожертвований в период Курбан-байрама в казну религиозного общества. Заслуживает внимания предложение шакирдов об обложении при содействии правительства всех мусульман однопроцентным налогом в пользу ОМДС. Они также просили об упразднении цензуры и создании полноценных условий для газетной и книжной издательской деятельности на родном языке, предоставлении крещёным татарам права возвращения в ислам (см.: *Дәүләт Н.* Указ. соч. – С. 78.).

Уфимской губернии)[1], Х.-Г. Габаши, А. Ахтямова[2], ахуна Ш. Минюшева (Самара)[3].

В частности, в проекте Х.-Г. Габаши (49 статей) помимо вопросов реформы духовных дел мусульман поднимались политические проблемы о равноправии российских подданных, независимо от их конфессиональной принадлежности[4]. Согласно утверждению самого Х.-Г. Габаши, в документе, принятом совещанием, были широко использованы его предложения[5]. Действительно, рабочей группой совещания были изучены поступившие проекты и был составлен документ в новой редакции, который и подписали участники. Затем «редакционная комиссия»[6] под руководством муфтия 18–20 апреля провела редакторскую правку документа с учётом особенностей составления нормативного документа, смягчила некоторые статьи с учётом российской действительности и перевела текст на русский язык[7].

---

[1] В проекте Ш. Исхаки, состоящий из 6 пунктов и распространённый на совещании по рекомендации Р. Фахретдина, помимо рекомендаций по реформирвоанию духовных дел также сообщалось об обсуждении 24 января 1905 г. на Гундаревской ярмарке 70 имамами положения мусульман в России, которые составили по итогам обсуждённых проблем ходатайство, подписанное 200 мусульманами, и направили его в адрес графа Витте. В распространённой среди участников совещания копии этого документа заявлялось о необходимости предоставления мусульманам равных прав с христианами; создании правовых основ для занятия их единоверцами таких должностей, как чиновник правительства, судья, преподаватель университета; в регионах, где преобладали мусульмане, губернатор должен быть мусульманином; в случае учреждения в империи представительного органа, в нём должны быть представлены мусульмане. Также сообщалось, что для 10–15-миллионного мусульманского населения содержащиеся за счёт средств богатых правоверных 10–15 медресе являются недостаточными для удовлетворения культурных потребностей мусульманского сообщества (см.: *Дәүләт Н.* Указ. соч. – С. 78.).

[2] Ключевой идеей предложений А. Ахтямова являлась освобождение единственного органа мусульман – ОМДС – от правительственной опеки в лице МВД (см.: *Дәүләт Н.* Указ. соч. – С. 78.).

[3] В проекте самарского ахуна Ш. Минюшева (33 статьи) оригинальными являлись предложения о том, что в случае определения в местную школу специального учителя, то приходской имам должен быть освобождён от преподавательской работы, и обучение детей должно быть бесплатным (см.: *Дәүләт Н.* Указ. соч. – С. 78.).

[4] Х.-Г. Габаши предлагал передать учебно-воспитательную работу среди подрастающего поколения в ведение самих мусульман, ввести в учебный процесс мусульманских школ тюркскую (татарскую. – *И. З.*) историю и тюркский (татарский. – *И. З.*) язык, сосредоточить военнослужащих мусульман в армии по возможности в одной местности (для создания условий по исполнению религиозных треб), ликвидировать в земствах и городских органах самоуправления разделения гласных по половому и конфессиональному признакам, установить запрет на миссионерскую деятельность РПЦ и на арест российских подданных без соответствующего судебного постановления (см.: *Дәүләт Н.* Указ. соч. – С. 77–78.).

[5] *Х.-Г. Габаши.* Тәрҗемәи хәлем. 33 б. // Казан федераль университеты Фәнни китапханәсенең сирәк китаплар һәм кулъязмалар бүлеге. – 1542 т. – 38–39 б.

[6] Полковник К.-М. Тевкелев, Р. Фахретдин, член уфимского губернского присутствия С.-Г. Джантюрин, члены окружных судов Дж. Сайдалин, Г. Тимуров, адвокаты А. Ахтямов и С.-Г. Алкин, казанский имам Г. Апанаев, промышленники М.-З. Рамеев, Ю. Акчурин, М.-Ю. Дебердеев (см.: *Хабутдинов А. Ю.* Указ. соч. – С. 75).

[7] *Дәүләт Н.* Указ. соч. – С. 78–79.

В принятый совещанием окончательный документ, который подписал председатель совещания, казанский мулла Габдулла Апанаев, вошли также многие положения проекта 12 имамов (о едином управлении мусульман в России, избрании муфтия на пожизненный срок всеми мусульманами, предоставлении муфтию права на разрешение бракосочетания мусульман с христианами, объявлении пятницы нерабочим днём, предоставлении военнослужащим мусульманам права поститься)[1].

Таким образом, в основу выработанного в течение 10–15 дней документа из 84 статей, был взят проект Р. Фахретдина, который отредактировали с учётом поступивших проектов и предложений. Итоговый документ был поддержан большинством, меньшинство, проголосовавшее «против», воздержалось от подачи своего варианта проекта[2].

Проект положения «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания» 1905 г. Деятельность совещания и проект «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания» не стали достоянием широкой мусульманской общественности. Документ вызвал большую заинтересованность татарских общин, которые разделились на два противоположных лагеря – поддерживающих проект и не одобряющих его. По этому поводу Р. Фахретдин в газете «Тарджеман» в конце августа – начале сентября (№ 68, 69, 72) опубликовал статью «Гомум жавап» («Общий ответ»)[3], в которой предложил лицам, осуждающим совещание, указать имеющие недосмотры и упущения в проекте и подать свои предложения «куда следует»[4].

По мнению чиновников ДДДИИ, согласно проекту уфимского совещания, территория, принадлежащая ведению собрания, расширялась почти на всю империю[5], и Духовное управление мусульман предоставлялось, по сути, в руки одного народа – татар; вместе с тем предполагалось поставить его «на небывалую высоту» – ОМДС решало окончательно все дела по вопросам о богослужении и исполнении обрядов веры; делопроизводство в ОМДС должно было вестись на татарском языке и лишь

---

[1] Габдулла Абдулкаримович Апанаев (1862–1919) – общественный, религиозный деятель, издатель. Окончил медресе «Марджания». В 1880–1890 гг. посетил Турцию, Египет. С декабря 1890 г. – имам-хатиб Сеннобазарной мечети, при которой в 1892 г. основал новометодное медресе. В 1902–1907 гг. был председателем правления «Общества пособия бедным мусульманам г. Казани»; участвовал в создании партии «Иттифак аль-муслимин» и разработке её программных документов; член Центрального комитета и Казанского бюро партии. Редактор и издатель газеты «Азат» (1906 г.). В 1908 г. был арестован и сослан в Вологодскую губернию. С 1910 г. – гласный Казанской городской думы (см.: *Свердлова Л. М.* Апанаевы // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т. 1.– С. 165).

[2] *Фахреддин Р.* Гомум жавап // Тарджеман. – 1905. – 30 авг. – № 68.

[3] Там же. – 2 сент. – № 69.

[4] Там же. – 13 сент. – № 72.

[5] В округ ОМДС входили в территориальном отношении все мусульмане-сунниты, проживавшие во всей Европейской России (за исключением Таврического полуострова, западных губерний и Закавказья), северной части Кавказа, всей Западной и Восточной Сибири (за исключением Акмолинской области) (ст. 4).

при переписке с правительственными учреждениями и должностными лицами других ведомств на русском языке (ст. 17)[1].

В 1-й главе под названием «О правах мусульман-суннитов по вероисповеданию» декларировались их религиозные права[2]. Новыми компетенциями, которыми совещание уполномочивало ОМДС, являлись право на учреждение и заведование вакуфами, которые ранее не признавались в округе ОМДС; открытие и содержание соответствовавших «духовно-религиозным потребностям и «общеобразовательным нуждам низших, средних и высших духовно-народных школ, со свободой преподавания в них на родном языке» (в рассматриваемый период конфессиональные школы подлежали надзору МНП, которое имело исключительное право на открытие новых школ для мусульманского населения). Привлекает внимание и уточнение по поводу учебных предметов: наряду с религиозными дисциплинами предполагалось преподавание и общеобразовательных, светских предметов.

2-я глава проекта была посвящена духовным учреждениям «трёх степеней»: а) центральному мусульманскому духовному собранию «Махкеме-шаргия»; б) управлениям окружных ахунов – «Махкеме-Шаргия-Ахуния» и в) управлениям приходских имамов. Всё делопроизводство в них должно было вестись на татарском языке, а в случаях переписки с правительственными учреждениями и должностными лицами других ведомств на русском языке (ст. 17). Данная статья учитывала незнание старшим поколением духовенства русской грамоты, однако это противоречило действующему законодательству, запрещавшему использование негосударственного языка в казённых учреждениях, какими объявлялись данным документом все три ступени системы управления духовными делами мусульман.

Каждое из учреждаемых управлений окружных ахунов должно было объединить территории, на которых имелось до 100 приходов. При этом учитывались плотность мусульманского населения, обширность территории, наличие коммуникаций, т. е. факторы, от которых в значительной степени зависела успешная деятельность нового института (ст. 5). Институт должен был состоять из окружного ахуна (председатель), двух членов из мударрисов или хатибов, избранных из числа духовенства округа (ахуниата), и канцелярии, состоящей из делопроизводителя и писцов (ст. 9).

---

[1] *Рыбаков С. Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. – Петроград, 1917 // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. ввод. ст., ком. и прилож. Д. Ю. Арапов. – М., 2001. – С. 306–308.

[2] Заявлялось, что вместе «со свободой веры» предоставляются права, точно определённые законами, а именно: «1) свободного отправления богослужения и исполнения обрядов веры; 2) иметь мусульманские духовные учреждения, ведающие духовно-религиозными делами, и мусульманское духовенство, организованное по указаниям вероисповедных начал магометан-суннитов; 3) строения мечетей и молитвенных домов; 4) на отдельные кладбища; 5) воспитания детей в духе своей религии; 6) открытия и содержания соответствующих и удовлетворяющих духовно-религиозным потребностям и общеобразовательным нуждам низших, средних и высших духовно-народных школ со свободой преподавания в них на родном языке; 7) образования капиталов, приобретения движимых и недвижимых имуществ, предназначенных на духовно-религиозные нужды, и распоряжения ими; 8) учреждения вакуфов и заведование ими; 9) нормирования правоотношений между собою с применением мусульманских религиозных правил (шариат) в сферах семейственного и наследственного прав» (ст. 2).

Членов-кадиев Духовного собрания планировалось увеличить до 6. В документе подробно прописаны их функции, они были призваны принимать окончательное решение по вопросам богослужения и исполнения обрядов веры, а также по делам, рассматриваемым на основании шариата, поступающим из управлений окружных ахунов, и в отношении общего порядка надзора высшей государственной власти[1]. Объявлялось, что собрание подведомственно Сенату или министру внутренних дел и имеет равный статус с губернскими и областными учреждениями.

Исключительными предметами ведения мусульманских духовных учреждений объявлялись:

«1) вопросы богослужения, исполнения обрядов веры;

2) исправление духовных треб;

3) заключение и расторжение браков мусульман, с применением к этим делам исключительно религиозных в этой области правил в полном их объёме (указывалось, что имеющиеся в действующем законодательстве ограничения будут отменены);

4) ведение метрических книг: занесение фактов совершения и расторжения браков, актов рождения и смерти. Причём право розыска, предоставленное православному епархиальному ведомству ст. 265 Устава духовных консисторий, распространялось и на собрание;

5) споры по семейным и имущественным правоотношениям, по наследованию по шариату и завещанию;

6) надзор, открытие и упразднение приходов, наблюдение за мечетями, молитвенными домами, кладбищами, мектебе и медресе;

7) надзор за духовными учреждениями и духовными лицами;

8) попечение о комплектовании приходов духовными лицами, назначение и утверждение их в должностях;

9) надзор за выборами должностных лиц духовного ведомства, рассмотрение и проверка избирательного делопроизводства;

10) разрешение постройки мечетей, капитального и частичного ремонта их и перенесения из одного места в другое;

11) изыскание материальных средств по удовлетворению духовно-религиозных нужд, учреждение вакуфов, надзор и заведование ими, хранение и распоряжение другими имуществами и капиталами, приобретёнными на религиозные нужды;

---

[1] В частности, было заявлено, что «мусульманское духовное собрание непосредственно начальствует над всеми духовными учреждениями и духовными лицами округа своего муфтията, имеет надзор и наблюдение за их действиями и исполнением их обязанностей и имеет право привлекать их к ответственности, налагать взыскания в общеустановленном порядке, приводить все свои решения и определения в исполнение непосредственно через подчинённые ему органы, а в надлежащих случаях и через общеисполнительные органы – губернские, уездные и волостные административные места и лица, в отношении же решений чисто судебного характера, присуждающих или приговаривающих кого-либо к известным действиям, к уплате или возврату имущества – выдаёт сторонам удостоверения с изложением сущности решения, на предмет возбуждения ходатайств в общегражданских судебных местах о принудительном приведении в исполнение состоявшегося решения, в случаях отказа сторон в добровольном подчинении состоявшемуся решению духовного суда» (ст. 13).

12) забота о духовно-религиозном воспитании и образовании детей, призрение сирот и подкидышей, открытие конфессиональных и иного типа духовно-религиозных и народно-образовательных мектебе и медресе в целях осуществления предписываемого шариатом обязательного бесплатного и всеобщего обучения».

В документе были конкретно прописаны сферы компетенций предполагаемых к созданию трёх отделений Духовного собрания, что свидетельствовало о кропотливой подготовительной работе Р. Фахретдина.

В числе предметов ведения общего отделения были прописаны следующие вопросы:

«– общерелигиозные, касающиеся отправления богослужения и исполнения религиозных обрядов, ограждения чистоты догматов веры по учению суннитской школы, единообразного толкования и применения правил шариата в жизни мусульман-суннитов;

– надзор за духовными учреждениями и духовными лицами, возбуждение преследования против должностных лиц и учреждений в порядке дисциплинарного производства, наложение административных взысканий и составление заключений о предании суду должностных лиц за преступления по должности[1];

– утверждение в соответствующих должностях избранных духовных чинов и выдача им документов на духовное звание с обозначением должности, и внесение их в список духовных лиц, занимающих должность;

– надзор за производством выборов муфтия и членов собрания; проверка избирательного делопроизводства, рассмотрение жалоб и протестов;

– выдача экспертных заключений по запросам правительственных и общественных учреждений, должностных и частных лиц[2];

– рассмотрение дел, вызывающих затруднения, и по особым предложениям муфтия;

– рассмотрение ходатайств об учреждении богоугодных и благотворительных для мусульман заведений, воспитании и образовании сирот, призрении престарелых, безродных и увечных бедных мусульман, а также нуждающихся отставных духовных чинов, их вдов, воспитанию и образованию их детей;

– надзор, наблюдение и руководство мектебе и медресе;

– предварительная экспертиза корректур при издании Корана, толкований (тафсир), Хавтияка, оттисков отдельных сур и молитв из Корана, хадисов (изречений) и учебных руководств по мусульманскому богословию и праву;

---

[1] Перечислялись дисциплинарные взыскания, которые общее отделение могло применить в отношении провинившихся. Это – лишение должности; временное удаление от должности; внушение с вызовом в присутствие; строгий выговор; выговор и замечание.

[2] При возникновении вопросов, признанных спорными «по недостатку особо ясных ривайтов, решение должно исходить из общего присутствия в семичленном его составе», т. е. по ханафитскому мазхабу на ОМДС возлагались функции правотворческого института (иджма).

– издание периодического органа на татарском и русском языках под наименованием «Ежемесячник Мусульманского духовного собрания» [1].

Остальные два отделения собрания были призваны заниматься следующими вопросами:

– проведение испытаний у кандидатов на духовные звания: хатиба, мударриса, имама, мугаллима, муэдзина и мугаллима-санбияна и выдача соответствующего документа;

– рассмотрение и разрешение поступающих дел по заключению и расторжению браков, по спорам и искам в сфере брачного права;

– признание брака действительным и недействительным;

– установление и утверждение развода одностороннего и расторжение брака, последовавшего принудительно;

– рассмотрение просьб о расторжении брака по неспособности супругов к супружеской жизни, из-за наступления поводов к расторжению брака по способу лигана, по случаю поступления на военную службу, заключения на продолжительный срок в исправительные заведения, тюрьмы и ссылки на поселение и каторжные работы по приговорам судебных мест, а равно оставления супругами друг друга и по недоставлению средств к существованию[2];

– решение вопросов о правоотношениях, связанных с браком и проистекающих из расторжения браков и разводов;

– определение прав супругов на детей и их обязанности в отношении детей после развода;

– рассмотрение дел по спорам об имущественных правах супругов в браке и о расторжении браков;

– определение права и порядка наследования по шариату и по духовному завещанию, а также наследственных долей при утверждении в правах наследства и разделе наследства в судебных учреждениях гражданского ведомства, выдача соответствующих документов по запросам правительственных учреждений, должностных и частных лиц;

– разрешение вопросов определения происхождения детей от известных родителей в границах, допускаемых шариатом, при возникновении семейных споров;

– рассмотрение ходатайств об образовании и открытии новых и разделении действующих приходов, о постройке, капитальном и частичном ремонте мечетей и

---

[1] Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. – Уфа, б. г. – С. 2–4. Среди перечисленных пунктов новыми являлись: проведение выборов муфтия и членов Духовного собрания, предварительная экспертиза корректур при издании Корана и другой религиозной литературы, учреждение ведомственного периодического органа ОМДС на татарском и русском языках, рассмотрение ходатайств об учреждении богоугодных и благотворительных для мусульман заведений (этот вопрос входил в компетенцию губернаторов); осуществление «высшего надзора» и наблюдения, «руководительство» над мектебе и медресе (эти вопросы находились в ведении МНП).

[2] Эти дела подлежали исключительному рассмотрению и решению отделений и «изъяты из ведения управлений окружных ахунов и приходских имамов, и могут быть рассматриваемы сими последними лишь по особому поручению отделений ОМДС».

молитвенных домов по представлениям управлений окружных ахунов, надзору за управлением и по упорядочению приходов с состоящими при них мусульманскими кладбищами;

– контроль за деятельностью учебных заведений[1];

– контроль над вакуфами (ст. 27)[2];

– изготовление, рассылка, хранение и ревизия приходских метрических книг;

– надзор за деятельностью приходских попечительств, утверждение избранных в приходах попечителями лиц, ревизия их отчётности.

Новым институтом объявлялось управление окружных ахунов[3], призванное стать средней инстанцией между высшим и низшим духовными учреждениями. Компетенции этого коллегиального института были прописаны самым тщательным

---

[1] а) удовлетворение нужд мусульманского населения в том или ином типе учебных заведений путём изысканий средств, расположением к тому обществ и частных лиц и т. д.; б) «ближайший надзор и наблюдение» за учебными заведениями по восьми направлениям (ст. 26): «1) образование особого капитала на открытие и содержание духовно-учебных заведений путём испрошения ассигнования на этот предмет сумм из государственного казначейства, приёма пожертвований и специально на этот предмет учреждённых вакуфов; хранение и расходование таковых сумм по назначению, а равно надзор и наблюдение за расходованием таковых сумм и другими низшими духовными учреждениями по прямому их назначению; 2) равномерное распределение их в магометанском населении, по разрядам; 3) переименование из низших в высшие, и обратно; 4) руководительство в улучшении и упорядочении преподавания; 5) одобрение и рекомендация учебных руководств в мероприятиях к составлению и изданию таковых и к снабжению учебными пособиями; 6) соблюдение санитарно-гигиенических условий в помещениях для учащихся; 7) наблюдение и надзор за поведением и нравственностью учащих и учащихся, мероприятия к упорядочению и улучшению быта их, предупреждению и пресечению нежелательных и вредных направлений в среде учащих и учащихся; 8) образование экзаменационных комиссий для оканчивающих курс учения и выдача дипломов на учёно-богословские степени, соответствующие духовным и духовно-учебным званиям и должностям».

[2] а) ведение полного и подробного регистра «всему такого рода имуществу с указанием назначения, в особо заготовленной шнуровой книге»;

б) «спрашивание в нужных случаях в установленном порядке разрешения МВД высочайшего соизволения на принятие такового имущества»;

в) «соответствующие мероприятия к совершению актов укрепления по переходу в ведение духовных учреждений имущества или иных документов, по изъявлению согласия на принятие дара (ибе), условного или безусловного, к принятию завещательных актов, представлению таковых к исполнению и другие действия, сопряжённые с принятием пожертвованных на духовно-религиозные нужды имуществ, к тщательному хранению относящихся до таковых имуществ актов и иных документов»;

г) «заведование, хранение и управление таковыми имуществами через подведомственные духовные учреждения и лица, расходование и употребление доходов с них по назначению или указанию ОМДС и с ведением точной отчётности»;

д) ближайший надзор и наблюдение заведованием и расходованием доходов с таковых имуществ другими духовными учреждениями и лицами, а равно приходскими попечительствами, или особо назначенным самим завещателем или жертвователем-мутаваллием требование, принятие и ревизия отчётностей последних;

е) выдача при необходимости своим подчинённым или посторонним лицам поручений, полномочий и доверенностей на управление и ведение судебных дел по таковым имуществам.

[3] Протокол Уфимского губернского совещания... – С. 8–12.

образом. Управление осуществляло «ближайший надзор» за приходскими духовными лицами, правоотношениями между духовенством и прихожанами, благоустройством в приходах. А по судебным делам оно выступало в качестве апелляционной инстанции – сюда поступали жалобы на решения приходских имамов по бракоразводным делам, разделам наследства и др.[1]

Как и религиозное управление, окружные управления ахунов объявлялись правительственными учреждениями в сфере отправления духовно-религиозных, духовно-учебных и нравственно-воспитательных дел, они приравнивались к уездным учреждениям. С губернскими учреждениями они переписывались через религиозное управление, а с уездными, волостными и сельскими властями – непосредственно сами (ст. 16). Были также прописаны права и обязанности управлений окружных ахунов (ст. 30–43)[2].

Главной целью в деятельности приходских духовных управлений объявлялось удовлетворение духовно-религиозных потребностей прихожан. Давалось определение имаму – это лицо, самостоятельно и единолично исполняющее духовные обязанности по отправлению богослужения и исполнению треб по обрядам веры, и ближайший духовный судья, действующий по указаниям

---

[1] Решения управления ахунов могли быть обжалованы в собрании. Постановления по административным и хозяйственным делам, по надзору за вакуфами и действиями мутаваллиев и приходских попечительств и по учебно-воспитательной части вносились в порядке надзора в собрание (ст. 15).

[2] Проект предусматривал передачу права «разрешения постройки и ремонта мечетей», образования новых приходов, их реорганизации, в целом устройства религиозно-обрядовой жизни в компетенцию института окружных ахунов. Причём окончательное решение на основании представлений окружных ахунов должно было принимать Духовное собрание, не входя в соглашение с епархиальным начальством. Ахуны должны были заботиться о составлении обществами, нуждающимися в мечетях, приговоров (ст. 31, 81). Институту окружных ахунов отводилась ключевая роль в организации общественного богослужения. Они получали право созыва приходского или сельского (если приход состоял из отдельного общества) схода для обсуждения проблем о нуждах и делах прихода, инициирования составления приговора, причём сельский и волостной органы самоуправления должны были оказывать содействие управлению окружных ахунов или командированному им члену в принятии личного участия как по соблюдению за порядком, так и по исполнению установленных законом правил: проверка, свидетельствование приговора, а также содействие в его выполнении.

Составленный приговор как документ, подтверждающий желание общества, поступал в распоряжение управления окружного ахуна. После рассмотрения в коллегиальном составе и сбора нужных сведений (относительно соответствия размера предполагаемых к постройке мечети к действительным нуждам прихода; избранного под постройку места к требованиям санитарно-гигиенической, пожарной, технической безопасности). Техническая документация вносилась на предварительное одобрение в строительное отделение губернского или областного правления, затем поступала в ОМДС для принятия окончательного решения. Оно должно было также принимать непосредственное участие в составлении приговоров об избрании духовных лиц. В целом новый институт должен был курировать строительство мечетей, имущество богослужебных учреждений и кладбища, осуществлять надзор за их содержанием, в случае надобности, путём воздействия на прихожан убеждениями — проповедями (вагазами) и другими «мерами вразумления», вплоть до обращения к местным гражданским и судебным властям, содействовать устранению беспорядков (ст. 31).

управления ахунов и ОМДС. По статусу они приравнивались к сельским должностным лицам[1].

3-я глава проекта была посвящена составу духовных чинов в округе ОМДС[2]. Если до этого выделялось высшее (муфтий и ахуны) и низшее духовенство, то отныне вводились три ступени: высшая (муфтий и члены собрания, именующиеся кадиями, ахунами, мударрисами, мухтасибами и хатибами); средняя – мугаллимы и имамы; низшая – мугаллимы-сабианы и муэдзины.

Муфтий – высший мусульманский духовный сан был отнесён совещанием к числу высших государственных чинов, как пользующийся особым доверием императора и высших государственных учреждений. Муфтий объявлялся духовным главой мусульман, представителем и защитником духовно-религиозных интересов своей паствы перед правительством (ст. 47), «старшим председателем» с правами, преимуществами и обязанностями общегосударственных центральных установлений и губернских коллегиальных присутственных мест[3].

Муфтий назначался императором по представлению министра внутренних дел из числа избранных мусульманами лиц (ст. 50). За три месяца до выборов кандидатов в муфтии об этом извещались управления окружных ахунов, они определяли время и место съезда уполномоченных приходов, в которых выборы завершались за шесть недель до съезда избирателей кандидатов в муфтии в Уфе[4].

Кадии утверждались министром внутренних дел из числа представленных муфтием кандидатов, которых также избирало духовенство из своей среды сроком на

---

[1] Под управлением приходского имама должен был состоять старший в приходе имам или его коллега, который руководил махаллёй, состоящей из мечети и прихожан по возможности одного селения и попечительства в составе трёх лиц, избранных из числа «выделяющихся своим благочестием». Попечительство, состав которого утверждался религиозным управлением, заведовало вакуфным имуществом мечети, мектебе и медресе, занималось вопросами обеспечения содержанием духовенства, мечети со школой (ст. 6, 7).

[2] Протокол Уфимского губернского совещания... – С. 12–15.

[3] В проекте предусматривалось существенное расширение полномочий муфтия (ст. 49). В частности, он получал право созыва не менее раз в три года высшего духовенства для обсуждения важнейших вопросов религиозно-духовной жизни, а также право разрешения совершать пятничное богослужение в мечетях и молитвенных домах; право представления к наградам духовных лиц, право рекомендации или назначения вероучителей в гражданские и военные учебные заведения из числа духовенства и лиц недуховного звания; право назначения представителей духовенства в земские собрания и городские думы, при наличии 10 тыс. душ мусульман в губерниях, уездах и городах, право назначения времени выборов кадиев-членов ОМДС.

[4] Каждый приход, исходя из своей численности, избирал в установленном порядке 1–3 представителей, которые на съезде уполномоченных в управлении окружного ахуна в присутствии представителя администрации уезда путём закрытого голосования избирали двух уполномоченных: одного из духовенства и одного из светских лиц, а также по одному к ним кандидатов; избранным считался тот, кто получил наибольшее число голосов. Избранные лица, получив соответствующее удостоверение, прибывали в собрание. При участии не менее ¾ от общего числа избирателей съезд считался состоявшимся. На съезд прибывали исполняющий обязанности муфтия, чиновник МВД, губернатор и лица прокурорского надзора. Список кандидатов в муфтии составлялся на основе поступивших от участников съезда письменных предложений. Избранными путём тайного голосования считались первые три кандидата, получившие наибольшее число голосов. Этот список представлялся министру внутренних дел для дальнейшего утверждения одного из них императором.

три года. Для их выборов округ ОМДС делился на десять участков, каждый объединял приблизительно 10 округов управления окружных ахунов. Такая группа образовывала избирательный округ сроком на один год. В цикле избирательных очередей губернии, имеющих более 10 ахунских округов, должны были участвовать не менее двух, а округ Сибири – не менее четырёх раз[1]. Был также прописан порядок выборов председателей управлений окружных ахунов путём тайного голосования $^{2}/_{3}$ уполномоченных приходов из числа имамов, не достигших 63-летнего возраста[2].

Если ранее имам одновременно выполнял обязанности учителя конфессиональной школы, то в проекте было прописано, что хатиб, имам и муэдзин избираются прихожанами и затем утверждаются в должности собранием, а мударрисы и мугаллимы назначаются исключительно собранием, при этом их обязанности могли быть делегируемы местным приходским духовным лицам.

В 4-й главе под названием «О делопроизводстве в учреждениях ведомства Мусульманского духовного собрания» была регламентирована деятельность структурных подразделений религиозного управления[3].

В 5-й главе[4] были прописаны функции исламских религиозных институтов. Вакуфам был выделен отдельный раздел из 5 статей (ст. 66–70). Вакуфами были названы имущества – движимые и недвижимые капиталы, пожертвованные или завещанные в пользу мечетей, мектебе и медресе, духовенству или мечети, для призрения сирот, бедных, умалишённых и неизлечимо больных и вообще для благотворительных целей. Вакуфы принимались в ведение ОМДС в случае, если его учреждение соответствовало правилам шариата. Вакуфы были безусловными – назначенными для богоугодных духовно-просветительских целей вообще или обусловленными применением для конкретных целей в определённом месте по воле жертвователя и завещателя, выполнение которых являлось обязательным для лица или учреждения, принимающего дар. В то же время завещатель мог сам назначить исполнителя своей воли – мутаваллия. Все безусловные вакуфы передавались в ведение религиозного учреждения. Собрание занималось переоформлением частной

---

[1] Выбор производился записками, представляемыми в собрание в закрытых пакетах в назначенный срок от каждого избирателя со вписанием звания и фамилии кандидата на избирательном бланке, заготовленном и разосланном в каждый из округов (по числу приходов) одновременно с извещением. Из числа считающихся избранными кандидатами трёх лиц, муфтий представлял двоих к утверждению министру внутренних дел, один, получивший менее баллов, утверждался кандидатом (ст. 53–59).

[2] В выборах духовных лиц участвовали не только главы хозяйств, как было ранее, а все прихожане м. п., достигшие 21 года. Избранным считался кандидат, набравший $^{2}/_{3}$ голосов. Кандидаты могли быть предложены приходом или управлением окружного ахуна, или самим желающим занять вакантную должность.

[3] На общем отделении собрания должны были заседать все шесть кадиев и сам муфтий или заступающий на его место при секретаре Духовного собрания, а в остальных двух – по три кадия. Дела во всех отделениях решались большинством голосов. Один из заседателей курировал архивариуса, заведующего архивом. Все исходящие бумаги в учреждения и должностным лицам составлялись на русском, а переписка с подведомственными учреждениями и лицами велась, если представлялось «удобным и целесообразным», на татарском языке (см.: Протокол Уфимского губернского совещания... – С. 15–16).

[4] Протокол Уфимского губернского совещания... – С. 16–18.

собственности в вакуфную. Для принятия, управления, хранения капиталов, наблюдения за их использованием, сохранения их целостности и неприкосновенности были выработаны специальные правила[1].

В разделе, посвящённом приходским попечительствам (ст. 71–76), был определён его состав – избранные религиозной общиной из числа состоятельных и порядочных лиц три прихожанина, которые представляли «по всем вопросам приход» и, самое главное, выступали как юридическое лицо. Главной обязанностью попечительства являлись забота о функционировании мечети, конфессиональной школы и содержание кладбищ в порядке. Оно также заведовало вакуфным имуществом мечети или школы, вело отчётность в особой шнуровой книге, выдаваемой собранием, и ежегодно отчитывалось с приложением документов. Назначенный к вакуфам мутавалли состоял членом попечительства[2].

Один из разделов регламентировал существование духовных учебных заведений, которые учреждались приходами при каждой мечети на средства махалли, попечительствами и частными лицами с разрешения управления окружных ахунов.

Учебные заведения делились на три ступени: а) низшие – мектебе, которые открывались в обязательном порядке в каждом приходе; б) средние – медресе, которое могло быть соединено с мектебе; в) высшие – «медресе-и галия». Мугаллимы, хатибы и мударрисы были призваны курировать учебно-воспитательные вопросы под «ближайшим» надзором и руководством управления окружных ахунов и ОМДС.

Серьёзное внимание в проекте было также уделено мечетям и молитвенным домам[3].

---

[1] Собрание должно было вести строгий учёт имущества с указанием назначения вакуфа, записывая сведения в шнуровые книги, запрашивая при необходимости (с дозволения министра внутренних дел) «высочайшего» соизволения на принятие пожертвованного имущества; осуществлять составление дарственных актов, переоформление капитала, принимать завещательные акты и обеспечить их сохранность; заведовать, хранить и управлять вакуфным имуществом через духовные учреждения и лица, контролировать расходование доходов, а также приходские попечительства или мутаваллиев, организовать их отчётность и проверку представленных сведений; выдавать при необходимости своим подчинённым или посторонним лицам доверенности на управление и ведение судебных дел по делам о вакуфах.

[2] Попечительство осуществляло также приём пожертвований на нужды прихода или благотворительных учреждений, существующих при приходе, сбор денег на содержание приходского духовенства, на постройку или ремонт мечети по постановлению прихожан «в определённом с каждого прихожанина размере» и т. д. Приходы и расходы записывались в особой шнуровой книге, скреплённой печатью управления окружного ахуна, и попечительство должно было ежегодно отчитываться перед приходом о своей деятельности.

[3] Признав культовые здания местом поклонения Аллаху, пользующимся особым покровительством законов в плане неприкосновенности и ограждения от осквернения (ст. 80), документ констатировал, что «молитвенные дома разнятся от мечетей тем, что в них не совершается полуденной пятничной молитвы без разрешения муфтия и для открытия их не требуется особого разрешения» (ст. 82). В других случаях они пользовались равными с мечетями правами. Указывалось на неотчуждаемость земельного участка, выделенного под мечеть. Любопытен способ регулирования взаимоотношений мутаваллия и общины в отношении права распоряжения мечетью: сам факт постройки частным лицом мечети должен был стать основанием для автоматической передачи культового здания в распоряжение местного общества.

Реформа была направлена на усиление влияния и контроля ОМДС над приходским духовенством и социокультурными процессами в приходах.

Этой цели призваны были служить два новых института: а) около 450 управлений окружных ахунов, которым были делегированы часть полномочий ОМДС и печатный орган «Ежемесячник Мусульманского духовного собрания». Таким образом, контроль со стороны управлений окружных ахунов и печатное слово ОМДС были признаны важнейшими рычагами в усилении нравственно-религиозного воспитания и модернизации мусульманского сообщества. Выборы муфтия и заседателей превращали в легитимную административно-духовную власть ОМДС над исламскими религиозными институтами. Муфтий становился главой религиозной общины (амир аль-муминин), религиозная культурная автономия татар и башкир приобретала завершённый вид, а ОМДС становилось правотворческим шариатским институтом (иджма). При этом не ставилось обязательным условием наличие у муфтия религиозного образования, наоборот, исходя из того, что муфтий становился представителем мусульман округа ОМДС перед имперской властью по отстаиванию их интересов, он (по смыслу документа) должен был иметь светское, нежели религиозное образование.

Более того, ОМДС претендовало на учреждение и руководство благотворительными обществами – общественными организациями Нового времени, которыми руководили светские лица, в городах эти общества являлись действенным институтом по решению местных социальных проблем и организации религиозно-культурной жизни общин.

Муфтий и члены ОМДС объявлялись сторонниками движения за выведение традиционных школ из-под ведения МПН и передачу их в распоряжение религиозного управления. Правда, эта позиция опиралась на положение по управлению мусульманским духовенством Закавказья 1872 г.

На компетенции ОМДС в сфере воспитания и обучения следует остановиться особо. В проекте, как само собой разумеющееся, признавалось преподавание в мектебе и медресе религиозных и светских дисциплин. Самое главное – из ведения прихожан изымалось право назначения в учебные заведения преподавателей (передавалось в компетенцию окружных ахунов и самого ОМДС). Как известно, крестьянские общества являлись главным препятствием в создании новометодных школ. Важным также является разделение ОМДС религиозно-обрядовых и преподавательских функций в приходах. Приходской имам не мог в будущем автоматически стать учителем школы. Обучение и воспитание нового поколения мусульман – *камил инсан* – переходили в распоряжение религиозного управления. Эти новшества призваны были создать правовую основу для широкомасштабной реформы системы национально-религиозного образования и ускорения модернизационных процессов в мусульманском сообществе.

В документе отсутствуют два важных раздела – о системе финансирования исламских религиозных институтов и пределах компетенции мусульманского прихода[1]. Вопрос о механизмах финансирования исламских религиозных институтов в проекте сведён лишь к вакуфам, которых было очень мало, и попечительствам,

[1] Этот вопрос рассматривался в 1914 г. на IV Всероссийском мусульманском съезде.

которые необходимо было создавать. Если учесть, что приходы являлись той массовой ячейкой религиозно-культурной автономии во главе с ОМДС, то им, безусловно, должно было быть уделено особое внимание. Порой создаётся впечатление, что ОМДС специально передавало полномочия прихода попечительству, мутаваллиям, или забирало себе и делегировало окружным ахунам (в сфере образования), стараясь тем самым снизить влияние на реформы консервативность общественных отношений в сельских приходах.

Превращение татарского языка в язык делопроизводства в ОМДС, управлениях окружных имамов и приходских духовных управлениях означало параллельное существование татарского языка наряду с государственным, русским, и имело политический «привкус», потому что вышеназванные институты признавались государственными учреждениями. Между тем внедрение татарского языка не требовало каких-либо дополнительных финансовых средств и, по сути, отражало реальную ситуацию в сфере применения татарского языка среди татарской интеллектуальной элиты и духовенства.

Расширение полномочий муфтия, который объявлялся представителем интересов мусульман перед правительством и особо доверенным лицом высшей власти и императора, означало своеобразный союз самодержавия и мусульман округа ОМДС. Религиозное управление с новыми полномочиями, по сути, превращалось в центр определения вектора развития мусульманской нации Волго-Уральского региона и Сибири. Для реализации заявленных в проекте положений необходимы были поддержка русского императора и его чиновников, законодательное оформление новых прав, внесение изменений в действующие законы. Однако в начале XX в. ОМДС уже не пользовалось «полным доверием правительства»[1].

При отсутствии другой общественной организации, способной мобилизовать мусульманское население региона, именно ОМДС открыто заявило о себе как о главном национально-религиозном учреждении татар и башкир. До проведения I Всероссийского съезда мусульман на Нижегородской ярмарке оставались четыре месяца.

Представляя 12 мая 1905 г. (№ 268) председателю Комитета министров С. Ю. Витте проект положения «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания»[2], разработанный совещанием, а также докладную записку от светских мусульман, М. Султанов счёл нужным внести некоторые уточнения в первый документ: «Вместо предположенных многочисленных управлений окружных ахунов, я считаю предпочтительным учреждение духовных меджлисов, подобно существующим в Закавказье, учреждаемым на одну или несколько губерний, и в числе не более 10 на весь округ Оренбургского духовного собрания. Такие учреждения, являясь апелляционной инстанцией по делам, подведомственным магометанскому духовенству, представлялись бы более авторитетными в глазах населения, чем те мелкие, чисто местного характера, учреждения, которые проектируются под названием управлений окружных ахунов».

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 800. – Л. 279 об.

[2] 2-й проект поступил затем в Особое совещание по делам веры под председательством А. П. Игнатьева (29 ноября 1905 г. – 28 мая 1906 г.).

Он регламентировал также порядок выборов муфтия, членов ОМДС, председателя и членов духовного меджлиса[1].

Вместо трёхлетнего срока службы членов ОМДС муфтий предлагал установить шестилетний с заменой ежегодно одного из членов.

Ст. 44 проекта муфтий предложил дополнить особым пунктом, «указывающим как особо важную обязанность противодействовать всеми мерами развитию в магометанском населении пьянства», а ст. 60 – определением должности имама как помощника хатиба, исполняющего его обязанности во время его отсутствия, болезни и т.п.

Также предлагалось дополнить ст. 20 положением разрешать обществам башкир и крестьян отводить из свободных земель наделы к мечетям для обеспечения их существования и содержания приходского духовенства.

Муфтий разработал правила назначения мулл в иррегулярной и регулярной армии, в тюрьмах[2], которые предлагал включить как дополнение в отделение 13 (ст. 60–63) главы III[3].

На волне петиционной кампании в 1905 г. ряд обществ и имамы подавали в Комитет министров свои прошения по совершенствованию разработанного текста или в поддержку данного документа, некоторые из них вкратце рассмотрим в следующем параграфе.

Губернское совещание мусульман Уфимской губернии (Уфа, 22, 23 и 25 июня 1905 г.). Спустя несколько месяцев, в июне, в Уфимской губернии, население которой наполовину состояло из мусульман, обсуждение вопроса об устройстве

---

[1] Предлагалось выборы муфтия, членов ОМДС, председателя и членов духовного меджлиса, приходских чинов проводить в мечетях в пятницу, после полуденной праздничной молитвы, голосовать посредством записи на русском или татарском языке в бланк избирательного списка каждым грамотным избирателем собственноручно, а неграмотные через другое лицо. Подсчёты голосов путём вскрытия поступивших конвертов проводить во время публичного заседания Духовного собрания с участием представителя прокурорского надзора и чиновника, назначенного МВД.

[2] Правила следующие: «На магометанское духовенство в казачьих войсках, в районе Магометанского духовного собрания распространяются общие правила об управлении магометанского духовенства с тем исключением, что кроме приходских духовных лиц, состоящих при мечетях, назначаются во время походов, учебных сборов и т. п. особые полевые муллы по одному на каждый полк, в составе которого имеются казаки магометанского вероисповедания. Эти муллы назначаются по соглашению военного начальства с Духовным собранием и отправляют духовные обязанности только во время похода.

В войсках состоят в военное время по одному при каждом корпусе, а в мирное в каждом военном округе – штатные военные муллы с содержанием от казны, назначаемые Духовным собранием по соглашению с военным начальством. На их обязанности лежит совершение богослужений, исполнение религиозных обрядов и треб для военнослужащих магометанского вероисповедания, с запиской совершаемых треб в метрические книги, выдаваемые ежегодно из Духовного собрания. Местожительство им назначается по соглашению военного начальства с Духовным собранием.

Примечание: Это же правило относится к магометанским муллам во флоте.

При тюрьмах состоят муллы, на обязанности которых лежит религиозно-нравственное воздействие на заключённых, совершение богомоления в торжественные дни, религиозное утешение больных, погребение с соблюдением обрядов религии умерших и совершение других треб с запиской в метрические книги, выдаваемые Духовным собранием.

Муллы при тюрьмах, а равно при больницах богадельнях, приютах и т. п. назначаются Духовным собранием по соглашению с подлежащим начальством».

[3] НА РТ. – Ф. 1373. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 4–8 об.; РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 611. – Л. 260–263.

религиозных институтов и о нуждах мусульман было продолжено на качественно новом уровне – на созванном с разрешения властей губернском совещании с приглашением доверенных (Уфа, 22, 23 и 25 июня 1905 г.), которое открыл уфимский вице-губернатор Н. Е. Богданович. Председателем совещания был избран доверенный от Калкашевской волости Стерлитамакского уезда, сын тархана Мухаммадшакир Тукаев, секретарём – доверенный от 2-й Айлинской волости Златоустовского уезда, сын чиновника Шарафитдин Абдулгалимов Кулбаков[1].

Значительную роль в утверждении проекта уфимского апрельского совещания, на наш взгляд, сыграл факт участия большой группы духовенства, составлявшей более половины уполномоченных, и, конечно же, активная деятельность председателя совещания Тукаева, который происходил из рода известных татарских религиозных деятелей Тукаевых, преподавал в Стерлибашском медресе, был гласным Стерлитамакского уездного земства[2].

Таблица № 16

Состав участников доверенных мусульман Уфимской губернии, созванных для обсуждения вопросов, касающихся исламских институтов и нужд мусульманского населения региона в 1905 г.[3]

Уезды	Дух-во	Башкиры	Тептяри	Мещеряки	Крестьяне	Вол. старшина	Члены вол. суда	Без указания сословия	Всего
Белебеевский	12	8	–	–	–	-	–	–	20
Бирский	16	7	–	–	–	-	–	–	23
Златоустовский	6	–	–	–	–	-	1	–	7
Мензелинский	11	1	1	–	6	2	–	–	21
Стерлитамакский	18	4	–	1	–	3	–	1	27
Уфимский	12	3	–	–	–	1	–	1	17
Итого	75	23	1	1	6	6	1	2	115
Итого, в %	65,2	20	0,8	0,8	5,3	5,3	0,8	1,8	100

[1] Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. – Уфа, б. г. – С. 17.

[2] После Уфимского совещания он стал членом партии «Иттифак аль-муслимин», участвовал во II Всероссийском съезде мусульман. Избирался от Уфимской губернии депутатом II и III Государственных дум (1907–1912 гг.), входил в мусульманскую фракцию. Издал брошюру с подробным анализом деятельности комиссии Государственной думы «Отчёт члена комиссии по вероисповедальным вопросам Государственной думы II и III созывов Мухаммет-Шакира Харисова Тукаева, депутата от Уфимской губернии» (Уфа, 1912) (см.: Тукаев Мухаммадшакир // Татарская энциклопедия. – Казань, 2010. – Т. 5. – С. 685).

[3] Протокол Уфимского губернского совещания... – С. 19–21.

Как видно из таблицы № 15, во всех уездах духовные лица составляли более половины уполномоченных, в среднем по губернии – 65,5%, а наибольший процент их представительства наблюдался в Златоустовском уезде – 6 из 7 чел.

Принятые на совещании документы можно разделить на три части:

1. Рекомендованный апрельским съездом духовенства «Проект узаконения для магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания» (в апрельском проекте, согласно утверждению Р. Фахретдина, было 84 статьи, в этом документе – 87: ст. 1–84 – текст итогового документа апрельского совещания).

2. Рекомендации правительству по пересмотру и упразднению ущемлённого правового положения мусульман в России, в округе ОМДС.

3. Рекомендации правительству, губернатору, земству, направленные главным образом на решение социально-экономических проблем различных групп мусульманского населения Уфимской губернии.

В такой последовательности рассмотрим материалы совещания.

Три рекомендации правительству по пересмотру и упразднению ущемлённого положения мусульман в России, в округе ОМДС, были записаны в отделе «О мечетях и молитвенных домах мусульманских»: до 84-й ст. включительно приводился текст итогового документа апрельского совещания, а ст. 85, 86 и 87 были приняты июньским совещанием, где предлагалось представить духовным лицам право закрывать «в нежилых домах», иначе говоря, под арест, тех прихожан, которые, «пьянствуя, безобразничают и нарушают общественную тишину»; разрешать назначать на должности мударрисов, хатибов и мулл единоверцев – российских подданных, получивших духовно-нравственное образование в иностранных мусульманских учебных заведениях; сделать необязательным владение духовенством русским языком. Кроме того, к рекомендациям совещания, имеющим общемусульманское значение, относятся следующие предложения, выведенные в особый раздел под названием «Общие нужды»:

– в случае учреждения в столице «собрания для рассмотрения нужд народа империи» допустить в него и представителей мусульман;

– желательно, чтобы мусульманам-военнослужащим подавался «особый стол», и «крайне желательно» учреждение при войсках должностей мулл для удовлетворения духовных нужд мусульман;

– поскольку «недостаточно тактичные действия миссионеров и меры, ими принимаемые, совершенно напрасно волнуют и возбуждают умы мусульманского населения, то крайне желательно, чтобы миссионерам, раз и навсегда, внушено было от подобных действий и мер воздерживаться под ответственностью перед законом»;

– запретить мусульманам открытие домов терпимости;

– не открывать в мусульманских деревнях базары по пятницам;

– объявить необязательной явку на суд и службу мусульманам в пятницу и в другие мусульманские праздники;

– разрешить открывать лавки мусульманам в христианские праздники;

– требовать от мусульманских детей свидетельства на знание своей религии при поступлении в русские школы;

– избирать оренбургского муфтия пожизненно, в случае несоответствия им должности, увольнять на основании жалоб от «мусульман – половины муфтиата»;

– определять в уездах, населённых мусульманами, земских управ, состоящих из 3 членов (одного из числа мусульман), а из 4 членов – 2[1].

Перечислим рекомендации правительству, уфимскому губернатору, земству, направленные главным образом на решение социально-экономических проблем различными группами мусульманского населения (раздел «Общие нужды»):

– необходимо открывать для мусульман земские ремесленные школы[2];

– необходимо открывать сельскохозяйственные и специальные училища, где преподавание велось бы на родном языке мусульман;

– необходимо запретить открывать винные и пивные лавки в мусульманских селениях[3];

– желательно для поддержания интересов мусульманского населения в тех уездах, в которых проживает незначительное число мусульман, допускать в земские собрания местных ахунов, а в случае их отсутствия – мулл;

– желательно при продаже или отдаче в аренду земли предоставлять преимущества покупателям или арендаторам из однообщественников, а затем мусульманам других местностей;

– отмежевать не продавшим свободного участка земли вотчинникам их части «в одном месте с душевым наделом и предоставить в отдельное, независимое от продавших распоряжение, с учётом того, что среди башкир-вотчинников есть семейства, не продавшие и не отдавшие в аренду землю из свободного участка, долей же их продолжают пользоваться, и не имеющие уже свободной земли за продажей своих частей»;

– ходатайствовать на основании положения 1832 г. «о прирезке из запасной земли дополнительных наделов припущенникам (тептярям и мещерякам), дворянам «их национальности», а также малоземельным вотчинникам на наличные души, исходя из того, что как у малоземельных башкир-вотчинников (имеющих по X ревизии не более 15 десятин на душу), так и у припущенников из бывших военного звания на наличные души земли приходится очень мало: у первых пять десятин, а у вторых менее 3 десятин»;

– желательно, с целью «поднятия уровня в землевладении, чтобы башкирские земли были разделены на наличные души и чтобы распределение земли было

---

[1] Учитывая то обстоятельство, что мусульмане, являясь аккуратными плательщиками земских сборов, не имеют в земских собраниях уездов, населённых мусульманами, своих представителей, «ввиду некоторых ограничений», а гласные-немусульмане совершенно не интересуются делами деревень, отменить все законодательные ограничения по отношению избрания гласных из мусульман в земские собрания.

[2] Потому что мусульмане Уфимской губернии, не зная другого ремесла кроме земледелия, в неурожайные годы находятся в крайне бедном экономическом положении.

[3] Потому что в последнее время в башкирских селениях в высшей степени развилось пьянство, что, останавливая культурное их развитие, увеличивает различные судебные процессы на почве пьянства.

производимо через каждые 6 лет, и таковое распределение касалось бы только душевых наделов»;

– изъять охрану башкирской вотчинной лесной дачи из ведения казны и предоставить оберегать леса самим вотчинникам;

– желательно, чтобы припущенники были освобождены от выкупных платежей, потому что башкиры-припущенники владеют землями, приобретёнными ими в собственность от башкир-вотчинников[1].

Предложение открывать за счёт земств ремесленные школы для мусульман с преподаванием на родном языке имело определяющее значение. Джадидские школы имели гуманитарную направленность, земские начальные профессиональные школы представлялись для уполномоченных совещания в качестве национальных начальных профессиональных учебных заведений, созданных за счёт земского налога единоверцев.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. Духовное собрание выступало за преодоление схоластики и схематизма при обучении, приветствовало введение в программы учебных заведений среднего и высшего звена (медресе) и начальных коранических школ (мектебе) светских предметов, стремилось к распространению джадидских идей среди мусульманского населения своего округа, выступало за обновление общественной жизни махаллей.

Обсуждение и принятие совещанием доверенных башкирских волостей Уфимской губернии, в которых участвовали выбранные на волостных сходах уполномоченные – и духовные, и светские лица, вмиг превратили «Проект узаконения для магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания», составленный заседателями и 39 приходскими имамами, в волеизъявление более миллиона мусульман и позволили опубликовать его, сделав документ достоянием широкой общественности.

Не менее важными представляются рекомендации совещания по упразднению ущемлённого положения мусульман в России, которые следует рассматривать как совместное волеизъявление заседателей ОМДС и уполномоченных. Часть из них логично вытекала из существующих социальных проблем мусульманского населения Уфимской губернии.

Рекомендации по улучшению правового и социального положения мусульман Уфимской губернии были обусловлены главным образом традиционно сложными земельными правоотношениями между вотчинниками и припущенниками, уходящими своими корнями в XVIII – первую половину XIX в., издержками в проведении земельной реформы в последующие десятилетия среди различных групп населения, а также активной русской колонизацией Приуралья.

Таким образом, идея муфтия М. Султанова по введению в ОМДС системы управления исламскими институтами по модели Закавказского управления духовными делами мусульман-суннитов в значительной степени была реализована в проекте, принятом на совещании духовенства в апреле 1905 г., и затем была пролонгирована губернским совещанием представителей мусульман Уфимской губернии (июнь 1905 г.).

---

[1] Протокол Уфимского губернского совещания... – С. 18–19.

Габдерашит Ибрагимов: общественно-политическая деятельность

В конце XIX в. на общественную арену вышел деятель, сыгравший важную роль в деле духовной и политической консолидации тюркских народов России – Габдерашит Ибрагимов (1857–1944 гг.), который стал позиционировать себя в качестве общетюркского лидера[1].

Оставив должность заседателя ОМДС (1892–1894 гг.), Габд. Ибрагимов выехал за границу. Ф. Ф. Галимуллин не исключает возможность его контактов во время посещения Парижа с представителями организованного в 1891 г. центра турецкой эмигрантской оппозиции во главе в Ахмедом Риза-пашой (1857–1930 гг.) и группы турецкого тайного общества «Иттихад ва тараккы» («Единство и прогресс»)[2].

В 1895 г. Габд. Ибрагимов опубликовал за границей публицистическую книгу «Чулпан йолдызы» («Утренняя звезда»), которая пользовалась большой популярностью среди мусульман Волго-Уральского региона и тайно передавалась из рук в руки. По мнению Галимджана Ибрагимова, эта работа, освещающая незавидное положение мусульман в России и призывающая к реформам и приобщению к европейской культуре, была до революции 1905–1907 гг. «единственным голосом вопиющего в пустыне»[3].

Надир Давлет считает эту брошюру первым политическим документом, составленным представителем тюркских народов России. Её автор обращает внимание на политику власти, направленную на сокрытие истинной численности мусульманского населения империи: хотя называют 16 млн, однако если считать Бухару в составе России, то численность мусульман составляет около 30 млн, считает Габд. Ибрагимов. В качестве положительного примера он приводит казанских татар, которые, несмотря на четырёхвековой гнёт русского правительства, сохраняют древние традиции, относятся к друг другу как дети одного отца, стараются не походить на русских, являются приверженцами своей трационной кухни и питания, не отворачиваются от национальной одежды. Наряду с религиозностью проявляется стремление к прогрессу, это очень серьёзное желание, и они сами стремятся к этому, подчёркивает Габд. Ибрагимов[4].

Он также обращает особое внимание на неравноправие мусульманских народов в государстве, пишет, что татары, получившие светское образование, ставятся русской администрацией в неравные условия по сравнению с христианами: выпускники

---

[1] Он родился в семье ахуна Тары, обучался в медресе Тобольской и Казанской губерний. В период обучения в Медине (1879–1885 гг.) познакомился с трудами исламского реформатора Индии Сайд Ахмед-хана (1817–1898), видевшего возможность прогрессивного развития единоверцев в просвещении и распространении среди них достижений европейской науки и культуры, с работами основоположника доктрины панисламизма Джемаль ад-Дин аль-Афгани (1839–1897). В годы учёбы в Медине Ибрагимов убедился в необходимости коренного реформирования системы религиозного образования в России, разработки новой методики обучения, обновления программы за счёт включения в неё естественных дисциплин (*Галимуллин Ф. Ф.* Публицистические произведения Габд. Ибрагимова как источники для изучения татарского общественно-политического движения (начало XX в.): дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003. – С.14–22).

[2] *Галимуллин Ф. Ф.* Указ. соч. – С. 36.

[3] *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. – Казан, 1984. – 7 т. – 267–268 б.

[4] *Дәүләт Н.* Руссия төркиләренең милли көрәш тарихы (1905–1907). – Казан, 1998. – 67–68 б.

университетов с юридическим образованием занимают максимум лишь должности помощника прокурора, для получения генеральского звания мусульманам, как и полякам, финнам, евреям и раскольникам, нужны «особые причины»[1].

Дальнейшие действия Габд. Ибрагимова после возвращения на родину во многом повторяли шаги И. Гаспринского по трансляции своих идей среди мусульманского населения. В 1896–1897 гг. он совершил поездку по отдалённым регионам расселения мусульман, познакомился с местными лидерами, в 1900 г. начал издавать в Санкт-Петербурге альманах «Миръат яхуд көзге», получивший в народе название «Көзге» («Зеркало»). В 1902 г. издал 8, в 1903 г. 4, в 1907–1909 гг. ещё 4 номера альманаха.

В 1902–1903 гг. Габд. Ибрагимов посетил Японию, где вёл антироссийскую агитацию, за что по просьбе российского посольства был выслан из страны. Возвратившись в столицу, он продолжал издавать свой алманах. Весной 1904 г. Ибрагимов вновь уехал в Стамбул, где его политическая деятельность привлекла внимание русской разведки. Членами организованного им кружка, состоявшего из российских эмигрантов, была составлена программа требований с целью добиться расширения гражданских прав соотечественников-единоверцев в областях образования, управления духовными делами и вероисповедания, в которой впервые российские мусульмане рассматривались как единое культурно-социальное сообщество. Важно отметить, что документ был отправлен не только ряду соотечественников, в том числе оренбургскому купцу 1-й гильдии Махмуту Хусаинову, но и в посольства Англии и Германии, находившиеся в Стамбуле.

Суть основных требований программы заключалась в расширении религиозно-культурной автономии мусульман: прекращение практики назначения на должности муфтия лиц, окончивших русские учебные заведения (читай: не имеющих религиозного образования) (п. 2); предоставление им права самим избирать членов и председателя (муфтия) религиозных управлений (п. 1); передача управления религиозным и национальным образованием муфтию и попечителям школ (п. 3); разрешение

---

[1] Первейшим условием «светлого будущего татар» автор считает реформирование ОМДС. С целью повышения нравственного авторитета ОМДС, устранения взяточничества во время экзаменов и формальности испытаний кандидатов в муллы он предлагал повысить ежемесячное жалованье заседателям религиозного управления, определять на эти ответственные должности честных, старательных учёных, назначение которых должно было, по его мнению, осуществляться путём проведения муфтием совещаний с представителями татарской элиты – учёными и баями. Кадии, в свою очередь, были призваны превратить религиозное управление в авторитетный институт мусульманского сообщества, повысить требования к кандидатам на духовные должности.

С целью укрепления связей ОМДС с духовенством им предлагалось проводить ежегодные совещания с участием видных учёных с тем, чтобы деятельность ОМДС была направлена на претворение в жизнь коллективных решений лидеров нации. Важнейшими источниками внебюджетных поступлений ОМДС, по мнению Габд. Ибрагимова, могли бы стать ведомственная газета религиозного учреждения с обязательной подпиской всех духовных лиц, издание Корана исключительно в типографии ОМДС. Ибрагимов считал, что религиозное управление должно взять на себя заботу о подготовке талантливых шакирдов, премировать и награждать медалями их учителей и публично критиковать беспечных мударрисов. Такой подход, по его убеждению, позволил бы приблизить проведение реформы в мусульманском сообществе. Введя стипендии в медресе и стимулируя шакирдов к получению знаний, духовные лица, считал он, должны прекратить личные склоки, ссоры и читать прихожанам проповеди, полезные для современной и загробной жизни (см.: *Галимуллин Ф. Ф.* Указ. соч. – С. 36–40).

бракоразводных дел и вопросов наследства исключительно по нормам шариата (п. 7); «дарование» сельским общинам «полного самоуправления» и запрещение объединять их с русскими крестьянскими общинами (п. 15); открытие лавок мусульман в дни христианских религиозных праздников (п. 24), прекращение практики похорон умерших мусульман лишь после выдачи свидетельства о смерти (п. 28).

В отдельную группу можно выделить требования, направленные на реализацию принципа добровольности изучения и распространения государственного языка: необязательность введения в школах светских наук, знания имамами русского языка и преподавания на нём (п. 4, 6); освобождение от угрозы закрытия учебных заведений в случае отказа мусульман от светских предметов (п. 5).

Ключевыми в понимании требований о свободе вероисповедания являлись положения о реализации в России принципа свободы совести: «никому не запрещать исполнять заповеди божественного закона» (п. 11); «вернуть нам наши права и свободу совести» (п. 23); даровать «полную свободу» в религиозных делах (п. 25); прекратить христианское просвещение мусульман (п. 17); разрешать желающим переходить в ислам (п. 22); прекратить «записи священниками мусульман в приходские книги христианскими именами» (п. 20) (видимо, имеются в виду возвратившиеся в ислам крещёные татары, которые российским законодательством не признавались мусульманами. – *И. З.)* и др.

Ряд положений был связан с необходимостью защиты религиозных прав и достоинства мусульман от посягательств светской власти, РПЦ и христиан: «не глумиться» над исламом (п. 19); не вмешиваться земским начальникам «в дела о разводах» (п. 29). Защита религиозных прав военнослужащих мусульман сводилась к назначению в каждой войсковой части, где проходили службу мусульмане, военного муллы, к запрету кормить их свининой (п. 26); «непринуждению их воевать против единоверцев» (п. 27). В плане предоставления равных прав с православными священниками представляет интерес предложение об освобождении мулл от воинской повинности (п. 16). Имелись требования, посвящённые защите религиозных прав казахов-кочевников: прекратить христианское просвещение среди казахов, дозволять им свободно исповедовать ислам и поступать по мусульманскому закону (п. 10), разрешать татарским и казахским улемам преподавать казахам основы ислама (п. 8, п. 9).

Экономические требования программы подразумевали следующее: прекратить «самовольство» местной администрации, препятствующей «особенно казахам» вести коммерческие операции, даже при наличии «промыслового свидетельства» (п. 14); восстановить в собственности (не отбирать) земли мусульман, прибывших из Хивы и Бухары и поселившихся в Сибири (п. 12); «упразднить налог мусульман, на которых построены их дома» (п. 13); освободить казахов и крымских татар, сданных в арестантские роты или высланных в административном порядке или приговорённых к каторжным работам, за подписание ими документов, содержание которых они не читали (п. 31, 32)[1].

Таким образом, стамбульские требования Габд. Ибрагимова были направлены на достижение российскими мусульманами равных прав с русским населением империи и расширение религиозной культурной автономии, они сыграли важную роль в трансформации приоритетов национального движения в начале XX в.

---

[1] ГА РФ. – Ф. 102, ДПОО. – Оп. 226 (1898 г.). – Д. 11. – Ч. 3. – Л. 166–169 об.

Не позднее 29 апреля 1904 г. в МИД России поступила петиция на французском языке от некоего «хаджи Ахмет из Казани», в действительности письма отправлялись почтой из Стамбула[1]. Называя себя представителем мусульманской общины в России, он просил министра иностранных дел довести до императора его требования по изменению существующего порядка управления мусульманским населением страны.

Петиция «хаджи Ахмета из Казани»[2] во многом перекликается с вышерассмотренным прошением Габд. Ибрагимова.

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 210, 218.

[2] В нём «хаджи Ахмет из Казани» ставил перед российским государем следующие требования:

1) Предоставить право самим мусульманам выбирать муфтиев и кадиев.

2) Не должно быть обязательным для кадиев и муфтиев, выбираемых мусульманами, «знание по-русски», т. е. завершение курса высшего учебного заведения.

3) Предоставлять самим мусульманам право выбора учебных дисциплин в мектебе и медресе и назначения мударрисов и учителей, которые должны быть достойными требованиям шариата.

4) Обучать в медресе по-прежнему только вероучению и шариату.

5) В случаях нежелания самих мусульман учиться русскому языку в медресе, то не закрывать эти учебные заведения.

6) Не должно быть обязательным для имамов знание русского языка.

7) Осуществлять по-прежнему по шариату бракосочетание и разводы между супругами.

8) Не отказывать улемам обучать казахских детей.

9) Не отказывать казахам обучать своих детей мусульманскому вероучению.

10) Не выдавать казахам вместо читаемого Корана Евангелие и не требовать их посещения русских церквей.

11) Предоставить всем мусульманам полную свободу в сфере веры и шариата.

12) Не отбирать в казну земель бухарских и хивинских выходцев-переселенцев России.

13) Освободить этих переселенцев от усадебных налогов.

14) Предоставлять свободную торговлю казахам, получившим торговые свидетельства.

15) Не раздроблять волости с мусульманскими селениями и не соединять их с русскими селениями.

16) Избавить мусульманских духовных лиц от всех государственных сборов.

17) Не требовать, чтобы мусульмане подчинялись церквам и записывали имена их в церковных книгах (речь идёт об «отпавших» в ислам. – *И. З.*).

18) Не требовать от мусульман подписей к бумагам неизвестного содержания посредством военной силы.

19) Допустить в России полную веротерпимость, отнюдь не ругать и не издеваться над исламом и пророком.

20) Не требовать, чтобы мусульмане были записаны в церковные книги, если имеются такие, то освобождать от такой записи.

21) Считать недействительными собранные подписи мусульман по «неизвестным бумагам».

22) Допускать полную веротерпимость желающим принять ислам из числа других наций.

23) Возвратить мусульманам полную свободу торговли в дни русских праздников.

24) Не употреблять оружие военнослужащих мусульман против своих единоверцев.

25) Не кормить военнослужащих мусульман свининой, запрещённой шариатом.

26) В случаях обыкновенной смерти мусульман предать их земле по-прежнему без разрешения начальства.

27) Не вмешиваться властям в бракосочетания и разводы мусульман.

28) Дать крещёным татарам свободу верования по их желанию.

29) Освободить сосланных в Сибирь и осуждённых мусульман за сопротивление за веру. Объявить высочайшим указом о разрешении всех вышеописанных положений (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 217 об.–218 об.).

Канцелярия Николая II по принятию прошений 21 декабря препроводила министру внутренних дел ещё одно ходатайство на французском языке, составленное 5 апреля 1904 г. «хаджи Ахметом из Казани» и адресованное министру иностранных дел. Автор прошения сообщал о решении мусульман России обратиться к государствам Европы по поводу существующих «преследований» их единоверцев в империи с тем, чтобы международное сообщество «во имя человеколюбия и справедливости» сделало российскому правительству «представление, допускаемое в подобном случае международным правом для облегчения их страданий» (текст, видимо, переводил человек, не искушённый в исламском вопросе, поэтому имеются не соответствующие существующей терминологии понятия). Примечательно то, что, хотя письмо послано из Казани, в нём освещаются главным образом проблемы казахов и татарских городских общин Степной области. На данной территории с конца 1860-х до середины 1890-х гг. губернскими и уездными властями осуществлялась откровенная антиисламская политика.

Данное письмо было, видимо, разослано в дипломатические представительства европейских государств в России. Текст петиции был, в частности, опубликован в газете «Тюрк» (Каир). По мнению венгерского ориенталиста Арминия Вамбери, опубликовавшего этот документ в своей статье «Пробуждение татар» (1905 г.), эта петиция свидетельствует о существовании «у татар мечты о политической свободе и свободе совести [...] не лишена преувеличений, однако она даёт картину скрытого недовольства мусульманских подданных российского царя»[1].

«Россия, вопреки требованиям цивилизации настоящего века, когда все права человечества и народов охраняются, лишила всеми деспотическими способами своих подданных мусульман не только прав гражданских и политических, но и естественных. Она уничтожила или отменила все договоры, одобренные или подписанные иностранными государствами относительно прав и разъяснений, дарованных как в отношении свободного вероисповедания их веры, так и в отношении управления их духовными установлениями», – такими словами начинается обращение.

Одним из главных претензий называется отмена российской властью «закона, установленного в 1787 г., в царствование Екатерины II», об учреждении духовных управлений в Уфе, Крыму и других городах. Этот указ составитель называет «знаком веротерпимости»[2].

Составитель письма сетует также на отмену екатерининского указа 1792 г. о посылке в кочевья улемов «с вознаграждением от правительства» для обучения казахов основам ислама, который также освободил бухарцев в Западной Сибири от торговых налогов и личных податей. Автор возмущается реализуемой политикой массовой насильственной христианизацией казахов, которых церковные власти крестили до 40 тыс. чел. Он также осведомлён о насильственных действиях полиции и священников, которые по дозволению самарского губернатора «силою заставляют мусульман подписывать заявление о желании креститься».

---

[1] *Вамбери А.* Пробуждение татар / пер. А. Арслановой // Татарстан. – 1996. – № 11. – С. 27, 30.

[2] Автор указывает, что управление вакуфами вверено русским должностным лицам МНП, которые «вовсе не заботятся о том, что принадлежит мусульманам. Между тем правительство взымает с мусульман те же налоги, что и с христиан, которые пользуются всеми преимуществами».

Далее автор задаётся вопросом «Каким образом хотят в век полной цивилизации силою деспотизма и фанатизма заставить переходить из одной веры в другую? Будет ли это справедливо и сообразно со славою России делаться цивилизованным государством?»

Автор описывает пагубные последствия внутриполитического курса самодержавия для крымских татар и считает, что в данном варианте ТМДП можно считать упразднённым, крымские татары взяты на службу в казацкие полки и отправлены на русско-японскую войну, на Дальном Востоке воюют с теми, кто им ничего не сделал, сражаются «за [...] христианина, который отнял у них все преимущества, веру, религию и все гражданские права».

Упразднёнными религиозные управления в Уфе и в Крыму автор считает потому, что русское правительство в 1893 г., побуждаемое православным духовенством, заменило муфтиев и кадиев на лиц с русским университетским образованием: «Председательствуя в Духовном собрании, они не знали ни религии, ни законов ислама. Таков настоящий муфтий в Оренбургской губернии, который, как, впрочем, и его предшественник, далеко не сведущий в религии, не знает даже татарского языка, родного языка русских мусульман [...] Начиная с этого времени, мусульмане лишились права избирать своих председателей и членов, так что религиозные споры мусульман решаются в русских судах судьями, питающими к исламу наследственную ненависть, поддерживаемую официальным фанатизмом духовенства».

В качестве примера ущемления прав татар-мусульман автор приводит, видимо, хорошо ему известные факты из жизни мусульманских общин последних лет: 1) предложение епископа Томской епархии в Кокчетаве запретить вести татарам и муллам наследственные и брачные дела по мусульманским канонам; 2) действия начальника Акмолинской области Сухотина, который запретил имамам преподавать и совершать молитвы в мечетях, а татарам иметь какие бы то ни было контакты с казахами. За игнорирование этого предписания имам Кокчетава Нуруз мулла и два его сослуживца были высланы из поселения без суда и следствия.

Активность миссионеров автор выводит из изданной в 1895 г. книги «Письма Н. И. Ильминского обер-прокурору Св. Синода П. Д. Победоносцеву», материалы которой «достаточно ясно указывают мусульманам на дурное намерение России уничтожить их религию и истребить мусульманское племя». С таким категоричным выводом, исходя из переписки двух влиятельнейших идеологов этноконфессиональной политики государства и вдохновителей миссионерского дела в империи, в целом можно согласиться.

Дискриминацию мусульман автор видит в записи в официальных документах 40 тыс. мусульман, несмотря на их протесты, христианскими именами, а также в заключении протестующих в тюрьмы и в их смерти в местах заключения и крепостях Сибири, куда они были сосланы.

Далее в тексте приводятся различные случаи принуждения мусульманского населения отдельных селений Волго-Уральского региона подписывать бумаги, в которых будто бы речь шла об их согласии перейти в христианство. Автор продолжает: «Мы усиленно протестуем против этих тиранств и объявляем, что все подписи, которые русское правительство могло получить, были даны не по воле, а под угрозами и чтобы избежать мучения. В продолжение 4 веков, которые находимся в России, мы значительно страдали, но наши страдания не были, как последние годы,

образцами инквизиции печального прошлого. Русское правительство и христиане, побуждаемые к фанатизму русскими священниками, ищут везде [повод] раздавить мусульманское население в его религии, его вере и нравственности. Мы не можем работать в христианские праздники, свободная торговля нам запрещена, наши сношения с единоверцами ограничены, наши книги уничтожены, мы не можем более сносить эти мучения. Наши книги уничтожены, наши дети замучены, наши земли похищены, наша молодёжь в первых рядах сражений». Такую принципиальную оценку даёт автор инициативам правительства последних двух десятилетий, предпринятым против мусульман, которые проливают кровь за российское государство в войнах.

Автор весьма низко оценивает правовое положение мусульман в Российской империи: «Мы не можем более сносить эти мучения. В продолжении мы терпим преследование – политико-религиозное, нравственное и материальное. У нас не остаётся более терпения. Мы вынуждены обратиться к европейским государствам, которые защищают не только права человечества, но и учреждают заведения для покровительства угнетаемых животных, чтоб просить их защиты против этих злоупотреблений».

В заключении составитель письма обращается к министру иностранных дел с просьбой о том, чтобы «императорское высочество принял необходимые меры к прекращению преследований, возвратив нам свободу совести и религии, а также преимущества, приобретённые договорами и конвенциями, подписанными и одобренными, или же полученными путём соглашений и милостей. Мы хотим надеяться, что Россия для блага всего человечества и своего духа пожелает принять во внимание нашу просьбу и благоволит сделать возможное для облегчения наших страданий и поможет настоящему положению вещей»[1].

На наш взгляд, это письмо выражает в целом общественное мнение широких слоёв мусульманского населения в этот период и свидетельствует о существовании во взаимоотношениях у части мусульман с имперской властью глубокой пропасти и недовольства.

Отдельные факты унижения мусульман автор рассматривает как системные явления и делает на их основании концептуальные выводы.

7 августа 1904 г. в генеральном консульстве России в Стамбуле Габд. Ибрагимов был задержан и переправлен в Россию. Информация о его аресте получила широкое распространение среди мусульман России. Благодаря материальной, моральной поддержке друзей и отсутствия веских улик 21 августа он был освобождён из тюрьмы Одессы[2].

20 сентября в Москве Габд. Ибрагимов встречался с лидерами земского либерального движения, получил от М. А. Стаховича текст его доклада о реформе государственных нужд России. Габд. Ибрагимов сумел встретиться с министром внутренних дел П. Д. Святополком-Мирским, которому рассказал о нуждах единоверцев. Министр в ответ заявил, что о своих нуждах мусульмане должны сами официально заявить правительству.

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 791. – Л. 219–226 об.

[2] ГА РФ. – Ф. 102, ДПОО. – Оп. 226 (1898 г.). – Д. 11. – Ч. 3. – Л. 163–163 об.

В начале октября он прибыл в Казань, встречался с молодыми писателями, затем посетил крупные образовательные центры и татарские общины. В д. Иж-Бобья Вятской губернии встречался с Габдуллой и Губайдуллой Буби, в Троицке Оренбургской губернии, с лидерами местной общины – купцом Абдулвали Яушевым и А.-Х. Рахманкуловым, слушал их суждения о сложившейся ситуации в стране. М. Бигиев отмечал, что всюду, куда бы не приезжал Габд. Ибрагимов, он встречал готовность к активным действиям во имя общественных интересов мусульман. Очевидно, революционные события, невиданная доселе демократизация общественной жизни в стране, модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе способствовали повышению социальной активности региональных лидеров. В Уфе общался с И. Ахтямовым, К.-М. Тевкелевым, Ш. Сыртлановым. Здесь же возникла идея об организации в Мензелинске во время межрегиональной ярмарки (конец декабря – начало января) своего рода собрания представителей мусульман Волго-Уральского региона. Желая распространить свою мысль об этом, он 20 ноября разослал письма авторитетным деятелям современности – Абдулвали Яушеву, братьям Буби, 28 ноября отдал Ш. Шафигуллину, Ш. Хальфину, Г. Баруди, Г. Камалетдинову (Камалу), С. Аитову копию доклада съезда земских деятелей. Во многом благодаря этой переписке на местах возникла идея о подаче ходатайств на имя председателя Кабинета Министров Витте. Петропавловским ахуном Яушевым также было составлено прошение, которое в начале января 1905 г. препроводили адресату[1].

Огромную роль в дальнейшем развитии идеи политической консолидации мусульманского сообщества России сыграл Юсуф Акчура (1876–1935) – татарский лидер нового поколения, сыгравший в начале XX в. ключевую роль в становлении общетюркского движения в России, автор теоретического труда о политическом тюркизме «Три вида политики» (Каир, 1903 г.). Он пользовался репутацией поевропейски образованного интеллектуала.

Именно с ним в середине января Габд. Ибрагимов встречался в Казани. Ими было принято решение о привлечении мусульманского населения Крыма и Кавказа и об организации всероссийской партии мусульман[2]. Был составлен список мусульманских общественных деятелей для предварительного обсуждения этого вопроса в феврале 1905 г. в Санкт-Петербурге. Об этих намерениях Ю. Акчурин написал И. Гаспринскому, а Габд. Ибрагимов – Алимардану Топчибашеву. В письмах выражалась просьба в феврале 1905 г. прибыть в столицу. Так постепенно формировалась идея политического объединения мусульман России.

Ограниченность во времени для проведения совещания не позволила всем сторонам собраться вместе. Когда прибыла группа мусульман из Казани, отсутствовали представители Кавказа, когда прибыли кавказцы, не было крымчан.

8 апреля в петербургской квартире Габд. Ибрагимова помимо Г. Максудова, И. Ахтямова собрались представители Кавказа – А. Топчибашев, А. Агаев,

---

[1] *Сенюткина О. Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). – Н. Новгород, 2007. – С. 215–218.

[2] Там же; ГА РФ. – Ф. 102. – ДПОО. – Оп. 226 (1898). – Д. 11. – Ч. 3. – Л. 175 об.

А. Хусаинзаде. Признав, что в России мусульманам нужно действовать солидарно, было постановлено о созыве всеобщего мусульманского съезда. Когда собрались написать об этом решении И. Гаспринскому, от него пришла телеграмма с извещением о выезде крымских представителей в столицу. В тот момент, когда представители мусульман Кавказа были в Петербурге, было получено известие о том, что муфтий М. Султанов созывает совещание в Уфе. Узнав об этом, А. Топчибашев предложил отправить из Санкт-Петербурга особых представителей данного совещания. Однако под предлогом того, что не было делегации из Крыма, никого не было послано[1].

И. Гаспринский, посетивший Петербург несколькими днями позже, также поддержал идею создания партии, которая могла бы защищать интересы мусульман России[2]. Было решено о проведении съезда в Нижнем Новгороде, в дни Нижегородской ярмарки. Представители казахов из Тургайской области во главе с Байрам Сал хаджи и Бахатжан Каратаевым и др., встретившись с Габд. Ибрагимовым, также поддержали его идею. Казахи из оренбургских степей, поверив обещанию генерала Чингиз-Хана об устройве им встречи с императором Николаем II, воздержались от сотрудничества с Ибрагимовым[3].

Вторым подготвительным мероприятием будущего съезда партии «Иттифак аль-муслимин» стал меджлис, состоявшийся 20 мая 1905 г. в доме Закира Камалова по случаю свадьбу одной из сестёр. На этом совещании, в котором участовала большая группа татарских общественных деятелей, была поддержана идея о создании новой общемусульманской партии и проведении съезда на Нижегородской ярмарке. Габд. Ибрагимов предложил также собравшимся учредить общество «Нәшер-и мәгариф» («Издательство и просещение»), что, однако, не было реализовано[4].

Таким образом, логическим продолжением развития татарского национального движения в 1905 г. стало учреждение в августе Всероссийской партии мусульман «Иттифак аль-муслимин».

Петиционная кампания 1905 г.

В начале XX в. среди различных слоёв населения и этничских групп наблюдалось усиление общественного напряжения. Имперская власть пыталась адекватно реагировать на происходившие изменения общественно-политической ситуации, одним из ответных мер которой стал манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» 26 февраля 1903 г., в котором были обозначены главные проектируемые реформы власти на ближайшее время.

---

[1] Как было рассмотрено, в Уфе 10 апреля 1905 г. было созвано совещание с участием около 39 духовных лиц.

[2] *Галимуллин Ф. Ф.* Указ. соч. – С. 92.

[3] *Дәүләт Н.* Указ. соч. – С. 80.

[4] Там же.

Первым среди них была названа необходимость улучшения религиозных прав нерусского населения: «Укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах империи Российской, которые, благоговенно почитая Православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной» [1].

Однако каждую реформу правительства мусульмане ожидали с опасением, предполагали, что она может привести к ущемлению их религиозных прав. В этой связи показательна принципиальная позиция лидеров казанской общины, для которых 1904 г. ознаменовался первой аудиенцией у директоров департаментов и министра юстиции. На основе слухов о том, что проект нового гражданского уложения вводит изменения в брачное и разводное право мусульман, противоречащие шариату, казанцы отправили письменные протесты, адресованные ОМДС и МВД. Одновременно в начале апреля в столицу в качестве доверенных были делегированы В. Гизатуллин, Х. Галеев и А. Сайдашев, которые были приняты директором ДДДИИ А. Н. Мосоловым, директором департамента Министерства юстиции и министром юстиции графом Н. В. Муравьёвым. Петербургские сановники уверили казанцев в том, что новое гражданское уложение не коснётся шариатских и религиозных интересов мусульман[2].

Известие о поражении российской армии в русско-японской войне, развеявшее миф о могуществе и непобедимости Российской империи и ударившее по незыблемому авторитету самодержавия, и начавшаяся в 1905 г. первая русская революция обусловили новые явления в политической и общественной жизни страны и различных этнических групп населения.

Обновление общественно-политической жизни проявлялось также в усилении протестов нерусского населения по поводу неразрешённости «национального вопроса». Невиданный до тех пор подъём национальных движений указывал на необходимость оперативного решения возникающих проблем. Именной «высочайший» указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. стал публичным заявлением о намерении прекратить дискриминацию российских подданных по конфессиональному признаку[3].

Следующим шагом имперской власти явился указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., декларировавший новую эпоху межконфессиональных отношений в России. Впервые было публично объявлено о предоставлении каждому российскому подданному свободы вероисповедания[4]. Открыто разрешался переход из православия в ислам номинальных христиан, лишь числящихся

---

[1] ПСЗ-3. – Т. 23. – № 22581.

[2] *Казанец*. Казань // Тарджеман. – 1904. – № 30. – 13 апр.

[3] ПСЗ-3. – Т. 24. – № 25495.

[4] Высочайше утверждённые, 17 апреля 1905 г., положения Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости // О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 года. Издание неофициальное. – М., 1905. – С. 7.

православными, в действительности исповедующих ислам, к которому до христианизации принадлежали сами они или их предки (ст. 3).

Вышеназванные законодательные акты сформировали у поликонфессионального населения страны, в том числе у мусульманского сообщества, веру на возможность расширения своих религиозных и политических прав. На социальное поведение мусульманского населения также оказывали влияние местные события и встречи общественных лидеров мусульман с российскими сановниками в столице, что стало в революционном 1905 г. обычным явлением.

В условиях объявления властью свободы вероисповедания большую актуальность для этноконфессиональных меньшинств приобрёл вопрос отдыха в религиозные праздники. В начале 1905 г. Саид-Гирей Алкин и Ахметзян Сайдашев «засветились» в Совете министров ходатайством об удовлетворении религиозных нужд торговцев-мусульман[1]. Между тем казанский губернатор 11 апреля 1905 г. утвердил обязательное постановление Городской думы об ограничении времени торговли в воскресные дни всех торговцев, независимо от вероисповедания, сделав лишь исключение лишь для немногих кварталов Новотатарской слободы, где почти вовсе нет торговли, кроме небольших съестных лавок[2]. Это событие вызвало протест местного общества, телеграммой известившего правительство об ущемлении своих прав, затем в дополнение к телеграмме уполномоченные – купец Курбангалей Кашаев и мещанин Шарафутдин Исмагилов адресовали председателю Комитета министров жалобу[3].

Одновременно в апреле имамы соборных мечетей Казани представили в Комитет министров свою петицию, расценив постановление Городской думы «чистым глумлением» над торговцами и «насилием» над мусульманской религией и просили отменить злополучное постановление как акт, стесняющий мусульманскую религию и обездоливающий бедноту[4].

Данной проблемой всерьёз занялось вновь организованное Министерство торговли и промышленности, запросившее мнение биржевых комитетов и предпринимателей по этому поводу. Разброс взглядов способствовал созыву в столице Министерством финансов «Совещания для обсуждения законопроекта по вопросу об обеспечении нормального отдыха служащих в торгово-промышленных заведениях, складах и конторах» (31 мая – 3 июня 1905 г.), в котором, помимо приглашённых предпринимателей и служащих различных общественных организаций, участвовали представители всех заинтересованных ведомств: Синода и министерств – внутренних дел, юстиции, торговли и промышленности, военного, народного просвещения и др. Из мусульман Российской империи на совещании присутствовали трое казанцев: юрист С.-Г. Алкин и купцы С. Галикеев и А. Сайдашев.

---

[1] *Усманова Д. М.* Указ. соч. – С. 361–363.

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 482. – Л. 135 об.

[3] Требовали временно приостановить постановление Казанской городской думы в целом или хотя бы части, касающейся мусульман, заявив при этом, что они готовы принять общегражданские праздники, т. е. табельные дни, в то же время желали бы установить праздничный отдых для мусульман в неделю по пятницам, а в году – по большим годовым праздникам (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 12–13).

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 14–15.

Прибывшие на совещание татары выступали от имени соотечественников-мусульман. Юрист С.-Г. Алкин обосновывал вопрос о праздничном отдыхе с провозглашённым 17 апреля законом об укреплении начал веротерпимости, поставившим на повестку дня пересмотр законоположений, ущемляющих права неправославных: «Мы ходатайствуем, чтобы был праздничный отдых, но чтобы нам было предоставлено вместо воскресенья праздновать пятницу и чтобы нам было предоставлено праздновать те праздники, которых у нас не меньше, чем у православных. Мне говорили, что по разным причинам это неудобно: во-первых, потому, что установление праздничного отдыха не имеет отношения к религии, так как этим имеется в виду предоставить только чисто физический отдых. Этого нельзя, однако, сказать; ведь мы не говорим, что шесть дней работай, а один – когда хочешь, – отдыхай, но именно принимаются в соображение религиозные вопросы: говорят, что этот день предоставить для религиозного и нравственного воспитания, которое создаёт крепость общественную и семейную. Следовательно, тут имеется в виду и нравственное улучшение служащих»[1].

А. Сайдашев сфокусировал внимание присутствовавших на необходимости соблюдать принцип равноправия торговцев различных вероисповеданий: «Нас в России 15–20 миллионов; кажется, мы для России люди полезные, мы работаем для России, кровь проливаем, но дайте нам праздновать только наши праздники, так же как вы празднуете воскресенье, иначе наши торговцы не будут торговать целый день в воскресенье, целый день в пятницу; у нас 52 пятницы и более 10 дней других праздников [...] Нам признавать христианские праздники – это посягательство на нашу религию; наш чёрный народ говорит: «Теперь заставляют праздновать

---

[1] Далее он продолжал: «Таким образом, мусульмане, которые готовы скорее отказаться от отдыха, чем чтить иноверные праздники, получают вместо праздничного отдыха будни, в которые они не будут заниматься. Куда же они пойдут, раз для них нет занятий. А в те дни, которые они должны посвящать религиозным, семейным обязанностям, они должны работать. Говорят: ведь есть другие национальности, которые не просят об изменении этого, но от того, что не просят одни, нельзя отказать тем, кто просит. Мусульмане сосредоточены в пяти-шести губерниях, т. е. они сосредоточены только в одной местности. Для них можно сделать исключение, и это не может явиться затруднением для правительства. Но почему не предоставить и другим возможность праздновать свои праздники. У нас дают для окраин одни законы, для центра – другие, почему и для мусульман не дать особого закона. Мы – народ побеждённый, мы покорились и никогда претензий не предъявляли, мы говорим только: позвольте нам сохранять нашу религию, в остальном мы покоряемся и всегда правительство с этим считалось. Говорят, тут имеет значение конкуренция, если одним торговля дозволена, нужно и другим дозволить, но это не имеет значения: посмотрите на Запад – там в некоторых местностях не торгуют по субботам и не жалуются на конкуренцию. На первое время могут быть недоразумения, но потом появится привычка. Моё заявление, может быть, покажется диким – может быть, так как всеми присутствующими не затрагивается вопрос религиозный, вам покажется странным, что я говорю об этом, но у нас вопрос о праздновании воскресений затрагивает самые святые чувства. Народ трепещет, что хотят как-то поколебать его религию; у него появляется желание во что бы ни стало держаться своего, и мы просим сделать исключение для мусульман. 800 000 населения Казанской губернии с боязнью ждут решения этого вопроса» (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 482. – Л. 143–144 об.).

христианские праздники, потом заставят закрывать наши храмы». Это надо иметь в виду»[1].

В итоге участники совещания высказались за предоставление местным органам самоуправления возможности производить необходимые «изъятия» из общеимперского законодательства и предоставлять при необходимости в некоторых местностях «иноверцам» право торговать в христианские праздники, но не более пяти часов в день[2].

После закрытия совещания от имени мусульманского населения Казани десять купцов обратились к председателю Особого совещания по делам веры графу А. П. Игнатьеву с прошением, в котором заявили, что в проекте закона о праздничной торговле мусульмане усматривают «цель чисто миссионерскую»: просили изменить его § 5, который «оскорбляет религиозное чувство мусульман и, в случае проведения его в жизнь, может повлечь за собой неисчислимые бедствия, подобно Бакинским, так как закон в этом виде вносить жестокую несправедливость по отношению к мусульманам». Просили дополнить § 5 примечанием о том, что «мусульмане пользуются правом прекращать торговлю по пятницам и другим мусульманским праздникам, без ограничения для них времени торговли в воскресные дни и двунадесятые (христианские) праздники, не исключая при этом и первых дней св. Пасхи, св. Троицы и Рождества Христова»[3].

Одним из знаковых элементов политической активности мусульман Волго-Уральского региона в 1905 г. стало проведение петиционной кампании, адресованной Комитету министров[4]. Следует отметить, что преамбула, вводная часть практически всех ходатайств содержат выражение верноподданнических чувств и законопослушности российскому монарху, напоминание о патриотизме мусульман и нередко акцент на непринятие мусульманами революционных настроений, направленных против власти. В то же время прямой ссылкой или опосредственно на этом основании делается вывод о правомерности распространения на них одинаковых прав с русскими[5].

Если ранее прошения подавались уполномоченными мусульманских обществ, то в 1905 г. наблюдался отход от этой тактики. Дело в том, что путём составления общественных приговоров мусульманские общества брали под свою опеку уполномоченных, которым наказывалось исполнение решения «мира». В условиях официального разрешения подачи прошений о нуждах и притеснениях, т. е. при отсутствии наказания на свой проступок, активизировались духовные лица, которые тем самым позиционировались как корпоративная социальная группа[6]. В ряде

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 482. – Л. 144 об.

[2] *Усманова Д. М.* Указ. соч. – С. 365.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 10. – Д. 23. – Л. 13 об.

[4] Первое прошение о даровании мусульманам политических и гражданских прав поступило на имя премьер-министра С. Ю. Витте от ахуна Петропавловска Г. Яушева в декабре 1904 г.

[5] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 10. – Л. 7–8.

[6] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 21. – Л. 155–155 об., 224–226, 263–266; Д. 25. – Л. 256–256 об.; Д. 31. – Л. 249–350 и др.

случаев они выступали даже в качестве «уполномоченных» местного мусульманского населения, не имея при этом соответствующего общественного приговора, разрешающего такую деятельность[1]. Иначе говоря, брали на себя миссию выражать точку зрения местных мусульман в качестве наиболее компетентных лиц. Активности мусульман способствовала царившая в стране и мусульманском обществе атмосфера всеобщего пробуждения, а также агитация представителей местных элит на участие в петиционной кампании.

Ещё одной особенностью петиционной кампании стало разнообразие содержаний петиций. Если в прошениях сельских обществ отдельных губерний можно выделить несколько вариантов с примерно одинаковыми требованиями, то для большинства ходатайств городского населения характерны оригинальные тексты. Они, как правило, проникнуты идеей равноправия мусульман, им присуща высокая правовая грамотность.

В Казани 23 января 1905 г. по инициативе Габд. Ибрагимова в доме купца А. Хусаинова собрались татарские предприниматели и выработали план организации петиционной кампании[2]. 29 января 1905 г. на собрании с участием около 200 чел. обсуждался и был утверждён текст петиции, составленный адвокатом С.-Г. Алкиным[3]. Многие положения казанской инициативы, поданной от имени «уполномоченных от Казанского мусульманского общества» Ю. Акчуры, С.-Г. Алкина, А. Сайдашева и Г. Апанаева, перекликаются со стамбульской программой требований Ибрагимова 1904 г. (п. 1, 3, 4, 6, 7, 12, 16, 19, 22). Из неё «выпали» главным образом специальные пункты о прекращении христианского просвещения и предоставлении свободы вероисповедания мусульманскому сообществу. Более чётко были сформулированы положения об упразднении ограничений прав татарского населения в отношении жительства, свободной торговли и приобретения недвижимости в ряде регионов России.

Новыми являлись предложения о предоставлении духовенству звания почётного гражданина, легализации вакуфов и подчинении их ОМДС, даровании свободы слова и печати, уравнении прав татарского общества с правами русского населения: возможность занимать общественные и государственные должности, ликвидация ограничений в отдельных профессиях, право открывать общеобразовательные и частные школы с преподаванием в них на родном языке. Следует выделить предложение о приглашении «сведущих лиц» из мусульман, рекомендованных ОМДС, для составления совместно с представителями властей проектов законов, касающихся религиозного и общественного быта мусульманского населения и в целом гражданских прав[4]. Основные положения этой петиции были опубликованы в газете

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 25. – Л. 173–175; Д. 31. – Л. 352–353 и др.

[2] Татария в дни первой русской революции. – Казань, 1955. – С. 47.

[3] *Ибраһимов Г.* Татарлар арасында революция хәрәкәтләре // *Ибраһимов Г.* Әсәрләр: 8 томда. Тарихи хезмәтләр. – Казан, 1984. – 7 т. – 358 б.; *Хабутдинов А. Ю.* От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). – Казань, 2008. – С. 121.

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 1–6 об.

«Тарджеман» (№ 20, 15 марта), став своеобразным сигналом для социальной активности мусульман. Вслед за ходатайством казанцев в столицу поступили более ста прошений в трёх вариантах из сельских обществ губернии[1].

После опубликования именного «высочайшего» указа от 18 февраля 1905 г. о возложении на Совет министров рассмотрения и обсуждения поступающих на высочайшее имя от частных лиц и учреждений «видов и предположений, касающихся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния»[2], казанская депутация 28 февраля в том же составе обратилась к министру внутренних дел, прося «для облегчения задач правительства в деле разработки этих норм [...] привлечь и нас в лице наших выборных представителей к служению Престолу и Отечеству»[3]. Под воздействием этого рескрипта практически одновременно среди представителей региональных элит, главным образом предпринимателей, возникла идея о встрече с сановниками до начала работы этой «комиссии». В результате март и начало апреля стали временем приезда в столицу мусульманских общественных деятелей с целью встречи с высокопоставленными чиновниками и даже императором.

1 марта 1905 г. казанская депутация в составе муллы Г. Апанаева, купца А. Сайдашева, п. п. гр. Ю. Акчурина, юриста С.-Г. Алкина (отсутствовал лишь купец А. Хусаинов)[4] «в качестве представителей всех мусульман России» была принята премьер-министром С. Ю. Витте, председателем совета по делам печати Д. Ф. Кобеко, заведующим делопроизводством Комитета министров Нольде, членом совета по делам печати В. С. Апитаевским. Согласно сообщению А. Сайдашева в газете «Казанский телеграф», столичные сановники выслушали их предложения о путях решения «национального вопроса» и обнадёжили, что их ходатайства будут «внимательно разобраны и удовлетворены». Была достигнута договорённость о разрешении издания в Казани газеты на татарском языке. Однако казанская депутация осталась неудовлетворённой от формальной, кратковременной встречи с министром внутренних дел А. Г. Булыгиным, которая не позволила казанцам изложить все ключевые требования[5].

В марте в столице находился и муфтий М. Султанов. На основании слухов о том, что будто бы он получил разрешение быть представленным Николаю II, группа татарских купцов во главе с З. Шагидуллиным в гостиничном номере муфтия обратилась к нему с просьбой взять на аудиенцию с императором несколько представителей мусульман. За четверть века общения с русскими сановниками М. Султанов стал искушённым чиновником, хорошо усвоил бюрократичекую иерархическую

---

[1] *Сенюткина О. Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). – Н. Новгород, 2007. – С. 220–222.

[2] ПСЗ-1. – Т. 25. – № 25853.

[3] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 11.

[4] Тарджеман. – 1905. – № 26. – 5 апр.

[5] Казанский телеграф. – 1905. – № 3664. – 13 марта.

систему и знал о невозможности такой аудиенции, поэтому в грубой форме попросил купцов удалиться, сообщив, что император никого не принимает. Эта выходка М. Султанова получила осуждение в мусульманском сообществе[1].

В конце марта 1905 г. представители мусульман Казани, Пензы, Тамбова, Петропавловска и других регионов, а также Крыма, Кавказа встречались с председателем Комитета министров. На встрече участвовали крупнейшие татарские предприниматели З. Шагидуллин, М.-З. Рамеев и др. С. Витте отнёсся с пониманием к просьбам, обнадёжил их своей поддержкой.

Кажется, специально для новой встречи с С. Ю. Витте казанская депутация (Ю. Акчурин, С.-Г. Алкин, Г. Апанаев, А. Сайдашев) составила и в последующем передала государственному деятелю «Памятную записку» – политический памфлет (составлен 23 марта 1905 г.), содержащий системное изложение политических требований к самодержавной власти. Важно отметить, что впервые в этом документе были выделены политико-правовые аспекты жизнедеятельности мусульман. Главной идеей документа является раскрытие сути «неодинакового правового положения татарского населения» с другими подданными.

В рамках существующих «приличий», авторы прежде всего выразили своё несогласие с тем, что российская власть относит татарское население, проживающее в Поволжье, Приуралье, Крыму, к «инородцам», к которым российское законодательство чётко относит, кроме евреев, самоедов, калмыков и другие «малокультурные племена отдалённых окраин»: «Правилами о мерах образования населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1976 г. «законодатель низвёл татарское население на степень низшей в стране расы, для которой задачи образования приноровлены к потребностям инородцев, а не коренных обывателей»[2]. По мнению А. Каппелера, в российских реалиях понятие «инородцы» имело фундаментальный и даже расистский потенциал, соответствуя политическим и духовным течениям в русском обществе второй половины XIX в.[3]

Другим принципиальным моментом авторы указывали «неосновательную и огульную» характеристику властями татарского населения в «Журнале совета министров народного просвещения» от 2 февраля 1870 г. (в инструкции, регламентирующей применение «Правил» от 26 марта 1870 г.) как народа, подозрительного по природе. «Подозрительность ни у одного народа не составляет органической черты характера. Она возникает только там, где этому способствуют социальные условия окружающей среды. Если непрерывно, количественно и качественно, известная часть третируется с недоверием к его стремлениям, то он невольно отвечает недоверием

---

1 *Ибраһимов Г.* Татарлар арасында революция хәрәкәтләре. – 358–359 б.

2 Научно-справочная библиотека РГИА. – ПС-255. – Л. 58.

3 *Каппелер А.* Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX в. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.) / сост. и отв. ред. Стефан А. Дюдуаньон, Ксавье Ле Торривеллек, О. Н. Сенюткина. – Н. Новгород, 2012. – С. 32–33.

и подозрительностью». Авторы записки убеждены, что это «натуральный ответ на неуважительное отношение господствующей власти. Наконец, нельзя скрывать и того, что недовольная подозрительность, которая тяготит изо дня в день верующую душу мусульманина, в большей мере питается местной деятельностью миссионеров, превышающих нередко меру дозволенного законом и границы житейского такта и благоразумия»[1].

Охранительные черты в поведении своего народа авторы объясняли тем, что всякая уважающая себя народность «желает сохранить в неприкосновенности и в ограждении от чужого вмешательства сферу своего религиозного мировоззрения и быта. Но вне этого мы живём теми же общегосударственными интересами, как и прочие разноверные группы».

Составители записки убеждены, что как только российская власть откажется от рассмотрения вероисповедания, как главного критерия («мерила») правового положения подданных, то «исчезнут призрачные опасения высшей власти на счёт солидарности нашего отечественного мусульманства с политическим панисламизмом иностранного Востока [...] Искание общих интересов станет бесцельным, если татарское население увидит, что оно пользуется всеми правами религии и народности, а вместе с тем и равенством перед законом со всеми прочими подданными во всех сферах, куда направляется мысль и работа».

В «Памятной записке» перечисляются дискриминационные моменты, касающиеся мусульман, которые должны быть устранены[2]. Назовём ряд ущемлений нехристиан в образовательной сфере: запрет работать домашними наставниками среди христиан, запрет преподавать в средних учебных заведениях и быть членами попечительских советов при женских гимназиях и прогимназиях, дискриминация при определении стипендий студентам высших учебных заведений, лишение учителей русских классов и русско-татарских (башкирских) школ права государственной службы.

По мнению авторов, запрет открывать новые мектебе и медресе без наличия русского класса, который составляет главную статью расхода в школьном бюджете прихожан, приводит к оставлению без начальной школы жителей многих поселений, не имеющих средств для покрытия этих затрат. В результате «правительство обрекает [...] значительную массу мусульман на полное невежество».

---

[1] Научно-справочная библиотека РГИА. – ПС-255. – Л. 61.

[2] Речь шла о следующих положениях имперского законодательства. Ст. 44 «Городового положения» 1892 г. об ограничении доли нехристиан ¼ частью гласных в городском органе самоуправления они оценивали не иначе, как «оскорбительное положение без вины виноватых», которое вызывает раздражительность, доходящую до враждебности. Сообщали, что введённое в 1889 г. правило о включении «нехристиан в присяжные заседатели исключительно каждый раз и личного разрешения министра юстиции» приводит к казусам, когда даже мусульманин, штатный служащий в этом ведомстве, не может наравне с христианами стать обычным путём присяжным поверенным (см.: Научно-справочная библиотека РГИА. – ПС-255. – Л. 61).

Вопиющим ущемлением самодержавия авторы «Памятной записки» назвали ограничения поволжских татар в сфере издания газет, журналов и книг «по чисто религиозно-национальным соображениям» и отказы на их многочисленные прошения в этой сфере[1].

Следует отметить, что в петиции оренбургского муфтия, составленной в марте 1905 г. и адресованной в Комитет министров, также названы наиболее значительные ущемления в отношении религиозных прав мусульман[2]. Исходя из того, что передача мектебе и медресе в ведение учебного ведомства привела лишь «к обострению отношений населения к училищной инспекции, между прочим и на почве заведования училищного начальства Министерства народного просвещения имуществами», муфтий высказался за возвращение мусульманских школ при мечетях и принадлежащего им имущества в заведование мусульманского духовенства, за изъятие мектебе и медресе из ведения МНП. Другим важным предложением стала востребованность распространения на округ ОМДС «более нового и совершенного» устава для управления духовными делами мусульман в Закавказье[3] (эта идея была реализована в апрельском совещании духовенства в Уфе. – *И. З.*). Пронумерованные положения петиции муфтия были опубликованы в газете «Тарджеман» (№ 28 от 12 апреля).

Набиравшие силу общественно-политические процессы позитивно отражались на активности элиты. Организовав в марте-июне 1905 г. массовую петиционную кампанию, она создала перед властью видимость о массовой озабоченности мусульманского сообщества своим незавидным правовым и социальным положением в России, тогда как основную массу сельского населения эти проблемы не волновали. Всего в адрес правительства поступило 500 прошений, главным образом из Поволжья и Приуралья (Казанская, Уфимская, Оренбургская, Вятская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Пермская, Тамбовская, Рязанская губернии, Уральская область, города Москва, Астрахань), для которых было характерно много общего в вопросах, связанных с религиозными правами и вероисповеданием, в то же время отмечалась специфика по социальным (региональным) проблемам[4].

---

[1] Научно-справочная библиотека РГИА. – ПС-255. – Л. 60.

[2] Запрет мусульманам, имеющим дипломы об окончании русских учебных заведений, на ведение преподавания среди немусульман; лишение единоверцев, обучающихся в высших учебных заведениях, права на получение стипендий и пособий, что в значительной степени преграждает, по мнению муфтия, доступ мусульманам к высшему образованию; лишение военнослужащих мусульман права исполнять обряды своей религии, вследствие упразднения должностей военных мулл; разрешение на возведение мечетей в зависимости от решения православных архиереев; произвол губернаторов в отношении мусульманских духовных лиц – увольнение их и восстановление на должности по своему усмотрению (см.: Научно-справочная библиотека РГИА. – ПС-255. – Л. 53–55).

[3] Научно-справочная библиотека РГИА. – ПС-255. – Л. 56.

[4] *Сенюткина О. Н.* Указ. соч. – С. 223–243.

Таблица № 17

Количество прошений и телеграмм мусульман Волго-Уральского региона и внутренних губерний, адресованных в 1905 г. в Комитет министров и императору[1]

№	Губернии	Прошения	Телеграммы	Итого
1	Астраханская	1	–	1
2	Вятская	27	–	21
3	Казанская	116	1	117
4	Московская	1	–	1
5	Оренбургская	59	2	61
6	Пензенская	4	–	4
7	Пермская	55	1	56
8	Рязанская	2	–	2
9	Самарская	21	–	21
10	Санкт-Петербург[2]	1	–	1
11	Саратовская	3	–	3
12	Симбирская	3	–	3
13	Тамбовская	2	–	2
14	Уфимская[3]	206	–	206
	От мусульман[4]	1		1
	От оренбургского муфтия[5]	3	–	3
		505	4	509

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15, 21, 25, 26, 31; Научно-справочная библиотека РГИА. – ПС-255. – Л. 45–51, 77–82; П. 2349 и др. Сведения не полные.

[2] «Проект положения об управлении духовными делами магометан», представленный Габд. Ибрагимовым (*Сенюткина О. Н.* Указ. соч. – С. 228).

[3] Помимо прошений от общин, включили также Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г., который уфимским губернатором был представлен в Комитет министров.

[4] Адресовано министру земледелия и государственных имуществ.

[5] Памятная записка (март 1905 г.) (Научно-справочная библиотека РГИА. – ПС-255. – Л. 53–56, ходатайство от 12 мая 1905 г.; РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 611. – Л. 260–263); проект положения «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания».

В таблицу не включены 16 прошений последователей традиционных верований о разрешении перейти в ислам и присоединении к местному мусульманскому приходу из Казанской (4 прошения), Симбирской (6), Уфимской (5) и Вятской губерний (1). Также не включены прошения мусульманских общин Уральской области, Западной Сибири и Степных областей (казахов, татар и бухарцев).

Согласно нашим подсчётам, от мусульман Волго-Уральского региона и внутренних губерний в адрес Комитета министров и императора поступило 505 прошений и 4 телеграммы. Наиболее активное участие в петиционной кампании 1905 г. приняли участие мусульмане Пермской, Вятской, Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний.

Представители некоторых городских общин подавали сразу две петиции – «докладные записки». В них излагались «гражданские нужды» и «духовно-религиозные нужды», что позволяло чётко сформировать свои претензии к власти. Уполномоченные общин Чистополя (имам Ибрагим Камалов, купец Гариф Бадамшин и Мухаммадгаяз Исхаков)[1] и Орска (Ахмедхан Латыпович Исхаков и Ахметфеиз Сулейманович Даутов) [2] подали прошения практически с одинаковыми требованиями со ссылкой на ст. 7 закона от 12 декабря 1904 г. («произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи, с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явною пользою русского народа»).

Они просили аннулировать все постановления и законы, урезающие права татарского народа, стесняющие свободу совести, свободу слова и печати (на русском и татарском языках), свободу собраний, и распространить все законы, предусматривающие гарантию законности в управлении, неприкосновенности личности и жилища, улучшении быта сельского и городского населения, и на татарское население.

В сфере школьного образования просили ввести «бесплатное народное образование» на татарском и русском языках, разрешить открывать частные народные татарские школы, общеобразовательные и профессиональные учебные заведения с преподаванием курсов на татарском языке.

Было также заявлено о необходимости устранения «из постановки дела русского народного образования среди татар действующей ныне системы обрусения. Система эта вызывает, если не враждебное, то недоверчивое отношение татар к русским учебным заведениям, в особенности к русским классам и русско-татарским школам и татарским учительским школам, каковые должны быть преобразованы применительно к национальным и духовным особенностям татар».

С целью организации полноценного внешкольного образования среди татар предлагалось полностью устранить регламентацию и опеку в следующих областях:

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 333–336.
[2] НА РТ. – Ф. 1373. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 90–92.

а) при открытии народных читален и общественных библиотек;

б) при устройстве театров, лекций и т.д.;

в) при учреждении различных союзов и обществ, преследующих просветительные цели (благотворительные общества, кружки, издательские общества, союзы учителей и др.).

В сфере издательского дела было указано «настоятельно необходимым» полное освобождение татарской печати от разных специальных ограничений и распространение требований к русским печатным изданиям.

Среди правовых ограничений татар, затрудняющих мусульманам доступ на государственную и общественную службы, указывались: ущемления при выборе в гласные городских органов самоуправления, при выборе различных свободных профессий (адвокатура, врачебное, издательское дело и др.), а также ограничения в правах свободного проживания (в местностях, населённых киргизами), приобретения недвижимости (в Туркестанском крае) и трудности при торговле некоторыми предметами (книгами на татарском языке)[1].

Как справедливо отмечал М. Бигиев, проект «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания», принятый на апрельском совещании религиозных деятелей в Уфе 1905 г., стал «интеллектуальной основой всех позже появившихся (среди местных мусульман) проектов (реформ)»[2]. Действительно большая часть ходатайств не выходила за рамки вопросов религиозных прав мусульман и исламских институтов[3].

Однако здесь следует выделить ряд моментов. Во-первых, этот документ, как и «Проект об управлении духовными делами магометан» Габд. Ибрагимова были направлены в адрес председателя Комитета министров С. Ю. Витте. Оренбургский муфтий прошением от 18 мая 1905 г. за № 279 представил ему переведённые на русский язык замечания имамов Казани в отношении апрельского уфимского проекта[4]. От мусульман Оренбурга и Сеитова Посада Оренбургской губернии, наоборот, в начале июня поступили ходатайства о поддержке уфимского проекта и содействии претворению его в жизнь[5].

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 333–336.

[2] *Фархшатов М. Н.* Петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 г.: о модернизации государственного устройства России. – С. 80.

[3] Из общей тенденции выпадал второй экземпляр поданного с опозданием прошения мусульманского общества Троицка в редакционную комиссию для составления проекта гражданского права, срок действия которого завершился 1 января 1903 г. В нём проводилась мысль о сохранении без изменений брачного права мусульман (см.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 25. – Л. 258–264 об.).

[4] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 17–19.

[5] Там же. – Д. 21. – Л. 62–76 об.

Во-вторых, для части прошений характерно смешивание религиозных и «светских» требований[1], в частности, в ходатайствах башкир нередко содержатся предложения по улучшению социального положения башкирского населения[2]. В качестве примера ограничимся ознакомлением со второй «Докладной запиской» чистопольцев, посвящённой «духовно-религиозным нуждам» и вопросам реформирования ОМДС. Документ содержал следующие пункты: 1) муфтий и кадии должны быть избраны мусульманскими представителями со всего муфтията на известный срок из лиц с глубоким религиозным образованием; 2) муфтий должен быть освобождён от опеки административных учреждений и подчинён в порядке надзора министру юстиции, и должен иметь право личного доклада императору; 3) только ОМДС должно быть предоставлено право разрешать постройку мечетей, организовывать приходы, назначать, утверждать и устранять от должности приходское духовенство, а также решать все дела, связанные с семейными, брачными и наследственными отношениями среди мусульман; ведение и контроль над вакуфами; 4) мусульманские школы должны быть изъяты из ведомства МНП; 5) прекращение цензуры Корана; 6) уравнение статуса мусульманского приходского духовенства с правовым положением православного духовенства и предоставление следующих привилегии:

– освобождение от воинской повинности;

– изъятие духовных лиц от юриспруденции крестьянских судов и передача их общим судебным учреждениям;

---

[1] В частности, 4 марта мусульмане Москвы, проведя специальное собрание, приняли петицию следующего содержания: «1) чтобы муфтий и кадии ОМДС избирались собранием представителей от всего муфтията на определённый срок (не более пяти лет) из лучших и достойных мусульман религиозно образованных; 2) чтобы рассмотрение и решение всех дел, вытекающих из семейных, брачных и наследственных отношений мусульман, были подчинены исключительно ОМДС; 3) чтобы ОМДС было предоставлено право давать разрешения на постройку мечетей, на открытие мектебе и медресе, на определение в эти школы учителей, а также ведение и контроль над вакуфами; 4) чтобы мусульманам была дарована такая же свобода слова и печати, какая будет дарована законом общей прессе, но с одним ограничением, а именно, чтобы всякие рассуждения о религии магометанской, о текстах Корана и т. п. не подвергались светской цензуре, а рассматривались исключительно ОМДС; 5) тем из мусульман, предки коих были крещёны и зарегистрированы христианами, разрешить открыто исповедовать ислам. Чтобы подкинутые дети, представляющие все признаки расового мусульманского происхождения, были отданы на попечение мусульман с регистрированием их в мусульманскую веру; 6) на судах и по отбыванию воинской повинности мусульманские духовные лица должны быть уравнены с православным духовенством; 7) чтобы преподавание в мусульманских школах профессиональных и общеобразовательных происходило на родном языке, самоё же открытие таких школ предоставлено лицам и обществу мусульманского вероисповедания по явочной системе; 8) чтобы закон оказывал противодействие насильственному обращению мусульман в православие и урегулировал деятельность миссионеров в этом отношении (наказывал их); 9) в войсках чтобы нижним чинам мусульман предоставлен был отдельный котёл и полная возможность к совершению в мирное время религиозных обязанностей» (см.: Научно-справочная библиотека РГИА. – ПС-255. – Л. 45–51).

[2] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 25. – Л. 210–214 и др.

– предоставление права занимать духовные должности лицам, получившим образование за границей;

– введение в части войск, где имеется достаточное количество военнослужащих мусульман, штатных должностей военных мулл с окладом содержания и другими правами, предоставленным православным священникам;

– предоставить мусульманам право открыто возражать миссионерам в целях защиты ислама;

– для мусульман и мусульманок, учащихся в русских учебных заведениях, создать условия для преподавания мусульманского вероучения на основаниях с преподаванием православного Закона Божия и освободить их от учебных занятий в главные мусульманские праздники [1].

Аналогичное прошение доверенных Орска имело ещё два пункта:

– назначение приходскому духовенству определённого содержания за счёт государства;

– отмена требования к кандидатам на духовные должности русского образовательного ценза[2].

Комитет министров, рассмотрев поступившие прошения, журнальными постановлениями от 22 февраля и 11 марта 1905 г. признал необходимым поручить учреждаемому им совещанию разработку всех возникших исламских вопросов и представить их без предварительного согласования с центральными ведомствами «на усмотрение Государственного Совета»[3].

На особое совещание по делам веры мусульмане возлагали огромные надежды и надеялись, что на нём состоится обоюдовыгодный диалог представителей власти и мусульман по обсуждаемым проблемам. Группа «мусульман-суннитов городов и губерний округа» ОМДС представила 2 мая 1905 г. муфтию М. Султанову список из 34 мусульман[4], которых они, помимо представителей духовенства, мусульманской интеллигенции и торгово-промышленного класса, хотели бы видеть на особом совещании[5]. Исходя из списка можно уверенно сказать, что данное прошение составляли главным образом жители Уфы.

Со своей стороны стараясь быть последовательным, 31 мая 1905 г. муфтий М. Султанов представил председателю особого совещания по делам веры графу

---

[1] РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 337–339 об.

[2] Там же. – Д. 25. – Л. 253–255.

[3] Там же. – Оп. 150. – Д. 411. – Л. 1.

[4] НА РТ. – Ф. 1373. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8–9 об.

[5] Белебеевский уездный предводитель дворянства, гвардии полковник в отставке Кутлумухаммад Тевкелев, орский купец Мухаммадзакир Рамеев, промышленник, п. п. гр. Ибрагим Курамшевич Акчурин (Симбирск), отставной полковник князь Хасан Гафарович Акчурин (Уфа), п. гр. Мухаммад-Юсуф Мухаммад-Аминович Дебердеев (Саратовская губерния), присяжный поверенный округа Казанской судебной палаты в Уфе, к. а. Абасугуд Абдулхаликович Ахтямов, дворянин отставной т. с. Мухаметсалим Умитбаев, «потомственный дворянин Оренбургского края» к. с. Гимадитдин Ильясович Терегулов, дворяне Уфимской губернии к. с. Амир Исламович Султанов,

А. П. Игнатьеву список 13 духовных[1] и 8 светских лиц[2], которых рекомендовал для участия в заседаниях при обсуждении «мусульманского вопроса»[3]. Муфтий фактически проигнорировал представленный список и составил свой, исходя из трёх принципов: 1) представленность различных социально-сословных групп (прежде всего духовенство, а также крестьяне, мещане и купцы, казаки, коренные инородцы Тобольской губернии и т. д.); 2) профессиональные качества лиц, имеющих знания и опыт для полемики на столь высоком собрании; 3) охват всей территории расселения мусульман. Однако заседания особого совещания проходили за закрытыми дверьми, без допуска представителей мусульманского сообщества.

На основе изучения поступивших прошений на особое совещание, учреждённое для разработки предположений по исполнению п. 6 именного указа 12 декабря 1904 г. (об охранении терпимости в делах веры), была возложена разработка рекомендаций или законопроектов по следующим мусульманским вопросам:

– о сооружении молитвенных домов иноверных исповеданий;

– о порядке избрания и назначения мусульманских духовных лиц;

– об освобождении от призыва на действительную военную службу из запаса некоторых категорий мусульманских духовных лиц;

– о порядке открытия мусульманских конфессиональных школ — мектебе и медресе;

отставной подполковник Осман Сулейманович Еникеев, султан С. Джантурин, уфимские купцы 1-й гильдии Абдуллатиф и Мухаммадназиб Хакимовы, уфимские купцы Хайрулла Зайнуллин Губайдуллин, Ахметзян Биктимиров, Мухаммадзариф Забиров, Сабирзян Шамгулов; казанский купец Хасан Каримов; торгующие в Уфе Ильяс Иблияминев, Мифтахутдин Ахтямов, Зиганша Биктагиров, Ш. Загидуллин, Мухаметсадык Сагитов; арские мещане Хасанзян Мухаметзянов, Мухамадфатих Юсупов, Касим Садыков Салихов; крестьяне Казанской губернии Абдулхай Зелялитдинович Шамсанов, Шакирзян Гибатуллин, уфимский мещанин Хуснутдин Амиров; торговец Файзрахман Шафигуллин; стерлитамакский мещанин Габдрахман Хайруллин Хасанов; землевладелец Абдулгаллям Феизханов; домовладельцы Галлям Мустафин, Абдулзепар Вагапов, а также Галиахмет Саттаров, Абдулбари Гибадуллин и из Симбирской губернии Мухаммадкарим Асфендияров Мангушев.

[1] Имам Ибрагим Аминов (2-й Зубочистинский посёлок Татищевской станицы, ОКВ), ахун Габдулхаир Ишкулов (посёлок Муховский, УКВ), ахун Хузигали Гайсин (Ханская ставка Внутренней Киргизской Орды Астраханской губернии), ахун Шарафутдин Абызов и имам Габдулла Апанаев (Казань), хатиб Халиулла Мухаммадрахимов (юрт Турбинских Тобольской инородной управы Тобольского уезда и губернии), хатиб и мударрис Габдулхак Гимадетдинов (Семипалатинск), хатиб Мухаммадсадык Усманов (Сеитов Посад Оренбургской губернии), хатиб и мударрис Губайдулла Нигматуллин (д. Ижь-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии), ахун Ахметхази Рахманкулов (Троицк Оренбургской губернии), старший ахун Хайретдин Агеев (Москва), ахун Гатаулла Баязитов (Санкт-Петербург), ахун Хайрулла Усманов (Уфа).

[2] Кутлумухаммад Тевкелев, белебеевский уездный предводитель дворянства (Уфа); генерал Чингиз-Хан (Санкт-Петербург); Абасугуд Ахтямов, присяжной поверенный (Уфа); п. п. гр. Мухаммадзакир Рамеев, промышленник (Оренбург); Арслан Али Султанов, стерлитамакский предводитель уездного дворянства (Уфа); Ибрагим Акчурин, промышленник (д. Старое Тимошкино Симбирского уезда и губернии); Саид-Гирей Алкин, присяжной поверенный (Казань); ст. сов. Шагихайдар Сыртланов (д. Шланликулово Белебеевского уезда Уфимской губернии).

[3] НА РТ. – Ф. 1373. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 10–11 об.

– об учреждении особых духовных управлений для казахов Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей, а также для мусульманских обществ на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области;

– о возможности дозволения воспитывать брошенных детей в религии принявшими их на воспитание иноверными семьями.

Под воздействием новых петиций «высочайше» утверждённым положением Комитета министров 18 июня 1905 г. особому совещанию было дополнительно предложено рассмотреть также и некоторые вопросы, связанные с регулированием статуса мусульманского населения и исламских религиозных институтов в российском политико-правовом пространстве: о предоставлении мусульманским духовным лицам звания личного почётного гражданина; изменении действующих правил по рассмотрению дел, вытекающих из семейных и наследственных отношений мусульман; преподавании ислама на родном языке верующих и пересмотре постановлений, касающихся исполнения мусульманами религиозных обрядов во время отбывания ими воинской повинности.

Однако манифест «Об учреждении Государственной думы» от 6 августа 1905 г. установил новый порядок делопроизводства по внесению и рассмотрению законопроектов. Подлежащие ведению Государственной думы дела должны были вноситься в неё исключительно начальниками отдельных ведомств после предварительного обсуждения в Совете министров, что явилось главной причиной ограничения деятельности особого межведомственного совещания лишь сбором материала по вышеуказанным вопросам и выработкой «руководящих начал». После закрытия совещания его материалы поступили в распоряжение Совета министров, а оттуда в Министерство внутренних дел.

Уфимский историк М. Н. Фархшатов справедливо отмечает, что петиционная кампания 1905 г. стала кульминацией попытки установления диалога мусульманского сообщества с властями страны пореформенного периода[1].

Действительно, в период революционного подъёма и демократизации общественной жизни в России мусульмане сумели изложить своё видение правового разрешения насущных проблем. В целом для них характерна преемственность в требованиях, направленных на сохранение и укрепление религиозно-культурной автономии, которые были сформулированы в «приговорных движениях» 1883, 1889–1890, 1992–1994, 1897 гг. Представители местных элит теперь, помимо религиозных проблем, ставили вопросы о гражданском равноправии.

В годы революции каких-либо конкретных законодательных актов по решению требований мусульманского населения не последовало, однако манифест от 17 октября 1905 г. о предоставлении российским подданным основных гражданских свобод и возможности «участия выборным от народа» в Государственной думе «в надзоре за действиями власти» в значительной степени удовлетворил ряд насущных нужд мусульман Волго-Уральского региона.

---

[1] *Фархшатов М. Н.* Петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 г.: о модернизации государственного устройства России. – С. 80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чешский историк Ярослав Хрох разделил национальные движения европейских народов на три фазы. В фазе *А* пробуждается интерес сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории и фольклору, за которой следует фаза *Б* – фаза национальной агитации – группа патриотов преследует цель внедрения национального самосознания в более широкие слои населения, мобилизации этого населения и его интересов в национальное сообщество. В третьей фазе *В* наблюдается массовое движение, в котором большая часть общества охвачена идеями национального самосознания и стремится к политической автономии. Среди российских народов эти процессы происходили в разное время и зависели от ряда факторов, начиная от уровня их культурного и общественного развития и завершая степенью индустриализации и урбанизации. Огромное значение имели наличие собственной элиты и прочные традиции государственности, общая высокая, в том числе языковая, культура, что было характерно для «старых» наций (русские, поляки, грузины, крымские татары, в определённой степени мусульмане Средней Азии). У «малых» или «молодых» наций отсутствовали собственные элиты, а нередко средние городские слои, в прошлом они не имели собственных политических структур и их традиции средневековой государственности были разрушены в начале Нового времени, они представляли собой «крестьянские народы», над которыми господствовали иные этнические элиты. Их действия имели социальную природу и поначалу были направлены не столько против государства, сколько против «чужой» господствующей верхушки. Задачей их было устранение вышеназванного дефицита, а именно создание полноценной социальной структуры. «Молодыми» нациями в России были украинцы, белорусы, литовцы, латыши, финны[1].

А. Каппелер, исходя из социального слоя – движущей силы каждого из этапов, ставит вопрос о возможных идеальных дворянских, буржуазных и крестьянских национальных движениях. В то же время он правомерно констатирует затруднённость проецирования «европейского исторического опыта» на национальные движения народов Азии[2].

---

1 *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонной. – М., 1996. – С. 175–176.

2 *Каппелер А.* Указ. соч. – С.176.

До середины XVIII в. идеи возрождения татарами своей государственности, которые проявлялись в ряде выступлений народных масс, были связаны с приглашением единоверца – представителя высшего феодального сословия – хана. Впервые в восстании под предводительством Батырши 1755 г. идеологом и организующей силой выступили представители мусульманского духовенства, превратив лозунг «борьба за ислам и освобождение региона от представителей элит другой этноконфессиональной группы, эксплуатирующей мусульман» в знамя антироссийских выступлений. В условиях отсутствия национальной элиты в лице дворян доминирование религиозных деятелей в национальном движении было закономерным явлением. Однако, признав мусульманское духовенство, подчинив своему контролю и добившись лояльности к политическому строю, правительство Екатерины II сумело изолировать его от участия в политической борьбе. В результате 1755 г. стал последней попыткой татар по восстановлению национальной государственности. В конце XVIII в. началось формирование новых татарских элит – лояльного к власти мусульманского духовенства, действующего на легальных основаниях; реабилитация потомков татарских мурз и князей, включение в дворянское сословие мусульман по выслугам в гражданской и военной службе и формирование зависимого от власти купеческого сословия.

Татарско-мусульманское общественное движение не вписывается в классическую модель национальных движений народов Европы в плане следования одной фазы за другой. Татарское просветительство, способствовавшее культурному пробуждению татар, заявило о себе во второй половине XIX в. и продолжалось вплоть до 1917 г. Труды и просветительская деятельность Ш. Марджани, К. Насыри, Р. Фахретдина, М. Акмуллы, Г. Чокри и других спобствовали пробуждению и усилению интереса к национальной истории и культуре. Особую роль в обновленческих процессах сыграл И. Гаспринский, успешно использовавший газету «Тарджеман» для пробуждения национального самознания татарского общества, их интереса к светским знаниям. В начале XX в. эстафету приняло новое поколение татарской интеллигенции, знакомое с русской культурой и нередко получившее заграничное образование. Введение новометодного образования привело к обновленческим процессам в конфессиональной школе и обозначило перемены практически во всех областях социокультурной жизни мусульманского сообщества Поволжья и Приуралья. Как совершенно спаведливо отмечает А. Каппелер, у татар фаза *А* носила характер религиозно-национального движения[1].

Важно отметить, что фаза *А* у татар в имперский период истории России продолжалась вплоть до падения самодержавия. Иначе говоря, в конце XIX – начале XX в. фазы *А* и *Б*, а после 1905 г. и фаза *В* протекали параллельно, воздействуя друг на друга, что объяснялось многоукладностью хозяйства, неодинаковыми условиями жизни, дисперсным расселением, менталитетом и уровнем культуры различных социальных и сословных групп мусульман.

---

[1] *Каппелер А.* Указ. соч. – С. 195.

Начало фазы *Б* было вызвано не введением новометодного образования и европеизацией мусульманского сообщества, а активной деятельностью российской власти, направленной на слом традиционных устоев в мусульманском сообществе и вовлечение его в модернизационные процессы, которые, однако, реализовались за счёт ущемления национальной культуры и традиций населения без права какого-то выбора. Действия правительства в значительной степени были вызваны идеологией модернизации России, согласно которой не только русские крестьяне должны были быть грамотными, но и нерусские народы, расселённые во внутренних губерниях, обязаны знать государственный язык.

Точкой отсчёта фазы *Б* в татарском национальном движении является 1879 г., когда мусульманская элита в лице татарской буржуазии Казани выступила за расширение религиозно-культурной автономии и прав мусульман и за достижение равноправия в религиозной сфере, а с 1883 г. совместно с представителями духовенства и сельскими общинами за сохранение религиозно-национальной системы образования: против инициатив имперской власти, направленных на установление контроля над школами и их трансформации путём принудительного внедрения институтов русского образования.

В рассматриваемый период каждая из групп национальной элиты занимала свою нишу в нациестроительстве. Татарские дворяне, расселённые в сельской местности, были сосредоточены главным образом в Уфимской губернии. Они были наиболее открыты к европеизации, обучали своих сыновей в татарских учительских школах и русских гимназиях, проявили себя активными земскими деятелями, вносили посильный вклад в решение местных социальных проблем, привлекая земские средства. Среди дворян следует выделить три личности, оказавшие большое влияние на общественное движение мусульман Волго-Уральского региона: С. Тевкелев и М. Султанов, по решению власти облачённые в халат оренбургского муфтия и в качестве председателя ОМДС оказывавшие определённое влияние на религиозно-культурную жизнь населения, и крымско-татарский просветитель И. Гаспринский, который, издав букварь по звуковому методу, совершил настоящий переворот в система образования, и изданием газеты «Тарджеман» способствовал распространению идей обновления и европеизации.

Мусульманское духовенство, старалось сохранить традиции, как правило, с подозрением относилось к нововведениям властей, особенно в сфере школьного образования, и оказывало обычно скрытое противодействие. Не видевшие опасности для ислама духовные лица, как материально зависимые от консервативной крестьянской массы, в критические моменты под различными угрозами прихожан становились заложником патриархальных отношений, царивших в сельских общинах.

В рассматриваемый период татарское общественное движение развивалось под «религиозной оболочкой», что было обусловлено прежде всего религиозным менталитетом, особенностями культурного развития купечества, отсутствием чиновников и малочисленностью и экономической слабостью дворянского сословия. В целом национальное движение наносило охранительную «направленность», защищало традиционные устои, его идеологом были представители буржуазии, движущей си-

лой – религиозные общины. Главным лейтмотивом мусульманского общественного движения и антиправительственных выступлений народных масс в пореформенный период стали «защита ислама» и религиозных прав мусульманского населения, борьба за сохранение конфессиональной идентичности, противодействие вмешательству имперской власти в систему национального образования и жизнь общины. Различные социальные группы считали своей главной задачей «недопущение русификаторского элемента» в мусульманское сообщество.

Если в вопросе выдвижения кандидата на должность оренбургского муфтия купцы в качестве сословно-социальной корпорации действовали в рамках дозволенных законом правил, то при подаче ходатайств, направленных на отмену правительственных распоряжений, продолжая руководить петиционными кампаниями, «растворялись» среди прихожан своей общины. Эта была тактика с целью избежать ответственности за организацию массового пассивного неповиновения мусульманского населения властям.

Ключевой идеей в обновлении системы управления духовными делами мусульман для представителей элит в пореформенный период являлось проведение выборов муфтия и заседателей ОМДС, что декларировалось действующим законодательством и позволило бы сделать муфтия легитимной главой мусульманского сообщества округа ОМДС, а само религиозное управление превратить в легитимный правотворческий шариатский институт, тем самым укрепив религиозно-культурную автономию.

Кульминацией выдвижения требований по достижению равноправия явилась петиционная кампания 1905 г., дозволенная законом от 18 декабря 1904 г., когда сельские духовные лица ряда местностей выступили в качестве самостоятельной корпоративной группы, подавая отдельные прошения.

Джадидское движение, первоначально сформировавшееся в виде деятельности отдельных личностей за учреждение новометодных школ, проявилось в середине 1880-х гг. Часть шакирдов, которые продолжили своё обучение в КТУШ, в конце столетия стали позиционировать себя в качестве нового поколения татарской интеллектуальной элиты, носителей национальной и русской культур. Изменения в общественном сознании этих двух групп элит и определяли особенности и направление татарско-мусульманского общественного движения. Именно среди выпускников традиционных медресе на рубеже столетий началась публичная интеллектуальная полемика относительно будущего мусульман, авторы художественных, публицистических и религиозных произведений позиционировали себя либо приверженцами традиционных порядков либо прогрессистами, джадистами. Эта полемика оказывала влияние на мировоззрение купечества, представители которого в конце столетия стали осознавать необходимость получения светских, европейских знаний для прогресса мусульманского сообщества. Однако эти перемены только усиливали убеждённость купцов в необходимости охранения религиозно-культурной автономии под безусловным контролем национальных элит.

Приметой национального движения рубежа столетий была полемика между традиционалистами и джадидистами, имевшая влияние на общественное сознание

народных масс. Пересмотр купечеством своих взглядов на русское образование и перспективы развития татарской нации сыграл важнейшую роль в смене акцентов в татарском национальном движении.

Первое «общенационального» уровня и значения совещание представителей элиты было проведено в 1898 г. в Уфе под руководством заседателей ОМДС, которое определило основные приоритеты предстоящих реформ: внедрение книжного народного языка, формирование начальной светской национальной системы образования, издание просветительской и практически полезной литературы для населения. Идея муфтия М. Султанова по введению в ОМДС системы управления исламскими институтами по модели Закавказского управления духовными делами мусульман-суннитов в значительной степени была реализована в проекте, принятом на совещании духовенства в апреле 1905 г.

В рассматриваемый период следует выделить следующие основные формы противодействия мусульманского населения внутриполитическому курсу российской власти в борьбе за сохранение религиозно-культурной автономии и за улучшение своего правового положения:

1) Петиционные кампании сыграли важную роль в доведении до имперской власти общественного «климата» в регионах компактного проживания мусульманского населения, его точки зрения на проводимые реформы в социокультурной сфере. «Приговорные движения» выражали протест внутриполитическому курсу власти в «национальном вопросе», поэтому действия купцов и духовенства имели политическое содержание.

2) В периоды петиционных кампаний купцами предпринимались попытки отправки депутаций для встречи с русскими сановниками. Лишь в 1894 г. на волне демократических перемен, в 1904–1905 гг., мусульманские делегации были допущены до кабинетов руководителей центральных ведомств.

3) Новой формой давления на российскую власть стали обращения татар к международному сообществу, прежде всего османскому султану – халифу всех мусульман, – за защитой. В начале XX в. татарское общество стало обращаться в дипломатические представительства европейских стран, что свидетельствовало о повышении правовой грамотности представителей элит.

4) Составной частью национального движения являлось возвращение крещёных татар в ислам – религию предков. Активность и настойчивость «новых мусульман» консолидировали различные социальные слои единоверцев, которые оказывали им прежде всего моральную поддержку.

5) Неотъемлемой частью национального движения были локальные (в рамках одного или нескольких селений) и массовые протестные движения крестьян, проходившие под «религиозной оболочкой», причинами которых становилась недостаточная степень разъяснения властью нововведений или циркулирующие среди не знающего русскую грамоту населения слухи о предстоящей христианизации мусульман.

Крестьянские волнения заключались в бойкоте нововведений властей и в отказе от исполнения предписаний местной администрации, наивысшей кульминацией были разгром волостных правлений, избиения представителей власти. Во

время крестьянских волнений в 1878 г. произошёл захват татарским населением власти в трёх волостях Казанского уезда, где были проведены выборы в органы крестьянского самоуправления. По сути религиозно-культурная автономия была преобразована в крестьянскую территориальную автономию в формате органов власти в виде сельских и волостных управлений. Она просуществовала несколько недель и была разрушена прибывшим военным отрядом во главе с казанским губернатором.

В новых политических условиях, вызванных первой русской революцией, национальное движение вступило в свою новую фазу. Деятельность образованной в августе 1905 г. партии «Иттифак аль-муслимин» оказалась кратковременной, были проведены только три съезда, на которых обсуждались главным образом национально-культурные, нежели политические проблемы. Преемственность обеспечивалась единством задач, которые стояли перед мусульманском сообществом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив РАН – Санкт-Петербургский Архив Российской академии наук
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
д. – дело
д. – деревня
д. с. с., д. стат. сов., дейст. стат. сов. – действительный статский советник
ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий
ж. п. – женский пол
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
и. д. – исполняющий должность
и. о. – исполняющий обязанности
изд. – издание
к. а. – коллежский асессор
к. с. – коллежский секретарь
КДА – Казанская духовная академия
КТУШ – Казанская татарская учительская школа
КУО – Казанский учебный округ
л. – лист
м. п. – мужской пол
МВД – Министерство внутренних дел
МНП – Министерство народного просвещения
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
об. – оборотная сторона листа
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии
об. п. – обоего пола
ОКВ – Оренбургское казачье войско
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
оп. – опись
ОТУШ – Оренбургская татарская учительская школа
ОУО – Оренбургский учебный округ
п. г. – почётный гражданин
п. п. гр. – потомственный почётный гражданин
пр. – прочий
ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2
ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3
РГИА – Российский государственный исторический архив
с. – село
ст. сов. – статский советник
СПМНП – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения
ст. – статья
стлб. – столбец
т. – том
т. д. – так далее
т. е. – то есть
т. н. – так называемый
т. с. – титулярный советник
в т. ч. – в том числе
ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление
УЗКГПИ – Учёные записки Казанского государственного педагогического института
УЗТГГИ – Учёные записки Татарского государственного гуманитарного института
УКВ – Уральское казачье войско
УТУШ – Уфимская татарская учительская школа
ф. – фонд
ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан
ЦКУО – Циркуляры по Казанскому учебному округу
ЦОУО – Циркуляры по Оренбургскому учебному округу

Научное издание

Загидуллин Ильдус Котдусович

ТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1860–1905 гг.

Казань. Татарское книжное издательство. 2014

Редактор *И. Ф. Сафин*
Художественный редактор *Р. Х. Хасаншин*
Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *Т. В. Гредюшко*
Корректоры *А. Р. Миннуллина, Э. Р. Хуснутдинова, А. Р. Шайдуллина*

Оригинал-макет подписан в печать 8.12.2014. Формат 70×90 1/16.
Усл. печ. л. 31,0. Тираж 2200 экз. Заказ А-3167.

ГУП «Татарское книжное издательство». 420111. Казань, ул. Баумана, 19.
http://tatkniga.ru
e-mail: info@tatkniga.ru

Наши книги можно приобрести по следующим адресам:

Казань, ул. Декабристов, 2. Отдел маркетинга Татарского книжного издательства.
Тел.: (843) 519-45-35.

Казань, ул. Декабристов, 2. Магазин-выставка Татарского книжного издательства.
Тел.: (843) 519-45-13.

Казань, ул. Баумана, 29/11. Фирменный магазин Татарского книжного издательства.
Тел.: (843) 292-03-18.

Филиал ОАО «Татмедиа» полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Губ. Буби

Габ. Буби

Х.-Г. Габаши

Р. Фахретдин

Ф. Карими

Ш. Тагиров

А.-Х. Максуди

Х. Усманов

А.-Х. Рахманкулов

Габд. Ибрагимов

Ю. Акчура

С.-Г. Алкин

М.-Ш. Тукаев

Г. Апанаев

А. Ахтямов

Г. Исхаки

М. Бигиев

К.-М. Тевкелев